ДК
330 полов
Б48
Берг Н.
Записки.
М., 1873.

ЭК
330 по
Б 48

ЗАПИСКИ

Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831 — 1862.

947
Б49
24408

Глагола Ему Пилатъ: что̀ есть истина?—И сіе рекъ, паки изыде ко Іудеомъ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО АРХИВА».

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1873.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ИСТОР. ПРОФЕССУРЫ
№ 5429 и

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
675733. М

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ ПОСЛѢ 1831 ГОДА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ. — Партіи и Комитеты. — Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій. — Послѣдствія его пропаганды.

Съ тѣхъ поръ какъ мы управляемъ извѣстною частью Польши, произошло нѣсколько заговоровъ и возстаній, которые по преимуществу разыгрывались у насъ, въ Царствѣ Польскомъ. Причиною тому отчасти естественное стремленіе заговорщиковъ къ самому важному пункту, къ ядру Польскаго политическаго міра послѣднихъ временъ: поднять Царство и Варшаву, это значитъ сдѣлать по крайней мѣрѣ половину дѣла.

Мы считаемъ *естественнымъ*, *неотразимымъ* возстаніемъ Польши только одно: Костюшковское. Оно вытекло изъ событій просто, само собою, было натуральнымъ слѣдствіемъ горькихъ обидъ и насилія, которымъ край передъ тѣмъ подвергся. Польша должна была попытать свои силы, помѣряться съ врагами. Къ тому-же силъ было довольно.

Возстаніе временъ Наполеона нельзя считать чисто-Польскимъ: Поляки были тогда *подняты* враждебными для насъ элементами, нахлынувшими съ Запада—вотъ и все, а никакъ *не встали сами*.

Гонялись за мухой съ обухомъ (напр. въ концѣ двадцатыхъ годовъ за какимъ-то безвѣстнымъ Вестермейеромъ); изъ доносовъ составлялись огромныя книти на двухъ языкахъ, Русскомъ и Французскомъ,—а заговоръ работалъ себѣ тутъ-же преспокойно, и никто изъ тайныхъ и явныхъ полицейскихъ чиновъ долго его не видѣлъ. О господахъ Вестермейерахъ и другихъ безвредныхъ личностяхъ за-

писывалось всякое чиханіе, а Высоцкій, чуть-ли не главный авторъ возстанія 1830 года, внесенъ въ „книгу живота“ всего одинъ разъ, по тому случаю, что „не явился на смотръ на Саксонскую площадь“ [1]). Великій князь подъконецъ былъ до того сбитъ съ толку разнорѣчивыми показаніями полицейскихъ агентовъ, что рѣшился ничему не вѣрить, и когда, не задолго до взрыва, ему донесли о близ-

[1]) Вотъ обращики того, какъ записывалось тогда за разными жителями Варшавы все то, что̀ тайная полиція находила нужнымъ записывать.

«1 Генваря 1827. Вестермейеръ вчера послѣ обѣда мало выходилъ, а только занимался рисованьемъ. Сегодня съ утра до трехъ часовъ пополудни не былъ въ такихъ мѣстахъ, которыя-бы заслуживали замѣчанія. 2 Генваря. Вчера послѣ обѣда, пошедши на Орлю улицу, въ одинъ заѣздный домъ, спрашивалъ тамъ, не пріѣхалъ-ли изъ мѣстечка Томашова ситцевый фабрикантъ Цукбаумъ? Послѣ былъ въ одномъ шинковомъ домѣ до поздняго времени ночи». «Сегодня поутру былъ въ костелахъ св. Яна и въ Паулинскомъ,—слушалъ проповѣдь, говоренную на Нѣмецкомъ языкѣ. Оттоль возвратился къ себѣ и остался до четырехъ часовъ пополудни».

«1 Генваря 1829. — У князя Любецкаго вчера по полудни, въ исходѣ восьмаго часу, былъ отставной генералъ Таньскій $\frac{3}{4}$ часа, а потомъ пріѣзжавшіе: чиновникъ комиссіи народнаго просвѣщенія Валерій Красинскій и молодой графъ Ельскій не были приняты».

«Сегодня по утру пріѣзжалъ къ нему князь Любомірскій, не засталъ дома и другой разъ, въ часъ по полудни, онъ-же пріѣзжалъ, но не былъ принятъ. Въ началѣ 2 часу старый Вицкій пробылъ $\frac{3}{4}$ часа».

«2 Генваря.—Къ князю Любомірскому вчера пополудни, въ половинѣ 7 часу, пріѣхалъ директоръ Почтамта графъ Суминскій; въ скорости за нимъ зять графа Замойскаго, князь Сапѣга и пробыли: первый $2\frac{1}{2}$ часа, а послѣдній 3 часа».

«6 Генваря.—Къ княгинѣ Зойончикъ вчера по полудни въ 5 часовъ пріѣхала на обѣдъ госпожа Бялопетровичь. Въ 7 часовъ пріѣхалъ къ ней Прусскій генеральный консулъ Шмидтъ, по прибытіи коего, чрезъ короткое время, госпожа Бялопетровичь отъѣхала, а Шмидтъ пробылъ около двухъ часовъ. Княгиня Зойончикъ имѣла ѣхать къ кому-то на вечеръ, и уже подана была карета, но по прибытіи консула Шмидта осталась у себя и никуда не выѣзжала».

«29 Генваря. — Къ министру финансовъ князю Любецкому вчера пополудни, въ половинѣ третьяго часу, пришла княгиня Зайончикъ, въ три часа статскій совѣтникъ Дмитріевъ и въ скорости за нимъ радца стану графъ Сѣраковскій, который черезъ полчаса вышелъ. Дмитріевъ пробылъ 1 часъ, а княгиня Зойончикъ $2\frac{1}{2}$ часа. Князь Любецкій посылалъ живущаго у него помѣщичьяго сына Пусловскаго къ презусу Подлясской воеводской комиссіи, отдаленному за злоупотребленія отъ должности, Старнальскому, и черезъ $1\frac{1}{2}$ часа возвратился назадъ. Князь Любецкій обѣдалъ дома только съ фамиліею своею. Въ 8 часовъ былъ у него инспекторъ водяной коммуникаціи Ланге одинъ часъ, потомъ презусъ Государственнаго Заемнаго Банка, графъ Ельскій. Механикъ Французъ Жерардъ и архитекторъ Мецель пробыли около двухъ часовъ».

кой опасности, онъ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и, какъ извѣстно, едва не погибъ.

Революція застала насъ въ расплохъ. Не будь этого, будь власти, особенно князь, хотя немного къ этому приготовлены, думай о заговорѣ немного серьезнѣе, имѣй объ немъ болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія сообщались правительству въ массѣ всякихъ секретныхъ донесеній, — огонь могъ быть потушенъ туже минуту, и къ утру 30 Ноября (1830) многіе жители даже и не знали бы, что приготовлялся какой-то нешуточный взрывъ.

Какъ тушили пожаръ инструментами, которые пришлось выписать изъ Россіи, это болѣе или менѣе извѣстно. Вскорѣ по взятіи нами Варшавы, вооруженныя массы Поляковъ перешли границу и разбрелись по Европѣ, унеся въ нѣдрахъ своихъ будущіе заговоры, тѣ революціонныя сѣмена, которыя долго потомъ давали свои плоды. Объ этомъ-то мы и хотимъ разсказать читателямъ, какъ еще о мало извѣстномъ.

Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ взрыва 29 Ноября, бывшій старый, сорокалѣтній поручикъ 1-го линейнаго полка, Богъ вѣсть какъ попавшій вдругъ въ полковники, Іосифъ Заливскій [4]), при переходѣ разстроенныхъ войскъ черезъ Краковъ, когда они уже положили оружіе, собралъ кучу друзей въ домъ графа Ворцеля [5]), на Подгурже (пред-

«Сегодня поутру, въ исходѣ одиннадцатаго часу, радца стану Суминскій пріѣхалъ въ комиссію финансовъ, оттуда ходилъ чрезъ коридоръ къ князю Любецкому и чрезъ полчаса отъѣхалъ. Послѣ былъ у него помѣщикъ Скржеческій четверть часа, а въ половинѣ втораго часу пополудни радца стану Грабовскій пробылъ одинъ часъ».

Далѣе о Любецкомъ разсказывается, что ему на одномъ Англійскомъ заводѣ дѣлали карету, при чемъ въ шины колесъ пошло болѣе стали, чѣмъ желѣза. Еще объ одномъ лицѣ разсказывается, что когда онъ пріѣхалъ въ Варшаву, то ожидавшій его на заставѣ человѣкъ подалъ ему шляпу.

[4]) Онъ принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ 1830 года и въ день взрыва бралъ арсеналъ. О его характерѣ и дѣйствіяхъ у Мохнацкаго, Позн. изданіе 1863, т. II, стр. 300 и далѣе.

[5]) Кажется, того самаго, что̀ жилъ послѣ въ Лондонѣ и умеръ тамъ въ Февралѣ 1857 года, какъ глава жалкихъ остатковъ Централизаціи, о коей будетъ сказано ниже.

мѣстье Кракова) и заклиналъ ихъ воротиться и продолжать возстаніе, говоря, что средства страны далеко еще не исчерпаны, что еще остался нетронутымъ низшій классъ, хлопы; что денегъ еще довольно, что крѣпости еще не сданы Русскимъ войскамъ. Но это были слова вопіющаго въ пустынѣ. Воротить, одушевить вновь упавшихъ духомъ солдатъ было свыше силъ не только Заливскаго, но и какого угодно любимаго и славнаго вождя.

Заливскій ограничился тѣмъ, что составилъ на Подгуржѣ какой-то *Тайный Комитетъ*, имѣющій дѣйствовать при первомъ удобномъ случаѣ; затѣмъ пустился странствовать по Галиціи, Германіи, Италіи, вездѣ ужасаясь тому, что̀ дѣлается его соотечественниками, критикуя жестоко только-что минувшую революцію и давая постоянно чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ, а никто другой, былъ авторомъ 29 Ноября. Такъ-какъ Высоцкаго на лицо не было [6]), то Заливскій могъ говорить, что̀ ему угодно и легко разъигрывать роль перваго и главнаго героя.

Тріумфальное шествіе Поляковъ по Европѣ, симпатіи всѣхъ націй, торжественныя встрѣчи, проводы, крики и слезы при видѣ гонимыхъ рокомъ, отрепанныхъ усачей, изъ которыхъ многіе сражались въ рядахъ Наполеона; потомъ сочувственныя привѣтствія газетъ, гдѣ, между прочимъ, три года сряду раздавался голосъ такихъ публицистовъ, какъ Гейне и Бёрне; наконецъ критическое положеніе огромной толпы, которой прежде всего надо было что-нибудь ѣсть,—все это, соединясь вмѣстѣ, не давало довольно долго установиться въ эмиграціи такой атмосферѣ, гдѣ могли быть услышаны какія-бы то ни было воззванія патріотовъ. Эмиграція представляла, на первыхъ порахъ, такой хаосъ, который пугалъ какъ её самое, такъ и тѣхъ, кто отва-

---

[6]) Найденъ спрятавшимся подъ зарядный ящикъ, когда наши войска взяли предмѣстье Волю (гдѣ былъ небольшой бастіонъ) и сосланъ въ Сибирь. Возвращенный по амнистіи 1856 г., Высоцкій, какъ говорили, поселился въ м. Варкѣ, въ 70 верстахъ отъ Варшавы, гдѣ, кажется, живетъ и понынѣ.

жился дать ей пристанище. Отъ оборванныхъ усачей несло дымомъ битвъ и революціей. Франція, гдѣ осѣли главныя волны эмигрантовъ, только что сама освободилась отъ разныхъ тревогъ. Земля ея еще колебалась, и ей было вовсе не до того, чтобъ ухаживать за чужими, блуждающими по свѣту революціями. Прибавленіе такихъ опасныхъ горючихъ матерьяловъ къ тому, что̀ не улеглось еще какъ слѣдуетъ дома и тоже требовало заботъ и уходу, было конечно не по сердцу правительству Людовика - Филиппа; а потому оно, разыгрывая роль націи гостепріимной и благодарной, простирая объятія недавнимъ сподвижникамъ великой имперіи, думало въ тоже время, какъ-бы отъ нихъ избавиться, какъ-бы, попросту говоря, уложить на новыхъ ратныхъ поляхъ эти буйныя головы. Вождямъ бывшей Польской арміи, болѣе или менѣе выдававшимся изъ ряда, стали скоро предлагать мѣста въ Алжирѣ, склоняя ихъ въ тоже время формировать туда, если можно, особые Польскіе легіоны. Многіе голодные усачи сейчасъ-же подвязали свои боевыя сабли, и давай ими гремѣть снова во славу своихъ покровителей. Высшіе протекторы Польши, наблюдавшіе за эмиграціею изъ разныхъ угловъ Парижа, не препятствовали такимъ воинскимъ порывамъ братій. Служба подъ знаменами Франціи все-таки могла къ чему-нибудь пригодиться, имѣла несравненно болѣе смысла, чѣмъ та служба, на которую звали соотчичей безумцы въ родѣ Заливскаго [7]). Но дабы не дать хозяевамъ черезъ чуръ безцеремонно распоряжаться своими гостями и вообще имѣя въ виду систематическое управленіе всѣми дѣлами эмиграціи, люди, считавшіе себя въ то время во главѣ ея, люди, наибольше вліявшіе на дѣла отечества въ революцію, основали

---

[7]) Съ революціонной точки зрѣнія все революціонное должно было *прежде всего служить* Франціи потому, что всѣ революціи выходили радіусами изъ Франціи, *учились* оттуда. Эту мысль высказалъ впослѣдствіи также и Ледрю-Роленъ Герцену, стараясь пріобрѣсть его. (Посмертныя сочин. Женева, 1870 г., стр. 82).

Комитетъ, названный *Польскимъ* (Komitet Polski), куда членами вошли почти всѣ члены бывшаго революціоннаго правительства Польши 1831 года, а предсѣдателемъ назначенъ бывшій представитель Калишанъ на послѣднихъ сеймахъ, Бонавентура Немоевскій [8]).

Но едва Комитетъ успѣлъ дать знать о себѣ эмиграціи и краю, какъ поднялся страшный шумъ, какой подымается между Поляками въ тѣхъ случаяхъ, если что нибудь выступитъ впередъ для приведенія хаоса въ порядокъ. Сейчасъ откуда-то взялись партіи и кружки, которые стали заявлять также и свои права на управленіе дѣлами эмиграціи. Всѣ они выражали опасеніе, чтобъ люди, оказавшіеся въ революцію весьма-несостоятельными, точнѣе погубившіе край и армію, дѣйствовавшіе почти какъ измѣнники, не повернули-бы и теперь всего вверхъ дномъ; тѣмъ болѣе, что теперь мудрости нужно вдвое-втрое, ибо тогда была у нихъ въ рукахъ кое-какая сила, были деньги, а теперь ничего нѣтъ: теперь они бездомные скитальцы, которымъ нужно думать прежде всего о кускѣ хлѣба, которыми, поэтому, помыкаетъ всякій, навязывающій себя въ покровители гонимой націи. Конечно, отчаянный народъ, безпокойные, недальновидные бобыли, кому нечего терять ни дома, ни на чужбинѣ, авантюристы и крикуны въ родѣ Заливскаго, зовущіе соотчичей не медля воевать снова съ Россіей, Пруссіей и Австріей, на томъ основаніи, что революціонные элементы въ странѣ будто-бы еще не уснули и ихъ много,—конечно, эти крикуны не знаютъ сами, что̀ дѣлаютъ; но нельзя-же равномѣрно допустить и того, чтобы Поляки воевали безъ толку за Французовъ въ Алжирѣ, служили какому-нибудь Донъ-Педро Португальскому, или герцогу Бургундскому, или въ Бельгіи. Нельзя допустить, чтобъ эмиграція стерлась такимъ образомъ съ лица земли, не помѣривъ еще разъ плеча съ врагами. Нельзя не ду-

---

[8]) Человѣкъ этотъ постоянно пользовался большимъ уваженіемъ у Поляковъ.

мать, что у бездомныхъ скитальцевъ есть гдѣ-то Польша простирающая къ нимъ руки, полагающая на нихъ такія-же надежды, какъ и на тѣхъ, кто остался, по счастію или несчастію, дома.

Среди такихъ криковъ и заявленій быстро построилась противъ новаго, аристократическаго комитета сильная батарея противоположныхъ, демократическихъ элементовъ, подъ крыломъ прежде бывшихъ въ Парижѣ Французско-Польскаго и Американско-Польскаго Комитетовъ [9]). Въ Декабрѣ 1831 года (именно 8-го Декабря н. с.) образовался правильный комитетъ посредствомъ обыкновенныхъ выборовъ. Онъ получилъ названіе *Польскаго Народнаго Комитета* (Komitet Norodomy Polski). Членами его были: Валентинъ Звѣрковскій, Леонардъ Ходзько, Романъ Солтыкъ, Ѳадей Кремповецкій, Антонъ Пршецишевскій, Карлъ Крайтсиръ, Антонъ Глушкевичъ, Адамъ Гуровскій и Валерьянъ Пѣшковичъ, какъ секретарь. Предсѣдателемъ историкъ Іоахимъ Лелевель.

Вообразивъ себя сейчасъ-же главою эмиграціи (что̀ представлялось иногда и болѣе мелкимъ комитетамъ и обществамъ), „Комитетъ Лелевеля,“ какъ его зачастую называли, иначе Декабрскій (Grudniowy) приступилъ къ дѣйствіямъ. Онъ сталъ пропагандировать въ смыслѣ своихъ прин-

---

[9]) Оба основаны въ 1831 году. Первый въ Генварѣ мѣсяцѣ. Членами его были: Ламаркъ, Жюльенъ-де-Пари, Могенъ, Одиллонъ-Барро, Буле-де-ла-Мёртъ, Арманъ Каррель, Викторъ-Гюго, Гарнье-Пажесъ, Беранже, Густавъ Монтебелло, Кремье, Леонардъ Ходзько, Казиміръ Делавинь, Дононъ, генералъ-Деканъ (Decaen), Дюпонъ-де-Лёръ, Ластейри (Lasteyrie), Ларрей, Траси, Зальтнеръ и др. Предсѣдателемъ былъ генералъ Лафайетъ. Предсѣдателемъ Американско-Польскаго Комитета былъ какой-то Самуилъ Гоу (Howe). Члены неизвѣстны. Цѣль обоихъ комитетовъ была: помогать, чѣмъ случится, революціи Поляковъ въ Россіи. (Свѣдѣнія изъ показаній эмиссара эмиграціи Артура Завиши, въ Варшавской Слѣдственной Коммиссіи, въ 1833 году, также изъ сочиненія Карла Борковскаго, тоже эмиссара: Wyprawa Partyzancka w r. 1833, t. VII, Bibl. Pisar. Polskich, стр. 5—6).

цповъ, указывая Полякамъ на далекое, несчастное отечество, котораго послѣднее слово еще не произнесено: напротивъ, при благоразумномъ направленіи всѣхъ силъ, революція можетъ и должна повториться, даже не одинъ разъ; предстоятъ новыя, большія искушенія и жертвы, слѣд. надо къ этому готовиться всѣмъ до единаго, кто считаетъ себя Полякомъ, только объ этомъ думать и помнить, забывъ все прочее и всемѣрно уклоняясь отъ путей, которые могутъ завести въ другую сторону, не слушая никакихъ сиренъ, не поддаваясь никакимъ соблазнамъ.

Первымъ печатнымъ воззваніемъ Комитета Лелевеля было (въ концѣ Декабря 1831) воззваніе *Къ Польскимъ воинамъ* [10]). Потомъ, черезъ нѣсколько дней явилось *Воззваніе къ Венгерцамъ*, на двухъ языкахъ, по-латыни и по-венгерски, гдѣ припоминалась старая дружба Мадьяръ съ Поляками и было даваемо почувствовать, что въ случаѣ перемѣны „обстоятельствъ въ Европѣ“ Карпатскія горы вѣроятно не будутъ препятствіемъ подать другъ другу руку.

Въ теченіе этого времени эмигранты, жившіе по разнымъ городамъ Германіи, Италіи, Галиціи, стали сбиваться болѣе и болѣе къ одному мѣсту, подъ крыло Франціи. Въ особенности много набралось ихъ въ Парижѣ. Къ исходу Декабря 1831 года прибылъ туда и Заливскій и встрѣченъ друзьями восторженно. 9 Генваря н. ст. 1832 года, Комитетъ Лелевеля далъ ему обѣдъ, въ заключеніе котораго Лелевель и Годфридъ Кавеньякъ [11]) вручили герою 29 Ноября какую-то саблю временъ Наполеона I.

Такъ какъ Заливскій выступаетъ теперь впередъ, то необходимо сказать, что это былъ за человѣкъ.

Это былъ типъ Поляка самыхъ необузданныхъ свойствъ, для кого не существовало нигдѣ и ни въ чемъ препятствій. Характеръ юркій и безпокойный, не могшій ужиться ни

[10]) Приложеніе 1-е.

[11]) Братъ Евгенія, который игралъ извѣстную роль въ событіяхъ 1848 года.

съ какимъ на свѣтѣ кружкомъ. Онъ вездѣ былъ какъ-бы не на своемъ мѣстѣ, вездѣ хотѣлъ командовать, строилъ планы, ссорился, мѣшалъ. Впустить его куда-нибудь и дать волю — это значило все разрушить. Оттого въ революцію 1830—1831, народное правительство не нашло возможности употребить въ дѣло его способностей, хотя онъ поминутно навязывался съ разными предложеніями. Онъ годился для взрыва въ первыя минуты, но потомъ его надо было куда нибудь убрать. Онъ былъ нѣчто въ родѣ Бакунина, о которомъ Коссидьеръ выразился: „въ первый день революціи ему цѣны нѣтъ, а во второй его надо разстрѣлять [12]).

Въ другихъ націяхъ господа Заливскіе подчиняются требованіямъ, такъ сказать, общей логики, рано или поздно уступаютъ напору окружающихъ обстоятельствъ, устаютъ, смиряются; въ нихъ, хоть подъ старость, является убѣжденіе, что такъ, какъ они думали, перестраивать міръ нельзя. Въ Польшѣ Заливскіе не излѣчиваются ничѣмъ и для удовлетворенія своихъ фантазій идутъ, что̀ называется, на проломъ, никого не слушая и считая себя вѣчно живыми. Все благоразумное и умѣренное, что̀ оказываетъ имъ сопротивленіе, они провозглашаютъ сейчасъ измѣною отечеству, истинному долгу гражданина. Въ ихъ энергіи есть что-то болѣзненное, дикое. Они больше полезны врагамъ своего отечества, нежели отечеству. Они останавливаются только тогда, когда встрѣчаютъ на пути охлаждающую смѣну каземата, либо пулю. Таковъ и бываетъ обыкновенно ихъ конецъ. Самою собою разумѣется, что Заливскій сдѣлался членомъ Комитета Лелевеля; но какъ нѣкогда появленіемъ своимъ въ кружкѣ Подхорунжихъ онъ произвелъ раздоръ и чуть не разрушилъ всѣхъ плановъ, такъ и тутъ очень скоро увидѣли невыгоду его присутствія.

Подобно всѣмъ Польскимъ обществамъ, Комитетъ Лелевеля содержалъ въ себѣ разнородные элементы, всякую ми-

---

[12]) Посмертныя сочин. Герцена, Женева 1870, стр. 182.

нуту готовые произвесть на свѣтъ нѣсколько партій. Главнѣйшимъ образомъ выступало впередъ и было опасно то *красное* кружка, что подрываетъ кредитъ всѣхъ Польскихъ революцій и заговоровъ: эти вѣчные, неугомонные политики сердца, какъ назвалъ ихъ красный повстанецъ 1863 года, Авейде; эти ничѣмъ и никогда неизлѣчимые ребята. Ихъ нетерпѣнію казалось все возможнымъ. Лелевеля они находили трусомъ, человѣкомъ вялымъ и фальшивымъ, который явилъ себя такимъ въ первые дни минувшей революціи, будучи членомъ правительства, рѣшительно не знавшаго, что оно дѣлаетъ. Могъ ли такой человѣкъ быть предсѣдателемъ комитета, имѣющаго претензію управлять дѣлами края и эмиграціи? Куда онъ поведетъ Поляковъ? Кто его выбралъ? спрашивали многіе.

Когда прибылъ Заливскій, голоса недовольныхъ комитетомъ стали раздаваться часъ отъ часу громче. Заливскій, постоянно критиковавшій дѣйствія различныхъ вождей въ революцію 1830, постоянно твердившій, что „его не слушали, не слушали тогда, не слушали и потомъ, при переходѣ войскъ черезъ границу, когда спасеніе было еще возможно... впрочемъ оно и теперь возможно, если взяться за дѣло энергически"—Заливскій только подливалъ, что называется, масла въ огонь.

Скоро кучка недовольныхъ комитетомъ за его якобы нерѣшительность и бездѣйствіе, за его „аристократизмъ", какъ выражались иначе, за его „чисто-бѣлыя свойства,—отдѣлилась и основала (17 Марта н. ст. 1832) свой особый демократическій кружокъ, назвавшись *Демократическимъ Обществомъ*. Говорили, будто-бы одинъ изъ первыхъ закладчиковъ этого зданія былъ Адамъ Гуровскій [13]).

---

[13]) Pamiętniki Rufina Piotrowskiego, Posnan, 1860, т. I, стр. 6.—Адамъ Гуровскій написалъ потомъ нѣсколько сочувственныхъ Россіи сочиненій, изъ коихъ наиболѣе извѣстны: La Russie et la Pologne, La Civilisation et la Russie. Онъ кончилъ тѣмъ, что явился съ повинною къ Паскевичу, былъ прощенъ, награжденъ чиномъ губернскаго секретаря, и ему позволено жить въ городѣ Полоцкѣ. Гуровскій этимъ обидѣлся и убѣжалъ

Ради оригинальности или по другимъ какимъ причинамъ, отдѣлившіеся не составили никакого *Комитета* для управленія дѣлами, но учредили двѣ начальствующія *Секціи*, въ Парижѣ и Пуатье, каждая изъ 8—9 человѣкъ [14]).

Въ своихъ первыхъ заявленіяхъ и статьяхъ, секціи старались главнымъ образомъ внушить соотечественникамъ, что „новое общество командовать никѣмъ не замышляетъ, что оно намѣрено только указывать лучшіе и кратчайшіе пути къ достиженію извѣстныхъ цѣлей; а *что до власти*, еслибъ таковая потребовалась при удачномъ поворотѣ ихъ дѣлъ, — край, безъ сомнѣнія, съумѣетъ ее создать дома, изъ своихъ собственныхъ элементовъ, имѣя на то больше правъ, нежели эмиграція: ибо странно и несправедливо было бы навязать власть со стороны людямъ, которые шли въ первый огонь и жертвовали всѣмъ, не говоря уже о томъ, что они постоянно находились въ болѣе стѣсненныхъ условіяхъ, чѣмъ эмиграція, постоянно несутъ на себѣ бремя военной диктатуры. Власть думаютъ навязать краю только *аристократы* эмиграціи, генералы. Общество-же, основавшееся въ Мартѣ 1832 года, состоитъ изъ однихъ демократовъ, плебеевъ по происхожденію и по убѣжденіямъ“ [15]).

Заливскій, можетъ быть, главная причина появленія этого кружка, та капля, которая заставила квашню бродить—самъ, однакоже, остался съ Комитетомъ Лелевеля, вѣроятно на томъ основаніи, что отдѣлившіеся были въ началѣ чрезвычайно ничтожны. Даже и самое отдѣленіе ихъ не было такъ рѣзко, какъ иные воображаютъ. При всѣхъ сколько-нибудь торжественныхъ случаяхъ, въ памятные Полякамъ историческіе дни, а иногда и просто, безъ всякаго повода, съ цѣлію погулять, покутить и вы-

---

въ Америку, гдѣ и умеръ. Братья его основались въ Польшѣ. Какой-то изъ нихъ женился на Испанской инфантѣ; а Николай Гуровскій донынѣ живетъ въ Царствѣ Польскомъ, слывя консерваторомъ.

[14]) Свѣдѣнія изъ показаній Мирославскаго въ Познанской слѣдственной тюрьмѣ, 9 Октября н. ст. 1848 года.

[15]) Разныя Польскія сочиненія того времени.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

пить лишнюю рюмку за здоровье братій, за что случится, —интелигенція всевозможныхъ кружковъ весьма дружески сходилась въ Парижѣ и другихъ городахъ, и тутъ было очень трудно разобрать оттѣнки партій. Бывало и такъ, что несогласные съ какимъ нибудь кружкомъ, готовые повидимому удалиться, послѣ доброй общей пирушки забывали объ этомъ и оставались тамъ, гдѣ были.

Можно было думать по слабости силъ новаго демократическаго кружка, что онъ тоже воротился къ прежнимъ товарищамъ. Оставшіеся дѣлали даже для этого все, что отъ нихъ зависѣло, въ видахъ уничтожить расколъ, пока онъ еще не великъ.

Комитетъ Лелевеля, чтобы показать эмиграціи, а болѣе всего нетерпѣливой, красной ея половинѣ, свою дѣятельность и отвагу, выпустилъ еще нѣсколько воззваній, болѣе или менѣе зажигательнаго свойства. Именно: *къ Нѣмцамъ*, *къ Лотарингцамъ*, *къ Альзасу*, *къ Итальянцамъ* и наконецъ, самое опасное, самое неосторожное, воззваніе *къ Русскому народу*, на трехъ языкахъ: по-русски, по-польски и по-французски [16]). Немного позже выпущено неменѣе опасное воззваніе *къ Евреямъ Царства Польскаго* по-нѣмецки и по-французски, пера самого Лелевеля.

Этимъ, можетъ быть, прямо разсчитывали воротить бѣжавшихъ; но вышло совсѣмъ другое.

Французское правительство, смотрѣвшее вначалѣ на образованіе всякихъ эмигрантскихъ кружковъ и на бурныя сходки Поляковъ сквозь пальцы, такъ какъ изъ этихъ кружковъ и сходокъ ничего важнаго и опаснаго не выходило,

---

[16]) Приложеніе № 2. – Кажется, поводомъ къ этому воззванію была *амнистія* государя Николая Павловича, разрѣшавшая эмигрантамъ возвращеніе на родину. Одинъ изъ Русскихъ профессоровъ былъ въ сороковыхъ годахъ у Лелевеля въ Брюсселѣ и въ разговорѣ съ нимъ намекнулъ ему, что имъ бы, Полякамъ эмиграціи, подумать о сближеніи съ правительствомъ, объ амнистіи.... Лелевель вскочилъ какъ ужаленный и громкимъ голосомъ, откуда что взялось, произнесъ: «Qu'est-ce que vous dites? Amnistie. C'est l'insulte!»

увидѣвъ теперь рядъ возмутительныхъ, революціонныхъ посланій и получивъ ноту отъ Русскаго правительства по поводу воззванія Польскаго Народнаго Комитета къ *Русскому народу* и *къ Евреямъ Царства Польскаго*, мгновенно измѣнило свой характеръ. Эмигрантамъ, подписавшимъ воззваніе „къ Русскому народу“, именно: Іоахиму Лелевелю, Валентину Звѣрковскому, Леонарду Ходзькѣ, Антону Пршецишевскому, Антону Глушневичу, Эразму Рыкачевскому, Іосифу Заливскому, Михаилу Губе, Валерьяну Петкевичу и Карлу-Эдуарду Водзинскому, было предписано не медля оставить Парижъ. Нѣкоторые выѣхали, а другіе, имѣя коекакія связи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, оставались подъ разными предлогами до начала 1833 года. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежали Ходзько и Лелевель. Они разсчитывали, что съ теченіемъ времени дѣла ихъ поправятся, и правительство прекратитъ свои преслѣдованія. Не тутъ-то было. Полиція постоянно напоминала обоимъ друзьямъ, чтобъ они выѣзжали изъ Парижа. Держаться долѣе было невозможно. Лелевель выѣхалъ въ помѣстье Лафайета Лагранжъ, а Ходзько въ Туръ, куда потомъ прибылъ и Лелевель; но ихъ снова разлучили: Лелевель пошелъ, въ синей блузѣ и конфедераткѣ, пѣшкомъ, куда глаза глядятъ и, спустя нѣкоторое время, очутился въ Брюсселѣ, гдѣ и жилъ до послѣдняго Польскаго возстанія [17]); Ходзько переѣхалъ въ Безансонъ, потомъ скитался изъ города въ городъ, а въ заключеніе устроилъ какъ-то, что ему позволили опять возвратиться въ Парижъ, гдѣ онъ жилъ до самой смерти, собирая матерьялы по исторіи своего отечества и издавъ сборникъ документовъ, пользующійся из-

---

[17]) Около 1860 года эмиграція склонила Лелевеля переѣхать изъ Брюсселя въ Парижъ, якобы для совокупныхъ съ разными партіями дѣйствій передъ приближающимся возстаніемъ. Иные въ этомъ приглашеніи усматриваютъ происки какой-то партіи, желавшей захватить въ свои руки нѣкоторыя бумаги Лелевеля послѣ его смерти, которой ждали съ часу на часъ.

вѣстностью [18]). Такое упорное преслѣдованіе Французскимъ правительствомъ лицъ, уважаемыхъ эмиграціей, раздражило всѣ партіи, въ особенности ту, которая считала Лелевеля своимъ главою. Она покраснѣла и выдѣлила изъ себя разомъ значительный контингентъ въ Демократическое Общество. Въ это время нелѣпый планъ Заливскаго „идти въ Русскую Польшу и возобновить тамъ революцію“, планъ, родившійся еще на Подгуржѣ, въ домѣ Ворцеля и послѣ забытый всѣми, подобно странному сновидѣнію, выплылъ снова наружу, получилъ нѣкоторое значеніе, сталъ казаться возможнымъ, осуществимымъ. Самъ Заливскій, наводившій на умѣренныхъ своею вѣчною революціонною болтовнею непомѣрную скуку, озарился вдругъ въ глазахъ всѣхъ особымъ свѣтомъ, точно выросъ, точно открылъ какой великій секретъ: столько прихлынуло ко всѣмъ сердцамъ негодованія, столько всѣ кипѣли противъ всякихъ угнетателей. Конечно, болѣе всего извергалось брани и громовъ на Россію, наславшую эти тревоги.

Полякъ необыкновенно скоръ, zaprędki. Онъ загорается какъ порохъ, и тутъ дѣлай изъ него, что̀ хочешь. Прежде чѣмъ дѣйствительно-солидная часть эмиграціи успѣла сообразить грозящую всѣмъ имъ опасность, собрать свѣдѣнія о безумныхъ приготовленіяхъ къ какому-то невѣроятному и неслыханному въ лѣтописяхъ походу,—какъ уже курьеры Заливскаго, выросшіе изъ земли въ огромномъ количествѣ, скакали во всѣ концы по такъ называемымъ *закладамъ* эмиграціи, существовавшимъ въ разныхъ городахъ юго-западной Европы съ начала 1832 года [19]). Этимъ курь-

---

[18]) Recueil des traités, conventions et archives diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862, par le comte d'Angeberg. Въ 85 № Московскихъ Вѣдомостей 1872 разсказывается, что при Наполеонѣ I какой-то Лезюръ выпустилъ сочиненіе *о развитіи Русскаго могущества съ возникновенія его до начала XIX вѣка* и первый вывелъ на свѣтъ извѣстное *завѣщаніе Петра Великаго*—явно-подложный документъ, явившійся потомъ въ разныхъ Французскихъ сочиненіяхъ, между прочимъ у Henri Martin. Леонардъ Ходзько тоже прикладывалъ здѣсь свои руки.

[19]) Сколько намъ извѣстно, *заклады* (Zaklad) эмиграціи были въ слѣ-

ерамъ было поручено набирать охотниковъ, офицеровъ и солдатъ, для образованія отрядовъ, имѣющихъ вскорѣ выступить въ Русскую Польшу, съ извѣстными высшему начальству цѣлями.

Курьеровъ встрѣчали въ закладахъ различно, смотря по тому, каковъ былъ закладъ: гдѣ съ полнымъ сочувствіемъ, гдѣ неслишкомъ, а гдѣ и вовсе непріязненно. Въ одномъ закладѣ, именно Авиньонскомъ, курьеръ Карлъ Шлегель (партіи Подхорунжихъ 1830 года) поссорился съ предсѣдателемъ Совѣта Каспером Дзѣвицкимъ, былъ вызванъ имъ на дуэль и убитъ.

Однакоже, въ общемъ результатѣ, предложеніе Заливскаго „возобновить революціонныя дѣйствія въ Русской Польшѣ“, произвело, въ слѣдствіе извѣстнаго настроенія умовъ, шумъ и толки скорѣе въ одобрительномъ духѣ, и заклады рѣшили отправить депутатовъ на *Съѣздъ* въ Ліонъ, назначая для этого 4 Генваря н. ст. 1833 года.

Съѣздъ этотъ состоялся и—кто повѣритъ—планъ Заливскаго одобренъ на немъ большинствомъ голосовъ! Часть депутатовъ исполнилась такого восторга и нетерпѣнія биться снова на родимыхъ поляхъ, что иные тутъ же предложили Заливскому распорядиться ими по благоусмотрѣнію. Заливскій сначала долго осматривалъ вербуемыхъ въ новую революціонную организацію; но потомъ, за недостаткомъ людей на всѣ открывшіяся ваканціи, оставилъ церемоніи и бралъ всякаго, кто только шелъ, лишь-бы онъ, прочтя или выслушавъ *инструкцію*, подписалъ ее и присягнулъ.

дующихъ городахъ: Буржѣ, Безансонѣ, Ліонѣ, Люневиллѣ, Авиньонѣ, Страсбургѣ, Шатору, Штудгардтѣ, Фрибургѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ, Карлсруэ, Ульмѣ, Вюрцбургѣ, Нюренбергѣ, Альтенбургѣ, Дрезденѣ, Львовѣ, Краковѣ, Тарновѣ и Познани.

Правительственная власть каждаго заклада была въ рукахъ *Совѣта* (Rada). Характеръ закладовъ былъ различный: гдѣ аристократическій, гдѣ демократическій. Заливскій въ своихъ Львовскихъ показаніяхъ упоминаетъ о какихъ-то *Польскихъ Комитетахъ* по городамъ, насчитывая ихъ въ одной Франціи до 30. Не одно-ли это и тоже съ *закладами*?

Планъ Заливскаго состоялъ въ томъ, чтобы, обеспечась на сколько можно скорѣе матерьяльными средствами и сдѣлавъ необходимыя приготовленія во всѣхъ трехъ захватахъ, вторгнуться въ Русскую Польшу мелкими партизанскими отрядами, которыми занять войска правительства. Тѣмъ временемъ будетъ формироваться армія, которая выступитъ на сцену, когда заговоръ въ Польшѣ (въ Польшѣ 1772) и въ другихъ мѣстахъ Европы достигнетъ надлежащаго развитія.

Все Царство Польское, а отчасти Литва и Русь [20]), дѣлились, согласно требованіямъ новой организаціи, на нѣсколько округовъ, въ два уѣзда каждый. Всякому округу давался свой особый начальникъ, имѣвшій подъ командою извѣстное число партизановъ. *Инструкція* для этихъ партизановъ, пера самого Заливскаго, была такова.

1. Обязанности партизана суть: посвященіе себя на всевозможные труды и опасности, съ цѣлію освободить свое отечество и снискать людямъ равенство правъ, не обращая вниманіе на вѣроисповѣданіе; уничтожить всякіе предразсудки и взаимную ненависть между сословіями. Стало быть: биться, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ тирановъ и ихъ клевретовъ, угнетающихъ родъ людской; употреблять всѣ способы къ ихъ уничтоженію.

2. Партизанъ долженъ укрываться по лѣсамъ и горнымъ ущеліямъ, въ мѣстахъ недоступныхъ; переходить въ своемъ округѣ постоянно съ одного пункта на другой и дѣлать оттуда набѣги, въ особенности по ночамъ, на непріятельскіе форпосты; истреблять магазины, аммуницію; захватывать военныя и другія казенныя кассы; бить чиновниковъ, назначенныхъ тираномъ; словомъ: уничтожать и забирать все, что составляетъ собственность наѣзднического правительства и служитъ ему поддержкою.

3. Партизанъ долженъ, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, уважать спокойствіе мирныхъ жителей и всѣми мѣрами охранять ихъ собственность, еслибъ слуги или солдаты тирана захотѣли на нее посягнуть.

4. Каждый окружный начальникъ (dowòdca), утвержденный главнымъ вождемъ партизановъ, можетъ выбрать какой угодно округъ для своихъ дѣйствій, изъ двухъ уѣздовъ состоящій; сверхъ того, имѣетъ право самъ назначать себѣ помощника (zastępce) и набрать столько подчиненныхъ партизановъ, сколько заблагоразсудится.

5. Каждый начальникъ войскъ по округу обязанъ безпрекословно повиноваться главному вождю и выполнять его приказанія со всею точностію; такъ равно и каждый партизанъ своему окружному начальнику, какъ скоро исполнилъ добровольную присягу.

6. Каждый начальникъ округа имѣетъ право карать своихъ подчиненныхъ смертію за измѣну, за неисполненное приказаніе и за посягательство на чужую собственность; равно и каждаго человѣка въ своемъ округѣ, кто бы сталъ ему противиться, или измѣнять тайнѣ.

7. Каждый начальникъ округа, приказывающій грабить мирныхъ жителей или дѣлающій вообще что либо возмутительное, долженъ быть смѣненъ (zgładzony) подчиненными, а на его мѣсто назначенъ помощникъ, не то кто-либо другой изъ партіи, кого они найдутъ болѣе достойнымъ, мужественнымъ и честнымъ.

8. Каждый начальникъ округа обязанъ сноситься съ начальникомъ воеводства или губерніи и состоять въ его распоряженіи; а этотъ послѣдній сносится непосредственно съ главнымъ вождемъ.

9. Въ случаѣ невозможности держаться въ своемъ округѣ, по причинѣ напора непріятельскихъ силъ, окружный начальникъ, со своими партизанами, можетъ перейти, на неопредѣленное время, въ какой-либо сосѣдній округъ и дѣйствовать съ тамошнимъ начальникомъ заодно.

10. Каждый окружный начальникъ, освободивъ свой округъ, или хоть часть онаго, отъ власти непріятельской, учреждаетъ тамъ немедля гражданскую власть изъ мѣстныхъ обывателей, пользующихся всеобщею довѣренностію, и самъ за нею наблюдаетъ.

11. Каждый окружный начальникъ, имѣющій подъ своей командой болѣе 50 человѣкъ, отсылаетъ излишекъ въ складъ кадровъ, формирующихъ народную армію.

12. Высшая власть надъ партизанами называется *Месть Народа* (Zemsta Ludu), и ей должны слѣпо повиноваться всѣ партизаны до тѣхъ поръ, пока весь народъ не возстановитъ своей независимости. Лицо, снабженное этою властью, извѣстно только начальникамъ округовъ и ихъ помощникамъ.

13. Каждый партизанъ, по прочтеніи вышеприведенныхъ статей, выполняетъ слѣдующую присягу передъ окружнымъ начальникомъ:

„Клянусъ Всемогущимъ Богомъ, что, желая возстановленія моего отечества и равноправности каждому человѣку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть, и до послѣдней капли крови буду биться противъ тирановъ и противъ тѣхъ, кто имъ служитъ; при чемъ, исполняя постановленія партизановъ, буду повиноваться своимъ начальникамъ. Господи, помоги мнѣ въ этомъ здѣсь и на томъ свѣтѣ“... [20]).

Когда было замѣчаемо вербовавшими такой народъ въ экспедицію Заливскаго, что они колеблятся, находятъ много препятствій, то ихъ всячески старались ускокоить, пускали имъ пыль въ глаза напоминаніемъ о томъ, что Польша будетъ дѣйствовать не одна, а въ связи съ обще-европейскою революціею, имѣющею въ виду перестроить цѣлый міръ. Заливскій говорилъ даже, что ему извѣстно за достовѣрное о существованіи заговора между военными въ самой Россіи, а потому пробиться партизанамъ въ лѣсахъ придется какой-нибудь мѣсяцъ, много полтора, а тамъ все вспыхнетъ, и они сольются съ огромною Польскою арміею всѣхъ трехъ захватовъ, съ арміею, какой касательно размѣровъ, едва ли еще гдѣ видано.

---

[20]) Подлинникъ можно видѣть въ сочиненіи Борковскаго: Wyprawa Partysancka do Polski w r. 1833, T. VII Biblioteki Pisarzy Polskich, стр. 7—9.

Собственно говоря, эти люди обрекались до извѣстной степени на жертву. Разсчетъ главныхъ руководителей движенія заключался въ томъ, что всякій, поставленный въ условія партизана, отрѣзанный отъ своихъ, безъ вѣрной надежды воротиться, долженъ поневолѣ быть энергиченъ, выдумать такія дѣйствія и хитрости, какихъ въ спокойномъ и безопасномъ мѣстѣ и въ голову не придетъ: имъ будутъ руководить не одинъ патріотизмъ и желаніе отмстить врагу, но и свойственное всякому человѣку чувство самосохраненія.

Это было высказано впослѣдствіи печатно празными революціонными органами Поляковъ.

Въ теченіи Генваря мѣсяца 1833 года, были приняты и утверждены Заливскимъ слѣдующіе начальники округовъ, носившіе въ тоже время названіе *эмиссаровъ*: [21]).

1. Артуръ Чарный-Завиша въ округъ Варшавско-Сохачевскій, съ самой Варшавой.
2. Каликстъ Боржевскій въ округъ Плоцко-Липновскій.
3. Леонъ Залѣсскій въ округъ Равско-Ленчицкій.
4. Эдуардъ Шпекъ въ округъ, состоящій изъ уѣзда Станиславовскаго и Праги.
5. Леопольдъ Бялковскій въ одинъ изъ округовъ Калишскаго воеводства, сосѣдомъ къ Завишѣ.
6. Антонъ Винницкій въ округъ Гостынино-Куявскій.
7. Касперъ Дзѣвицкій въ округъ Радомско-Опочинскій.
8. Эдуардъ Дуньскій въ округъ Млавскій,
9. Адамъ Сперчинскій въ округъ Пржаснышскій.
10. Фаустинъ Сулемирскій въ округъ Конинскій.
11. Леопольдъ Потоцкій въ округъ Сѣрадзкій.
12. Рохъ Рупневскій въ округъ Пултуско-Остроленскій.
13. Ушинскій въ воеводство Подлясское.
14. Степанъ Гецольдъ въ уѣздъ Волковыскій (Гродненской губерніи).

---

[21]) Если не всѣ, то нѣкоторые изъ окружныхъ несомнѣнно пользовались этимъ титуломъ.

15. Карлъ Борковскій въ округъ Острожско-Кременецкій (Волынской губерніи).

16. Ѳаддей Серпутовскій въ округъ Бѣльско-Радзынскій.

17. Осипъ Гордынскій въ округъ Сокольско-Бѣлостокскій.

18. Джонсъ Ринкъ (Jons Rynk)—въ округъ Любельско-Красноставскій [22]).

Большинство этихъ лицъ были военные, служившіе когда-то въ Польскихъ войскахъ разными чинами, отъ унтеръ-офицера до поручика,—кто человѣкъ довольно образованный и начитанный, кто простой, грубый солдатъ. Унтеръ-офицеръ Шпекъ, какъ увидимъ, не сладилъ со своей командой и соединился сперва съ Гецольдомъ (экспедиторомъ бывшаго Виленскаго университета), потомъ оба поступили обыкновенными рядовыми въ банду Завиши. Но все, прочитанное въ уставѣ партизанскомъ, удержалось въ каждой головѣ твердо. Присягу многіе знали наизустъ, почти слово въ слово. Общій смыслъ задачи, *что̀ именно дѣлать*, былъ ясенъ всѣмъ. Только параграфъ о томъ, что главный начальникъ называется *Месть Народа*, не всѣми былъ понятъ одинаково. Многіе, въ родѣ Шпека, думали, что это *главный комитетъ* и такимъ образомъ впослѣдствіи показали.

Округи выбирались каждымъ лицомъ такіе, гдѣ ему удобнѣе было распоряжаться, гдѣ находились у него друзья, знакомые, родственники, или даже имѣніе. Кто не зналъ такихъ мѣстъ и кому было все равно, гдѣ ни дѣйствовать, тѣмъ Заливскій назначалъ округи самъ. Но все это было только расписано такъ на бумагѣ: на дѣлѣ ни одинъ изъ партизановъ не попалъ на указанное мѣсто.

По причинѣ дѣйствительно существовавшей связи *Партизанскаго Наѣзда* (или, какъ Поляки попросту выражались

---

[22]) Свѣдѣнія изъ показаній Антона Винницкаго, и нѣкоторые печатные источники. Неполноты въ иныхъ округахъ, т. е. какъ бы недостачу уѣзда, мы поправить не въ состояніи. Такъ показывали иногда и сами окружные начальники. Не было-ли на практикѣ для иныхъ измѣнено общее правило и не давали-ли имъ дѣйствительно въ завѣдываніе только одинъ уѣздъ?

и выражаются до сихъ поръ: „Partyzantki Zaliwskiego“) съ затѣями карбонаровъ, окружные начальники, отправлявшіеся въ край, были приглашены выполнить, сверхъ своей, какую-то особенную *карбонарскую присягу*, которой текстъ намъ неизвѣстенъ. Послѣ того имъ были сообщены *знаки*, какимъ образомъ отличать *своихъ* за границей и дома. Эти знаки Наѣздъ принялъ тоже отъ карбонаровъ. По свидѣтельству одного изъ окружныхъ, Осипа Гордынскаго, они заключались въ слѣдующемъ:

1. При встрѣчѣ снимать шляпу немного направо и надѣвать прямо. Если встрѣченный *свой человѣкъ*, то онъ сейчасъ это замѣтитъ. 2) Подавая кому либо правую руку, коснуться какимъ-либо пальцемъ его ладони. 3) Если встрѣченный проговоритъ послѣ этого amitié, отвѣчать fraternité, и затѣмъ обоимъ въ разъ сказать bienfaisance. 4) Квартира *своего* узнается по вдѣланному гдѣ-нибудь на домѣ, или на близь-стоящемъ деревѣ, не то на другомъ какомъ-либо предмѣтѣ, небольшому треугольнику [23])

Когда всѣ сказанныя церемоніи были соблюдены, нѣкто Гурецкій [24]), начальникъ Ліонскаго заклада, гдѣ былъ сборный пунктъ команды Заливскаго и устроенъ какой-то *Ліонскій базаръ* (какъ-бы складъ матерьяловъ для Наѣзда) роздалъ отправлявшимся рекомендательныя письма, кинжалы карбонарской формы, по 150 франковъ на брата, а Борковскій снабдилъ каждаго извѣстнымъ количествомъ яду [25]).

Затѣмъ мѣстный Французскій префектъ выдалъ имъ паспорты съ ложными именами и званіями, и эмиссары двинулись, бо̀льшею частію пѣшкомъ, на Швейцарію и Гер-

---

[23]) Гордынскій прибавилъ къ этому, что собранія карбонаровъ, состоящія изъ 11 человѣкъ, называются вентами. Лица, участвующія въ нихъ, обязаны знать два пароля: одинъ полугодичный; другой, требуемый при входѣ, мѣняется всякій разъ. Иногда, по разнымъ соображеніямъ, мѣняется и полугодичный пароль.

[24]) Górecki. Временно должность его правилъ Левандовскій.

[25]) Показанія разныхъ окружныхъ, лично бывшихъ тогда въ Ліонѣ,

манію [26]). Въ Цюрихѣ, новомъ сборномъ пунктѣ, уже произошли между ними нѣкоторыя столкновенія. Иные высказывали неудовольствіе противъ главнаго вождя и сомнѣвались въ успѣхѣ предпріятія. Были наконецъ и такіе, кто, обсудивъ съ пріятелями все дѣло похладнокровнѣе, не пошли дальше.

Въ Германіи было замѣчено странниками, что тайна ихъ открыта: ихъ строго осматривали на заставахъ городовъ и малѣйше-подозрительныхъ ворочали назадъ во Францію. Чѣмъ далѣе, тѣмъ становилось труднѣе идти. Въ Галиціи уже нужно было просто-за-просто прятаться, входить въ города украдкой, ночью. Карлъ Борковскій съ Михаиломъ Ходзькой были остановлены во Львовѣ на заставѣ стражею, которая, оглядѣвъ ихъ внимательно, спросила: „ужъ и вы не такіе-ли, о какихъ слухъ идетъ, что отправляются въ Польшу дѣлать революцію“?—Однако они отдѣлались кое-какъ, не бывъ задержаны, и пробрались внутрь города, а потомъ и дальше, гдѣ съ кѣмъ нибудь въ крытой бричкѣ, гдѣ ночью по лѣсамъ, пѣшкомъ.

Въ Царство Польское, до образованія партизанскихъ отрядовъ, рѣшились проникнуть немногіе. Тамъ правилъ страшный военный диктаторъ Паскевичъ [27]), котораго тре-

---

[26]) Такъ о паспортахъ показываютъ многіе изъ эмиссаровъ. Борковскій, въ указанномъ сочиненіи Wyprawa Partyz. говоритъ, что паспорты выданы были обыкновенные, съ настоящими именами и званіями.

[27]) Паскевичъ вступилъ въ службу въ 1800 году изъ камеръ-пажей, флигель-адъютантомъ къ императору Павлу, гвардіи-поручикомъ, Октября 5-го, имѣя 17 лѣтъ.

Штабсъ-капитаномъ.	1806.
Капитаномъ.	1808.
Полковникомъ.	1809.
За отличіе въ генер-маіоры.	1810.
Генер.-лейтенантомъ.	1813.
Генер. отъ инфантеріи.	1826.
Генер. фельдмаршаломъ.	1829.
Главнокомандующ. дѣйств. арміей въ Іюнѣ	1831.
Намѣстникомъ. . . . . Марта 23,	1832.

петали на огромномъ пространствѣ и свои, и чужіе. Это былъ человѣкъ избалованный счастьемъ и неслыханнымъ раболѣпствомъ окружающихъ, раболѣпствомъ, какое можетъ быть только на Востокѣ, да въ Славянскихъ земляхъ, и то, пожалуй, не во всѣхъ до единой. Весьма немногимъ отличался онъ отъ какого нибудь восточнаго шаха. Но это былъ шахъ очень умный, знавшій хорошо, кого можно *пожурить* безъ всякой церемоніи, на кого бросить только строгій взглядъ, кого оставить безъ всякаго замѣчанія, или даже „погладить по головкѣ“, отъ чего иной Славянинъ готовъ расплакаться. Изъ его канцеляріи не выходило ни одной безтолковой бумаги. Личныя его замѣтки на поляхъ, не щеголяя особенно-изящнымъ языкомъ и граматикою, были все-таки полны смысла, и всегда безъ всякого грома и молніи. Къ грому и молніи въ бумагахъ прибѣгалъ онъ рѣдко. Управленіе края, изобрѣтенное имъ, въ большей части мѣръ, соотвѣтствовало минутѣ и положенію дѣлъ, а равно и взглядамъ Петербурга. Шутить было нельзя, но нельзя было также и ломать съ плеча все Польское, замѣняя его Русскимъ: съ этой стороны шахъ встрѣтилъ-бы сильную опозицію въ высшихъ сферахъ [28]), а онъ ихъ разумѣлъ такъ тонко, такъ тонко, какъ никто. Онъ зналъ, до какихъ предѣловъ простирается защита Вѣнценоснаго

Паскевичъ происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ Могилевской губерніи и поступилъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ (бывшій Зорича, фаворита Екатерины, которому Шкловъ былъ подаренъ); при посѣщеніи Шкловскаго корпуса государемъ Павломъ Петровичемъ, Паскевичъ обратилъ его вниманіе красивою наружностью и переведенъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ понравился государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и сдѣланъ камерпажемъ. Въ 1800 году изъ камерпажей въ офицеры съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству.

(Свѣдѣнія частію изъ бумагъ одного генерала, частію изъ послужнаго списка фельдмаршала).

[28]) Послѣ были толки, что Паскевичъ *ополячилъ Польшу*, ничего не сдѣлалъ для Русскаго дѣла, языка и т. п. Но эти господа, говорившіе такъ, не берутъ въ разсчетъ условій времени. Если теперь трудно бороться съ Польскими элементами въ Варшавѣ и Петербургѣ, чтожъ тогда?

Покровителя, уровнявшаго его въ нѣкоторыхъ почестяхъ съ самимъ собою, называвшаго „отцомъ-командиромъ.“ Правда, въ иныя области управленія прокрадывались кое-какія несостоятельныя свойства *всей машины* вообще. Полиція также гонялась за „Вестермейрами“ и не видала Высоцкихъ; но все это восполнялось и исправлялось необыкновенною личностью главнаго лица. Его глазъ заглядывалъ всюду и если видѣлъ что̀, наступала быстрая, энергическая расправа; противъ яда принимался вѣрнѣйшій антидотумъ. Оттого всюду оглядывались поминутно, что́ бы кто ни дѣлалъ и что̀ бы кто ни говорилъ, было-ли это въ бѣдной хатѣ земледѣльца, на пограничномъ-ли кордонѣ козака, въ богатыхъ-ли палатахъ Русскаго или Польскаго магната. Вездѣ оглядывались. Всѣ были увѣрены, что полицмейстеръ, пожалуй, не усмотритъ и жандармъ не подслушаетъ, а какъ, сохрани Господи, „Самъ?“... Тѣнь Банко, котораго все собирались убить и никакъ не убивали, вставала предъ всѣми, на всякихъ рѣзкихъ, неумѣренныхъ пирушкахъ, тамъ, гдѣ нибудь въ углу, при всякой неосторожной болтовнѣ. Сейчасъ выглядывало откуда-то это страшное, широкое, боевое чело, въ полусѣдыхъ кудряхъ, и устремлялись сѣрые глаза, леденившіе мгновенно всякую смѣлую душу [29]).

Ничего этого не знали и не соображали пѣшіе сочинители *Наѣзда*. Польша представлялась имъ въ видѣ кипящаго котла, гдѣ съ утра до ночи готовятъ повстанскія похлебки: приходи только и ѣшь.

Разочарованіе наступило поздно, когда Заливскій и нѣсколько другихъ прибыли командовать партизанскими отрядами, направлять дѣйствія различныхъ окружныхъ начальниковъ.

---

[29]) Одинъ генералъ сказывалъ автору, что онъ „Бога такъ не боялся, какъ Паскевича; что его всегда прошибалъ потъ съ головы до пятокъ когда Паскевичъ на него взглядывалъ.“

Заливскій имѣлъ письма къ графу Викентію Тышкевичу, владѣльцу обширнаго села Кульбушева, Тарновскаго округа, Краковскаго воеводства [30]). Графъ Тышкевичъ принялъ его радушно, помѣстилъ у себя въ домѣ и сказалъ, что имѣетъ небольшой запасъ оружія, сохраненнаго кое-какъ послѣ 1831 года, въ томъ числѣ 500 штукъ годныхъ въ дѣло ружей [31]), можетъ быть еще столько-же наберется у другихъ помѣщиковъ, сочувствующихъ Наѣзду, какъ напр. у Мышковскаго, владѣльца села Куржина; у братьевъ Богуслава и Онуфрія Городынскихъ, у графа Франциска Висловскаго, Константина Руссоцкаго.... Но вѣдь этого мало. Отъ Русской Польши ждать большой помощи нечего. Найдется нѣсколько сочувствующихъ въ Плоцкой губерніи, по границѣ, напр. Матвѣй Мыстковскій и кое-какая отчаянная молодежь, тамъ-же. На остальномъ же пространствѣ лежатъ страхъ и трепетъ. Особенно нечего разсчитывать на простой народъ, на хлоповъ: всѣ они тянутъ руку правительства. Вообще дѣла плохи.

Заливскій и другъ его, прибывшій съ нимъ одновременно, Генрихъ Дмуховскій (подъ именемъ Сандерса) нѣсколько пріуныли. Свѣдѣній изъ Царства Польскаго почти никакихъ нельзя было достать: приготовлено-ли тамъ что-нибудь или нѣтъ. Даже нельзя было перекликнуться со всѣми

---

[30]) Можно замѣтить, что, передъ отъѣздомъ въ Польшу, Заливскій пробрался въ Парижъ и видѣлся тамъ съ разными вліятельными лицами: Дверницкимъ, Ледуховскимъ, Уминскимъ. Дверницкій сказалъ, что „помочь не считаетъ удобнымъ, но благословляетъ“ — это были только слова. Дверницкій имѣлъ свою партію, основанную 22 Октября н. ст. 1832, подъ названіемъ: *Komitet Emigracy Polskiéj* (назывался у Поляковъ кратко Октябрскимъ, Pazdziernikowy), гдѣ членами были: Уминскій, Юліанъ Сѣравскій, Иванъ Ледуховскій, Александръ Еловицкій, Амантій Жарчинскій, Станиславъ Ворцелль, Андрей Плихта и Волловичъ. Эта партія хотѣла воротить эмиграціи прошлое: помирить Поляковъ съ Французскимъ правительствомъ и вмѣстѣ разстроить экспедицію Заливскаго. Ни то, ни другое ей не удалось.

[31]) Свѣдѣнія отъ партизановъ, видѣвшихъ этотъ складъ, и статья графа Франциска Висловскаго: Ustęp z moich wspomnień, t. VII. Bibl. Pis. Polsk., стр. 134.

окружными и узнать, всѣ-ли они на мѣстахъ, въ какомъ положеніи ихъ отряды. Даже было явно замѣтно, что кто-то изъ своихъ мѣшаетъ возстанію [32]).

Не смотря на все это, надо было конечно идти впередъ. Возвратъ былъ уже невозможенъ. Столько народу успѣло себя скомпрометировать передъ разными правительствами, въ разныхъ углахъ Европы, столько преодолѣно тяжкихъ препятствій, принесено жертвъ, что, если бы вожди попятились назадъ, произошло-бы общее смятеніе, взрывъ негодованія, посыпались-бы обвиненія въ трусости, въ измѣнѣ (на что̀ Поляки необыкновенно скоры: у нихъ сейчасъ „zdroica! zdrada!“). Начальники округовъ мо́гли бы предпринять еще болѣе безтолковое возстаніе, просто съ отчаянія, ставъ, иные, можетъ быть, въ несравненно-безвыходнѣйшее положеніе, чѣмъ Заливскій въ домѣ Тышкевича, въ Кульбушевѣ.

Не слишкомъ долго размышляя, Заливскій назначилъ вторженіе въ Царство на 19 Марта н. ст. (1833) и перешелъ границу близь мѣстечка Уланова, послѣ чего углубился внутрь страны, по направленію къ Янову, Люблинской губерніи. Тутъ слѣдъ его теряется. Въ тотъ же самый день перешелъ границу близь деревни Гурки (Сандомірскаго уѣзда, Радомской губерніи) Каспаръ Дзѣвицкій, убившій на поединкѣ Шлегеля. Совѣсть его мучила, и онъ хотѣлъ доказать, что и онъ не хуже всякаго другаго патріота съумѣетъ погибнуть за отечество.

Собравши въ Галиціи небольшую банду въ 24 чел., Дзѣвицкій повидимому весьма хорошо разсчиталъ дѣйствія при переходѣ въ Царство: онъ думалъ напасть ночью въ расплохъ на казачій постъ въ м. Поланцѣ [33]), перебить казаковъ и захватить ихъ оружіе и лошадей. Но переправа

---

[32]) Это были агенты разныхъ умѣренныхъ партій изъ Парижа, кажется, болѣе всего партія Дверницкаго, которымъ прямо приказано было разрушать все то, что̀ построитъ Заливскій.

[33]) Поланецъ на границѣ Стопницкаго и Сандом. уѣздовъ Радомской губерніи, при впаденіи рѣки Черной въ Вислу.

черезъ Вислу заняла столько времени, что когда Дзѣвицкій, съ частію людей, очутился на другомъ берегу, стало свѣтать. Боясь быть открытымъ, онъ приказалъ остальной кучкѣ переправляться какъ можно поспѣшнѣе и догонять товарищей, а самъ, всего съ четырьмя партизанами, двинулся къ Поланцу бѣгомъ, измучилъ людей и себя, и атака была неудачна: казаки перехватали повстанцевъ и отвезли въ ближайшій городъ, откуда они были отосланы въ Варшаву [34]). Дзѣвицкій, гдѣ-то на привалѣ, спросилъ стаканъ воды, быстро всыпалъ въ него яду и отравился. Часть банды, подошедшая потомъ къ Поланцу, узнавъ объ участи товарищей, разбрелась по лѣсамъ. Кое-кто послѣ присталъ къ другимъ партіямъ.

24 Марта н. ст. пробралась въ Царство партія Гецольда и Шпека, но вскорѣ, встрѣтивъ разныя препятствія, бросила вождей, и они должны были соединиться съ партіею Завиши, о которой будетъ сказано ниже.

2 Апрѣля н. ст. перешла границу около деревни Уфиловецъ (?) партія Бялковскаго, въ 10 человѣкъ, набранная въ Галиціи, въ окрестностяхъ м. Збышева, приведена къ присягѣ ксендзомъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ католическою церковью, и пустилась бродить по лѣсамъ, въ разныхъ направленіяхъ, терпя нужду и голодъ до такой степени, что солдаты и ихъ начальникъ зачастую ничего не ѣли по двое и по трое сутокъ сряду. Первую пищу привезъ имъ ксендзъ Михаилъ Старжинскій; потомъ прислала сыру и ветчины помѣщица Новаковская. Позже снова пріѣхалъ ксендзъ [35]).

---

[34]) Это были: канцерялистъ Подольской казенной палаты Евстафій Рачинскій, 19 лѣтъ; рядовой бывшихъ Польскихъ войскъ Василій Пршеорскій; унтеръ-офицеръ корпуса Раморино Іосифъ Куржіальскій и унтеръ-оф. бывшаго 4-го пѣхотнаго полка Антонъ Ольковскій.

По другимъ извѣстіямъ банда раздѣлилась на двѣ части (по переходѣ черезъ Вислу, въ д. Будзикахъ Стопницкаго обвода) и на казаковъ не пошла; а стала искать какихъ-то солдатъ въ другой деревнѣ, и тутъ казаки напали на ея слѣдъ и перехватали упомянутыхъ повстанцевъ.

[35]) Показанія захваченныхъ людей этой банды.

...СКОВСКАЯ ГОРОД...
БИБЛІОТЕК...
имени А. С. ПУШ...

Ни въ какую деревню, тѣмъ болѣе въ мѣстечко или въ городъ, воины Бялковскаго и онъ самъ не смѣли, что́ насывается, и носу показывать. Имъ были постояннымъ убѣжищемъ глухія чащи, окруженныя трясинами, да и тѣ приходилось безпрестанно мѣнять, изъ опасенія столкнуться съ казачьими разъѣздами или быть захвачену крестьянскою облавою, какія дѣлали въ иныхъ мѣстахъ войты гминъ, по приказанію начальства, такъ какъ исторія Наѣзда уже разоблачилась [36]).

22 Апрѣля н. ст. перешла границу новая партія, въ 13 человѣкъ, подъ командой офицера Польскихъ войскъ Лубинскаго, которая, встрѣтясь съ бандой Бялковскаго, въ лѣсу подъ Юзефовымъ [37]), соединилась съ нею, и вмѣстѣ предприняли нападеніе на казачій постъ въ сказанномъ мѣстечкѣ. Для этого всѣ силы, 23 человѣка, гдѣ были между прочимъ остатки банды Дзѣвицкаго, раздѣлились на четыре части, и каждой части данъ особый начальникъ. Одною такою частью, въ 5 человѣкъ, командовалъ молодой энтузіастъ, Антонъ Карчевскій, сынъ офиціалиста [38]) изъ чьего-то богатаго имѣнія, служившій въ революцію 1830—1831 годовъ въ корпусѣ Ружицкаго. Онъ явился первый на площади, махая саблей, — и тутъ же захваченъ казаками съ тремя своими людьми [39]) и доставленъ въ Варшаву. Остальная часть банды рзбѣжалась.

Затѣмъ явилась изъ княжества Познанскаго партія бывшихъ Варшавскихъ студентовъ: Сторчинскаго, Дуньскаго и служившихъ разными чинами въ Польскихъ войскахъ: Хелмицкаго, Сильвестра Рацѣнскаго и Феликса Бугайскаго. Перейдя границу 27 Апрѣля нов. ст. между деревнями Бобровниками и Мелишевкой (Плоцкой губерніи), партія эта двинулась къ Бѣнднову на соединеніе съ показавшеюся

---

[36]) Тоже показанія захваченныхъ.

[37]) Замойскаго обвода, Люблинской губерніи.

[38]) Офиціалистами называются у Поляковъ высшаго разряда слуги, какъ напр. управляющіе, конторщики, камердинеры.

[39]) Это были: Давыдовичь, Якубовскій и Пленкевичь.

тогда же въ этихъ мѣстахъ бандою Сулемирскаго — и сошлась съ нею 29 Апрѣля н. ст. въ лѣсу. Послѣ различныхъ приключеній и опасностей, соединенныя банды выслѣжены и атакованы войскомъ 13 Мая н. ст. подъ станціей Яновице, въ лѣсу, когда хотѣли было перебраться назадъ, за границу, и тутъ часть людей захвачена и доставлена въ Варшаву.

Въ Подольскую губернію пробрался какой-то Іосифъ Дуцкій, участь котораго намъ неизвѣстна. На Литву, въ Гродненскую губернію, проникъ тамошній помѣщикъ Михаилъ Волловичь. Какъ имѣвшій въ этихъ мѣстахъ множество знакомыхъ и любимый своими крестьянами, онъ довольно долго укрывался въ лѣсахъ и по хуторамъ, наконецъ взятъ посредствомъ облавы изъ чужихъ мужиковъ [40]).

Послѣднею, сколько извѣстно, перешла границу, при селеніи Раздикахъ, Плоцкой губерніи, въ самомъ концѣ Апрѣля н. ст., партія Завиши, изъ шести человѣкъ, набранная въ княжествѣ Познанскомъ. Позже, въ Царствѣ, при переправѣ ея черезъ Вислу, пристали къ ней оставленные своими людьми Гецольдъ и Шпекъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ другихъ бандъ. Испытавъ тѣже самыя неудачи, какъ и другія партіи, Завиша былъ атакованъ въ Кросненскомъ лѣсу гусарами эрцъ-герцога Фердинанда полка и взятъ со всѣми своими людьми, въ началѣ Іюня 1833 г. [41]).

Всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ постигла участь государственныхъ преступниковъ перваго разряда.

Люди изъ банды Дзѣвицкаго: Іосифъ Куржіальскій, Антонъ Ольковскій и Василій Пршеорскій разстрѣлены въ Варшавѣ 25 Апрѣля ст. ст. въ 5 часовъ утра; а четвертый Евстафій Рачинскій, по молодости лѣтъ, избавленъ отъ смертной казни, прогнанъ сквозь строй черезъ 500 человѣкъ четы-

---

[40]) Въ брошюрѣ Artur Zawisza i Michał Wołłowicz, кажется пера Леона Зенковича, Paryż, 1859, разсказываются кое-какія подробности о скитаніяхъ Волловича.

[41]) Подробности его похожденій, начиная съ Парижа до Варшавы, мы сочли болѣе удобнымъ разсмотрѣть отдѣльно. См. Приложеніе 3-е.

ре раза, также въ Варшавѣ, 28 Апрѣля ст. ст. въ 5 часовъ утра, и послѣ сосланъ въ каторжную работу.

Люди Лубинскаго и Бялковскаго: Карчевскій и Давыдовичь, повѣшены въ Люблинѣ 10 Мая ст. ст., а Якубовскій и Пленкевичъ, 11 Мая ст. ст., на томъ мѣстѣ Австрійской границы, гдѣ ее перешли, именно близь м. Борова, Яновскаго уѣзда, Люблинской губерніи, съ надписью на висѣлицѣ ихъ именъ и почему понесли такую казнь.

Пойманный тогда-же шляхтичъ Іосифъ Берини (унтеръ-офицеръ корпуса Раморино), во уваженіе того, что взятъ просто въ деревнѣ, безъ оружія, избавленъ отъ смертной казни, прогнанъ сквозь строй черезъ 500 человѣкъ, четыре раза, шпицрутеномъ, и потомъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу. Волловичь повѣшенъ въ Гроднѣ, въ Маѣ или Іюнѣ 1833 [42]).

Завиша повѣшенъ на лобномъ мѣстѣ между Вольскою и Іерусалимскою заставами, 15 Ноября ст. ст. 1833 года въ 9 часовъ утра. Тогда-же разстрѣлены, въ томъ-же самомъ пунктѣ, состоявшіе подъ командою Завиши: унтеръ-офицеръ бывшихъ Польскихъ войскъ Эдуардъ Шпекъ, помощникъ экспедитора въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, титулярный совѣтникъ Степанъ Гецольдъ и шляхтичъ Александръ Пальмартъ.

Вотъ какія подробности разсказывали объ этой казни. Всѣ преступники были приведены въ цѣпяхъ. Когда стали ихъ снимать, Завиша, одѣтый въ обыкновенномъ халатѣ, дрожалъ. Вѣроятно для того, чтобы не подумали, что онъ дрожалъ отъ страху, онъ сказалъ окружающимъ: „холодно!“ (zimno). Потомъ спросилъ тоже по-польски: „Нѣтъ-ли тутъ кого-нибудь, кому-бы я могъ передать мою послѣднюю волю?“ (Czy niema tu kogokolwiek, któremu bym mógł odkyć moją ostatnią wolą?) Тогда изъ толпы офицеровъ отдѣлился капитанъ Массонъ [43]),

---

[42]) Взятъ 14 или 15 Мая н. ст., если вѣрить цитированной выше брошюрѣ: Artur Zawisza.

[43]) Впослѣдствіи начальникъ почтъ въ Варшавѣ.

адъютантъ губернатора Витта, и подошелъ къ Завишѣ. „Скажите моей матушкѣ, что я умираю достойнымъ ея сыномъ!“ (proszę powiedzieć mojéj matce że umieram godnie jéj!) проговорилъ онъ, такъ что всѣ близъ стоявшіе слышали. Въ это время раздались три залпа: экзекуція съ тремя товарищами Завиши кончилась. Онъ взглянулъ въ ту сторону и сказалъ: „Отчего я не умираю военною смертью?“ (Dla czego nie umieram woyskową śmiercią?) Стали надѣвать на него смертную рубаху. Завиша сорвалъ ее и бросилъ. Кликнули ксендза и предложили ему успокоить осужденнаго. Ксендзъ подошелъ съ крестомъ и только что произнесъ слова: Провидѣніе и справедливость Господня...(opatrzność i sprawiedliwość Boska), — Завиша прервалъ его и сказалъ: Провидѣніе и справедливость! Еслибъ они существовали, этого бы не было! (Opatrzność i sprawiedliwość! Gdyby one istniały, tego by nie było!) И затѣмъ пошелъ къ эшафоту. Послѣдними его словами были: „Когда-бы у меня было сто жизней, всѣ бы ихъ я отдалъ отчизнѣ!“ (Kiedy bym miał sto żyć, wszystkie bym ofiarował mojéj ojczyznie!)

Все время передъ казнью онъ стоялъ прямо, поднявъ голову. Товарищи его были несравненно больше смущены, и ни одинъ изъ нихъ не произнесъ ни слова [44]).

17 Ноября ст. ст. разстрѣлены въ гор. Липнѣ (Плоцкой губерніи) люди разныхъ бандъ: шляхтичъ Павелъ Войткевичъ, служившій въ Польскихъ войскахъ; рядовой тѣхъ же войскъ Григорій Зайонцъ и дезертиръ, рядовой Симбирскаго егерскаго полка, Игнатій Морозовъ.

18 Ноября ст. ст. разстрѣлены въ гор. Калишѣ унтеръ-офицеры бывшихъ Польскихъ войскъ: Антонъ Винницкій и Іосифъ Домбковскій.

Сверхъ того, тогда же рядовой Брестскаго пѣхотнаго полка Максимъ Гавриленко, рядовой бывшихъ Польскихъ войскъ Петръ Левицкій, рядовой Луцкаго гренадерскаго

---

[44]) Сообщено однимъ генераломъ, находившимся при экзекуціи. Всѣ приведенныя здѣсь слова Завиши онъ слышалъ своими ушами.

полка Григорій Загребельный и какой-то Ляховскій прогнаны сквозь строй: первые два черезъ 500 чел. по три раза, а послѣдніе два черезъ 500 чел. по два раза, и затѣмъ сосланы въ Сибирь въ каторжную работу.

Тѣмъ временемъ Заливскій съ Дмуховскимъ, не находя нужнымъ подвергать себя опасности въ Русской Польшѣ и болѣе или менѣе зная о бѣдственной участи вторгнувшихся бандъ, рѣшились воротиться въ Галицію и огласили *отсрочку* возстанія. Собственно Заливскій и всѣ его друзья были убѣждены, что *дѣло кончено*, игра проиграна безвозвратно; но старый герой, котораго самолюбіе было глубоко уязвлено, надъ кѣмъ всѣ смѣялись, кому не было спокойнаго угла, гдѣ-бы скрыться — искалъ себѣ какого-нибудь выхода, хоть бы въ тюрьму или на эшафотъ, лишьбы спрятаться скорѣе отъ тьмы проницающихъ его назквозь глазъ. Онъ твердилъ всѣмъ и каждому, что „роковыя и непредвидѣнныя обстоятельства разстроили предпріятіе, но что лѣтомъ тогоже года оно непремѣнно возобновится". Въ первыхъ числахъ Іюня по н. ст. онъ даже выпустилъ въ свѣтъ *Воззваніе къ Галиціанамъ*, гдѣ рисуется весь какъ въ зеркалѣ, со всею его дѣтскою недальновидностью и самымъ необдуманнымъ честолюбіемъ. Все это подложено однако тѣмъ отчаяніемъ, которое овладѣло тогда его душею. Въ самомъ концѣ онъ прямо говоритъ: „смерть будетъ во всякомъ случаѣ одна, съ оружіемъ-ли въ рукахъ, въ тюрьмѣ-ли, на эшафотѣ-ли" [45]).

Галиціане, читая это воззваніе, только улыбались. Затѣя Заливскаго никогда не имѣла одобренія во всей массѣ Поляковъ. Въ особенности все умѣренное вооружалось противъ него съ самаго начала, когда еще ничего бѣдственнаго не случилось. Но теперь, когда все, поднявшее оружіе, было разсѣяно или погибло; когда въ Парижѣ всѣ разнообразные кружки соединились для того, чтобы отслужить панихиду по жертвамъ Наѣзда, разстрѣленнымъ въ Царствѣ

---

[45]) См. Приложеніе № 4.

Польскомъ [46]): теперь на Заливскаго, призывавшаго соотчичей къ повторенію Наѣзда, смотрѣли прямо какъ на помѣшаннаго, котораго надо схватить и посадить въ желтый домъ. Такъ какъ однакоже отъ его воззваній никто не ожидалъ никакого результата, то его оставили въ покоѣ и свои, и Австрійское правительство, которое очень знало о мѣстѣ его пребыванія. Вдругъ случилось происшествіе, которое измѣнило ходъ дѣлъ: кучка отчаянныхъ людей, окружавшихъ Заливскаго, какъ и онъ, не думавшихъ нисколько класть оружіе, не смотря на горькія неудачи, на общее негодованіе и отсутствіе всякихъ средствъ, будучи недовольна своимъ вождемъ, который, въ раздраженіи на весь свѣтъ, принялъ черезъ-чуръ диктаторскій тонъ съ подчиненными, и кромѣ того потерявъ въ него всякую вѣру, основала особый *Комитетъ Польскихъ карбонаровъ* (Komitet Węglarzy Polskich), съ намѣреніемъ дѣйствовать за одно съ другими подобными обществами всѣхъ странъ, имѣя въ виду не только освобожденіе Русской Польши, но и двухъ другихъ, а потомъ и цѣлаго свѣта [47])....

Это обстоятельство положило предѣлъ существованію всей этой партіи. Карбонаровъ и Заливскаго арестовали, судили во Львовѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ государственныхъ преступниковъ перваго разряда, послѣ чего главные зачинщики, въ числѣ 12 человѣкъ [48]), посажены въ Швейцарскую крѣпость Куфштейнъ, болѣе или менѣе на продолжительный срокъ [49]), въ цѣпяхъ по рукамъ

---

[46]) 7 Іюля н. ст. 1833 t. VIII Biblioteki Pisarzy Polskich, стр. 179. На этой панихидѣ были: Чарторыскій, Ушинскій и другіе бѣлые.

[47]) Соч. Барковскаго Wyprawa Partyzancka, стр. 47 и далѣе.

[48]) Іосифъ Заливскій, ксендзъ Викентій Забоклицкій, Леопольдъ Бялковскій, Карлъ Борковскій, Константинъ Слотвинскій, Александръ Комарницкій, Генрихъ Дмоховскій, Фердинандъ Бѣлинскій, Адольфъ Ролинскій и трое Чеховъ, пограничныхъ стражей: Фишеръ, Бергеръ, Штихъ. Первые четверо: Заливскій, Забоклицкій, Бялковскій и Борковскій были осуждены первоначально на смерть, чрезъ повѣшеніе (Wypr. Part., стр. 68).

[49]) Забоклицкій, Бялковскій и Борковскій на 15 лѣтъ, а Заливскій на 20 лѣтъ.

и по ногамъ, въ 6½ фунтовъ каждая. Двое не выдержали заключенія и умерли (Забоклицкій и Ролинскій), а другіе потеряли навсегда здоровье. Заливскій, выпущенный въ 1848 году, съ опухшими руками и ногами, глядѣлъ старикомъ и вскорѣ умеръ.

Несмотря на эти безчисленныя жертвы, на несчастія цѣлыхъ семействъ, отсюда проистекавшія, работы красной партіи все таки продолжались. Тѣже самыя цѣли преслѣдовались съ горячностью невѣроятною; одинъ планъ смѣнялъ другой, новые эмиссары заступали мѣсто прежнихъ, погибшихъ и пробивались сквозь всякія препятствія, можно сказать, съ нечеловѣческой энергіей. Чѣмъ долѣе заживалась эмиграція на чужой почвѣ, тѣмъ болѣе терялись въ ней понятія о томъ, что̀ дѣлается дома. Родимый край представлялся скитальцамъ въ самыхъ неясныхъ краскахъ, гдѣ все казалось возможнымъ. Страшная тоска по родинѣ еще болѣе усиливала иллюзію.

„Побуждаемые этою тоскою и вмѣстѣ революціонною горячкою, эмиссары часто являлись въ край безъ всякаго плана, не имѣя ни полномочія, ни позволенія Централизаціи, даже не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ должно дѣлать“, говоритъ ихъ же братъ, красный повстанецъ [50]).

Большая часть эмиссаровъ были люди ничтожные, которыхъ имена пропали для потомства и исторіи. Но были и такіе, которымъ удалось надѣлать шуму и которыхъ помять сохранилась въ Польшѣ до сихъ поръ.

Изъ такихъ болѣе всего выдвигается послѣ экспедиціи Заливскаго, капитанъ бывшихъ Польскихъ войскъ, Симонъ Конарскій, человѣкъ замѣчательный по уму и твердости характера. Будучи той-же школы, что̀ и Заливскій, также мечтавшій перестроить міръ посредствомъ ряда революцій и так-

---

[50]) Записки Авейде, I, 163.—Онъ говоритъ, что «эмиссарская болѣзнь продолжалась у нихъ, если не до Крымской кампаніи, то по крайней мѣрѣ до 1848 года»...—Централизація—особое учрежденіе Демократическаго Общества. Ниже будетъ точное объясненіе этого слова.

же не умѣвшій никому подчиниться и вѣчно смотрѣвшій въ начальники всего, въ диктаторы,—Конарскій искалъ себѣ дѣятельности, искалъ мѣста, гдѣ бы отличиться, стать повиднѣе [51]).

Въ то время, какъ Заливскій сочинялъ свой походъ въ Польшу, составилось въ Италіи особое революціонное общество, подъ именемъ *Юной Европы*, потомъ *Юной Италіи*, считавшее своимъ главою Іосифа Мадзини. Это общество затѣяло экспедицію противъ Савоіи, куда вовлечено множество Поляковъ, и всѣми войсками командовалъ тоже Полякъ, генералъ 1830 года, Раморино.

Конарскій, не пріискавшій еще для себя соотвѣтственныхъ занятій, бросился въ эту экспедицію. Судьба его извѣстна: Раморино отступилъ (въ Февралѣ 1834 года), войска его разбрелись. Общество, управлявшее всѣмъ этимъ движеніемъ, открыто. Члены его подвергнуты арестамъ, кто не успѣлъ бѣжать; а Полякамъ, пребывавшимъ въ Швейцаріи, тамошнее правительство предложило выѣхать. Тридцать человѣкъ взяли паспорты немедля; потомъ выѣхало еще пятьдесятъ. Остальные, ядро кружка, который назвался *Юной Польшей* ,въ соотвѣтствіе *Юной Италіи* Мадзини, рѣшили отправиться въ видѣ особыхъ, новыхъ эмиссаровъ въ Русскую Польшу: посмотрѣть, не оставила-ли по себѣ какихъ слѣдовъ экспедиція Заливскаго, нельзя-ли чего сдѣлать, связать разорванныя звѣнья, сплотить разбитые кружки и вести затѣмъ дѣло спасенія далѣе.

Въ числѣ пустившихся странствовать по Польшѣ съ такими цѣлями былъ и Конарскій [52]).

Побродивъ по Царству Польскому, Литвѣ и Руси и встрѣчая вездѣ препятствія и равнодушіе, весь этотъ народъ вскорѣ собрался въ Краковѣ, безопасномъ въ то время пріі-

---

[51]) Изъ нашихъ офиціальныхъ бумагъ видно, что Конарскій и Бернсдорфъ были арестованы Прусскою полиціею въ Прейсишъ-Эйлау, въ 1833 году.

[52]) Wizerunki polityczne dzeijów Panstwa Polskiego, t. XXIX Bibliot. Pisarz. Polskich, Lipsk, 1864, стр. 154.

ютѣ всякихъ постанцевъ, гдѣ, что̀ ни день, творились разныя революціонныя общества, строились планы за планами, и одинъ подкапывалъ другаго. Никакой историкъ не опишетъ всѣхъ кружковъ, возникшихъ въ Краковѣ, отъ той поры до нашихъ дней; никто не выйдетъ изъ этого лабиринта.

Конарскій послушалъ тамъ всякихъ толковъ и криковъ, представлявшихъ въ общемъ совершенный хаосъ, ничего не могъ понять, ничего вынести оттуда, тѣмъ менѣе пристать къ какой-либо партіи—и бѣжалъ снова во Францію, въ Парижъ, гдѣ Польскія революціонныя партіи все-таки представляли нѣкоторый порядокъ, партія отдѣлялась отъ партіи, существовала даже революціонная литература. Не рѣшившись, вслѣдствіе своего независимаго характера и воззрѣній, подчиниться кому-либо, стать подъ чьи-либо знамена, Конарскій, какъ чистый Полякъ, началъ думать объ основаніи *своего собственнаго* кружка и для этого принялся издавать газету Сѣверъ, Północ [53]), другими словами: скликàть себѣ воинство. Но трудъ этотъ былъ ему не по силамъ: газета, не имѣвшая ни сотрудниковъ, ни подписчиковъ, сама собою остановилась. Сидѣть, ничего не дѣлая, когда другіе всетаки копошились въ своихъ муравейникахъ, Конарскій, по своей живой и безпокойной натурѣ, не могъ. Ему нужна была хоть какая-либо дѣятельность. Какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда человѣкъ ищетъ себѣ усиленно занятій, сочиняетъ ихъ, если они не сочиняются сами, — Конарскому, при разговорахъ съ лицами, прибывающими изъ Польши, стало казаться,

---

[53]) Вотъ ея программа, оглашенная при первомъ номерѣ: «Предпринимаемая газета будетъ посвящена счастію сѣверо-восточныхъ народовъ. Въ первыхъ нумерахъ она коснется слѣдующихъ предметовъ: Взглядъ на общее положеніе Европы. Назначеніе Польской эмиграціи. О религіи. О мѣщанахъ Польши и Россіи. О собственности. О конституціяхъ. О революціонной силѣ. О народной войнѣ. Ложная точка зрѣнія, съ которой до сихъ поръ смотрѣли на шляхту. О Русскихъ боярахъ и рабахъ. О герояхъ Россіи.»

что тамъ, послѣ его отъѣзда, многое перемѣнилось, что сѣмена, посѣянныя имъ и прочими эмиссарами, дали свой плодъ, вслѣдствіе чего можно кое-что сдѣлать. Ко всему этому, ко всѣмъ фантазіямъ, которыми были тогда полны головы многихъ эмигрантовъ, присоединилась еще и любовь: Конарскій оставилъ на Литвѣ коханку. И вотъ, переговоривъ съ нѣсколькими кружками и получивъ благословеніе *Демократическаго Общества* (котораго прямымъ агентомъ никогда не былъ), Конарскій снова помчался въ Русскую Польшу: приготовлять ее къ новому, неопредѣленному по времени возстанію, дѣлать что-то такое, чему бы и самъ, положивъ руку на сердце, не пріискалъ настоящаго названія.

Въ ту пору *Демократическое Общество* (1835) стало болѣе и болѣе подчинять себѣ другіе красные кружки и выдвигаться въ эмиграціи впередъ, какъ бы главная, предводительствующая партія. *Общество Польскихъ карбонаровъ*, *общество правъ человѣка и гражданина* и другія стали мало-по-малу меркнуть и сходить съ горизонта. Такими успѣхами Демократическое Общество было обязано энергіи и ловкости своихъ вождей, своему, такъ сказать, коллективному правительству, изъ пяти членовъ, которое замѣнило тогда начальствующія секціи Парижа и Пуатье [54]), назвавшись *Централизаціей* — слово, которое долго было употребляемо въ Европѣ неточно и котораго дѣйствительный смыслъ знали только посвященные.

Эти вожди, эти члены Централизаціи были люди образованные и бойкіе писаки. Они выпустили въ свѣтъ множество брошюръ, которыя читались съ жадностью и съ трепетомъ сердца всею молодежью эмиграціи и края, чуть чуть не заучивались наизустъ и, съ теченіемъ времени (въ соединеніи съ другими элементами) образовали тотъ *Народный Катихизисъ* [55]), который, не будучи писанъ ника-

---

[54]) Но агитирующія секціи по городамъ, равно въ Парижѣ и Пуатье, все таки остались.

[55]) Позже былъ напечатанъ и отдѣльно, подъ редакціей нѣкоего Прав-

кимъ каноникомъ, имѣлъ и донынѣ имѣетъ силу писаннаго религіознаго устава для значительной массы Поляковъ, жилъ и дѣйствовалъ долго и еще будетъ дѣйствовать въ грядущихъ поколѣніяхъ. Парадоксы, построенные, съ извращеніемъ историческихъ фактовъ, предводителями сказаннаго кружка, были парадоксы самаго заманчиваго, эффектнаго свойства. Они нравились всѣмъ, и своимъ, и чужимъ, и въ вихрѣ этихъ красивыхъ и звонкихъ фразъ закрутился не одинъ солидный и крѣпкій умъ. Надо отдать справедливость Централизаціи: она работала сильно и неутомимо. Она, а никакая другая партія, ворочала дѣлами всѣхъ заговоровъ съ того времени вплоть до нашихъ дней. Это былъ врагъ, какъ врагъ, всѣхъ трехъ правительствъ, раздѣлившихъ Польшу. Остальные кружки, взятые вмѣстѣ, не сдѣлали и половины того, что̀ сдѣлало одно Демократическое Общество.

Первый, основный парадоксъ, ставшій Польскимъ *Credo*, который Поляки надѣялись навязать цѣлой Европѣ, былъ такого свойства:

довскаго, который работалъ отдѣльно отъ Дем. Общества, но иное изъ его трудовъ Дем. Общество рѣшилось признать за свое произведеніе и самаго Правдовскаго, по его значительному вліянію на массы, признавало почти своимъ членомъ. Но само общество Катихизиса никогда не выдавало.

Катихизисъ Правдовскаго напечатанъ въ приложеніи въ книгѣ Самарина: Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, Москва 1868 года.

Вотъ, насколько извѣстно, имена членовъ [illegible]ралиціи за десятилѣтіе, съ 1835 по 1845: Лукьянъ-Іосифъ Зачинскій, Генрихъ Якубовскій, Ѳома Малиновскій, Адольфъ Христовскій, Робертъ Хмѣлевскій, Александръ Мольсдорфъ, Викторъ Гельтманъ, Иванъ-Непомукъ Яновскій, Іосифъ Высоцкій, Людвигъ Мирославскій, Иванъ Альціата, Теофилъ Виснёвскій, Альбертъ Дарашъ.

Общество могло смѣнять членовъ Централизаціи ежегодно, на выборахъ, которые происходили въ памятный для всѣхъ Поляковъ день 29 Ноября. Предсѣдателя въ Централизаціи не было. Каждый изъ членовъ предсѣдательствовалъ недѣлю, поочередно. Жалованье членовъ простиралось до 45 франковъ въ мѣсяцъ, если было сверхъ того вспомоществованіе отъ Французскаго правительства, а если его не было, то 75 франковъ. Жили члены въ высшей степени умѣренно, даже бѣдно. Сюртукъ Якубовскаго, невѣроятнаго цвѣта, былъ извѣстенъ цѣлому Пуатье.

„Польша, слив̀ъ воедино, десять вѣковъ тому назадъ, многія близкія другъ къ другу по языку, происхожденію, нуждамъ и характеру поколѣнія, развивала, въ предѣлахъ извѣстныхъ сословій, демократическую идею Славянства, подавленную въ иныхъ племенахъ чуждою властію и насиліемъ, и одна защищала Европейскую цивилизацію отъ напора всякой Азіятской дичи: Татаръ, Турокъ и Москалей."

„Когда же освобожденная человѣческая мысль объявила на Западѣ войну старому порядку вещей, въ защиту котораго возсталъ могущественный абсолютизмъ Сѣвера, Польша, какъ передовая стража Европейской цивилизаціи, вѣрная своему призванію, вступила въ борьбу и въ этой борьбѣ погибла. Абсолютизмъ окрѣпъ и усилился на ея могилѣ. Спасеніе Европы было отложено. Отсюда слѣдуетъ, что дѣло воскресенія Польши необходимо для всѣхъ, есть дѣло не одной только Польши, а цѣлаго человѣчества".

Этими мыслями начинался знаменитый *Манифестъ* Демократическаго Общества, 1836 года, переведенный вскорѣ на три главные Европейскіе языка: Французскій, Нѣмецкій и Англійскій.

Конечно, тутъ подразумѣвалось, что всѣ націи, или хоть то въ націяхъ, что̀ стремится къ истинной свободѣ, должны всемѣрно помогать Польшѣ, думать объ ея воскресеніи, какъбы о своемъ собственномъ дѣлѣ, стараться возстановить эту „передовую стражу Европейской цивилизаціи".

Но это только подразумѣвалось. На самомъ дѣлѣ помощи ни у кого не просили. Практическіе умы вождей очень хорошо понимали, что Европа не протянетъ имъ руки, когда вспыхнетъ революція, что это не въ ея интересахъ, что Польша должна встать своими собственными силами. И потому строился еще такой парадоксъ:

„Всѣхъ Поляковъ 20 милліоновъ (!). Если поднять всю эту массу, то можно ниспровергнуть коалицію всего свѣта. Но какъ поднять? Какъ вдохнуть во всѣхъ одну отважную, доблестную душу? Нужно работать усердно, неусыпно, день и ночь, энергически; просвѣщать темныхъ, все отдать народу

и всего достигнуть единственно народными силами; очиститься отъ всѣхъ старыхъ грѣховъ, сдѣлаться достойными великой роли, которую еще должна разыграть Польша передъ вселенной—и тогда....“

Вотъ что, главнымъ образомъ, лежало въ основаніи принциповъ Демократическаго Общества [56]). Манифестъ не трогалъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ струнъ Европы и захватовъ. Послѣдующее время наслоило много лишняго. Воображеніе новыхъ, менѣе осторожныхъ и церемонныхъ сочинителей, полетѣло гораздо дальше. Въ Европѣ, новые авторы принциповъ уже нетолько не нуждались, но считали ее просто неспособною помочь такому дѣлу, какъ освобожденіе Польши съ другими, истыми Славянами, слабою, одряхлѣвшею, измученною страшными трудами, которые она понесла для человѣчества. Въ Русскомъ правительствѣ усматривался главный врагъ, съ которымъ никакъ не могло быть примиренія, даже временнаго, лицемѣрнаго. Напротивъ, каждый Полякъ и каждая Полька должны питать къ нему постоянное недовѣріе, презрѣніе и ненависть. „Матери въ своихъ семьяхъ, кзендзы на амвонахъ и во время исповѣди, учители въ школахъ, всѣ и вездѣ должны научать этому одинъ другаго, напоминать одинъ другому объ этихъ, не то-что чувствахъ, но священныхъ обязанностяхъ всякаго Поляка [57])“.

Конарскій, наслушавшись принциповъ Демократическаго Общества, вскорѣ послѣ его отбытія высказанныхъ въ *Манифестѣ* [58]), помня кое-что изъ преданій *Юной Италіи* и *Юной Польши*, наконецъ, набравшись кое-какихъ идей въ Краковскомъ кружкѣ *Союза Польскаго Народа* (Stowarzyszenie Ludu Polskiego) [59])—пустилъ все это подъ собственной

---

[56]) Весь *манифестъ* можно видѣть въ сочиненіяхъ Гельтмана: *Demokracya Polska na emigracyi.* (Bibl. Pisárz. Polskich, XXXV, стр. 3).

[57]) Авейде, I, 106 и далѣе. Русскій Архивъ 1870, стр. 247—251.

[58]) Конарскій отправился весною 1835. Манифестъ выданъ въ началѣ 1836.

[59]) Центральная власть этого кружка носила имя *Главнаго Сбора* (Zbor Główny), гдѣ членами были депутаты отъ Земскихъ сборовъ (Wysłancy

своей окраской сперва на Волыни, потомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Литвы. Онъ работалъ горячо и страстно, распространяя революціонныя брошюры, вербовалъ людей для будущей революціи и заставлялъ ихъ присягать по формѣ присяги *Союза Польскаго народа*. Въ заключеніе онъ даже завелъ типографію, гдѣ печаталъ мелкія воззванія.

Централизація, узнавъ о такихъ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ Конарскаго и видя, что онъ черезъ чуръ горячъ, увлекается ненужными подробностями, забывая о главномъ, дѣйствуетъ иногда, какъ поэтъ, даже какъ ребенокъ, послала въ край особыхъ агентовъ отыскать счастливаго проказника, постараться склонить его на свою сторону и ввести въ комбинаціи, которыя тогда замышляла. Но посланные его не нашли, и Конарскій до конца руководствовался или совѣтами друзей, или собственными фантазіями, будучи, въ главномъ, все таки ратникомъ партіи, которая его искала [60]). Отыскать Конарскаго было нелегко: онъ укрывался подъ разными именами и одеждами по хуторамъ помѣщиковъ, по глухимъ монастырямъ, и наша полиція не знала объ немъ

---

zborów ziemskich), иначе сказать *Земель* (Ziemia), на которыя дѣлилась вся Польша 1772 года и которыхъ было 7—9. Затѣмъ шли *обводы, округи*, гмины. Число членовъ *Главнаго Сбора* было неограничено. Самъ Главный Сборъ могъ принять, собственной своей властью, какое угодно лицо въ свое лоно, если находилъ это нужнымъ. Требовалось только присутствіе при этомъ и согласіе крестьянскаго представителя (representant włościanski), безъ котораго засѣданіе Главнаго Сбора не имѣло надлежащей силы и значенія. Всякое засѣданіе Главнаго Сбора и другихъ открывалось слѣдующей молитвой предсѣдателя: «Боже, Который прежде всего установилъ любовь къ ближнему, пошли благословеніе собравшимся во имя Твое; дай восторжествовать добродѣтели; положи предѣлъ господству преступленій; избавь Твой народъ отъ рабства; наполни сердца наши, споспѣшествуй намѣреніямъ нашимъ. Аминь!» Затѣмъ предсѣдатель произносилъ соотвѣтствующую обстоятельствамъ рѣчь, и засѣданіе начиналось. Если было кого принять — принимали, приведя къ присягѣ.

[60]) Альціата, *Wypadki w r. 1846, стр.* 154. Онъ говоритъ между прочимъ: «Если бы работы Конарскаго вошли въ комбинацію, которой инидіатива принадлежала Централизаціи, то приготовили бы, можетъ статься, вѣрные матеріалы для возстанія».

до тѣхъ поръ, покамѣстъ Паскевичъ не получилъ извѣстій изъ Франціи о работахъ Польскихъ эмиссаровъ въ нашей Польшѣ, съ прежними ея провинціями, при чемъ сообщались имена и примѣты главныхъ, въ томъ числѣ и Конарскаго. Само собою разумѣется, что сейчасъ начались розыски [61]). Конарскій счелъ почему-то болѣе удобнымъ перебраться въ это время на Литву, подъ именемъ Януша Немравы (Неловкій), гдѣ пропагандировалъ съ такою-же смѣлостью.

Въ началѣ 1837 года Государь былъ проѣздомъ въ Вильнѣ. Когда тамошній генералъ-губернаторъ, князь Долгорукій, сталъ докладывать его величеству о совершенномъ спокойствіи края, императоръ замѣтилъ: „А Конарскій?“ и показалъ депешу, свидѣтельствовавшую о работахъ Конарскаго съ его друзьями въ Литвѣ.

Поднялась новая скачка всевозможныхъ полицейскихъ агентовъ. На многихъ почтовыхъ станціяхъ были посажены особые наблюдатели, которымъ приказано всматриваться во всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ. Друзья совѣтовали Конарскому скрыться. Одинъ, даже почти насильно, подвезъ его на своихъ лошадяхъ къ границѣ; но Конарскій находился тогда въ положеніи игрока, которому сильно везетъ. Онъ уже вѣрилъ въ свою звѣзду и не съумѣлъ вовремя положить карты. Посмотрѣвъ на черту, за которой ожидало его вѣроятное спасеніе, онъ повернулся назадъ, въ край,—

---

[61]) Приказъ Паскевича военному генералъ-полицеймейстеру дѣйствующей арміи о розысканіи Конарскаго носитъ дату: $\frac{5}{17}$ Сентября 1835 года № 1171. Но была еще прежде общая бумага, въ видѣ письма, написаннаго по приказанію фельдмаршала къ томуже лицу (генералъ-маіору Стороженкѣ) отъ 21 Іюня (3 Іюля) 1835 года, № 801, гдѣ перечислены всѣ, выѣхавшіе тогда изъ Франціи, эмиссары: Луціанъ Платеръ, подъ именемъ Лоренса (Laurence), Михайло Карскій (онъ же Дóнскій), Наполеонъ Эгерсдорфъ, Леонъ и Адольфъ Залѣсскіе, Михаилъ Ходзько и Симонъ Конарскій, съ обозначеніемъ ихъ примѣтъ. Примѣты Конарскаго означены такъ: «Лѣтъ 25—30, росту средняго, волосы свѣтлорусые, носъ средній, брови свѣтлыя, глаза голубые, носъ короткій, ротъ обыкновенный, усы и гишпанка русые, лицо круглое, здороваго цвѣта; тученъ. Псевдонимъ: Гайпельманъ или Гагельманъ.»

и очутился на такъ называемыхъ Свенто-юрскихъ контрактахъ въ Вильнѣ, гдѣ едва не попался [62]). Это было весной 1838 года. Какой-то студентъ Виленской Медико-хирургической Академіи вывезъ Конарскаго по Минскому тракту, но на станціи Кржижовице оба они были арестованы и отправлены въ Вильну, единственно потому, что Конарскій, во время перемѣны лошадей оставшійся на телѣгѣ, черезъ-чуръ пряталъ свое лицо въ воротникъ шинели [63]).

Въ Вильнѣ очень скоро дознались, *кто это*. Началось слѣдствіе, которое обнаружило довольно обширный заговоръ, обнимавшій Литву, Юго-западныя губерніи и Царство Польское и имѣвшій правильную организацію, народную кассу и типографію. Онъ носилъ названіе: *Союзъ народа Польскаго или Конфедерація блюстителей Польской народности* (Stowarzyszenie Narodu Polskiego, czyli Konfederacya strózów Narodowości Polskiéj) [64]).

Множество разнаго народу было привлечено къ этому слѣдствію и посажено подъ аресты, строгій въ Варшавѣ и до невѣроятности снисходительный въ Вильнѣ. Самъ Конарскій содержался въ бывшемъ зданіи Базильянскаго монастыря, гдѣ содержался, 14 лѣтъ передъ тѣмъ, Мицкевичъ, съ товарищами Филаретами и Променистыми [65]).

Многіе караульные офицеры, Поляки и Русскіе, всячески облегчали Конарскому его заточеніе: брали отъ него записки и передавали другимъ арестантамъ или кому-нибудь въ городѣ. Конарскій, незадолго до казни, написалъ стихи, гдѣ въ одномъ мѣстѣ отказывается отъ Бога и неба, но кон-

---

[62]) Подробности объ этомъ въ брошюрѣ (кажется Леона Зенковича); *Szimon Konarski*, Paryż, безъ году, стр. 17—18, если только ей можно вѣрить.

[63]) Цитир. брошюра, стр. 18. Авейде говоритъ, что за ними была отправлена погоня. I, 166.

[64]) Присягу этого общества смотри въ Приложеніяхъ.

[65]) Объ этихъ и другихъ партіяхъ въ Вильнѣ см. II т. Мохнацкаго, Познанское изданіе, 1863, стр. 201 и далѣе.

чаетъ четверостишіемъ, котораго смыслъ таковъ: „Въ этой кельѣ пережилъ я страданія всѣхъ сердецъ, отсюда видѣлъ Польшу, залитую моремъ слезъ... Тамъ не думалъ о жизни, здѣсь не думаю о душѣ.... Только Польшу спаси, о Господи!“

Потомъ написалъ онъ письмо къ матери, гдѣ опять становится вѣрующимъ и богобоязненнымъ католикомъ. Какъ-то случилось, что то и другое дошло до потомства [66]).

Въ день его казни, 15 Февраля ст. ст. 1839 года, огромныя толпы народа облегали кругомъ, съ самаго ранняго утра, лобное мѣсто за Троцкой заставой.

Осужденнаго привезли въ саняхъ, въ 12 часу дня. Всю дорогу онъ бросалъ народу разныя отрывочныя фразы, а въ одномъ мѣстѣ вынулъ изъ саней ногу и тряхнулъ цѣпями. Разъ жандармы, скакавшіе около саней, загородили его отъ народа, и онъ сказалъ: „посторонитесь, братцы, добрые люди хотятъ меня видѣть!“ Передъ тѣмъ какъ должно было остановиться, Конарскій произнесъ: „Какая толпа! Умираю точно король!“

Когда стали надѣвать смертную рубаху, Конарскій обратился къ распоряжавшему экзекуціею офицеру и просилъ не завязывать ему глазъ, но этого не нашли возможности исполнить. Повязка сбила голубую шапочку, бывшую на головѣ осужденнаго, — подарокъ его коханки Эмиліи. Онъ попросилъ кого-то, чтобъ ее надѣли опять, и это было сдѣлано.

Лишь только трупъ упалъ, массы людей, вѣроятно, сговорившись заранѣе, бросились къ столбу, кололи и рѣзали его ножами, чтобы имѣть на память куски дерева, къ которому былъ привязанъ Конарскій. Кто-то вырвалъ изъ рукъ квартальнаго голубую шапочку и пропалъ съ нею въ толпѣ. Похитили изъ саней верхнюю одежду разстрѣленнаго. Послѣ ходили слухи, что трупъ, зарытый на мѣстѣ

---

[66]) Стихи можно видѣть въ брошюрѣ *Szymon Konarski*, стр. 23—27. Все черезъ-чуръ богохульное тамъ однако выпущено, но многіе Поляки знаютъ эти выпущенныя мѣста наизустъ. Письмо Конарскаго къ матери см. въ Приложеніяхъ № 6.

казни, былъ вырытъ; а изъ цѣпей дамы подѣлали себѣ кольца. Разсказывалось вообще много страннаго и невѣроятнаго. Слѣдственныя коммиссіи, смѣнявшія одна другую, были сбиты съ толку. Одна какъ бы нападала на слѣдъ новаго заговора, другая находила такія открытія излишнимъ увлеченіемъ слѣдователей. Тюрьмы то наполнялись арестантами въ такой степени, что не знали куда сажать, то пустѣли снова. Изъ всего написаннаго объ этомъ времени (тотчасъ послѣ казни Конарскаго) оффиціально и неоффиціально, едва-ли извлекутъ когда-нибудь настоящую истину.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

На всемъ пространствѣ Польши царствовало внѣшнее спокойствіе нѣсколько лѣтъ сряду; тѣмъ не менѣе подземныя силы работали своимъ чередомъ, подъ руководствомъ той же Централизаціи, работы которой, въ соединеніи съ Демократическимъ Обществомъ тогда образовавшимся, клонились къ тому, чтобы подготовить Польшу къ той общеевропейской революціи, о которой говорилось между всякими революціонерами давно и которая, по ихъ разсчетамъ, могла вспыхнуть весьма скоро.

Въ 1839 г. агенты общества, управлявшіе секціями и округами, получили приказаніе Централизаціи переформировать эти секціи и округи изъ ведущихъ пропаганду на гражданскую и военную іерархію. Между 1840 и 1841 г., эта организація стала мало по-малу принимать опредѣленный образъ. Прежде другихъ устроились: Великое Княжество Познанское, Западная Пруссія, Вольный Краковскій Округъ, съ воеводствомъ того же имени въ Царствѣ, Галиція по рѣку Санъ и незначительная часть Малороссіи [1]).

---

[1]) Въ показаніи 14 Октября 1846, въ Познани, Мирославскій, на вопросъ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ Малороссіи, отвѣчалъ: «Волынь, Подолъ и Украйну, землю между Днѣпромъ, Днѣстромъ, Припетью и Чернымъ моремъ. На востокъ Малороссія граничитъ Полтавской губерніей, на западъ Галиціей, на югъ Бессарабіей, на сѣверъ Литвой. Главные города: Кіевъ, Каменецъ и Житоміръ».

Позже остальная часть Царства, Жмудь, небольшая часть Литвы и Восточной Галиціи [2]).

Іосифу Высоцкому, хорошо образованному офицеру бывшихъ Польскихъ войскъ, Централизація предложила открыть въ Парижѣ курсъ военныхъ наукъ для молодыхъ Поляковъ, а Мирославскаго просила быть ему въ родѣ помощника по той же каѳедрѣ. Мирославскій, до тѣхъ поръ воевавшій съ Централизаціей въ журналахъ цѣлыхъ семь лѣтъ, со времени ея основанія (1834—1842), и укоряемый ею и многими другими партіями за то, что промѣнялъ родной языкъ на Французскій, — охотно согласился помогать Высоцкому: во-первыхъ потому, что въ сущности былъ дитя тѣхъ же принциповъ, а во-вторыхъ любилъ смертельно рисоваться передъ публикой, ораторствовать, учить. Ему какъ бы польстили, сдѣлавъ его профессоромъ молодежи. Онъ сталъ бойцомъ Демократическаго Общества, бойцомъ Централизаціи, какого она еще и не видала, бился за нее противу всѣхъ кружковъ и въ Ноябрѣ 1842 года принятъ въ члены Демократическаго Общества, въ секцію Парижъ [3]).

Между кружками, желавшими ускоренія взрыва, былъ опаснѣе всѣхъ кружокъ такъ называемыхъ Плебеевъ (Plebejuszów) подъ начальствомъ Стефанскаго, въ Тарновскомъ округѣ Восточной Галиціи. Онъ состоялъ по преимуществу изъ ремесленниковъ. Всѣ усилія Централизаціи подчинить его своей власти, а равно подобный ему кружокъ въ Царствѣ Польскомъ, ксендза Сцѣгеннаго, были тщетны. По крайней мѣрѣ, еще Стефанскій съ ремесленниками только шумѣлъ и грозилъ подняться, но не поднимался; а Сцѣгенный со своими крестьянами, вопреки совѣтамъ чуть ли не цѣлаго Царства и множества друзей въ Галиціи и Познани, произвелъ возмущеніе въ Кѣльцахъ (1844), кончившееся для него и для его сообщниковъ очень печально: его подвели подъ висѣлицу и сослали въ каторжную работу, а

---

[2]) Показанія Мирославскаго въ Познани 10 Октября 1846 г.

[3]) Его же показанія, въ Познани 10 Октября 1846 г.

подчиненныхъ ему крестьянъ (13 человѣкъ) наказали шпицрутеномъ и тоже сослали въ каторжную работу [4]).

Общество (внутреннее, въ краю) и его провинціальныя секціи на нѣкоторое время сблизились и выказали родъ повиновенія уполномоченнымъ агентамъ Централизаціи, между коими былъ даже и членъ ея, Малиновскій, человѣкъ серьозный, осторожный, врагъ всего хаотическаго и безхарактернаго. Онъ жилъ тогда въ Прусской Польшѣ и видѣлъ хорошо, что заговору до надлежащей зрѣлости еще далеко и о взрывѣ мечтать можетъ развѣ какой-нибудь безусый мальчикъ.

Къ концу 1844 года, едва полиціи трехъ державъ попритихли, кружки нетерпѣливаго свойства снова начали бурлить и выходить изъ повиновенія Централизаціи. Кромѣ Стефанскаго, опять отдѣлившагося, явился довольно сильный и вліятельный кружокъ какого-то Мальчевскаго и хотѣлъ забрать все въ свои руки. Малиновскій, пробившись съ ними понапрасну, бросилъ все и уѣхалъ въ Версаль—тогдашнее мѣстопребываніе Централизаціи. На засѣданіи, назначенномъ по поводу его возвращенія, былъ обсуждаемъ вопросъ: „Что же теперь дѣлать? Оставить ли несогласныя съ Демократическимъ Обществомъ партіи на произволъ судьбы и самимъ продолжать работы въ томъ же духѣ, т. е. готовить матеріалы къ возможно-скорой революціи, или поискать еще средствъ къ примиренію съ партіями и удержанію всей массы заговорщиковъ въ зависимости отъ Централизаціи“?

Мнѣніе Малиновскаго было: бросить несогласныя партіи, выключить ихъ изъ союза. Но Альціата возразилъ, что эта мѣра не годится, потому что приведетъ къ несвоевременному и безтолковому взрыву, который безъ сомнѣнія потрясетъ и Общество, погубивъ множество преданныхъ людей, и остановитъ его дѣйствія на самое неопредѣленное

---

4) Воззваніе Сцѣгеннаго, въ видѣ посланія папы Григорія, см. въ Приложеніяхъ № 7.

время. Онъ добавилъ, что увлекаться въ негодованіи на такой ходъ дѣлъ и терять отъ этого энергію несправедливо, что иначе заговоръ идти не можетъ; что это нетерпѣніе иныхъ весьма естественно, но что они всѣ находятся подъ гнетомъ наблюдающихъ за ними правительствъ, подъ страхомъ быть ежеминутно открытыми. Взглянувъ, стало быть, на отпаденіе товарищей съ этой снисходительной точки зрѣнія, необходимо (полагалъ Альціата) еще разъ воззвать къ примиренію: обѣщать скорый взрывъ и дѣйствительно идти къ нему всѣми силами, чтобы это было для всѣхъ замѣтно; и, если посчастливится дойти хотя до приблизительнаго окончанія приготовленій, подать знакъ.

Съ такимъ мнѣніемъ большинство согласилось. На сторонѣ Малиновскаго оказался только одинъ пріятель его Якубовскій, такой же осторожный революціонеръ, если только еще не больше. Малиновскій подалъ въ отставку, сдѣлавшись, по правиламъ Демократическаго Общества, обыкновеннымъ его членомъ. (Выйти совсѣмъ изъ Общества онъ не могъ). На его мѣсто былъ предложенъ Мирославскій — въ видѣ искры, которая должна была воспламенить подготовленныя мины, оживить затянувшіяся работы [5]).

Дѣйствительно, если искали такой искры, трудно было найти что-либо соотвѣтственнѣе. У Мирославскаго давно строились въ умѣ планы, какъ подвинуть дѣло впередъ. Сверхъ того, онъ былъ тѣхъ убѣжденій, „что даже самыя ошибки, самыя безплодныя революціонныя предпріятія (какъ наприм. Заливскаго), если только поведены по плану предводительствующей школы, принесутъ этой школѣ несравненно болѣе выгодъ, нежели спокойная десятилѣтняя пропаганда“ [6]).

---

[5]) Все это изъ показаній въ Познани, 10 Октября 1846, и изъ статьи Альціаты: Wypadki w 1846 roku, Biblioteka Pisarzy Polskich, t. XXIX, стр. 161 и далѣе.

[6]) Показанія 9 Октября 1846 г. въ Познани.

Въ Централизаціи все измѣнилось. Изъ тихой и медленной она стала бурной и стремительной. Мирославскій, какъ ораторъ, какъ человѣкъ живой и неуступчивый, легко забралъ въ руки своихъ спокойныхъ и миролюбивыхъ товарищей. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ безсмѣннаго предсѣдателя Централизаціи. Чтобы удовлетворить начертанному плану, т. е. вести заговоръ къ скорѣйшему взрыву и расположить нетерпѣливыхъ въ свою пользу, Централизація разослала приказанія по главнымъ секціямъ, чтобы онѣ измѣнили, какъ можно поспѣшнѣе, свои комитеты на особую военную организацію, правила которой тутъ же и сообщались. Уполномоченные агенты Централизаціи [7]) принялись работать въ запуски другъ передъ другомъ. Все это были сильно-красные, исключая одного Гельтмана, управлявшаго заговоромъ въ Княжествѣ Познанскомъ и въ нѣкоторой части Русской Польши. Онъ былъ довольно умѣренный человѣкъ, и ему ввѣрена была высшая власть—завѣдываніе всѣми другими частями. Онъ одинъ сдерживалъ кое-какъ необузданныхъ.

Въ Русской Польшѣ, вслѣдствіе арестовъ по дѣлу ксендза Сцѣгеннаго и усилившихся потомъ наблюденій за всякимъ безпокойнымъ народомъ, военная организація заговорщиковъ долго не устанавливалась. Литва помнила еще казни Конарскаго, Волловича и послѣдовавшія за тѣмъ опустошенія въ рядахъ союза, и неохотно шла на удочку агентовъ Версаля. Малороссія никогда не обѣщала много повстанцамъ. Только Вольный Краковскій Округъ, съ нѣкоторою частью Галиціи и Познанскаго Княжества, завели довольно скоро кое-какую военную организацію и, вообразивъ, что дошли до конца, обнаруживали сильное нетерпѣніе. Гельтманъ далъ знать товарищамъ въ Версаль, что онъ еще ладитъ съ прежними кружками, но явилось мно-

---

[7]) Въ Галиціи дѣйствовалъ Виснёвскій, въ Малороссіи Руфинъ Пётровскій, по арестованіи котораго (въ Декабрѣ 1843) на его мѣсто назначенъ Виснёвскій, а на мѣсто послѣдняго въ Галицію—Эдуардъ Дембовскій. Мирославскій скрылъ еще двоихъ, въ чемъ и самъ признается.

го новыхъ, которые никого не хотятъ слушать и рвутся къ возстанію; что необходимо поэтому прислать въ край военнаго человѣка со значеніемъ, кто бы могъ или задержать движеніе, или (когда найдетъ это неудобнымъ) направить все такимъ образомъ, какъ будетъ лучше въ военномъ отношеніи.

Централизація отправила въ Познань Мирославскаго, чтобы онъ осмотрѣлъ положеніе дѣлъ чисто съ военной точки зрѣнія и рѣшилъ, отвѣчаютъ ли средства заговора тому нетерпѣливому стремленію, какое вообще выказывается въ партіяхъ.

Мирославскій прибылъ въ Познань въ началѣ Марта 1845 года, увидѣлся немедля съ Гельтманомъ и узналъ отъ него слѣдующее. Партія Мальчевскаго, будучи скомпрометирована, не находила для себя иного выхода, какъ сблизиться съ Демократическимъ Обществомъ. Ей послѣдовали въ Княжествѣ Познанскомъ такъ называемые *Старые* и *Плебеи*. Въ Галиціи сторонники *жизненной правды* (prawda żywotna) и *федерація* тоже изъявили готовность слушаться военнаго вождя. Изъ Варшавскаго Комитета пришли довольно благопріятныя извѣстія со стороны примиренія повѣтовъ, но организація (писали) тамъ еще все слаба. Малороссія давала знать, что иниціативы въ дѣлѣ возстанія взять на себя не въ состояніи, а готова идти въ слѣдъ за Восточной Галиціей во всемъ, что бы послѣдняя ни предприняла.

Взявъ все это во вниманіе, Мирославскій съ Гельтманомъ постановили не начинать ничего до 1846 г., а продолжать дальнѣйшія приготовленія къ возможно-скорой революціи: пріобрѣтать сочувственныхъ людей во всѣхъ сословіяхъ, собирать деньги и дѣлать другіе необходимые возстанію запасы.

Пріобрѣтеніе людей не представляло далеко тѣхъ затрудненій въ Прусской и Австрійской Польшѣ, какъ въ Царствѣ. Страхъ имени Паскевича, Варшавской цитадели, Сибири и солдатской карьеры на Кавказѣ или въ Оренбургскихъ батальонахъ, былъ тогда таковъ, что охлаждалъ го-

рячность самыхъ отчаянныхъ. Командовать будущими фантастическими отрядами повстанцевъ въ Русской Польшѣ охотниковъ было немного. Печальные опыты Завиши, Дзѣвицкаго и другихъ были еще у всѣхъ въ памяти. Въ особенности трудно было найти командующаго центральными силами Царства, т. е. въ Варшавской губерніи. Объ этомъ Централизація разсуждала не разъ еще до Мирославскаго и потомъ при Мирославскомъ. Наконецъ изъ рапортовъ Познанской организаціи было усмотрѣно, что есть въ виду на это мѣсто человѣкъ съ именемъ, со средствами и кое-какимъ вліяніемъ въ обществѣ, даже немного военный, только, къ сожалѣнію, *бѣлый*, который (какъ всѣ эти такъ-называемые по просту *панки*) привыкъ вести жизнь совершенно-праздную, среди охотъ, конскихъ скачекъ, ярморочныхъ съѣздовъ и женщинъ, не думая ни о какомъ отечествѣ,— и еще менѣе о какихъ-либо революціяхъ. Рѣчь была о богатомъ Познанскомъ помѣщикѣ Брониславѣ Домбровскомъ, сынѣ извѣстнаго генерала Наполеоновскихъ временъ, „воеводы Царства Польскаго“ Генриха Домбровскаго, имя котораго вошло въ народныя пѣсни и патріотическіе куплеты. Этотъ Домбровскій былъ женатъ на Полькѣ самыхъ храбрыхъ свойствъ, изъ дома князей Лонцкихъ, которая, вскорѣ по выходѣ замужъ (1842), получила отъ отца въ завѣдываніе прекрасное имѣніе въ Станиславовскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, Куфлёвъ [8]), что̀ заставило молодую чету переѣхать на нѣкоторое время въ Варшаву, представиться намѣстнику и сдѣлать другія знакомства. Домбровскіе были приняты въ Замкѣ и во всѣхъ Русскихъ домахъ высшаго круга самымъ лучшимъ образомъ: поддержка Польской аристократіи лежала, какъ извѣстно, въ системѣ управленія Паскевича краемъ. Люди, стоявшіе во главѣ заговора, взяли во вниманіе такое положеніе вещей. Связь Дом-

[8]) Въ Познанскомъ Княжествѣ Домбровскій имѣлъ деревни: Брониславъ и Мончники, съ фольварками, и Винную-Гору, отданную ему въ распоряженіе, на извѣстныхъ условіяхъ, матерью.

бровскихъ съ высшимъ обществомъ въ Познани и въ Варшавѣ, большія имѣнія, тамъ и тутъ,— позволяли владѣльцу естественно переѣзжать границу, когда вздумается, не возбуждая никакого подозрѣнія властей.

Въ то время, когда Централизація нашла командующаго на самый важный пунктъ, во всѣхъ организаціяхъ уже не церемонились не только съ бѣлыми, но и ни съ кѣмъ. Уже въ 1843 году начали нѣкоторые знакомые Домбровскаго въ Познани подшучивать надъ его Нѣмецкими симпатіями [9]), дружбой съ Русскими и Прусскими офицерами. Потомъ онъ получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ, исполненныхъ угрозъ; а въ началѣ 1845 года ему объявили напрямикъ, что онъ *долженъ* дѣлать тоже, что дѣлаютъ всѣ, т. е. нести свои силы и средства на помощь воскресающей Польшѣ.

---

[9]) По воспитанію Домбровскій былъ болѣе Нѣмецъ, нежели Полякъ. Когда отецъ его умеръ, ему было только два года. Мать его, урожденная Хлаповская, жила до того времени то въ Познани, то въ Берлинѣ, или въ имѣніи Винная-Гора, переѣхала на житье въ Варшаву и воспитывала сына у себя дома, нанимая разныхъ учителей. Когда ему было 13 лѣтъ, они выѣхали оба въ Эмсъ, на воды, потомъ на зиму въ Дрезденъ. Въ то время вспыхнула въ Варшавѣ революція (1830), и Домбровскіе уже не воротились въ Царство. Мальчикъ былъ отданъ въ Дрезденъ въ частный пансіонъ Блахмана, откуда перешелъ въ Лейпцигскій университетъ (1834) на камеральныя науки, но пробылъ тамъ всего полгода, потому-что, пріѣхавъ на вакацію, лѣтомъ 1835, въ Винную-Гору, гдѣ жила мать, Домбровскій ужаснулъ ее своими разбитными, буршевскими манерами; при томъ ей написали, что онъ участвовалъ въ какомъ-то поединкѣ и сидѣлъ подъ арестомъ. Это заставило ее перевести сына въ Берлинскій университетъ, гдѣ пробылъ онъ тоже недолго. Его тянуло въ военную службу, и весной 1836 онъ былъ записанъ охотникомъ въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, стоявшую въ Берлинѣ, служилъ въ ней всего до зимы 1837 и уѣхалъ потомъ хозяйничать и охотиться въ имѣнія Брониславъ и Мончники, Схродовскаго обвода, Познанскаго Княжества, завѣщанныя ему отцомъ. Съ осени 1838 Домбровскій живетъ то въ Дрезденѣ, то въ Берлинѣ, въ самомъ высшемъ обществѣ. Въ томъ же году онъ былъ представленъ ко двору и снова приглашенъ на службу, съ назначеніемъ подпоручикомъ въ Познанскій ландверскій батальонъ. Въ 1844 году вышелъ въ отставку и велъ съ тѣхъ поръ свободную жизнь то въ Русской, то въ Прусской Польшѣ, устроивая съ пріятелями охоты, конскія скачки и кутежи. (Показанія его въ Познанской цитадели, 9 и 10 Сентября н. ст. 1846).

Въ самомъ дѣлѣ, около этого времени заговоръ охватилъ уже все, что́ только было Польскаго въ Европѣ. Домбровскій слышалъ, на Базарѣ, въ Баварской гостинницѣ и другихъ публичныхъ мѣстахъ Познани, довольно открытыя разсужденія Поляковъ разнаго цвѣта о приготовленіяхъ къ самому обширному возстанію, имѣющему конечною цѣлью освобожденіе *всей* Польши и возстановленіе ея границъ 1772. Нетолько демократическіе кружки, но и вся аристократія сочувствовала этому предпріятію. Уже всѣ ближайшіе родственники Домбровскаго по женѣ: Лонцкіе, Бнинскіе стали на сторону заговорщиковъ. Въ имѣніи Лонцкихъ, Свинярахъ и у Бнинскаго въ Самострѣлахъ, происходили даже революціонные съѣзды, какъ это бывало всегда — подъ видомъ охотъ. Такіе же съѣзды бывали послѣ въ *Джокей-Клубѣ*, основанномъ подъ Швериномъ Домбровскимъ, въ сотовариществѣ съ помѣщиками: Сулковскимъ, Альфонсомъ Тачановскимъ, Михаиломъ Мыцельскимъ и Венсерскимъ. Въ *Охотничьемъ Клубѣ*, основанномъ помѣщикомъ Здембинскимъ въ Чевуевѣ, подъ осень 1845, учили молодежь ѣздить верхомъ, чѣмъ завѣдывалъ Курнатовскій и частію Домбровскій, какъ извѣстные знатоки этого дѣла. Происходили и другія упражненія, съ цѣлію подготовить людей для военной службы въ недалекомъ будущемъ.

Домбровскій, бѣлый, праздный, лѣнтяй, думавшій до того времени только объ охотахъ, лошадяхъ да красивыхъ женщинахъ, рѣшительно ничего не читавшій, никакихъ газетъ и журналовъ не бравшій въ руки, не замѣтилъ, какъ его подхватила и понесла куда-то революціонная волна, и онъ, самъ не зная какъ, былъ уже полу-революціонеромъ: говорилъ съ сочувствіемъ о томъ же, о чемъ говорили всѣ; мечталъ о независимой Польшѣ, о мѣстѣ, которое въ ней будетъ занимать, читалъ разные листки, являвшіеся изъ эмиграціи, *Ишонку* и другія газетки. Прочелъ исторію Мохнацкаго и Мирославскаго о революціи 1830—1831 годовъ, твердилъ патріотическіе стишки. Въ Маѣ 1845 года былъ онъ въ имѣніи своихъ родственниковъ, въ Букскомъ

округѣ, гдѣ встрѣтилъ человѣка однихъ съ нимъ лѣтъ, т. е. около 30, который рекомендовался ему помѣщикомъ Ковальскимъ, прибывшимъ въ ту сторону изъ Парижа, по участію въ наслѣдственномъ процессѣ Опалинскихъ, надѣлавшемъ въ то время изряднаго шуму. Они разговорились. Ковальскій очень скоро очаровалъ Домбровскаго и даже заинтересовалъ своей особой. Такъ-какъ тогда вообще ходили слухи о появленіи множества агентовъ эмиграціи между Поляками всѣхъ захватовъ, то Домбровскій рѣшилъ, что это также агентъ, прибывшій въ тѣ мѣста, конечно, не ради процесса Опалинскихъ, а съ другими цѣлями. Это было дѣйствительно такъ: Ковальскій былъ никто иной какъ самъ Мирославскій. Онъ объѣзжалъ различные округи Прусскаго и Австрійскаго захватовъ, всматривался въ положеніе ихъ повстанскихъ дѣлъ, собиралъ всевозможныя свѣдѣнія, дѣлалъ знакомства, пріобрѣталъ, гдѣ было удобно, людей, сочувствующихъ возстанію, и къ осени того же года (1845) воротился въ Версаль. Онъ не находилъ заговора готовымъ къ возстанію, но тѣмъ не менѣе видѣлъ, что все напряжено очень сильно, жертвъ принесено довольно, довольно также и скомпрометированнаго или хотя полускомпрометированнаго народу, т. е. разорвавшаго прежнія связи съ Нѣмцами и наблюдаемаго полиціей; взрывъ могъ случиться самъ собой, безъ разрѣшенія высшей власти, т. е. Централизаціи. А потому онъ счелъ необходимымъ, на всякій случай, заняться приготовленіемъ плана военныхъ дѣйствій и сталъ надъ нимъ работать, вмѣстѣ съ другимъ членомъ Централизаціи, генераломъ Высоцкимъ.

Тогда-же рѣшали они другой, не менѣе важный вопросъ, денежный, и вопросъ о правильной доставкѣ оружія и снарядовъ.

Уѣзжая изъ Прусской Польши, Мирославскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всякій членъ организаціи припасъ себѣ оружіе, какое можетъ, и хотя небольшое количество пороху—на первыя дѣйствія. Теперь, въ Версали, положено было налечь энергически на всѣхъ богатыхъ Поляковъ,

заставить ихъ, такъ или иначе, подписать на пользу возстанія значительныя суммы, часть которыхъ, немедля, отправить въ Англію и другіе благонадежные пункты, гдѣ можно заключить контракты на поставку оружія, пороху и всякихъ военныхъ снарядовъ, секретнымъ образомъ, въ различныя мѣста всѣхъ трехъ захватовъ. Для веденія всѣхъ этихъ дѣлъ посланъ былъ въ Познань членъ Централизаціи Альціата. Помощникомъ ему указанъ выѣхавшій туда-же немного прежде, бывшій членъ Централизаціи, Малиновскій.

Оба они были плохіе революціонеры, къ тому же не раздѣляли нисколько нетерпѣнія товарищей и находили заготовленіе оружія въ особенности несвоевременнымъ. Малиновскій, не сдѣлавъ ничего, воротился въ Версаль и описалъ бывшимъ товарищамъ положеніе заговора въ довольно печальныхъ краскахъ. Онъ утверждалъ, что приступить теперь къ возстанію будетъ въ высшей степени неосторожнымъ шагомъ. Его мнѣніе поддерживалъ другъ его, членъ Централизаціи, Якубовскій. Они до того спорили съ остальными членами, въ особенности съ Мирославскимъ, о необходимости ждать еще и, можетъ быть, ждать долго,— что Якубовскій, въ заключеніе споровъ, сказалъ, что подаетъ въ отставку. Такъ какъ близился срокъ *выборовъ* (29 Ноября), то не нашли причины удерживать его на службѣ и назначили на его мѣсто Гельтмана, который жилъ тогда въ Познани, по прежнему управляя тамошней организаціей. Ему написали, чтобъ онъ, не медля, ѣхалъ въ Версаль. Въ половинѣ Декабря (1845) получено было отъ него письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ Централизацію о крайне-критическомъ положеніи ихъ дѣлъ въ Прусскомъ и Австрійскомъ захватахъ. „Всѣ революціонные кружки, будучи недовольны нерѣшительностью высшей власти (Централизаціи), пришли въ броженіе. Плебеи, стоявшіе недавно на сторонѣ порядка, теперь снова отдѣлились и кричатъ, что Централизація питается тукомъ глупцовъ, поддающихся ея деспотизму, а кто не такъ глупъ, долженъ

искать себѣ другаго выхода... Централизаціи-де легко сидѣть въ Версалѣ и ждать осуществленія своихъ идей, какой-то неслыханной, возведенной въ перлъ созданія, революціи,—хотя бы тысячу лѣтъ сряду; а каково ждать этого массамъ народу, подъ чуткимъ окомъ трехъ полицій, когда заговоръ охватилъ большія пространства и того гляди прорвется, и тогда все пропало, всѣ жертвы и усилія стольких лѣтъ!.. Глава кружка Плебеевъ, Стефанскій, счелъ нужнымъ, для успокоенія умовъ, назначить общій съѣздъ всѣхъ членовъ въ Тарновѣ и попался въ руки полиціи. Послѣдовало множество арестовъ. Опасность грозитъ всему заговору".

Увѣдомляя обо всемъ этомъ Централизацію, Гельтманъ находилъ, что „болѣе ждать нельзя" и приглашалъ Мирославскаго уже единственно затѣмъ, чтобы онъ „принялъ начальство надъ заговоромъ и велъ его къ взрыву въ самомъ непродолжительномъ времени, средствами, какія признаетъ за лучшія, по прибытіи на мѣсто, какими хочетъ, лишь бы велъ."

Подобное этому письмо получено было и отъ Альціаты. И онъ звалъ Мирославскаго на мѣсто дѣйствій.

Мирославскій выѣхалъ и прибылъ въ Познань 31 Декабря н. ст. 1845, но не засталъ уже Гельтмана: отыскиваемый полиціею, онъ принужденъ былъ скрыться. Свѣдѣнія, собранныя наскоро разными путями, показали Мирославскому, что заговоръ далеко еще не въ такомъ положеніи, чтобы можно было начинать дѣло. Царство Польское и Малороссія находились, относительно организаціи, въ томъ же видѣ, какъ были въ началѣ года, т. е. почти не имѣли ничего. О Литвѣ прибывшій оттуда эмиссаръ Рёръ объявилъ будущему военачальнику и можетъ быть диктатору, что тамъ „все спитъ; молодежь глупа и неразвита; что его принимали мѣстами какъ шпіона. Если можно гдѣ начать дѣйствія, такъ развѣ между Бугомъ и Щарой [10])."

---

[10]) Показанія Рёра, который былъ арестованъ во вторую свою поѣздку въ Литву, въ городѣ Кнышинѣ Гродн. губерніи, 25 Февраля 1846. Паскевичъ конфирмовалъ: «прогнать его сквозь строй черезъ 500 чело-

Мирославскій занесъ это въ свою памятную книжку и принялся усиленно работать въ пользу возстанія: мирилъ партіи, собиралъ деньги, пополнялъ пробѣлы въ организаціяхъ, писалъ множество инструкцій, посылалъ курьеровъ, эмиссаровъ. Мѣстопребываніе его, безпрестанно мѣнявшееся, конечно покрывалось глубочайшею тайною и было извѣстно весьма немногимъ.

Первыя деньги, 2100 талеровъ, добытыя у помѣщиковъ и капиталистовъ Польскаго происхожденія, разными безцеремонными средствами, были отправлены съ Либельтомъ и Альціатою во Францію для найма хорошихъ офицеровъ и отпечатанія 1000 экземпл. Военнаго Устава. Познанская организація обѣщала достать еще 10 тысячъ талеровъ, но и это, еслибъ было дѣйствительно собрано, составило бы, по признанію самого Мирославскаго [11]), только *третью часть всей суммы, необходимой на открытіе первыхъ военныхъ дѣйствій*. Между тѣмъ и ея не было собрано; хаосъ въ партіяхъ былъ страшнѣйшій, а возстаніе все-таки предпринималось.

Разные отчаянные кричали, что „единственный способъ привести всѣ противорѣчія къ одному знаменателю, это барабанъ и пушка!“

Фраза была въ духѣ вождя. Онъ повторилъ ее нѣсколько разъ самъ и уже не слушалъ никакихъ возраженій, а мчался впередъ, закусивъ удила, какъ борзый конь, заслышавшій звукъ военной трубы.

Въ самыхъ первыхъ числахъ Генваря н. ст., всѣ высшіе члены Познанской организаціи были приглашены Мирославскимъ выбрать членовъ будущаго народнаго правительства, при чемъ со стороны приглашавшаго были употреблены всѣ мѣры, чтобы выборъ, болѣе или менѣе, отвѣ-

---

вѣкъ два раза и потомъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ». Мы еще съ нимъ встрѣтимся.

[11]) Показанія Мирославскаго въ Познанской цитадели, 11 Октября н. ст. 1846. Также статья: Sprawa więźniów Poznańskich 1846—1848. XXIX томъ Bibliot. Pisarzy Polskich, стр. 207.

вѣчалъ взглядамъ и настроенію Централизаціи, точнѣе сказать, самого Мирославскаго, т. е. чтобы выбранные были люди демократическихъ стремленій, а если можно—и происхожденія.

Мирославскій первый предложилъ отъ эмиграціи Альціату. Краснѣе его изъ вліятельныхъ и извѣстныхъ представителей эмиграціи тогда въ Познани никого не было. Возраженія не послѣдовало, и Альціата былъ выбранъ.

Нѣкто Владиславъ Косинскій, человѣкъ весьма красныхъ свойствъ и съ большимъ вліяніемъ въ цѣлой Прусской Польшѣ, предложилъ отъ Познанской организаціи доктора Либельта; и этому никто не противился.

Затѣмъ выбрали самого Мирославскаго начальникомъ всѣхъ военныхъ операцій, съ обѣщаніемъ повиноваться всѣмъ его распоряженіямъ, какія только онъ признаетъ, въ военномъ смыслѣ, лучшими.

Такъ какъ депутатовъ отъ Краковскаго Вольнаго Округа, а равно отъ Галиціи, Царства Польскаго и прочихъ провинцій Польши 1772 года не прибыло, то присутствующіе рѣшили отправиться въ Краковъ и вызвать депутатовъ туда, какъ въ болѣе безопасное мѣсто. Уполномочіе Мирославскому и все прочее, состоявшееся въ Познани, было написано на небольшомъ клочкѣ бумаги химическими чернилами и передано Косинскому съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ какого-либо возраженія Галиціанъ или иныхъ, онъ вызвалъ написанное и предъявилъ.

Около 10 Генваря н. ст. Мирославскій съ Косинскимъ и еще кое-кто прибыли въ Краковъ (Мирославскій подъ именемъ Маевскаго) и цѣлую недѣлю ждали депутатовъ изъ Царства и другихъ мѣстъ.

Прибывшій наконецъ изъ Царства депутатомъ, помѣщикъ Мѣховскаго уѣзда, Радомской губерніи [12]), Николай Лисовскій объявилъ, что пославшая его организація соглашается напередъ со всѣми постановленіями Кракова и Познани.

---

[12]) Дѣленіе губерній тогдашнее.

Къ этому онъ прибавилъ, что Царство встанетъ, лишь бы показались повстанскія колонны изъ Галиціи и Пруссіи.

Изъ Западной Галиціи пріѣхалъ бойкій агитаторъ Иванъ Тиссовскій [13]), въ то время повѣренный въ дѣлахъ графа Кучковскаго.

Отъ Восточной Галиціи ждали Виснёвскаго, а отъ Малороссіи помѣщика Подольской губерніи Торжевскаго, но они не явились.

18 Генваря н. ст. было приступлено къ выборамъ. Противъ происшедшаго въ Познани никто не возражалъ.

Отъ Галиціи былъ предложенъ Тиссовскимъ графъ Францискъ Весёловскій и выбранъ; но послѣ, вліяніемъ Мирославскаго, замѣненъ самимъ Тиссовскимъ, котораго Мирославскій считалъ способнѣе къ революціонной службѣ. Притомъ, по принципамъ Мирославскаго, графъ, аристократъ, не годился въ члены народнаго правительства. Весёловскаго назначили главнымъ начальникомъ Галиційской организаціи.

Отъ Краковскаго Округа и Верхней Силезіи былъ выбранъ бывшій адъюнктъ-профессоръ Краковскаго университета, Людвигъ Горшковскій, человѣкъ очень хитрый и недовѣрчивый. Передъ выборами онъ ѣздилъ съ какими-то секретными планами въ Познань, но повидимому не достигъ тамъ своихъ цѣлей и, по возвращеніи въ Краковъ, былъ нѣсколько задумчивъ. Мирославскому не хотѣлось его, но устранить его онъ не могъ. Все же остальное отвѣчало его мыслямъ. Поэтому, на послѣднемъ засѣданіи, которыхъ было всего четыре, Мирославскій сказалъ весело пріятелямъ: „теперь подобрали аккордъ“ [14]).

---

[13]) О прошедшемъ его извѣстно только, что онъ родомъ изъ Тарнова. По окончаніи курса въ Львовскомъ университетѣ, онъ бѣжалъ отъ родителей, въ 1831 году, въ Царство Польское и поступилъ на службу въ артиллерію Дверницкаго, по переходѣ Дверницкаго опять ушелъ въ Царство и до конца возстанія служилъ рядовымъ въ корпусѣ Рыбинскаго, съ которымъ и перешелъ черезъ границу.

[14]) Его показанія въ Познани 12 Октября 1846.

Срокъ возстанію былъ назначенъ тогда же: 21 Февраля н. ст., канунъ послѣдняго карнавальнаго дня, съ субботы на воскресенье.

Послѣ этого Мирославскій съ товарищами снова возвратился въ Познань, гдѣ, на сходбищѣ всѣхъ вліятельныхъ лицъ заговора, назначены военачальники въ разные пункты изъ мѣстныхъ организацій, такъ какъ изъ-заграницы никого не прибыло.

Однимъ изъ послѣднихъ назначенъ Домбровскій. Для него нарочно оставили какъ можно менѣе дней до конца, чтобы онъ не успѣлъ обдуматься и какъ нибудь не измѣнилъ.

Вызванный, или самъ по себѣ, онъ прибылъ въ Познань изъ Силезіи 1 Февраля н. ст. 1846 г. и немедля приглашенъ къ Мирославскому Магдзинскимъ, начальникомъ будущихъ повстанцевъ на Жмуди.

Мирославскій жилъ на Фридриховой улицѣ, въ квартирѣ учителя Лицеевскаго, куда входъ былъ черезъ Штиллеровскую ресторацію.

Пройдя темную переднюю, Домбровскій съ Магдзинскимъ очутились въ небольшой комнатѣ о двухъ окнахъ во дворъ, гдѣ сидѣли: Мирославскій, Рёръ и Дзвонковскій, т. е. были собраны только тѣ лица изъ находившихся въ Познани, съ кѣмъ Домбровскому должно было дѣйствовать болѣе или менѣе сообща.

Такъ какъ Домбровскій былъ уже пріобрѣтенъ заговоромъ и отказаться ни отъ какой службы не могъ, то Мирославскій, послѣ краткихъ привѣтствій, припомнивъ ему встрѣчу въ Букскомъ округѣ, сказалъ: „Вы—наслѣдникъ имени, которое озарено въ Польской исторіи неувядаемою славою; вы человѣкъ съ вліяніемъ въ высшемъ кругу, съ большими средствами; вамъ нельзя занять какое ни попало мѣсто при тѣхъ операціяхъ, которыя предпринимаетъ воскресающая Польша: я назначилъ васъ начальникомъ военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Вислы, въ центрѣ Царства Польскаго. У васъ тамъ значительное имѣніе. Оно дастъ вамъ все нужное для возстанія на первыхъ порахъ.

Съѣзды у васъ другихъ помѣщиковъ, принадлежащихъ заговору, могутъ быть съѣздами на охоту. Людямъ своимъ вы откроете тайну, когда вамъ вздумается".

Домбровскій рѣшился возразить, что онъ точно наслѣдникъ военнаго имени, но самъ весьма плохой военный, служилъ всего-на-все года три, участвовалъ въ нѣсколькихъ маневрахъ, между прочимъ на большихъ маневрахъ 5 и 6 корпусовъ въ Силезіи, въ 1841 году, какъ ординарецъ генерала Грольмана, но войны никогда не видалъ; кромѣ того рѣшительно не знаетъ, какъ пріобрѣтать возстанію людей, и это его чрезвычайно бы затруднило.

„Пріобрѣтать вамъ никого не нужно (перебилъ Мирославскій): люди есть; вамъ остается только принять надъ нами начальство".

Послѣ этого разложили карту Польши, изданія Энгельгардта, состоявшую изъ нѣсколькихъ частей. Мирославскій, отдѣливъ отъ нея то, что̀ было нужно для Домбровскаго (пространство между Вислой, Наревой, Бугомъ и Вепремъ) сталъ ему объяснять, что желательно было-бы овладѣть прежде всего крѣпостью Ивангородомъ и городомъ Сѣдльцами. Еслиже это окажется невозможнымъ, то, обойдя ихъ, нужно поддерживать коммуникацію между Литвою и Жмудью, гдѣ начальниками назначаются предстоящіе здѣсь Рёръ и Магдзинскій. Они, если можно, возмутъ Вильну, Слонимъ и Брестъ; если же нельзя, то, обойдя эти пункты, двинутся на соединеніе съ Домбровскимъ. Когда послѣдуетъ это соединеніе, Домбровскій ведетъ всѣ три отряда въ мѣстность между Сандоміромъ и Варшавой, гдѣ должны соединиться корпуса, имѣющіе прибыть изъ Галиціи и всѣхъ земель лѣваго берега Вислы въ Царствѣ Польскомъ; а равно и отряды изъ Княжества Познанскаго, подъ начальствомъ Мирославскаго—и пойдутъ на Варшаву.

Когда Домбровскій возразилъ, что поддержка коммуникацій его съ Литвою и Жмудью едвали возможна, и по всѣмъ вѣроятностямъ онъ долго не будетъ знать ничего, что̀ тамъ дѣлаютъ Рёръ и Магдзинскій, послѣдніе стали его завѣрять,

что „все это уже обдумано, и людей, готовыхъ возстать, весьма достаточно въ обѣихъ провинціяхъ".

Домбровскій болѣе возражать не сталъ. Кончили бесѣду тѣмъ, чтобы начальникъ праваго берега Вислы старался держать свои силы въ постоянныхъ маршахъ, надъ границами: Мазовша, Подлясья и Люблина, пока не придутъ къ нему отряды Рёра и Магдзинскаго.

Рёръ, которому слѣдовало прежде всѣхъ пуститься въ путь, предполагалъ побывать въ Куфлёвѣ, гдѣ хотѣлъ дождаться прибытія Домбровскаго для соглашенія съ нимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣйствій, а потому просилъ дать ему записку въ Куфлёвъ къ управляющему. Домбровскій далъ.

Затѣмъ всѣ простились другъ съ другомъ. Мирославскій настаивалъ, чтобы они всѣ выѣхали какъ можно скорѣе къ мѣстамъ своего назначенія, а Домбровскому замѣтилъ, что онъ вѣроятно не потребуетъ никакихъ денегъ [15]).

Такъ легко, въ какой-то запечной каморкѣ, раздавались должности вождей, брались города и крѣпости, улаживались сложныя военныя операціи!

Еще поразительнѣе планъ военныхъ дѣйствій. Вотъ этотъ планъ въ томъ видѣ, какъ онъ набросанъ рукою самого Мирославскаго на картѣ Польши 1772, найденной Прусскимъ правительствомъ въ бумагахъ главныхъ заговорщиковъ.

„Пользуясь первымъ замѣшательствомъ, которое естественно произойдетъ въ правительствахъ всѣхъ трехъ захватовъ, послѣ всеобщаго взрыва, въ одинъ и тотъ же часъ, повстанцы собираются въ разныхъ пунктахъ, каковы суть:

1) Для Княжества Познанскаго: Букъ, Плешевъ и Рогово.
2) Для Пруссіи: Хелмно, Торунь и Гомбинъ
3) Для Верхней Силезіи: Тостъ надъ Козлимъ.
4) Для Кракова и Галиціи: Львовъ, Краковъ и Новое-Място надъ Вислой.

---

[15]) Показанія Домбровскаго въ Познани 12 Сентября н. ст. 1846 года.

5) Для Подола и Волыни: Константиновъ, Новогородъ-Волынскій и Корецъ.

6) Для Литвы и Жмуди: Минскъ, Вильно и Россіены.

Затѣмъ соединяются:

1) Отряды Великаго Княжества Познанскаго, Хелма и Торуня—подъ Коломъ.

2) Отряды Верхней Силезіи и Царства Польскаго—подъ Ченстоховымъ.

3) Отряды изъ-подъ Кракова и Новаго-Мяста — подъ Малогощемъ.

4) Отряды изъ-подъ Львова, Константинова, Новгорода-Волынскаго и Корца—подъ Ковелемъ.

5) Отряды изъ-подъ Гомбина и Россіенъ—подъ Ковномъ. Отсюда оба идутъ къ Гродну, для соединенія съ Виленскимъ отрядомъ; наконецъ вся масса направляется въ Слонимъ, на соединеніе съ повстанцами Минска.

Эти различныя части войскъ должны послѣ того идти къ Пѣткову и Ровну и образовать двѣ арміи: западную, заключающую въ себѣ отряды изъ Великой Польши, Кракова и Галиціи, и восточную, состоящую изъ отрядовъ Малороссіи и Литвы.

Обѣ арміи пойдутъ, дѣйствуя наступательно, къ Ивангороду, для овладѣнія этою еще неоконченною крѣпостью. Если это не удастся, оба отряда воротятся къ границамъ Галиціи, дабы привлечь къ себѣ тамъ новыя силы.

Что̀ касается лицъ, кои будутъ командовать сборными силами Царства Польскаго, Литвы, Жмуди, Западной Пруссіи и Познанскаго Княжества, то назначаются на главные пункты слѣдующія:

Въ Царствѣ Польскомъ—помѣщикъ Бронислявъ Домбровскій.

На Литвѣ—Иванъ Рёръ.

На Жмуди—Теофилъ Магдзинскій.

Въ Западной Пруссіи—полковникъ Михаилъ Бесекирскій.

Въ Княжествѣ Познанскомъ — майоръ Людвигъ Мирославскій [16]).

Инструкціи этимъ командующимъ:

Магдзинскій собираетъ всѣ силы изъ Шавлей, Тельшъ и Россіенъ, на Жмуди, а также все, что̀ окажется въ Восточной Пруссіи, и идетъ подъ Ковно, для овладѣнія этимъ городомъ. Затѣмъ, чрезъ Августовское воеводство, заходитъ напротивъ отряда, собраннаго Домбровскимъ. Если же взять Ковно не удастся,—Магдзинскій переправляетъ свой отрядъ черезъ Нижній Нѣманъ, для соединенія съ Домбровскимъ.

Рёръ стягиваетъ на Литвѣ всѣ силы между рѣками Щарой и Бугомъ; соединяется за тѣмъ, сколь можно поспѣшнѣе, съ Августовскимъ и Подлясскимъ возстаніемъ и идетъ къ Нижнему Бугу, гдѣ поступаетъ въ распоряженіе Домбровскаго.

Домбровскій собираетъ подъ Сѣдльцами всѣхъ повстанцевъ, какихъ только удастся; соединяется затѣмъ, надъ р. Нуржецъ, недалеко отъ Буга, съ колоннами Жмуди и Литвы, и двинется съ этою восточною арміею къ Ивангороду. Здѣсь соединяется съ повстанцами лѣваго берега Вислы, т. е. съ восточной арміей.

Бесекирскій стягиваетъ всѣ отряды Западной Пруссіи надъ р. Дрвенцой, переходитъ ее, идетъ чрезъ Плоцкое воеводство къ Вислѣ, переправляется черезъ нее подъ Добржиномъ и соединяется затѣмъ, подъ Коломъ, съ войсками, которыя придутъ изъ Рогова и Плешева. Если бы все это не удалось, Бесекирскій начнетъ въ Плоцкомъ воеводствѣ оборонительную войну.

Сборнымъ пунктомъ для Великаго Княжества Познанскаго, какъ сказано выше, будутъ: Букъ, Рогово и Плешовъ.

---

[16]) Съ этимъ чиномъ стоитъ онъ въ нашихъ оффиціальныхъ документахъ того времени. Гдѣ и какъ онъ получилъ его, неизвѣстно. Выходя за границу при корпусѣ генерала Рыбинскаго, Мирославскій былъ только поручикомъ.

Что же до западныхъ обводовъ: Медзыховскаго, Мендзыржецкаго, Вольштынскаго, Всховскаго, Косцянскаго, Буковскаго, Шамотульскаго и Познанскаго, — ихъ сборные пункты за озерами Супя и Непрушова, подъ Бугомъ. Начальство надъ ними приметъ офицеръ изъ эмиграціи.

Авангардъ, состоя изъ жителей Познани и окрестностей, на пространствѣ отъ двухъ до двухъ съ половиной миль въ окружности, подъ начальствомъ Феликса Бялоскурскаго, Александра Понинскаго и Альфонса-Климента Бялковскаго, — старается овладѣть Познанскою цитаделью. Съ этою цѣлью Познанскіе повстанцы, въ четырехъ отрядахъ, каждый съ особеннымъ вождемъ, ударятъ на цитадель, на артиллерійскій паркъ, гусарскіе казармы и жилища высшихъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Если бой въ улицахъ и на баррикадахъ продолжится, тогда повстанцы изъ окрестностей, собравшись, подъ прикрытіемъ ночи, вблизи города, въ видѣ арьергарда, вступаютъ въ него. Если все это не удастся, то аттакующіе отходятъ къ Буку и тамъ пристраиваются къ различнымъ отрядамъ. Тогда уже всѣ силы западнаго округа составятъ резервный Велико-польскій корпусъ, который притянетъ къ себѣ, въ окрестностяхъ Шрема и Оборниковъ, другія части восточнаго округа. По занятіи двухъ этихъ городовъ и укрѣпившись въ нихъ какъ можно лучше, равно устроивъ на Вартѣ хорошую переправу, сказанныя силы имѣютъ троякое назначеніе:

1. Препятствовать войскамъ, идущимъ на помощь Познани, проникнуть въ этотъ городъ и стараться разбивать ихъ врознь.

2. Поддержать связь съ дѣйствующей арміей на правомъ берегу Варты, чрезъ города Оборники и Шремъ; равно защищать эти города, изъ коихъ первый долженъ быть резиденціей властей Великаго Княжества, а изъ втораго главный вождь посылаетъ приказанія на оба берега Варты.

3. Резервный корпусъ старается аттаковать Познанскій гарнизонъ, пока не подошли Прусскія войска изъ Помера-

ніи и Силезіи; при появленіи же таковыхъ, аттакуетъ ихъ со всею стремительностью. Если же эти аттаки не будутъ имѣть успѣха, тогда резервный корпусъ переходитъ Варту подъ Шремомъ или Оборниками, для соединенія на правомъ ея берегу съ дѣйствующей арміей.

Если же удалось бы занять Познань и цитадель ея сразу, тогда первый наборъ западнаго округа будетъ относиться къ дѣйствующей арміи, на усиленіе которой со стороны Бука и Познани онъ потянется отъ Пыздръ. Здѣсь, при слитіи рѣкъ Просны и Варты, будетъ разбитъ укрѣпленный лагерь.

Другой наборъ расположится, при сказанномъ оборотѣ дѣлъ, вокругъ Познани, укрѣпится тамъ и будетъ защищать ту мѣстность отъ вторженія Прусскихъ войскъ. Если же ему придется уступить превозмогающей силѣ, тогда онъ двинется изъ Княжества Познанскаго къ дѣйствующему корпусу войскъ, съ которымъ сольется въ одно цѣлое.

Первые наборы, изъ обводовъ Плешовскаго, Одолановскаго, Острешовскаго, Кротошинскаго и Кробскаго, собираются подъ начальствомъ Аполлинарія Курнатовскаго и образуютъ маршевую колонну. Для прикрытія этой операціи будетъ произведена фальшивая аттака на кавалерію, стоящую въ Островѣ; Курнатовскій же проникаетъ въ Калишское воеводство и старается занять Калишъ, а потомъ — удастся это, или не удастся, — поворачиваетъ, черезъ Пыздры или Турекъ, на Конинъ, неподалеку отъ Кола, дабы здѣсь соединиться съ колонною, которая прибудетъ изъ Рогова. Если бы Русскія войска этому воспрепятствовали, то колонны изъ-подъ Плешева и Рогова соединяются недалеко отъ Пыздръ, при слитіи рѣки Просны съ Вартою.

Въ Роговѣ, между озерами, у истоковъ рѣки Велны, сойдутся отряды подъ команду Мирославскаго, изъ обводовъ: Иновроцлавскаго, Быдгощскаго, Шубинскаго, Выржискаго, Ходзешинскаго, Чарнковскаго, Оборницкаго, Венгров-

скаго, Гнѣзненскаго, Сржоцкаго, Шремскаго, Вржесневскаго и Могельницкаго.

Для того, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ передвиженія этихъ отрядовъ, а частію для ихъ прикрытія и овладѣнія въ тоже время нѣкоторыми складами оружія, — исполнятъ, гдѣ фальшивыя, гдѣ настоящія аттаки слѣдующія лица: Станиславъ Садовскій — на Быдгощъ [17]); Альбинъ Мальчевскій на кавалерію, стоящую въ Иноврацлавѣ, Гнѣвковѣ и Глинкахъ; Адольфъ Мальчевскій—на Гнѣзно и, наконецъ, графъ Игнатій Бнинскій — на Пилу.

Какъ только повстанцы всѣхъ обводовъ соберутся подъ Роговымъ, Мирославскій, произведя имъ въ теченіи четырехъ или пяти дней ученіе, вторгнется въ Царство Польское" [18]).

*

Таковъ былъ общій планъ. Частныя подробности предоставлялось развивать каждому отдѣльному начальнику, согласно средствамъ и условіямъ мѣстности, гдѣ кто будетъ дѣйствовать. Такъ подробности Галиційскихъ операцій оставлены на волю тамошнимъ начальникамъ, которые были: для восточной Галиціи маіоръ Фаленцкій и полковникъ Каминскій; для западной—Высоцкій и Бобинскій. Военныя операціи Малороссіи зависѣли отъ тамошняго начальника Ружицкаго. Нѣкоторыя подробности въ дѣйствіяхъ отрядовъ Царства Польскаго согласно съ Литвою и Жмудью мы видѣли изъ бесѣды Мирославскаго съ Рёромъ, Магдзинскимъ и Домбровскимъ.

Магдзинскій и Рёръ, получивъ нужныя бумаги и снабженные средствами, какими организація могла располагать, отправились къ мѣстамъ своего назначенія, но Домбровскій медлилъ. Между тѣмъ за нимъ зорко слѣдили. Дзвонковскій (подъ именемъ Козловскаго) пришелъ къ нему разъ и спросилъ, когда же онъ ѣдетъ. Домбровскій отвѣчалъ, что ему

---

[17]) Бромбергъ.

[18]) Альціата, Biblioteki Pisarzy Polskich, томъ XXIX, стр. 162—164, 203—216, и показанія: Домбровскаго и Мирославскаго въ Познани и Тисовскаго въ Кёнигштейнѣ.

нужно съѣздить сперва въ имѣніе свое Винную-Гору повидаться съ женою, которая нетакъ здорова, а потомъ ужъ онъ поѣдетъ въ Русскую Польшу. Онъ точно отправился въ Винную-Гору, для свиданія съ женою, которой открылъ все и условился съ ней, чтобы она тоже перебралась въ Царство и наблюдала за ходомъ дѣлъ возстанія, а въ случаѣ нужды подала бы необходимую вѣсть или помощь.

Дзвонковскій явился къ Домбровскому и въ Винную-Гору и объявилъ, что ѣдетъ также въ Царство, а потому полагалъ, что имъ лучше всего выѣхать вмѣстѣ. Такъ они и сдѣлали.

7 числа Февраля н. ст. они выбрались изъ Винной-Горы втроемъ: Дзвонковскій (съ паспортомъ на имя Богданскаго), Домбровскій и его повѣренный во всѣхъ дѣлахъ, старый поваръ Краковскій, человѣкъ безгранично преданный ихъ семейству. Сначала ѣхали въ своемъ экипажѣ до Прусской пограничной таможни Стршалкова, потомъ взяли экстра-почту. Въ городѣ Колѣ Дзонковскій разстался съ товарищемъ, вручивъ ему большой пакетъ для передачи Варшавскому купцу Степану Добричу, у котораго (какъ онъ говорилъ) учреждено центральное бюро революціонныхъ предпріятій Царства; потомъ, клочокъ бумажки для передачи помѣщику Тулинскому, тоже въ Варшавѣ; письмо къ брату своему Адаму, въ деревнѣ Новый Дворъ (Варш. губерніи, Станисл. уѣзда) и, наконецъ, письмо къ помѣщику Андрею Дескуру. Всѣ эти письма, какъ равно и пакетъ къ Добричу, были писаны химическими чернилами и представляли на видъ простую бѣлую бумагу. Даже и самые адресы не были видны. Домбровскій подписалъ на пакетахъ свои особенныя отмѣтки, только ему одному понятныя, и пустился въ дорогу. Вечеромъ 9 Февраля н. ст. онъ прибылъ въ Варшаву. Тогда-же, по условію, пришли къ заставѣ его люди изъ Винной-Горы, съ тремя Англійскими лошадьми, собственно для употребленія во время военныхъ дѣйствій; при нихъ, для естественности, находилась старая кобыла, пони и жеребецъ. Фуражъ для всѣхъ этихъ лошадей везли на особой огром-

ной телѣгѣ, запряженной четверкою дюжихъ коней, на днѣ которой помѣщались, подъ сѣномъ и кулями съ овсомъ, нужные снаряды и порохъ. Все это Домбровскій, знакомый съ чиновникомъ на заставѣ, легко препроводилъ въ городъ.

На другой день, 10 Февраля въ 11 час. Домбровскій пошелъ къ Добричу и передалъ ему пакетъ, который тутъ-же былъ вскрытъ и прочтенъ Добричемъ, въ особой комнатѣ. Въ пакетѣ лежали инструкціи Мирославскаго къ окружнымъ комиссарамъ [19]) и разныя другія важныя бумаги. Была также и рекомендація Домбровскаго, какъ вождя праваго берега Вислы.

Добричъ въ краткихъ словахъ объяснилъ Домбровскому положеніе ихъ дѣлъ, замѣтивъ, что организація сильно разстроена недавними арестами [20]), но все таки люди есть. Онъ обѣщалъ собрать кое-кого завтра-же, дабы потолковать сообща, какъ и что̀ предпринять. И они разстались.

Домбровскій отправился къ Тулинскому и передалъ ему относившійся до него клочекъ бумаги отъ Дзвонковскаго; но Тулинскій прочесть его не могъ и отдалъ назадъ Домбровскому, сказавъ впрочемъ, что служить отечеству готовъ и отъ другихъ въ патріотическомъ самоотверженіи не отстанетъ.

Собранные на слѣдующій день Добричемъ [21]) дѣятели Варшавской организаціи были: эмиссаръ Прусской Польши, Берлинскій студентъ Карлъ Рупрехтъ, прибывшій въ Царство какъ бы для свиданія съ родителями, которые жили въ Бялѣ (Варшавск. губ. и уѣзда); архитекторскій апликантъ Михаилъ Мирецкій; обыватель Тулинскій и еще человѣкъ

---

[19]) См. Приложенія, № 8.

[20]) Эти аресты были произведены по случаю полученныхъ изъ Пруссіи предостереженій, *что у насъ заговоръ*. Кромѣ того было открыто, какъ говорили, особенное покушеніе противъ Паскевича и всѣхъ Русскихъ на балу, который давало, незадолго до новаго 1846 года, Общество Благотворительности въ такъ называемыхъ «редутовыхъ», т. е. увеселительныхъ залахъ театра.

[21]) Въ показаніяхъ отъ 11 Апрѣля говорится, что Добричъ тутъ-же послалъ за этими людьми.

до десяти разныхъ мелкихъ чиновниковъ. Они относились къ Домбровскому, явившемуся около 11 часовъ, какъ къ своему начальнику и наговорили ему самыхъ необыкновенныхъ вещей, представляя заговоръ Царства въ болѣе или менѣе блестящихъ краскахъ. Особенно говорилъ много и съ увлеченіемъ горячій студентъ Рупрехтъ. Мирецкій обѣщалъ набрать людей въ Мацеёвицахъ, гдѣ у него много родныхъ, которые помогутъ дѣлу [22]). Но когда Домбровскій попросилъ списка всѣхъ участвующихъ, собесѣдники стали поглядывать другъ на друга, и никакого списка не явилось [23]).

Говорили между прочимъ о томъ, какъ пріобрѣсти крестьянъ. Домбровскій находилъ, что самое лучшее обѣщать имъ свободу и землю; сказать, что возстаніе предпринимается съ цѣлью воскресить Польшу подъ правленіемъ демократическимъ, которое уравняетъ сословія, что этого достигнуть можно неиначе, какъ съ помощью всего народа: стало быть они должны соединить свои силы съ помѣщиками, стать въ этомъ дѣлѣ ихъ друзьями, такъ-какъ это дѣло столько-же ихъ дѣло, сколько помѣщичье, или еще больше.

Въ заключеніе, разсматривали карту Польши и разсуждали, какъ дѣйствовать, кто откуда пойдетъ, и читали инструкціи Мирославскаго.

Домбровскій ушелъ домой нѣсколько успокоенный. Дóма онъ нашелъ приглашеніе отъ одной старой своей знакомки, Коссовской, которую видалъ шесть, лѣтъ тому назадъ, въ Самострѣлахъ (имѣніи графа Бнинскаго), гдѣ она сводила съ ума всю молодежь. Это была женщина поразительной

---

[22]) Мирецкій говорилъ, что крѣпость Ивангородъ можно взять, имѣя кучу смѣлыхъ и отважившихся на все людей: гарнизонъ сейчасъ положитъ оружіе, если броситься на него вдругъ.

[23]) Такъ разсказывалъ Домбровскій въ показаніяхъ 14 Сентября н. ст. 1846, въ Познани, желая, можетъ быть, скрыть участниковъ. Трудно предположить, чтобы Варшавская организація состояла изъ той кучки людей, которая собралась у Добрича.

красоты и самая пламенная и отчаянная патріотка. Она пріѣхала изъ Познани въ Царство именно затѣмъ, чтобы одушевить и поддержать, чѣмъ и какъ можетъ, слабую организацію Варшавы. Не имѣя надлежащимъ образомъ выправленнаго паспорта, она стала у какой-то пріятельницы на Козьей улицѣ, съ намѣреніемъ перевидать знакомыхъ ей Варшавянъ, а потомъ ѣхать въ свое Люблинское имѣніе и дѣйствовать тамъ въ пользу заговора.

Домбровскій прибѣжалъ къ ней туже минуту. Коссовская обратилась къ нему съ самыми задушевными привѣтствіями, наговорила кучу любезныхъ вещей. Разговоръ ихъ принялъ фантастическое направленіе, болѣе чѣмъ всѣ планы Мирославскаго. Кончилось тѣмъ, что Домбровскій, чувствуя себя дѣйствительнымъ начальникомъ праваго берега Вислы, предводителемъ выросшихъ изъ подъ земли полчищъ, досталъ изъ кармана карту съ инструкціями Мирославскаго и сталъ все это читать и разъяснять прелестной хозяйкѣ, такъ долго и подробно, что она должна была остановить его краснорѣчіе.... [24]).

Потомъ на него напало опять раздумье. „Глупо я сдѣлалъ, сказалъ онъ, что перебрался для дѣйствій сюда. Мнѣ бы лучше оставаться въ Познани: тамъ все таки есть нѣчто, а здѣсь ничего“.

—„Э, полноте, возразила Коссовская: это вамъ такъ кажется, потому что вы не знаете здѣшнихъ дѣлъ близко. Вглядитесь и увидите, что здѣсь такая-же организація, какъ и въ другихъ пунктахъ. Въ Радомской губерніи вамъ помогутъ много вотъ эти лица“—.

Тутъ она дала ему три письма: одно Ксаверію Ясинскому, въ сел. Бендзиновѣ Сандомірскаго уѣзда, другое Рома-

---

[24]) «Einer so feuerigen, energischen Wittwe gegenüber vermochte ich nicht kaltblütig zu bleiben, stimmte deswegen nicht nur in den Gegenstand der Auterhaltung ein, sondern mag überhaupt damals viel gesprochen haben, dessen ich mich gegenwärtig nicht zu erinnern vermag».. (Показаніе въ Познани, 14 Сентября н. ст. 1846).

ну Цихоцкому въ Марушовѣ и третье—помѣщику Карчевскому въ Волѣ Сенинской [25]).

Затѣмъ они разстались. Вечеромъ Домбровскій хотѣлъ опять съ нею увидѣться, но уже не засталъ: она уѣхала въ деревню.

12 Февраля, Домбровскій, условясь съ разными лицами организаціи, что они прибудутъ къ нему въ Куфлёвъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, для окончательныхъ совѣщаній, выѣхалъ изъ Варшавы съ Мирецкимъ вечеромъ въ 9½ часовъ; тогда же тронулись и лошади съ фурой и были благополучно переправлены черезъ заставу.

13-го, въ 8 часовъ утра, Домбровскій и Мирецкій прибыли въ Куфлёвъ. Управляющій подалъ записку отъ Рёра, который извѣщалъ Домбровскаго, что „жилъ у него трое сутокъ и, не имѣя возможности ждать долѣе, отправился къ мѣсту своего назначенія; что впрочемъ ничего особеннаго не случилось, что́ бы могло измѣнить ходъ вещей и ихъ планы“.

На другой день, 14-го, Домбровскій и Мирецкій выѣхали въ сторону Ивангородской крѣпости, съ цѣлью осмотрѣть ея верки, о которыхъ говорили, что они еще не кончены. Въ м. Новый Дворъ заѣхали они къ старику Дзвонковскому, гдѣ нашли и сына его Адама и вручили ему клочекъ бумаги отъ брата Владислава; но Адамъ, прочтя написанное, не выразилъ большой готовности служить предпріятію черезъ-чуръ необдуманному [26]).

Дальнѣйшія странствія показали начальнику праваго берега Вислы, что организація вездѣ довольно слаба. Миновавъ Мацеёвицы, Мирецкій нашелъ возможность переслать къ Андрею Дескуру химическую записку Дзвонковскаго, съ особымъ приглашеніемъ отъ себя — явиться для совѣщаній въ Куфлёвъ.

---

[25]) Письма къ Ясинскому и Цихоцкому въ Приложеніяхъ № 9.

[26]) Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Домбровскій въ показаніяхъ своихъ 14 Сентября 1846, въ Познанской цитадели.

16-го числа, осмотрѣли крѣпость, не входя впрочемъ внутрь. Домбровскій набросалъ въ бумажникѣ легкій очеркъ ея верковъ. Дѣйствительно, кое-что не было окончено, и пушки не поставлены на валахъ. По мнѣнію обоихъ странниковъ, располагая большою массою на все рѣшившихся повстанцевъ, можно было сильнымъ и отчаяннымъ натискомъ врасплохъ взять эту крѣпость и обезоружить гарнизонъ. Только Домбровскій полагалъ, что все таки при этомъ нужны пушки, а Мирецкій говорилъ, что обойдется дѣло и безъ нихъ.

17 Февраля н. ст., около полудня, они воротились въ Куфлёвъ, съ разстроеннымъ нѣсколько духомъ, такъ-какъ оба, болѣе или менѣе, убѣдились, что предводители, пожалуй, кое-какіе еще и есть, но предводительствовать, кажется, будетъ не кѣмъ....

Начали, отъ нечего дѣлать, осматривать и приводить въ порядокъ оружіе, какъ находившееся въ домѣ прежде, такъ и прибывшее вновь съ лошадьми изъ Пруссіи. Оказалось всего: 3 обыкновенныя двустволки, восемь одноствольныхъ ружей, нѣсколько пистолетовъ, два палаша и одинъ кортикъ [27]).

На слѣдующій день, 18 Февраля, явился въ Куфлёвъ Рупрехтъ съ молодымъ помѣщикомъ изъ подъ города Сѣдлецъ, Панталеономъ Потоцкимъ, человѣкомъ самыхъ отчаянныхъ свойствъ: для него не существовало никакихъ преградъ и сомнѣній; онъ былъ отданъ возстанію душею и тѣломъ и вѣрилъ въ его успѣхъ; повстанцы грезились ему вездѣ не то что десятками и сотнями, а десятками тысячъ: одна Варшава съ окрестностями должна была дать, по его мнѣнію, до 30 тысячъ.

Когда Домбровскій объявилъ ему, что, согласно плану, составленному Мирославскимъ и Высоцкимъ, при помощи мно-

---

[27]) Показанія 16 Апрѣля н. ст. 1846, въ Зонненбургѣ. Позже, 15 Сентября н. ст. 1846 въ Познани, Домбровскій показалъ другое число, меньше. Поэтому можно предполагать, что настоящее число оружія скрыто.

гихъ другихъ стратегиковъ, рѣшено взять, если можно, прежде всего крѣпость Ивангородъ и городъ Сѣдльцы, — Потоцкій, не долго думая, предложилъ для нападенія на послѣдній пунктъ самого себя, съ людьми, которыхъ легко будетъ набрать въ окрестностяхъ, потому что его имѣніе Цысь лежитъ всего въ 10 верстахъ отъ Сѣдлецъ, его всѣ тамъ знаютъ за честнаго патріота, онъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе..... въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ мыслей Потоцкій дошелъ до того, что обѣщалъ помощь санями самому Домбровскому; но Домбровскій сказалъ, что этого добра у него вдоволь: можетъ даже послать, куда потребуется. Потоцкій говорилъ о занятіи Сѣдлецъ такъ горячо и съ такой увѣренностью, что Домбровскій чуть-чуть не проговорился, что и онъ не прочь съ нимъ дѣйствовать заодно, такъ-какъ взятіе крѣпости Ивангорода представлялось ему дѣломъ сомнительнымъ; однако не сказалъ ничего и послѣ былъ этимъ доволенъ.

Стали разсматривать карту и планъ Мирославскаго. Домбровскій, котораго мысли постоянно мѣнялись и никакъ не могли установиться на одномъ мѣстѣ, шелъ опять на Ивангородъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и приглашалъ туда Потоцкаго по взятіи Сѣдлецъ.

Вся ночь прошла въ разныхъ толкахъ и соображеніяхъ о предстоящемъ предпріятіи. Домбровскому то хотѣлось идти съ Потоцкимъ подъ Сѣдльцы, то онъ пугался этой мысли и шелъ на Ивангородъ. Таково было состояніе души этого человѣка: за три дня до назначенія дѣйствій, онъ, командующій войсками на значительномъ пространствѣ, не зналъ еще, *гдѣ именно* будетъ дѣйствовать.

На зарѣ, 19-го, Потоцкій и Мирецкій отправились къ мѣстамъ своего назначенія. Послѣднему Домбровскій не велѣлъ предпринимать никакихъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не получитъ извѣстія, что́ сдѣлано относительно Ивангорода и Сѣдлецъ и гдѣ находятся отряды Домбровскаго и Потоцкаго.

Съ полудня, того же 19-го числа, начали прибывать лица, приглашенныя отчасти самимъ хозяиномъ, отчасти Ру-

прехтомъ и Мирецкимъ. Прежде всѣхъ явился Андрей Дескуръ, человѣкъ въ родѣ Потоцкаго: на все готовый, вѣрившій въ силы возстанія, бравшій города и крѣпости.

Потомъ пришли изъ Варшавы пѣшкомъ: мелкій чиновникъ губерн. правленія, Адольфъ Грушецкій, рослый и здоровый парень съ большими усами; апликантъ прокурорской канцеляріи при Варшавскомъ уголовномъ судѣ Станиславъ Коцишевскій; апликантъ другаго какого-то суда Владиславъ Жарскій и наконецъ апликантъ мироваго суда 4-го Варшавскаго округа Иванъ Литынскій.

Они остановились въ корчмѣ и послали отъ себя въ домъ хозяина только одного Грушецкаго, но Домбровскій приказалъ звать всѣхъ. Представясь ему, они ту же минуту заговорили объ оружіи и пошли въ оружейную выбирать, что̀ кому по вкусу, безъ всякой церемоніи, а вечеромъ приступили къ литью пуль, которыхъ налито ими штукъ 200, въ четыре формы, при помощи только-что нанятаго Домбровскимъ охотника Лютынскаго и повара Краковскаго. Даже самъ Домбровскій вылилъ нѣсколько штукъ; но, чувствуя отъ всѣхъ денныхъ тревогъ чрезвычайную боль головы, легъ въ постель, спалъ однако плохо.

Двадцатое число пролетѣло незамѣтно, въ толкахъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, куда кто пойдетъ... Дворовые люди конечно смекнули, что̀ такое затѣвается господами. Поняли тоже самое наиболѣе сметливые изъ крестьянъ, но все село оставалось пока въ невѣдѣніи. Домбровскій велѣлъ собрать разныхъ бобылей и холостежь какъ-бы на охоту, но рѣшилъ не говорить имъ до послѣдней минуты, что̀ это за охота. Большаго сопротивленія онъ отъ нихъ не ожидалъ. Думалъ только: чѣмъ ихъ вооружить? Вилы всѣ съ непрочными деревянными ручками, а косы тонки.... Потомъ предоставилъ это случаю и судьбѣ.

Наконецъ наступилъ роковой день 21 Февраля — день, когда по разсчетамъ заговорщиковъ, должна подняться вся Польша въ границахъ 1772 года!

Легко понять, съ какими чувствами покинули свои постели всѣ лица, собравшіяся въ Куфлёвѣ, если только кто-нибудь изъ нихъ ложился. Первою мыслью Домбровскаго было пойти въ костелъ и исповѣдаться. Потомъ всѣ завтракали вмѣстѣ, разговаривая о разныхъ подробностяхъ нападенія. Грушецкій и Рупрехтъ попросили осѣдлать лошадей, чтобы поѣздить и попратиковаться, но оказались весьма плохими кавалеристами. Стали снова бесѣдовать, всѣ разомъ, о своемъ страшномъ предпріятіи... Вдругъ отворились двери, и вошелъ никѣмъ неожиданный Потоцкій [28]). Онъ былъ сильно разстроенъ. Товарищи услышали отъ него, что взятіе Сѣдлецъ сопряжено съ большими затрудненіями, какихъ онъ не ожидалъ, потому что не ожидалъ такого равнодушія со стороны обѣщавшихъ содѣйствіе: всѣ измѣнили, остался онъ одинъ, вслѣдствіе чего просилъ ему помочь идти на Сѣдльцы вмѣстѣ.

Тутъ для Домбровскаго опредѣлилось окончательно, *куда* онъ долженъ идти, и онъ отвѣчалъ Потоцкому, что теперь уже поздно дѣлать какія-либо перемѣны въ планѣ; что онъ идетъ къ Ивангороду и относительно этого отдалъ уже приказанія кому нужно [29]). „Ну, дайте мнѣ хотя офицеровъ, хотя тѣхъ людей, которые тутъ сидятъ“, сказалъ Потоцкій. Домбровскій согласился уступить только троихъ: Литынскаго, Жарскаго и Коцишевскаго; и Потоцкій, забравъ ихъ въ сани [30]), поѣхалъ въ Цысю, только замѣтилъ Домбровскому на порогѣ: „Совѣтую служить нашему дѣлу вѣ-

---

[28]) Около 11 часовъ передъ полуднемъ.

[29]) Домбровскій сказалъ, что онъ съ Рупрехтомъ пойдетъ къ Ивангороду вдоль Вислы; что если предпріятіе Потоцкаго подъ Сѣдльцами удастся, то могутъ позже соединиться подъ Гарволинымъ и Желеховымъ.

[30]) Выѣхали около 1-го часу пополудни, въ саняхъ Потоцкаго и другихъ мужицкихъ, изъ Куфлёва, забравъ часть пуль, оружіе и амуницію. (Зонненбургъ 16 Апрѣля н. ст.) Рупрехтъ далъ ему экземпляръ прокламаціи.

рой и правдой; иначе знаешь, конечно, что̀ ожидаетъ трусовъ и измѣнниковъ“ [31]).

По отъѣздѣ Потоцкаго, Домбровскій увидѣлъ нѣкоторую перемѣну въ обращеніи съ нимъ его якобы подчиненныхъ. Они глядѣли какими-то стражами, а не подчиненными, и выраженіе „Pan jenerał“ имѣло уже въ ихъ устахъ что-то саркастическое. Грушецкій даже сказалъ, что они намѣрены слѣдовать неотступно по пятамъ начальника и не позволятъ ему уклониться отъ своихъ обязанностей.

Не задолго передъ обѣдомъ прибыли помѣщики Тулинскій и Бембковскій, а въ 5 часовъ пришло съ нарочнымъ письмо отъ жены Домбровскаго, которая извѣщала его, что „только-что пріѣхала въ Варшаву, что заговоръ въ Познани открытъ полиціей, Мирославскій со многими высшими членами организаціи и со всѣми планами и бумагами захваченъ“... Въ заключеніе умоляла мужа бросить все и бѣжать въ Пруссію; „что̀ до паспорта—онъ будетъ“.

Прочтя это письмо, Домбровскій впалъ въ совершенное отчаяніе и рѣшился объявить обо всемъ гостямъ, представивъ имъ всю безмыслицу ихъ одиночнаго возстанія, безъ помощи изъ-за границы; но Рупрехтъ и Грушецкій ничего и слышать не хотѣли и требовали съ угрозами, чтобы онъ велъ ихъ въ бой съ Москалями, говоря, что другаго выхода нѣтъ, что они скомпрометированы всѣ до единаго и должны погибнуть; „лучше-же погибнуть въ битвѣ со врагомъ, нежели какъ-нибудь иначе, на висѣлицѣ или въ казематѣ“.

Дѣлать было нечего. Домбровскій написалъ женѣ письмо, что возвратъ уже невозможенъ, и просилъ ее думать только о своемъ спасеніи. Письмо это повезъ въ легкихъ саночкахъ Краковскій, котораго мы уже видѣли занимавшагося литьемъ пуль. (Его употребляли на всѣ важныя порученія). Онъ встрѣтилъ госпожу свою на полудорогѣ: она сама спѣшила въ Куфлёвъ. Бросивъ свою изнуренную

---

[31]) Показаніе Домбровскаго 15 Сент. н. ст. 1846 въ Познани.

четверню, она пересѣла въ сани Краковскаго и въ нихъ прибыла въ Куфлёвъ, около 8 часовъ вечера.

Домбровскій передалъ ей, въ уединенной бесѣдѣ, свои затрудненія относительно подчиненныхъ и вытекающую оттуда необходимость идти въ бой. Домбровская рѣшилась выручить мужа: это была, какъ мы уже сказали, очень храбрая Полька. Она вышла съ мужемъ къ гостямъ и произнесла имъ краткую рѣчь, въ которой высказала всю безразсудность ихъ странныхъ требованій и умоляла оставить предпріятіе, ведущее всѣхъ ихъ къ несомнѣнной погибели. Грушецкій схватилъ было пистолетъ и грозился положить Домбровскаго на мѣстѣ, если онъ имъ измѣнитъ. Но госпожа Домбровская стала между нимъ и мужемъ. Тулинскій и Бембковскій явились на ея сторонѣ и начали точно также убѣждать товарищей отказаться отъ предпріятія. Кончилось тѣмъ, чѣмъ кончаются многія житейскія дѣла и что̀ измѣняетъ характеръ самыхъ несговорчивыхъ и неукротимыхъ: Рупрехту и Грушецкому были предложены нѣкоторая сумма и лошади, готовыя везти ихъ куда прикажутъ. Они сѣли и выѣхали. Тулинскій и Бембковскій сѣли въ другія сани, а потомъ уѣхалъ и Домбровскій и на другой день бѣжалъ за границу [32])...

А несчастный Потоцкій, ничего не зная и не вѣдая о случившемся въ Познани и о рѣшеніи его товарищей въ Куфлёвѣ [33]), дѣлалъ у себя послѣднія приготовленія. Точно также какъ и Домбровскій, онъ приказалъ собрать мужи-

---

[32]) Показанія Домбровскаго, Рупрехта и Потоцкаго.

[33]) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ могъ быть предупрежденъ: отъ Куфлёва до Цыси только 24 версты. Потоцкій въ тотъ день проѣхалъ это разстояніе въ 3 часа съ небольшимъ. Рупрехтъ въ своихъ показаніяхъ отъ 11 (23) Февраля въ Сѣдльцахъ, гдѣ былъ взятъ, говоритъ, что «сначала Д. хотѣлъ дать знать Потоцкому, но послѣ отдумалъ на томъ основаніи, что было будто бы уже поздно, и такимъ образомъ Потоцкій и его товарищи были брошены одни на всевозможныя опасности». А Домбровскій обвиняетъ Рупрехта и Грушецкаго, что они не дали знать, когда это имъ было поручено.

ковъ, только не на охоту, а подъ видомъ того, чтобъ потолковать съ ними о предстоящемъ наборѣ. Мужики однако смекнули *дѣло*, какой это наборъ. Особенно же подозрѣнія ихъ усилились, когда Коцишевскій и Жарскій начали угощать ихъ водкою и совать имъ въ руки деньги, говоря не очень связно, что „дѣло идетъ о пользѣ ихъ отечества и объ ихъ собственной пользѣ... что часъ пришелъ освободиться и получить въ надѣлъ землю... не знать надъ собою никого, кромѣ Пана Бога“.

Тѣ, кто были посмышленѣе и пили меньше водки, отвѣчали господамъ на отрѣзъ, что „бунтовать не пойдутъ“, а кто подпили, тѣ, чисто по-мужицки, начали плакать и причитать [34]). Изъ нихъ набралось человѣкъ съ десятокъ, которые сказали, что „пойдутъ въ огонь и въ воду за своимъ паномъ, что они также Поляки“.

Потоцкій отдѣлилъ ихъ отъ прочихъ и произнесъ къ нимъ рѣчь, гдѣ были между прочимъ слова: „сегодня встаетъ вся Польша; намъ ли отставать отъ братьевъ?“ А Коцишевскій прочелъ имъ *прокламацію*, имѣвшуюся у него отъ Рупрехта въ 8 экземплярахъ; но никто ничего не понялъ, потому что сильно были пьяны. За тѣмъ заряжены ружья и уложены въ трое саней. Близь 12 часовъ, поѣздъ тронулся. Потоцкій ѣхалъ впереди, верхомъ, какъ предводитель. Литынскій и Жарскій сидѣли въ саняхъ съ крестьянами, которыхъ при отправленіи оказалось девять человѣкъ. Коцишевскій ѣхалъ верхомъ сзади, чтобы наблюдать за мужиками, не вздумалъ бы какой бѣжать. Но, несмотря на эти предосторожности, лишь только поѣздъ очутился въ лѣсу, двое мужиковъ тихонько свалились въ кусты, и давай Богъ ноги ко дворамъ.

Съ остальными семью Потоцкій и трое его пріятелей прибыли къ Варшавской заставѣ города Сѣдлецъ, во второмъ часу ночи [35]), оставили лошадей подъ присмотромъ куче-

---

[34]) Płakali i lamentowali—выраженіе Потоцкаго.

[35]) Слѣдовало пріѣхать скорѣе (отъ Цыси до Сѣдлецъ всего 10 верстъ), о они попали не на ту дорогу (на Зельковъ), блуждали и наконецъ,

ра въ полѣ, а сами пошли по тихимъ и темнымъ улицамъ, толкуя о томъ, какъ и съ чего начать нападеніе.

Планъ нападенія, сочиненный незадолго до отъѣзда самимъ Потоцкимъ, былъ таковъ: „Прежде всего ударить на гауптвахту, перебить тамъ солдатъ и ружья ихъ роздать мѣстной организаціи, которая безъ сомнѣнія не замедлитъ явиться на выстрѣлы. Потомъ, захвативъ въ Уѣздномъ Казначействѣ и въ Провіантской Коммиссіи деньги (которыхъ считали не менѣе милліона рублей), идти на Собраніе, гдѣ долженъ быть балъ; перебить тамъ всѣхъ Русскихъ, между прочимъ ненавистнаго всѣмъ начальника уѣзда Гинча, арестовать начальника гарнизона генерала Ладыженскаго и вынудить у него приказаніе войскамъ, какое будетъ потребно. Въ Собраніи вѣроятно еще пристанетъ нѣсколько народу; тогда идти и освободить арестантовъ, снабдить ихъ оружіемъ гарнизонъ, а далѣе дѣйствовать по усмотрѣнію“.

Поспоривъ немного съ Жарскимъ, который находилъ болѣе выгоднымъ аттаковать прежде Собраніе, а потомъ гауптвахту, Потоцкій настоялъ, чтобы отъ плана нисколько не отступали, и повелъ свою команду къ гауптвахтѣ [36]).

На платформѣ бродилъ чуть-видимый во мракѣ часовой, слабо озаряемый близь висѣвшимъ фонаремъ. Потоцкій, подойдя къ нему внезапно и уставя въ упоръ ружье, сказалъ: „кричи пардонъ!“ Но часовой, вмѣсто всякаго отвѣта, спустилъ на руку ружье. Тогда Коцишевскій, бросившись съ другой стороны, ударилъ его въ бокъ кинжаломъ: солдатъ упалъ, застонавъ. Потоцкій взялъ его ружье и отдалъ одному изъ мужиковъ, которые все время держались боязливо по-одаль. Происшедшій на платформѣ шумъ и стоны раненнаго солдата разбудили часть команды; двери отворились, и оттуда выглянуло нѣсколько головъ. Потоцкій закричалъ: „клади ружья, клади ружья!“, хотя никакихъ ружей не было

взявъ направленіе къ деревнѣ Игоне, выѣхали на трактъ, ведущій къ Сѣдльцамъ.

[36]) До нея отъ заставы около 400 сажень.

видно, и съ этими словами выстрѣлилъ въ дверь и ранилъ солдата. Потомъ кто-то изъ его людей пустилъ выстрѣла два-три въ окна, послѣ чего всѣ побѣжали къ Казначейству, которое было недалеко. Тамъ вышла точно таже исторія: ранены часовой и солдатъ; послѣдній выстрѣломъ, пущеннымъ въ окно. Потоцкій опять кричалъ: „клади ружья!“ Разумѣется, нападающіе ожидали помощи, но ея ни откуда не являлось. Улицы были тихи. Только немного погодя раздался звонъ какихъ-то шпоръ: это шелъ жандармъ, посланный уѣзднымъ начальникомъ изъ Собранія узнать, гдѣ и кто стрѣляетъ? Едва люди Потоцкаго его увидѣли, какъ грянуло нѣсколько выстрѣловъ, и одинъ сбилъ жандарма съ ногъ. Сочтя его убитымъ, Потоцкій съ командою пошелъ поспѣшно къ Собранію[37]). Мужики опять держались по-одаль.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, несмотря на позднее время. Многіе изъ находившихся тамъ Поляковъ поджидали Потоцкаго, но только не съ семью человѣками его же собственныхъ крестьянъ...

Вдругъ грянули выстрѣлы. Дамы бросились въ заднія комнаты. Съ иными сдѣлалось дурно. Мущины, подбѣжавъ къ нимъ, сказали: „не бойтесь,—это наши!“

Однимъ выстрѣломъ ранило жандармскаго унтеръ-офицера, а другимъ служителя при шинеляхъ. Потоцкій кричалъ: „кто Полякъ—къ оружію и соединяйся съ нами!“ Но и здѣсь никто не шелъ. Уѣздный начальникъ Гинчъ выскочилъ на крыльцо посмотрѣть, что̀ такое дѣлается? Потоцкій, узнавъ его, подбѣжалъ и, уперши пистолетъ въ самую грудь, спустилъ курокъ. По счастію, произошла осѣчка. Въ дверяхъ стали показываться военные... Видя, что дѣло плохо, заговорщики бѣжали въ разсыпную по Флоріанской улицѣ, къ Збучинской заставѣ. Впрочемъ Гинчъ захватилъ двухъ мужиковъ.

---

[37]) Отъ гауптвахты до Собранія 50 саженъ.

Проблуждавъ цѣлый день, 22 Февраля, по лѣсамъ, Потоцкій, Жарскій и Коцишевскій очутились къ вечеру въ дер. Млынки (21 верста отъ Сѣдлецъ), гдѣ наняли фурманку до Мелехова; но доѣхавъ до дер. Жебрака (отъ Млынокъ 4 версты), бросили ее и пошли пѣшкомъ. Въ 11-мъ часу ночи они добрели до дер. Новаки (отъ Жебрака 8 верстъ) и постучались въ одной крестьянской избѣ, прося пустить ихъ переночевать. Хозяинъ пустить-пустилъ, но со страху бѣжалъ куда-то, а жена его сварила гостямъ яичницу. Это была первая ихъ пища послѣ того, какъ они оставили Цысю. Изъ Новакъ Жарскій и Коцишевскій перебрались въ дер. Пирогъ (отъ Новакъ 3 версты), принадлежавшую матери Потоцкаго, а самъ Потоцкій попалъ на мельницу той же деревни, называвшуюся Деркачъ (Пирогъ отъ Сѣдлецъ 11½ верстъ, а мельница Деркачъ саженяхъ во ста отъ этой деревни). Мельникъ Яворскій, узнавъ барина и догадавшись, что̀ заставило его искать пріюта на мельницѣ въ такую пору (слухи о затѣяхъ пановъ давно бродили между разными сословіями селъ и деревень), перепугался и далъ знать въ Цысю, тамошнему солтысу: тотъ явился съ мужиками и арестовалъ своего помѣщика [38]). Точно также взяты Жарскій и Коцишевскій и доставлены въ Сѣдльцы. Литынскій и прочіе розысканы послѣ, кто въ Сѣдльцахъ, кто въ Варшавѣ [39]). Добричъ взятъ въ имѣніи своего брата, куда, какъ мы видѣли, уѣхалъ.

---

[38]) Въ Цысѣ уже знали о происшествіи въ Сѣдльцахъ.

[39]) Сообщаются такія подробности о взятіи Жарскаго и Коцишевскаго. Они зашли къ крестьянину Песеку, который, сочтя ихъ за недобрыхъ людей, собралъ 9 человѣкъ мужиковъ, но не рѣшился съ ними идти на двоихъ вооруженныхъ и побѣжалъ въ ближайшую деревню, къ эконому Фридриховичу, за народомъ. Фридриховичъ сказалъ, что у него весь народъ пьянъ, по случаю масляницы, не кого дать. «А ты карауль бунтовщиковъ: я смахаю въ городъ и возьму оттуда казаковъ!» сѣлъ верхомъ и, проскакавъ 16 верстъ въ ¾ часа, явился къ уѣздному начальнику, и тотъ далъ казаковъ; но когда они прибыли въ Пирогъ, Жарскій и Коцишевскій были уже связаны тамошними мужиками, при помощи трехъ, пришедшихъ изъ дер. Котуня.

Дѣятельность Слѣдственной Коммисіи закипѣла. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ разсмотрѣно и окончено дѣло всѣхъ захваченныхъ лицъ. Затѣмъ, по составленіи приговора военнымъ судомъ, Паскевичъ конфирмовалъ: „Потоцкаго, Коцишевскаго и Жарскаго повѣсить: перваго въ Сѣдльцахъ, а двухъ остальныхъ въ Варшавѣ. Рупрехту и Добричу, исполнивъ надъ ними весь обрядъ повѣшенія, даровать жизнь и потомъ сослать ихъ въ каторжную работу, въ рудникахъ, безъ срока; а Литынскаго, прогнавъ сквозь строй чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, тоже сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока".

Государь Императоръ утвердилъ эту конфирмацію, и она была исполнена: въ Варшавѣ 4 (16) Марта, въ 10 часовъ утра, на гласисѣ Александровской цитадели; въ Сѣдльцахъ 5 (17) Марта, въ 3 часа пополудни.

Съ остальными обвиненными поступлено согласно приговора военнаго суда, именно: Грушецкій сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на 10 лѣтъ. Толинскій и Бембковскій сосланы просто на поселеніе. Сопричастные заговору помѣщики Островскій и Боржеславскій отданы въ солдаты въ отдѣльный Сибирскій корпусъ.

Тѣмъ временемъ Варшава приняла видъ военнаго положенія, хотя оно собственно и не было объявлено. Въ разныхъ пунктахъ поставлены военные посты: у Замка рота пѣхоты и сотня казаковъ; на Старомъ-Мѣстѣ—рота и эскадронъ; у моста черезъ Вислу—взводъ пѣхоты; у Банка—рота и взводъ; у арсенала—тоже рота и взводъ; на Саксонской площади—тоже самое; на Александровской и Красинской площадяхъ—тоже по ротѣ и по взводу.

Сверхъ того, къ складочному Варшавскому магазину, гдѣ хранились косы, приставленъ сильный караулъ, и приказано свезть всѣ косы Царства Польскаго, хранившіяся на частныхъ и казенныхъ заводахъ, въ ближайшія крѣпости и остановиться дальнѣйшимъ ихъ производствомъ впредь до особаго разрѣшенія [40]).

[40]) Оффиціальные источники.

По всему Царству скакали офицеры, которымъ приказано прослѣдить, не замѣчается ли гдѣ революціоннаго движенія и въ случаѣ, если что̀ будетъ замѣчено,—распоряжаться энергически. Говорятъ, что главную массу этихъ офицеровъ взяли, по приказанію Паскевича, съ какого-то бала: каждому въ руки подорожная, простая и ясная инструкція—и катай!

Все безпокойное, что̀ можетъ быть и подымало тамъ и сямъ головы, спѣшило снова спрятаться. Скакавшіе по Царству офицеры видѣли кое-гдѣ одни подозрительные *съѣзды на охоту*, напр. подъ мѣстечкомъ Турекъ (Плоцкой губ.) съѣздъ въ 500 человѣкъ, которые, впрочемъ, тутъ же и разъѣхались по домамъ.

Нѣсколько мелкихъ бандъ возникло единственно на самомъ югѣ Царства, у Австрійской границы, именно въ Мѣховскомъ уѣздѣ, Радомской губ., и то съ тѣмъ, чтобы не медля скрыться въ Галицію. Часть изъ нихъ сформирована помѣщиками Лисовскими, Романомъ и Іосифомъ, подъ вліяніемъ Казиміра Хмѣлевскаго, котораго послалъ въ ту сторону Добричъ. О нихъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній.

Другія банды возникли подъ вліяніемъ арендатора дер. Люборжицъ (Мѣховскаго уѣзда) Людвига Мазараки. О нихъ извѣстно слѣдующее. Не задолго до возстанія, Мазараки и зять его Алоизій Венде, тоже арендаторъ, распространили по ближайшимъ къ нимъ гминамъ, Острову, Вавренчицамъ, Иголоміи и м. Бржеску, довольно много возмутительныхъ прокламацій, гдѣ говорилось, что „скоро встанутъ всѣ Славянскіе народы прежней Польши, отъ моря до моря, и крестьянамъ будутъ дарованы земли. Поэтому войты гминъ и бургомистры должны вооружать, подъ страхомъ смерти, народъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстъ, отъ 18 до 45 лѣтъ, чѣмъ придется: косами, топорами, пиками, а гдѣ можно и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и явиться со своими людьми къ Логановской корчмѣ (двѣ версты отъ м. Прошо-

вицъ) 20 Февраля н. ст. [41]), въ 12 часовъ ночи, а оттуда высшими вождями будутъ направлены въ разные пункты для партизанскихъ дѣйствій, именно: нападать на мелкіе отряды, казаковъ и пограничную стражу, забирать у нихъ оружіе, лошадей, сѣдла, сбрую и все пригодное для повстанскихъ войскъ.

Въ назначенный срокъ двѣ банды, одна Франца Сташевскаго, а другая Сигизмунда Іордана, явились у Логановской корчмы. Къ нимъ присоединился и самъ Мазараки, съ бандой изъ Люборжицъ, и всѣ вмѣстѣ, прождавъ понапрасну банду экспедитора почтъ Подгурскаго изъ Гебдова [42]), двинулись къ Прошовицамъ, окружили домъ, гдѣ стояло три казака; одинъ при этомъ выскочилъ и былъ раненъ, а другіе два спрятались. Банды забрали ихъ лошадей и пошли къ Иголоміи и Ваврженчицамъ [43]), гдѣ отняли у инвалидной команды и стражниковъ оружіе и бѣжали подъ Краковъ.

Здѣсь дѣла были въ самомъ критическомъ положеніи съ того времени, какъ Мирославскій, окончивъ выборы членовъ будущаго народнаго правительства, уѣхалъ въ Познань. Ожидаемые съ часу на часъ офицеры изъ Франціи не прибывали, а дни летѣли быстро, притомъ самые тревожные, подъ страхомъ ежеминутныхъ арестовъ и разоблаченія тайны. Назначенный срокъ возстанія близился. Пришлось набрать поспѣшно предводителей изъ шляхты въ родѣ тѣхъ, какими были: Мазараки, Венде, братья Лисовскіе. Пока они знакомились съ бандами, изучали инструкцію и мѣстность, производили возможныя ученья,—гря-

---

[41]) Прошовицы—12 верстъ отъ границы.

[42]) Онъ былъ разбитъ на дорогѣ казаками, которые отправились выручать товарищей, захваченныхъ бандою войта гмины Кршешовице, Романа Працкаго, на посту въ Видомѣ, и выручили. Передъ тѣмъ таже банда Працкаго произвела нападеніе на Кршешовице, но была отражена мѣстною командою. Вотъ и всѣ нападенія въ Царствѣ.

[43]) Оба мѣстечка у самой границы. Въ Иголоміи таможня.

нулъ громъ: Австрійскій отрядъ внезапно занялъ Краковъ (утромъ въ 4 часа 18 Февраля н. ст.), гдѣ дотолѣ не было никакихъ войскъ; а потомъ получено извѣстіе объ арестованіи Мирославскаго и отсрочкѣ возстанія. Что тутъ было дѣлать? Въ квартирѣ Альціаты, не задолго предъ тѣмъ воротившагося изъ Франціи, сошлись выбранные отъ Галиціи и Кракова члены народнаго правительства, Тиссовской и Горшовскій, и стали обдумывать свое положеніе. „Чтобы отложить возстаніе, разослать объ этомъ приказы въ разныя мѣста, времени было еще довольно: трое сутокъ [44]). Но будетъ ли толкъ? Послушаютъ ли вездѣ этихъ приказовъ люди, которыхъ чувства до такой степени напряжены и которые употребили на приготовленія столько хлопотъ, испытали такія треволненія, принесли довольно существенныя жертвы? Наконецъ, надо знать и своевольство этого народа въ Галиціи, этихъ маленькихъ диктаторовъ и вождей, воображающихъ о себѣ Богъ вѣсть что. Иные и вниманія не обращали, что есть въ Краковѣ какой-то членъ Централизаціи Альціата, члены будущаго правительства Тиссовскій и Горшковскій. Не лучше ли было, поэтому, встать всѣмъ и ударить на Краковъ, даже хотя бы погибнуть; въ такой жертвѣ будетъ смыслъ, будетъ урокъ слѣдующимъ поколѣніямъ. Но можно и не погибнуть... Если взрывъ произойдетъ сейчасъ, дружно, всѣми силами, то есть еще шансы выиграть дѣло, разбить Австрійцевъ, занявшихъ городъ: ихъ не такъ много.... и они что-то суетятся, какъ бы чѣмъ-то встревожены.... Только нужно не медлить ни минуты. Иначе къ этимъ робкимъ Австрійцамъ подойдетъ подкрѣпленіе, или придутъ Русскіе, о которыхъ уже носились слухи, что они готовятся къ походу.. Удачное же, благовременное возстаніе, всѣми существующими силами, можетъ поднять всю Галицію, и тогда пусть приходятъ Русскіе, пусть приходятъ Австрійцы, Прусаки: будетъ чѣмъ съ ними помѣриться!“

---

[44]) Сборище у Альціаты происходило утромъ 19 Февраля н. ст.

Такъ, болѣе или менѣе, разсуждали сошедшіеся у Альціаты вожди Галиційской организаціи [45]). Тиссовскій сказалъ подъ конецъ, что согласился бы на послѣднее, т. е. поднять край и ударить на Краковъ, если бы только былъ подъ рукою человѣкъ, способный принять начальство надъ войсками; но такого человѣка нѣтъ: стало-быть, возстаніе будетъ безъ вождя, массы лягутъ безсмысленною жертвою. На такое возстаніе Тиссовскій не изъявлялъ согласія. Альціата объявилъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ его мнѣніе, прибавя, что есть и еще недостатки, извѣстные ему очень хорошо и почти равняющіеся отсутствію вождя; а потому и онъ готовъ употребить все, отъ него зависящее, чтобы возстанія не было и безсмысленныхъ жертвъ не пало. Хитрый и осторожный Горшковскій не возражалъ и вообще вмѣшивался въ эти разсужденія мало. Поэтому было рѣшено послать немедля по Галиціи курьеровъ, съ отмѣной возстанія, а тамъ, послушаютъ или не послушаютъ такого приказа, это-ужъ не ихъ дѣло, не дѣло правительства: въ жертвахъ, которыя падутъ тогда, они вины на себя не примутъ. Тиссовскій и Горшковскій положили выѣхать во Францію и пошли укладываться. Альціата же сталъ приготовлять курьеровъ, и нѣсколько человѣкъ собрались къ нему довольно скоро. Въ то время, какъ онъ съ ними разговаривалъ, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ: письмами, знаками, декретами, вдругъ отворилась дверь и вошли опять Горшковскій и Тиссовскій, объявляя, „что они не ѣдутъ; что, по соображеніи у себя на дому всѣхъ обстоятельствъ, находятъ неприличнымъ блуждать по чужимъ землямъ, когда своя въ такомъ критическомъ положеніи. Къ тому же они еще не такъ скомпрометированы, чтобы бѣжать. А что вотъ такихъ-то-де не мѣшало бы отправить за границу, а то имъ будетъ плохо“.

Альціата отвѣчалъ, что эти лица выѣзжаютъ немедля и сейчасъ явятся за инструкціями и бумагами [46]). Они дѣй-

[45]) Альціата, Wypadki w 1846 r., стр. 184 и далѣе.

[46]) Въ показаніяхъ Тиссовскаго, 25 Мая н. ст. 1846, въ Кёнигштейнѣ, говорится, что и Альціата выѣхалъ внутрь края.

ствительно вскорѣ явились. Произошли трогательные проводы, съ извѣстной обстановкой, въ родѣ той, при которой вручалась Заливскому въ Парижѣ сабля: правительство, оракулы возстанія, по простоту сказать, подкутили, и все вдругъ настроилось совершенно иначе: у каждаго въ ушахъ затрубили трубы, передъ глазами мелькнули побѣдоносные орлы. Возстаніе стало возможнымъ, необходимымъ. Тѣ отряды, что̀ ближе къ Кракову, должны представить дѣйствующій корпусъ, а тѣ, что̀ далѣе (иные стояли за семь миль отъ города), послужатъ резервомъ. Ура!.... Альціата, разсказывая объ этой сценѣ, справедливо замѣчаетъ: „прискорбно положеніе народа, на судьбы котораго имѣютъ вліяніе подобныя засѣданія и совѣты“ [47])!

Приготовленные курьеры полетѣли разсѣявать приказанія совсѣмъ другаго свойства, нежели тѣ, за какими ихъ призвали. Изъ опасенія подкрѣпленій Австрійцамъ и прихода Русскихъ войскъ, возстаніе подвинуто впередъ цѣлыми сутками, не съ 9 на 10, а съ 8 на 9, въ ночь.

Отряды только этого и ждали. Нѣсколько ближайшихъ къ Кракову бандъ немедля двинулись въ походъ и ударили на городъ около 12 часовъ ночи, отъ предмѣстья Звѣржинецъ, но были отражены Австрійскими войсками, понеся большой уронъ [48]). Другія, отдѣленнѣйшія, ударили въ 4-мъ часу утра, отъ предмѣстій: Клепажа, Весолы и Страдомя. Ихъ судьба была таже, что̀ и первыхъ: часть перебита, часть разсѣялась, часть захвачена въ плѣнъ. Раздавшіеся въ это время выстрѣлы изъ трехъ домовъ, изъ одного на Гродской улицѣ, изъ другаго на углу Флоріанской (что̀ зовутъ „подъ Арапами“) и изъ третьяго, трактира Фохта, обошлись очень дорого жителямъ этихъ домовъ: они были всѣ

---

[47]) Wypadki, стр. 184 и слѣд.

[48]) Съ этихъ поръ наши оффиціальные документы: донесенія резидента и другихъ лицъ, а также правительственный «Дневникъ свѣдѣній и распоряженій вслѣдствіе покушенія мятежниковъ въ Краковѣ, Позенѣ, Галиціи и Царствѣ Польскомъ».

до одного переколоты разъярившимися Австрійскими солдатами; въ томъ числѣ погибла какая-то красивая молодая дѣвушка, тоже, какъ говорятъ, стрѣлявшая изъ окна.

Къ полудню 9 (21) Февраля настала въ городѣ необыкновенная тишина. Начальствующій Австрійскими войсками генералъ Коллинъ-де-Колштейнъ объявилъ военное положеніе, которымъ запрещалось жителямъ, спустя два часа по оглашеніи, показываться на улицахъ, впредь до особаго распоряженія. А кто не послушается, въ тѣхъ грозили стрѣлять, и дѣйствительно стрѣляли.

Казалось, все кончено... Вдругъ, на слѣдующій день, 22 Февраля н. ст., въ 6 часу утра, начавшій такъ грозно и такъ энергически генералъ Коллинъ отступилъ къ предмѣстью Подгурже, имѣя (кто этому повѣритъ?) 1300 человѣкъ пѣхоты, нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и 6 орудій; а потомъ удалился внутрь страны.

Альціата говоритъ въ своихъ Запискахъ, что поводомъ къ этому отступленію послужили слухи о нѣкоторыхъ успѣхахъ возстанія внутри края, о взятіи мѣстечка Хршанова, гдѣ разсѣянъ Австрійскій гарнизонъ, и о движеніи народныхъ массъ на помощь повстанцамъ, что могло пресѣчь Коллину отступленіе къ главному отряду [49]).

Вслѣдъ затѣмъ выѣхали изъ города президентъ Сената съ своимъ помощникомъ и полицейскія власти.

Городъ ничего не могъ понять, что такое творится и чего испугался генералъ Коллинъ. Болѣе вліятельныя лица бѣлой партіи собрались въ домѣ графа Іосифа Водзицкаго и рѣшили отправить отъ себя депутацію въ Подгурже: спросить у президента Сената, дѣйствительно ли онъ и войска удалились изъ Кракова и назадъ не воротятся?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, собравшіеся у Водзицкаго составили *Комитетъ Общественной Безопасности* изъ слѣдующихъ лицъ: графа Іосифа Водзицкаго, графа

---

[49]) Wypadki, стр. 191.

Петра Мошинскаго, обывателя Іосифа Коссовскаго, банкира Леона Бохенка и проживавшаго у него нѣкоего Антона Гельцеля, людей болѣе или менѣе въ городѣ извѣстныхъ и пользовавшихся уваженіемъ.

Этотъ комитетъ, въ видѣ временнаго правительства, началъ свои дѣйствія тѣмъ, что учредилъ *городскую стражу*, раздѣлилъ ее на сотни и назначилъ сотниковъ, которые размѣстили свои команды по разнымъ пунктамъ; между прочимъ часть была приставлена къ тюрьмамъ и казначейству.

Затѣмъ графъ Водзицкій написалъ *воззваніе къ народу*, гдѣ, устраняя отъ себя всякую власть и объясняя учрежденіе комитета и стражи единственно необходимостью сохранить въ городѣ какой-либо порядокъ, по случаю отбытія войскъ и дѣйствительнаго правительства, просилъ жителей помочь ему чѣмъ кто въ состояніи, покамѣстъ будетъ учреждено что-либо прочное, или воротятся власти [50]).

Между тѣмъ улицы наполнялись вооруженнымъ народомъ, притекавшимъ со всѣхъ концовъ. Это были остатки нападавшихъ наканунѣ бандъ, перемѣшанные съ пьяными мужиками и не имѣвшіе никакого предводителя, или такихъ, кого никто не слушалъ. Съ Марьявицкой башни [51]) кто-то ударилъ въ набатъ. Вездѣ раздавались крики: „къ оружію! къ оружію“! Жители въ испугѣ попрятались, а вооруженный сбродъ началъ гулять по рынку и по главнымъ улицамъ, врываясь въ иные дома и лавки, стрѣляя изъ ружей и производя разные другіе безпорядки. Страж-

---

[50]) Изъ показаній разныхъ лицъ, между прочимъ Гавронскаго, которому было поручено отправиться съ этимъ воззваніемъ въ типографію; но онъ, придя туда, нашелъ, что печатается воззваніе другаго правительства, о коемъ мы сейчасъ скажемъ.

[51]) Такъ называется довольно высокая колокольня храма Успенія Богоматери, на углу главной площади, иначе рынка, и Флоріанской улицы, замѣчательная тѣмъ, что съ нея, по старому обычаю, всякій часъ, днемъ и ночью, трубитъ трубачъ на 4 стороны свѣта, за что городъ платитъ ему около 10 рублей въ мѣсяцъ. Этотъ трубачъ имѣетъ двѣ коморки съ печью подъ самыми колоколами.

ники, приставленные къ тюрьмамъ, бѣжали; арестанты были выпущены и присоединились къ гулявшей толпѣ.

Водзицкій бросился на площадь и, собравъ около себя кучу народу, сталъ читать имъ свое скромное *воззваніе*, никакъ не воображая, что въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда готовилось тогда же другое *воззваніе*, другаго правительства, точнѣе *манифестъ*, не такъ скромный.

Въ домъ Вальтера, почти напротивъ Марьявицкой башни, черезъ площадь, въ квартирѣ, нанятой заблаговременно Рогавскимъ, будущій диктаторъ Тиссовскій (пока членъ революціоннаго правительства отъ Галиціи), опершись на столъ, важно диктовалъ этотъ *манифестъ*, сообщенный ему въ общихъ чертахъ изъ Парижа. Продиктованное поспѣшно уносили въ типографію, набирали и печатали (и съ этимъ-то печатаніемъ встрѣтился Гавронскій, посланный Водзицкимъ).

Вдругъ, во время диктовки, среди шума и движенія разныхъ лицъ, отчасти близкихъ „правительству“, отчасти привлеченныхъ любопытствомъ,—въ залу вбѣжала вооруженная толпа, предводимая Горшковскимъ и объявила Тиссовскому, что въ городѣ существуетъ другое правительство и что глава его, графъ Водзицкій, уже читаетъ на рынкѣ воззваніе къ народу. Вмигъ сообразивъ опасность, Тиссовскій крикнулъ вошедшимъ подиктаторски: „Привесть ихъ сюда, кто это читаетъ! Если не послушаютъ словъ, употребить силу!“

Толпа ринулась, и Водзицкій съ товарищами, блѣдный и перепуганный, явился черезъ минуту передъ Тиссовскимъ, который объявилъ ему, что „народное правительство, въ такомъ-то составѣ, приняло бразды правленія и заботится о приведеніи города въ надлежащій порядокъ; а потому существованіе другаго правительства, одновременно съ дѣйствительнымъ, странно и неумѣстно“.

Водзицкій спросилъ только: „Кто же выбралъ это *дѣйствительное* народное правительство? Откуда оно имѣетъ власть распоряжаться такъ, какъ распоряжается?“

Тиссовскій отвѣчалъ, что „выбрано оно Познанской организаціей, съ Польскими депутатами изъ Франціи и другихъ мѣстъ“.

Коротко и ясно. Дальнѣйшіе вопросы не повели бы ни къ чему. Тонъ Тиссовскаго, зала, набитая на половину вооруженнымъ сбродомъ, который слушался только Тиссовскаго, говорили Комитету Общественной Безопасности, что не время выказывать власть, а надо повиноваться. Тиссовскій, продиктовавъ послѣднія строки *манифеста*, объявилъ своимъ гостямъ, что вскорѣ соберутся военные чины для обсужденія разныхъ вопросовъ, между прочимъ для выбора командующаго войсками; что имъ уже „дано знать“. Въ самомъ дѣлѣ, посланные народнымъ правительствомъ люди спѣшно разсылали воззваніе ко всѣмъ отставнымъ и состоявшимъ на службѣ военнымъ Полякамъ, чтобы они, къ 9-ти часамъ утра, собрались, подъ страхомъ смерти, въ домъ народнаго правительства, находящійся тамъ-то.

Дѣлать нечего: поднялось съ одровъ разное старичье, достало свои заплѣсневѣлые мундиры и потащилось въ домъ народнаго правительства. Между ними былъ одинъ, помнившій даже Косцюшку: нѣкто Ржуховскій [52]). Онъ явился, облеченный въ бѣлый сюртукъ съ эполетами и рекомендовался Тиссовскому воиномъ Косцюшки.

Это ли обстоятельство, или его эполеты на бѣломъ, хотя и грязномъ, сюртукѣ, выдвинули его впередъ. Тиссовскій, объявя присутствующимъ, что открываетъ баллотировку

---

[52]) Онъ былъ родомъ изъ Кѣлецкаго повѣта. Отецъ его арендовалъ разныя деревни. Въ 1786 г. Каэтанъ Ржуховскій, будучи 14 лѣтъ, вступилъ въ Литовскую гвардію и прослужилъ въ ней всю Косцюшкину революцію. Потомъ взятъ въ Австрійскую военную службу. Въ 1795 г. произведенъ въ поручики. Въ 1805 вышелъ въ отставку капитаномъ, но въ слѣдующемъ 1806 опять поступилъ на службу и въ 1812 получилъ чинъ подполковника. Въ 1815 снова вышелъ въ отставку, арендовалъ разныя имѣнія, а въ 1830 г. очутился опять въ воинскихъ рядахъ, командуя 1-мъ полкомъ Кракусовъ. Въ 1831 вышелъ окончательно въ отставку и поселился въ Краковѣ. Въ 1846 г. ему было 74 года.

для выбора командующаго войсками, повелъ себя и тутъ какъ диктаторъ: самъ читалъ списокъ баллотируемыхъ офицеровъ и объяснялъ достоинства каждаго. Ржуховскій былъ выставленъ имъ какъ болѣе всѣхъ другихъ отвѣчающій званію командующаго [53]), и его выбрали. Первое, что̀ нужно было сдѣлать: занять чѣмъ-нибудь шатающійся по площади вооруженный народъ, который продолжалъ стрѣлять и дебоширствовать. Ржуховскій получилъ приказаніе вести людей къ мосту, соединявшему городъ съ предмѣстьемъ Подгурже, и развесть его, якобы для того, чтобы Австрійцы не могли воротиться. Ржуховскій отправился, но развесть моста не съумѣлъ, а только сжегъ одну его арку, послѣ чего комада его опять вышла изъ повиновенія, воротилась на площадь и принялась за тоже, что̀ дѣлала прежде, т. е. стрѣляніе изъ ружей и разгуливаніе изъ угла въ уголъ, безъ всякаго порядка. Назначенный комендантомъ города офицеръ бывшихъ Польскихъ войскъ, Червинскій (человѣкъ тоже весьма немолодой) занялъ нѣкоторую часть бродившихъ учрежденіемъ карауловъ у гауптвахты, находившейся тамъ же, на площади, и далъ знать Тиссовскому, чтобы тотъ принялъ какія нибудь мѣры для окончательнаго обузданія своевольныхъ массъ. Тиссовскій самъ видѣлъ въ окошко, что дѣло усмиренія толпы идетъ плохо, и самъ придумывалъ средства... Въ это время принесли только-что отпечатанный экземпляръ *манифеста.* Тиссовскій ухватился за него, какъ за якорь спасенія и, явясь на площадь, прочелъ громкимъ голосомъ:

„Манифестъ Польской республики къ народу Польскому.

„Поляки! Часъ возстанія пробилъ. Вся разорванная Польша встаетъ и собираетъ свои части. Встали наши братья въ Княжествѣ Познанскомъ и Конгрессовой Польшѣ, на Литвѣ и на Руси, и бьются съ сопостатомъ за свои свя-

---

[53]) Такъ, по свидѣтельству многихъ изъ бывшихъ въ залѣ. Тиссовскій же говоритъ, что «какой-то нахалъ въ бѣломъ сюртукѣ самъ выбралъ себя въ командующіе, пользуясь хаосомъ».

тыя права, отнятыя у нихъ коварствомъ и насиліемъ. Вы знаете, конечно, что̀ творилось тамъ и творится постоянно. Цвѣтъ нашего юношества гніетъ по тюрьмамъ; старцы, которые насъ поддерживали, преданы поруганію; духовенство лишено всякаго значенія,—словомъ, каждый, кто только дѣломъ или даже хоть одною мыслію стремился жить и умирать для Польши, уничтоженъ, либо ждетъ съ часу на часъ въ тюрьмѣ этой участи. Отдались въ нашихъ сердцахъ и растерзали ихъ до крови стоны милліоновъ, засѣченныхъ, замученныхъ по темницамъ, служащихъ солдатами въ рядахъ угнетателей; стоны терзаемыхъ всѣмъ, что̀ только можетъ человѣкъ вынести. Враги отняли у насъ нашу славу, запрещаютъ намъ говорить по-польски, исповѣдывать вѣру отцовъ, препятствуютъ улучшеніямъ всякихъ учрежденій, вооружаютъ братьевъ противъ братьевъ, распространяютъ клеветы о достойнѣйшихъ сынахъ отечества. Братья! Еще одинъ мигъ, и Польши не будетъ! Не будетъ ни одного Поляка! Внуки наши будутъ проклинать нашу память за то, что вмѣсто лучшаго края земли мы оставили имъ пустыню и развалины; допустили оковать цѣпями самый доблестный изъ народовъ міра; что они должны исповѣдывать чужую вѣру, говорить на чужомъ языкѣ и быть невольниками похитителей правъ своихъ. Прахъ отцовъ нашихъ, мучениковъ за народное дѣло, вопіетъ къ намъ изъ могилъ, чтобы мы отмстили за нихъ; вопіютъ къ намъ дѣти, чтобы мы сохранили имъ отечество, ввѣренное намъ Господомъ Богомъ; вопіютъ къ намъ свободные народы всей земли, чтобы мы не дали погибнуть святымъ основамъ народности; взываетъ Самъ Богъ, Который потребуетъ отъ насъ отчета въ дѣлахъ жизни нашей“.

„Насъ двадцать милліоновъ: встанемъ какъ одинъ человѣкъ, и силы нашей никто не одолѣетъ! Будетъ у насъ свобода, какой еще не видали на землѣ; дойдемъ до такого устройства общества, гдѣ каждый будетъ пользоваться доходами съ земель, по мѣрѣ заслугъ и способностей. Ни о какихъ привилегіяхъ, подъ какой бы то ни было формой,

не будетъ и помину. Напротивъ, каждый Полякъ найдетъ обезпеченіе для себя, жены и дѣтей; каждый, страдающій какимъ-либо недугомъ, душевнымъ или тѣлеснымъ, будетъ призрѣнъ, не слыша ни малѣйшаго укора съ чьей-либо стороны. А земля, состоящая только въ условномъ владѣніи крестьянъ, сдѣлается ихъ безусловною собственностью; всякій чиншъ, панщизна и тому подобное, уничтожаются; а служба народному дѣлу, съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ награждена землею изъ народныхъ имуществъ".

„Поляки! Забудемъ всякую между собою разницу, станемъ братьями, сынами одной матери-отчизны, одного Отца Бога на небесахъ! Его призовемъ на помощь, и Онъ ниспошлетъ силу нашему оружію и дастъ намъ побѣду. Но дабы Онъ услышалъ наши молитвы, не будемъ позорить себя пьянствомъ, грабежомъ, самоволіемъ, убійствомъ безоружныхъ иновѣрцевъ и чужеземцевъ; ибо не съ народами, а съ притѣснителями нашими мы имѣемъ дѣло. Теперь же, въ знакъ единства, надѣнемъ народныя кокарды и произнесемъ такую присягу: „Клянусь служить моей отчизнѣ, Польшѣ, словомъ и дѣломъ! Клянусь посвятить ей всѣ мои личные интересы, имущество и жизнь. Клянусь исполнять безпрекословно всякія приказанія народнаго правительства, учрежденнаго въ Краковѣ, 22 сего Февраля, въ 8 часовъ по полудни, въ домѣ подъ Христофорами [54]) и слушаться всякой власти отъ него поставленной. Господи Боже, помоги мнѣ въ этомъ!"

„Манифестъ сей долженъ быть напечатанъ въ Правительственной Газетѣ и разосланъ по цѣлой Польшѣ въ отдѣльныхъ экземплярахъ, дабы его оглашали съ амвоновъ по костеламъ, а въ гминахъ прибивали по стѣнамъ, на видныхъ мѣстахъ [55])".

---

[54]) Такъ въ народѣ называется домъ Вальтера, что̀ на рынкѣ.

[55]) Подлинникъ, между прочимъ, въ Запискахъ Гельтмана: Biblioteka Pisarzy Polskich, t. XXXV, стр. 87. Авейде говоритъ, что этотъ манифестъ написанъ I. Высоцкимъ. I, 180.

Чтеніе покрывалось не одинъ разъ оглушительными криками восторга. Въ манифестѣ было все, что̀ нужно Полякy, чтобы настроить его патріотически. Многія фразы повторялись потомъ на площади, когда Тиссовскій, упоенный эффектомъ, который произвелъ на чернь, воротился опять въ Правительственный Домъ, даже почти былъ унесенъ на рукахъ, при громогласныхъ ура. Онъ чувствовалъ силу, власть. Квартира, занимаемая правительствомъ, показалась ему сумрачною и недостаточно обширною. Онъ рѣшилъ тутъ же, для приданія правительству бо̀льшаго значенія и важности, перебраться, немедля, въ какой-нибудь домъ повиднѣе. Такимъ домомъ представился ему Общественный Клубъ, носившій въ городѣ названіе Сѣраго Дома. Ту же минуту народное правительство (т. е. Тиссовскій, Горшковскій, Гржегоржевскій и Рогавскій) отправились въ залу Клуба, увлекая за собою все, что́ было въ прежнемъ правительственномъ домѣ: кучу военныхъ, дожидавшихся приказаній, и разный любопытный народъ. Едва только члены усѣлись, Тиссовскій, снова играя роль предсѣдателя, диктатора, первенствующее лицо, спросилъ: „Что́ теперь дѣлать, господа? Что́ намъ всего нужнѣе“? Гржегоржевскій и нѣсколько за нимъ, по преимуществу статскихъ, отвѣчали, что всего нужнѣе баррикада!

Такія странныя требованія возбудили почти всеобщій смѣхъ. Особенно смѣялись старики военные. Однако Гржегоржевскій настаивалъ и когда Тиссовскій, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, отказалъ въ согласіи на постройку баррикады, сказавъ рѣшительнымъ тономъ, что „ея не будетъ, покамѣстъ онъ членъ правительства, что такой нелѣпости, ни съ чѣмъ несообразной, допустить нельзя“, Гржегоржевскій подалъ въ отставку. Тиссовскій счелъ не лишнимъ закрѣпить свое постановленіе о баррикадѣ декретомъ, который и былъ напечатанъ въ Правительственной Газетѣ. Вслѣдъ за тѣмъ выдано еще нѣсколько постановленій, между прочимъ предписано всѣмъ вооруженнымъ людямъ, гдѣ бы они ни находились, сосредоточиваться въ окрестностяхъ

Кракова. Манифестъ и это предписаніе, разосланные съ особыми курьерами, жадно читаемые и по своему толкуемые по деревнямъ и мѣстечкамъ, усилили движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, къ Кракову направились толпы народа, вооруженнаго и невооруженнаго. Какъ всегда случается въ революціяхъ, это движеніе массъ было черезчуръ преувеличено въ разсказахъ и толкахъ жителей всѣхъ мѣстъ. Пантофлёва почта (т. е. Жиды) переносила изъ края въ край, что идутъ десятки тысячъ, что возстаніе съ часу на часъ пріобрѣтаетъ силу; что уже тронулись Силезцы изъ Пруссіи; что народное правительство снабжаетъ всѣхъ, желающихъ поступить къ нему на службу, бѣлыми и синими куртками; что въ одномъ Краковѣ не менѣе 10 т. повстанскихъ войскъ; что часть ихъ скоро двинется на Кѣльцы, а къ 1 Марту будетъ поголовное возстаніе. Про генерала Коллина говорили, что онъ отрѣзанъ отъ собщенія съ внутренней арміей.

Эта слухи и кое-какія революціонныя явленія (захватъ повстанцами разныхъ казенныхъ суммъ) до того перепугали нѣкоторыхъ бургомистровъ и крейсъ-коммисаровъ Галиціи, что они рѣшились обратиться за помощью къ хлопамъ и возбудить ихъ противъ помѣщиковъ, что̀ всегда такъ легко. Даже, если вѣрить инымъ оффиціальнымъ источникамъ (не говоря уже объ общихъ слухахъ), крейсъ-капитаны и старосты округовъ Тарновскаго и Бохенскаго прямо объявили крестьянамъ, что „за живаго предводителя возстанія правительство выдаетъ 5 гульденовъ, а за мертваго 10 [56]).“

---

[56]) По другимъ свѣдѣніямъ, за живаго 6 гульденовъ, а за мертваго 12. Военный начальникъ Радомской губерніи, полковникъ Горловъ, извѣстный своею расторопностью, вслѣдствіе чего былъ посланъ фельдмаршаломъ на границу наблюдать за движеніемъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, отъ 1 (13) Мая 1846, № 474, выражается такъ: «Я удостовѣрился, что Тарновскій и Бохенскій старосты и крейсъ-капитаны, устрашась возмущенія и желая предупредить всеобщій бунтъ, объявили награду за каждаго доставленнаго шляхтича, живаго или мертваго».

Хлопство ринулось на ненавистное ему по крови и по преданіямъ сословіе. Произошли сцены, которыя тяжело описывать. Конечно, Австрійское правительство (на совѣсти котораго лежитъ много всякихъ мрачныхъ дѣяній) желало бы вычеркнуть изъ своей исторіи эти печальныя страницы.... Помѣщиковъ били, увѣчили, часто ничуть непричастныхъ заговору. Одного, какого-то Карла Котарскаго, перепилили пилою [57]). А можетъ, и не одного. Считалось необыкновеннымъ счастіемъ, если, избивъ до полусмерти, вязали и отправляли въ городъ. Дома и хутора помѣщиковъ, на пространствѣ нѣсколькихъ округовъ, были разграблены, а кое-гдѣ даже и сожжены. Скотъ и хлѣбъ помѣщичій раздѣлены мужиками между собою. Разумѣется, кто успѣлъ, бѣжалъ куда глаза глядятъ. Иные явились на нашемъ берегу Вислы. И долго ни помѣщиковъ, ни ксендзовъ, ни мандатаріевъ [58]), ни экономовъ, ни войтовъ гимнъ, не видно было по селамъ и деревнямъ. Главная рѣзня происходила на масляной. Всѣхъ убитыхъ помѣщиковъ насчитываютъ до 800 семействъ, преимущественно въ округахъ: Тарновскомъ, Бохенскомъ, Ржешовскомъ, Ясельскомъ, Саноцкомъ и Сандецкомъ. Въ одномъ Тарновскомъ убито 180 человѣкъ, изъ которыхъ только 16 можно было кое-какъ узнать въ лицо [59]).

---

[57]) Свѣдѣнія изъ письма, сообщеннаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ Паскевичу. Надо замѣтить, что тогда юго-западныя губерніи и Литва были подчинены Намѣстнику Царства Польскаго Высочайшимъ приказомъ отъ 21 Февраля 1846, почему оба генералъ-губернатора обязаны были доносить фельдмаршалу обо всемъ, что только найдутъ достойнымъ замѣчанія.

Извѣстное побоище въ селѣ Горожанѣ, Самборскаго обвода, въ 3½ миляхъ отъ Львова, описано очевидцемъ, счастливо спасшимся отъ смерти, нѣкіимъ В. Чаплицкимъ, и напечатано подъ заглавіемъ: «Powieść o Horożanie, Lwów», 1862.

[58]) Мандатарій (mandatariusz) деревенскій судья. Также—агентъ и повѣренный по дѣламъ.

[59]) Тоже письмо съ мѣста дѣйствія, доставленное Бибиковымъ Паскевичу.

Были, впрочемъ, мѣста, гдѣ крестьяне ограничились одной ревизіей помѣщичьихъ домовъ: не скрыто ли гдѣ оружія, пороху и припасовъ, а самихъ помѣщиковъ не трогали. Къ такимъ мѣстностямъ относятся деревни: Кросно, Долгое, Женцинъ, Жеальцы, Хорховка, Борки, Кобыляки, Сулистровъ [60]).

Народъ ходилъ въ праздничныхъ одеждахъ, ничего не дѣлая, а только бражничая, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Кое-гдѣ Галиційскіе мужики подходили кучами къ нашей границѣ и кричали мужикамъ Царства Польскаго, черезъ Вислу: „что-жъ, вы то скоро ли начнете душить своихъ пановъ?“ Говорятъ, будто шляхта крикнула въ одномъ пунктѣ съ нашего берега Галичанамъ: „нѣтъ, это мы придемъ къ вамъ на Пасху и надѣлаемъ изъ вашего брата окороковъ и колбасъ!“

Вотъ когда грянуло извѣстное *Письмо Польскаго дворянина къ князю Меттерниху*: Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich....

Вѣсти объ этой рѣзнѣ и о приближеніи Русскихъ и Прусскихъ войскъ очень скоро достигли до Кракова и сильно встревожили бѣлыхъ, точнѣе сказать — все умѣренное. Конечно, люди, ничего не ожидавшіе отъ дѣтскаго, необдуманнаго возстанія, стали задавать другъ другу вопросы: „Куда идетъ такъ-названное народное правительство? Что́ готовитъ краю? Въ чью голову распоряжается подиктаторски Тиссовскій?“ Недовольныхъ имъ было много, но ни одного, кто бы рѣшился противъ него открыто вооружиться. Всѣ только шушукали въ тишинѣ, высказывали другъ другу неудовольствіе, и болѣе ничего. Первый, рѣшившійся объясниться съ Тиссовскимъ, иначе сказать съ правительствомъ (которое, по выходѣ въ отставку Гржегоржевскаго, состояло собственно изъ двухъ только членовъ: Горшковскаго и Тиссовскаго),—былъ Николай Лисовскій, присланный, какъ мы видѣли выше, организаціей Царства Поль-

---

[60]) Тоже письмо.

скаго для подачи голоса на съѣздѣ уполномоченныхъ при выборѣ членовъ правительства отъ Галиціи. Онъ считалъ себя очень важнымъ лицомъ, воображалъ, что за нимъ слѣдятъ больше чѣмъ за другими, и въ первыя минуты взрыва спрятался. Теперь, когда порядокъ въ революціонномъ смыслѣ, по мнѣнію гг. Тиссовскихъ, сталъ возстановляться, т. е. прекратилось, болѣе или менѣе, разгуливанье праздnаго народа, выстрѣлы и дебоширства, Лисовскій явился въ старый правительственный домъ, куда Тиссовскій ушелъ съ Горшковскимъ, для домашнихъ совѣщаній, послѣ преній о баррикадѣ и другихъ предметахъ въ Сѣромъ Домѣ.

Прежде всего онъ сообщилъ товарищамъ, что „онъ живъ“. Потомъ сталъ укорять Тиссовскаго за нѣкоторыя распоряженія, могущія вызвать вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ особенности Россіи, и разрушить ихъ Краковскую республику.

Тиссовскій слушалъ молча. Состояніе его духа было въ высшей степени тревожно. Онъ и самъ, безъ всякихъ Лисовскихъ, зналъ, что дѣло идетъ плохо, былъ не прочь свалить съ себя приличнымъ образомъ бремя правленія, предоставивъ другимъ рѣшать крайне-затруднительные вопросы отечества, отвѣчать передъ современниками и потомствомъ. Сверхъ всего, что̀ носилъ онъ въ своей груди, сверхъ той нравственной тяжести, которая его постоянно давила къ землѣ, во всѣ эти дни, онъ былъ просто-за-просто боленъ и разбитъ физически. Онъ почти не спалъ трое-четверо сутокъ сряду. Ему нуженъ былъ необходимо покой, хотя на нѣсколько часовъ. Подумавъ немного и сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ сказалъ Лисовскому: „Хорошо такъ разсуждать, а ты бы вотъ попробовалъ управлять республикой въ такія минуты, при такой печальной, безвыходной обстановкѣ, когда нѣтъ ни откуда помощи, когда кругомъ апатія и безмолвіе, а Русскіе штыки нависли и угрожаютъ! Коли хочешь, садись и пиши законы. Вотъ тебѣ моя власть, вотъ тебѣ и мой шарфъ!“

Съ этими словами Тиссовскій снялъ съ себя шарфъ, который носилъ постоянно, какъ знакъ высшей власти, и повязалъ его Лисовскому. Лисовскій былъ утѣшенъ этимъ какъ ребенокъ. Ему показалось, что онъ точно можетъ направить рѣку по тому руслу, по какому ей нужно течь, что именно его-то и недоставало для спасенія погибающихъ. За все это время въ немъ вращалось очень много всякихъ мыслей и проэктовъ. Не было только случая пустить ихъ въ ходъ. Теперь этотъ случай неожиданно представляется... Точно также утомленный и неспавшій, Лисовскій какъ-будто выспался, когда Тиссовскій украсилъ его знакомъ своей власти, какъ извѣстно, почти диктаторской. Лисовскій почувствовалъ въ себѣ необъятныя силы творить и творить много. Потолковавъ между собою еще съ четверть часа, всѣ четыре лица, составлявшія тогдашнее народное правительство Краковской республики, пошли въ Сѣрый Домъ, гдѣ Лисовскій и Горшковскій тотчасъ же начали что-то писать, а Тиссовскій только смотрѣлъ издали, ни во что не вмѣшиваясь. Сонъ смыкалъ ему глаза; наконецъ онъ не выдержалъ и ушелъ домой спать.

На другой день (24 Февраля н. ст.), часовъ около 7-ми, Тиссовскаго разбудили звуки трубъ, смѣшанныя съ какимъ-то неопредѣленнымъ шумомъ и криками: въ городъ вступалъ довольно стройный кавалерійскій отрядъ Эразма Скаржинскаго. Отрядъ этотъ былъ невеликъ: всего 50 всадниковъ, но за ними тянулась страшная масса вооруженныхъ чѣмъ попало мужиковъ, тысячъ до пяти. Слѣзши съ коня, Скаржинскій сталъ спрашивать: „Гдѣ народное правительство? Гдѣ Тиссовскій,“ и скоро былъ препровожденъ на квартиру послѣдняго, который принялъ его совсѣмъ не такъ, какъ отставной членъ-руководитель правительства. Много значитъ для человѣка выспаться. Окинувъ взглядомъ изъ окна „свою армію“, Тиссовскій почувствовалъ себя опять диктаторомъ. Вчерашнее происшествіе съ Лисовскимъ, передача власти и шарфа представились ему страннымъ, неестественнымъ сномъ, какимъ-то нелѣпымъ кошемаромъ, ко-

торый магически разсѣяли звуки трубъ и солнечные лучи, игравшіе на сабляхъ уланъ, правда немногочисленныхъ, но все-таки уланъ! Отчего нельзя превратить въ такихъ же уланъ и все стоявшее сзади мужицкое воинство, съ разнымъ дреколіемъ въ рукахъ? Отчего нельзя перемѣнить этого дреколія на сабли и пики, а сукманы на мундиры съ народными цвѣтами?.. Тиссовскій пошелъ немедля въ Сѣрый Домъ, гдѣ Лисовскій съ Горшковскимъ продолжали что-то спѣшно писать. Взглянувъ на нихъ иронически, онъ сказалъ: „Все это, что́ вы написали, господа, теперь не нужно. Кто бы что́ ни думалъ и ни говорилъ объ этомъ,—я принимаю диктаторскую власть. А вотъ и новый командующіи войсками, Скаржинскій, котораго услуги республика, надѣюсь, скоро оцѣнитъ!“

Лисовскій съ Горшковскимъ возражать не посмѣли. Къ тому-жь они были точно также утомлены, и глаза ихъ смыкались еще пуще, чѣмъ наканунѣ у Тиссовскаго. Бой былъ ни съ какой стороны не равенъ. Такимъ образомъ Тиссовскій сдѣлался диктаторомъ и выпустилъ въ свѣтъ слѣдующій приказъ.

„Диктаторъ, Иванъ Тиссовскій къ народу Польскому“

„Безпорядки, начавшіе вторгаться въ коллективное правительство и получаемыя отовсюду вѣсти, что крестьяне, не понимая въ чемъ дѣло, бросаются на помѣщиковъ, заставили меня взять власть въ свои руки, о чемъ извѣщая въ особенности жителей города Кракова, предостерегаю всѣхъ, что часовые, стоящіе у моихъ дверей, получили приказаніе не впускать ко мнѣ никого, кромѣ тѣхъ, кто является, за извѣстнымъ знакомъ, съ рапортомъ. А рапортовать могутъ только тѣ, кто имѣетъ сообщить что-либо существенно-важное. Съ проектами и совѣтами могутъ являться только тѣ, кого я вызову“.

„Краковъ. Февраля 24 дня 1846 г.

(Подписали) „Иванъ Тиссовскій“. „Секретарь Рогавскій“.

Началось диктаторское правленіе. Тиссовскій съ новымъ командующимъ (стараго вовсе и не увѣдомляли объ отстав-

кѣ, на что онъ ни чуть не претендовалъ и куда-то скрылся) занялись приведеніемъ въ порядокъ арміи, сортировкою солдатъ и назначеніемъ командующихъ частями, чего до тѣхъ поръ не было, кромѣ назначенія одного только коменданта. Старому артиллеристу, Францу Каминскому, старику 52-хъ лѣтъ, приказано быть инспекторомъ артиллеріи. Онъ замѣтилъ диктатору, что никакъ не понимаетъ, въ чемъ будетъ состоять его служба, какъ инспектора артиллеріи, *когда артиллеріи никакой нѣтъ*. Тиссовскій отвѣчалъ: „Правда, что теперь нѣтъ, но скоро будетъ. Вы же сами вылъете пушки на заводахъ Штейгера. А пока займитесь осмотромъ пороховыхъ магазиновъ“!

Эти „пороховые магазины“ состояли всего изъ 20 боченковъ пороху, которые Каминскій и осмотрѣлъ въ какомъ-то сараѣ. Пушекъ никакихъ не выливали, а поставили на колеса одну валявшуюся съ давнихъ поръ въ замкѣ пушку, фунтоваго калибра, которой ни разу не удалось даже выстрѣлить.

Другой подобный воинъ прежней Польши, старикъ подъ 60 лѣтъ, Яцентій Кохановскій, сдѣланъ былъ инспекторомъ пѣхоты, и ему велѣно отправиться немедля въ замокъ, гдѣ заняться сортировкою войскъ: отдѣлить стрѣлковъ отъ косинеровъ, косинеровъ отъ тѣхъ, которые имѣли какое-либо другое холодное оружіе, и наконецъ такихъ отъ неимѣвшихъ оружія вовсе.

Кохановскій отправился и нашелъ въ замкѣ массу людей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, гдѣ кое-какой сюртукъ игралъ роль мундира, а дрянное охотничье ружье было лучшимъ вооруженіемъ. Многія лица смотрѣли поразбойничьи. Это были выпущенные за два дня арестанты. Привести въ порядокъ такое воинство было не легко. Тиссовскій ждалъ-ждалъ Кохановскаго съ рапортомъ, наконецъ не выдержалъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ замокъ самъ, сопровождаемый тогда же назначеннымъ начальникомъ своего штаба, Иваномъ Непршецкимъ, воиномъ временъ Наполеона. Они сдѣлали строгій выговоръ Кохановскому за

медленность и нерасторопность, и принялись всѣ въ-троемъ производить сортировку. Она кончена была кое-какъ часа въ два. Затѣмъ начальство поѣхало смотрѣть собранную на рынкѣ городскую стражу, которую разослали потомъ по разнымъ пунктамъ. Замѣтимъ, что здѣсь инспекторъ артиллиріи Каминскій явился сотникомъ 9-й гмины: таковъ былъ недостатокъ въ офицерахъ.

Вечеромъ диктаторъ занятъ былъ устройствомъ министерствъ и разныхъ управленій. Рогавскій писалъ безъ устали кучу приказовъ. Какъ творились министерства, достаточно рисуетъ разсказъ Горшковскаго о назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ сѣдаго старика Велёгловскаго (когда-то предсѣдателя Краковскаго Сената). Въ Правительственный домъ продолжали заглядывать разные любопытные; приходитъ и Велёгловскій. Диктаторъ, замѣтя его, шепнулъ Горшковскому, сидѣвшему подлѣ: „Видишь этого сѣдаго мужа? Мнѣ кажется, онъ бы годился въ министры... напр. внутреннихъ дѣлъ? Не предложить ли?»—„Что-жъ, можно попробовать“, отвѣчалъ Горшковскій. Подозвали „сѣдаго мужа“ и приказали ему быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. Каноникъ Развадовскій сдѣланъ, точно такимъ же образомъ, министромъ духовныхъ дѣлъ. Нѣкто Сухоржевскій назначенъ организаторомъ кавалеріи, Боровскій—организаторомъ милиціи, Губертъ — военнымъ начальникомъ Подгуржа, Свитковскій—военнымъ губернаторомъ г. Кракова, Экельскій—интендантомъ, Стражевскій—директоромъ полиціи, Ротарскій — президентомъ коммиссіи по продовольствію войскъ.

Съ духовнымъ министромъ велись послѣ переговоры о томъ, нельзя ли въ Ченстоховѣ произвесть чудо!!...

Въ промежутки отъ занятій (конечно очень краткіе) диктаторъ принималъ разныя депутаціи и давалъ аудіенціи нѣкоторымъ лицамъ, желавшимъ ему представиться. Между прочимъ являлся къ нему молодой графъ Дзялынскій, скиталецъ по бѣлому свѣту и по всѣмъ Польскимъ диктаторствамъ. Начальникъ банды (человѣкъ въ 200), дѣйствовав-

шей въ Величкѣ, и въ тоже время Галиційскій эмиссаръ, Дембовскій (уже извѣстный читателямъ), который поспѣвалъ вездѣ и напрашивался на разныя предпріятія, представилъ диктатору, 24 Февраля н. ст., захваченную имъ въ Величкѣ казенную кассу—въ 100 т. гульденовъ. Диктаторъ, желая умѣрить его черезъ-чуръ горячіе порывы, опредѣлилъ его въ канцелярію холоднаго и разсудительнаго Велёговскаго (министра внутреннихъ дѣлъ) секретаремъ, но тотъ разстался съ нимъ черезъ нѣсколько часовъ.

Само собою разумѣется, что всѣ сколько-нибудь солидные и серьезные люди Кракова смотрѣли на эту диктаторскую комедію съ сокрушеннымъ сердцемъ. Появленіе Австрійскихъ войскъ снова подъ Краковомъ не обѣщало ничего хорошаго для повстанцевъ. Говорили и объ Русскихъ войскахъ, шедшихъ на помощь Австрійцамъ. Бывшій *Комитетъ Общественной Безопасности,* съ добавленіемъ кое-какихъ новыхъ лицъ, собрался въ ночь съ 24 на 25 Февраля н. ст., въ Сѣромъ Домѣ, лишь только диктаторъ ушелъ отдыхать къ себѣ на квартиру и весь городъ успокоился. Тутъ были: графъ Водзицкій, графъ Мошинскій, Иванъ Мирошевскій, Иларій Менцишевскій, профессоръ Вишневскій и другіе вліятельные представители бѣлаго Краковскаго кружка. Стали разсуждать о томъ, какъ бы помочь бѣдѣ. Почти всѣ находили необходимымъ прежде всего свергнуть диктатора, не стѣсняясь средствами. Пока обдумывали планъ, какимъ образомъ этого легче достигнуть, Тиссовскій узналъ о заговорѣ и прибѣжалъ въ Сѣрый Домъ. Раздраженіе противъ него такъ было велико, что его едва пропустили въ залу. Онъ увидѣлъ себя во враждебномъ лагерѣ, гдѣ, при малѣйшей заносчивости, не только могъ быть арестованъ, но даже убитъ. Необходимо было уступить напору неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Тиссовскій, выслушавъ, почти безъ возраженій, укоры Вишневскаго и Хршановскаго въ томъ, что онъ ничего не дѣлаетъ такого, что́ могло бы обезпечить спокойствіе города не будущее время,—опять сложилъ власть и удалился. Собственно ему нужно было только без-

опасно уйдти домой. Здѣсь, окруженный друзьями, онъ разразился гнѣвомъ на похитителей власти, представлялъ ихъ измѣнниками отечеству и замышлялъ новое coup d'état. Слухи о появленіи казаковъ у Михаловицкой таможни и общее смятеніе по этому случаю въ городѣ, утромъ 25 Февр. н. ст., какъ нельзя болѣе пригодились тутъ отставному диктатору. Военныя силы его, между которыми былъ сверхъ прежнихъ бандъ кавалерійскій отрядъ Мазараки и банды двухъ Іордановъ, обратились все-таки къ нему же съ вопросомъ: что имъ дѣлать? Тиссовскій послалъ ихъ на границу для рекогносцировки. Потомъ, когда рекогносцировка, при небольшой стычкѣ съ казаками, кончилась, Тиссовскій собралъ другой отрядъ, включивъ въ него всю свою пѣхоту и велѣлъ ему отправиться противъ Москалей и разбить ихъ, если можно... Словомъ, онъ распоряжался опять всѣмъ. Онъ опять, самъ не зная какъ, сталъ *de facto* диктаторомъ, точно и не былъ никогда смѣняемъ: партіи, работавшей противъ него, какъ бы и не существовало. Удвоивъ вокругъ себя стражу и никого не пуская къ себѣ на глаза безъ подробнаго осмотра и распросовъ, диктаторъ назначилъ военный судъ надъ Менцишевскимъ, Вишневскимъ и Мирошевскимъ, какъ главными руководителями заговора. Судъ этотъ [61]) приговорилъ Вишневскаго къ смертной казни, а Мирошевскій и Менцишевскій были оправданы. Впрочемъ и Вишневскому дали уйдти.

Чтобы не имѣть враговъ въ бывшемъ *Комитетѣ Общественной Безопасности*, Тиссовскій учредилъ постоянный *Городской Совѣтъ*, въ которомъ засѣдали: графъ Водзицкій, графъ Мошинскій, Юліанъ Завищевскій, генералъ Вонсовичъ и банкиръ Иванъ Бохенекъ. Военнымъ министромъ назначенъ нѣкто Бадени, также изъ бѣлыхъ.

---

[61]) Состоялъ изъ: нотаріуса Севастьяна Корытовскаго, Эдуарда Дембовскаго и Юліана Савичевскаго. Должность инстигатора при этомъ исполнялъ Люблинскій помѣщикъ Карлъ Бржозовскій.

Кромѣ того, для успокоенія простаго народа, двинута въ край, чрезъ Подгурже, большая духовная процессія, подъ начальствомъ Эдуарда Дембовскаго, который все хотѣлъ что-нибудь дѣлать, выставляться на показъ, идти на опасности; только Австрійскія войска перехватали всѣхъ зачинщиковъ. Множество ксендзовъ было арестовано, а Дембовскій куда-то пропалъ

Катастрофа, долженствовавшая положить конецъ всей комедіи, близилась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженія фельдмаршала Паскевича. — Занятіе Кракова Русскими войсками.—Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.— Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

Намѣстникъ Царства Польскаго получилъ очень скоро довольно подробное описаніе всего случившагося въ Краковѣ, частію отъ Австрійцевъ, частію отъ нашего Краковскаго резидента, д. с. с. барона Унгернъ-Штернберга, вслѣдствіе чего приказалъ двинуть въ ту сторону ближайшія свои войска: баталіонъ Кременчугскаго егерскаго полка и сотню казаковъ, подъ начальствомъ командира этого полка, полковника барона Менгдена, и занять Краковъ къ 12 Февраля ст. ст. Но этотъ приказъ тутъ же отмѣненъ, по причинѣ распространившихся слуховъ, что возстаніе принимаетъ весьма обширные размѣры и что Австрійскія войска (пѣхота, кавалерія и артиллерія) отступили.

Вездѣ говорили о какой-то *всесвѣтной революціи.*

Фельдмаршалъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи около города Кѣльцъ большаго отряда въ 10 баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи, 13 сотенъ казаковъ и горцевъ, 2 роты саперъ, 2 стрѣлковыя роты и 20 орудій. Войска эти должны быть на мѣстѣ (около Кѣльцъ) къ 18 Февраля ст. ст. Между тѣмъ, пока они сходились, отданъ приказъ начальнику 8 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Панютину, занять Краковъ тѣми силами, какими онъ располагаетъ [illegible]онъ располагалъ (16 Февраля) 3-мя баталіонами

пѣхоты, 6-ю сотнями казаковъ и 4-мя сотнями горцевъ, при 12 орудіяхъ. Разумѣется, этого было слишкомъ достаточно, чтобы разбить Краковскихъ повстанцевъ, со всѣми другими повстанскими полчищами Галиціи и Познани; но Панютинъ почему-то медлилъ выступленіемъ, вслѣдствіе чего Паскевичъ послалъ къ нему генералъ-маіора Безака, подъ видомъ начальника артиллеріи, предложивъ Панютину, „относиться къ посланному съ полнымъ довѣріемъ и не имѣть отъ него никакихъ секретовъ“[1]).

Впрочемъ, торопя Панютина, фельдмаршалъ самъ смотрѣлъ на дѣло довольно серьозно и предполагалъ возможность нѣкотораго столкновенія, въ обыкновенномъ, „регулярномъ“, такъ сказать, смыслѣ этого слова. Какъ человѣка, понимавшаго силу правильно организованныхъ отрядовъ, его приводило въ недоумѣніе болѣе всего бѣгство изъ Кракова Австрійскихъ войскъ съ артиллеріей.

Въ одномъ изъ предписаній командиру 3-го корпуса, генералъ-адъютанту графу Ридигеру[2]) отъ 15-го Февраля 1846, № 687, фельдмаршалъ такъ излагаетъ планъ дѣйствій противъ повстанцевъ. „Артиллерія должна разстроить непріятеля. Она дѣйствуетъ *предпочтительно прежде*, и пѣхота отнюдь не должна ее заслонять. Если непріятель выдержитъ картечь, послать пѣхоту, которая должна быть въ двухъ линіяхъ, никакъ не въ одной. Потомъ кавалерію. Музульманъ не посылать въ аттаку на пѣхоту, ибо они будутъ только горячиться, а употреблять ихъ въ перестрѣлкахъ и фланкерахъ противъ кавалеріи, равно во флангахъ, когда аттакуютъ казаки“[3]).

---

[1]) Предписаніе отъ 16 Февраля ст. ст. 1846, за № 752.

[2]) Находился тогда въ Кѣльцахъ, такъ какъ войска, назначенныя для занятія г. Кракова, принадлежали къ его корпусу.

[3]) Въ концѣ предписанія есть такая собственноручная замѣтка Паскевича: «А лучше, чтобы онъ (Панютинъ), по полученіи сего предписанія, форсированно пошелъ до Мѣхова; ибо, ставши тамъ, онъ ближе будетъ къ секурсамъ, которыя идутъ изъ Пруссіи или Австріи. Ему же нечего бояться. Странно будетъ, если Австрійцы или Пруссаки прежде насъ придутъ. А генералу Панютину нечего опасаться».

Предполагалось такимъ образомъ, что непріятель выдержитъ картечь 12 орудій! Можно замѣтить при этомъ, что къ отряду, отправленному отъ насъ, ожидали еще немедленнаго присоединенія Австрійцевъ изъ Подгуржа, гдѣ было 6 орудій. Да Пруссія должна была двинуть отрядъ, тоже конечно не безъ артиллеріи. Такія силы! А въ сущности черезчуръ было довольно однихъ нашихъ войскъ, которыхъ имя вселяло въ тѣ времена паническій страхъ и не въ повстанцахъ, собранныхъ на скорую руку.

Безакъ, по прибытіи на мѣсто (въ Кѣльцы), тоже не выражалъ рѣшительнаго мнѣнія.

Наконецъ, вслѣдствіе предписанія фельдмаршала отъ 16 Февраля 1846 г., за № 744 [4]), войска выступили 17 Февраля ст. ст. утромъ, а 19 были уже подъ Краковомъ. Одушевленіе возросло до невѣроятной степени. Солдаты не чувствовали усталости, несмотря на то, что шли по страшной грязи, въ самую дурную погоду и дѣлали огромные переходы.

Въ городъ отправлена немедленно такая прокламація:

„Жители города Кракова!“

„Сильное Русское войско идетъ для возстановленія нарушеннаго спокойствія въ вашемъ городѣ. Спѣшите принять его въ ваши стѣны, дабы оно могло защитить невинныхъ. Всякій, кто положитъ оружіе, будетъ пощаженъ. Смерть ожидаетъ тѣхъ, кто будетъ взятъ съ оружіемъ; а сверхъ того и городъ, если въ немъ станутъ защищаться, будетъ преданъ безъ пощады огню и мечу. Объявляю вамъ это по повелѣнію его свѣтлости намѣстника Царства Польскаго, фельдмаршала князя Варшавскаго.“

(Подписалъ) „Начальникъ войскъ, назначенныхъ для занятія города Кракова, генералъ-лейтенантъ Панютинъ.“

Почти въ тоже самое время (нѣсколькими часами раньше) Краковское народное правительство получило извѣстіе,

[4]) «Идите сейчасъ съ тремя баталіонами, артиллеріей и казаками, какіе у васъ уже есть, и отрядомъ князя Бебутова, впередъ въ Михаловице, а Краковъ окружите казаками. Бояться нечего, стыдно! Деритесь и держите бунтовщиковъ въ страхѣ».

что генералъ Коллинъ намѣренъ вступить въ переговоры. Тиссовскій тотчасъ отправилъ въ Подгурже двухъ Французовъ. Одного изъ нихъ Австрійцы задержали, а другаго отправили обратно въ городъ для увѣдомленія жителей, что генералъ Коллинъ требуетъ безусловловной сдачи, революціонныхъ парламентеровъ не принимаетъ, а можетъ войти въ сношенія только съ депутами отъ города. Тогда отправлены въ Подгурже: Вольфъ, графъ Водзицкій, Гельцель и Ѳедоровичъ. Но тутъ же распространились слухи о приближеніи Русскихъ войскъ, и въ городъ прибыло воззваніе генерала Панютина. Переговоры съ Австрійцами прекратились; вниманіе всѣхъ сосредоточилось на Русскихъ, какъ бы единственно отъ нихъ ожидали рѣшенія вопроса: быть или не быть вольной Краковской республикѣ.

Само собою разумѣется, что въ городѣ никто не думалъ о сопротивленіи. Средства Тиссовскаго состояли въ 1000 чел. кое-какъ вооруженныхъ, 200 всадниковъ и 5000 невооруженныхъ крестьянъ. Все это войско имѣло одну пушку фунтоваго калибра, о которой мы уже сказали.

Всѣ вліятельныя лица народнаго правительства сошлись въ Сѣрый Домъ, и военный министръ Бадени предложилъ Тиссовскому написать отреченіе и передать власть Комитету Общественной Безопасности. Другіе министры поддерживали предложеніе Бадени. Тиссовскій, послѣ нѣкотораго колебанія, написалъ слѣдующее:

„Диктаторъ министрамъ-товарищамъ.

„Обстоятельства принуждаютъ меня выступить въ походъ съ вооруженною силою, почему передаю власть управленія министрамъ, предписывая имъ соблюдать въ дѣлахъ существующій порядокъ и представить мнѣ, по возвращеніи, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.“

Послѣ этого поднялся шумъ. Предложено было нѣсколько разныхъ мнѣній, между прочимъ сдаться Русскимъ войскамъ. Тиссовскій отвѣчалъ на это рѣшительнымъ тономъ, что „сдаваться пока никому не намѣренъ, а будетъ до

нельзя дѣйствовать вооруженной рукой. Если выступаетъ изъ Кракова, такъ единственно за тѣмъ, чтобы узнать о положеніи дѣлъ въ краѣ, что̀ дастъ возможность рѣшить, куда идти: въ Галицію или въ Царство.“

За тѣмъ дано секретное предписаніе собрать войска къ 1-му часу по полуночи (со 2-го на 3-е Марта н. ст.) въ предмѣстье Клепажъ. Въ 7 часовъ утра Тиссовскій сдѣлалъ смотръ около дер. Бржовицы и потомъ двинулся къ селенію Кршешовицамъ. У него было: 900 косинеровъ, 200 стрѣлковъ и 200 кавалеристовъ. Въ свитѣ диктатора находились: Эразмъ Скаржинскій, Мазараки, Рогавскій, младшій Іорданъ, Венда, Наполеонъ Экельскій, два Калинки, Осипъ Хладекъ и другіе.

Комитетъ Общественной Безопасности, тѣмъ временемъ, отправилъ депутатовъ къ генералу Панютину, съ завѣреніемъ въ самомъ добромъ расположеніи жителей Кракова къ Русскимъ. Послѣ сего нашъ отрядъ вступилъ въ городъ, имѣя впереди казаковъ [5]). Жители кричали: „да здравствуетъ Русскій Императоръ!“

По собраніи свѣдѣній, куда направились повстанцы, посланъ отрядъ для ихъ преслѣдованія, состоявшій изъ 4-хъ сотенъ музульманъ, съ двумя конными орудіями и баталіономъ Кременчугскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника князя Бебутова. Соединенно съ нимъ приказано дѣйствовать полковнику князю Барятинскому, имѣвшему подъ командой полкъ Донскихъ казаковъ.

Повстанцы шли форсированными маршами. Въ Кршешовицахъ сожгли бумаги и прокламаціи; деньги, имѣвшіяся въ кассѣ, роздали войску. Военный совѣтъ, собравшійся ночью (кажется, съ 3 на 4 Марта н. ст.), рѣшилъ сложить оружіе предъ Пруссаками, на Прусской границѣ, что̀ и совершилось близъ гор. Хелмна. Тиссовскій сдался про-

---

[5]) Казаки съ Бебутовымъ вступили раньше пѣхоты, одни, въ самомъ ограниченномъ числѣ и подвергались опасности; но въ городѣ все уже упало духомъ. Городъ былъ сданъ подполковнику Повало-Швейковскому.

стымъ офицеромъ [6]). Альціата, описывая этотъ фактъ, восклицаетъ: „стоило-же вставать противъ одного врага, чтобы сложить оружіе предъ другимъ!“.

Черезъ три часа послѣ насъ вступили въ Краковъ Австрійцы, имѣя 5 ротъ пѣхоты и 2 эскадрона кавалеріи. Позже нѣсколькими днями прибылъ Прусскій генералъ отъ инфантеріи графъ Бранденбургъ. Прусскія же войска въ Краковъ не вступали, а расположились въ м. Хршановѣ: 2 баталіона пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи и пѣшая артиллерійская батарея, подъ начальствомъ полковника Гобе.

Союзники учредили немедля *временное военное управленіе*, подъ предсѣдательствомъ (по примѣру прошлыхъ лѣтъ) какого либо Австрійскаго генерала, кого назначитъ Австрійское правительство. Назначенъ былъ на этотъ разъ фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Кастильони [7]).

*

Дабы кончить съ возстаніемъ 1846 г. во всѣхъ захватахъ, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что произошло въ это время въ Пруссіи.

Изготовивъ *планъ* и *инструкціи*, Мирославскій поспѣшилъ разослать приказанія къ разнымъ высшимъ чинамъ Познанской организаціи, чтобы они, въ теченіе недѣли, отъ 4-го до 11-го Февраля (н. ст.), съѣзжались въ указанныя имъ мѣста, для выслушанія отъ него и другихъ уполномоченныхъ необходимыхъ объясненій, по предмету предстоящихъ операцій, что и было исполнено очень многими начальниками, безъ соблюденія надлежащихъпре досторожностей со стороны полиціи, которая шла, уже довольно давно, слѣдъ въ слѣдъ за каждымъ шагомъ заговора.

Мирославскій являлся на сборища почти вездѣ самъ, принималъ рапорты о сдѣланныхъ въ той или другой мѣстности распоряженіяхъ и давалъ нужные совѣты и при-

[6]) Потомъ бѣжалъ, имѣя паспортъ на имя Француза Шевалье Ганри де Тондъ (Chevalier Henri de Tonde), но скоро схваченъ и посаженъ въ Кёнигштейнъ.

[7]) О пребываніи нашихъ войскъ въ Краковѣ см. Приложенія.

казанія. Самое многолюдное и (добавимъ) самое неосторожное сборище было въ м. Серебряная Гора, 8 Февраля, гдѣ Мирославскій, по принятіи обычныхъ рапортовъ отъ разныхъ лицъ, изложилъ передъ всѣми ими очень подробно планъ дѣйствій, а коммисарамъ обводовъ, не имѣвшимъ еще письменныхъ инструкцій, вручилъ таковыя, и это было вмѣстѣ съ тѣмъ и утвержденіемъ ихъ въ сказанныхъ должностяхъ (номинаціями). Девятаго числа съѣхавшіеся въ Серебряной-Горѣ отправились по своимъ округамъ; а одинадцатаго утромъ Мирославскій выѣхалъ въ село Свиняры, для новыхъ совѣщаній съ другими вождями. Тутъ Прусская полиція арестовала Мирославскаго, Бесекирскаго, владѣльца Свиняръ Лонцкаго и нѣсколькихъ еще, а потомъ пошли и дальнѣйшіе аресты.

Такъ кончились затѣи заговорщиковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.

Въ Западной Пруссіи дѣло было немного иначе.

Прежде всего, еще въ Декабрѣ (24) 1845 года, арестованъ, изъ болѣе видныхъ дѣятелей заговора, повстанскій коммисаръ Старогродскаго обвода, академикъ Трояновскій. назначенный на это мѣсто главнымъ начальникомъ той части, Севериномъ Эльжановскимъ.

Старогродскій обводъ считался важнымъ потому, что съ него начинались дѣйствія, по мѣстному плану, составленному Владиславомъ Косинскимъ (съ которымъ мы уже встрѣтились) — именно: прежде всего думали взять Старогродъ.

Лишь только стало извѣстно, что Трояновскій арестованъ, Эльжановскій назначилъ на его мѣсто администратора пробства, ксендза Лободзкаго, а этотъ пригласилъ къ себѣ въ помощники очень бойкаго молодаго человѣка Путкаммеръ-Клещинскаго, ученика школы сельскаго хозяйства. Но оба объявили Эльжановскому, что, не смотря на полную готовность служить возстанію изо всѣхъ силъ, они, по своему положенію въ обществѣ, надѣлаютъ немного, если у нихъ

не будетъ кого-либо со значеніемъ и опытностью въ военномъ искусствѣ.

Эльжановскій обѣщалъ пріискать, но пока пріискивалъ, его арестовали. Начальство надъ краемъ принялъ Косинскій, распоряжавшійся въ то время приготовленіями къ дѣйствіямъ около Быдгоща [8]), почему долженъ былъ очень много ѣздить и конечно обратилъ на себя вниманіе полиціи. 16-го Февраля н. ст. его тоже арестовали подъ Лаусбергомъ, и эта часть возстанія замерла.

Межъ тѣмъ обѣщанный Лободзкому соратникъ прибылъ въ Старогродъ изъ Крулевца Февраля 20 [9]). Это былъ тамошній студентъ-медикъ Флоріанъ Цейнова, завербованный Магдзинскимъ, и они составили съ Лободзкимъ такой планъ нападенія на Старогродъ:

„1) Ночью съ 11-го на 22-е ударить на городъ, уничтожить гарнизонъ (гусаръ), взять лошадей съ ихъ конюшенъ и занять арсеналъ. 2) Перебить на балу, въ клубѣ, всѣхъ членовъ клуба, офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, равно и всѣхъ тѣхъ, кто будетъ оказывать сопротивленіе. 3) Забрать публичныя кассы. 4) Если все это не удастся, то назначить уѣзднаго коммисара, огласить революцію и дать епископу въ Пелплинѣ адъюнкта, для направленія его дѣйствій; наконецъ, учредить революціонный трибуналъ. 5) Послать вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько вооруженныхъ людей въ Грудзёндзъ, какъ въ центральный пунктъ, для открытія сношеній съ повстанцами Западной Пруссіи, а съ оставшимися людьми, созвавъ ландверъ, усилить и распространить мѣстное возстаніе“ [10]).

За тѣмъ Цейнова и Путкаммеръ-Клещинскій, съ другими лицами, начали подымать народъ по деревнямъ Суминѣ, Липну, Быттоню, Ривальдѣ, Вонбржезнѣ, Ябловѣ и Кленовкѣ.

---

[8]) Бромбергъ.

[9]) Кёнигсбергъ.

[10]) Показанія самаго Лободзкаго и Цейновы. Вообще здѣсь все по Прусскимъ матеріаламъ.

Самъ начальникъ округа Лободзкій только писалъ письма и воззванія, то есть, дѣйствовалъ вліяніемъ своего имени и званія. Къ вечеру 21 Февраля н. ст. собралось около ста человѣкъ вооруженныхъ чѣмъ попало: вилами, косами, топорами, палками (рѣдко кто имѣлъ ружье) и двинулись къ тремъ сборнымъ пунктамъ. Въ рядахъ Клещинскаго еще на дорогѣ произошли несогласія. Какой-то каменьщикъ, изъ дер. Кленовки, по имени Куна, просто напросто ругалъ старую Польшу, говоря, что „еслибъ не она, не было бы всѣхъ этихъ тревогъ; и зачѣмъ её возстановлять?“ На мѣстѣ (въ какой-то рощѣ, подъ самымъ городомъ) оказалось недовольныхъ и непослушныхъ еще болѣе. Напрасно Клещинскій махалъ саблей, произносилъ рѣчи, вынималъ изъ-за пазухи Распятіе: ничто не помогало. Подчиненные его говорили, что на городъ не пойдутъ, что сдѣлать имъ ничего нельзя, а лучше разойтись. Пробившись съ ними съ полчаса. или болѣе, Клещинскій отправился разыскивать начальниковъ другихъ отрядовъ, Цейнову и какого-то Мазуркевича; нашелъ и объявилъ имъ о положеніи своихъ дѣлъ. Но и у нихъ было тоже самое: тѣ же крики неудовольствія и непослушаніе. Поговоривъ межъ собою еще немного, вожди рѣшили распустить своихъ людей, взявъ съ нихъ клятву о храненіи тайны. Такой имѣли конецъ замыслы повстанцевъ на Старогродъ.

Все утихло. Нигдѣ въ Прусскомъ захватѣ не было никакого взрыва. Съ 21 на 22 Февраля, вдругъ вѣсть о возстаніи Кракова пробудила опять въ постанскихъ сердцахъ нѣкоторыя надежды, и подъ вліяніемъ ихъ возникъ заговоръ въ Познани: поднять какія только можно силы и осадить Познанскую цитадель, съ 3 на 4 Марта н. ст. въ ночь и, если нападеніе удастся, выпустить на волю заключенныхъ въ ней Мирославскаго съ товарищами.

Въ разсчетѣ заговорщиковъ было, что солдаты Польскаго происхожденія и часть офицеровъ сочувствуютъ возстанію, а потому помогутъ нападенію. Планъ составленъ такой:

„Такъ какъ главное укрѣпленіе лежитъ подлѣ города и днемъ имѣетъ съ нимъ сообщеніе, то часть заговорщиковъ можетъ легко забраться внутрь и тамъ до извѣстнаго времени спрятаться".

„По знаку, данному изъ города ракетою, два унтеръ-офицера изъ заговорщиковъ, переодѣвшись въ солдатское платье, пойдутъ къ главнымъ воротамъ крѣпости, какъ бы возвращаясь съ караула отъ цейхгауза, и вдругъ бросятся на часоваго и обезоружатъ его".

„Въ тоже самое время часть забравшихся внутрь людей отворятъ ворота крѣпости поддѣльнымъ ключемъ (который былъ сдѣланъ въ Бреславлѣ, по слѣпку, доставленному начальнику заговора, Неголевскому, поручикомъ Мацкевичемъ), и впустятъ въ крѣпость народъ, обезоруживъ предварительно внутреннюю при воротахъ стражу".

„Другая часть заговорщиковъ, находящихся въ крѣпости, врывается въ казармы гарнизона, припираетъ гдѣ нужно двери и захватываетъ ружья, стоящія въ коридорахъ, съ тѣмъ, чтобы раздать своимъ. Конечно, тутъ помогутъ сочувствующіе изъ войскъ".

„Въ городѣ должны произоити тогда же слѣдующія распоряженія: всѣ заставы и выходы въ поле преграждаются вооруженнымъ народомъ, дабы власти не могли дать знать о штурмѣ расположеннымъ въ окрестностяхъ войскамъ. Равно должны быть окружены: Хвалишевскій мостъ и артиллерійскій паркъ, дабы находящійся въ Реформатскомъ укрѣпленіи гарнизонъ не могъ подать помощи осажденнымъ, а орудія дѣйствовать. Этотъ пунктъ порученъ лѣсничему графа Дзялынскаго, Тромпчинскому".

Сверхъ всего изложеннаго, было еще въ предположеніи застрѣлить коменданта генералъ-поручика Штейнакера, въ 12 часовъ дня (3 Марта) во время смотра войскъ, на Вильгельмовскомъ плацу; но онъ въ 9 часовъ уже воротился въ крѣпость, а передъ вечеромъ имѣлъ отъ оберъ-полицеймейстера свѣдѣнія о заговорѣ и принялъ предосторожности.

Увидѣвъ, что они открыты, заговорщики измѣнили часъ нападенія, намѣреваясь вести приступъ не ночью, а въ 8¾ вечера. Равно измѣнили и сборные пункты, но это произвело только путаницу: часть попала на старыя мѣста и, не найдя тамъ ни обѣщаннаго оружія, ни начальниковъ, пождала-пождала и разошлась. Другіе не нашли ничего на новыхъ мѣстахъ... Такимъ образомъ нападающихъ оказалось очень немного. Поговоривъ между собою и получивъ извѣстіе, что въ крѣпости приняты мѣры и противъ новыхъ распоряженій, начальники распустили команду. Оружіе было частію брошено въ Варту, частію зарыто.

Только у Хвалишевскаго моста было все исполнено по начертанному плану: смѣлый и энергическій Тромпчинскій собралъ до 60 человѣкъ народу, какъ бы на охоту, вооружилъ ихъ, посадилъ на 6 большихъ телѣгъ, и первый въѣхалъ на мостъ. Когда часовой крикнулъ: *кто идетъ*? съ воза выстрѣлили; на выстрѣлы отвѣчали приготовленные въ воротахъ солдаты тоже выстрѣлами и ранили самого Тромпчинскаго и двухъ его товарищей, а третій былъ убитъ. Возъ конечно тутъ же забранъ, и въ немъ оказалось много оружія.

Другіе возы, державшіеся сзади, увидѣвъ эту сцену, остановились; народъ бѣжалъ, и подошедшія войска взяли только телѣги съ лошадьми и оружіемъ.

Въ ночь произошли многочисленные аресты.

*

Такъ кончилось возстаніе 1846 года, задуманное, повидимому, на широкую руку. Маленькая Краковская республика перестала существовать. Однако революціонное броженіе умовъ продолжалось въ краѣ еще довольно долго. Поляки не хотѣли вѣрить, чтобы возстаніе, въ которомъ принимали участіе всѣ высшія сословія и которое располагало хорошими средствами, чтобы оно дѣйствительно кончилось, и кончилось какъ-то странно вдругъ, какъ будто и не начинавшись. Когда взяли Бесекирскаго (въ имѣніи

Лонцкихъ, Свинярахъ, въ одно время съ Мирославскимъ), и полицейскій офицеръ сталъ утѣшать плачущую его жену, она приподнялась и сказала: „Вы думаете, что я плачу по мужѣ? Я плачу о томъ, что рѣшеніе участи Польши отложено еще на шесть мѣсяцевъ!“

Во многихъ мѣстахъ всѣхъ трехъ захватовъ, отъ Марта до Мая мѣсяца, происходили незначительныя вспышки, кончавшіяся арестами двухъ-трехъ человѣкъ и только. Кіевскій генералъ-губернаторъ писалъ къ Паскевичу, что замѣчаетъ даже и у себя нѣкоторое движеніе молодежи, въ пунктахъ, соприкасающихся съ границей, и при рапортѣ отъ 23 Марта 1846 прислалъ *прокламацію*, ходившую тамъ; но, кажется, она была болѣе ранняго происхожденія.

Австрійцы извѣщали, что у нихъ, въ округѣ Санецкомъ, распространено какое-то *письмо съ неба*.

У насъ въ Томашовѣ (Люблинской губ. Замостьскаго уѣзда), въ ночь съ 11 на 12 Апрѣля ст. ст., подброшенъ пакетъ въ синагогу, заключавшій въ себѣ довольно безграмотное *воззваніе къ Евреямъ* на Еврейскомъ языкѣ.

Было еще нѣсколько подобныхъ фактовъ въ нашей Польшѣ, не стоящихъ того, чтобы объ нихъ говорить подробно.

Мы упомянемъ только о заговорѣ Варшавскихъ гимназистовъ противъ Паскевича.

Повторяя за нѣкоторыми взрослыми, что возстаніе 1846 года не удалось единственно потому, что тутъ вмѣшался „Эриванъ“, школьники бросили между собою жребій, кому его убить, чтобы поправить дѣла, если не въ настоящемъ, то хоть для будущаго. Жребій палъ на какого-то неловкаго и очень юнаго гимназиста. Тогда одинъ ученикъ 7 класса 1-й Варшавской гимназіи, Антонъ Рудскій, вызвался самъ, безъ всякаго жребія, убить „Эривана“ изъ ружья, не то изъ пистолета, будучи хорошимъ стрѣлкомъ.

Заговоръ этотъ сдѣлался извѣстнымъ правительству по причинѣ хвастливой болтовни ребятъ. Рудскаго арестовали. Послѣ оказались сопричастными къ тому же дѣлу Варшавскіе жители: Генрихъ Мониковскій и Лосевичъ.

Также точно медленно приходили въ себя разыгравшіеся деревенскіе элементы Галиціи. Мужики не хотѣли ничего дѣлать, ни взносить податей. Были даже такіе, кто пресерьезно требовалъ отъ правительства обѣщанныхъ наградъ за головы помѣщиковъ. „Вѣдь намъ же читали о Пасхѣ (говорили они) по всѣмъ костеламъ благодарность эрцъ-герцога за то, что мы порѣшили помѣщиковъ!“

Такъ поняли они *прокламацію* эрцъ-герцога Фердинанда, которую дѣйствительно читали по костеламъ и гдѣ была выражена благодарность правительства крестьянамъ за сочувствіе и за то, что между ними не открыто заговорщиковъ.

Весною во многія деревни пришлось послать военныя команды, и только при ихъ помощи водворился кое-какъ прежній порядокъ, и крестьяне стали работать. Въ иныхъ, особенно безпокойныхъ, деревняхъ даже были поставлены для устрашенія народа висѣлицы.

Союзныя войска стояли въ Краковѣ до Іюня мѣсяца. Нашихъ было тамъ постоянно: 2 баталіона, 2 конныхъ орудія, легкая № 5 батарея, сотня Донскихъ казаковъ и сотня музульманъ.

Карбонарскіе клубы, проклявъ своихъ союзниковъ-Поляковъ за излишнюю горячность и неумѣнье вести надлежащимъ образомъ заговоръ, продолжали свои работы и подготовили къ 1848 и 1849 годамъ нѣсколько взрывовъ. Поляки не преминули пристроиться тамъ, гдѣ это оказалось удобно. Возстаніе Познанскаго Княжества имѣло для нихъ связь со всѣми революціонными затѣями эмиграціи послѣ 1831 года; было *одно и тоже дѣло*, прерывавшееся вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Мирославскій, начиная свое описаніе „Познанскихъ происшествій:“

„Страдающая мѣстная демократія (Demokracya krajowa) и взывающая демократія эмиграціи, долго отыскивая другъ друга подъ двойнымъ гнетомъ чуждаго наѣзда и своего шляхетскаго хозяйничанья въ странѣ, наконецъ встрѣтились въ заговорахъ, начавшихся съ 1836 года спорадически во всѣхъ трехъ захватахъ вдругъ и приведенныхъ въ 1844 и 1845 годахъ Централизаціею Демократическаго Общества къ одной общей дѣятельной конфедераціи. Приостановленное (zawieszone) въ 1846 году, возстаніе ни чуть не сложило оружія подъ висѣлицей Потоцкаго и Виснёвскаго [11]), подъ топоромъ Шели [12]), подъ процессами Пруссаковъ. Запертое въ тюрьму въ теченіи 1846—1847 годовъ [13]), въ 1848 оно выступило опять на зовъ Европейскихъ потрясеній, все тоже самое, съ тѣхъ же самымъ евангеліемъ, которое не вѣсть когда будетъ проповѣдано (nie przegadaną jewangelją), съ тою же непреложною вѣрою въ святость своихъ догматовъ и въ достоинство средствъ, которыми разсчитывало дойти до цѣли [14]).“

---

[11]) Теофилъ Виснёвскій повѣшенъ во Львовѣ, вмѣстѣ съ Капустинскимъ, въ Іюнѣ 1847 года.

[12]) Это былъ предводитель огромной крестьянской банды, въ 1846 году дѣйствовавшей подъ покровительствомъ Австрійцевъ. Самъ онъ былъ тоже крестьянскаго званія. Мужики звали его król chłopów. Говорятъ банда его простиралась до 5 т. человѣкъ.

[13]) Мирославскій разумѣетъ заключенныхъ въ крѣпость и подвергнутыхъ болѣе или менѣе продолжительному аресту въ разныхъ мѣстахъ, себя и товарищей своихъ по заговору 1846 года. Изъ 254 захваченныхъ въ то время судъ приговорилъ: восьмерымъ отрубить голову топоромъ, другихъ заключить на всю жизнь или на извѣстный срокъ, третьихъ выслать вонъ и т. д. Конфирмаціею короля приговоръ этотъ былъ смягченъ: осужденныхъ на смерть посадили въ одиночные казематы безъ срока, до ста на разные сроки, и наконецъ иные совсѣмъ освобождены. Имена всѣхъ этихъ лицъ можно видѣть въ Allgem. Zeit. 1847, отъ 3 Декабря и въ XXIX т. Biblioteki Pisarzy Polskich, стр. 278.

[14]) Powstanie Poznanskie w roku 1848. Paryż, 1860, стр. 5—6.

Поляки поднялись въ Познани, въ 1848 году, потому что тамъ поднялось и Нѣмецкое населеніе, узнавшее о движеніи Берлина и требовавшее отъ правительства того же, чего требовалъ Берлинъ. Само собою разумѣется, что заговорщики Нѣмцы обрадовались лишнимъ революціоннымъ рукамъ и братались съ Поляками до тѣхъ поръ, пока Поляки были имъ нужны для ихъ *Нѣмецкаго дѣла*. Берлинцы вынесли Мирославскаго съ торжествомъ изъ Моавитской тюрьмы [15]), при оглушительныхъ крикахъ ура, какъ бы своего собственнаго вождя, и онъ, имѣвъ нѣсколько безплодныхъ объясненій съ Берлинскими заговорщиками, которыхъ училъ „какъ дѣйствовать далѣе“, отправился въ Познань и принялъ начальство надъ Познанскими повстанцами изъ Поляковъ, которые называли его „wodzem zmartwychwstałym“, т. е. „воскресшимъ изъ мертвыхъ вождемъ“.

Но Берлинское правительство весьма скоро и ловко окончило всѣ счеты со своими Нѣмецкими повстанцами, и они, будучи удовлетворены въ своихъ требованіяхъ, успокоились и обратились къ мирнымъ занятіямъ. Поляки остались одни, и тоже конечно должны были успокоиться и положить оружіе, несмотря на нѣсколько удачныхъ схватокъ съ Прусскими войсками, напр. подъ Вржеснею, Соколовымъ и Милославомъ. Мирославскій снова попался въ руки Прусскаго правительства, но на этотъ разъ былъ помилованъ и уѣхалъ въ Парижъ.

Мы не описываемъ подробно этого возстанія, такъ какъ оно не имѣло съ нашей Польшей никакой связи. По крайней мѣрѣ эта связь нигдѣ и ни въ чемъ ярко не обнаружилась. Любопытствующихъ знать о немъ ближе отсылаемъ къ книгѣ Мирославскаго, нѣсколько разъ нами приве-

---

[15]) Такъ названа новая въ то время тюрьма въ Берлинѣ, съ одиночнымъ заключеніемъ. По ней заключенныхъ тамъ узниковъ Поляки называли «Моавитскими узниками», и всѣ знали, о комъ идетъ рѣчь. До сихъ поръ этотъ терминъ употребляется между Поляками.

денной. Кромѣ того есть и еще описанія тѣхъ же событій, между прочимъ Морачевскаго.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ 1849 году, извѣстный маневръ Паскевича предупредилъ возстаніе Галиціи, а съ нею, вѣроятно, и Познани.

Въ это время возникъ въ Литвѣ одинокій (если вѣрить Авейде), независимый отъ Централизаціи заговоръ, о которомъ, кажется, нигдѣ еще не было писано. Онъ состоялъ преимущественно изъ школьной молодежи и ограничивался главнѣйшимъ образомъ Литовскими губерніями, съ самымъ незначительнымъ участіемъ Малороссіи; но въ Царство, повидимому, не проникалъ. Вождями этого заговора считаются два брата Далевскіе, Францъ и Александръ, къ которымъ присталъ позже служившій чѣмъ-то въ нашихъ войскахъ, стоявшихъ въ Вильнѣ, Сигизмундъ Сѣраковскій, тогда еще молодой человѣкъ.

Планъ Литовскихъ заговорщиковъ былъ таковъ: или поднять возстаніе въ то время, когда Венгерская революція приметъ счастливый исходъ, и Дембинскій или Высоцкій вторгнутся въ Русскіе предѣлы; или возстаніемъ, поднятымъ въ тылу дѣйствующей арміи, отвлечь Русскія силы и этимъ помочь Мадярамъ. Сѣраковскій былъ посланъ переговорить объ этомъ съ Дембинскимъ и благополучно перебрался черезъ Польшу и Галицію, но на обратномъ пути арестованъ, и тутъ всё узнали [16]).

Далевскіе были сосланы въ Сибирь, въ каторжную работу, а Сѣраковскій разжалованъ въ рядовые и отправленъ въ Оренбургскіе баталіоны. И съ нимъ, и съ Далевскими намъ еще придется встрѣтиться.

Наконецъ насталъ тяжелый для насъ 1855 годъ, съ его Крымской кампаніей, съ Севастополемъ. Казалось, когда бы лучше встать Полякамъ, какъ не въ это время; между тѣмъ они не встали; даже не было нигдѣ къ этому видимаго поползновенія. Авейде говоритъ: „Люди, не знавшіе

---

[16]) Авейде, I. 196—197.

нашего положенія, но вспоминавшіе наши до 1850 года конвульсивные революціонные порывы, предлагали вопросъ: отчего не возстали мы во время Крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть къ Русскому правительству? Мы не возстали потому, что не могли возстать, потому что мы отупѣли и были слабы, невыразимо слабы“ [17]).

Впрочемъ, Іосифъ Высоцкій входилъ отъ имени *Демократическаго Общества*, точнѣе, отъ его бренныхъ остатковъ, въ переговоры съ Англійскимъ и Турецкимъ правительствами о томъ, съ какой бы стороны Поляки могли быть имъ полезны въ дѣйствіяхъ противъ Русскихъ въ Крыму; но предложенія, сдѣланныя ему Англіей и Турціей, онъ нашелъ для Польши нетолько невыгодными, но даже оскорбительными, и ничего не предпринялъ [18]).

---

[17]) Авейде I, стр. 209, примѣчаніе.
[18]) Авейде, I, 200.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи.

Въ 9 часовъ утра 20 Января 1856 года [1]), не стало человѣка, который безъ малаго 25 лѣтъ *держалъ Польшу въ рукахъ* и, при помощи соотвѣтственнаго положенія дѣлъ въ Россіи, добился того, что на огромныхъ пространствахъ начало вырабатываться, въ значительной массѣ Поляковъ, убѣжденіе, что *иначе стало быть нельзя*; что мы и они должны слиться, жить въ какомъ ни на есть согласіи; что ссоры ни къ чему не ведутъ, развѣ только къ раззоренію края; что́ какъ бы Полякъ ни мало получалъ отъ правительства, находясь съ нимъ въ ладахъ, все-таки это малое больше того, что̀ онъ получитъ, разрушивъ добрыя отношенія съ правительствомъ, затѣявъ возстаніе, хотя бы даже такое, какъ въ 1830 году.

Само собою разумѣется, бывали минуты, вслѣдствіе какихъ-либо движеній въ Европѣ или нашихъ собствен-

---

[1]) Разсказываются такія подробности о похоронахъ фельдмаршала. Онъ былъ фельдм. трехъ армій: Русской, Прусской и Австрійской. Какъ Прусскій, такъ и Австрійскій жезлы были сдѣланы наскоро изъ дерева и обернуты густымъ крепомъ. Настоящій жезлъ былъ одинъ только Русскій, очень дорогой въ 7 т. рублей, по цѣнѣ брилліянтовъ, его украшавшихъ.

ныхъ ошибокъ, когда эти же самые *замиренные* такъ сказать *Черкесы* Польши, въ комъ *начало что-то вырабатываться*, думали иначе, поворачивали въ другую сторону. Мицкевичъ, съ свойственнымъ ему талантомъ, очерчиваетъ такое состояніе Польской души въ прелестномъ сонетѣ *Морская тишь*:

О море! спятъ въ минуту непогоды
Чудовища твоихъ глубокихъ водъ...
Такъ и во мнѣ тревожный змѣй живетъ:
Онъ долго спитъ.... Проходятъ дни и годы...
Но чуть блеснетъ коварный лучъ свободы—
Проснется онъ и кольца разовьетъ.

Этотъ змѣй проснулся, когда на опустѣлый тронъ намѣстника Польши сѣлъ дряхлый и ветхій во всѣхъ отношеніяхъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, только что разбитый Турками и Французами. Увы, никакіе лавры не осѣняли слабой, разстроенной годами и несчастіями головы. Послѣ представительной фигуры отошедшаго въ вѣчность фельдмаршала, непредставительная фигура преемника его казалась еще непредставительнѣй.

Впрочемъ, назначеніе Горчакова правителемъ въ Польшу было самымъ простымъ и естественнымъ фактомъ того необыкновеннаго времени: на Всероссійскій престолъ вступилъ великодушнѣйшій изъ Государей, по слову Котораго стихла прежде всего брань на холмахъ Севастополя, а потомъ начались громадныя преобразованія во всей Имперіи, изъ конца въ конецъ. Развязано печатное слово, приподняты разные шлагбаумы, задумано освобожденіе 25 милліоновъ рабовъ.

Все кипѣло, шелъ трескъ необыкновенный. Русскій человѣкъ во всемъ Русскій человѣкъ...

Читатель, конечно, хорошо помнитъ это необыкновенное, это странное, это страшное время. Врагъ не дремалъ. Зданіе, стоившее такихъ трудовъ покойнику, двадцатипятилѣтнихъ трудовъ, покачнулось въ немного дней. Самыя не-

вѣроятныя фантазіи, возможныя только въ головѣ этого *ребенка-народа*, стали занимать всѣ партіи. Польская интрига принялась работать горячо и серьезно. Салоны Русскихъ редакцій незамѣтно наполнились Поляками. Когда Полякъ захочетъ искать, онъ очень ловокъ. Въ этомъ онъ опередилъ, можетъ-быть, иныя и старшія націи. Искать въ Русскихъ, въ нашей неслыханной довѣрчивости и, какъ обыкновенно выражаются, добротѣ (хоть тутъ нужно пріискать другое слово) не трудно. Особенно было нетрудно тогда, когда всѣ хляби разверзлись, въ тѣ необыкновенныя минуты Россіи, о коихъ теперь рѣчь. Добрые Русскіе редакторы и вообще Русскіе люди сильно попались. Если-бъ повторить то, что̀ говорилось тогда нашими патріотами о Полякахъ, что̀ бы они теперь сказали!...

Ошибка, ротозѣйность, объятія и крики увеличивались еще и отъ того, что Польское наше дѣло было для насъ тогда очень плохо знакомо, было новостью, какъ бы только что родившеюся на свѣтъ. То, что̀ теперь знаетъ о Польшѣ всякій гимназистъ, тогда знали немногіе оракулы. Польша и Варшава представлялись нашему воображенію чѣмъ-то далекимъ, какимъ-то заброшеннымъ въ невѣдомомъ морѣ островомъ-Буяномъ, гдѣ все иначе, и пусть себѣ иначе! О тамошней жизни мы получали кое-какія баснословныя и сбивчивыя свѣдѣнія отъ заѣзжихъ оттуда офицеровъ, а они больше всего разсказывали о красивыхъ Варшавскихъ женщинахъ и дешевыхъ перчаткахъ... Мы были равнодушны къ вопросамъ, къ которымъ нельзя быть равнодушну, считая себя Европейскимъ человѣкомъ. Да, признаться сказать, ничего другаго и не оставалось, какъ быть равнодушну. Грозная фигура фельдмаршала (не тѣмъ, Богъ съ нимъ, будь помянутъ!) стояла во весь ростъ не передъ однимъ завоеваннымъ народомъ, стояла она и передъ глазами Русскихъ редакторовъ. Никакая тѣнь корреспонденціи изъ Польши была немыслима. Не было къ тому-жъ и желѣзныхъ дорогъ.

Странно было бы, еслибъ въ это время пробудившихся такъ или иначе симпатій къ Польшѣ, въ это вообще суетливое, доброе, мягкое, либеральное время, когда теплыя „Крымскія“ струи неслись и затопляли пространства, которымъ нѣтъ подобныхъ, странно было бы, еслибъ тогда на упразднившійся тронъ Варшавскаго намѣстника стали искать лица, подобнаго во всѣхъ отношеніяхъ покойному фельдмаршалу. Все строилось тогда мягко. Разумѣется, можно было бы обойти одряхлѣвшаго и неспособнаго Горчакова; но... за него стояли 25 лѣтъ, проведенныя имъ въ Польшѣ при Паскевичѣ, въ качествѣ, преимущественно, начальника его штаба. Польша казалась тиха, такъ тиха, что ею могъ управить рѣшительно всякій генералъ, считавшій за собою лѣтъ 50 службы.

Въ самомъ дѣлѣ, Паскевичъ оставилъ Польшу совершенно спокойною. Тамошніе Поляки довольно долго держали себя тише, чѣмъ ихъ братья въ Россіи. Ни о какихъ подземныхъ работахъ ни было и помину.

Вѣроятно инымъ изъ читателей случалось слышать, что *военная диктатура* (такъ звали Поляки управленіе Паскевича) переломала кости Польшѣ, убила въ странѣ все. Эти черныя краски занесены изъ эмиграціи, отъ врага, имѣвшаго свои причины изображать все Паскевичевское съ одной только дурной стороны. Въ дѣйствительности, строгая эпоха не парализовала развитія Польши ни чуть; напротивъ, все двинулось тамъ впередъ, и сильно впередъ, сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы нашли, явясь побѣдителями въ концѣ 1831 года. Цвѣтущія поля и фольварки Царства Польскаго, во дни Паскевича, были относительно Россіи тѣмъ, чѣмъ относительно ихъ кажутся высокообработанныя нивы и дышащія жизнью сельскія поселенія Прусаковъ. Переѣзжая Польскій рубежъ, всякій Русскій чувствовалъ себя мгновенно какъ бы за границей. Что̀ собственно до Варшавы,—она, за время управленія Паскевича, превратилась изъ грязнаго городка въ опрятную Европейскую столицу, снабжена водой, тротуарами, фонарями и пре-

краснымъ съѣздомъ на Вислу. Ничего этого не было въ Варшавѣ до Паскевича, по крайней мѣрѣ въ надлежащихъ размѣрахъ. Какимъ образомъ съѣзжали къ Вислѣ до сороковыхъ годовъ, всякій можетъ полюбоваться, спустясь по Беднарской улицѣ. Домовъ, въ чисто-европейскомъ духѣ, какихъ до революціи 1830 года было крайне мало, явились цѣлыя улицы. А какъ весело жилось въ Варшавѣ Паскевича и немного позже, вамъ разскажетъ всякій, кого заносила туда судьба. Эти погасшіе теперь, пасмурные палацы аристократовъ горѣли огнями, гремѣли музыкой. По улицамъ мелькали изящные экипажи, иногда по-польски, цугомъ на выносъ, при звукѣ мѣдныхъ роговъ и хлопаньѣ длиннаго Польскаго бича. Вездѣ и во всемъ допускалась эта размашистость національнаго Польскаго характера. Фельдмаршалъ умѣлъ извлекать политическіе барыши изъ мѣдныхъ роговъ и другихъ дѣтскихъ побрякушекъ. Да не подумаютъ однако, что все тогда было хорошо, что система покойника есть то, на чемъ можно остановиться. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ подробно; авторъ —партизанъ деспотизма только тамъ, гдѣ его нечѣмъ замѣнить....

Если взглянуть на карту, подумаешь, что Варшава большой городъ. Но если ее взять, какою она представляется всему болѣе образованному населенію, ограничить предѣлами, гдѣ вращается все живое, Европейское, гдѣ рѣшаются наисущественнѣйшіе вопросы города,—эта Варшава не велика: ее можно вмѣстить въ четырехугольникъ слѣдующихъ улицъ: Новаго Совѣта, Краковскаго Предмѣстья (составляющихъ почти прямую линію — *Невскій Проспектъ* Варшавы), Медовой, Долгой, Римарской, Маршалковской до Іерусалимскихъ аллей и закончить этими аллеями до Новаго Свѣта. Здѣсь, въ этомъ четырехугольникѣ, все: и лучшіе дома, и богатѣйшіе магазины, и гостинницы, и театръ, и превосходный публичный садъ, съ каштанами, доживающими другую сотню лѣтъ.

Бываютъ въ домахъ уютныя комнаты, гдѣ какъ-то пріятнѣе сидится, читается, бесѣдуется: тоже самое можно

сказать и о Варшавѣ между городами, разумѣя ту ея часть, которую мы только-что очеркнули. Это, прежде всего, *уютный* городъ, гдѣ жить удобно, гдѣ все подъ руками. Стремленіе жителей со всѣхъ концовъ къ центру и страсть Поляковъ къ „спацерованью“ дѣлаютъ сказанныя улицы чрезвычайно оживленными, даже иногда тѣсными чрезъ мѣру. Въ воскресенье или просто въ хорошій день, на этихъ улицахъ истинно Парижская толкотня. Все суетится, блеститъ и сіяетъ. Ни Полякъ, ни Полька не выйдутъ на „спацеръ“, не позаботясь о своихъ маншетахъ. Въ праздники женщины спацеруютъ съ молитвенниками въ рукахъ. Иной разъ увидишь съ молитвенникомъ и мущину.

При Паскевичѣ и немного позже, „была пора, боярская пора“. Аристократы давили все, были до извѣстной степени соправителями Намѣстника. Чего только не могъ тогда сдѣлать въ Польскихъ судахъ вліятельный Польскій аристократъ, въ особенности при необычайной продажности Польскихъ чиновниковъ!

Посредствомъ аристократовъ Паскевичъ приводилъ въ дѣйствіе всѣ другія пружины. Выше было сказано, что, онъ считалъ этотъ способъ правленія не только лучшимъ, но и неизбѣжнымъ, вслѣдствіе всеобщаго положенія дѣлъ въ Имперіи и тогдашнихъ взглядовъ на вещи.

Во главѣ этого всемогущаго шляхетскаго міра Польши стоялъ тогда графъ Андрей Замойскій, не столько богатый, сколько изящный, благовоспитанный, симпатичный аристократъ. Во всей его легкой, высокой, красивой фигурѣ, во всей физіономіи было что-то необыкновенно милое и привлекательное. Его всѣ знали и любили: Русскіе, Поляки, Жиды, высшій слой и низшій, умѣренная половина населенія и недовольные ничѣмъ „Корсиканцы“. Все самое несговорчивое и неудобное смирялось и уступало невольно, едва было произнесено это имя, едва взглядывалъ въ ихъ сторону графъ Андрей своимъ мягкимъ, глубокимъ, тихимъ взглядомъ. Не было имени въ краѣ популярнѣе имени графа Андрея. Фамилію произносили рѣдко. „Графъ Андрей“—

и кончено, какъ будто одинъ только графъ Андрей и былъ отпущенъ на всю Польшу. Нѣкоторые Русскіе звали его *Андрюхой*, что̀ выражало у нихъ и простоту, и задушевность этого лица.

Видный и казистый домъ графа Андрея стоялъ на соединеніи двухъ лучшихъ и оживленнѣйшихъ улицъ Варшавы: Новаго Свѣта и Краковскаго Предмѣстья. Кто не зналъ этого дома!

Молодость графа Андрея протекла, какъ протекаетъ молодость всѣхъ подобныхъ людей, родившихся въ особой сорочкѣ. Его учили всему, но хорошо научился онъ только разнымъ языкамъ, въ особенности Французскому, на которомъ писалъ и говорилъ безукоризненно,

До революціи 1830 г. о немъ какъ-то мало было слышно. Въ революцію, именно въ половинѣ 1831 г., народное правительство отправило изящнаго графа дипломатическимъ агентомъ въ Вѣну; но онъ, будучи тогда еще молодымъ человѣкомъ, повелъ себя немного вѣтренно: встрѣтясь гдѣ-то съ одной хорошенькой землячкой и не разузнавъ путемъ, кто она и что̀ она, влюбился въ нее и разболталъ ей, въ припадкѣ разныхъ любовныхъ изліяній, причину своего прибытія въ Вѣну.

Когда мы взяли Варшаву, Паскевичъ, обладавшій секретомъ порученія, которое давалось Замойскому революціоннымъ правительствомъ, полушутя пригрозилъ ему (когда онъ вернулся въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывалъ) разстрѣляніемъ, но потомъ протянулъ дружески руку. Изящный графъ сдѣлался нашимъ вѣрнымъ слугою, разумѣется на столько, на сколько можетъ быть нашимъ слугою Полякъ-аристократъ, pur sang, который выше Польской аристократіи не знаетъ ничего въ мірѣ и всякаго Москаля считаетъ варваромъ.

Никто аккуратнѣе его не посѣщалъ Замка во дни оффиціальныхъ торжествъ; онъ сталъ, можно сказать, оффиціальною необходимостью Замка въ извѣстныя минуты, этотъ эффектный графъ, въ жилетѣ и галстукѣ бѣлѣе снѣговъ.

Люди, знавшіе графа Андрея ближе, упрекали его въ нѣкоторой безхарактерности. Каррикатура Фредро, ходившая одно время по Варшавѣ, изображала графа съ руками въ одну сторону, съ ногами въ другую, съ волосами въ третью. Подпись гласила: Comte André Zamojski, emporté par les tourbillons de l'opinion publique [2]). Всѣ понимали какъ нельзя лучше, что изъ этого человѣка, случись необходимость, вождя не сдѣлаешь. Тѣмъ не менѣе, масса людей, считавшихъ себя за-одно съ аристократами, держалась все-таки графа Андрея, какъ бы своего вождя. Таковы уже были симпатичныя свойства этого человѣка. Настоящаго вождя къ тому же тогда и не требовалось: ни о какихъ ратяхъ, ни о какихъ партіяхъ не было ни слуху, ни духу. Если и говорили „аристократическая партія", такъ это ровно ничего не значило, было пустымъ звукомъ.

Вторымъ вліятельнымъ лицомъ между аристократами Варшавы былъ графъ Ѳома Потоцкій, съ типомъ древняго Поляка, которому пристали бы очень кунтушъ и вылёты; но вслѣдствіе ли своихъ свойствъ, или нежеланья и неумѣнья брататься со всѣми (что̀ очень ловко и прилично дѣлалъ графъ Андрей), или просто-за-просто потому, что носилъ фамилію, которую считали черезчуръ преданною Русскому правительству, Потоцкій не пользовался популярностью.

Далѣе шли: графъ Константинъ Замойскій, называвшійся обыкновенно *ординатомъ*, что̀ означало „владѣльца ординаціи", иначе сказать: древняго майората [3]); графы Августъ и Маврикій Потоцкіе, отличавшіеся особенной привязанностью къ правительству. Графу Августу принадлежало извѣстное помѣстье Виляновъ, память короля Яна III Собесскаго, съ отличнымъ паркомъ, гдѣ всѣ наши государи обыкновенно охотились, когда бывали въ Варшавѣ.

---

[2]) Т. е. графъ Андрей Замойскій, увлекаемый вихрями общественнаго мнѣнія.

[3]) Мойоратъ К. Замойскаго, какъ намъ говорили, заключаетъ въ себѣ 68 квадратныхъ миль и слишкомъ сто деревень.

Еще далѣе выступали: графы Красинскіе, Браницкіе, Островскіе, Лубинскіе, Коссаковскіе, Урусскіе, Бромірскіе, князья Любомірскіе...

Вокругъ нихъ, какъ это всегда бываетъ, обращалось нѣсколько планетъ помельче: помѣщики безъ графскихъ и княжескихъ титуловъ, но вліятельные и образованные: Горскій, Венглинскій, Лушевскій, Ставискій, братье Курцы, Мокроновскіе, Сементовскіе.

Все это, вмѣстѣ взятое, принадлежало, какъ обыкновенно выражались, къ партіи Замойскаго, считая его если не вождемъ, то хоть смѣлымъ защитникомъ ихъ аристократическихъ интересовъ передъ правительствомъ, а эти интересы казались имъ интересами всего края.

Вдали, на горизонтѣ того же аристократическаго міра, показывалась иногда, почти безъ всякихъ сателлитовъ, грузная, сумрачная фигура маркиза Александра Велепольскаго, на которую тогда мало кто обращалъ вниманія.

Этотъ кружокъ (эта партія, пожалуй) старалась всячески возвысить сельскій бытъ страны, умножить фабрики и заводы, и жертвовала на это капиталы. Графъ Андрей, какъ говорили, рисковалъ болѣе всѣхъ и даже будто бы потрясъ свое состояніе. Здѣсь новая причина популярности этого лица.

Партія побаивалась, кромѣ того, усиливающихся кутежей молодежи (хоть и сама тоже кутила, такъ что сынъ училъ отца, а отецъ сына); ей хотѣлось вообще вліять, править всѣмъ, что́ стояло, по рожденію или по воспитанію, въ передовыхъ рядахъ націи. Но какъ было править? Для этого нуженъ былъ прежде всего какой-либо органъ, общество? Легко сказать: органъ, общество! Это были, въ тѣ времена, звуки страшные, рѣдко кѣмъ-либо произносимые.

Оставалось такимъ образомъ, за неимѣніемъ правильно-организованныхъ работъ, съѣзжаться довольно праздно у разныхъ вліятельныхъ лицъ и бесѣдовать, за бутылкой до-

браго дѣдовскаго „венгржина“ [4]), о томъ-о семъ, съ Польской точки зрѣнія. Случалось, что эти бесѣды уносили пирующихъ Богъ знаетъ куда, на крыльяхъ необузданной Польской фантазіи.. Но при этомъ вдругъ подсаживалась къ нимъ тѣнь еще неубитаго Банко, въ Георгіевской звѣздѣ и въ лаврахъ.... Бесѣды кончались ровно ничѣмъ. Всѣ расходились совершенно здоровыми, совершенно бѣлыми, тянувшими по прежнему руку правительства.

Была въ Варшавѣ еще кучка аристократовъ клерикальнаго направленія, которая, соскучась праздными съѣздами собратьевъ, рѣшилась, ради провода своихъ идей въ публику, попытать счастія на поприщѣ литературномъ.

Во главѣ этого кружка стоялъ неслыханный ультрамонтанецъ, графъ Генрихъ Ржевускій, извѣстный авторъ *Листопада* и *Записокъ Соплицы*, человѣкъ вполнѣ намъ преданный; даже говорили, что онъ, въ преданности Москвѣ, дошелъ до роли какого-то шута при Паскевичѣ. Какъ разумѣлъ его Государь Николай Павловичъ, лучше всего покажетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды пріѣхалъ въ Варшаву король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, т. е. братъ нынѣшняго, и ему назначили въ проводники по городу графа Генриха Ржевускаго. Послѣдній, какъ поэтъ, до того увлекся въ истолкованіи великаго историческаго значенія иныхъ памятниковъ, что король, воротясь, сказалъ Государю, тоже находившемуся въ Варшавѣ: „Кого это мнѣ дали въ проводники! Если у васъ всѣ такіе „бѣлые“, что же подумать о „красныхъ?“ — „Не бойтесь, возразилъ Государь: il est plus russe que moi et plus royaliste que vous“ [5]).

Такому лицу, разумѣется, было легко выхлопотать позволеніе издавать газету. Ржевускій, въ товариществѣ съ графомъ Пршездзецкимъ, основалъ въ 1851 ежедневный листокъ, подъ названіемъ „*Варшавскій Дневникъ*“ (Dziennik Warszawski).

---

[4]) Венгерское вино.

[5]) Т. е. онъ болѣе Русскій, нежели я, и болѣе роялистъ, нежели вы.

Все было употреблено, чтобы новая газета пошла, и она дѣйствительно пошла. Хорошій и исправно платимый гонорарій (иныя Варшавскія газеты ничего не платили тогда сотрудникамъ) привлекъ со всѣхъ сторонъ многія ретивыя перья. Въ первый же мѣсяцъ газета имѣла уже около двухъ тысячъ подписчиковъ. Ей предсказывали торжество надъ всѣми, какъ вдругъ удивительная статья редактора „Cywilizacja i Religja“, грянувшая неожиданнымъ громомъ надъ Варшавой, испортила все. Газета пала, спустясь въ третій мѣсяцъ съ двухъ тысячъ на двѣсти пренумерантовъ. Непріятели Ржевускаго съ красными (таившимися по разнымъ угламъ) распорядились такъ, что всѣ кондитерскія и другія подобныя заведенія, гдѣ есть газеты, стали гонять отъ своего порога мальчишекъ, разносившихъ опальный листокъ. Дошло до того, что никто не хотѣлъ брать газеты Ржевускаго даромъ. Онъ передалъ ее Шимановскому, автору нѣсколькихъ мелкихъ статей и фельетоновъ, а тотъ Бартошевичу, извѣстному въ Польской литературѣ своими историческими изслѣдованіями; но всѣ ихъ усилія не могли уже воротить къ павшей газетѣ сочувствія публики. Черезъ годъ газету перекрестили, назвавъ Kronika; и это не помогло.

Изъ всей этой кутерьмы (замѣтимъ въ скобкахъ) извлекла лишь пользу старѣйшая между Варшавскими газетами, Gazeta Warszawska. Ловкій ея редакторъ пустилъ въ ходъ нѣсколько статеекъ, на которыя публика, задохнувшаяся въ ультрамонтантскихъ абсурдахъ Ржевускаго, бросилась съ жадностію: ей нужно было поскорѣе подышать другимъ воздухомъ. *Варшавская Газета* пріобрѣла до 7 т. подписчиковъ и стала на твердыя ноги, такъ что уже никакіе послѣдующіе подкопы и невзгоды (о чемъ скоро придется намъ разсказать подробнѣе) ничего не могли ей сдѣлать.

Однако Варшавскіе клерикалы не унялись. Въ началѣ послѣдней восточной войны (1853), графъ Пршездзецкій вздумалъ повторить опыты Ржевускаго (можетъ-статься и

по внушенію фельдмаршала): основана новая газета или, точнѣе сказать, возобновлена пріобрѣтенная у Мясковскихъ *Ежедневная Газета* (Gazeta Codzienna), куплены новыя перья; но увы, минуты были не такія, чтобы изданіе бѣлыхъ, да еще клерикаловъ, пошло. И этотъ голосъ, едва раздавшись, умолкъ. Партіи бѣлыхъ, клерикаламъ и неклерикаламъ, пришлось опять праздно сходиться въ разныхъ домахъ, гдѣ хорошо ужинали, и вздыхать о недостаткѣ органа.

Средній кругъ, мелкіе помѣщики, чиновники, литераторы, образованные купцы, собирались по домамъ „своихъ“ вліятельныхъ лицъ, не то въ Купеческомъ Клубѣ. Эти лица, равно и самый клубъ, скоро выступятъ на сцену, а потому теперь мы проходимъ ихъ молчаніемъ.

Между этими *средними* таились и *крайніе*, иначе *красные*—кружокъ тогда не очень слышный и видный; одиночные, вырывавшіеся оттуда, время отъ времени, голоса терялись въ пространствѣ.

Все это, какъ сказано, держалось, при Паскевичѣ, на своихъ мѣстахъ; всѣ чувствовали власть, и никому въ голову не приходило съ нею заигрывать.

Но едва его не стало, въ самое непродолжительное время, можетъ-быть, пока князь Горчаковъ ѣхалъ изъ Бахчисарая въ Варшаву, было замѣчено Поляками всѣхъ оттѣнковъ отсутствіе руки, которая ими недавно управляла. Вихры стали понемногу подниматься. Однако долго еще царствовала тишина. Духъ Сида носился надъ полчищами Мавровъ.

Проѣзжая Россію, князь Горчаковъ не могъ не замѣтить рѣзкой перемѣны въ воздухѣ. Кажется, прошло не Богъвѣсть сколько времени съ тѣхъ поръ, какъ князь проѣхалъ тоже пространство сверху внизъ, но много, очень много утекло воды. Москва и Петербургъ, гдѣ новому намѣстнику Царства Польскаго пришлось остановиться на нѣсколько недѣль, еще болѣе представили перемѣнъ, и волей-неволей этотъ уступчивый человѣкъ зачерпнулъ на пути теплыхъ

струй, захватилъ въ свою дорожную коляску этихъ яркихъ, веселыхъ, великодушныхъ лучей, великолѣпно озарявшихъ тогда все лицо Имперіи, такъ что оно ничего больше не дѣлало, какъ только улыбалось; захватилъ онъ и этого либерализма, пронесшагося легкимъ вихремъ изъ конца въ конецъ и поднявшаго со дна кое-какую муть. Всего этого захватилъ съ собою новый намѣстникъ и привезъ въ знакомую ему Польшу, къ старымъ друзьямъ, вмѣстѣ со своею, тоже знакомою этимъ друзьямъ, безхарактерностью.

Они встрѣтили его, разумѣется, весьма привѣтливо. Паскевичь, плебей происхожденіемъ, ласкалъ аристократовъ съ извѣстною цѣлію. Покровительство новаго намѣстника тому же сословію было, къ сожалѣнію, не системою, а простою слабостью ко всему аристократическому, даже ко всему, что́ хорошо говорило пофранцузски. Новый намѣстникъ былъ самъ аристократъ. Польскіе аристократы уже черезчуръ къ нему приблизились; ихъ никогда не принимали въ Замкѣ такъ, какъ принималъ ихъ князь Горчаковъ. Сколько оскорбленій вынесли при этомъ Русскіе! Однихъ Русскихъ можно такъ оскорблять. И это было первое движеніе къ промахамъ и неловкостямъ въ новомъ управленіи краемъ. Правильныя отношенія власти къ одной изъ партій были потрясены. Свойственныя всѣмъ Славянамъ неблаговоспитанность, неумѣнье ходить на своихъ ногахъ, едва спустили съ тугонатянутыхъ помочей, сейчасъ же выступили затѣмъ наружу вездѣ, во всѣхъ кружкахъ. Зашевелилась и пришибенная, сидѣвшая гдѣ-то подъ поломъ „краснина“. Буйная фантазія и тѣхъ и другихъ, фантазія, по необузданности незнающая себѣ равной въ мірѣ, пошла работать шибко. Въ имени новаго Царя, въ Его добрыхъ чертахъ, переродившееся, Горчаковское населеніе Варшавы и Царства усматривали Богъ вѣдаетъ что̀: повтореніе неповторяемаго, конституцію 15 года. Споръ былъ только о томъ, съ войскомъ или безъ войска.

Подъ этими странными, невѣроятными (впрочемъ невѣроятными для тѣхъ, кто плохо знаетъ Поляковъ) грёзами,

при этихъ пробудившихся къ тому же симптомахъ чего-то для насъ недобраго, неопредѣленно-безпокойнаго,—Варшава стала готовиться къ встрѣчѣ новаго Императора. Ожиданія неслыханныхъ милостей одолѣвали однако все другое. Государь прибылъ $^{10}/_{22}$ Мая (1856), и самое оглушительное ура прокатилось отъ Московской заставы до Лазенокъ. Едва ли въѣзжалъ въ свою столицу при болѣе одушевленной обстановкѣ какой-нибудь Ягеллончикъ.

Были люди, которые думали, что эта встрѣча *устроена* аристократами, или вообще интеллигенціей Варшавы, такъ какъ Варшава надѣялась привѣтствовать въ Александрѣ Второмъ другаго Александра Перваго. Если это и такъ, то устройство подобной встрѣчи ничего имъ не стоило: всѣ были и безъ того хорошо настроены. Тѣмъ не менѣе толки о *демонстраціи* ходили между Русскими. Подъ вліяніемъ-ли ихъ, или по другимъ какимъ причинамъ, Его Величеству угодно было произнести къ собравшимся у него депутатамъ отъ дворянства, сената и духовенства слѣдующую рѣчь:

„Я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошедшаго, одушевленный относительно васъ самыми лучшими намѣреніями. Вамъ предстоитъ помочь исполненію Моихъ предначертаній; но прежде всего Я долженъ сказать вамъ, что наши отношенія другъ къ другу должны уясниться какъ-можно лучше.“

„Вы близки Моему сердцу точно также, какъ Финляндцы и другіе Русскіе подданные; но Я желаю, чтобы порядокъ, установленный Моимъ отцомъ, не былъ измѣненъ нисколько. А потому, господа, отбросьте всякія мечтанія (Point de réveries, point de réveries)! Я съумѣю остановить порывы тѣхъ, кто бы вздумалъ увлечься мечтами. Я съумѣю распорядиться такъ, что эти мечты не перейдутъ за черту воображенія мечтателей. Счастіе Польши заключается въ полномъ слитіи ея съ народами Моей Имперіи. То, что̀ Мой отецъ сдѣлалъ, хорошо сдѣлано, и Я его поддержу“.

„Въ послѣднюю Восточную войну ваши бились наравнѣ со всѣми другими. Предстоящій здѣсь князь Горчаковъ былъ

этого свидѣтелемъ и отдаетъ имъ полную справедливость, что они доблестно пролили кровь, защищая отечество. Финляндія и Польша Мнѣ дороги одинаково, какъ и всѣ другія части Моей имперіи; но необходимо, чтобы вы знали, для блага самихъ же Поляковъ, что Польша должна быть навсегда связана съ великой семьей Русскихъ Императоровъ. Вѣрьте, что Я имѣю относительно васъ самыя лучшія намѣренія. Вамъ лишь остается помочь Мнѣ въ рѣшеніи задачи, а потому, повторяю еще разъ, оставьте всякія мечтанія".

„Что̀ касается до васъ, господа сенаторы, слѣдуйте указаніямъ Моего намѣстника, князя Горчакова, здѣсь предстоящаго".

„А вы, господа архипастыри, не теряйте изъ виду, что основаніемъ всякой доброй нравственности есть религія. Ваша прямая обязанность—внушать постоянно Полякамъ, что ихъ счастіе заключается единственно въ полномъ слитіи съ Россіею". [6]).

Извѣстно впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью. Всѣ стали повторять point de réveries, и эти слова, въ самое короткое время, облетѣли не только Польшу и Россію, но и весь свѣтъ. Факту, самому обыкновенному, котораго въ другое время и не замѣтили бы, который задвинулся-бы вовсе яркими событіями, долженствовавшими послѣдовать,—этому факту придано особое, роковое освѣщеніе, сколько Поляками, столько же и нами.

Впрочемъ городъ, потолковавъ немного о неожиданныхъ никѣмъ словахъ, сейчасъ же забылъ объ нихъ и ни чуть не углублялся въ разсматриванье этого факта. Всѣ были попрежнему исполнены самаго веселаго настроенія, даже какъ бы счастія. Всякій Славянинъ любитъ встрѣчать Го-

---

[6]) Recueil des traités, conventions et archives diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862, par le comte d'Angeberg. Paris et Leipzig, 1862, 1117. Въ сокращеніи, съ варіантами, въ Annuaire des Deux Mondes, VI, 1855—1856, la Russie, стр. 669—670 и въ Journal de St- Pétersbourg, отъ 23 Генваря 1864.

сударей, этотъ блескъ, шумъ и помпу. Ратуша готовила новому Царю балъ, обстановка котораго заняла всѣ высшія головы Варшавской интеллигенціи. Особенно хлопотали аристократы,—и здѣсь можно, пожалуй, усмотрѣть нѣчто демонстраціонное.

Балъ грянулъ 26 Мая н. ст. Дамы высшаго круга, одѣтыя въ бѣлое, встрѣтили Государя на лѣстницѣ, съ вѣнками и гирляндами въ рукахъ. Тогда Варшавская ратуша не имѣла такой пышной и величественной залы, какъ теперь. Небольшія комнаты ея придавали торжеству характеръ чего-то устроеннаго запросто, домашней вечеринки, на которой Поляки, по старинѣ, веселились съ своимъ королемъ. Увѣряютъ даже, будто бы одинъ сѣдой старикъ, подойдя къ Государю съ бокаломъ, сказалъ, въ избыткѣ чувствъ, какъ говорилось нѣкогда на подобныхъ Польскихъ пирушкахъ: „Kochajmy się, Cesarzu!“, что значило: „Забудемъ, Государь, все прошлое; къ чему намъ ссориться; настаютъ другіе дни—*возлюбимъ другъ друга*!“—и слезы, тѣ слезы, которыя на землѣ надо цѣнить выше всякихъ перловъ, хлынули изъ глазъ старика.....

На другой день Государь произнесъ къ собравшимся у него депутатамъ отъ дворянства такую рѣчь:

„Мнѣ очень пріятно, господа, засвидѣтельствовать вамъ, что дни, проведенные Мною среди васъ, доставили Мнѣ истинное удовольствіе. Вчерашній балъ—прекрасный балъ. Я никогда объ немъ не забуду и благодарю васъ за него“.

„Вамъ переданы, безъ сомнѣнія, Мои слова, сказанныя вашимъ депутатамъ, которыхъ Я принималъ пять дней тому назадъ. Держитесь дѣйствительности, составляя одно цѣлое съ Имперіей, и оставьте всякія мечтанія о независимости, какъ не могущія осуществиться“.

„Повторяю вамъ опять: Мое убѣжденіе говоритъ Мнѣ, что счастіе Польши и даже ея спасеніе требуютъ, чтобы она постоянно состояла въ неразрывной связи съ славной династіей Русскихъ Императоровъ; чтобы она была не что иное, какъ неотъемлемая часть великой семьи Всероссій-

ской Имперіи. Оставляя Польшѣ права и учрежденія, дарованныя Моимъ отцомъ, Я буду неуклонно заботиться объ ея благѣ и счастіи. Я готовъ гарантировать ей все, что̀ можетъ быть ей полезно, все, что̀ Мой отецъ обѣщалъ ей даровать и дѣйствительно даровалъ. Я не измѣню въ этомъ отношеніи ничего. Все, что̀ Мой отецъ сдѣлалъ, хорошо сдѣлано. Мое царствованіе будетъ продолженіемъ его царствованія. Отъ васъ зависитъ облегчить рѣшеніе задачи. Вы должны помочь Мнѣ въ моемъ трудѣ. На васъ однихъ падетъ отвѣтственность, если Мои намѣренія встрѣтятъ на пути какія-либо химерическія препятствія".

„Дабы доказать вамъ Мою готовность къ облегченію участи всѣхъ виновныхъ, скажу вамъ, что Я только что подписалъ амнистію: Я позволяю воротиться въ Польшу всѣмъ эмигрантамъ, кто этого пожелаетъ. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Гражданскія права будутъ имъ возвращены, и ихъ не потребуютъ ни къ какому отвѣту передъ судомъ".

„Я сдѣлалъ только одно исключеніе: Я не могу простить закоренѣлыхъ въ своей неисправимости и тѣхъ, кто въ самые послѣдніе годы не переставалъ составлять противъ насъ заговоры и противъ насъ сражался".

„Кто же возвратится, тотъ можетъ, по прошествіи трехъ лѣтъ раскаянія и безукоризненнаго поведенія, даже быть полезнымъ, вступивъ въ государственную службу. Но прежде всего позаботьтесь, чтобы осуществленіе благихъ предначертаній было возможно и чтобы Я не счелъ себя вынужденнымъ обуздывать и наказывать; ибо, еслибы это, къ несчастію, оказалось необходимымъ, я найду въ Себѣ рѣшимость и силу поступить такимъ образомъ. Старайтесь же, чтобы Я никогда не былъ поставленъ въ эту необходимость". Затѣмъ, обратясь къ одному изъ депутатовъ, Ивану Езерскому, хотѣвшему что-то сказать, Государь продолжалъ:

„Надѣюсь, что вы Меня поняли. Мнѣ пріятнѣе, конечно, имѣть возможность скорѣе награждать, чѣмъ наказывать,

Мнѣ пріятнѣе, какъ это могу сдѣлать и теперь, выражать удовольствіе, подавать надежды и вызывать признательность. Но знайте также и помните постоянно, что если бы пришлось, Я сумѣю укротить и наказать, даже наказать строго".

„Прощайте, господа!"

Амнистія принесла къ половинѣ 1857 года изъ Сибири и изъ-за границы множество воспитанниковъ прежнихъ и новыхъ революціонныхъ теорій, истинныхъ *артистовъ* революціоннаго дѣла. Неопредѣленные, хаотическіе кружки красныхъ, едва-едва начинавшіе дышать, получили вождей и руководителей, что́ называется оперились. Кружковъ этихъ на первыхъ порахъ было довольно много. Плотина прорвалась, и ручьи бѣжали въ разныхъ направленіяхъ, и тамъ, и тутъ, пока не образовали двухъ-трехъ потоковъ повиднѣе и пошире.

Прежде всего выдѣлился кружокъ *Академиковъ*, состоявшій изъ всякой школьной молодежи: учениковъ реальной и другихъ гимназій, художественнаго училища, Маримонтскаго земледѣльческаго института и, нѣсколько позже, медико-хирургической академіи, открытой въ Октябрѣ 1857 года [7]).

Съ этого времени во главѣ кружка явились Академики: Янъ Куржина-Пельшевскій, Владиславъ Ясневскій, Эдуардъ Лисикевичъ и Лаурисевичъ,—всѣ до одного бойкіе и даровитые ребята, въ особенности Куржина. Этотъ послѣдній обладалъ сверхъ того самымъ неустрашимымъ и твердымъ характеромъ. Будучи сыномъ эмигранта, онъ получилъ

---

[7]) Маримонтъ (Marie-Mont, гора Маріи) небольшой холмъ, въ полуверстѣ отъ Варшавы на Сѣверъ, гдѣ стоялъ нѣкогда увеселительный дворецъ супруги короля Яна III, Маріи-Казиміры, обращенный впослѣдствіи въ земледѣльческій институтъ.

Реальная гимназія съ художественнымъ училищемъ находилась въ такъ называемомъ Казиміровскомъ палацѣ, гдѣ нынѣ университетъ, публичная библіотека и зоологическій музей.

Медико-хирургическая академія помѣщалась въ зданіи, гдѣ теперь Первая Русская Гимназія, у Коперника.

первоначальное воспитаніе за границей и зналъ хорошо всевозможные Польскіе „Катихизисы“. Нѣкоторые думаютъ, что это былъ, просто-за-просто, революціорный агентъ, присланный остатками Демократическаго Общества, мутить въ Варшавѣ молодежъ, едва-лишь было замѣчено, что вездѣ подулъ другой, благопріятный *для этого* вѣтеръ.

По примѣру Поляковъ въ Русскихъ университетахъ, *Академики* завели у себя *Общество Братской Помощи* (Towarzystwo bratniéj pomocy), которое имѣло свой статутъ, библіотеку и кассу. Въ библіотекѣ, конечно, играли главную роль разныя эмигрантскія сочиненія, на Польскомъ, Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Былъ между прочимъ и нашъ Герценъ. Все это доставалось тогда въ Варшавѣ безъ особенныхъ хлопотъ. Экстрактъ понятій и вѣрованій кружка вертѣлся около того, что̀ высказывалось въ манифестѣ Демокр. Общества 1836, съ послѣдующими добавленіями, главнѣйшимъ образомъ съ Катихизисомъ Правдовскаго. Всѣ кипѣли злобой и ненавистью къ Русскому правительству и не считали возможнымъ даже и самомалѣйшаго съ нимъ сближенія.

Затѣмъ явилось еще нѣсколько кружковъ подобнаго свойства. Ихъ такъ и звали *кружками* (kòłko). Все это вмѣстѣ, разумѣется, не представляло въ ту минуту ничего важнаго и угрожающаго правительству, тѣмъ не менѣе было уже *затлѣвшеюся искрою*, какія необходимо тутъ-же гасить; ибо отъ *такихъ*, а не отъ другихъ какихъ-либъ искръ возжигаются революціи. Но объ этомъ и не подумали; даже просто-за-просто путемъ не видали этой искры, и она разгоралась съ каждымъ часомъ больше и больше, подъ покровительствомъ разныхъ уступокъ власти крикамъ и требованіямъ, которыя неслись со всѣхъ сторонъ, соединяясь въ Россіи—съ голосами лучшихъ людей Россіи, въ Европѣ—съ тѣмъ движеніемъ, которое началось вслѣдствіе несогласія между Франціей и Италіей съ одной стороны и Австріей съ другой и казалось болѣе опаснымъ, нежели было на самомъ дѣлѣ. Польская интрига въ мутной водѣ ловила

рыбу. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ другихъ главныхъ городахъ Имперіи, завелись также общества и партіи Поляковъ, съ агентами изъ эмиграціи. Болѣе важнымъ и вліятельнымъ былъ кружокъ офицеровъ Польскаго происхожденія, въ Петербургѣ, на Офицерской улицѣ, въ квартирѣ капитана Ярослава Домбровскаго, прикрытый приличнымъ и удобнымъ названіемъ *литературныхъ вечеровъ*. Начало его относятъ къ 1858 году. Позже въ этотъ военный кружокъ допущено нѣсколько статскихъ Поляковъ, между прочимъ извѣстный Іосафатъ Огрызко. Полиція ничего этого не видала, даже не подозрѣвала. Это была особенная, добродушная полиція тѣхъ временъ, дремавшая подъ Крымскимъ солнцемъ, которое на все одинаково свѣтило. Чего-чего нельзя было тогда устроить офицерамъ, да еще гвардейскимъ!

Отчасти подъ вліяніемъ Польскихъ кружковъ, отчасти такъ, мы стали кричать поминутно, что „надо-жъ дать что-нибудь и Польшѣ, при такомъ направленіи всѣхъ Русскихъ дѣлъ!“ Иныя почтенныя лица пустили въ ходъ залежавшіяся въ ихъ портфеляхъ какія-то секретныя записки о Польскомъ вопросѣ, которыя очень скоро пришлось имъ снова забыть и припрятать...

Ожили и забурлили вездѣ и бѣлые кружки. Варшавскій кружокъ Замойскаго сталъ собираться у вождя или въ другихъ пунктахъ уже не такъ праздно, какъ собирался до сихъ поръ. Тѣнь Банко болѣе не являлась среди веселыхъ и тонкихъ ужиновъ и никого не смущала. Говорилось тамъ почти тоже, что́ и на сборищахъ краснаго лагеря, на ихъ убогихъ и невкусныхъ „колляціяхъ“, запиваемыхъ Венгерскимъ много-много рубля въ полтора. Страшныя слова: *общество* и *органъ* стали повторяться чаще и чаще. Иной разъ слышались замѣчанія, что Русское правительство повидимому не намѣрено дать *такъ* ничего существенно-важнаго и полезнаго для края, а надо *взять*, *работать*; *такое настало время!*

Это были искры, залетавшія отъ красныхъ.

Наконецъ графъ Андрей, около котораго помѣщики сомкнулись теперь какъ-то тѣснѣе, былъ уполномоченъ замолвить слово передъ Намѣстникомъ о позволеніи открыть *пароходство по Вислѣ*, а потомъ основать *Земледѣльческое Общество* съ органомъ.

Послѣ самыхъ незначительныхъ колебаній, Намѣстникъ (разумѣется снесясь съ Петербургомъ) все это разрѣшилъ [8]). Затѣмъ разрѣшены всенародныя воскресныя школы, ремесленныя школы и пріюты (ochrouki), которые пользовались полною свободою дѣйствій.

Варшавскій книгопродавецъ Мержбахъ получилъ позволеніе напечатать Мицкевича, того самаго Мицкевича, одно имя котораго было еще недавно контрабандой нетолько въ Польшѣ, но и въ Россіи: извѣстно, что невиннѣйшее стихотвореніе къ нему Пушкина носило въ заглавіи только букву *М.*

Петербургскіе Поляки попросили тоже журнала на Польскомъ языкѣ, въ Петербургѣ, и открытія Польской типографіи на широкую руку. Имъ это разрѣшено [9]). Польская типографія, явившаяся въ Петербургѣ подъ управленіемъ Огрызки, ставшаго въ тоже время редакторомъ Польскаго журнала *Слово* (Słowo), выпустила, въ числѣ первыхъ своихъ изданій, Volumina Legum древней Польши, весьма роскошно отпечатанныя. Работа, которой такъ страстно ждали „Корсиканцы“ всѣхъ странъ, пошла настоящимъ образомъ, не подѣтски. Наши заграничные „друзья“, въ правительствен-

---

[8]) Открытіе пароходства по Вислѣ происходило 20 Іюля 1858 г. Былъ на Сольцѣ, въ зданіи пароходства, пиръ-горой, съ рѣчами и стихами. Директоромъ Пароходства назначенъ Леонъ Круликовскій, извѣстный всей Варшавѣ за самаго краснаго, отчаяннаго Поляка. Акціи общества искусно подняты со 120 до 300 р., но потомъ скоро пали.— Земледѣльческое Общество открыто въ Ноябрѣ 1857 года.

[9]) Можно замѣтить, что просьба о журналѣ опиралась на существованіе когда-то (съ 1829 по 1853 г.) въ Петербургѣ Польскаго *Еженедѣльника* (Tygodnik) подъ редакціей г. Пржецлавскаго.

ныхъ сферахъ, не спускали глазъ со всего этого движенія Россіи и Польши. Въ числѣ гостей Государя, прибывшаго въ Сентябрѣ 1858 года снова въ Свою Польскую столицу, очутился и принцъ Наполеонъ, окруженный своею Польскою свитою. Онъ охотился съ Государемъ въ Виляновѣ 29 Сентября н. ст., а жилъ въ Лазенкахъ, гдѣ посѣщали его довольно часто высшія лица аристократической партіи[10]).

Въ слѣдующемъ 1859 году, было почувствовано правительствомъ, хоть и не очень наблюдавшимъ, что *Земледѣльческое Общество* выходитъ изъ черты предписанныхъ ему уставомъ дѣйствій и распоряжается въ иныхъ случаяхъ рѣшительно какъ самостоятельная власть. Пріюты, воскресныя и ремесленныя школы, разрѣшенныя Полякамъ въ смыслѣ подспорья Земледѣльческому Обществу въ его работахъ, занимались тоже не тѣмъ, чего отъ нихъ ожидали Русскія власти, ихъ разрѣшившія[11]).

Литераторъ Гиллеръ, воротившійся изъ ссылки, впослѣдствіи членъ „народнаго правительства“, явился въ минуту, нами изображаемую, редакторомъ дешевой[12]) народной газеты *Воскресная Библіотека*, основанной на деньги богатой помѣщицы Петровой.

Въ обыкновенныхъ газетахъ стали тоже поминутно проскакивать статьи съ разными политическими намеками. Все двигалось къ *чему-то* довольно быстрыми шагами; партіи, корпораціи, сословія приглашались къ единодушію и примиренію, во имя любви къ общей матери-отчизнѣ.

---

[10]) Кромѣ того были тогда въ Варшавѣ: принцъ-регентъ Прусскій, теперешній король, принцъ Карлъ Баварскій и принцъ Карлъ-Августъ-Іоаннъ Саксенъ-Веймарскій. О принцѣ Баварскомъ разсказывали потомъ, что когда онъ услыхалъ, что будетъ принцъ Наполеонъ, то поспѣшилъ оставить Варшаву и, чтобы какъ-нибудь не встрѣтиться съ «пріятелемъ» на дорогѣ, прожилъ въ Скерневицахъ, пока тотъ проѣхалъ.

[11]) По словамъ Авейде, эти школы болѣе всего способствовали развитію въ краѣ такъ-названной *народной литературы*, и вмѣстѣ съ нею идей Польскаго Катихизиса. I, 238.

[12]) Подписная цѣна въ мѣсяцъ была злотъ—15 коп. сер.

Статья помощника редактора *Варшавской Газеты*, Кёнига, о неудачѣ концерта Неруды, потому что у нея „нѣтъ орлинаго носа, смуглаго лица, черныхъ волосъ, потому что она не выговариваетъ буквы эръ (r) горломъ, фамилія ея не кончается на *блятцъ*, *кранцъ*, *штернъ*,—словомъ, нѣтъ у ней ничего такого, чтобы пользоваться покровительствомъ котеріи, которая осадила всю Европу, особенно Поляковъ, которая дѣйствуетъ дружно, единодушно, толкаетъ впередъ каждаго изъ своихъ, будь то банкиръ, теноръ, скрипачъ, или просто спекулянтъ“[13]),—эта статья, въ другое время едвали бы замѣченная, въ началѣ 1859 года возбудила крики неудовольствія, дошедшія до того, что Кёнигъ стрѣлялся изъза оскорбленія Жидовъ со своимъ братомъ Полякомъ. Кромѣ того, 12 человѣкъ именитыхъ Евреевъ написали къ редактору Лешновскому письмо, гдѣ угрожали ему палочной расправой. Лешновскій жаловался. Этихъ господъ арестовали. Послѣ того Еврейскіе капиталисты, въ огражденіе себя отъ будущихъ аттакъ подобнаго рода, основали свой собственный органъ: банкиръ Кронебергъ купилъ у Невяровскаго *Ежедневную Газету* (Gazeta Codzienna), о коей читатель уже знаетъ[14]), и ввѣрилъ редактированіе ею первому тогдашнему свѣтилу литературнаго міра Польши, Іосифу Крашевскому, котораго выписали изъ Житоміра, гдѣ онъ жилъ до тѣхъ поръ очень тихо, производя свои безконечные романы, повѣсти, скиццы...

Гезета пошла недурно, благодаря не столько извѣстности Крашевскаго и его редакторскимъ способностямъ, сколько хорошему гонорарію, какой платился основателями сотрудникамъ. Вначалѣ она носила прежнее имя, а позже, съ 3 Апрѣля н. с. 1861 г., названа *Польскою Газетою* (Gazeta Polska) и теперь стоитъ, можно сказать, на одной линіи съ *Варшавской*.

---

[13]) Gazeta Warszawska, 1859, № 4, стр. 4.

[14]) См. выше, стр. 143.

Однако же настоящаго братанія между Жидами и Поляками все таки не было. Были только заявленія разныхъ кружковъ, что „теперь не время расходиться врознь всему тому, что̀ считаетъ себя въ Польской землѣ Поляками, какъ бы кто ни назывался“.

Евреи, закладчики *Польской Газеты*, долго не внимали этимъ увѣщаніямъ. Равно и *Варшавская Газета* шла войною противъ новаго опаснаго соперника. Громовыя статьи сыпались за статьями. Евреи нашли возможность, при помощи Эноха, оберъ-прокурора одного изъ департаментовъ Варшавскаго Сената[15]), начавшаго тогда входить въ славу, выхлопотать у Намѣстника запрещеніе цензурѣ пропускать полемическія статьи противъ Еврейскаго міра. Тогда Лешновскій послалъ одну такую статью въ Петербургъ, къ Огрызкѣ, и онъ напечаталъ ее въ своемъ *Словѣ*. Евреи пришли въ бѣшенство. Енохъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, съ княземъ Горчаковымъ (который пріѣхалъ туда съ проэктами разныхъ нововведеній въ Царствѣ и жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ) представилъ ему вопросъ въ такомъ видѣ, что „никакое управленіе въ Царствѣ невозможно, если распоряженія Намѣстника будутъ безнаказанно нарушаться въ Петербургѣ первымъ коллежскимъ ассесоромъ[16]). Князь пошелъ жаловаться Государю. *Слово*, получившее незадолго передъ тѣмъ выговоръ за помѣщеніе письма *Лелевеля* къ *Чайковскому*, было запрещено, а Огрызку посадили въ крѣпость.

Извѣстны всѣмъ поднявшіеся по этому поводу крики неудовольствія въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а отчасти и въ цѣлой Россіи. Тургеневъ написалъ письмо... Результатомъ

---

[15]) Когда Енохъ чрезвычайно приблизился къ Горчакову, въ Варшавѣ стали говорить: «здѣсь никто не можетъ жить безъ фактора; вотъ и у намѣстника свой факторъ—Енохъ».

[16]) Эти подробности изъ статьи г. Пржецлавскаго «Іосафатъ Огрызко и его Польская Газета «Слово», въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 года, стр. 1037—1038. Г. Пржецлавскій говоритъ, что Кронебергъ плакалъ при немъ, читая статью противъ Евреевъ.

всего этого было скорое освобожденіе Огрызки, а Горчакову предложено извиниться передъ министромъ, по вѣдомству котораго произошла никѣмъ неожиданная кутерьма. Горчаковъ извинился, однако сказалъ послѣ этого (какъ увѣряютъ) въ Комитетѣ Министровъ, слѣдующія знаменательныя слова: „если вы станете здѣсь такъ дѣйствовать, то мнѣ придется очень скоро стрѣлять въ Варшавѣ картечью".

Легко представить торжество Поляковъ. Всѣ кружки покраснѣли. Князь Горчаковъ, воротясь въ Варшаву, безъ сомнѣнія замѣтилъ это; но подъ вліяніемъ непріятностей, испытанныхъ въ Петербургѣ, а частію въ виду событій, разыгравшихся на Югѣ (образованіе Итальянскаго королевства, дозволеніе Полякамъ основать военную школу въ Генуѣ, связь Гарибальди съ Мирославскимъ и другими вождями Польскаго заговора), сдѣлался еще осторожнѣе, еще устучивѣе. Довольно одного слѣдующаго факта, чтобы обрисовать тогдашнее настроеніе мыслей Намѣстника. Когда маленькое Русское общество Варшавы обратилось къ нему съ просьбою (въ половинѣ 1859) о разрѣшеніи открыть Русскій Клубъ, князь Горчаковъ разрѣшить-разрѣшилъ, но велѣлъ называться этому клубу не Русскимъ Клубомъ, а *Варшавскимъ Общественнымъ Собраніемъ*!

Члены нынѣшняго Русскаго Клуба, встрѣчая иногда на старой своей утвари и бѣльѣ таинственныя слова *В. О С.* никакъ не могутъ отгадать, чтобы это такое было. Это *Варшавское Общественное Собраніе*!

А сколько было еще фактовъ въ этомъ родѣ! Сколько было пропущенно такихъ вещей, на которыя слѣдовало бы устремить весьма зоркій взглядъ! Народныя школы сдѣлались смѣлѣе; намеки газетъ свободнѣе и выразительнѣе; Земледѣльческое Общество распоряжалось въ странѣ какъ ему вздумается, хозяйничало помимо настоящихъ хозяевъ. Замойскій сталъ разсылать циркуляры и медали. Объ этомъ только говорили въ Замкѣ, какъ о чемъ-то странномъ и не-

удобномъ для правительства, но мѣръ надлежащихъ все-таки не принято.

Вожди красныхъ кружковъ Варшавы почувствовали нерѣшительность и какъ бы страхъ въ дѣйствіяхъ власти и дали знать, кому слѣдуетъ, въ Европу. Мирославскій предложилъ *Академикамъ* испытать, посредствомъ какой-либо незначительной демонстраціи, *общественное настроеніе*, дабы, согласно полученному результату, идти далѣе тѣмъ или другимъ путемъ.

Мы имѣли въ Варшавѣ довольно сносную полицію, тогда еще весьма немного развращенную заговоромъ, только малую числомъ [17]). Эта полиція узнала, что студенты сочиняютъ *какую-то панихиду* подозрительнаго свойства и сообщила о томъ главному директору комиссіи духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, д. с. с. П. А. Муханову, человѣку съ большимъ значеніемъ и властью; а онъ предписалъ ректору академіи д. с. с. Цыцурину разузнать, что̀ это такое за панихида и кто изъ учениковъ болѣе всего въ ней участвуетъ.

Цыцуринъ донесъ, что панихида, сочиняемая школьниками, названа „панихидою за упокой душъ Юлія, Адама и

---

[17]) Съ 1856 года включительно по 1861 она дѣлилась на такъ-называемую *пѣшую полицію и ночную.*

Въ первой состояло чиновъ:

Рядовыхъ (стойковыхъ)	112.
Унтеръ-офицеровъ	5.
Фельдфебель	1.
Субалтернъ-офицеръ	1.

Въ послѣдней:

Рядовыхъ (стойковыхъ)	263.
Унтеръ-офицеровъ	16.
Фельдфебелей	5.
Начальникъ команды, об.-офиц.	1.
Помощникъ его	1.
Субалтернъ-офицеровъ	3.
Ревизовыхъ	120.
Комиссаровъ	12.
Итого	540.

Сигизмунда", главные же зачинщики въ этомъ студенты академіи Куржина и Ясневскій.

Варшава знала, что̀ это за *Юлій, Адамъ* и *Сигизмундъ* [18]). Хотя полиція и устранила манифестацію въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось исполнить ее Академикамъ; но все-таки народъ, извѣщенный какими-то листиками (а иные увѣряютъ, будто-бы объ этомъ было публиковано въ газетахъ), собрался большой кучей къ костелу св. Яна, и это показало красной партіи, что сочувствіе всему патріотическому въ массѣ есть и что можно, стало-быть, идти дальше.

Начальство академіи подвинуло впередъ подлекарскіе экзамены 1859 года, съ тѣмъ чтобы ихъ умышленно затруднить для *нѣкоторыхъ* и избавить академію отъ этихъ лицъ. Куржина и прочіе вліятельные члены кружка, догадавшись, къ чему идетъ дѣло, подбили товарищей къ подачѣ прошеній массою. Подали всѣ, исключая четырехъ, которыхъ кружокъ грозился повѣсить, но конечно остался только при однихъ угрозахъ.

Цыцуринъ нарядилъ слѣдствіе для открытія виновныхъ въ заговорѣ; указаны были снова Куржина и Ясневскій и сосланы, по конфирмаціи Намѣстника, первый на жительство въ Люблинъ, а второй въ Плоцкъ, подъ надзоромъ полиціи.

Надзоръ былъ однакоже такого рода, что оба сосланные бѣжали за границу: Ясневскій прямо изъ Плоцка, а Куржина, не доставъ себѣ заграничнаго паспорта въ Люблинѣ, пріѣхалъ въ Варшаву и здѣсь, получивъ паспортъ при помощи отставнаго офицера Нарциза Янковскаго, также бѣжалъ и вскорѣ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ Мирославскому, какъ обыкновенно говорили—его секретаремъ.

Уѣзжая изъ Варшавы, онъ передалъ свою „власть" только-что поступившему въ академію ученику, Карлу Маевскому, тоже замѣчательныхъ способностей и отличавшемуся не менѣе твердымъ характеромъ, какъ и Куржина.

---

[18]) Поэты Словацкій, Мицкевичъ и Красинскій.

Маевскій ввелъ въ кружокъ родъ „организаціи“, съ *пятками* и *десятками*, которые уже были въ ходу между Поляками (именно въ Петербургѣ у Домбровскаго и въ Кіевскомъ университетѣ) и назначилъ въ каждый особаго начальника. Потомъ увеличилъ библіотеку новыми эмиграціонными сочиненіями [19]).

Тѣмъ временемъ Янковскій собиралъ свой кружокъ изъ горожанъ всевозможныхъ сословій, куда входили и купцы, и литераторы, и чиновники, и ксензы, и кое-кто изъ помѣщиковъ.

Оба эти красные кружка, *Янковисты* и *Академики*, имѣли между собою безпрестанныя сношенія, толковали, спорили, бранились, какъ это бываетъ у Поляковъ, но все таки шли въ одну и ту же сторону. Руководителями обоихъ были заграничные революціонные дѣятели, болѣе всего Мирославскій—герой и страдалецъ 1846—1848 годовъ, бившій Пруссаковъ, осужденный потомъ ими на смерть, спасенный чуть не чудомъ; военный писатель, ораторъ, наконецъ директоръ Генуэзской школы [20]) и другъ Гарибальди, этого „ангела революцій“, какъ выражались о немъ иные Поляки. Мирославскій, можно сказать, правилъ тогда всѣмъ, что только было краснаго на пространствѣ Польши 1772 г. По его приказанію красные Варшавы стали распространять, въ концѣ 1859 года, народные гимны, пѣсни, портреты Костюшки и Килинскаго [21]),—съ цѣлію, какъ говорили тогда, „поднять духъ въ народѣ“.

---

[19]) Свѣдѣнія изъ показаній самаго Маевскаго и изъ Записокъ Авейде.

[20]) Основана подъ покровительствомъ Гарибальди вскорѣ по окончаніи Австро-итальянской войны. Говорили, что Викторъ-Эммануилъ, сверхъ дома для школы и плаца для экзерцицій, давалъ Мирославскому по 3 т. франковъ въ мѣсяцъ. Но главныя деньги шли изъ Царства.

[21]) Извѣстный предводитель ремесленниковъ, въ возстаніе 1794, самъ тоже ремесленникъ, именно сапожникъ. Костюшко наименовалъ его «полковникомъ народныхъ войскъ». По окончаніи войны перевезенъ въ Петербургъ, но послѣ смерти государыни Екатерины II ему дозволено

Близъ того же времени стала выступать наружу особая партія, не то чтобы красная, но и не бѣлая, а скорѣе среднепропорціональная, тоже изъ разныхъ горожанъ, подъ руководствомъ весьма умнаго и образованнаго чиновника коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, Эдуарда Юргенса. Маевскій увѣряетъ, что она появилась, въ видѣ небольшаго, неопредѣленнаго кружка, тотчасъ послѣ Крымской войны.

Полужидокъ, полуполякъ происхожденіемъ, Юргенсъ соединялъ въ себѣ свойства обѣихъ націй: былъ отваженъ и дерзокъ, какъ его предки Славянскаго корня; былъ остороженъ, хитеръ, стоекъ и глубоко сосредоточенъ, — какъ другая отрасль, участвовавшая въ его рожденіи. Конецъ концовъ, былъ отъявленный Польскій патріотъ, готовый положить за Польшу свою душу, что̀ послѣ и сдѣлалъ [21]). Такихъ типовъ довольно теперь между Поляками. Они носятъ иногда чисто Польскія фамиліи. Весь нынѣшній средній классъ Польши далеко не то по крови, что̀ средній классъ прежнихъ временъ. Чистая Польская кровь осталась только вверху и внизу, между аристократами и самымъ низменнымъ слоемъ населенія; но и туда начинаетъ пробираться настойчивая, энергическая котерія, въ самомъ дѣлѣ (какъ сказано въ статьѣ Кёнига), „осадившая Европу, въ особенности Поляковъ“.—Эти волны довольно опасны.

Вотъ гдѣ, между прочимъ, надо искать объясненія коекакихъ явленій послѣдняго Польскаго возстанія, къ которому мы приближаемся, этихъ какъ бы *неславянскихъ* выходокъ, этой какъ бы *неславянской* энергіи, неуступчивости, неумолимости, что̀ „не даетъ себя погладить по головкѣ“.

воротиться въ Варшаву, гдѣ онъ и умеръ, на улицѣ Дунай, въ д. подъ № 145, 28 Января н. ст. 1819 года, имѣя отъ роду 59 лѣтъ, и похороненъ на Повонзкахъ. При жизни получалъ пенсіонъ, по чину полковника, перешедшій и на вдову его, которая получала этотъ пенсіонъ до конца 1831 года (Pamiętniki z ośmnastego wieku, Poznan. 1860).

22) Умеръ въ казематѣ Варшавской Александровской цитадели въ Августѣ 1863, не сообщая ничего важнаго.

Партія Юргенса считала невозможнымъ дойти до какихъ либо результатовъ путемъ красныхъ, точно также не видала спасенія и въ медленныхъ, вялыхъ работахъ бѣлаго лагеря. Она создала свои особыя принципы, которые Авейде излагаетъ такъ:

„Польша не погибла, и всякому Поляку необходимо желать ея возстановленія посредствомъ революціи; но эта революція должна быть вѣнцомъ долгихъ трудовъ и работъ, веденныхъ осторожно и благоразумно. Стремленіе къ революціи какой-нибудь, состряпанной на скорую руку, — преступно... Единственный путь, который можетъ быть избранъ разсудительными заговорщиками, есть путь разнообразныхъ льготъ и уступокъ, какія только удастся иному ловкому патріоту завоевать у правительства въ благопріятную минуту, и затѣмъ—помощь или хотя вліяніе Европы. Ссориться съ правительствомъ, а равно и питать къ нему чувства слѣпой ненависти и отвращенія, отнюдь не слѣдуетъ; а напротивъ, стараться быть съ нимъ въ возможно-лучшихъ отношеніяхъ, смотрѣть на него, какъ на силу, соединенную съ судьбами народа, съ которою идти въ открытый бой нельзя, но эксплоатировать которую всегда можно... Отъ предлагаемыхъ должностей не только не отказываться, какъ это дѣлаютъ нерѣдко бѣлые, но всемѣрно искать ихъ, добиваться, хватать обѣими руками. Ничуть не задерживать и не парализировать полезныхъ нововведеній, а всячески облегчать имъ ходъ. Работая такимъ образомъ, постоянно помнить о революціи и считать ее заключительнымъ и даже неизбѣжнымъ финаломъ всего, послѣднимъ актомъ драмы... а потому — готовить матеріальныя средства, какъ и кому придетъ въ голову, и внимательно слѣдить за событіями въ Европѣ“.

Но *проповѣдь*, *принципы* и *дѣло* — совсѣмъ не одно и тоже. Какъ ни безумны, повидимому, ни порывисты, ни молоды были *Академики* Маевскаго, но все таки въ нихъ было больше *революціоннаго дѣла* на всякій опытный взглядъ,

больше, нежели въ комъ-нибудь изъ тогдашнихъ партій Варшавы. Еслибъ *Юргенчиковъ* (какъ звали этотъ кружокъ тѣ, кто объ немъ зналъ) оставить на произволъ судьбы и не подталкивать, изъ нихъ образовался бы, безъ сомнѣнія, тотъ же невинный, способный на одни праздныя сходки, кружокъ чисто-бѣлыхъ „будователей“ (какъ ихъ прозвалъ одинъ Русскій писатель), „миллинеровъ“ (какъ ихъ называлъ Мирославскій), т. е. такихъ заговорщиковъ, которые растягиваютъ революціонныя работы на *тысячу* лѣтъ.

Это могло случиться даже, пожалуй, и съ кружкомъ Янковскаго, такъ какъ его краснина́ были люди болѣе или менѣе степенные, съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ положеніемъ въ обществѣ,—люди, кому было что̀ терять, не молокососы, не smarkate Маевскаго, готовые когда угодно въ огонь и въ воду, именно потому, что они smarkate.

Это понималъ лучше всѣхъ самъ Янковскій. Его бѣсило одинаково и праздное разглагольствованіе Юргенчиковъ, и недостаточная отвага своихъ, и безтолковое метаніе изъ стороны въ сторону ребятъ Маевскаго, очень плохо знавшихъ *какъ дѣлаются эти дѣла*, а только настораживавшихъ уши по направленію къ Западу: что̀ прилетитъ оттуда; и если что́ прилетало, ребята бросались со всѣхъ ногъ исполнять, не зная, хорошо это, или дурно, идетъ или не идетъ къ минутѣ. Необходимо было, для пользы общей, стакнуться, слиться всему, что̀ живо и горячо. Янковскій сдѣлалъ прежде всего движеніе къ кружку Юргенса; но, по внимательномъ разсмотрѣніи, увидѣлъ въ немъ просто-за-просто бѣлыхъ, какъ всѣ бѣлые, миллинеровъ Мирославскаго. А Юргенсъ увидѣлъ въ Янковистахъ необузданную краснину. Янковскій требовалъ дѣйствій, между прочимъ посылки въ разные пункты агентовъ; Юргенсъ находилъ всякія дѣйствія пока невозможными и рекомендовалъ выжиданіе болѣе благопріятныхъ минутъ, которыя, по его мнѣнію, должны были скоро наступить.

Янковскій, послѣ нѣсколькихъ сходокъ депутатовъ обѣихъ партій, прекратилъ переговоры съ Юргенчиками и обратился къ *смаркатымъ* [23]).

Положено бы также „выбрать депутатовъ“. Мѣстомъ сходбища назначена квартира Маевскаго, на Хмѣльной улицѣ, въ домѣ № 1531. *Академики* выставили слѣдующихъ представителей своего кружка (пріобрѣтшаго за послѣдніе дни нѣсколько ратниковъ внѣ своихъ школьныхъ стѣнъ): собственно отъ академіи—братьевъ Франковскихъ, Станислава, Ивана и Льва (тогда только что поступившихъ въ академію), отъ художественной школы—Карла Новаковскаго, отъ города: архитектора Рафаила Краевскаго; литераторовъ: Ивана Банземера (Берлинскаго студента) и Левенгардта (Краковскаго студента).

Съ Янковскимъ явились: сотрудникъ Польской Газеты Болеславъ Денель, товарищъ Мирославскаго по возстанію 1848 года, и молодые помѣщики: Станиславъ Кршеминскій и Юліанъ Верещинскій.

Послѣ шумныхъ и довольно безпорядочныхъ толковъ, депутаты кружковъ постановили: образовать *комитетъ* — и онъ образованъ, большинствомъ голосовъ, изъ слѣдующихъ лицъ: Янковскаго, Денеля, Кршеминскаго и Верещинскаго съ одной стороны; съ другой взятъ только одинъ Маевскій, въ должности казначея.

Это былъ прародитель извѣстнаго *Центральнаго Комитета*. Засѣданія открылись (въ квартирѣ Янковскаго, на Маршалковской) съ того же дня, который опредѣлить въ точности трудно; вообще: въ концѣ 1859 года.

Члены раздѣлили между собою занятія, каждый соотвѣтственно своему положенію и связямъ. Денель, бывшій соратникъ Мирославскаго, взялъ на себя переписку съ нимъ и съ Куржиной; Верещинскій, бывшій студентъ Кіевскаго университета — сношенія съ Русью (т. е. съ губерніями Кіевской, Волынской и Подольской); Левенгардтъ съ Крако-

---

[23]) Все это по показаніямъ Маевскаго.

вомъ и съ Галиціей; Банземеръ—съ Берлиномъ; Кршеминскій сдѣланъ библіотекаремъ.

Прибывшій вскорѣ послѣ этого въ Варшаву студентъ Бреславскаго университета Адамъ Протъ Аснык былъ также принятъ въ лоно соединившихся кружковъ Маевскаго и Янковскаго (которые въ строгомъ смыслѣ никогда вполнѣ не сливались) и сталъ переписываться съ Познанскимъ Княжествомъ [24]).

Въ чемъ состояли сношенія новорожденнаго комитета съ Европой, мы не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, это былъ шагъ красной партіи впередъ. Юргенчики поблѣднѣли, отодвинулись назадъ; часть ихъ даже перебѣжала подъ крыло краснаго комитета. Наступала пора дѣтей и безумцевъ, какъ ихъ поминутно честили въ противоположномъ лагерѣ, „этихъ слабыхъ, младшихъ политиковъ сердца“, какъ зоветъ ихъ Авейде, къ нимъ же принадлежавшій.

Настроеніе Европы въ слѣдующемъ 1860 году сильно помогло развитію революціонныхъ идей Польши. „Познанцы начинали парламентскую борьбу со своимъ правитель-

---

[24]) Объ этомъ Аснык разсказывали потомъ, что онъ явился въ Варшаву во главѣ особаго общества *Черныхъ Братьевъ* «подымать народный духъ и приводить Варшаву въ состояніе воспріимчивости ко всему конспиративному и въ послушаніе агитаторамъ».

Можетъ-статься, и было что-нибудь такое; но по тѣмъ письменнымъ и печатнымъ источникамъ, которыми мы располагали и которые считаемъ пока лучшими матерьялами для возстанія 1863 года, не видно существованія подобнаго кружка отдѣльно отъ Янковскаго и Маевскаго. Послѣдній, а равно и Авейде, несомнѣнно могшіе знать хорошо о главныхъ дѣятеляхъ того времени, говорятъ, что Аснык былъ только лицомъ непосредственно сносившимся съ комитетомъ и между прочимъ учреждателемъ немного послѣ разныхъ мелкихъ манифестацій. Янчевскій замѣчаетъ, что общество *Черныхъ Братьевъ* хотѣлъ было основать (для уничтоженія явившихся позже Делегатовъ) нѣкто Аполлонъ Крыжановскій; но такъ какъ его въ Варшавѣ плохо знали, то приняли за шпіона и арестовали, разъ ночью, академики Прагловскій и Урбановичъ, когда онъ имъ грозилъ пистолетами, и привели въ Клубъ къ Делегатамъ, а тѣ отослали въ Ратушу. Янчевскій утверждаетъ, что общество *Черныхъ Братьевъ* поэтому и не образовалось.

ствомъ и съ Нѣмецкимъ элементомъ. Краковская молодежъ требовала преподаванія наукъ въ Ягеллонскомъ университетѣ на Польскомъ языкѣ. Затѣмъ императорско-австрійскіе патенты о провинціальныхъ сеймахъ и вообще перемѣна политики въ Австріи. Депутація Смолки въ Вѣну, депутація Силезцевъ и совѣщанія провинціальныхъ сеймовъ, борьба избирательная и сеймовая между партіями аристократической и демократической съ одной стороны, и между народностями Польской и Русинской — съ другой“ [25]).

Эмиграціонная литература, вслѣдствіе заботъ объ ней разныхъ вождей заграничныхъ Польскихъ партій, закипѣла бо́льшею дѣятельностью. Изъ выходившихъ тогда за границею Польскихъ газетъ и листковъ можно упомянуть о слѣдующихъ: Wiadomosci Polskie [26]), Demokrata Londynski [27]), Dziennik Poznański, Nadwiślanin, Czas, Przegląd Powszechny, Dziennik literacki.

Солиднѣйшимъ, какъ кажется, былъ Czas, что́ значитъ *Время*,—Times Поляковъ.

Возникшія въ Россіи Русскіе либеральные кружки, съ ихъ подземной литературой, какъ ни были въ сущности ничтожны, — все-таки породили въ красной половинѣ Варшавы и Польши кое-какія лишнія надежды. Офицерскій кружокъ Домбровскаго представлялся этимъ мечтателямъ чуть не заговоромъ цѣлой Русской арміи.

Еще больше шуму и надеждъ произвела въ красныхъ Полякахъ высадка Гарибальди въ Марсалѣ (въ началѣ Мая по н. ст. 1860). Ставъ диктаторомъ Неаполя, *ангелъ революціи* обѣщалъ будто-бы сформировать какой-то *международный легіонъ* (legion internationale), командованіе которымъ хотѣлъ поручить Мирославскому. Объ этомъ говорили—въ

---

[25]) Авейде. I, 251.

[26]) Органъ умѣренныхъ демократовъ, по замѣчанію Авейде.

[27]) По его же замѣчанію, бездарное наслѣдіе Централизаціи Демократическаго Общества.

Варшавѣ съ утра до ночи всѣ кружки. Сборища у Янковскаго сдѣлались такъ шумны и часты, что возбудили вниманіе полиціи. Янковскій счелъ за лучшее скрыться за границу. Авейде говоритъ, что этотъ побѣгъ главнаго вождя красныхъ имѣлъ цѣлію переговоры съ Мирославскимъ относительно „Гарибальдійскаго легіона“ и о подробностяхъ по соглашенію этого проекта съ дѣйствіями революціонеровъ въ краѣ. Другіе-же называютъ побѣгъ Янковскаго простымъ побѣгомъ со страху.

Какъ-бы то ни было, съ Янковскимъ утрачивалась нѣкоторая степенность кружка. Янковскій велъ, правда, дѣло краснó; а все-таки умѣрялъ порывы иныхъ черезъ-чуръ нетерпѣливыхъ, которые были готовы идти въ бой хоть завтра. Онъ не пускалъ *такихъ* засѣдать въ *комитетъ*, при обсужденіи важныхъ вопросовъ, когда число членовъ комитета какъ-то постоянно увеличивалось. Безъ него же — ворота открылись, и члены комитета увидѣли своими безсмѣнными товарищами господъ Франковскихъ, Новаковскихъ, Целецкихъ... у кого на умѣ и на языкѣ только и было, что „манифестаціи, желаніе выразить чѣмъ-нибудь неудовольствіе Москвѣ“, и это считали они шагомъ впередъ, а всякое выжиданіе—самоубійствомъ.

Напрасно умѣренная часть партіи: Денель, Банземеръ, Маевскій и нѣкоторые другіе представляли не то, что комитету, а ужъ чуть не цѣлой академіи, что „это еще рано“, что „нѣтъ надлежащей подготовки умовъ въ городѣ“— ребята думали другое и только ждали случая открыть свои дѣйствія.

Когда нетерпѣливо ждутъ случая, онъ является. На ловца, какъ говорятъ, звѣрь бѣжитъ. 10-го Іюля ст. ст. того же 1860 года, умерла вдова генерала Совинскаго, который, при штурмѣ Варшавы нашими войсками въ 1831 году, защищалъ предмѣстье Волю и палъ, пробитый нѣсколькими пулями, у алтаря маленькой церкви, донынѣ стоящей за Вольской заставой.

Академики и художественная школа собрали на эти похороны значительную толпу. Когда гробъ былъ вынесенъ, „предводители“ бросились и оборвали шлейфъ (ogon), который выставляется вонъ изъ гроба на похоронахъ богатыхъ и значительныхъ лицъ женскаго пола. Этотъ шлейфъ былъ разорванъ на мелкіе клочки: потомъ оборваны даже и самые позументы, и все это роздано на память народу, какъ бы нѣкія реликвіи. Послѣ того раздавались народу какія-то вѣтви. Гробъ отнесенъ на кладбище на рукахъ студентовъ. Когда пасторъ (Совинская была Евангелическо-реформатскаго исповѣданія), говоря нагробное слово, назвалъ покойницу: „вдовою полковника [28])“—толпа крикнула: „генерала!“

Эту манифестацію считаютъ обыкновенно *первою манифестаціею* описываемаго нами возстанія. Намѣстникъ приказалъ отнестись къ ней какъ къ дѣтской шалости, а потому ни-арестовъ, ни преслѣдованій не было [29]).

Это конечно поощрило Академиковъ къ дальнѣйшимъ опытамъ въ томъ же родѣ.

Передъ съѣздомъ союзныхъ монарховъ въ Варшаву, осенью того же года, распространенъ по городу такой плакатъ:

„Вскорѣ Варшава увидитъ въ своихъ стѣнахъ трехъ вороновъ, которые растерзали наше отечество. Братья! Это важная минута въ исторіи нашихъ несчастій. Съѣздъ ихъ вѣроятно не останется безъ вліянія на нашу горькую судьбу и мы увидимъ, можетъ быть, новую программу дѣйствій, которыя, подъ личиной спасительныхъ реформъ, устремятся къ совершенному уничтоженію нашей народности.

---

[28]) Совинскій для Русскаго правительства былъ дѣйствительно только полковникомъ, а въ генералы произведенъ революціей 1830 года.

[29]) Незадолго до этого погребенія было прислано въ край воззваніе Мирославскаго, на тонкой зеленевой бумагѣ, съ подписями: Jenerał Ludwik Mierosławski, sekretarz Jan Kuržyna. Кончалось словами: niech żyje Polska! Smierć lub zwycięstwo!

Эту брошюру продавали передъ похоронами Совинской по рублю за экземпляръ.

Съѣздъ ихъ, кромѣ того, имѣетъ еще и другую цѣль, не ведущую конечно ни къ чему великому. Эти драконы поклялись взаимно идти противъ всего справедливаго. Поляки! Понимаете ли вы злобныя намѣренія нашихъ враговъ? Пришла минута, когда прежняя столица Великой Рѣчи Посполитой должна выказать все презрѣніе и ненависть, какими проникнуто сердце каждаго Поляка въ отношеніи къ этимъ святотатцамъ, которые посягнули на права Божіи, на свободу и независимость нашего отечества. Поляки! Не упускайте изъ виду этого случая: да уподобится нашъ городъ, во время пребыванія ихъ въ немъ, черному гробу, обитому чернымъ сукномъ; да напоминаетъ онъ имъ, на всякомъ шагу, ихъ преступленія; да одѣнется всякое веселіе саваномъ смерти. Поляки! Къ намъ взываетъ о томъ духъ прошедшаго величія нашего и тысячи братьевъ нашихъ, павшихъ при оборонѣ отчизны!“

По съѣздѣ монарховъ, болѣе красная часть академическаго кружка позволила себѣ нѣсколько самыхъ неприличныхъ манифестацій.

Напримѣръ, при закладкѣ Государемъ новаго моста чезъ Вислу, $^{9}/_{21}$ Октября, такъ-называемые лобузы (уличные ребятишки разнаго возраста) научаемые манифестаторами, рѣзали дамскія платья ножницами и обливали купоросомъ.

А вечеромъ того же дня, при появленіи монарховъ въ театрѣ, на представленіи новаго балета *Маднярки* или *Парижскій карнавалъ* (шедшаго въ первый разъ), спущены были изъ райка какіе-то пузырьки съ вонючею жидкостію, которая наполнила воздухъ такимъ отвратительнымъ запахомъ, что публика должна была выйти вонъ [30]).

Потомъ на всѣхъ иллюминаціяхъ, устраиваемыхъ городомъ въ честь высокихъ гостей, лобузерія гасила плошки. Платья гуляющихъ страдали отъ купороса и ножницъ.

---

[30]) Даже былъ перепачканъ бархатъ въ царской ложѣ. Его пришлось ободрать и наклеить свѣжій передъ пріѣздомъ монарховъ.

Полиція, въ которую начиналъ уже проникать развратъ, смотрѣла на подобныя зрѣлища, большею частію, сквозь пальцы, очень рѣдко кого-либо арестуя. Слѣдствіе, наряженное по поводу вонючихъ пузырьковъ, не открыло ничего. Между самими бѣлыми проявились охотники и охотницы дѣлать маленькія манифестаціи. Въ театрахъ любителей, артисты, лица высшаго круга, позволяли себѣ разныя вставки, съ намеками на ошибки и дурныя стороны правительства [31]).

На одномъ маскерадѣ, въ театральныхъ залахъ, называемыхъ въ Варшавѣ *редутовыми* (т. е. залами для увеселеній) помѣщикъ Залусковскій явился *невольникомъ въ цѣпяхъ*, и взятъ подъ стражу.

Потомъ произошло еще нѣсколько арестовъ. Ребятёжь была испугана. *Комитетъ* (точнѣе предводительствующая кучка) распался на двѣ части: бѣлыхъ и красныхъ. Бѣлые требовали совершеннаго прекращенія манифестацій; красные говорили, что это значитъ „обрѣзать нити, которыя уже не надвяжешь“. Кончилось тѣмъ, что бѣлые, съ Маевскимъ во главѣ, пристали къ партіи Юргенса, а Кршеминскій и Верещинскій даже бѣжали изъ Варшавы, первый въ Гейдельбергъ, одинъ изъ тогдашнихъ притоновъ Польской и всякой революціонной молодежи; другой въ Кіевъ.

Денель далъ знать объ этомъ происшествіи Мирославскому, и тотъ прислалъ немедля въ Варшаву расторопнаго агента, Франциска Годлевскаго „возстановить порядокъ въ красномъ лагерѣ.“ [32])

---

[31]) Аведе, II, 3.

[32]) Изъ сочиненія А. Гуттри: Pan Ludwik Miérosławski, jego dzieła i działania, 1870, видно, что въ то время шли какія-то работы и чисто-бѣлой партіи Царства Польскаго, не желавшей отнюдь допускать Мирославскаго въ главные вожди возстанія, еслибъ таковое возникло. Мирославскій, по словамъ Гуттри, сильно упалъ во мнѣніи всѣхъ солидныхъ Поляковъ послѣ событій 1846 года. 1848-й годъ нѣсколько по-

Годлевскій составилъ, при содѣйствіи Денеля и Ивана Франковскаго, *Новый Комитетъ* красныхъ, подъ названіемъ *Комитетъ Янковскаго*, какъ первоначальнаго ихъ предводителя, котораго они надѣялись вскорѣ увидѣть опять въ стѣнахъ Варшавы. Дѣйствительно, немного позже (въ Декабрѣ 1860) онъ отправился въ Польшу, но былъ арестованъ, по какому-то подозрѣнію, Австрійцами, содержался нѣсколько времени въ Краковѣ и послѣ переданъ въ руки Русскихъ властей.

Отпавшая передъ тѣмъ часть красныхъ и нѣкоторые Юргенчики, а также и самъ Юргенсъ, смотря на возникающій вновь „Содомъ и Гоморъ“ заговора, боялись, чтобы не произошло изъ этого чего-либо вреднаго ихъ общему дѣлу, вреднаго безвозвратно; а потому рѣшили искать сближенія съ Денелемъ и Годлевскимъ. Эти тоже были не прочь сойтиться съ прежними товарищами, тѣмъ болѣе, что чрезъ это выигрывался Маевскій, имѣвшій много пріятелей въ городѣ, готовыхъ на все. Да и вообще онъ былъ нѣкоторая сила. Предложены взаимныя условія, на какихъ могло послѣдовать примиреніе. Умѣренные красные, съ Юргенчиками, державшими ихъ руку, требовали, чтобы *Комитетъ Янковскаго*, несмотря на вражду, которую питаетъ ко всему шляхетскому, помогалъ, чѣмъ случится, *Земледѣльческому Обществу*, въ его патріотическихъ работахъ, какими бы онѣ кому ни казались.

А красные, т. е. Денель съ товарищами, желали, чтобы манифестаціи отнюдь не прекращались, ибо это былъ (по мнѣнію большинства обѣихъ половинъ) *единственный путь, которымъ можно до чего-либо дойти.*

Условія эти приняты, и стороны сошлись. Впрочемъ, фактически они не расходились совсѣмъ никогда, какъ это

правилъ его репутацію, но потомъ онъ снова упалъ. Въ 1860 году Мирославскій, по увѣренію Гуттри, самъ навязалъ себя въ начальники и руководители движенія. Прибытіе отъ него агентовъ въ край Гуттри называетъ самовольствомъ, породившимъ анархію.

вообще бываетъ съ Польскими партіями. Ихъ шумныя сборища у того или другаго вліятельнаго лица представляли не разъ точно такое же слитіе, представляли тѣ сцены, какія нами уже очеркнуты при описаніи первоначальныхъ политическихъ кружковъ эмиграціи тотчасъ послѣ 1831 года. Отсюда проистекаетъ иногда небольшая разница въ изложеніи этого предмета очевидцами: однимъ кажется, что партіи тогда-то сходились; другимъ, что только вмѣстѣ кутили по праздникамъ.

Какимъ образомъ *Комитетъ Янковскаго* [33]) помогалъ Земледѣльческому Обществу, если только помогалъ (какъ это требовалось условіями соединившихся партій), мы не знаемъ. Но дѣйствія другой, манифестаціонной половины выступили на видъ очень ярко. Лобузерія, по командѣ *Академиковъ*, поминутно колотила стекла въ домахъ лицъ, гдѣ давались какіе-либо оффиціальные вечера. Главными распорядителями по этой части были воспитанники разныхъ Варшавскихъ гимназій: Козубскій, Ячевскій и Снѣгоцкій. Полиція къ этому времени уже такъ развратилась, что ни одинъ изъ этихъ командировъ лобузеріи *ни разу* не попалъ подъ арестъ. Они взяты гораздо позже, въ 1863 году, при графѣ Бергѣ, когда пошла общая переборка.

Русскія вывѣски были безнаказанно срываемы съ магазиновъ среди бѣла дня. Если хозяинъ начиналъ звать полицію, къ нему врывалась толпа лобузовъ и производила разныя дебоширства.

Городская почта сдѣлалась орудіемъ пересылки ругательныхъ писемъ обывателямъ, которые почему-либо не нравились красной партіи.

Отчего (спросятъ иные очень естественно) дремала въ это время до такой степени высшая власть и не отдавала рѣшительныхъ приказаній войскамъ, патрулямъ—уст-

---

[33]) Состоялъ въ то время, какъ кажется, изъ слѣдующихъ лицъ: Денеля, Годлевскаго, Маевскаго, Банземера и Левенгардта.

ранять замѣчаемые въ улицахъ безпорядки; почему дозволялось полиціи быть такою, какою она была? Все это вопросы, на которые отвѣчать теперь трудно. Ихъ разрѣшитъ только будущее.

Во всякомъ случаѣ, это были минуты весьма важныя для заговора, собственно говоря, еще не имѣвшаго права носить такое имя. Дѣйствительнаго заговора все еще не было. Все еще только баловались мальчишки разныхъ возрастовъ, и унять ихъ тогда правительству ничего не стоило. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлано, и шалости перешли къ серьозному.

Въ памятный для Польши день возстанія 1830 года, $^{17}/_{29}$ Ноября, Академики рѣшили учредить небольшую манифестацію въ видѣ опыта, чтобы узнать, какъ отнесется къ этому правительство.

Мѣстомъ для этой пробной манифестаціи былъ избранъ одинъ изъ отдаленныхъ костеловъ, именно Кармелитовъ [34]) на Лешнѣ, гдѣ наблюденіе полиціи не такъ сильно: въ концѣ улицы даже почти не видно такъ-называемыхъ *стойковыхъ* [35]).

Въ 12 часу утра, въ сказанный день, собралось туда множество *Академиковъ*, ремесленниковъ и всякаго празднаго народа, помоложе и покраснѣе, кто началъ уже революціонно просвѣщаться—всякими толками, патріотическими пѣснями; стихами, портретами давнихъ героевъ Польши, что распространялось краснымъ кружкомъ поминутно, въ литографированныхъ экземплярахъ, по всему городу, не встрѣчая особеннаго препятствія со стороны полиціи. Очень много портретовъ Костюшки и Килинскаго было роздано и тутъ. Затѣйники подбивали-было ксендза произнести патріотическую, соотвѣтственную минутѣ, проповѣдь; но онъ

---

[34]) Кармелиты, имѣющіе обувь (trzewiczkowi). Кармелиты на Краковскомъ предмѣстьѣ носятъ названіе босыхъ (karmelici bosi).

[35]) У насъ городовой-*стойковый* (stojkowy). Разумѣется, происходитъ отъ *стоять*; стойковый—это полиціантъ, обязанный *стоять* на ногахъ, прохаживаться на извѣстномъ пунктѣ улицы, гдѣ его поставили.

не согласился. Все же остальное: раздача портретовъ, особыя одушевленныя молитвы, сошло съ рукъ совершенно-благополучно. Весь тотъ день однако манифестаторы поглядывали вопросительно на Русскихъ: „Что́ они думаютъ? Знаютъ они, или не знаютъ о томъ, что́ произошло на Лѣшнѣ и кто́ этимъ распоряжался?“

Русскіе *ничего не знали.* Когда партія въ этомъ убѣдилась, рѣшено повторить манифестацію вечеромъ того же дня, сдѣлать ее какъ-слѣдуетъ, открыто, безъ всякой церемоніи съ полиціей, чтобы видѣлъ уличный народъ и выразилъ сочувствіе или несочувствіе.

Болѣе всего на этомъ настаивалъ неукротимый, чисто-начисто безумный фанатикъ, Карлъ Новаковскій, пользовавшійся нѣкоторымъ вліяніемъ въ кружкѣ и довольно извѣстный въ городѣ по своему патріотизму и готовности на все въ любую минуту. Урезонивать его, когда онъ начиналъ говорить о необыкновенномъ значеніи манифестацій, было очень трудно, да можетъ и некому въ то время. Большинство, подъ вліяніемъ утренней манифестаціи, хотѣло повторенія такихъ сценъ, забывши всякое благоразуміе, забывши, что́ недавно говорилось, повидимому очень-серьозно, на засѣданіяхъ комитета въ противность манифестаціямъ. Утренняя шалость была для этого горячаго народа рюмкой водки передъ обѣдомъ, раздражившей апетитъ и требовавшей обѣда. Новаковскій взялся его подать, выступилъ полнымъ хозяиномъ этого дѣла. По его командѣ, часовъ въ 6, въ 7 вечера, собралась огромная толпа народа передъ статуей Богоматери, на той же улицѣ Лешнѣ; принесенъ столъ, зажжены лампады, и когда молящіеся пали на колѣни, Новаковскій, дѣтина высокаго роста, съ голосомъ какъ труба, „дернулъ“ (да позволитъ намъ читатель это слово) Bóże coś Polską, старый, забытый всѣми гимнъ двадцатыхъ годовъ, написанный Алоизіемъ Фелинскимъ, авторомъ нѣсколькихъ подобныхъ стихотвореній [36]). Впечат-

[36]) Въ началѣ существовало только четыре куплета, которые при государѣ Александрѣ Павловичѣ пѣли вездѣ открыто. Позже добавлено,

лѣніе было необычайное: у всѣхъ присутствующихъ полились слезы.

Это было *первое* „Boże coś Polskę“ этого возстанія [37]). Затѣмъ пропѣты: „Z dymem pożarów“ „Boże ojcze, Twoje dziecі“, и нѣкоторыя другія, а въ заключеніе раздалось, по увѣренію иныхъ: „Jeszcze Polska nie zginęła“.

При этомъ снова разбросано множество портретовъ Килинскаго и Костюшки и печатныхъ тетрадей съ народными гимнами и пѣснями [38]).

И эта манифестація сошла съ рукъ благополучно. „Полиція совершенно равнодушно на все это смотрѣла“, пишетъ Авейде [39]).

не извѣстно кѣмъ, еще нѣсколько куплетовъ. Брошюра Ruch Polski 1861 говоритъ, что былъ куплетъ съ именемъ Мирославскаго. Вѣроятно тѣ куплеты, которые распространены въ Вильнѣ передъ $^{17}/_{29}$ Ноября 1861 года. (Сигизмундъ Сѣраковскій, брошюра Н. Цылова, Вильна 1867, стр. 20—21.)

Boże coś Polskę, «Боже, который Польшу»... Дальше слѣдуютъ слова: «окружалъ, въ теченіи столькихъ вѣковъ, блескомъ могущества и славы!»

Вольный стихотворный переводъ гимновъ: Boze coś Polskę u Z dymem pożarów помѣщенъ въ Библіотекѣ для Чтенія 1864, Февральская книжка, стр. 19—21.

Музыка для Jeszcze Polska nie zginęła написана Войтехомъ Совинскимъ, въ Варшавѣ. Незадолго до взятія Варшавы въ Августѣ 1831, данъ былъ концертъ въ пользу Поляковъ, принесшій 20 т. франковъ. Оркестромъ управлялъ Рабенекъ, и тутъ Совинскій въ первый разъ исполнилъ арію: jeszcze Polska nie zginęła.

[37]) Въ Вильнѣ пропѣты Boże coś Polskę въ первый разъ въ каѳедральномъ костелѣ, во время литургіи, которую совершалъ Виленскій епископъ Красинскій,—8 Мая 1861, въ день св. Станислава.

[38]) Печатаніемъ всего этого занимались преимущественно братья Франковскіе. Тогда же отпечатаны Adwent Polski (Рождественскій постъ) и воззваніе къ народу о подчиненіи возстанія генераламъ Высоцкому и Мирославскому.

[39]) II, 4.—Подробности манифестаціи Новаковскаго взяты нами изъ Записокъ Авейде. Далѣе — сколько по его словамъ, столько же и по свидѣтельству Маевскаго, съ добавленіемъ свѣдѣній отъ знакомыхъ автору Поляковъ и Полекъ.

Манифестаторы рѣшились подвинуться къ центру города. Чрезъ недѣлю съ небольшимъ, толпа учениковъ реальной гимназіи, младшаго возраста, собралась въ костелѣ Бернардиновъ на Краковскомъ предмѣстьѣ и отслужила панихиду по убіеннымъ Полякамъ 1830—1831 годовъ, причемъ пропѣто нѣсколько патріотическихъ гимновъ.

Это собственно была только проба, balon d'essai красной партіи: нарочно пущены ребятишки и, какъ дѣйствительные ребятишки, не привлекли ничьего вниманія. Арестовъ не послѣдовало. Но когда манифестація была повторена старшимъ возрастомъ, съ прибавленіемъ городскаго элемента, подъ командой Асныка, у Св. Креста (тоже на Краковскомъ предмѣстьѣ)—произошли аресты. Аснык и многіе изъ его пріятелей посажены въ цидатель [40]).

Весь городъ заговорилъ о манифестаціяхъ. Благоразумнѣйшіе изъ гражданъ, можно сказать, все бѣлое города, требовали отъ вождей красной партіи (которые, болѣе или менѣе, были извѣстны всѣмъ *патріотамъ*), чтобы они прекратили безпорядки, угрожавшіе „солиднымъ работамъ“ заговора, который шелъ вообще недурно. Красная партія, вслѣдствіе такихъ заискиваній оттуда, откуда къ ней не доносилось ничего, кромѣ явнаго пренебреженія и ругательства, почувствовала родъ какой-то силы и сейчасъ же сбилась съ толку совершенно по дѣтски. Отвѣтъ ея бѣлымъ былъ таковъ, что она „положитъ немедля предѣлъ манифестаціямъ, если только Земледѣльческое Общество рѣшится на подачу всеподданнѣйшаго адреса, не спрашивая Намѣстника. Въ адресѣ этомъ высказать если не жалобы на безхарактерное управленіе Польшей, то хоть заявленіе о необходимости, въ ту минуту, самыхъ существенныхъ реформъ, отвѣчающихъ духу времени и задуманнымъ въ Имперіи чрезвычайнымъ преобразованіямъ. Если же этого не послѣдуетъ, вожди не станутъ удерживать молодежъ, и ма-

---

[40]) Аснык вскорѣ освобожденъ и бѣжалъ со страху за границу, откуда уже не возвращался.

нифестаціи пойдутъ за манифестаціями, вслѣдствіе чего все можетъ-быть, станетъ вверхъ ногами; но кто будетъ въ этомъ виноватъ, рѣшить трудно. Вожди красныхъ заранѣе умываютъ руки".

Часть бѣлой партіи покраснѣе, словомъ, такіе же сбившіеся съ толку ребята, забывшіе, что ихъ сила есть сила чисто отрицательная, заключавшаяся въ слабости правительства, что выйди правительство хоть чуть изъ роли, которую къ общему удивленію играло, и эта сила сейчасъ бы обратилась въ нуль,—часть такой бѣлой партіи готова была согласиться на требованія красныхъ: написать что-нибудь грозное въ Петербургъ; попросить, напримѣръ, введенія *Органическаго Статута* [41]); Но другая половина бѣлыхъ, посолиднѣе, пока еще не сбившаяся съ толку, нашла необходимымъ отказать краснымъ напрямикъ, и въ случаѣ, еслибъ они выступили противъ братьевъ и ихъ работъ враждебно, выдать ихъ правительству головою.

Таково было рѣшеніе бѣлыхъ въ первую минуту; но, обсудивъ дѣло подробнѣе, всмотрѣвшись какъ слѣдуетъ въ то, что̀ сидѣло тогда въ Варшавѣ на мѣстѣ правительства, —бѣлый лагерь передалъ краснымъ, что Земледѣльческое Общество подвергнетъ предложенные ему вопросы обсужденію на общемъ съѣздѣ всѣхъ членовъ, на *вальномъ* такъ сказать, *сеймѣ*, въ Январѣ 1861 года.

Это значило, для красныхъ, откладывать дѣло въ долгій ящикъ, дѣло, не терпящее отлагательства ни минуты; а потому положено идти прежней дорогой, куда бы она ни привела: *не прекращать манифестацій.* Вслѣдствіе испытаннаго уже настроенія публики къ подобнымъ зрѣлищамъ,

---

[41]) Такъ названа всемилостивѣйше дарованная, 14 Февраля 1832 г. Царству Польскому грамота, но послѣ заговора Заливскаго и прочихъ происковъ эмиграціи оставленная безъ исполненія, какъ бы не существовавшая. Первый, нашедшій возможность приступить къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ на основаніи *Органическаго Статута*, былъ, въ 1862 году, маркизъ Велепольскій.

предвидѣлась возможность устроить манифестацію на широкую руку, въ такихъ размѣрахъ, что полиція помѣшать ей будетъ не въ состояніи, еслибъ и захотѣла; но она, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не захочетъ. Столкновенія же съ войсками бояться нечего; оно, напротивъ, желательно: тогда Петербургъ догадается, безъ всякихъ адресовъ, что̀ надо дѣлать.

Необходимо замѣтить, что близь этого времени въ партіи Годлевскаго и Юргенса очутилось нѣсколько человѣкъ, о которыхъ весьма недавно нельзя было сказать, кто они такіе, какой именно масти. Это была вліятельная часть бюргеріи, люди живаго темперамента, люди довольно красные, но по своему положенію въ обществѣ и частію по лѣтамъ (многіе изъ нихъ были отцы семействъ, съ сильной просѣдью въ волосахъ), не могли дѣйствовать какъ мальчики и долго осматривались, куда имъ двинуться, къ кому пристать, при этомъ всеобщемъ кипѣніи, когда что-то такое творилось, къ чему ни одинъ Полякъ не имѣлъ права относиться безучастно. Бѣлая партія ихъ рѣшительно не удовлетворяла. Они находили возможнымъ только по-пріятельски съ нею ужинать и тогда говорили въ ея тонѣ, хоть мысли ихъ были гдѣ-то далеко. Партія противоположная казалась этимъ людямъ чѣмъ-то черезчуръ незрѣлымъ, заносчивымъ, дѣлающимъ вовсе не то, что̀ дѣлаютъ „солидные красные“. Время между тѣмъ бѣжало, бѣжало быстро, какъ никогда, и бюргерія увидѣла себя вдругъ лицомъ къ лицу съ явленіями, которыя отзывались уже не шуткой. А бѣлые были все тѣ же бѣлые, переступали шагъ за шагъ, также осторожно и лѣниво. Настала минута для выжидателей, когда уже нельзя было выжидать, а надо было дѣйствовать *тамъ* или *здѣсь*, и они, можетъ-статься, сильно скрѣпя сердце, очутились на сторонѣ молодежи. Этимъ партія красная пріобрѣла недоставшій для нея солидный городской элементъ, брала уже верхъ надъ своими соперниками; руки ея развязывались, горизонтъ дѣлался шире.

Едва ли эти вновь приставшіе желали продолженія манифестацій, но и возражали противъ этого также очень мало. Партія принялась самымъ серьезнымъ образомъ обдумывать манифестацію весьма крупныхъ размѣровъ, которая была бы *нѣчто*, была бы словомъ, произнесеннымъ Поляками Варшавы вслухъ и необинуясь передъ правительствомъ, была бы вызовомъ правительству стать лицомъ къ лицу съ народомъ.

Предводители разсуждали такъ: „Юргенсъ съ друзьями поставитъ на любую площадь двѣ тысячи человѣкъ. Остальное вліятельное кружка выведетъ не менѣе того. Вотъ уже четыре тысячи. Къ этому прибавитъ что-нибудь городъ. Такой толпы легко не арестуешь. Это не Аснык съ гимназистами у Св. Креста“[42]).

Когда все было обдумано какъ слѣдуетъ, старшіе кружка,—можетъ-быть главнѣйшимъ образомъ вновь приставшая къ нему бюргерія,—немного трухнули. Ясно было, что готовится, просто-на-просто, бой съ войсками. Чтобы отклонить отъ себя, сколь-возможно болѣе, отвѣтственность за послѣдствія, эти старшіе предложили еще разъ попытать счастья въ переговорахъ съ бѣлыми: не обойдется ли какъ-нибудь безъ всякихъ крайнихъ мѣръ, безъ жертвъ и пролитія крови? Отправлена новая депутація къ Земледѣльческому Обществу, съ подробнымъ изложеніемъ всего: что „манифестація-де готова, сидитъ на цѣпи какъ звѣрь, сто́итъ только спустить; притомъ манифестація не дѣтская. Ея не будетъ, если Общество отправитъ въ Петербургъ извѣстный адресъ, съ просьбою о введеніи Органическаго Статута. Сверхъ того должно еще просить радикальной перемѣны въ системѣ воспитанія и преобразованія академій въ университетъ“.

Земледѣльческое Общество на этотъ разъ отвѣчало, что всѣ эти вопросы очень скоро будутъ предложены на обсужденіе общаго собранія членовъ и, если оно найдетъ

---

42) Авейде.

малѣйшую возможность удовлетворить красныхъ, они будутъ удовлетворены.

Получивъ такой отвѣтъ, красная партія рѣшила подождать сказаннаго общаго собранія.

Пришелъ Январь (1861) и прошелъ. Помѣщики съѣзжались одинъ по одному... Между тѣмъ земля колыхалась подъ ногами у всѣхъ. Въ воздухѣ носились какіе-то особые, раздражающіе міазмы; было что-то лишнее. Всѣ ждали чего-то—не сегодня, завтра [43]).

Козубскій съ лобузеріей продолжалъ бить стекла. Наканунѣ новаго года разбиты стекла у предводителя дворянства, графа Урусскаго, за данный имъ балъ. Потомъ разбиты стекла у госпожи Кучинской, вдовы прежняго предводителя дворянства, тоже по причинѣ даннаго ею бала.

Какъ ни слабо наблюдало правительство за работами всѣхъ партій, однакожъ не могло не видѣть, что творится нѣчто недоброе и копаются подземныя мины. Полиціи приказано открыть, во что бы то ни стало, главныхъ руководителей. Указаны были, на первыхъ порахъ, Маевскій и Денель. Маевскаго арестовали 8-го Февраля н. ст. Вскорѣ затѣмъ арестовали и Денеля. Это потрясло кружокъ въ основаніяхъ. Ядро манифестаторовъ, потерявъ вождя, не хотѣло и слышать увѣщаній Комитета. Господа Новаковскіе кричали, что „еслибъ бѣлая зараза не проникла въ ихъ партію, не пропало-бъ столько времени въ напрасныхъ ожиданіяхъ неизвѣстно чего. Манифестація, koncert nad koncertami, давно бы грянула; манифестація, какой

---

[43]) Маевскій говоритъ, что въ это время хаоса, не поддающагося описанію, возникалъ какой-то *тріумвиратъ*, «который не былъ оффиціально-признаннымъ, высшимъ учрежденіемъ организаціи, а только частнымъ совокупленіемъ лицъ, состоявшихъ во главѣ различныхъ партій. Цѣлью его было—доведеніе народа, различными путями, до оппозиціи правительству, выраженіемъ коей должны быть явныя манифестаціи, а послѣдствіемъ—составленный потомъ общій народный заговоръ».

Авейде отвергаетъ существованіе *тріумвирата*.

еще и не видано. Правительство бы дало, что́ нужно, и Маевскій былъ бы съ ними!“

Юргенсъ, съ немногими ему вѣрными, увидѣли себя оставленными массою кружка. Манифестація стояла передъ ними во весь ростъ, неотразимая и безъ сомнѣнія такая, которая должна была вызвать столкновеніе народа съ войсками.

Поняли это и бѣлые, т. е. Земледѣльческое Общество и, не дождавшись полнаго съѣзда членовъ, открыли обѣщанное *общее засѣданіе*, $^{9}/_{21}$ Февраля. Но ничего въ пользу заявленій красной партіи тамъ не сдѣлано. Впрочемъ, удовлетворить въ ту минуту большинство красныхъ было крайне трудно. Юргенсъ, съ оставленными партіею, смотрѣлъ на все это, смотрѣлъ—и наконецъ присталъ къ манифестаторамъ. Такимъ образомъ весь прежній красный кружокъ сталъ работать заодно.

Сначала придумали было отслужить панихиду на Гроховомъ полѣ, въ день извѣстной битвы, $^{13}/_{25}$ Февраля.

Начальникъ 3-го жандармскаго округа Елшинъ сообщилъ князю Горчакову, что „готовится что-то къ 25 Февраля“. Тотъ призвалъ начальника тайной полиціи, маркиза Паулуччи, и спросилъ: что́ это?—Паулуччи объявилъ, что ничего нѣтъ и не будетъ. Горчаковъ разсердился на Елшина и наговорилъ ему непріятностей. Елшинъ чуть не подалъ въ отставку.

Объ этомъ стали говорить въ городѣ недѣли за двѣ. Увѣряютъ, что Горчаковъ спросилъ Петербургъ: Что́ дѣлать? Отвѣчали будто. „Пусть молятся за своихъ, а мы помолимся за нашихъ“. Объ этомъ толковали въ юномъ Русскомъ клубѣ. Какъ же это будетъ устроено? Эти два молебствія?.. За три дня пошелъ лёдъ, этимъ воспользовались и разбирали мостъ. Тогда Юргенсъ перенесъ дѣйствіе на *Старое Мѣсто*, это такъ сказать традиціонное сердце Варшавянъ“, по выраженію Авейде.

Есть что-то почтенное *въ цѣломъ* Варшавскаго Стараго Мѣста, т. е. „стараго города“. Здѣсь — *начало Варшавы, древняя Варшава.* Любитель старины проведетъ тамъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько пріятныхъ минутъ, и взоры его прикуются невольно къ этимъ узкимъ-преузкимъ домамъ глубокой древности; къ этимъ страннымъ окнамъ, съ украшеніями Богъ-вѣсть какихъ дней; къ этимъ завитушкамъ на фронтахъ и подъ крышами, и къ самымъ крышамъ необыкновеннаго фасона. Все это смотрѣло на всякія чудеса невозвратно-минувшихъ, славныхъ лѣтъ Польши; а потому каждый Полякъ, бѣлый онъ или небѣлый, иногда повидимому совсѣмъ обрусѣвшій, попавъ на Старое Мѣсто, невольно становится опять Полякомъ, опять патріотомъ, видитъ Богъ-знаетъ какіе сны,—и слеза виснетъ на его рѣсницѣ...

Русскіе могутъ припомнить на Старомъ Мѣстѣ, пожалуй, то, что здѣсь раздалось знаменитое въ нашей литературѣ *слышу* Тараса Бульбы...

Теперь Старое Мѣсто есть не что иное, какъ оживленный рынокъ, полный особыми, воздушными Жидовскими лавочками, съ разной пригородью, столами, скамейками и скамеечками, на которыхъ раскладывается и развѣшивается всякій немудрый товаръ новѣйшихъ Мардохеевъ. Крики ихъ и ихъ грязныхъ сожительницъ заглушаютъ тамъ все. Тамъ вѣчное движеніе. Жизнь кипитъ съ утра до ночи. По срединѣ площади возвышается знаменательная статуя *Сирены съ саблей*, гербъ Варшавы, украшающій всѣ городскіе колодцы и фонтаны. Статуя Сирены на Старомъ Мѣстѣ—тоже украшеніе фонтана.

Варшавяне очень любятъ свое Старое Мѣсто. Тѣ, кто тамъ живетъ, свыклись со своими квартирами и рѣдко покидаютъ ихъ. О Святой, около св. Яна и около св. Михаила, совершается обыкновенно передвиженіе жителей съ квартиры на квартиру; вездѣ замѣчается передвиженіе, не трогается только одно Старое Мѣсто.

Понятно теперь, почему такой человѣкъ, какъ Юргенсъ, послѣ встрѣчи препятствія вести людей на Грохово поле, обратился сейчасъ къ Старому Мѣсту.

Необходимо замѣтить, что къ числу руководителей манифестацій присоединился подъ-конецъ и Маевскій, выпущенный изъ цитадели 20 Февр. н. ст. Это придало манифестаціоннымъ работамъ болѣе живой характеръ.

Вся Варшава узнала о готовящейся манифестаціи. Объ ней говорили какъ о балѣ, который кто-либо даетъ въ городѣ. Всюду ходило по рукамъ слѣдующее печатное воззваніе:

„Взываемъ къ вамъ, братія, чтобы вы, какъ можно въ бо̀льшемъ числѣ, собрались, 25 сего Февраля, въ понедѣльникъ, въ половинѣ 6-го вечеромъ, на рынкѣ Стараго Мѣста, для торжественнаго обхода [44]) тридцатой годовщины побѣды Поляковъ подъ Гроховымъ".

Этотъ плакатъ не только раздавали проходящимъ, но и наклеивали по стѣнамъ домовъ такъ усердно и неосторожно, что одинъ наклеиватель, ученикъ художественной школы Бальцеръ, былъ пойманъ въ минуту самаго наклеиванія, и при немъ найдены баночка съ клейстеромъ и кисть.

Казалось, правительству ничего не сто̀итъ предупредить манифестацію: все было извѣстно, *гдѣ*, *какъ* и *что*. Въ рукахъ полиціи находилось не одно, а цѣлыя десятки, если не сотни, воззваній. Но князь Горчаковъ, вслѣдствіе неизвѣстныхъ покамѣстъ исторіи соображеній, не приказалъ дѣлать никакихъ розысковъ.

Полиція, видя такія непонятныя послабленія шалунамъ, и притомъ уже сильно развращенная, позволила посланнымъ отъ Юргенса и Маевскаго людямъ, за нѣсколько часовъ до манифестаціи, убрать съ рынка всю Жидовскую утварь:

---

[44]) Торжество съ участіемъ процессіи и вообще торжество. Мы оставляемъ это слово, какъ не имѣющее соотвѣтственнаго выраженія въ Русскомъ языкѣ.

лавочки, столы и скамейки. Къ вечеру повалилъ туда со всѣхъ концовъ народъ и когда наполнилъ собою всю площадь, *тогда только* явилась полиція и стала просить собравшихся разойтись. Но никто и не думалъ слушаться. Отрепанные лобузы вступали съ полиціантами въ оригинальные диспуты. Когда спрашивали у инаго: „что ты тутъ стоишь?“, онъ задавалъ точно такой-же вопросъ обратившемуся къ нему полиціанту: „а ты что тутъ стоишь?“ — Проходи, не велѣно! — говорили ему. „Чего не велѣно? На улицѣ стоять?“ возражалъ лобузъ: „гдѣ это написано?“

Подобныя сцены происходили во многихъ пунктахъ вдругъ. Индѣ полиціанты, входя въ роль, какую приглашали ихъ играть агитаторы, развязно и весело шутили съ толпой, будучи довольны тѣмъ, что устроивается что-то „na złość Moskali“, какъ тогда вообще говорилось.

Впрочемъ и то сказать, что при условіяхъ, въ какихъ находилась полиція къ собравшемуся на рынкѣ народу, она не могла бы возстановить порядка никоимъ образомъ, еслибъ этого и захотѣла вполнѣ искренно; на толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ едвали было на площади около сотни полиціантовъ [45]). Они просто терялись въ массѣ.

Тѣмъ временемъ шли въ Замкѣ совѣщанія: „что дѣлать“? Оберъ-полицеймейстеръ, полковникъ Треповъ, полагалъ послать на рынокъ войска [46]), занявшія замковую площадь, отъ Св. Янской улицы до Съѣзда. Но князь Горчаковъ

---

[45]) Въ началѣ 1861 года полиція Варшавы получила такой составъ:

Рядовыхъ (стойковыхъ)	500
Унтеръ-офицеровъ	27
Фельдфебелей	6
Начальникъ команды шт.-офицеръ	1
Его помощникъ, об.-офицеръ	1
Ревизовыхъ	120
Комиссаровъ	11
Итого	666

(*Вчетверо* менѣе того, что было въ 1863 году).

[46]) Батальонъ пѣхоты, сотню казаковъ и жандармскій полуэскадронъ,

велѣлъ ему прежде побывать на рынкѣ лично и освѣдомиться „что́ такое именно тамъ затѣваютъ, стоитъ ли это серьезныхъ мѣръ, нельзя ли обойтиться безъ войскъ и безъ оружія“?

Треповъ поѣхалъ въ коляскѣ. Съ нимъ что-то случилось... По возвращеніи въ Замокъ, онъ получилъ позволеніе Намѣстника взять полуэскадронъ жандармовъ и съ ними разогнать толпу холоднымъ оружіемъ.

Въ это время главные распорядители манифестаціи: Годлевскій, братья Франковскіе, Целецкій, Шахòвскій, Новаковскій, Василевскій, съ добавленіемъ огромной кучи ремесленниковъ и всякихъ горожанъ краснаго закала, выйдя изъ Паулинскаго костела (что́ на углу улицъ Фрета и Долгой) со знаменемъ, которое несъ *сапожникъ* Парадовскій, и съ небольшими значками народныхъ цвѣтовъ, а иные и съ факелами, явились на рынкѣ, среди волнующейся толпы. Пѣніе національныхъ гимновъ и невиданный дотолѣ на манифестаціяхъ Польскій орелъ вызвали неистовые крики восторга. Все ринулось къ знамени. Полиціанты, тоже ставши Поляками, бросили ссоры съ лобузами и слились чувствами, а гдѣ и криками, съ народомъ, который тихо двигался къ Свенто-Янской улицѣ и въ самомъ ея началѣ, у Запецка [47]), встрѣченъ жандармами Трепова. Произошло кровавое столкновеніе. Отнятое у Парадовскаго знамя подхвачено студентомъ Пршесмыцкимъ, потомъ снова отнято, и порядокъ возстановился.

На площади остались валяющіеся тамъ и сямъ значки и факелы. У восьми арестованныхъ (между которыми не было ни одного сколько-нибудь важнаго) найдены въ карманахъ *прокламаціи Мирославскаго* и портретъ Килинскаго, съ надписью:

„Янъ Килинскій, сапожникъ и полковникъ временъ Костюшки“.

---

[47]) Небольшая улица вправо, если идти такъ, какъ шла толпа.

„Братьямъ ремесленникамъ и братьямъ мужичкамъ (braciom chlopkom) на память торжественнаго обхода 30-й годовщины побѣды, одержанной ихъ отцами надъ Москалями подъ Гроховымъ".

Неудача предпріятія ничуть не смутила манифестаторовъ. Они рѣшили повторить спектакль черезъ день, $^{15}/_{27}$ Февраля, съ небольшими варіяціями.

Межъ-тѣмъ вездѣ кричали *о варварствѣ Москалей, о нападеніи войскъ на безоружныхъ*; взъерошили, въ подражаніе Венгерцамъ 1848 года, шляпы для обозначенія траура. Чтобы повтореніе манифестаціи имѣло вѣрнѣйшій успѣхъ, учредители придумали сообщить ей характеръ религіозной процессіи, съ обыкновенными хоругвями (такъ, по крайней мѣрѣ, начать) а когда народу наберется много, повернуть дѣло, какъ будетъ лучше.

Старое Мѣсто, какъ пунктъ уже сильно наблюдаемый, было на этотъ разъ оставлено. Рѣшили двинуться съ Лешна, изъ того отдаленнаго костела Кармелитовъ, гдѣ такъ удачно устроены двѣ манифестаціи въ Ноябрѣ 1860 года. Прокламацій не печатать и никакихъ объявленій нигдѣ не наклеивать, а просто извѣстить, кого слѣдуетъ, подъ рукой.

Полиція однако узнала, что готовится что-то такое на Лешнѣ, у Кармелитовъ. Поставлены наблюдатели, и какъ только народъ началъ стекаться,—оберъ-полицеймейстеръ, освѣдомясь объ этомъ лично, поѣхалъ въ Замокъ для полученія инструкцій, *какъ дѣйствовать*?

Ему приказано „взять взводъ солдатъ, съ небольшимъ отрядомъ полиціантовъ и поставить у костела Кармелитовъ, на Лешнѣ. Если окажется, что служатъ обыкновенную панихиду, хотя бы съ пѣніемъ гимновъ, то не мѣшать и никого не трогать. Если же двинется процессія, то слѣдовать за нею и все-таки никого не трогать".

Тогда же пришла къ намѣстнику просьба отъ комитета Земледѣльческаго Общества прислать солдатъ въ намѣст-

никовскій палацъ [48]), гдѣ оно должно было засѣдать. (Кажется, это засѣданіе было экстренное, вызванное обстоятельствами дня).

Намѣстникъ приказалъ тому же Трепову удовлетворить просьбу Общества средствами, какія найдутся подъ рукою.

Треповъ послалъ къ намѣстниковскому палацу батальонъ солдатъ и нѣсколько жандармовъ съ двора ордонансъ-гауза [49]), а на Лешно отправилъ назначенную команду и поѣхалъ самъ.

Онъ нашелъ костелъ Кармелитовъ уже наполненнымъ народомъ: студентами академіи, воспитанниками разныхъ школъ, ремесленниками и молодыми помѣщиками, въ трауръ. Они служили панихиду по убіеннымъ братьямъ въ кампанію 1830 — 1831 гг. Ничего особенно возмутительнаго не было. Только безъ ксендза начата супликація [50]), и пропѣтъ какой-то новый гимнъ Матери Божіей, послѣ чего нѣсколько голосовъ воскликнуло: „вивать вамъ и спасибо, горожане и сельскіе обыватели [51])!“ Но кто-то сейчасъ сказалъ: „Шт! тутъ костелъ“!

Больше ничего не случилось. Народныхъ гимновъ вовсе не пѣли. По окончаніи же службы, толпа вышла (близъ одиннадцати часовъ) процессіей, съ церковными хоругвями, и направилась черезъ Пршеяздъ по Долгой улицѣ. Предводители (не самые главные) кричали проходившимъ: „на середину, господа, на середину!“ [52]). И всѣ, кто это слышалъ, переходили съ тротуаровъ на улицу. Ѣхавшимъ въ экипажахъ тоже предлагали выходить и слѣдовать за процессіей, и многіе это дѣлали. Такимъ образомъ движущаяся толпа постоянно увеличивалась. На Лешнѣ было народу,

---

[48]) Бывшій палацъ князя Радзивилла, на Краковскомъ предмѣстьѣ. Называется намѣстниковскимъ потому, что въ немъ жилъ первый намѣстникъ Зайончикъ. Въ Замкѣ же тогда былъ Сенатъ.

[49]) Полтораста шаговъ отъ намѣстниковскаго палаца.

[50]) Святый Боже, святый крѣпкій:

[51]) Vivat obywatele miejscy i wiejscy, dziękujemy wam.

[52]) Panowie, prosiemy na środek!

можетъ-быть, человѣкъ тысяча, а когда подошли къ Долгой, стало около трехъ. Иные же говорятъ, что уже на Лешнѣ было тысячи три, а на Долгой стало шесть.

Во все время движенія процессіи по сказаннымъ улицамъ, сзади слѣдовалъ, согласно извѣстному читателямъ распоряженію намѣстника, взводъ солдатъ съ полиціантами.

Пройдя Долгую, процессія поворотила по Голембей и тутъ, на углу, у костела Паулиновъ, остановилась и запѣла: „Святый Боже, святый крѣпкій“. Всѣ сняли шапки. Тоже сдѣлали и сопровождавшіе процессію солдаты“ [53]).

Потомъ всѣ пошли къ Старому Мѣсту, гдѣ, поравнявшись съ однимъ домомъ, приняли изъ окна большой образъ Божіей Матери, поданный какою-то женщиной.

При движеніи толпы далѣе по Св. Янской улицѣ, посыпались изъ оконъ мелкіе крестики и образки въ бумажкахъ, что̀ вѣроятно было сдѣлано по предварительному условію коноводовъ манифестаціи съ жителями домовъ: это задерживало толпу и увеличивало ея массу; кромѣ того, дѣйствовало на воображеніе простыхъ людей, которыхъ въ процессіи было довольно.

Подаваемые образки и крестики студенты и прочая молодежъ прицѣпляли къ палкамъ и несли на плечахъ.

Въ Замкѣ, разумѣется, знали о приближающейся толпѣ манифестаторовъ, вслѣдствіе чего выстроены на замковой площади войска въ томъ-же порядкѣ, какъ за два дня ($^{13}/_{25}$ Февраля): батальонъ пѣхоты—передъ главными воротами, и сотня Кубанскихъ казаковъ есаула Заварова—отъ вторыхъ воротъ къ будкѣ, что̀ на съѣздѣ.

---

[53]) Показаніе адъюнкта 2-го цыркула, Игнатія Богуцкаго, въ дѣлѣ: «о происшествіи, бывшемъ въ г. Варшавѣ $^{15}/_{27}$ Февраля 1861 г.». Описаніе послѣдующихъ с о б ы т і й взято нами по преимуществу изъ этого-же д ѣ л а, гдѣ находятся показанія и рапорты разныхъ лицъ.

Едва только процессія показалась съ Св. Янской улицы и поворотила къ колоннѣ Зигмунда, какъ взводъ казаковъ, съ есауломъ, получилъ приказаніе преградить дорогу толпѣ и просить ее разойтись. Еслижъ не послушаютъ, то принять въ нагайки.

Заваровъ заскакалъ и вступилъ въ переговоры съ передними рядами, на Польскомъ языкѣ, какъ умѣлъ. Его не хотѣли слушать и рвались впередъ. Уже манифестація измѣнила характеръ: процессія исчезла; шли просто толпой въ направленіи къ намѣстниковскому палацу, дабы спросить у засѣдавшаго тамъ Земледѣльческаго Общества, точно-ли оно потребовало солдатъ у Москалей, якобы испугавшись нападенія своихъ братьевъ?

Тогда Заваровъ, видя, что увѣщанія не помогаютъ, скомандовалъ казакамъ „ударить въ нагайки!“ Но толпа была такъ велика и густа, что казацкія аттаки не сдѣлали ничего ровно. Народъ отступилъ лишь немного назадъ и стоялъ безъ движенія. Впереди, шаговъ на десять, рисовались какіе-то трое съ образами, изъ которыхъ одинъ былъ поданный изъ окошка на Старомъ Мѣстѣ. Заваровъ приказалъ казакамъ отнять эти образа. Казаки бросились. При свалкѣ, которая произошла, одинъ образъ упалъ на мостовую и разбился въ куски, а два другіе скрылись въ толпѣ; и снова она стояла безъ движенія, а казаки, отъѣхавъ на нѣсколько шаговъ, стали напротивъ и такъ стояли и смотрѣли на толпу, а толпа на нихъ въ совершенной тишинѣ.

Какихъ-нибудь, черезъ четверть часа отдѣлилась съ той стороны небольшая кучка молодыхъ людей, повидимому помѣщиковъ, подошли къ Заварову и стали его просить пропустить ихъ на Краковское предмѣстье, для засѣданія въ Земледѣльческомъ Обществѣ, котораго они будто-бы были членами. Заваровъ пропустилъ. Тогда же проскочило еще нѣсколько, безъ всякаго позволенія; потомъ проскочили еще въ разныхъ пунктахъ, и все это соединилось съ массами,

скопившимися у Бернардинскаго костела и запѣло Boźe coś Polskę.

Чтобы прекратить этотъ безпорядокъ, Заваровъ послалъ (по предварительномъ объясненіи съ полковникомъ Треповымъ) къ Бернардинамъ первый взводъ своей сотни, подъ начальствомъ урядника Черноброва. Этихъ казаковъ тамошняя толпа встрѣтила камнями и комками грязи, при крикахъ: ура!

Надо знать, что въ это время строили *Городской Клубъ* (Ratursa Obywatelska), что́ сейчасъ за бывшей гауптвахтой [54]), гдѣ четыре каштана, и тутъ лежалъ въ кучахъ камень и кирпичь: имъ-то и воспользовалась толпа для своей защиты отъ казацкихъ аттакъ. Даже кидали женщины. По словамъ Черноброва, кто-то пустилъ бутылкой, поданной изъ костела.

Произведя въ этомъ пунктѣ до семи аттакъ, казаки увидѣли, что силы ихъ недостаточны для успѣшнаго дѣйствія противъ такихъ массъ, какія скопились у костела и все прибывали частію съ Сенаторской, черезъ проходной домъ Резлера, частію по тротуару, мимо Зигмунта, гдѣ не существовало никакой преграды. Да и сквозь цѣпь Заварова проскакиванье до того усилилось, что трудно было совладать съ нимъ небольшой оставшейся тамъ кучкѣ казаковъ.

Тогда Черновровъ отправилъ къ Заварову казака просить подкрѣпленія, которое и было тотчасъ послано: новый взводъ, съ урядникомъ Реутовымъ.

На ту пору случились въ Бернардинскомъ костелѣ похороны чиновника Лемпицкаго. Передъ главнымъ входомъ, на улицѣ, стояли, какъ водится, дроги, въ ожиданіи гроба. Когда его вынесли и поставили на дроги, а неизбѣжные при этомъ „дзядъ“ и ксендзъ, съ большими деревянными распятіями, помѣстились впереди, чтобы открыть шествіе такъ-называемаго *каравана*: коноводы безпорядка присое-

---

[54]) Упразднена въ началѣ 1867 г.

динились тутъ-же, въ видѣ небольшой процессіи, и запѣли какой-то гимнъ.

Казаки Черноброва и Реутова, которымъ внушалось прежде всего, чтобы *отнюдь не пропускать процессій*, заскакали впередъ каравана и преградили ему дорогу. При этомъ нѣсколько досталось ксендзу и дзяду, несшимъ кресты. „Артисты“ манифестаціи сейчасъ-же воспользовались этимъ обстоятельствомъ и начали кричать: „Кресты у насъ ломаютъ! Ругаются надъ святыней“! Эти слова мгновенно облетѣли всю улицу. Потомъ пошли дальше, а „сломанный крестъ“ явился на медаляхъ, брошюрахъ, гимнахъ и плакатахъ [55])!

Намѣстнику было донесено о положеніи войскъ у Бернардинскаго костела. Онъ послалъ туда еще одинъ казачій взводъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Долгіева; а потомъ, когда донесли, что всѣ три взвода ничего не мо-

---

[55]) Собственно никакихъ крестовъ въ этотъ день не было сломано. Въ устраненіе всякого сомнѣнія приводимъ, изъ слѣдственнаго дѣла объ этомъ предметѣ, подлинныя слова несшихъ кресты. Дзядъ, которымъ былъ семидесятилѣтній старикъ, отставной солдатъ Польскихъ войскъ 1830 года, Францискъ Росинскій, выражается такъ: «skropił mnie (т. е. казакъ) parę razy przez plecy nachajką, w krzyż atoli wcale nie uderzył i żadnego w nim uszczerbku nie zrządził». (Покропилъ меня раза два черезъ плечи нагайкой, но по кресту вовсе не билъ и никакого въ немъ поврежденія не сдѣлалъ).

Капуцинъ, братишекъ Рогерій Завитковскій, несшій другой крестъ, говоритъ такъ: «Na krzyżu tem, ktory ja niosłem, jak się późniéj przekonałem, były odbite dwa kolce, do korony cierniowéj pana Jezusa należące, tudzież palec wielki u ręki prawéj tego pana Jezusa odbity, czyli w części ułamany, czego wprzód przed biciem mnie przez kozaków nigdy nie widziałem i nie dostrzegałem; na dowód że się stało jak mowię, okazuję tu komissyi źledczej też wypadki krzyż o jakim jest mowa». (На крестѣ, который я несъ, были отбиты, какъ я впослѣдствіи замѣтилъ, двѣ иглы у терноваго вѣнца Господа Іисуса, также большой палецъ на правой Его рукѣ отбитъ или раздробленъ, чего прежде, передъ битьемъ меня нагайками, отъ казаковъ я никогда не видалъ и не замѣчалъ. Въ доказательство сказаннаго мною представляю при семъ слѣдственной комиссіи крестъ, о коемъ идетъ рѣчь). Оба эти лица проводили дроги на Повонзки, имѣя въ рукахъ тѣ самые кресты, съ которыми вышли изъ костела.

гутъ сдѣлать, велѣлъ командиру Муромскаго полка, полковнику Гартонгу, пройти съ батальономъ по всей улицѣ и очистить ее отъ народа.

Это могло быть часу во второмъ дня.

Гартонгъ, взявъ изъ Замка 11-ю и 12-ю роты упомянутаго полка, повелъ ихъ, одну за другой, по Краковскому предмѣстью, такимъ образомъ, что одна держалась преимущественно праваго тротуара, а другая лѣваго.

Едва роты поравнялись съ Бернардинскимъ костеломъ, какъ въ нихъ полетѣли камни, сперва изъ-за желѣзной рѣшетки, что между колокольней и храмомъ, а потомъ изъ толпы, собравшейся гуще всего около гауптвахты. Болѣе досталось 11-й ротѣ, шедшей лѣвою стороною улицы. Но всетаки солдаты Гартонга, не смотря ни на что, очистили улицу вплоть до узкаго Краковскаго предмѣстья (которое начиналось тамъ, гдѣ теперь начинается скверъ) такъ-что дроги съ гробомъ могли тронуться въ путь, и (вслѣдъ за ротами Гартонга, къ которымъ вскорѣ присоединилась рота полковника Феньшау, также посланная изъ Замка) добрались до статуи Богоматери, стоявшей въ то время нѣсколько правѣе, если идти отъ колонны Зигмунта къ скверу [56]). Двадцать шаговъ дальше стоялъ тогда большой трехъ-этажный домъ Оргельбрандта, бывшій Мальча, больше извѣстный подъ этимъ именемъ [57]), а за нимъ цѣлый рядъ домовъ, до самаго костела Кармелитовъ, гдѣ кончается скверъ; и они-то, съ противоположною частью улицы (гдѣ аптека Гакебейля, Саксонская гостинница и кондитерская Клотена) образовывали то знаменитое узкое Краковское предмѣстье, которое было свидѣтелемъ паденія еще болѣе знаменитыхъ *пяти жертвъ* — эпизодъ, къ которому мы приближаемся.

---

[56]) Постановлена, судя по надписямъ, въ память побѣды Собесскаго надъ Турками.

[57]) Изображеніе этого дома можно видѣть въ календарѣ Яворскаго за 167-й годъ (Kalendarz Polski Illustrowany), стр. 72.

Здѣсь намъ должно остановиться и разсказать, что̀ случилось, въ тѣ самые минуты, въ Земледѣльческомъ Обществѣ, которое, какъ уже извѣстно читателямъ, открыло свое засѣданіе почти одновременно съ началомъ манифестаціи.

Первымъ предметомъ разсужденій было, естественно, критическое положеніе города, вслѣдствіе неожиданныхъ и непонятныхъ послабленій правительства шалунамъ, иначе сказать, красной партіи. Предвидѣлась катастрофа, можетъ быть, торжество ребятъ.... Власть и значеніе бѣлыхъ въ краѣ колебались. Что̀ было дѣлать?

Болѣе живая половина объявила, что если они и теперь примутся, по обычаю, разсуждать безъ конца, а не приступятъ къ какимъ-либо энергическимъ дѣйствіямъ, сейчасъ-же, не выходя изъ этой комнаты, то будетъ плохо: разогнанный казаками сегодня народъ соберется, по призыву манифестаторовъ, завтра; манифестаціи пойдутъ за манифестаціями, до тѣхъ поръ, пока весь городъ, а потомъ и весь край не станетъ въ серьезно-враждебныя отношенія къ правительству, падутъ многія безсмысленныя жертвы, и дѣло, веденное довольно успѣшно, отодвинется назадъ; нужно будетъ начинать работу съизнова, или—пристать къ краснымъ. Все это необходимо, во что́ бы то ни стало, предупредить, напримѣръ хоть депутаціею въ Замокъ, съ изложеніемъ того, о чемъ просили красные [58]).

Предсѣдатель, графъ Андрей Замойскій, сталъ возражать....

Вдругъ открылись двери, и среди залы явился помѣщикъ Наржимскій [59]), извѣстный всей Варшавѣ кутила самыхъ красныхъ свойствъ, но человѣкъ не безъ дарованій и не безъ вліянія въ городѣ. Онъ присутствовалъ на всѣхъ манифестаціяхъ, явился и на послѣдней и помятъ немного казаками у колонны Зигмунта. Пріятели-„артисты“ уложили

---

[58]) Набросано по неяснымъ разсказамъ одного Полака.

[59]) Жилъ послѣ заграницей преимущественно въ Галиціи, гдѣ и умеръ въ Іюлѣ 1872 года. Портретъ его и краткая біографія въ Tygodnik Illistr. 1872, № 239.

его, охающаго и стонущаго, въ дружку и привезли въ Земледѣльческое Общество.

Здѣсь онъ былъ усаженъ въ кресла, весь перепачканный кровью, и начались новые стоны, въ перемежку съ объясненіемъ дѣла тѣми, кто привезъ Наржимскаго.

Недолго надо было глядѣть на всю эту сцену, чтобы увидѣть, *что̀ это такое*, какую носитъ подкладку. Покосился на актеровъ изящный и благовоспитанный графъ Замойскій и грустно спросилъ (когда исторія окровавленнаго героя была изложена съ достаточными подробностями): „Чего-же вы хотите, господа?“

— Мы хотимъ, отвѣчали окружающіе жертву, чтобы въ Замокъ была отправлена депутація, которая бы представила намѣстнику, въ надлежащемъ свѣтѣ, положеніе нашихъ дѣлъ: нападеніе войскъ на безоружныхъ, поруганіе святыни, изувѣченіе многихъ ни въ чемъ неповинныхъ прохожихъ, и требовала-бы защиты отъ такой напасти.

Графъ отвѣчалъ тѣмъ-же грустно-мрачнымъ тономъ, что Земледѣльческое Общество не имѣетъ права мѣшаться въ управленіе городомъ; что для разбора подобнаго рода произшествій существуютъ особыя учрежденія, напримѣръ Ратуша [60]), куда-бы и слѣдовало отвезти раненаго, а никакъ не въ Земледѣльческое Общество.

„Да вѣдь онъ помѣщикъ, закричало нѣсколько голосовъ: нашъ братъ, даже членъ нашего общества. Какъ-же намъ за него не вступиться?“

— Если онъ помѣщикъ и нашъ членъ, возразилъ графъ, то ему слѣдовало бы засѣдать съ нами, а не лѣзть, зауряднъ съ мальчиками, въ свалку противъ войскъ. Былъ-бы здѣсь, остался-бы цѣлъ.

---

[60]) Такъ запросто зовутъ въ Варшавѣ управленіе оберъ-полицеймейстера, вслѣдствіе того, что оно помѣщается въ зданіи Ратуши. «Отвесть въ ратушу, взяли въ ратушу» (odstawić do Ratusza, wzięli do Ratusza) — значитъ въ Варшавѣ тоже, что̀ у насъ «отправить въ часть, посадили въ часть».

Такія оффиціальныя, холодныя возраженія отдались въ сердцахъ большинства членовъ непріятно. Поднялся шумъ. До графа донеслись очень ясные намеки на то, что дружба и связи съ Московскимъ правительствомъ должны имѣть для каждаго порядочнаго Поляка свой предѣлъ, и что есть для Польскихъ патріотовъ обязанности, которыя выше боязни быть скомпрометированнымъ передъ кѣмъ-бы то ни было; что бываетъ время, когда требуются жертвы отъ всѣхъ, кто бы къ какому лагерю ни принадлежалъ...

Графъ, давши умолкнуть этому „патріотическому“ ропоту, объявилъ рѣшительно, что ничуть не опасеніе себя скомпрометировать передъ Русскими властями, а простое приличіе заставляетъ его отказать этимъ господамъ; что онъ готовъ ѣхать въ Замокъ одинъ, еслибъ этого потребовали обстоятельства, но депутаціи не отправитъ; а что до его патріотизма—въ немъ ничуть не сомнѣваются тѣ, кто его дѣйствительно знаетъ. Говорятъ, у него вырвалось будто бы выраженіе при этомъ: „Chcecie, żebym ja przewodniczył burdzie [61])—никогда!“

Поднялся шумъ пуще прежняго. Кто стоялъ за графа, кто былъ противъ, находя, что нужно непремѣнно послать въ Замокъ депутацію, что безъ этого дѣло кончится какою нибудь катастрофою, послѣ которой всякія депутаціи будутъ уже некстати и странны.

Графъ хотѣлъ что-то сказать и приглашалъ къ порядку звонкомъ, но не могъ унять крикуновъ и, объявя засѣданіе закрытымъ, вышелъ съ частію народа налѣво изъ воротъ, къ своему дому, а другая часть пошла направо, посмотрѣть: что такое въ самомъ дѣлѣ творится у Бернардиновъ?

Въ этой части главнымъ лицомъ, около котораго сгруппировались помѣщики красноватаго оттѣнка, былъ Маркелъ Карчевскій, человѣкъ довольно пожилой, но въ немъ бурлили самыя неугомонныя страсти.

---

[61]) Хотите, чтобы я сталъ во главѣ безпорядка.

Кучка пошла, можетъ быть, безъ всякаго намѣренія принять участіе въ безпорядкахъ; но, увидѣвъ на улицѣ необычайное движеніе, казаковъ и солдатъ, перемѣшанныхъ съ толпой, услышавъ крики о поруганіи святыни,—многіе помѣщики, въ томъ числѣ и Карчевскій, увлеклись и стали помогать манифестаторамъ, кто во что гораздъ. О Карчевскомъ говорили послѣ, что онъ устроилъ противъ почты родъ баррикады изъ дружекъ.

*

Когда все это происходило, изъ Замка вышло историческое лицо того дня: дежурный генералъ главнаго штаба Заболоцкій.

Онъ направился къ Примасовскому палацу (на Сенаторской улицѣ), гдѣ стояла у него, на случай надобности, рота солдатъ, именно 7-я, Низовскаго пѣхотнаго полка.

Описанные нами безпорядки передъ Замкомъ и у Бернардиновъ, Краковское предмѣстье, наполненное волнующимся народомъ, тревожныя лица встрѣчаемыхъ по дорогѣ офицеровъ, носящіеся тамъ и сямъ казаки, вообще какая-то небывалая сумятица и неестественное движеніе въ улицахъ настроили генерала такимъ образомъ, что онъ, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, счелъ нужнымъ принять личное участіе въ возстановленіи спокойствія тѣми средствами, какія у него были подъ руками: именно, ввѣренною ему ротою Низовскаго полка, которую, недолго думая, онъ взялъ изъ манежа палаца (гдѣ она обыкновенно стояла) и вывелъ задними воротами на Козью улицу, а потомъ на Краковское предмѣстье.

Это было сдѣлано быстро, подъ тѣмъ роковымъ теченіемъ мыслей, въ какомъ бываетъ иногда всякій взволнованный человѣкъ.

Выведя роту къ Почтѣ, генералъ тутъ же замѣтилъ, что дѣлать ему въ этомъ пунктѣ, безъ особенныхъ инструкцій, нечего: стояли кучи народа, разъѣзжали казаки; въ опасности никто не находился.

Но такъ-какъ рота была уже выведена, то нужно-же было придумать ей какое-нибудь занятіе. Когда генералъ былъ въ Замкѣ, говорили, что манифестаторы добираются до Земледѣльческаго Общества, вслѣдствіе того, что оно потребовало у правительства войскъ, въ защиту отъ этого народа. Вспомнивъ объ этомъ и замѣтивъ въ сторонѣ намѣстниковскаго палаца [62]) какъ-бы усиленное движеніе (что̀ могло, просто-за-просто, показаться), генералъ направился съ ротой туда; но увидѣлъ, что и тамъ онъ вовсе не нуженъ: за рѣшоткой стоялъ цѣлый батальонъ, и нападать на этотъ пунктъ никто и не думалъ.

Заболоцкій пошелъ назадъ и, чтобы собраться съ мыслями, остановилъ роту противъ Чистой улицы, гдѣ простоялъ около получаса.

Все это показываетъ ясно, что генералъ не имѣлъ передъ собою никакой опредѣленной цѣли, что онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, нѣсколько потерявшійся, не въ нормальномъ состояніи духа.

Тутъ подошли какіе-то офицеры и разсказали о свалкѣ народа съ казаками у гауптвахты.

Генералъ могъ задать себѣ вопросъ: „не нуженъ ли онъ тамъ?“—и онъ машинально двинулся съ солдатами налѣво, можетъ-быть, даже въ намѣреніи увесть ихъ опять домой, въ Примасовской палацъ. Но страшный шумъ на улицѣ продолжался и остановилъ вниманіе генерала. До солдатъ долетали ругательства. Какой-то казакъ подъѣхалъ и сказалъ генералу, что „Поляки разбиваютъ гауптвахту“. Тоже самое подтвердилъ еще одинъ деньщикъ въ форменной одеждѣ. Это заставило генерала двинуть роту къ гауптвахтѣ, по узкому Краковскому предмѣстью. Но тутъ столпилось столько народу, что идти обыкновеннымъ строемъ было нельзя. Къ тому-же, немного погодя, выѣхалъ

---

[62]) Находится отъ Почты, гдѣ стоялъ Заболоцкій, въ полутораста шагахъ и хорошо оттуда виденъ.

изъ Беднарской улицы [63]) возъ кирпичу и брошенъ. За возомъ сплелись, повидимому умышленно, нѣсколько дружекъ, что̀ составило родъ баррикады. (Про эту-то баррикаду и говорили, будто ее устроилъ Карчевскій, именно въ то время явившійся тутъ съ кучкой помѣщиковъ, которые пошли направо изъ намѣстниковскаго дворца).

Генералъ приказалъ солдатамъ пробираться, въ одну линію, по лѣвому тротуару. Но едва они тронулись, какъ въ нихъ со всѣхъ сторонъ полетѣли камни. А народъ кричалъ, обращаясь къ генералу: „Кресты у насъ рубятъ! Вѣру поносятъ!“ [64])

Выйдя на широкое Краковское предмѣстье, Заболоцкій увидѣлъ впереди себя, довольно въ близкомъ разстояніи, колонну солдатъ и тихо двигавшійся за ними гробъ[65]). Идти было некуда; поэтому генералъ выстроилъ роту вдоль того же лѣваго тротуара, по которому шелъ, отъ аптеки Гакебейля, до пункта, гдѣ былъ когда-то проходъ на Козью улицу. Камни продолжали сыпаться, преимущественно изъ втораго (нашего третьяго) этажа дома Мальча, гдѣ въ одномъ окнѣ сидѣли двѣ дамы, а за ними стояли мущины, и они-то пускали камни [66]). Также летѣли камни и изъ толпы, образовавшей подлѣ дома Мальча сплошную стѣну. Нѣсколько солдатъ было ранено. Самъ Заболоцкій получилъ сильный ударъ большимъ камнемъ въ спину.

Это была минута, когда роты Гартонга и Феньшау, а за ними и дроги съ гробомъ, явились у самаго узкаго Краковскаго предмѣстья. Улица требовала очищенія. Заболоцкій приказалъ бывшимъ при немъ двумъ казакамъ ра-

---

[63]) Продолженіе ея можно видѣть до сихъ поръ противъ одной изъ дорожекъ сквера. На этой улицѣ въ старыя времена жили бондари, отъ которыхъ она и получила свое названіе. Бондарь по-польски *Bednarz*, бондарскій—*Bednarski*.

[64]) Krzyże nam rąbią, wiarą łaùbą.

[65]) На встрѣчу Низовской ротѣ.

[66]) Показаніе офицеровъ 7-й роты Низовскаго пѣх. полка.

зогнать дружки; но казаки не могли ничего сдѣлать, будучи оттѣсняемы толпою и осыпаемы каменьями, причемъ одинъ былъ значительно раненъ. Тогда генералъ крикнулъ на солдатъ, чтобы они очистили улицу штыками, но и это не удалось. Толпа дѣлалась все смѣлѣе и смѣлѣе, кричала Богъ знаетъ что... Генералъ объявилъ, что *будетъ стрѣлять*. —„Не смѣешь!“ возразили ему изъ толпы: „Наполеонъ запретилъ!“

Послѣ этого Заболоцкій велѣлъ зарядить ружья, но не надѣвать капсулей, и снова повторилъ угрозу, что *будетъ стрѣлять*, если не очистятъ улицы. Послышались тѣже отвѣты, и полетѣли новые залпы камней. Кто-то изъ солдатъ вдругъ крикнулъ: „стрѣляютъ! стрѣляютъ!“

Этого выстрѣла никто опредѣленнымъ образомъ не видалъ и кажется его не было; тѣмъ не менѣе крики „стрѣляютъ! стрѣляютъ!“ (дѣйствительно раздавшіеся въ ротѣ) рѣшили дѣло. Генералъ скомандовалъ „пли!“. Капсули наложились сами собою, и выстрѣлы загремѣли, частію въ домъ Мальча, частію вдоль улицы [67]).

Стрѣлялъ одинъ взводъ, заведенный лѣвымъ плечомъ противъ угла дома Мальча. Выстрѣлы въ домъ были слѣдствіемъ простой мести за киданіе камней, но убитыхъ при этомъ не случилось. Даже очень немногія пули попали въ окошки: изъ 23 выстрѣловъ, направленныхъ въ домъ, только 5 разбили стекла. Это показываетъ, до какой степени стрѣльба была разсѣянна и безпорядочна. Солдаты тоже были взволнованы... Но въ улицѣ, противъ Почты и немного далѣе, пало пять человѣкъ и около того было ранено.

Улица вмигъ очистилась отъ народу. Это былъ, по словамъ очевидцевъ, истинный фокусъ Пинетти. Кто бросился во дворъ, кто въ магазинъ, а иные пустились бѣжать по

---

[67]) Настроеніе войскъ, находившихся въ томъ пунктѣ, было таково, что, по словамъ полковника Феньшау, его рота, замѣтивъ, что Низовцы стрѣляютъ, принялась, безъ всякой команды, заряжать ружья.

боковымъ улицамъ, Козьей и Трембацкой. Дружки тоже ударили по лошадямъ, и баррикада исчезла.

Тогда батальонъ Гартонга и рота Феньшау прошли впередъ свободно и, дойдя до Чистой, воротились въ Замокъ. Дроги съ покойникомъ также успѣли проскользнуть и направились по Трембацкой, какъ выражался одинъ изъ несшихъ кресты: nadzwyczajnym pędem. На Бѣлянской соединились съ ними забѣжавшіе впередъ ксендзы [68]).

Въ Замкѣ слышали раздавшіеся у дома Мальча выстрѣлы. „Кто это стрѣляетъ и гдѣ?“ спросилъ Намѣстникъ, выйдя въ пріемную, гдѣ съ ранняго утра до поздней ночи толпилось въ эти дни множество высшихъ военныхъ чиновъ, на случай какихъ-либо приказаній отъ князя. Кто-то отвѣчалъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ неизвѣстно какъ и откуда, что это „повстанцы стрѣляютъ изъ дома Мальча по войскамъ“. Тогда Намѣстникъ, подозвавъ генералъ-квартермистра Семеку, велѣлъ ему взять роту и арестовать всѣхъ въ домѣ Мальча, если слухи о выстрѣлахъ оттуда справедливы. Семека, взявъ роту со двора Замка, отправился; но, не доходя костела Бернардиновъ, встрѣтилъ Заболоцкаго впереди роты, съ обнаженной, опущенной внизъ саблей, который, узнавъ зачѣмъ посланъ Семека, сказалъ: „успокойтесь, это не изъ дома Мальча, это я стрѣлялъ“! Послѣ чего они оба вернулись въ Замокъ; рота-же Заболоцкаго пошла къ колоннѣ Зигмунта и потомъ, по Сенатор-

---

[68]) Суматоха была такъ велика, что никто не замѣтилъ, куда вдругъ скрылись дроги. Это подало впослѣдствіи поводъ къ разсказамъ, будто бы дроги и гробъ были фальшивые, и что манифестаторы хоронили Русское правительство. Одинъ легковѣрный даже напечаталъ объ этомъ. Но мы еще разъ завѣряемъ читателей, что это были похороны, какъ похороны, чиновника Лемпицкаго, о которыхъ душеприкащики покойнаго заранѣе возвѣстили въ газетахъ, именно въ 54 № Kurjera Warszawskiego 1861. «Józef Lempicki, assessor kollegialny», и такъ далѣе, скончался сего 24 Февраля, на 59 году отъ рожденія»... А въ 62 № той же газеты есть приглашеніе на октаву по немъ, т. е. на панихиду въ восьмой день по смерти.

ской, въ Примасовскій палацъ, гдѣ тотчасъ сосчитали выпущенные патроны: ихъ оказалось 55 [69]).

Толпа военныхъ въ пріемной князя, когда пришли туда Семека съ Заболоцкимъ, выражала довольно громко негодованіе на бездѣйствіе власти, на отсутствіе всякихъ распоряженій. Директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Казачковскій, находившійся тамъ же, говорилъ, что „слѣдовало бы давно занять всѣ главные пункты войсками и объявить военное положеніе; что это несомнѣнно прекратило бы всѣ безпорядки".

Оба генерала прошли во-вторую пріемную и тамъ столкнулись съ Намѣстникомъ. Семека далъ говорить Заболоцкому, который изложилъ передъ княземъ все какъ было и заключилъ словами, что *онъ стрѣлялъ*. „Parfaitement fait"! [70]) — пробормоталъ Горчаковъ и ушелъ въ кабинетъ. А Заболоцкій воротился въ первую пріемную, гдѣ снова разсказалъ всю исторію выстрѣловъ, жалуясь на боль въ спинѣ. Ему совѣтовали отправиться домой и принять медицинскія средства. Онъ отправился, безпечный и спокойный, ничуть не думая о томъ, что̀ значитъ иногда у князя Горчакова parfaitement fait...

Межъ-тѣмъ кучи народа стали снова скопляться около Почты. Иные бросились подбирать убитыхъ и раненыхъ. Первымъ подняли Карчевскаго, на углу Беднарской улицы, еще живаго, положили на дружку и повезли въ Смоленскую гостинницу [71]), гдѣ онъ жилъ, но тамъ его не приняли. Кому-то пришло въ голову отвезть его въ домъ Мальча, въ квартиру сестеръ Кунке, державшихъ модный магазинъ

---

[69]) По другимъ свѣдѣніямъ кромѣ Семеки, посланъ былъ къ Заболоцкому генералъ Веселитскій верхомъ, который засталъ стрѣльбу въ разгарѣ и сталъ упрекать Заболоцкаго, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, не имѣя никакого приказанія. Заболоцкій будто быстро отрѣзалъ: не вамъ отдамъ въ этомъ отвѣтъ.

[70]) Т. е. превосходно сдѣлано.

[71]) Находится въ той части Беднарской улицы, которая сохранилась до сихъ поръ.

и притомъ извѣстныхъ патріотокъ. Тутъ Карчевскій и умеръ, не смотря на быстро-поданную помощь изъ аптеки Гакебейля.

Туда же отвезли еще два трупа: помѣщика Рутковскаго и работчика съ какой-то желѣзной фабрики, Бренделя. Четвертый, ученикъ реальной гимназіи, Арцыхевичъ, отвезенъ въ квартиру родителей, жившихъ въ домѣ графа Андрея Замойскаго. Пятый трупъ не былъ никѣмъ узнанъ въ теченіи всего того дня. Послѣ оказалось, что это рабочій съ новаго моста, строившагося на Вислѣ, Адамкевичъ. Его повезли-было въ Замокъ показать Намѣстнику и пожаловаться на возмутительное поведеніе солдатъ; но казаки, находившіеся на Краковскомъ предмѣстьѣ еще въ значительномъ числѣ, заворотили дружку съ трупомъ назадъ (близъ колонны Зигмунта), и она направилась къ тѣмъ-же патріоткамъ Кунке, которыя однакожъ, увидя четвертый трупъ, сказали: „нѣтъ, ужъ съ насъ и тѣхъ трехъ довольно!“ и отказались принять. Тогда возившіе трупъ, послѣ небольшихъ совѣщаній, отправились въ Европейскую гостинницу [72]), сопутствуемые уже изрядною толпою народа. Въ улицахъ подымался крикъ о *жертвахъ*. Имя Заболоцкаго предавалось проклятіямъ [73]).

Въ Европейской гостинницѣ (которая становилась съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе любимымъ, модпымъ пунктомъ помѣщичьихъ сборищъ) былъ тогда управляющимъ Нѣмецъ Кноль. Онъ хотѣлъ-было воспрепятствовать принятію трупа: куда! Его никто и не слушалъ. Мертвеца тащили по коридорамъ, требуя ему удобнаго помѣщенія. Одинъ изъ владѣтелей гостинницы, Вамбахъ, случившійся

---

[72]) Построена компаніей на акціяхъ въ 1857 году; но дѣло начато еще при Паскевичѣ, въ 1854.

[73]) Толпа, хлопотавшая около перваго трупа, который сначала несли, была очень велика, болѣе тысячи человѣкъ. Неся, кричали: «шапки долой! честь жертвѣ!»—Сами были безъ шапокъ. Трупъ пронесли въ Европ. гостинницу мимо батальона, который стоялъ на площади между гостинницею и ордонансгаузомъ.

на ту пору дома, приказалъ отвесть во второмъ этажѣ 64-й номеръ [74]), который назначался для концертовъ и потому, большею частію, былъ пустъ. Здѣсь положенъ Адамкевичъ (по другимъ Брендель) на матрасѣ и чистой простынѣ, часу въ четвертомъ дня. Потомъ, въ разные часы, подвезли туда-же и другихъ, исключая Арцыхевича, который оставался до конца у родителей, въ домѣ Замойскаго.

Европейская гостинница поступала въ число историческихъ домовъ Варшавы.

Съ этой минуты начало твориться въ городѣ нѣчто совершенно-необычайное.

Прежде всего номеръ, гдѣ были сложены тѣла, обили, по распоряженію какихъ-то таинственныхъ властей, чернымъ сукномъ; а въ домѣ Замойскаго, по увѣренію нѣкоторыхъ, обили чернымъ сукномъ даже ворота, изнутри двора [75]), и хозяинъ долженъ былъ это позволить.

Входъ въ номеръ, гдѣ лежали трупы, охранялся поочередно воспитанниками медико-хирургической академіи, которые пропускали военныхъ не иначе, какъ послѣ довольно-долгихъ переговоровъ [76]).

Куда дѣлось Русское правительство, полиція? Какъ случилось, что тѣла убитыхъ въ свалкѣ народа съ войсками оставлены въ распоряженіи толпы? Чего мы испугались? Все это опять вопросы, на которые пусть ужъ отвѣчаетъ будущее...

Но какъ-бы то ни было, странный испугъ властей былъ сейчасъ-же замѣченъ всѣми въ городѣ, почувствованъ каждымъ Полякомъ и каждой Полькой. Всѣ поняли, что это такія мгновенія, которыми надо пользоваться, ковать желѣзо, пока горячо, высказать требованія смѣло и громко. Въ этихъ чувствахъ, въ этихъ бурныхъ порывахъ заявить

---

[74]) Въ нашемъ третьемъ. Приходится какъ разъ надъ кондитерской Люрса (тогда Конта) черезъ этажъ.

[75]) Записка полковника Добродѣева.

[76]) Таже записка.

правительству о своихъ нуждахъ и обидахъ, наговорить ему побольше всякой всячины, за прошлое и за будущее,— слились теперь всѣ жители Варшавы. А недавніе *безумцы и молокососы* (warjaty i smarkate), противъ которыхъ старшіе, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, просили у Намѣстника войскъ, кого, въ крайнемъ случаѣ вся благоразумная часть населенія была непрочь выдать правительству головою, эти безумцы попали вдругъ въ герои, мало этого: въ вожди и начальники всего города. Невѣроятный фактъ успѣха ихъ манифестаціи, непостижимый тріумфъ надъ властію, какъ-бы завѣряли, что они знаютъ, что дѣлаютъ, что *ихъ* надо слушать и никого болѣе. „Какъ гусей, спасшихъ Римъ (замѣчаетъ Авейде) ихъ носили торжественно на рукахъ по всему городу и трубили въ трубы".

Разумѣется, такой финалъ послѣдовалъ единственно потому, что почва, на которой все это творилось, была не серьозна; потому, что подкладкой всякаго Поляка, какъ бы онъ повидимому благовоспитанъ и умѣренъ ни былъ, есть все-таки безуміе и фантазія, незнающая границъ. Опять забыли, что правительству стоитъ только дунуть на призракъ, и его не станетъ; что изъ Римскихъ гусей завтра же можетъ быть приготовленно самое обыкновенное Русское жаркое. Всѣ покраснѣли, всѣ сбились, отъ мала до велика, весь городъ. Утромъ того дня въ немъ еще были головы, разсуждавшія какъ надо; къ вечеру не стало ни одной: все свихнулось.

Есть въ Варшавѣ, вблизи Римарской площади, неказистый сѣрый домикъ, въ два этажа, стоящій въ глубинѣ двора и почти невидимый за другими строеніями. Домикъ тихій и уединенный. Житейскія волны катятся отъ него далеко, на разстояніи длиннаго двора. Направо и налѣво, точно крылья, такъ называемыя *оффицины*; въ серединѣ, въ углубленіи, *корпусъ*. Такъ строились всѣ прежніе Польскіе „палацы"[77]).

---

[77]) Изображеніе можно видѣть въ 151 № Tygodnika Illustr. за 1870, стр. 245.

Описываемый нами палацъ, или домъ есть скромная *Купеческая Ресурса* Варшавы, иначе клубъ, куда сходились по вечерамъ провести время „по клубному“ горожане средней руки, все живое, разсуждающее, дѣятельное изъ городскаго населенія. Никакого другаго Польскаго клуба въ Варшавѣ тогда еще не было; „обывательскій“ только строили.

А еще прежде, до революціи 1830 года, сюда хаживали и военные. Сѣрый домикъ, тихій только снаружи, издали, былъ внутри вовсе не тихъ и видалъ и слыхалъ больше, чѣмъ иной яркій палацъ, выставленный на видъ, во всей красѣ и громко о себѣ кричащій.

Здѣсь, между прочимъ, полковникъ Кицкій былъ озадаченъ неестественнымъ выраженіемъ въ лицахъ подхорунжихъ, явившихся на балъ, за два дня передъ страшною ночью 29 Ноября 1830 года [78]).

Что̀ подумалъ бы полковникъ Кицкій, еслибъ онъ, точно также какъ тогда, сидѣлъ въ знакомой ему ресурсѣ, вечеромъ 27 Февраля 1861 года? Сколько бы неестественнаго, страннаго и неразгаданнаго замѣтилъ онъ въ физіономіяхъ лицъ, мелькавшихъ тамъ уже не кучками, какая вошла 27 Ноября 1830 года съ Набѣлякомъ, а цѣлыми массами, словно ресурса давала вечеръ всей Варшавѣ.

Двери настежъ. Народъ входилъ и выходилъ. Лица сіяли. Шумъ и говоръ невѣроятный. Откупщикъ вина и табаку, банкиръ Кронебергъ, велѣлъ принести всевозможныхъ напитковъ и сигаръ, для угощенія публики даромъ.

Въ одномъ углу старой, закопченой, сумрачной залы, довольно давно не знавшей никакихъ реставрацій, собралось обсудить вопросы, нетерпѣвшіе отлагательства, все, что̀ въ красной партіи считало себя болѣе вліятельнымъ и старшимъ. Здѣсь была и вся бюргерія, приставшая къ Юргенсу и Денелю; въ самое послѣднее время присоединились кое-какіе и лишніе, не принадлежащіе никуда. Всѣмъ хо-

---

[78]) Mochnacki: Powstanie Narodu Polskiego 1830—31, Posnań 1865, II, 316.

тѣлось разыгрывать историческую роль, явиться на публичной аренѣ въ минуту... великую. Всѣмъ казалось, что пришла такая минута.

Послѣ неизбѣжнаго при подобныхъ сходбищахъ, неопредѣленнаго, хаотическаго крика, было рѣшено послать въ Замокъ депутатовъ, которые бы изложили передъ Намѣстникомъ въ надлежащемъ видѣ грустный фактъ нападенія войскъ на безоружныхъ и просили нарядить слѣдствіе для разсмотрѣнія поступка генерала Заболоцкаго, послѣ чего была составлена депутація, или (какъ обыкновенно говорятъ попольски) *делегація* изъ слѣдующихъ лицъ: отъ духовнаго сословія ксензы-каноники Іосифъ Вышинскій и Іосифъ Стецкій; отъ помѣщиковъ: Яковъ Пётровскій и Теофилъ Пётровскій; отъ кружка литераторовъ: Іосифъ Крашевскій и Іосифъ Кёнигъ; отъ военнаго сословія бывшій полковникъ Польскихъ войскъ (произведенный революціей 1830 года въ генералы) Іосифъ Левинскій; банкиры: Леопольдъ Кронебергъ и Матвѣй Розенъ; докторъ Титъ Халубинскій; купеческій голова Ксаверій Шленкеръ; фотографъ Карлъ Байеръ; адвокатъ Августъ Тршетршевинскій; старшина сапожничьяго цѣха Станиславъ Гишпанскій и главный Еврейскій раввинъ Майзельсъ [79]).

Но прежде чѣмъ эта делегація была составлена, въ Замкѣ успѣло перебывать нѣсколько самыхъ почетныхъ лицъ города, между прочимъ: архіепископъ Фіалковскій[80]), графъ Андрей Замойскій и Ѳома Потоцкій.

Всѣ они наговорили Намѣстнику такихъ вещей, какихъ Замокъ еще не слыхивалъ. Въ особенности странно велъ себя Потоцкій. Мы уже сказали, что въ эту пору, съ ве-

---

[79]) Байеръ и Майзельсъ по Варшавскому произношенію, собственно: Beier, Meisels. Шленкеръ сидѣлъ два мѣсяца въ Цидатели во время военнаго положенія. Сына его Іосифа сослали въ Сибирь, за участіе въ дѣйствіяхъ противъ Русскихъ войскъ, а онъ самъ бѣжалъ за границу въ Сентябрѣ 1863 года. Умеръ 15 Марта н. ст. 1871. Dzien. Poznańsk. 1871. 94.

[80]) О Фіалковскомъ говорили, что будто-бы на замѣчаніе князя Горчакова, что онъ велитъ открыть огонь изъ всѣхъ орудій Цидатели, онъ сказалъ: А я велю ударить во всѣ колокола.

чера 27 Февраля, не осталось въ городѣ ни одного истинно-благоразумнаго и благовоспитаннаго Поляка. Всѣ забылись передъ властію и стали съ ней неприлично и неосторожно шутить.

Еслибъ *одно такое слово*, какихъ десятки наговорилъ тогда Горчакову Потоцкій, раздалось въ Замкѣ въ присутствіи покойнаго фельдмаршала; еслибъ одно только такое слово... Но, Боже мой! При покойномъ фельдмаршалѣ ничего бы этого не было, никакой манифестаціи; стрѣлять было бы не по комъ, и делегаціи бы не сочинилось.

Надо знать, что въ Замкѣ, послѣ того, какъ мы его оставили, много воды утекло и многое перемѣнилось. Сверхъ напавшаго на всѣхъ непостижимаго страха и смущенія, самыя понятія о вещахъ были совсѣмъ не тѣ, что́ утромъ.

И здѣсь все сбилось съ толку, со своего надлежащаго, Русскаго, правительственнаго толку. Все стало до невѣроятности легковѣрнымъ. Всякій вздоръ, приносившійся съ улицы, напримѣръ о какомъ-то поголовномъ возстаніи, готовомъ ежеминутно вспыхнуть, принимали какъ нѣчто серьозное. Заболоцкій являлся въ глазахъ лицъ, окружавшихъ Намѣстника, преступникомъ, достойнымъ страшной кары, нарушителемъ общественнаго спокойствія, человѣкомъ, безобразно превысившимъ свою власть. Словомъ, что́ говорилось объ немъ въ бурной купеческой ресурсѣ угорѣлыми Поляками, хватившими даровaго Венгерскаго,—тоже самое повторялось и въ Замкѣ ничуть неугорѣлыми Русскими, не пившими въ этотъ день ни капли. И все это, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что въ головѣ Намѣстника произошелъ переворотъ мыслей совсѣмъ въ другую сторону. Такъ мало у каждаго изъ насъ своего собственнаго, такъ мало гражданскаго чувства—выступить впередъ и оппонировать. Тутъ-то всѣ такія лица, кто дѣйствительно понимаетъ вещи какъ онѣ есть, сейчасъ куда-то спрячутся. Спрятались они и въ Замкѣ, а князь Горчаковъ бѣгалъ, сконфуженный и потерявшійся какъ никогда и, казалось, искалъ человѣка, или хоть взора, на которомъ-бы могъ

опереться, или прочитать въ немъ что либо спасительное. Но такихъ взоровъ не было... О! это были самыя тяжкія минуты въ жизни князя Горчакова! Онъ страдалъ, жестоко страдалъ, потерявъ на Черной рѣчкѣ девять тысячъ удивительныхъ храбрецовъ, жаждавшихъ боя какъ праздника; онъ самъ рвался впередъ, можетъ быть затѣмъ, чтобъ быть убитымъ... онъ страдалъ еще больше, сдавъ непріятелю Севастополь; слезы не разъ показывались на его старыхъ рѣсницахъ... Но тамъ онъ имѣлъ хоть то извинительное утѣшеніе, что онъ уступилъ превозмогающей силѣ четырехъ державъ. Чтожъ теперь? Кому сдѣлана уступка? Кому сданъ неосажденный Севастополь? Какія бы горькія слезы потекли у него изъ глазъ, когда бы онъ сообразилъ, какъ глубоко пала Русская власть въ Замкѣ и Варшавѣ въ ту минуту! Но онъ ничего тогда не соображалъ; его только носило по комнатамъ, и онъ говорилъ поминутно: *donnez moi réfléchir* [81])! и не могъ ничего съ собой сдѣлать. Утреннее *parfaitement fait* было совсѣмъ истреблено изъ памяти, какъ будто и не существовало. Напротивъ, слышали, какъ у князя вырвались слова о Заболоцкомъ и Треповѣ: *Il faut les sacrifier* [82])?—Кому-же sacrifier?...

Послѣ депутаціи первыхъ почетныхъ лицъ (принятыхъ въ большой залѣ, направо, какъ поднимешься на лѣстницу, гдѣ стоятъ часовые) стали прибывать, одна за другой, разныя городскія депутаціи, съ которыми Намѣстникъ былъ то строгъ, то черезъ-чуръ привѣтливъ. Одинъ изъ его адъютантовъ удержалъ въ памяти слѣдующія слова какого-то высокаго ростомъ депутата, съ выразительной физіономіей: „La corporation des bouchers est prête à marcher contre vos canons, et demain, si les corps des saintes victimes ne seront pas rendues à la ville, pour être ensevelies so-

---

[81]) Т. е. дайте мнѣ подумать.

[82]) Т. е. надо ими пожертвовать.

lennelement, vous marcherez dans notre sang jusqu'aux genoux!“ [83])

Наконецъ уже довольно поздно, часу въ одиннадцатомъ ночи, прибыла депутація купеческой ресурсы и принята, какъ и всѣ послѣднія, во второй пріемной комнатѣ передъ кабинетомъ Намѣстника. Налѣво у окна, близь дверей, сталъ Шленкеръ. Рядомъ съ нимъ, направо, Кронебергъ; потомъ ксендзы Вышинскій и Стецкій. За ними сгруппировалось все прочее. Сапожникъ Гишпанскій помѣстился сзади всѣхъ, у входныхъ дверей.

Князь Горчаковъ вышелъ, имѣя по лѣвую руку Муханова, и проговорилъ довольно-строгимъ голосомъ; „Malheur est arrivé!—Grand malheur! [84])—повторилъ Шленкеръ, возвыся голосъ. Это какъ-бы смутило князя; онъ измѣнилъ тонъ и предложилъ высказаться. Нѣсколько делегатовъ стали говорить одинъ за другимъ. Сущность этихъ рѣчей заключалась въ краткомъ изложеніи случившагося утромъ на Краковскомъ предмѣстьѣ, послѣ чего сказано о крайнемъ раздраженіи города, оскорбленнаго войсками, о необходимости принять самыя быстрыя, энергическія мѣры, во избѣжаніе печальныхъ послѣдствій...

Затѣмъ начались обыкновенныя, можно сказать, дружескія бесѣды. Мухановъ старался быть съ делегатами какъ можно любезнѣе; говорилъ почти со всѣми, самымъ привѣтливымъ образомъ....

При такой обстановкѣ неудивительно, если спятилъ съ ума человѣкъ низменный, плохо-образованный, хозяинъ сапожничьей артели (какъ бываютъ хозяева артелей) если сбился Гишпанскій, увидавъ передъ собою власть совсѣмъ не такою, какъ она ему снилась за его убогой колодкой.

---

[83]) Т. е. Корпорація мясниковъ готова идти противъ вашихъ пушекъ, и завтра, коль скоро тѣла святыхъ жертвъ не будутъ возвращены городу для торжественнаго погребенія, вы замаршируете въ нашей крови по колѣно.

[84]) Т. е. Несчастіе случилось!—Великое несчастіе!

Онъ былъ, конечно, всѣхъ правѣе, и можетъ быть, говоря смѣло и фамильярно съ Намѣстникомъ, не сказалъ въ сущности ничего особеннаго.

Преданіе приписываетъ ему слѣдующія слова.

Когда князь Горчаковъ, откланиваясь депутаціи, замѣтилъ, что „все произошло отъ ошибки, отъ не такъ-понятаго приказа, и что особая комиссія разберетъ, кто правъ и кто виноватъ“—Гишпанскій будто бы сказалъ:

„Вотъ я, ваше сіятельство, сапожникъ, и у меня артель рабочихъ: если изъ моей мастерской выйдутъ плохіе сапоги, вы не станете спрашивать, гдѣ неловкій хлопецъ, который испортилъ товаръ, а крикните: подавай мнѣ сюда хозяина Гишпанскаго!“

— Стало быть, по твоему, виноватъ я? спросилъ будто бы Намѣстникъ, улыбаясь.

„Стало быть!“

Эта-ли выходка, или другое что, сказанное тутъ, не то позже, дѣйствительно обратили на Гишпанскаго вниманіе разныхъ высшихъ лицъ Замка. Имя его стало повторяться, всѣ желали имѣть его фотографическую карточку. Даже до самаго 1863 года висѣлъ на Краковскомъ предмѣстьѣ огромный фотографическій портретъ его, когда онъ самъ успѣлъ побывать въ Вяткѣ. Князь Горчаковъ, какъ говорятъ, звалъ его „маленькимъ Кавуромъ“.

Что̀ старина, то и дѣянье...

Въ заключеніе различныхъ объясненій, делегація Ресурсы подала Намѣстнику просьбу, состоявшую изъ такихъ пунктовъ:

1) Дозволить похоронить убитыхъ съ подобающимъ торжествомъ.

2) Войска и полицію во время похоронъ устранить.

3) Утвердить избранную городомъ делегацію до окончанія похоронъ.

4) Назначить оберъ-полицеймейстеромъ, вмѣсто полковника Трепова, генералъ-майора Паулуччи.

5) Освободить всѣхъ арестованныхъ въ тотъ день ($^{15}/_{27}$ Февраля).

6) Разрѣшить особымъ депутатамъ отправиться въ Петербургъ для подачи адреса Государю Императору.

Всѣ эти пункты были приняты немедля, исключая 4 и 6-го, и Горчаковъ простился съ делегатами, обѣщавъ имъ „при первомъ скопищѣ на улицѣ явиться лично и выслушать недовольныхъ“ [85]).

Не все-ли это было равно,что̀ пригласить народъ снова къ Замку?

Ресурса, ожидавшая делегатовъ съ нетерпѣніемъ, привѣтствовала ихъ кликами восторга. Всѣ лица засіяли еще болѣе, если только это было возможно. Никто и не воображалъ о такомъ благополучномъ исходѣ посольства.

А Горчаковъ съ нѣсколькими высшими лицами администраціи разсуждалъ въ Замкѣ объ остальныхъ двухъ пунктахъ просьбы, поданной делегатами, и нашелъ возможнымъ сдѣлать еще уступку: разрѣшить 4-й пунктъ, т. е. смѣнить оберъ-полицеймейстера; только пріемникомъ Трепову назначилъ не просимаго городомъ генерала Паулуччи, а полковника Демонкаля.

Извѣщенный объ этомъ президентъ города, д. с. с. Андро̀ послалъ немедля (часу въ первомъ ночи) за нѣсколькими делегатами и объявилъ имъ волю Намѣстника.

Но дѣти, потерявшія всякую мѣру въ своихъ требованіяхъ, стали еще настойчивѣе просить назначенія оберъ-полицеймейстеромъ генерала Паулуччи, говоря, что Демонкаль человѣкъ въ Варшавѣ новый, котораго никто хорошо не знаетъ, а Паулуччи всѣмъ извѣстенъ. „Воротись, поклонися рыбкѣ“.... Нечего дѣлать: Андро отправился въ За-

---

[85]) Записка полковника Добродѣева.—Авейде о делегаціи Ресурсы и пріемѣ ея княземъ Горчаковымъ высказывается такъ: «Намѣстникъ, колеблясь, принялъ депутатовъ и былъ то грознымъ, то уступчивымъ, но постоянно нерѣшительнымъ. На представляемыя ему желанія то отвѣчалъ угрозой и отвергалъ ихъ, то снова принималъ и одобрялъ. Такимъ образомъ, безпрестанно мѣняя тонъ, наконецъ согласился, если не ошибаюсь, на всѣ требованія и тѣмъ призналъ себя побѣжденнымъ толпою».

мокъ—и кто повѣритъ? Князь уступилъ и этой просьбѣ; но такъ-какъ приказъ о Демонкалѣ уже состоялся [86]), и измѣнять его было неудобно, то придумали для Паулуччи особый титулъ „главнаго начальника полиціи“ съ подчиненіемъ ему оберъ-полицеймейстера.

Иные Поляки послѣ говорили: „Помилуйте, какъ же намъ было не сбиться, когда вы сбились—правительственная сила! Вѣдь мы же все-таки Поляки; нельзя же намъ идти противъ себя? Смотримъ: даютъ, даютъ, валится откуда-то; мы и стали хватать“.

Послѣдній, 6-й пунктъ просьбы делегатовъ, былъ тоже до извѣстной степени принятъ: Намѣстникъ согласился на отправленіе адреса къ Государю Императору, только не съ особыми депутатами, а просто по почтѣ.

И адресъ этотъ стали спѣшно писать. Но объ этомъ послѣ. Пора спустить завѣсу ночи на этотъ бурный, невѣроятный день. Впрочемъ въ сущности, никто не спалъ. Ресурса готовила курьеровъ для возвѣщенія краю о побѣдахъ, одержанныхъ Варшавою надъ правительствомъ и о томъ, чтобы разныя сословія, въ возможно-большемъ числѣ, съѣзжались на торжественные похороны *пяти жертвъ*. Эти должности взяли на себя съ удовольствіемъ студенты Академіи и другіе старшіе воспитанники. Въ особенности въ курьеры рвались два младшіе брата Франковскіе: Иванъ и Левъ.

Партіи бѣлыхъ тоже нужно было кое-что обсудить.

И Замокъ имѣлъ свою ночную работу.

---

[86]) Отданъ въ ту же ночь. См. 56 № Gazety Warszawskiéj 1861. Тамъ же и о назначеніи Паулуччи, который носилъ попольски такой титулъ: Zawjadujący naczelnik policyą Warszawską.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ. — Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ. — Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятія Делегатовъ.—Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Велепольскій.—Упраздненіе Делегаціи.

Сильно шумѣла Купеческая Ресурса послѣ паденія пяти жертвъ, но едвали менѣе было шуму на другой день въ Земледѣльческомъ Обществѣ, на экстренномъ засѣданіи всѣхъ находившихся въ Варшавѣ его членовъ (какъ полагаютъ, около двухъ тысячъ).

Обдумывался вопросъ: что́ имъ дѣлать,—имъ, бѣлымъ? Если они устранятъ себя отъ движенія и передадутъ „книги въ руки“ младшимъ, хотя-бы эти младшіе выступили подъ предводительствомъ делегатовъ, утвержденныхъ Намѣстникомъ, дѣло будетъ немедля проиграно. Делегація, этотъ новый, невѣроятный Народный Сенатъ, на который обращены теперь всѣ очи и отъ котораго страна ожидаетъ какихъ-то чудесъ, конечно въ красномъ духѣ; Делегація, несмотря на почтенныя лѣта, сѣдину и лысину иныхъ ея членовъ, въ сущности тотъ же красный лагерь, какъ и безусые мечтатели и крикуны Академіи. Бо́льшая половина делегатовъ, если только не всѣ, знакомы и дружны съ Юргенсомъ, Годлевскимъ и прочими главами красныхъ. Бѣлымъ, настоящимъ бѣлымъ, овладѣть, во что-бы то ни стало, *всѣмъ движеніемъ*, забрать въ руки и Новаковскихъ, которые кричали, что если имъ дадутъ волю, то они сейчасъ-же воз-

мутъ Цитадель и Замокъ; и делегатовъ, которые покамѣстъ еще ничего особенно-дикаго не кричали, но... какъ-бы собираются крикнуть, да совѣстно. Все нужно забрать; но для этого слѣдовало предварительно обратить хотя немного глаза толпы въ другую сторону, хоть немного измѣниться въ глазахъ Варшавы и Польши. Варшава и Польша смотрѣли на бѣлыхъ недружелюбно, отчасти какъ на людей, соединенныхъ такъ или иначе съ правительствомъ, зачастую помогавшихъ правительству тормозить заговоры, парализовать дѣйствія всего того, что̀ считалось въ краѣ живымъ и спасительнымъ; отчасти какъ на людей, думавшихъ только о своихъ интересахъ и привиллегіяхъ и не хотѣвшихъ дѣлиться этимъ добромъ съ низшею братіею, дѣлать уступки, приносить жертвы, тѣмъ менѣе становиться въ рядахъ защитниковъ отечества въ критическую минуту. Варшава и Польша знали хорошо, кого бѣлые суютъ обыкновенно въ такіе опасные ряды, запрягаютъ въ черную работу; а сами, когда дѣло кончится благополучно, норовятъ только захватить власть и командовать, но командуютъ всегда очень плохо.

Понятно теперь, почему Варшава, въ минуту, нами изображаемую, устремила свои глаза вовсе не туда, гдѣ стоялъ грандіозный Намѣстниковскій палацъ [1]), огромный трехъ-этажный домина, съ двумя по обѣимъ сторонамъ его, неменѣе огромными, флигелями,—этотъ когда-то пышный дворецъ Радзивилла, съ комнатами, гдѣ подписана была конституція 1815 года и гдѣ позже диктаторствовалъ Круковецкій. Не туда смотрѣла Варшава послѣ событій 27 Февраля, а на сѣрый, неказистый домикъ близъ Римарской улицы, уже извѣстный читателямъ, — домикъ, гдѣ устроилась Делегація.

Про бѣлыхъ, про Земледѣльческое Общество тогда никто и не думалъ, какъ будто они вовсе не существовали въ

---

[1]) Мѣсто засѣданій Земледѣльческаго Общества.

Польшѣ. Ихъ превращенія въ красныхъ къ вечеру 27 Февраля никто не замѣтилъ, какъ не замѣтили и ихъ торжественнаго поѣзда въ Замокъ и не слыхали заносчивыхъ патріотическихъ криковъ графа Ѳомы Потоцкаго передъ Намѣстникомъ; тогда какъ про выходку сапожника Гишпанскаго говорили всѣ и его карточки покупали на расхватъ, такъ-что Байеръ едва успѣвалъ ихъ стряпать. Бѣлые совершенно понапрасну вдругъ поглупѣли и перешли въ младшій возрастъ. Выстрѣлъ пропалъ даромъ.

Какъ же было теперь поправить дѣло? Гдѣ скрывались такія силы, которыя могли-бы заставить Варшаву снова вспомнить о Земледѣльческомъ Обществѣ, объ его заслугахъ краю, о несомнѣнныхъ патріотическихъ завоеваніяхъ? Какъ было сдѣлать, чтобы голоса бѣлыхъ стали хоть немного слышны среди этой невѣроятной сумятицы и хаоса?

Часть членовъ заявила, что только „*немедленное постановленіе о надѣлѣ крестьянъ землею и скорѣйшее приведеніе этого въ исполненіе*“ могло бы вновь разогрѣть охлажденіе массы къ Обществу, отозвалось-бы въ городѣ благопріятно. Въ пользу этой мѣры были всѣ не такъ богатые, но не въ ихъ власти было рѣшеніе. Рѣшалъ Комитетъ, состоявшій, само собою разумѣется, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ было неудобно разставаться съ вѣковѣчными привиллегіями своего сословія, самимъ занести на нихъ руку. Какъ ни опасна была минута, но барская закоснѣлость, шляхетство одержали верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Комитетъ Земледѣльческаго Общества нашелъ, что надѣлъ хлопа землею потребовалъ-бы въ скоромъ времени совершеннаго освобожденія его отъ рабства, но къ этому еще не сдѣлано надлежащихъ подготовленій; а потому, вмѣсто надѣла, учредить пока *наслѣдственныя аренды* (systemę wieczystych dzierżaw) на образецъ Англійскій, что̀ и было принято.

Когда городъ узналъ о такомъ рѣшеніи Земледѣльческимъ Обществомъ вопроса, всѣхъ тогда естественно за-

нимавшаго,—все поднялось противъ Комитета Общества, противъ его вождей. Положеніе бѣлыхъ стало еще хуже. До этой минуты объ нихъ не говорили просто ничего; теперь-же называли ихъ отсталыми, мертвецами, дикими людьми, неспособными ни на какую патріотическую жертву [2]).

Комитетъ растерялся и не нашелъ другаго выхода, какъ слиться съ Ресурсою и помогать ей искренно во всемъ, что̀ бы такое она ни затѣяла.

Ресурса писала *адресъ*: бѣлые предложили тутъ не только свои соображенія, но даже и перья, не отказываясь потомъ и подписать то что̀ будетъ составлено и одобрено общими силами. Это конечно для противуположной стороны было дѣломъ очень важнымъ. Она соединилась отъ всего сердца въ этихъ работахъ со своими антагонистами. Вся Варшава представила на ту̀ пору истинно едино тѣло, единъ духъ. Даже, кто повѣритъ? Нелюбимый никѣмъ, антипатичный маркизъ Велепольскій суетился тутъ-же и въ началѣ, правда, нѣсколько мгновеній, не нарушалъ гармоніи. Бѣлые вообще такъ хлопотали, что за ними даже осталось поле дѣйствій, какъ будто бы они одни, безъ красныхъ, сочиняли адресъ.

Авейде говоритъ, что партіи писавшихъ раздѣлились на два главные лагеря: „одни, болѣе всего маркизъ Велепольскій, рекомендовали проэктъ *адреса опредѣленнаго* (adresu określonego) т. е. адреса, который-бы ясно обнималъ желанія народа относительно возвращенія Конституціи 1815 года, съ соотвѣтственными конечно настоящему времени измѣненіями и съ тою, какъ кажется, разницею, чтобы о своемъ Польскомъ войскѣ не упоминать вовсе“.

„Другіе, во главѣ которыхъ стоялъ всѣми уважаемый помѣщикъ Ставискій, предлагали проэктъ *адреса съ неопредѣленными условіями* (adresu nieokreślonego), т. е. слѣдовало только сказать, что намъ-де не хорошо; что нами

---

[2]) Такъ разсказываетъ объ этомъ фактѣ Авейде, II, 10, *примѣч.* Другихъ источниковъ для того мы не имѣли.

управляютъ несогласно съ нашими потребностями, а потому мы желаемъ, дабы въ будущемъ всѣ наши дѣла пользовались бо́льшимъ покровительствомъ законовъ, нежели это было до сихъ поръ“ [3]).

Этотъ послѣдній адресъ восторжествовалъ; иные думаютъ, отчасти потому, что на другой сторонѣ стояла непріятная для всѣхъ фигура Велепольскаго. Спрячься Велепольскій тогда за другія плечи, дѣло, можетъ быть, пошло-бы иначе.

Ставискій, при помощи нѣсколькихъ другихъ бѣлыхъ и небѣлыхъ, написалъ слѣдующее:

„Горестныя событія, недавно случившіяся въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшая за ними глубокая скорбь, которая проникла всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ Вашего Величества, отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что Ваше благородное сердце, Государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа“.

„Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями какихъ-либо отдѣльныхъ классовъ населенія;

---

[3]) Авейде II, 16.—Онъ добавляетъ къ этому еще слѣдующее: «Мнѣ говорили, что въ этомъ адресѣ (т. е. *неопредѣленномъ*) принимаемы были во вниманіе два совершенно противурѣчащія одно другому соображенія и цѣли; во первыхъ, чтобы, не зная еще вполнѣ настроенія Монарха, не возстановить Его какъ нибудь противъ насъ и не оскорбить заявленіемъ опредѣленныхъ желаній. Во вторыхъ, чтобы опредѣленныхъ адресомъ не связать себя передъ правительствомъ никакими, такъ сказать, условіями и имѣть чрезъ то, на будущее время, въ резервѣ открытую дорогу просить о чемъ-либо болѣе важномъ, нежели конституція 1815 года безъ войска, напр. хоть объ этомъ войскѣ и о присоединеніи къ Польшѣ Литвы и Руси. Кромѣ того, въ неопредѣленномъ адресѣ не говорилось, *чѣмъ именно мы будемъ окончательно довольны*, но молчаливо, однако для всѣхъ вразумительно, допускалась всегдашняя возможность обратиться къ желаніямъ о возстановленіи самобытной Польши, въ прежнихъ ея границахъ, а слѣдовательно и къ мысли о революціи. Адресомъ-же съ точно опредѣленными условіями, утвержденнымъ нашими подписями, мы сами закрывали дорогу всѣмъ своимъ планамъ и стремленіямъ къ самобытной Польшѣ. Такъ покрайней мѣрѣ въ то время разсуждали, разрѣшая вопросъ объ адресѣ».

напротивъ того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ непризнанныхъ. Болѣе полустолѣтія страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіи вѣковъ учрежденіями либеральными, народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія Монарху жалобъ и для выраженія общественныхъ нуждъ: все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе подать свой голосъ, какъ только стономъ жертвъ, а потому и не перестаетъ приносить эти жертвы".

„Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями. Несчастія не только не ослабили, напротивъ еще болѣе укрѣпили его. Все, что̀ его оскорбляетъ, или неосторожно относится къ нему,—волнуетъ умы. Край видитъ съ грустію, что если эти нужды останутся неудовлетворенными, это подорветъ всякое довѣріе между правителями и управляемыми. Довѣрія не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственныя, принудительныя мѣры, не ведущія ни къ чему. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію со своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матерьяльно, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій".

„Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной Европейской семьѣ онъ одинъ, въ настоящее время, лишенъ необходимыхъ условій къ существованію, безъ которыхъ никакое общество не можетъ слѣдовать путемъ развитія до цѣлей, указанныхъ ему Провидѣніемъ".

„Повергая къ стопамъ Трона выраженія нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе Вашего Императорскаго Величества,

мы осмѣливаемся, Государь, взывать къ Вашему великодушію".

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные."

„Варшава 27 Февраля 1861 года".

Адресъ этотъ, переведенный на Французскій языкъ графомъ Андреемъ Замойскимъ, былъ подписанъ прежде всего архіепископомъ Фіалковскимъ и затѣмъ 180-ю лицами первыхъ дворянскихъ фамилій Царства Польскаго, представленъ Намѣстнику и посланъ имъ немедля въ Петербургъ.

Потомъ подписи продолжали сбираться по всему городу разными способами и въ разныхъ пунктахъ, между прочимъ въ кондитерской Конти (что нынѣ Люрса, на углу Европейской гостинницы) куда народъ сзывали съ улицы неопредѣленными кучками, въ 20, 30, 40 и болѣе человѣкъ. Чтецъ становился на мраморныя ступени, которыми подымаются въ бильярдную и читалъ адресъ собравшимся, послѣ чего ихъ заставляли подписываться, выпускали на улицу и кликали новую кучку.

Дня въ два набралось такимъ образомъ 18 тысячъ подписей. Затѣмъ Намѣстникъ приказалъ прекратить подписыванье.

А странный и упрямый Велепольскій носился въ это время со своимъ адресомъ и собиралъ для него подписи!...

Конечно, на него никто не смотрѣлъ и никто его не слушалъ. Массы помѣщиковъ толклись, вмѣстѣ со всякимъ другимъ народомъ, кто только считалъ себя вправѣ подавать голосъ,—то въ Купеческомъ клубѣ, то въ Европейской гостинницѣ, и обдумывали теперь вопросъ погребенія убитыхъ. А нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ чиновникъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Лейя, съ помѣщикомъ Пётровскимъ, выставивъ въ окно шляпы, собирали всякія пожертвованія. Народъ, толпившійся напротивъ, на площадкѣ, что между Европейской гостинницей и Ордонансъ-гаузомъ, долго стоялъ въ раздумьи: давать или не давать; но когда кто-то опустилъ въ шляпу первую монету,—деньги и цѣнныя вещи посыпались довольно щедро.

Можно было дѣлать что̀ угодно. Варшава представляла тогда видъ исключительный: города безъ полиціи и войскъ; даже... почти безъ правительства.

Около 10 часовъ дня (28 Февраля н. ст.) явился въ залу Европейской гостинницы генералъ Паулуччи и, какъ увѣряютъ, спросилъ у присутствующихъ: „Желаютъ-ли они имѣть его въ званіи главнаго начальника полиціи?“ Всѣ прокричали: ура! Кое-гдѣ раздалось: „И Гарибальди Итальянецъ, и это Итальянецъ! Да здравствуютъ Итальянцы! Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Паулуччи!“ [4]).

Какъ это именно было — добраться трудно. Несомнѣнно только, что Паулуччи являлся къ помѣщикамъ въ Европейскую гостинницу и выслушалъ отъ нихъ разные привѣтственные крики. Что-то дѣйствительно кричали о Гарибальди и объ Итальянцахъ. Подобные же крики раздались тогда и у входа въ гостинницу, гдѣ толпилась вѣчно куча народу.

Побесѣдовавъ любезно съ помѣщиками въ залѣ, маркизъ Паулуччи отправился въ 64 номеръ, для присутствованія при форменномъ осмотрѣ тѣлъ вторымъ отдѣленіемъ Варшавскаго полицейскаго суда, прибывшимъ въ узаконенномъ комплектѣ съ реентомъ и 12-ю помѣщиками, въ качествѣ свидѣтелей.

Кромѣ того набилось туда-же много всякаго любопытнаго народу; успѣлъ побывать и фотографъ Байеръ [5]), съ фотографическимъ апаратомъ, для снятія убитыхъ во всей красѣ, съ отверзтыми въ сторону зрителей ранами; и скоро эти карточки полетѣли по всей Польшѣ.

Второе отдѣленіе полицейскаго суда, сообразивъ по тогдашнему всѣ обстоятельства дѣла, составило такой протоколъ:

„Такъ-какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается несомнѣннымъ, что смерть лицъ, подлежащихъ нынѣ судебно-

---

[4]) Авейде, II, 12, 13, *примѣчаніе*.

[5]) И, кажется Вильнёвъ, имѣвшій фотографію въ самой гостинницѣ,

медицинскому изслѣдованію, произошла отъ ранъ, нанесенныхъ воинскими чинами изъ огнестрѣльнаго оружія, за что виновные могутъ впослѣдствіи подвергнуться законной отвѣтственности, то необходимо, для присутствованія при таковомъ изслѣдованіи, потребовать военнаго депутата".

Онъ потребованъ и явился въ 64-й номеръ того-же числа, въ 2 часа пополудни.

Началось вскрытіе тѣлъ, и составленъ новый протоколъ, названный „слѣдственнымъ дѣломъ о разысканіи причины смерти господъ: Рутковскаго, Карчевскаго, Бренделя и Адамкевича".

Дѣло объ Арцыхевичѣ, лежавшемъ въ домѣ Замойскихъ, составлено особо тѣмъ-же вторымъ отдѣленіемъ Варшавскаго суда.

Оба эти дѣла очень любопытны и хорошо рисуютъ минуту. Мало того, что пресерьезно описано *положеніе тѣлъ* на матрасахъ, въ номерѣ гостинницы, послѣ того какъ они объѣхали нѣсколько улицъ, были кидаемы и перекидываемы и наконецъ уложены въ фотографическихъ позахъ,—въ протоколъ помѣстили даже слѣды нечистотъ на ягодицахъ одной жертвы, несовсѣмъ переваренный картофель въ желудкѣ другаго трупа и наиточнѣйшее описаніе пули, найденной въ третьей жертвѣ.

Словомъ, дѣлалось не дѣло, а шалили непристойнымъ образомъ дѣти, спущенныя не во время съ помочей; и эту шалость, эту иронію надъ властями долженъ былъ нисколько не шутя подписать Русскій военный депутатъ!

Естественно, что въ Русскихъ кружкахъ Варшавы, особенно между военными, которымъ было приказано какъ-можно менѣе показываться на улицахъ, поднялся ропотъ. Иные говорили прямо, что „князь Горчаковъ сдалъ Полякамъ Варшаву!"...

По окончаніи медицинско-судебнаго изслѣдованія, тѣла были сложены въ приготовленные заранѣ особые черные гроба, убитые былыми гвоздями, и снесены ночью въ верхній

храмъ Свенто-Кршискаго костела, въ видѣ исключенія, по торжественности случая (обыкновенно-же покойниковъ ставятъ въ нижнемъ храмѣ, въ такъ-называемыхъ *катакомбахъ*).

Вокругъ гробовъ, поставленныхъ такъ, что одинъ приходился въ серединѣ, а четыре по угламъ, явилось къ утру, 1 Марта н. ст., множество цвѣтовъ и деревьевъ изъ лучшихъ оранжерей города. Весь храмъ обитъ изнутри чернымъ сукномъ, пожертвованнымъ разными суконными фабрикантами. Особые народные констабли, изъ учащейся и другой городской молодежи, каждый съ бѣлой перевязью на лѣвой рукѣ, заботились о сохраненіи порядка при входѣ и выходѣ, впуская народъ дверями каплицы, что подлѣ аптеки, а выпуская въ главныя двери, гдѣ статуя Спасителя. Давка была неимовѣрная. Все знатное и незнатное, всѣхъ возрастовъ, отъ преклонныхъ стариковъ и старухъ до дѣтей десяти-двѣнадцати лѣтъ, или немного старше, протискивалось къ гробамъ, помолиться, потрепетать и поплакать, призывая на Москалей всевозможные перуны. Все, разумѣется, было въ глубочайшемъ траурѣ.

Тутъ, въ этихъ черныхъ, траурныхъ волнахъ двигавшагося взадъ и впередъ народа, замѣтны были болѣе всего легкія, юркія, одушевленныя существа, которыхъ во всякое время довольно въ Варшавѣ, но тогда ихъ какъ-будто еще откуда-то прибыло чуть не вдвое. Эти легкія, прелестныя существа играютъ важную роль въ жизни Поляковъ вообще и особенно ревностно, можно сказать храбро и отчаянно, служатъ возстаніямъ.

Немного странъ на свѣтѣ, гдѣ-бы этотъ элементъ выдвигался на столько впередъ, столько значилъ для своего народа, какъ въ Польшѣ. Въ мужскомъ населеніи Польши происходятъ разныя перемѣны, смотря по тому, каковъ политическій воздухъ, каковы правители; мужское населеніе можетъ иногда попятиться назадъ, уступить, перекраситься въ другой цвѣтъ, просто-за-просто утомиться въ борьбѣ и впасть въ апатію, даже не конспирировать (хотя Мох-

нацкій и говоритъ, что конспирація вѣчно живетъ въ Польскомъ народѣ). Женское населеніе Польши никогда не измѣняется: на немъ лежитъ постоянно одна и таже окраска. Женщина въ Польшѣ—вѣчная, неугомонная, неизлечимая повстанка. Мущина-Полякъ можетъ быть бѣлый, красный, коричневый, мало-ли какихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; Полька можетъ быть только красная. Всѣ Польки—красныя. Всѣ онѣ кипятъ и клокочутъ. Это маленькіе, движущіеся вулканчики. Чуть притронулся — ужъ и полетѣли искры! Воображенія ихъ нельзя сдержать ничѣмъ. Оно летитъ Богъ знаетъ куда. Польская женщина вся—воображеніе, пламень и молитва. Въ иныя минуты, правда, на нее дѣйствуетъ немного ксендзъ, вооруженный Распятіемъ, отпущеніемъ грѣховъ и пѣкломъ. Другаго начальства она не признаетъ; напротивъ, у нея самой есть постоянное стремленіе подобрать къ своимъ рукамъ, къ своимъ хорошенькимъ ручкамъ, рѣшительно все, и она подбираетъ. Она характерна, она молодецъ, эта Польская женщина, нечего сказать; въ ней есть что-то мужественное, удалое. Разсматривая ее внимательно, вы вспомните Харему Бахчисарая, разныхъ Венеціанокъ, Испанокъ: Югъ, а не Сѣверъ. Типическій гербъ Варшавы недаромъ представляетъ *Сирену съ саблей.* Это вѣрно какъ нельзя больше, вѣрно исторически. Мы-бы, для полноты картины, вложили въ другую руку Сирены молитвенникъ, Oltarzyk Złoty, который точно также ея никогда не оставляетъ. Она тотъ-же инокъ-рыцарь, что̀, по словамъ Мицкевича,

Oczy utkwiwszy w nieprzyjacioł szaniec,
Nabija strzelbę i liczy różaniec [6]).

И вотъ этотъ-то кипучій элементъ выступилъ теперь на сцену; тараторилъ, помогалъ мущинамъ проникать туда, куда, казалось, никакъ нельзя проникнуть; молился и плакалъ и шилъ все траурное, что̀ было нужно для торжественныхъ похоронъ жертвъ.

---

[6]) «Устремивъ глаза въ станъ непріятеля, заряжаетъ ружье и перебираетъ четки.»

Таковъ характеръ Польской женщины вообще. Всѣ онѣ бѣгутъ на встрѣчу всякому бурному движенію, всѣ исполнены однимъ и тѣмъ же духомъ. Но болѣе всего служитъ и полезенъ возстаніямъ средній классъ женскаго населенія Польши, даже и не средній: эти дочери управляющихъ домами, не то „принципаловъ“ разныхъ ремесленныхъ заведеній, не то мелкихъ чиновниковъ; наконецъ дочери Богъ ихъ знаетъ чьи, эти барышни, не барышни, горничныя, не горничныя, гризетки, не гризетки, которыхъ выгоняютъ изъ ихъ немудрыхъ жилищъ, съ третьяго и четвертаго этажа, на Варшавскіе тротуары утренніе лучи, особенно въ ясный, хорошій день—и онѣ бѣгутъ, разсыпаются въ разныя стороны, сами подобныя яркимъ, игривымъ лучамъ, и стрѣляютъ въ васъ и въ магазины своими быстрыми газельими глазками.

Онѣ всегда одѣты очень мило, иной разъ хоть куда. Но не судите по этому блеску обо всемъ остальномъ. Вы не можете представить, по какимъ лѣстницамъ, мимо какихъ кадокъ пролетаютъ эти обворожительныя ножки, обутыя въ изящнѣйшій башмачекъ, всегда какъ-бы сейчасъ только-что сшитый; вы не можете представить, на какой комодъ кладутся эти иногда довольно-дорогія серьги и кольца, въ какой шкапъ запираются эти пышныя пальто и бурнусы, и какія, въ заключеніе всего, супы и жаркія проглатываетъ храбрый, повстанскій желудокъ проголодавшихся Сиренъ.

Вечеромъ многія изъ Сиренъ въ театрѣ, но никогда не платятъ за это денегъ. Какъ и откуда являются у нихъ билеты на всякія удовольствія,—разъясненіе этого вопроса завлекло-бы насъ далеко въ сторону... Сирены смертельно любятъ театръ, маскарады, танцы, въ особенности танцы. За лишній часъ танцевъ, за маскарадъ, иная Сирена поставитъ на карту всю жизнь, будущее спасеніе души. Въ

этомъ она совершенная женщина, слабое, безсильное существо. Скажите ей въ иную минуту, что если еще одинъ туръ вальса,—и все кончено, грянутъ громы, земля разверзнется подъ ея ногами: она пропуститъ все это мимо ушей и помчится вальсировать съ отчаяніемъ, съ упоеніемъ, какого мы съ вами, скромный мой читатель, ни отъ чего не знаемъ.

И вотъ этотъ-то кипучій элементъ выступилъ теперь на сцену и былъ видѣнъ вездѣ. Сирены пробивались сквозь всѣ преграды въ храмъ Св. Креста, съ оттоптанными ножками, измятыя, розовыя, дышащія пламенемъ, со слезами на глазахъ; онѣ жужжали точно черныя мухи, какъбы стараясь показать, что и онѣ члены огромной патріотической семьи, вѣрныя дочери пробудившейся отчизны, не менѣе кого иного способныя приносить жертвы. И въ самомъ дѣлѣ, не одна пара послѣднихъ, завѣтныхъ серегъ опустилась въ шляпу Лейи, выставленную въ окно Европейской гостинницы, передано секретно въ руку ксендза, или другаго кого, сбиравшаго „складки“ на дѣло отчизны.

Дома на третьихъ и четвертыхъ этажахъ, проворныя ручки Сиренъ шили въ это время траурныя платья для бѣдныхъ людей, приготовляли черные ковры съ бѣлыми крестами и каймами на балконы болѣе-видныхъ домовъ. Кто-бы другой нашилъ тогда всякаго трауру на всю Варшаву, еслибъ не такая масса усердныхъ, даровыхъ патріотическихъ ручекъ! На этотъ разъ Сирены подчинились странному начальству изъ молодежи, обыкновенно покорной, падающей Сиренамъ до ногъ; начальству изъ академиковъ, которыхъ Сирены не удостоиваютъ даже называть полнымъ именемъ, а даютъ имъ, на своемъ сиреньемъ жаргонѣ, только отрывокъ ихъ имени: *мики* вмѣсто *академики*.

Ко 2-му Марта все было готово. Умы значительно успокоены. Труднѣе всего было угомонить Новаковскаго съ братіей, который заявлялъ очень громко въ Ресурсѣ и вездѣ, гдѣ только могъ быть услышанъ хоть немного его голосъ, что ему мѣшаютъ завершить патріотическіе подвиги его товарищей взятіемъ Цитадели, или хоть Замка, посредствомъ огромной манифестаціи, гдѣ бы участвовалъ весь городъ; что лучшаго момента для этого нѣтъ и не будетъ.

Вслѣдствіе такихъ криковъ Новаковскаго и его единомышленниковъ, распространились по городу слухи, что во время похоронъ вспыхнетъ революція, и что вся торжественная обстановка погребальнаго обряда клонится единственно къ тому, чтобы собрать поболѣе народа. Для этого рѣзники Сольца и другихъ захолустныхъ мѣстъ Варшавы хотѣли явиться на похороны съ топорами и съ ножами. Князь Горчаковъ до того серьезно отнесся ко всѣмъ этимъ угрозамъ и до того боялся за свой Замокъ, что призвалъ къ себѣ одного офицера и вручилъ ему двѣ шкатулки, для передачи командиру Цитадели, на храненіе впредь до востребованія; при этомъ сказалъ офицеру, что̀ именно заключается въ шкатулкахъ. Начальникъ штаба тоже что-то передалъ тому-же лицу. А генералъ-губернаторъ Паню-тинъ, еще прежде, послалъ на храненіе въ Цитатель два большихъ сундука. Кромѣ того, около 20 человѣкъ высшихъ чиновъ отправили туда-же разныя вещи [7]). Валы Цитадели приказано было одно время уставить солдатами и зарядить орудія [8]).

Делегаты говорили Русскимъ властямъ, что отвѣчаютъ за спокойствіе города; между тѣмъ сами побаивались своихъ шалуновъ, и одинъ делегатъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ во всѣхъ слояхъ населенія, ходилъ пресерьезно уговаривать мясниковъ оставить свои затѣи.

---

[7]) Сообщено автору тѣмъ самымъ офицеромъ, который принялъ отъ князя Горчакова шкатулки.

[8]) Сообщено разными офицерами-очевидцами.

Кромѣ того, въ разныхъ газетахъ явились два такихъ воззванія:

„Въ субботу, 2 Марта, въ 10 часовъ утра, произойдетъ погребеніе жертвъ, погибшихъ 27 Февраля. Во имя любви къ отечеству, во имя самыхъ священныхъ и дорогихъ для каждаго изъ насъ обязанностей, заклинаемъ жителей города, чтобы честь, отдаваемая жертвамъ въ минуту погребенія ихъ тѣлъ, сопровождалась возможно-бо́льшимъ порядкомъ и спокойствіемъ. Жители Варшавы, послушайтесь братьевъ вашихъ!“

(Слѣдуютъ подписи делегатовъ [9]).

Второе воззваніе, отъ 1 Марта, было таково:

„Мы, нижеподписавшіеся, делегаты города Варшавы, объявляемъ, что если кто либо изъ жителей будетъ замѣченъ завтра съ *оружіемъ* [10]) въ рукахъ, того сочтутъ измѣнникомъ отечеству“.

Наступило 2-е Марта. Съ ранняго утра Варшава облеклась въ глубокій трауръ, исполнясь необычайной тишиной и торжественностью, какъ-будто бы дѣло шло о погребеніи нѣсколькихъ королей, умершихъ разомъ.

Изъ оконъ улицъ, по которымъ должно было тянуться шествіе, и съ балконовъ нѣкоторыхъ домовъ, какъ напримѣръ Европейской гостинницы, свѣшано черное сукно, съ бѣлою каймою по краямъ и такими-же крестами по срединѣ. Вездѣ разставлены народные констабли съ особеннымъ знакомъ на шляпѣ и бѣлой перевязью на рукѣ. Нашей полиціи не было и тѣни. Даже всѣ военные вообще, офицеры и солдаты, вслѣдствіе секретнаго, строжайшаго предписанія, не смѣли выглянуть на улицу. Только небольшая кучка солдатъ забралась на крышу Ратуши и Ар-

---

[9]) Ксендзъ І. Вышинскій, ксендзъ І. Стецкій, Ксаверій Шленкеръ, Яковъ Пётровскій, Іосифъ Левинскій, Теофилъ Пётровскій, А. Гршетршевинскій, І. І. Крашевскій, Іосифъ Кёнигъ, Карлъ Байеръ, С. Гишпанскій, докт. Халубинскій, Л. Кронебергъ, Матвѣй Розенъ.

[10]) Крупно въ подлинникѣ.

сенала и глядѣла оттуда на запретный спектакль. Народъ показывалъ на нихъ пальцами и смѣялся.

Погода вполнѣ благопріятствовала торжеству.

Въ 10-мъ часу, послѣ того, какъ ученики музыкальнаго института, подъ дирекціи А. Контскаго, исполнили *Requiem* сочиненія І. Стефани, причемъ партіи solo исполнялись лучшими артистами Польской оперы [11]), — процессія тронулась изъ храма Св. Креста по Краковскому предмѣстью, на лѣво.

Вмѣсто войскъ, въ видѣ какъ-бы необходимаго воинскаго украшенія, ѣхало впереди нѣсколько человѣкъ любимой городомъ пожарной команды, съ брандмейстеромъ во главѣ.

Потомъ ѣхалъ, верхомъ-же, начальникъ полиціи генералъ Паулуччи, въ полной парадной формѣ; иные говорили, даже снявши каску.

Далѣе шли сироты и старцы Варшавскаго благотворительнаго общества, воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, всевозможные цѣхи, со своими знаменами, убранными въ траурныя ленты. Тутъ-же было, какъ увѣряютъ иные, знамя съ гербомъ Литвы и Польши.

Затѣмъ: католическое духовенство, тѣла убитыхъ, несомыя на рукахъ почетнѣйшими гражданами; Еврейское духовенство, въ своемъ національномъ платьѣ и, согласно требованію ихъ обряда,—съ покрытыми головами.

Въ заключеніе шли такъ называемые *друцяжи*, въ своихъ оборванныхъ гуняхъ и со своими широкими шляпами въ рукахъ [12]).

---

[11]) *Gazeta Warszawska* 1861, № 60

[12]) *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

Друцяжи (*Dróciarze*, проволочники, отъ *drót*—проволока) бѣдная ребятежь Карпатскихъ горъ. Они бродятъ по всѣмъ городамъ Польши, лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платьѣ: въ коричневой *гунѣ* (родъ пальто-сака) накинутой на грязную рубашку, увѣшанные пучками проволоки, мышеловками и тому-подобными проволочными издѣльями. Шляпы на нихъ тоже коричневыя, съ большими полями. Нерѣдко друцяжи обращаются къ прохожимъ, какъ нищіе, прося милостыни, и имъ подаютъ, какъ и всякимъ другимъ нищимъ.

Словомъ, не было забыто ни одно сословіе Варшавы.

Комитетъ Земледѣльческаго Общества рисовался у всѣхъ на виду, подлѣ гробовъ. О графѣ Андреѣ Замойскомъ говорили, что онъ шелъ *подъ руку съ крестьяниномъ*. Современный литографическій листокъ, изображающій похороны, представляетъ Замойскаго *рядомъ съ крестьяниномъ* и какъ-бы разговаривающаго съ нимъ. У крестьянина *подвязанная рука*: значитъ, это одинъ изъ раненныхъ въ свалкѣ 25 или 27 Февраля.

Многія дамы просили позволенія возложить на плечи хотя одинъ гробъ, но имъ поручили нести большой терновый вѣнецъ, „*символъ торжества и невинности* — godło zwycięstwa i niewinności, какъ выразилась потомъ одна газета [13]).

Вся масса участвовавшихъ въ погребеніи простиралась, по газетамъ, до ста тысячъ человѣкъ [14]). Иные считаютъ до ста шестидесяти.

Дойдя до Европейской гостинницы, процессія поворотила на лѣво, черезъ Саксонскую площадь, а за тѣмъ слѣдовала обыкновеннымъ путемъ по Вержбовой, Бѣлянской и Пршеязду—на Повонзки [15]).

На Повонзкахъ гроба жертвъ опущены въ могилу одинъ подлѣ другаго, и надъ каждымъ возведена особая насыпь. Всѣ эти насыпи тотчасъ покрылись вѣнками и цвѣтами, а потомъ обозначены крестиками [16]).

Ксензы на кладбищѣ произносили патріотическія рѣчи, а студенты раздавали присутствующимъ фотографіи убитыхъ, части терновыхъ вѣнковъ, лежавшихъ на гробахъ, и по пяти клочковъ полотна, омоченнаго въ неповинной крови [17]).

---

[13]) *Gazeta Codzienna* 1861, № 60,

[14]) *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

[15]) Главное Варшавское кладбище.

[16]) Въ такомъ видѣ эти насыпи оставались до 1866 года, если только не позже. Но теперь ихъ уже нѣтъ.

[17]) Записка полковника Добродѣева.

Артисты оперы, съ учениками музыкальнаго института, при участіи сверхъ того нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ публики, спѣли маршъ Нидецкаго [18]).

По возвращеніи толпы въ городъ, замѣченныя на Вержбовой улицѣ театральныя афиши были сорваны. Тоже самое послѣдовало и на другой день [19]). Начинался трауръ, воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій. По городу ходилъ *циркуляръ* (okolnik) будто-бы архіепископа Фіалковскаго, которымъ предписывалось всѣмъ жителямъ Польши, названной *присносущею* (odwieczna Polska) наложить на себя трауръ и носить его въ теченіе неопредѣленнаго срока. Женщинамъ позволялось имѣть бѣлое платье только въ день сватьбы [20]).

Всѣ послушались этого циркуляра.

*

Теперь, съ погребеніемъ убитыхъ, должно-бы, казалось, окончиться все необычайное и наступить прежняя, обыкновенная жизнь города. Желанный спектакль сыгранъ; публика удовольствована; предметъ, раздражавшій болѣе или менѣе умы, убранъ прочь, лежитъ въ могилѣ. Что мѣшало выступившей изъ береговъ рѣкѣ войти въ обычное русло? Энергическіе люди совѣтывали Намѣстнику разрубить узелъ, связавшійся какъ-то такъ, роковымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, отчасти какъ-бы минуя все то, что можно назвать собственными нашими промахами и потворствомъ либеральному движенію. Совѣтовали: туже минуту огласить военное положеніе, которое было уже написано [21]); закрыть Делегацію, ввести въ Купеческій клубъ войска

---

[18]) *Gazeta Warszawska*, 1861, № 60.

[19]) Представленіе въ день похоронъ было отмѣнено. На другой день, 3-го Марта н. с., шли піесы: въ Большомъ театрѣ—два акта *Сомнамбулы* и два акта *Эсмеральды*; въ Маломъ: Kłara i Dziyadła, czyli odrodzony. Были только Русскіе.

[20]) Любопытные могутъ видѣть этотъ циркуляръ въ брошюрѣ: Wiadomości z kraju z lat 1860—1861, Lipsk, 1863, стр. 5. Въ Русскомъ переводѣ въ *Библ. для Чтенія* 1864, *Генв.*, стр. 27.

[21]) Объ этомъ сказывалъ автору бывшій тогда директоромъ канцеляріи Намѣстника, т. с. Казачковскій.

(какъ это сдѣлано позже съ Малымъ Театромъ, при несравненно меньшей опасности), пустить по городу патрули, и подъ впечатлѣніемъ всего этого рѣшать вопросъ о томъ, что̀ дѣлать далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что все бы присмирѣло и явилось скорѣе на сторонѣ силы, чѣмъ тогда, когда сила перестала быть силою. Даже красный повстанецъ Авейде говоритъ объ этомъ въ своихъ *Запискахъ* нѣчто подобное: „Правительство обязано было уничтожить Делегацію, Клубъ и делегаціонную полицію, тотчасъ послѣ погребенія пяти жертвъ. Не сдѣлавъ этого, оно неизбѣжно должно раздѣлить съ Поляками отвѣтственность за послѣдствія сорокадневнаго безначалія... Народъ, избалованный такимъ положеніемъ вещей, привыкъ въ безпорядочной жизни и началъ считать ее нормальною и естественною“.

Но мало-ли что хорошаго совѣтуется правителямъ въ иныя трудныя минуты; мало-ли что̀ еще лучше пишется и выводится послѣ заднимъ числомъ, когда фактъ уже совершился, громъ грянулъ и, что̀ называется по просту, „изъ боку уже не вынешь“; когда всякій прапоршикъ становится опытнѣе и умнѣе фельдмаршала. Увы! Исторія ломитъ своимъ неотразимымъ путемъ; въ ней есть что-то неоспоримо роковое; даже, какъ выразился кто-то, своя иронія. Въ ея скрижаляхъ никакъ ничего не подчистишь, подобно тому, какъ подчищаются бумаги въ разныхъ канцеляріяхъ.

Такъ и тутъ: роковыя волны накатились на насъ.

Слабость-ли и нерѣшительность властей, или ужъ такіе міазмы, носившіеся въ воздухѣ и парализовавшіе обычный ходъ дѣлъ,—что̀ бы тамъ ни было, только разрубить узелъ Александра Македонскаго въ тогдашней Варшавѣ никого не нашлось. Узлу предоставили развязываться медленно, мало-по-малу, какъ онъ захочетъ самъ. Нашло на всѣхъ какое-то затмѣніе; отнято пониманіе самыхъ простыхъ вещей. Кажется, Заболоцкій достаточно-ясно показалъ описаннымъ выше „фокусомъ Пинетти“, что̀ такое эти яко бы опасныя уличныя массы; а все-таки ихъ продолжали

какъ-бы бояться. Вообще, боялись неизвѣстно чего, какого-то сочиненнаго призрака. Такимъ образомъ энергическіе голоса раздались въ пространствѣ напрасно. Военное положеніе убрано подъ сукно; бараки для войскъ, начавшіе было строиться на разныхъ площядяхъ, сняты; Народный Сенатъ Купеческой Ресурсы оставленъ заниматься *своими* дѣлами.

Конечно никто не явился помогать слабости и испугу, какими ознаменовала себя въ то время власть. Напротивъ, каждый Полякъ только и думалъ, какъ-бы побольше выиграть изъ такого неожиданнаго и невѣроятнаго оборота вещей. Всѣ бѣлые и не-бѣлые точно стакнулись между собою—успокоивать правительство фразами, а подъ шумокъ вести патріотическіе подкопы. Куда правительство ни обращалось, вездѣ встрѣчало оппозицію, если не явную, то тайную; совершенное отсутствіе готовности идти съ нимъ объ руку, какъ это весьма недавно дѣлали многіе изъ бѣлыхъ, почти всѣ делегаты, отъ которыхъ мы прежде всего могли ожидать успокоительныхъ мѣръ, кому для этого и были вручены бразды правленія.

Делегаты выпустили,послѣ погребенія пяти жертвъ, такое *воззваніе*:

„Вчера совершилось погребеніе жертвъ, павшихъ въ Середу. Вчера народъ доказалъ, что понимаетъ значеніе обязанностей въ отношеніи къ отечеству. Всѣ безъ изъятія, соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, мы прощались съ погибшими. Братья! Пусть это чувство обязанности правитъ нами и впредь во всякую минуту!“

Кажется, ничего особеннаго не написано, но въ то напряженное время, когда у каждаго Поляка были совсѣмъ особыя „уши слышати“, въ этихъ строкахъ было сказано очень довольно. Слова: *соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ* стали типическою фразою многихъ подобныхъ публикацій.

Чтобы не отстать отъ Ресурсы, Земледѣльческое Общество выпустило въ свѣтъ такой-же *одобрительный* плакатъ, относившійся собственно къ учащейся молодежи:

„Именемъ всѣхъ членовъ Земледѣльческаго Общества, Комитетъ онаго благодаритъ васъ, благородное юношество Академіи и школъ, за оказанную вами помощь къ сохраненію порядка въ минуту столь печальнаго и вмѣстѣ торжественнаго обряда погребенія жертвъ, павшихъ 27 Февраля, между коими было также нѣсколько членовъ Земледѣльческаго Общества“ [22]).

„Примѣрнымъ поведеніемъ своимъ вы дали доказательство того, что обладаете всѣми качествами, кои въ будущемъ сдѣлаютъ изъ васъ достойныхъ и полезныхъ сыновъ отечества, которое мы вмѣстѣ съ вами всѣмъ сердцемъ любимъ и которому служить есть священная обязанность каждаго“.

Затѣмъ первымъ дѣломъ Делегаціи было учредить особый „Комитетъ для поставленія памятника павшимъ 27 Февраля, также и для оказанія помощи оставшимся послѣ нихъ семействамъ, равно и вспомоществованія раненнымъ 25 и 27 Февраля“. Кратко называли его: „Памятнико-вспомогательнымъ Комитетомъ“ [23]). Онъ засѣдалъ въ той-же Купеческой Ресурсѣ, гдѣ и Делагація. Сверхъ того тамъ-же засѣдала „Дирекція блюстителей безопасности и общественнаго спокойствія“, подъ предсѣдательствомъ купца Осипа Квятковскаго.

Одного такого факта, какъ учрежденіе Комитета для постановленія памятника жертвамъ, о которыхъ надо было поскорѣе забыть, достаточно, чтобы показать, *по какой дорогѣ* пошла Делегація. *Нѣсколько недѣль сряду* Коми-

---

[22]) Собственно двое: Рутковскій и Карчевскій.

[23]) Лица, его составлявшія, по Маевскому: Предсѣдатель каноникъ Іосифъ Вышинскій; члены: Карлъ Байеръ, Карлъ Маевскій; акціонеръ Европейской гостиницы Вамбахъ; редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ и генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ І. Левинскій. Позже, по случаю увеличившихъ занятій, приглашены еще студентъ Мед. Хирур. Академіи Шанявскій и Фохтъ. Сумма всѣхъ пожертвованій, по Маевскому, простиралась до 260 тыс. злотыхъ.

тетъ печаталъ свои воззванія и отчеты во всѣхъ газетахъ Варшавы и собиралъ приношенія. Допустившее такія чудеса правительство все смотрѣло и какъ-бы ждало поворота дѣлъ въ другую сторону.

Но делегаты шли дальше. Въ числѣ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, стоялъ прежде всего вопросъ Еврейскій. Мы видѣли выше, что еще въ 1859 году была почувствована Польскимъ обществомъ Варшавы необходимость сблизиться съ Евреями. Читатели помнятъ исторію Кёнига [24]). Но тогда дѣло кончилось ничѣмъ. Евреи могли еще оставаться для Поляковъ „народомъ въ народѣ“ и даже, пожалуй, ласкаться къ правительству и считать свои Еврейскіе интересы чѣмъ-то другимъ отъ интересовъ края. Теперь настали иныя минуты. Особенно нельзя было шутить съ Евреями, которыхъ въ одной Варшавѣ, на 200 тысячъ населенія, почти половина и которые поставили христіанскую половину (во всѣхъ городахъ Польши) въ такую отъ себя зависимость, что когда они запираютъ, въ субботній шабашъ, свои лавки, христіанамъ это весьма чувствительно. А исчезни они совсѣмъ, христіане просто бы растерялись и не знали, что̀ дѣлать. Теперь необходимо было знать, куда именно тянетъ Еврей и его капиталы? Симпатизируетъ онъ или нѣтъ Польскому движенію? Словомъ: якъ бида, то до Жида, какъ говоритъ пословица.

Никто конечно не сомнѣвался, что Польскій Еврей, особенно образованный,—въ душѣ Полякъ, а не Русскій, что онъ не промѣняетъ Польши ни на какую страну въ мірѣ; что онъ, также какъ и Полякъ, считаетъ Москаля варваромъ и притѣснителемъ. Но тѣмъ не менѣе, было что-то такое, разъединявшее тѣхъ и другихъ; лежалъ постоянно между тѣми и другими какой-то непереступаемый порогъ. Еврей-Полякъ все-таки назывался у Поляковъ проклятымъ именемъ Жида и никогда не игралъ, между настоящими Поляками, роли Поляка, какъ бываютъ Поляки вообще, русое

---

[24]) См. выше, стр. 154.

Славянское племя, съ русымъ молодецкимъ усомъ, которага Жиду не отростить, какъ онъ ни бейся. Мало того, что Жиды съ Жидовскими фамиліями не шли въ гармонію съ Поляками: народъ помнилъ даже фамиліи Жидовъ, перешедшихъ въ католичество еще при Якубѣ Франкѣ [25])—фамиліи, по звуку совершенно Польскія. Всякій мальчикъ, всякая дѣвочка пересчитаютъ вамъ эти фамиліи по пальцамъ. Даже, когда рѣчь зайдетъ о Воловскомъ или Маевскомъ, иной Полякъ, или Полька позволяютъ себѣ замѣтить съ пренебреженіемъ: „а, Волóскесъ, Маèскесъ!“ И всякій понимаетъ, что̀ это значитъ. Случается, что такихъ Поляковъ честятъ *мехесами*, что̀ значитъ собственно *выкрестъ*: слово обидное, произносимое негромко. Вслѣдствіе этого, въ общемъ, конечномъ результатѣ выходило, что Жиды Польши оставались ничѣмъ инымъ, какъ Жидами, отъ Поляковъ отдѣльно, хотя въ сущности тоже были Поляки, а никто другой.

Делегація рѣшилась теперь сгладить какъ нибудь эти шероховатости, произвести хотя искусственное, хотя временное, *повстанское* сближеніе двухъ разныхъ элементовъ.

По давнимъ законоположеніямъ страны, Евреи Польши не пользовались одинаковыми правами съ коренными жителями Польскаго происхожденія. Въ Варшавѣ они, между-прочимъ, не принадлежали къ мѣстному купеческому обществу, а составляли свою особую купеческую корпорацію. Равно ихъ нельзя было выбирать въ судьи Коммерческаго Трибунала и въ нѣкоторыя другія должности.

---

[25]) Молдавскій Еврей Яковъ Лейбовичъ, прозваніемъ *Франкъ*, склонилъ, во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, многихъ изъ своего племени перейти наружно въ христіанскую вѣру, для пріобрѣтенія общихъ всѣмъ христіанамъ привиллегій. Эти перешедшіе приняли въ Польшѣ даже и фамиліи Поляковъ.—Подробности о жизни и дѣйствіяхъ Франка можно узнать въ брошюрѣ Скимборовича, изданной въ Варшавѣ въ 1866 году: *Żywot i nauka Jakóba Józefa Franka.*

Это было указано прежде всего и, по иниціативѣ делегата Шленкера, состоявшаго главою Варшавскихъ купцовъ, Варшавское купеческое общество приняло купцовъ-Евреевъ въ свое лоно, и одинъ банкиръ Еврейскаго происхожденія сдѣланъ ихъ старшиною.

Когда такимъ образомъ рѣшили вопросъ о Евреяхъ, вопросъ Мехесовъ рѣшался самъ-собою. Одинъ изъ Мехесовъ, человѣкъ уважаемый всѣмъ городомъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ дирекціи кредитнаго общества Варшавской губерніи.

Правительство утвердило и то, и другое назначеніе. А Евреи, въ благодарность за вниманіе къ нимъ Польскаго общества, выдали вскорѣ *циркуляръ Евреевъ города Варшавы къ Евреямъ всего края*, исполненный дружескихъ чувствъ къ Полякамъ и приглашавшій всѣхъ Евреевъ Польши помогать, чѣмъ и какъ случится, христіанамъ-католикамъ. Всѣ несчастія при этомъ сваливались, разумѣется, на правительство. Одно высшее лицо, весьма близкое къ Намѣстнику, названо въ этомъ циркулярѣ *сатанинскимъ врагомъ*— Szatańskim wrogiem [26]).

Болѣе ничего неизвѣстно о занятіяхъ делегатовъ между 1 и 6 Марта н. стиля. Мы слышали, что всѣ свои протоколы за это время они отправляли въ Познань, къ Владиславу Неголевскому и однажды, вмѣстѣ съ протоколомъ, отослали какую-то бумагу, полученную отъ Намѣстника. Такъ-какъ Горчаковъ любилъ всѣ свои бумаги передѣлывать по нѣскольку разъ, онъ потребовалъ и эту, для пересмотра и передѣлки. Отвѣчали, что она „затеряна“; а чего затеряна: она мчалась къ Неголевскому!

6 Марта н. ст. засѣданія делегатовъ перенесены, по распоряженію Намѣстника, въ Ратушу, и къ нимъ приставленъ наблюдатель, генералъ Паулуччи, въ званіи предсѣдателя. Помощникомъ ему назначенъ генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ Левинскій. Что до числа членовъ, делегатамъ предоставлено выбрать хоть еще столько же. Предѣлъ

[26]) Авейде, II, 39.

службы ихъ въ Ратушѣ обусловливался временемъ полученія отвѣта на поданный адресъ.

Сущность дѣла, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вслѣдствіе оставленія всего прочаго на прежнихъ мѣстахъ, —нисколько не измѣнилась. Делегаты, окончивъ засѣданіе въ Ратушѣ съ генераломъ, отправлялись въ Ресурсу и тамъ имѣли новое засѣданіе, гдѣ досказывалось то, что было скрыто въ Ратушѣ, писался новый протоколъ и летѣлъ по желѣзной къ Неголевскому. А тѣ протоколы, которые составлялись въ Ратушѣ, были секретно литографируемы въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разлетались по городу, въ видѣ какъ-бы отчетовъ, подаваемыхъ Делегаціею всему обществу и народу о томъ, что такое она дѣлаетъ въ Ратушѣ, какъ хлопочетъ изо всѣхъ силъ, отстаивая то или другое въ отечественныхъ интересахъ. При этомъ факты не рѣдко сильно искажались, такъ-что присутствовавшій на засѣданіи генералъ не узналъ иной разъ этого засѣданія въ прочитанномъ имъ печатномъ протоколѣ.

На это печатаніе правительство смотрѣло сквозь пальцы, какъ и на многое другое, какъ и на все что дѣлалось кругомъ Поляками. Делегату Байеру, съ нѣсколькими другими фотографами, дозволялось распространять въ публикѣ тысячи, десятки тысячъ карточекъ пяти жертвъ, въ разныхъ форматахъ. Говорятъ, что учебныя заведенія края выписывали эти карточки изъ Варшавы по числу учащихъ и учащихся, съ уступкою противъ Варшавской цѣны нѣсколькихъ процентовъ: именно по 30 коп. вмѣсто 50. Въ это-то время, какъ увѣряютъ весьма многіе, закладывался фундаментъ одного четырехъ-этажнаго дома на Краковскомъ предмѣстьи....

Одновременно съ фотографіями были распространяемы, съ вѣдома делегатовъ, особенныя медали, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ Богоматери, а на другой сломаннаго креста, вокругъ котораго была надпись: *Спаси Господи* (Ratuj Oicze!) и стояли цыфры 25 и 27.

Тѣже цыфры писались и вырѣзывались ножемъ на деревянныхъ скамьяхъ Саксонскаго, Красинскаго и Ботаническихъ садовъ, даже на иныхъ деревьяхъ, стоявшихъ на видныхъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кое-гдѣ сохранились онѣ и до сихъ поръ.

Внутри края, по дорогамъ, воздвигались большіе деревянные кресты, подобные тѣмъ, какіе вообще разсѣянны по Польшѣ и Малороссіи, и на нихъ выставлялись тѣже знаменательныя цыфры 25 и 27, иной разъ сопровождаемыя объясняющими дѣло надписями. Такъ стояли они по крайней мѣрѣ до 1866 года, а мѣстами, вѣрно, стоятъ и до нынѣ.

Лего понять, что все это сильно дѣйствовало на воображеніе массы, подымало духъ народа, какъ тогда выражались руководители движенія; подготовляло тотъ воздухъ, который потребенъ настоящему заговору.

Во многихъ городахъ Царства Польскаго образовались самовольно провинціальныя делегаціи, на подобіе Варшавской, съ тою-же обстановкой народной стражи и сборщиковъ пожертвованій; но такъ-какъ это не было утверждено правительствомъ и даже мѣстами преслѣдовалось, то провинціальныя делегаціи не имѣли большой силы, и стража ихъ вовсе не пошла въ ходъ. Что-же до Варшавской городской стражи,—она ходила по улицамъ какъ-бы законные правительственные патрули, производила аресты, вмѣшивалась въ порядокъ на базарахъ и гдѣ случится. Само-собой разумѣется, что при этомъ происходили весьма комическія сцены...

Правительство, допустивъ эти патрули, хотѣло, повидимому, дать какую нибудь работу горячимъ головамъ, занять дѣтей игрушками на то время, покамѣстъ вопросъ рѣшится такъ или иначе,—и тогда снова усадить за школьныя лавки. Узелъ и тутъ развязывался медленно. Между тѣмъ ребята, бродя по улицамъ и денно и нощно, цѣлый мѣсяцъ или около того, конечно пріобрѣли заговору коекакіе сподручные матерьялы. Авейде выражается объ этомъ такъ: „Манифестаторы, усмирявшіе манифестаторовъ, дѣти,

сдѣлавшіяся преждевременно совершеннолѣтними, сближались съ народомъ, становились оракулами толпы и командовали ею не по приказу тѣхъ, отъ кого получили власть, а по приказу особыхъ революціонныхъ вождей".

О самой Делегаціи, постоянно внушавшей правительству, что только одними мягкими мѣрами можно дойти до лучшаго и прочнѣйшаго разрѣшенія вопроса,—Авейде говоритъ такъ: „Несмотря на достойный уваженія характеръ ея членовъ, на ихъ разсудительность и житейскую опытность, Делегація, въ отношеніи сердца, не различалась ничѣмъ отъ самыхъ юныхъ манифестаторовъ. Она, какъ и всѣ мы, терялась въ облакахъ неопредѣленныхъ чувствъ; какъ и всѣ, прельщалась этимъ приливомъ религіозно-патріотическихъ восторговъ; не только боялась успокоивать взволнованные умы, не только не заботилась объ этомъ и за это не принималась; напротивъ того, продолженіе волненія ей очевидно нравилось, и она его поддерживала... вполнѣ одобряла хаотическія собранія разнаго рода политиковъ въ Купеческой Ресурсѣ; являлась въ эти собранія съ рапортами, кокетничала съ народомъ.... А вѣдь было ясно какъ день, что Клубъ представлялъ въ то время пристанище и центръ агитаціи, мастерскую будущихъ манифестацій и заговоровъ".

„Я не допускаю, говоритъ онъ далѣе, чтобъ мысль о заговорѣ могла родиться въ умахъ консервативныхъ членовъ Делегаціи. Они дѣйствовали, въ отношеніи правительства, съ добрымъ намѣреніями, но ничуть не хуже, если только не лучше, хорошо-устроеннаго и сознательно идущаго къ своей цѣли заговора» [27]).

Разрѣшенная правительствомъ *октава* [28]) по убитымъ конечно пріобрѣла новыхъ ратниковъ революціонному движенію. Это была тоже манифестація, точнѣе: нѣсколько

---

[27]) II, 23—26.

[28]) Панихида на 8-й день.

манифестацій вдругъ. По разнымъ костеламъ служились торжественныя панихиды. У Св. Креста былъ исполненъ новый Requiem, подъ управленіемъ А. Контскаго. Дамы высшаго круга собирали квесту. Начала княгиня Любомірская, урожденная графиня Замойская. Собрано, кромѣ денегъ, много разныхъ цѣнныхъ вещей: серегъ, колецъ, браслетовъ, брошекъ... Одушевленіе доходило до послѣдней степени. Женщины плакали навзрыдъ.

У реформатовъ, при такой-же торжественной обстановкѣ панихиды, управлялъ хорами оперный композиторъ Монюшко. Въ числѣ пѣвцовъ находился первый теноръ Варшавской оперы, Добрскій, который спѣлъ подъ конецъ особый патріотическій гимнъ.

Правительство знало всѣ подробности этихъ манифестацій, имѣло въ рукахъ списки всѣхъ гимновъ и рѣчей. Оно, какъ уже было замѣчено, рѣшилось идти до конца мягкою, терпѣливою дорогою всевозможныхъ уступокъ: оно наряди-ло *Коммиссію* для изслѣдованія дѣла о выстрѣлахъ.

11 Марта н. ст. Коммиссія эта, состоявшая изъ Варшавскаго коменданта генералъ-майора Мельникова, предсѣдателя уголовнаго суда Вечорковскаго и юрисконсульта коммиссіи финансовъ, „защитника“ 9 и 10 департаментовъ Правительствующаго Сената, Коисевича, подъ предсѣдательствомъ командира 2-го пѣхотнаго корпуса, генер.-отъ инфантеріи Липранди,—открыла свои засѣданія въ намѣстниковскомъ дворцѣ.

Подобныя коммиссіи служатъ полнымъ отголоскомъ того, что̀ думаютъ о разбираемомъ происшествія высшія власти. Такъ и настоящая Коммиссія взглянула на дѣло глазами князя Горчакова и кое-кого изъ вторившихъ ему лицъ въ Замкѣ, — лицъ крупнаго чина, и трудно сказать, что̀ было-бы съ несчастнымъ генераломъ Заболоцкимъ, еслибъ слѣдователи обратились въ судей. Замѣтимъ читателямъ, что двое изъ членовъ были къ тому-же Поляки.

Коммиссія видѣла передъ собою только *букву происшествія:* что Заболоцкій „не имѣлъ никакого приказанія вы-

вести роту", въ чѣмъ онъ и не запирался; напротивъ, выразился въ рапортѣ командиру 2-го корпуса, отъ 26 Февраля ст. ст. 1861, за № 18, съ прямотою и смѣлостью солдата такъ: „чтобъ взять 7-ю роту Низовскаго пѣхотнаго полка изъ манежа примасовскаго дома, я не имѣлъ ничьего приказанія". Коммиссія видѣла эту *букву* происшествія, но не видѣла его *сокровеннаго смысла*. О снисхожденіи къ человѣку, растерявшемуся въ тѣ роковыя минуты, точно также какъ растерялись всѣ, раненному, а потому взволнованному, главное-же, *увѣренному, что онъ дѣйствуетъ правильно*, не могло быть и помину. Для изслѣдователей не существовалъ общеевропейскій законъ, говорящій, что бываютъ заблужденія, которыя способны измѣнить все, представить событіе въ обратномъ видѣ. Довольно, что Намѣстникъ и Варшава были убѣждены, что Заболоцкій виноватъ: стало быть онъ и былъ виноватъ. Зачѣмъ тутъ разсуждать и призывать на помощь мудреные и таинственные процессы человѣческой души!

Изъ такого предвзятаго взгляда на предметъ вытекли и соотвѣтственные пріемы въ изслѣдованіи. Коммиссія не довѣряла самымъ простымъ объясненіямъ генерала и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Когда напр. Заболоцкій и старшіе адъютанты главнаго дежурства 1-й арміи, подполковникъ Гришинъ и капитанъ Роткирхъ, замѣтили въ одинъ голосъ, что „около Почты подъѣзжалъ къ ротѣ какой-то Кубанскій казакъ, который сказалъ то-то и то-то": *sancta simplicitas*, храбрый казачина Заваровъ, „изъ перерусскихъ Русскій", приглашенный Коммиссіей въ свидѣтели, возразилъ (будучи, самъ не зная какъ, проникнутъ тѣмъ-же *модным*ъ и общимъ въ то время преслѣдованіемъ Заболоцкаго) что „никакого казака генералъ не могъ встрѣтить у Почты, потому-что всѣ казаки были у Бернардинскаго костела и на Замковой площади, а въ другіе пункты онъ, Заваровъ, казаковъ не посылалъ."

Это показалось Коммиссіи до такой степени важнымъ, что она предложила Заварову выстроить на Замковой площади

всѣхъ казаковъ, а Заболоцкаго, стараго сѣдаго генералъ-лейтенанта, просила пройтиться по ихъ рядамъ и отыскать казака, котораго онъ видѣлъ у Почты. Генералъ прошелся и, на бѣду свою, *не отыскалъ* казака! [29]) Заваровъ торжествовалъ, не видя, вмѣстѣ со всѣми другими, какой страшный соблазнъ производитъ въ городѣ эта сцена, въ ущербъ нашему дѣлу и успокоенію края.

Въ числѣ странныхъ пріемовъ, допущенныхъ Коммиссіей, было, между-прочимъ, совершенно-невѣроятное „свидѣтельствованіе Ветеринарнымъ Факультетомъ казацкихъ лошадей, раненныхъ въ свалкѣ 27 Февраля, чѣмъ-то острымъ, въ родѣ ножа". Составлены акты на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ величина раны (*черезъ двѣ недѣли послѣ происшествія*!) описывается не только въ дюймахъ, но даже въ линіяхъ. Описаніе раны одного коня занимаетъ полліста.

Такимъ усердіемъ къ дѣлу пылали члены Коммиссіи съ мѣсяцъ; потомъ охладѣли. Засѣданія ихъ изъ намѣстниковскаго дворца перенеслись на квартиру предсѣдателя и приняли небрежный, халатный характеръ. Можетъ-статься, было почувствовано и то, что къ дѣлу подошли не съ той стороны... [30])

14 (26) Мая, за четыре дни до смерти князя Горчакова когда онъ уже нисколько не управлялъ Варшавой, Коммиссія, неизвѣстно по чьему приказанію, закрыта, и все велѣно предать забвенію. Однако исписано 329 листовъ.

Между-тѣмъ какъ узелъ развязывался такимъ образомъ, межъ-тѣмъ какъ „мастерская манифестацій" хаотически разсуждала о своихъ Польскихъ дѣлахъ, причемъ Новаковскій съ пріятелями постоянно вызывался взять Цитадель и Замокъ,

---

[29]) Цитированное выше дѣло «о происшествіи въ городѣ Варшавѣ 15 (27) Февраля 1861 года», стр. 82.

[30]) Иные смотрятъ на дѣло такъ: коммиссія якобы и не прочь была оправдать Заболоцкаго, отыскавъ какую-либо точку опоры, напр. еслибъ было фактически доказано *стрѣлянье* повстанцевъ; но солдаты, показавшіе это, подъ присягу однако не пошли.

лишь-бы только ему не мѣшали; межъ-тѣмъ какъ народные констабли пресерьезно маршировали по улицамъ, воображая, что несутъ важную службу отечеству, и дѣлалось еще много страннаго, невѣроятнаго въ разныхъ пунктахъ Варшавы: въ это время Замокъ придумывалъ выходъ изъ такого положенія вещей, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ и поворота кое-кого изъ консерваторовъ на прежнюю дорогу; ожидая и отъ Делегаціи, что она, пококетничавъ съ ребятами и занявъ ихъ какими-нибудь пустяками, обратится къ правительству и подастъ ему искренно и честно руку помощи. Но не тутъ-то было. Никто не шелъ. Напротивъ, казалось, что все краснѣетъ съ каждымъ часомъ больше и больше; пламень разливается шире и шире. Надо было забѣжать впередъ и преградить ему дорогу; надо было образовать какъ можно скорѣе консервативную среду изъ Поляковъ-же; *отыскать, во что-бы то ни стало*, лице, около котораго, по вѣсу и вліянію его въ обществѣ, собралась-бы масса людей, способная направить ходъ всей машины, пожалуй, хоть и попольски, но только не радикально во вредъ Русскимъ правительственнымъ интересамъ. Но среди того волненія, въ какое было приведено все въ краѣ и въ Варшавѣ, среди волненія, которое поддерживалось самимъ правительствомъ, когда самые спокойные и умѣренные имѣли положительное право сбиться съ толку, трудно, очень трудно было найти Поляка, который-бы отважился надѣть на себя Русскій мундиръ и принять градъ стрѣлъ. Никто изъ вліятельныхъ Поляковъ, сколько-нибудь дорожившихъ своимъ общественнымъ положеніемъ, не подумалъ-бы итти въ такую службу, садиться на такое шаткое, опасное кресло. Даже и старыя зданія расшатывались и грозили паденіемъ. Главный директоръ коммиссіи финансовъ (по нашему министръ) Ленскій подалъ въ отставку. Директоръ коммиссіи юстиціи, Воловскій тоже собирался въ отставку, а потомъ и подалъ... Было что-то уже въ родѣ заговора. Взять Русскаго, онъ-бы, казалось, не сладилъ. О Русскомъ не было тогда и рѣчи. Вниманіе правительства сосредоточилось на одномъ Поль-

скомъ аристократизмѣ изъ самыхъ крупныхъ, поставленномъ разными обстоятельствами отдѣльно отъ всѣхъ и уже довольно давно искавшемъ въ Русскихъ. Это былъ маркизъ Александръ Велепольскій.

Этому лицу, до сихъ поръ несовсѣмъ выясненному событіями, о коемъ судятъ вкривь и вкось и какъ придется, выпала на долю видная и серьезная роль въ Польскомъ возстаніи; потому мы считаемъ нелишнимъ обрисовать его читателю со всѣхъ сторонъ, какія только намъ извѣстны, коснувшись нѣсколько и его родословной.

Въ половинѣ XVI столѣтія былъ Полоцкимъ, а позже Краковскимъ епископомъ нѣкто Петръ Мышковскій, князь Сѣверскій, извѣстный по своему высокому уму и любви къ наукамъ и искусствамъ, который оставилъ племянникамъ, Сигизмунду и Петру Мышковскимъ, огромное наслѣдство, заключавшееся въ капиталахъ на сумму, тогда весьма большую, 8.000.000 злотыхъ[31]) и въ имѣніяхъ: Хробежъ, Пинчовъ, Ксёнжъ и Мировъ — въ Краковскомъ воеводствѣ; Орышовъ и Шимановъ — въ Мазовецкомъ; Вепржъ — въ Силезіи, и еще кое-какихъ мелкихъ деревняхъ въ разныхъ пунктахъ Польши.

Черезъ пять лѣтъ по смерти дяди (1596), Сигизмундъ Мышковскій получилъ отъ папы Климента VIII маргравское достоинство, а князь Мантуанскій, Викентій Гонзага, передалъ ему свой гербъ и титулъ.

Новый маргравъ, иначе маркизъ, основалъ, совокупно съ братомъ своимъ Петромъ, въ 1601 году, одну изъ шести Польскихъ ординацій, извѣстную подъ именемъ „ординаціи Мышковскихъ“[32]).

---

31) Милліонъ двѣсти тысячъ рублей.

32) Остальныя пять ординацій бывшаго Польскаго королевства суть слѣдующія: 1) Ординація Замойскихъ на Замостьѣ и Щебржешинѣ (1589); 2) Князей Радзивилловъ — на Олыкѣ и Несвижѣ (1589); 3) Острогскихъ на Острогѣ (1609); 4) Сулковскихъ на Радзынѣ (1775) и 5) Клецкая и Давидгродская — князя Льва Радзивилла. Земли этихъ ординацій составили бы нынѣ, еслибъ существовали въ первоначальномъ

Въ концѣ XVII вѣка одинъ изъ Мышковскихъ оставилъ дочь (которая вышла замужъ за нѣкоего Іордана) и внучку по сынѣ, котораго пережилъ. Эта внучка была выдана за Велепольскаго.

Іорданъ и Велепольскій затѣяли процессъ изъ-за Мышковской ординаціи. Послѣ многихъ схватокъ въ судахъ и въ полѣ (тогда уже входили въ моду такъ-называемые нарѣзды, въ родѣ того, что̀ описанъ Мицкевичемъ въ поэмѣ Панъ-Тадеушъ) Велепольскій, чуть-ли не пращуръ нашего, одержалъ верхъ: Мышковская ординація, съ титуломъ маркиза, перешла въ эту фамилію.

Во дни Станислава-Августа, маркизъ Іосифъ Велепольскій, женатый на сестрѣ великаго маршала Бѣлинскаго, выхлопоталъ себѣ, при помощи послѣдняго, позволеніе у Австрійскаго правительства продать часть маргравства. Король Саксонскій, герцогъ Варшавскій Фридрихъ-Августъ, позже подтвердилъ это. Такимъ образомъ ординація Мышковскихъ распалась на двѣ половины: одну изъ нихъ, оцѣненную въ 20 милліоновъ злотыхъ, пріобрѣлъ нѣкто Іоаннъ Ольрихъ, меценасъ Варшавскаго суда, за 8 милліоновъ злотыхъ, изъ коихъ 6 пошло на уплату долговъ, а 2 назначено въ приданое маргравини Христины, единственной дочери вышеупомянутаго Іосифа Велепольскаго, вышедшей замужъ за нѣкоего Бонтани.

Изъ оставшейся части, цѣнимой въ 12 милл. злотыхъ, образована новая ординація на Мышковѣ, которая досталась въ наслѣдство двоюродному брату Іосифа Велепольскаго, также Іосифу [33]).

Это былъ отецъ маркиза Александра.

видѣ (говоритъ Крыжановскій, авторъ сочиненія *Dawna Polska*), почти половину теперешняго Царства Польскаго.

Въ настоящее время въ Польшѣ находятся только три ординаціи: Замойскихъ, Красинскихъ и Радзивилловская.

Русскихъ маіоратовъ въ Царствѣ около 200.

[33]) Брошюра: *Margrabia Alexander Wielopolski*, *Paryż*, 1861.

Родители не щадили ничего, чтобы дать сыну, единственному въ родѣ, сколь-возможно полнѣйшее классическое образованіе. Его учили всему: разнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ; исторіи, географіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ и, какъ увѣряютъ иные, даже юридическимъ наукамъ, якобы съ тѣмъ, чтобы онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, съумѣлъ возстановить свой Мышковскій майоратъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ устроенъ знаменитымъ предкомъ его, Сигизмундомъ Мышковскимъ, великимъ коронным маршаломъ короля Сигизмунда III.

Объ этомъ цѣльномъ майоратѣ сталъ дѣйствительно очень-рано слышать молодой маркизъ. Очень рано снилась ему возможность сдѣлаться обладателемъ всѣхъ тѣхъ земель, гдѣ пышно маргравствовали его предки. Громкія имена этихъ предковъ, какъ по мужескому, такъ и по женскому колѣну, po mieczu i po kądzieli [34]), стали тоже ему очень рано знакомы, пуще Отче-нашъ и Вѣрую, особенно имя Петра на Мировѣ Мышковскаго, который гремѣлъ по всей Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, въ счастливые дни Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, какъ ученый и высокихъ талантовъ мужъ, чья слава достигла и до чужихъ краевъ, о комъ упоминаетъ въ своихъ безсмертныхъ пѣсняхъ самъ князь Польскихъ пѣвцовъ, Кохановскій.

Затвердилъ онъ не менѣе того, что мѣстечко Пинчовъ, гдѣ жили Велепольскіе, называлось, еще при Олесницкихъ Польскими Аѳинами [35]). Все это онъ затвердилъ и воображалъ, что въ Польшѣ нѣтъ другихъ такихъ магнатовъ, какъ они и ихъ родъ. Такія понятія, пышная, истинно-аристократическая обстановка жизни, эти княжескіе пріемы, звонки, швейцары, доклады, гербы, куда ни сунься;

---

[34]) По мечу и веретену.

[35]) Для образованнаго Поляка сказать: «еще при Олесницкихъ» — довольно, чтобы опредѣлить эпоху. Олесницкіе жили въ началѣ XVI столѣтія. Одинъ изъ нихъ былъ примасомъ, и онъ-то собственно прославилъ эту фамилію.

это мелкое шляхетство, а иногда и не очень мелкое, падавшее до ногъ на огромномъ пространствѣ вокругъ; баловство и нѣжность родителей, не чаявшихъ, что̀ называется, въ сынѣ и души, родителей гордыхъ и важныхъ; все это имѣло сильное вліяніе на молодаго Велепольскаго. Онъ выросъ надменнымъ, холоднымъ аристократомъ, съ ухватками феодальныхъ временъ. Его высокомѣріе не знало границъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ-бы выставиться ярче, грандіознѣе, забрать въ свои руки все, рѣшительно все, вездѣ и во всемъ первенствовать. По образованію, которое было окончено въ Берлинскомъ университетѣ, ему дѣйствительно не представлялось соперниковъ въ гуляющей, кутящей съ юныхъ лѣтъ аристократіи Польши. Но по значенію, по богатству былъ соперникъ, и не одинъ. Прежде всего стояли поперекъ горла Замойскіе, съ ихъ необъятными имѣніями. Одинъ Замойскій, какъ уже извѣстно читателямъ, былъ владѣлецъ ординаціи, самой древней въ Польшѣ, ординаціи не знавшей потрясеній и захватывавшей чуть не цѣлый уѣздъ. Было чему позавидовать! Предокъ этого Замойскаго даже пустилъ въ ходъ самое слово ординація, начавъ имъ свое „завѣщаніе“ относительно земель, полученныхъ ихъ родомъ отъ короля Владислава-Локетка.

Богъ вѣдаетъ, съ какихъ поръ столкнулись между собою эти два туза Польши, Замойскіе и Велепольскіе, и образовалось двѣ партіи, питавшія другъ ко другу родовое, наслѣдственное нерасположеніе. Мы употребляемъ самое мягкое слово. А что̀ собственно кипѣло и клокотало въ груди тѣхъ и другихъ, при ихъ взаимныхъ встрѣчахъ,—этого не выскажешь никакимъ словомъ. Это становится понятно безъ всякихъ словъ только тогда, когда немного поживешь въ Польшѣ и вглядишься въ бытъ Поляковъ, въ эти соприкосновенія партій.

Конечно, значительныя средства играютъ важную роль въ жизни. Ставши какъ слѣдуетъ на ноги, маркизъ Александръ Велепольскій бросился возстановлять свой разру-

шенный разными историческими обстоятельствами майоратъ; бросился ретиво, горячо. Силъ было очень много—самыхъ свѣжихъ, необыкновенныхъ силъ. Надо было куда-нибудь ихъ дѣвать, тратить; а другой дѣятельности не представлялось.

Права свои на цѣлость майората маркизъ основывалъ на томъ, что продажа половины была совершена незаконно, при помощи кривыхъ путей и интригъ.

Другая сторона, владѣвшая отошедшею частью ординаціи Мышковскихъ, утверждала, что продажа совершилась правильно: ибо въ то время дѣйствовалъ въ странѣ кодексъ Наполеона, не допускающій ординацій или майоратовъ.

Марк. Александръ проигралъ первый процессъ въ уѣздномъ городѣ Кельцахъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Но такъ-какъ маркизъ принадлежалъ къ личностямъ, которыя не смущаются отъ встрѣчаемыхъ препятствій, напротивъ, пріобрѣтаютъ новую энергію и силу, подобно тому, какъ ядро, катившееся тихо, ударясь о камень, подпрыгиваетъ и опять летитъ, и реветъ, и разрушаетъ все по дорогѣ: маркизъ перенесъ процессъ въ Варшавскій кассаціонный судъ.

Странное дѣло: уже въ это время образовалось въ массѣ какое-то раздраженіе противъ маркиза, кажется ничего особеннаго не сдѣлавшаго никому, даже мало извѣстнаго. Но существуютъ люди, которыхъ не любятъ съ пеленъ; такъ точно какъ существуютъ другіе, которыхъ всѣ любятъ, такъ- вотъ, ни съ того, ни съ сего, а любятъ. Маркиза не любили. И онъ не только не думалъ о томъ, какъ-бы исправить это, установить лучшія отношенія къ обществу,— онъ, что̀ ни дальше, облекался пущей броней необщительности и презрѣнія ко всему окружающему; пуще морозилъ взглядомъ и пріемами всѣхъ, кто хотя мало приближался къ этимъ арктическимъ странамъ, гдѣ кромѣ вьюгъ и вѣковѣчныхъ льдовъ никогда ничего не видали.

Уже его называли сутягой и крючкомъ, и гдѣ-же? въ землѣ сутягъ, гдѣ всякая муха знаетъ-перезнаетъ, ка-

кимъ образомъ заводится тяжба и что̀ такое за чинъ реентъ; гдѣ всякій, разговаривая съ вами, такъ и смотритъ, чтобъ вы его какъ-нибудь не спроцессовали. Не два-три процесса, даже и не двадцать и не тридцать, веденные маркизомъ съ разными лицами, а что-то другое не прощали ему его соотечественники, и это другое лежало для него непереступаемымъ порогомъ во всю его жизнь, куда-бы онъ ни шелъ, что̀ бы ни предпринималъ и какъ-бы чистъ предъ всѣми, повидимому, ни былъ... А насъ это другое избавило отъ многихъ бѣдъ.

Зала Варшавскаго кассаціоннаго суда, въ послѣднее, заключительное засѣданіе, когда дѣло тяжущихся сторонъ должно было рѣшиться такъ или иначе,—одѣлась (по свидѣтельству бывшихъ тамъ) какимъ-то гробовымъ сумракомъ; всѣ притихли какъ въ могилѣ, лишь-только сталъ говорить маркизъ, и показалось, что онъ выиграетъ. Ни звука, ни взгляда сочувствія! Напротивъ, когда повелъ рѣчь его противникъ, приходившійся ему какимъ-то родственникомъ, старикъ довольно преклонныхъ лѣтъ—всѣ оживились. Каждое обыкновенное слово производило выгодное для говорившаго впечатлѣніе. Подъ-конецъ старикъ, можетъ быть, просто отъ слабости нервовъ, заплакалъ: это обстоятельство было его побѣдой. Судьи и публика были потрясены неимовѣрно. Велепольскій опять проигралъ и хотѣлъ-было перенести дѣло въ Сенатъ, но что-то воспрепятствовало: кажется, неспокойное состояніе края, минута, въ которую, болѣе или менѣе, было почувствовано всѣми и каждымъ, что теперь надо отложить частные ссоры и процессы и начать процессъ общій, крупный, такого рода, гдѣ всѣ Поляки должны представить одну тяжущуюся единицу, а правительство другую. Маркизъ Александръ никогда не былъ прочь отъ такихъ процессовъ.

Грянулъ 1830 годъ. Когда альфа аристократическаго круга Польши, графъ Андрей Замойскій, былъ отправленъ революціоннымъ правительствомъ съ извѣстнымъ уже чи-

тателю дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну [36]), —омега того-же кружка, противуположный полюсъ, маркизъ Александръ Велепольскій поѣхалъ съ такимъ-же порученіемъ въ Лондонъ. Это случилось нѣсколько поздно. Порученіе не имѣло успѣха по той простой причинѣ, что мы —взяли Варшаву [37]).

Нестолько неосторожный, какъ его соперникъ, явившійся сейчасъ-же послѣ революціи, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Варшавскихъ салонахъ,—Велепольскій перебрался изъ Лондона сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ свое Радомское имѣніе и, въ тишинѣ, предался наукамъ. Говорили даже, будто-бы онъ употребилъ всѣ мѣры, чтобъ уничтожить слѣды ноты, поданной имъ Лондонскому кабинету. Въ самомъ дѣлѣ, эта нота стала теперь очень рѣдкимъ экземпляромъ [38]).

Тяжелая пышность пріемовъ, совершенно-городскіе порядки сельскаго палаца Велепольскихъ и сорокаградусный морозъ, окружавшій особу хозяина, неслишкомъ располагали сосѣдей къ посѣщеніямъ. Въ палацѣ было очень тихо. Работать никто не мѣшалъ.

Въ числѣ избранниковъ, безъ страха переступавшихъ высокіе пороги маркиза, былъ одинъ его сосѣдъ, Константинъ Свидзинскій, человѣкъ рѣдкаго ума и образованія, посвятившій всю свою жизнь на собираніе отечественныхъ древностей всякаго рода. Велепольскій называлъ его даже другомъ. На сколько это было искренно, Богъ знаетъ. По крайней мѣрѣ немногіе слыхали отъ Велепольскаго и такъ произносимое имя друга, какъ оно произносилось для Свидзинскаго.

На берегу Ниды, въ виду бывшихъ „Польскихъ Аѳинъ“, друзья прислушивались съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ

---

[36]) См. выше, стр. 138.

[37]) Въ Парижъ отправленъ былъ Валевскій, который тамъ и остался (Тотъ самый, что впослѣдствіи игралъ извѣстную роль при Наполеонѣ III).

[38]) Говорятъ, Велепольскій былъ поставленъ Паскевичемъ въ спискѣ лицъ, которыхъ онъ считалъ необходимымъ исключить изъ амнистіи,

„военная диктатура“ ломала кости недавнимъ либеральнымъ учрежденіямъ края. Фактъ паденія республики, располагавшей превосходною стотысячною арміею и большими капиталами, владѣвшей всѣми крѣпостями — былъ очень ярокъ и не могъ не говорить умнымъ людямъ, хотя и горячимъ, но бѣлой, консервативной закваски, не могъ не говорить имъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ о тщетѣ всѣхъ будущихъ вооруженныхъ сопротивленій. Если проигранъ такой бой, такой моментъ, какого уже не будетъ, —что же всѣ другіе, съ мизерными арміями изъ косарей, сшитыми на живую нитку? Спокойное благоразуміе требовало иныхъ пріемовъ отъ Польскаго патріота, веденія инаго заговора, гдѣ всякая мысль о столкновеніи въ ратномъ полѣ должна быть отвергнута, какъ утопическая, безумная. Что такое выработалось изъ бесѣдъ друзей на берегу Ниды и выработалось-ли что, этого мы не знаемъ. Все, что можетъ быть видно глазамъ историка сквозь туманъ минувшаго, это усиленное собираніе друзьями всего замѣчательнаго по части отечественныхъ древностей, что могло вліять на воспитаніе народа и поддержку его духа въ грядущемъ. Больше ничего нельзя было тогда дѣлать и замышлять. Грозная фигура, въ Георгіевской звѣздѣ, шагала и по тихимъ берегамъ Ниды, заглядывая во всѣ ущелья....

Собранное друзьями и ихъ отцами они разсчитывали сложить въ какомъ нибудь безопасномъ пунктѣ, куда-бы ученые всей Польши могли, впослѣдствіи, съѣзжаться для разныхъ работъ и бесѣдъ.

Богъ вѣсть какія развѣтвленія принимала иногда эта мысль о „безопасномъ пунктѣ для съѣздовъ и бесѣдъ ученыхъ со всей Польши“—въ головахъ друзей, разгоряченныхъ подчасъ *струей, какъ жиръ густою,* и въ чьихъ ушахъ еще рокотали трубы легіоновъ....

Свидзинскій, какъ „хозяинъ дѣла“, ибо на его долю выпалъ лучшій и богатѣйшій сборъ древностей, полагалъ основать такой пріютъ наукъ въ Краковѣ, тогда еще вольномъ

городѣ [39]). Галиційское возстаніе 1846 года перевернуло планы друзей. Да и вообще пятнадцать лѣтъ, прожитыя послѣ революціи, вліяли болѣе или менѣе на ходъ мыслей обоихъ отшельниковъ. Дѣтскіе пріемы возстанія, диктаторская комедія, разыгранная Тисовскимъ въ Краковѣ, рѣзня Шели, а съ другой стороны неослабно идущій къ своей цѣли фельдмаршалъ и побѣдоносное, безъ всякой бытвы, вступленіе нашихъ войскъ въ древнюю столицу Ягеллоновъ, когда Австрійцы куда-то попрятались: все это вмѣстѣ произвело родъ революціи въ душѣ маркиза, а можетъ быть и его друга Свидзинскаго. Маркизъ сталъ въ ряды Русскихъ и написалъ извѣстную брошюру: *Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*, въ которой разстается съ Австрійскимъ правительствомъ навсегда. Мысль „устроить пунктъ, гдѣ-бы собирались ученые", передѣлывается у друзей въ „возстановленіе маргравства Велепольскихъ, въ видѣ центра Старопольщизны, гдѣ и соединить собранныя сокровища."

Такимъ образомъ опять показался на сценѣ забытый было и задвинутый разными событіями цѣльный майоратъ.

Въ 1848 и 1849 г., маркизъ Александръ — въ Русскомъ военномъ станѣ. Онъ что-то совѣтуетъ графу Ридигигу.... а въ 1853 г., при открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, отдаетъ старшаго сына, Сигизмунда, въ Смоленскій уланскій полкъ, правда переполненный Поляками [40]), но все-таки отдаетъ. Родня Велепольскаго, слѣдуя примѣру патрона, сдѣлала тоже: нѣсколько Потоцкихъ и Остров-

---

[39]) *Biblioteka Ordynacyi Myszkowskiéj, rok* 1859, *w Krakowie*, стр. 29.—На стр. 50 приведено письмо Свидзинскаго, свидѣтельствующее тоже самое.

[40]) Въ Іюнѣ 1861 года въ этомъ полку находилось на 6 эскадронныхъ командировъ 5 Польскаго происхожденія. Полковой командиръ, полковой адъютантъ и казначей тоже были Поляки. Вообще на 17 офицеровъ Польскаго происхожденія было только семь человѣкъ Русскихъ и Нѣмцевъ. (Сообщено однимъ изъ офицеровъ полка).

скихъ очутилось въ разныхъ высокихъ канцеляріяхъ Варшавы.

Шумные годы, 1854-й и 1855-й, пронеслись для Польши безъ всякихъ особенныхъ результатовъ. Между Поляками и Русскими (какъ уже неразъ было замѣчено) выработались въ это время довольно-приличныя отношенія, родъ слитія, какое только возможно. Роковая необходимость зависимости, необходимость принимать молча то, что̀ даютъ, что̀ выхлопатывается съ помощью разныхъ силъ и ловкости,—чувствовалась какъ никогда каждымъ благоразумнымъ Полякомъ; и такихъ б л а г о р а з у м н ы х ъ Поляковъ было тогда какъ-то болѣе всего. Маркизъ Александръ еще придвинулся къ Россіи. Его голову, какъ и многія другія умѣренныя головы въ Польшѣ, занималъ вопросъ: какимъ образомъ, примирясь съ этимъ слитіемъ двухъ какъ-бы несливаемыхъ элементовъ, повести дѣла такъ, чтобы въ конечномъ, хотя-бы и довольно-отдаленномъ, результатѣ, все-таки спасти родную землю. Можетъ статься, именно тутъ возникла у иныхъ бѣлыхъ Поляковъ мысль о Славянской федераціи, подъ управленіемъ Россіи, гдѣ послѣдней, на первыхъ порахъ, предоставлялась главная роль, роль полнаго хозяина; а потомъ, разными искусными интригами, хозяинъ спустился-бы на степень гостя, какъ это бываетъ иногда на общихъ съѣздахъ Поляковъ съ Русскими, обѣдахъ, пирушкахъ и тому подобномъ [41]), — и Россія очутилась-бы только стражемъ обширныхъ границъ новаго политическаго тѣла. Ей поручили-бы черную, штыковую работу; а бѣлая работа, направленіе нравственныхъ силъ федераціи, науки, искусства,—все высшее, лежало-бы на отвѣтственности самой образованной изо всѣхъ Славянскихъ земель, къ тому же прошедшей черезъ горнило бѣдствій—Польши. Въ концѣ концовъ видѣлось всеобщее ополченіе. Польша была-бы спасена.

---

[41]) Одинъ такой обѣдъ описанъ былъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855 года,

Такая мысль въ нѣсколькихъ бѣлыхъ той эпохи была однако не совсѣмъ оригинальною мыслью. Она была отраженіемъ извѣстной стороны ученія Демократическаго Общества.

Еще въ тридцатыхъ годахъ, демократы между прочимъ учили: „Какъ нѣкогда призваніемъ Славянъ было защищать христіанскую цивилизацію отъ всеунижающаго прилива Азіатскаго варварства, такъ и теперь тѣже самые Славяне призваны: съ одной стороны привить пріобрѣтенную цивилизацію Запада, облагороженную силою и качествами ихъ духа, къ тому-же варварскому Востоку, платя ему, такимъ-образомъ, самымъ большимъ добромъ за самое большое зло; съ другой стороны Славяне призваны возродить и оживить сказанными качествами своего духа старую, гніющую, обомлѣвшую и доведенную до крайней слабости вѣковыми своими трудами Западную Европу. Однимъ словомъ: Славянскому племени суждено имѣть историческую иниціативу и руководить судьбами свѣта въ будущей жизни человѣчества. Натуральною, историческою главою этого новаго, спасительнаго міра, по духу прошедшей, настоящей и будущей своей миссіи, есть Польша“[42]).

На сколько Велепольскій усвоилъ себѣ такіе взгляды, и усвоилъ ли,—это неизвѣстно. Извѣстно только, что нѣчто подобное заключалось, между прочимъ, въ принципахъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Въ концѣ 1855 года умеръ Свидзинскій, оставя своему другу, по духовному завѣщанію, все благопріобрѣтенное имущество: капиталы, книги, древности и даже самую ту деревню, гдѣ хранилась библіотека, съ предоставленіемъ ему права помѣстить все это, для общаго пользованія публики, гдѣ заблагоразсудитъ [43]).

---

[42]) Авейде. См. сверхъ того основныя мысли манифеста Демократическаго Общества, 1836 года.

[43]) «§ 3. Вышеупомянутую сумму 36.100 рублей серебромъ, а равно и библіотеку, нумизматическій кабинетъ, картины, рисунки, рѣзныя вещи, древніе документы, рукописи и прочія библіографическія и архе-

Велепольскій, по разнымъ соображеніямъ, держалъ библіотеку Свидзинскаго и все къ ней принадлежащее покамѣстъ въ имѣніи. Нерасположеніе къ нему общества сейчасъ нашло возможнымъ обвинить маркиза въ нарушеніи духовнаго завѣщанія, котораго близко никто не видалъ. Кричали, что Свидзинскій передалъ библіотеку Велепольскому съ тѣмъ, чтобы она непремѣнно была помѣщена въ Варшавѣ. На бѣду явились еще, какъ-бы съ того свѣта, изъ эмиграціи (въ силу амнистіи 1856 года) всѣми забытые два брата Свидзинскаго и предъявили право на Сульгостовъ. Они опирались на такъ-называемую въ юридическомъ мірѣ субституцію духовнаго завѣщанія, на выраженіе „и потомкамъ его“, которое, по силѣ одной статьи Наполеонова кодекса, лишало, въ глазахъ крючковъ, духовное завѣщаніе всего его значенія. Эти крючки, при помощи раздраженія общества противъ маркиза, раздраженія, которое росло съ каждымъ часомъ,— повели процессъ въ Радомѣ такъ искусно, что маркизъ проигралъ, но, перенеся его тотчасъ въ Варшаву, безъ всякаго труда выигралъ, такъ-какъ дѣло было очень просто и чисто. Мы нарочно привели текстъ 3-го параграфа завѣщанія, въ самомъ точномъ переводѣ, дабы читатель могъ убѣдиться, какъ иногда бываютъ праздны и лицепріятны крики массы.

ологическія рѣдкости, оцѣненныя мною выше въ 30.000 р. серебромъ, безъ малѣйшаго исключенія; также: имѣніе мое въ царствѣ Польскомъ Ключъ Сульгостовскій, состоящій нынѣ за мною въ актуальномъ владѣніи и оцѣненный по совѣсти въ 45.000 рублей серебромъ, отказываю и на вѣчныя времена дарю (zapisuję i wieczyście daruję) Александру сыну Іосифа, маркизу Мышковскому, графу Велепольскому и потомкамъ его въ полное неограниченное владѣніе; причемъ желаніемъ моимъ есть и о томъ легатарія моего убѣдительно прошу, чтобы онъ купилъ или построилъ соотвѣтствующій для помѣщенія библіотеки и принадлежащихъ къ ней рѣдкостей домъ, не то въ завѣщанномъ ему отъ меня имѣніи Сульгостовѣ, не то въ Варшавѣ, или гдѣ найдетъ удобнѣе и лучше для достиженія моихъ цѣлей“.

(Выписка изъ духовнаго завѣщанія Свидзинскаго).

Выигрышъ процесса породилъ новыя обвиненія противъ маркиза, дошедшія позже до того, что Русскія власти, желавшія Велепольскому успѣха между Поляками, чисто въ Русскихъ правительственныхъ интересахъ, присовѣтовали ему разстаться съ библіотекой Свидзинскаго, передавъ ее какому-нибудь надежному по средствамъ магнату. Велепольскій передалъ все графу Красинскому, въ домѣ котораго, въ Варшавѣ, и помѣщаются теперь всѣ рѣдкости, собранныя Свидзинскимъ. Но и тутъ нашлись люди, говорившіе, что маркизъ лучшую часть все таки оттягалъ у публики, оставя въ своемъ имѣніи, Пинчовѣ...

Мы подошли такимъ-образомъ къ эпохѣ, съ которой начали главу.

Велепольскій стоялъ о т д ѣ л ь н о. Говорятъ, когда Земледѣльческое Общество балотировало его въ члены, — онъ былъ будто забалотированъ; такъ говорятъ: намъ не случилось повѣрить этого факта. Быть можетъ, онъ, при точномъ изслѣдованіи, окажется тѣмъ-же,что и крики толпы по поводу процесса маркиза съ братьями Свидзинскими. Но имѣютъ несомнѣнную, историческую силу и такіе крики и говоръ. Они иной разъ историчнѣе самой исторіи. И донынѣ Велепольскій рисуется въ воображеніи Поляковъ и Русскихъ вовсе не тѣмъ, какимъ вывели бы его разные документы и бумаги; онъ рисуется, какимъ его нарисовала роковая кисть общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ и условій, которыя не находятся въ документахъ. Такимъ онъ выступилъ и дѣйствовалъ. Такимъ онъ намъ нуженъ.

Въ дѣлѣ подачи адреса онъ опять умѣлъ стать отдѣльно, да еще какъ отдѣльно!

Когда, въ минуту неслыханной сумятицы и замѣшательства, среди которыхъ не то что князя Горчакова, но и многихъ весьма-характерныхъ и неслабыхъ Русскихъ людей, просто за-просто всю Россію обошелъ какой-то лѣшій (ужасный, историческій лѣшій, который давно странствуетъ по

свѣту и накуралесилъ на свой пай немало), когда въ это непостижимое время пришла кому-то изъ высшихъ правительственныхъ лицъ мысль поручить приведеніе хаоса въ порядокъ Польскому вліятельному магнату,—маркизъ Велепольскій, самъ собою, почти безъ всякихъ указаній, бросился въ глаза, остановилъ на себѣ вниманіе Намѣстника и лицъ, къ нему близкихъ. Говорили, пожалуй, будто-бы на него указала князю какая-та дама, сосѣдка маркиза по имѣнію. Запишемъ и этотъ анекдотъ въ pendant ко всему остальному, что̀ дѣлалось тогда не помужски, а подамски...

Всѣмъ показалось, что ничего лучше, спасительнѣе и быть не можетъ, какъ сдѣлать соправителемъ Намѣстнику этого гордаго магната, забалотированнаго, нелюбимаго своими соотечественниками, стало быть, естественно желающаго отмстить и уже конечно неспособнаго никоимъ образомъ допустить торжество Замойскаго, съ его Земледѣльческимъ Обществомъ. Припомнили движеніе маркиза къ Русскому правительству въ 1849 и 1853 годахъ. Юридическое образованіе его, иначе сказать, знаніе гражданской части управленія, не подлежало никакому сомнѣнію. Анекдотическая цифра: 70 процессовъ, будто-бы веденныхъ Велепольскимъ, изъ которыхъ онъ большую половину выигралъ,—чего нибудь да стоила. Необыкновенный умъ маркиза, его начитанность, образованность были тоже всѣмъ извѣстны. Что̀ до его фигуры, и она говорила за себя немало: будущій соправитель Намѣстника смотрѣлъ бастіономъ, полнымъ самыми солидными орудіями. Вся посадка была твердая, неподатливая, надежная. Когда онъ шелъ, нельзя было не посторониться. Изъ не очень-большихъ глазъ его, осѣненныхъ густыми бровями, въ родѣ навѣса надъ крыльцомъ, не то (поэтичнѣе) черныхъ, надвинувшихся тучъ, — сверкали молніи Зевеса; да и весь онъ, когда переставалъ походить на медвѣдя, походилъ на Юпитера. Фотографъ Байеръ (мы можемъ сказать: историческій фотографъ Байеръ) нѣсколько

позже, уловилъ именно такую, Юпитеровскую мину, снявъ Велепольскаго, уже какъ начальника гражданскаго управленія Польши, Rządu Cywilnego (какъ писалось попольски)—въ креслахъ, съ орломъ на спинкѣ, хоть и не Олимпійскимъ... Рукѣ министра, стиснувшей крѣпко, характерно, ручку креселъ, не достаетъ пучка перуновъ.

Во время нами изображаемое, въ началѣ 1861 года, Байеръ (замѣтимъ въ скобкахъ) ни за что на свѣтѣ не сталъ-бы дѣлать его портрета. Куда-бы онъ годился, этотъ типическій, популярный делегатъ, пустивъ тогда въ ходъ такія запрещенныя публикой черты!

Такъ, мы снова заносили руку на собственные интересы. Мы забывали прошедшее; повторяли то, чему никакъ-бы, казалось, не должно повторяться. Мы забывали еще разъ, что нѣтъ такого Поляка, какъ-бы онъ обставленъ ни былъ, въ какихъ-бы условіяхъ ни дѣйствовалъ,—нѣтъ такого Поляка, который-бы разрѣшилъ намъ Польскій вопросъ по-русски. Мы сами еще разъ отточили на себя мечъ—и подали его новому Адаму Чарторыскому!

Минута была страшная, кто съумѣетъ въ нее вглядѣться. По счастію, геній, хранящій Россію, тѣ невидимыя силы, которыя какъ-то удивительно исправляютъ потомъ всякія наши ошибки, нашъ сонъ, простодушіе и прочее—эти силы не дремали.

Маркизъ Велепольскій, нося въ себѣ ядъ, который могъ дѣйствительно отравить надолго наше существованіе, носилъ въ себѣ и кучу противуядій. Какія именно, мы увидимъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, если Горчаковъ, поговоривъ съ Велепольскимъ,— что̀ называется, какъ-бы меду напился. Маркизъ давилъ въ бесѣдахъ, какъ мухъ, и нетакихъ людей. Французскій языкъ его былъ безукоризненъ и бле-

стящъ,—если не безукоризненнѣе, то огнистѣе во сто разъ языка Замойскаго.

Маркиза, для бо́льшаго удобства совѣщаній съ Намѣстникомъ, а частію и для личной его безопасности, помѣстили въ Замкѣ, гдѣ онъ, какъ говорятъ, довелъ простоту отношеній къ Намѣстнику очень скоро до того, что принималъ его въ халатѣ и туфляхъ. Можетъ быть и это анекдотъ....

Русскіе генералы, кто зналъ секретъ, пока еще не оглашенный, встрѣчаясь съ другими, незнавшими секрета, говорили: „Слава Богу, согласился! но сказалъ, что не отступитъ ни на волосъ отъ своихъ убѣжденій, т. е. что Польшѣ должна быть дарована полная автономія“.

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ Намѣстникомъ и другими высшими правительственными лицами края, причемъ разсматривались проекты первыхъ насущныхъ преобразованій (учрежденіе муниципальныхъ совѣтовъ по выборамъ, учрежденіе Государственнаго Совѣта изъ лицъ Польскаго происхожденія, радикальная реформа школъ) —грозная фигура маркиза перенеслась въ Петербургъ и произвела тамъ очень-выгодное для себя впечатлѣніе. Его разглядывали въ разныхъ высшихъ салонахъ не безъ любопытства. Не мало было толковъ о томъ, что, явясь на выходъ ко двору, маркизъ сталъ съ дипломатическимъ корпусомъ, какъ бы чей посолъ или делегатъ. Ходилъ еще полубасноловный разсказъ, будто бы маркизъ, на томъ же или другомъ выходѣ, позволилъ себѣ сѣсть, и когда ему замѣтили, что, „тутъ сидѣть нельзя“, онъ отвѣчалъ: „это вамъ нельзя, потому что вы здѣсь у вашего Императора, а я—у своего Короля“.

Вообще маркизъ велъ себя въ Петербургѣ развязно и съ достоинствомъ. Относительно взглядовъ своихъ на Польскій вопросъ, онъ былъ довольно прямъ и безцеремоненъ. Одинъ изъ дипломатовъ спросилъ его: „ А что вы думаете о Литвѣ?“—„Я думаю“, отвѣчалъ Велепольскій, „что это вопросъ времени“.

Вопросъ о Литвѣ не былъ для него, какъ для насъ, вопросомъ давно и окончательно-рѣшеннымъ: онъ былъ для него вопросомъ будущаго!

Такой, по видимому, знаменательный отвѣтъ, гдѣ для настоящаго знатока дѣла этотъ человѣкъ обрисовывался весь съ головы до ногъ и нечего было прибавить, „какой у тебя носъ или губы“, такой отвѣтъ и еще нѣсколько подобныхъ были пропущены мимо ушей, безъ всякаго вниманія. Никто не призадумался ни на минуту. Роковой историческій фактъ совершался тихо. Общество глядѣло во всѣ глаза и ничего не видало. Неслыханная апатія, убійственное равнодушіе ко всему лежало тогда на всѣхъ нашихъ пространствахъ. *Московскія Вѣдомости* такъ обрисовываютъ это время: ...„Не было никакой гласности, ничего похожаго на печать, въ Европейскомъ смыслѣ этого слова; ни тѣни общественнаго мнѣнія... Нигдѣ не обнаруживалось никакого участія въ дѣлахъ, по вопросамъ, имѣющимъ самое жизненное для Россіи значеніе; никто ни о чемъ не вѣдалъ, никто ни о чемъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія и серьознаго сужденія [44])“.

Такъ и тутъ: взоры скользили по массивной фигурѣ (и то весьма немногіе), а „опредѣленнаго понятія и серьознаго сужденія объ ней никто не имѣлъ“. Москва почти ничего не знала о томъ, что дѣлалъ Петербургъ. Когда нѣсколько позже явился въ *заграничныхъ иллюстраціяхъ* портретъ маркиза, Русская публика, можно сказать всѣ до единаго, кто только просматриваетъ, если не читаетъ журналы, взглянула на этотъ портретъ совершенно-равнодушно и легко перевернула страницу, какъ перевернула ее потомъ, увидя физіономію Малабарскаго короля и Китайскій городъ Пейхо... А стоила-бы и очень стоила эта фигура (похожая на тяжелое артиллерійское орудіе, готовое вскатиться на пригорокъ, чтобы стрѣлять) очень стоила эта фигура, чтобы мы къ ней приглядѣлись внимательнѣе. Мы

[44]) 1867 года, № 22.

рекомендуемъ читателямъ отыскать, въ хламѣ недосмотрѣннаго ими прошедшаго, этотъ листокъ и взглянуть: нѣтъ сомнѣнія, что они найдутъ указанное нами сходство.

Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье;
Но.... Байеръ далъ ему такое выраженье.

Чтобы обрисовать тогдашнее состояніе Варшавы и Петербурга, какъ всѣ были чѣмъ-то ошеломлены и до какой степени висѣлъ надо всѣмъ роковой облакъ, достаточно будетъ разсказать слѣдующій случай. Не за долго передъ тѣмъ временемъ, о которомъ повѣствуется, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву одинъ полковникъ, флигель-адъютантъ: его поразило состояніе города, эта безпрерывная манифестація, куда ни погляди; эти странные народные сенаторы; фотографіи убитыхъ, продаваемыя открыто по всему краю тысячами; неслыханныя, чисто-революціонныя сборища въ Купеческомъ Клубѣ.... Встрѣтясь кое съ кѣмъ изъ своихъ военныхъ друзей, онъ сказалъ: „У васъ, господа, революція, а вы не видите! Въ Петербургѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ здѣсь творится“. Друзья, услышавшіе это, или молчали, по принятому тогда обыкновенію, или улыбались.

Посмотрѣвъ еще на разныя разности, полковникъ не счелъ возможнымъ оставаться долѣе праздным зрителемъ такихъ безпорядковъ, грозившихъ потрясти обычный ходъ дѣлъ,—воротился въ Петербургъ и доложилъ обо всемъ, что̀ видѣлъ и что́ узналъ. Одно высшее военное лицо призвало его и, сдѣлавъ строгій выговоръ, велѣло отправиться вновь въ Варшаву и сидѣть смирно....

Видимо было, что правительство, отыскавъ Велепольскаго, думало, что вопросъ рѣшенъ довольно-хорошо; что вотъ еще недѣля, другая,—и все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Кто-бы что ни говорилъ и ни замѣчалъ, всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ: „Погодите немного, все это скоро кончится: Делега-

ціи и хаосу Ресурсы дни сочтены; все это, такъ сказать, дышетъ на ладонъ“...

13 Марта н. ст. Намѣстникъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фіалковскаго, графовъ: Андрея Замойскаго и Владислава Малаховскаго; делегатовъ: Кронеберга и Шленкера, и прочелъ имъ письмо Государя Императора, въ которомъ говорилось о преобразованіяхъ, ожидающихъ край. Намѣстникъ надѣялся произвести на приглашенныхъ самое выгодное впечатлѣніе. Не тутъ-то было. Эти бѣлые были уже не бѣлые. Замойскій, не тотъ Замойскій, который, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, изображалъ въ Замкѣ надежнѣйшаго консерватора, не тотъ Замойскій, который утромъ 27 Февраля требовалъ у правительства войскъ противъ своихъ же соотечественниковъ, а Замойскій, уже значительно протянувшій руку движенію, у кого бывали кой-какія сборища, къ кому заглядывала подчасъ и молодежь всякаго свойства; *этотъ* Замойскій сказалъ, что „для нихъ, для партіи умѣренной, это все, что̀ нужно, что они и того не ждали; но что противуположная сторона этимъ не удовлетворится“....

На другой день, 14-го, полученъ былъ отвѣтъ Государя Императора на Адресъ, тоже въ видѣ письма къ Намѣстнику и также сообщенъ нѣсколькимъ вліятельнымъ Полякамъ.

„Я прочиталъ просьбу, которую вы Мнѣ прислали. Долженъ бы счесть ее за несуществующую, такъ какъ нѣсколько человѣкъ, пользуясь безпорядками въ улицахъ, взяли на себя самовольное право пренебрегать всѣми распоряженіями правительства; но Я не вижу въ этомъ покамѣстъ ничего, кромѣ увлеченія“.

„Я устремляю всѣ Мои мысли къ изготовленію реформъ, какихъ требуютъ время и развитіе нуждъ государства. Подданные Мои въ Царствѣ составляютъ также предметъ Моихъ попеченій. Все, что̀ можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находитъ и не найдетъ Меня никогда равнодушнымъ“.

„Я уже далъ имъ доказательство того, что желаю сдѣлать ихъ соучастниками въ предпринимаемыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ государства. Остаюсь нынѣ все въ тѣхъ же намѣреніяхъ и чувствахъ. Имѣю право разсчитывать на то, что таковыя чувства встрѣтятъ съ ихъ стороны полный отвѣтъ и не будутъ задержаны на пути желаніями чего либо несвоевременнаго и неумѣреннаго, чего бы Я не могъ имъ дать, не нанеся ущерба интересамъ Моихъ подданныхъ въ Имперіи. Исполню всѣ Мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требованія, которыя захотѣли-бы на нихъ опереться, сами-бы себя тѣмъ самымъ подкопали, уничтожили-бы всякую довѣренность и встрѣтили-бы съ Моей стороны суровый отпоръ, какъ нѣчто такое, что̀ можетъ совратить государство съ правильнаго пути, коему Я хочу неуклонно слѣдовать“ [45]).

Съ прибытіемъ этого отвѣта, Делегація оканчивала свое существованіе. Это стояло въ условіяхъ ея учрежденія. Само собою разумѣется, бѣлой партіи и тѣмъ изъ красныхъ, которые смотрѣли на дѣло умѣренными глазами, хотѣлось, на сколько возможно, продлить ея существованіе. Въ ея спорахъ, въ ея торгахъ и переторжкахъ съ правительствомъ, какими бы они кому ни казались, былъ все-таки толкъ и нѣкоторая польза. Делегаты, такъ-ли, не такъ-ли, были дѣйствительнымъ проводникомъ многихъ мыслей общества въ Замокъ, обыкновенно не очень доступный. Они заявляли о разныхъ нуждахъ и потребностяхъ города и края, и голосъ ихъ бывалъ не разъ услышанъ. Они освободили даже нѣсколько арестантовъ, которымъ-бы сидѣть, можетъ статься, долго въ Цитадели и неизвѣстно куда выдти. Делегаты рѣшительно сослужили отечеству службу, и не видѣть этого могъ лишь такой Полякъ, у котораго на глазахъ была красная повязка, кто ничего не видѣлъ, чьи

---

45) Напечатано въ Русскихъ газетахъ, между прочимъ въ Московскихъ Вѣдом. 1861, № 51, въ особомъ прибавленіи.

фантазіи рвались за всѣ границы. И потому, все умѣренное старалось охранить Делегацію отъ предстоящей опасности, предстательствовать за нее у Намѣстника, на сколько хватитъ силъ; просить оставить это учрежденіе и на будущее время, хотя бы въ измѣненной формѣ, въ видѣ обыкновенныхъ членовъ Магистрата, пока дѣла придутъ въ окончательный порядокъ.

Другая сторона, чисто красная, революціонная, шумѣвшая по домамъ и въ Ресурсѣ, ничего не видала въ Делегаціи, кромѣ чиновниковъ, посаженныхъ правительствомъ, и требовала отъ нихъ невозможнаго: учрежденія манифестацій, постоянной борьбы съ правительствомъ, заявленій самыхъ неслыханныхъ и неестественныхъ. Слышались не рѣдко вопросы: „Кѣмъ Делегація выбрана? Почему она величаетъ себя народной? Если имѣется въ виду возстаніе, — за чѣмъ эти странные торги съ правительствомъ, констабли, которые иногда помогаютъ правительству хватать агитаторовъ, иначе сказать, истинныхъ слугъ дѣлу и отчизнѣ?“

Были ораторы, которые вскакивали на столы, чтобы лучше быть услышанными; но ихъ тутъ же, за частую, стаскивали за ноги, при общемъ хохотѣ всей залы.

Крики недовольныхъ Делегаціей въ Ресурсѣ доходили иногда до того, что делегаты высылали изъ среды своей кого нибудь объясняться съ публикой. Этотъ высылаемый бо̀льшею частію лгалъ безъ всякой совѣсти, чтобы только успокоить крикуновъ—хоть на тотъ вечеръ. Напримѣръ, говорили, что часть членовъ Делегаціи находится на секретномъ совѣщаніи у Намѣстника, обсуждая вмѣстѣ съ нимъ наиважнѣйшіе вопросы: о результатѣ узнаютъ завтра. Въ другой разъ говорили, что все идетъ какъ надо, безпокоиться нечего, заведены сношенія съ Европейскими дѣятелями, средства готовятся... [46]).

---

[46]) Показанія Ляндовскаго, Янчевскаго и другихъ, а также частные разсказы знакомыхъ автору Поляковъ, бывшихъ тогда въ Купеческой Ресурсѣ.

По городу, для успокоенія красныхъ, былъ пущенъ между прочимъ слухъ, что „конституція уже пишется, что этимъ занятъ адвокатъ Августъ Тршетршевинскій".

Такъ хитрили делегаты передъ своими и правительствомъ, чтобы только держаться день за день; такъ невѣрно было ихъ положеніе.

Крайніе безумцы, въ родѣ шайки агитаторовъ Художественной Школы, съ Новаковскимъ и Шахо́вскимъ во главѣ, уставъ воевать съ делегатами на словахъ, вознамѣрились-было распорядиться съ ними по-старопольски, какъ дѣлывалъ блаженной памяти Володковичъ [47]) съ членами трибуналовъ: разогнать палками. Такъ какъ Ресурса была одно время предоставлена въ полное вѣдѣніе Поляковъ, и они дѣлали тамъ что̀ хотѣли, то разумѣется всякое насиліе съ делегатами было возможно. Шахо́вскій, съ кучей разнаго отчаяннаго народа, вооруженнаго палками, ворвался однажды туда и приступилъ къ делегатамъ съ угрозами, называя ихъ прямо „измѣнниками"—zdrajcami kraju,—слово, которое легко срывается съ языка всѣхъ Поляковъ, чуть дойдетъ до патріотическихъ объясненій. Делегаты были въ опасности, но какой-то ораторъ довольно рѣзкаго свойства спасъ ихъ, поведя дѣло круто и тоже назвавъ нападающихъ измѣнниками.

Послѣ этой исторіи, Делегація придумала *билеты* для входа въ Ресурсу и поставила у дверей нѣсколько стражей изъ умѣренныхъ школьниковъ, которые вели себя какъ слѣдуетъ и безъ билета никого не пропускали [48]).

Тогда красные устроили рядъ мелкихъ манифестацій: разбитіе стеколъ, кошачьи музыки, пѣніе гимновъ. Намѣ-

---

[47]) Историческій буянъ послѣднихъ дней самостоятельной Польши, другъ Радзивилла—Пане-Коханку. Шалости его и неповиновеніе властямъ достигли до такой степени, что онъ былъ схваченъ въ Минскѣ и разстрѣлянъ. Мицкевичъ вспоминаетъ объ немъ въ поэмѣ *Панъ Тадеушъ* подъ именемъ Диндолета.

[48]) Показанія Янковскаго.

стникъ, уже готовившійся покончить со всей этой комедіей, выпустилъ 16 Марта н. ст. такой приказъ:

„Съ цѣлію положить предѣлъ подстреканіямъ злоумышленниковъ, собирающихъ партіи для устройства манифестацій, въ какомъ бы то ни было видѣ, такъ-какъ манифестаціи сіи неумѣстны и наносятъ вредъ общественному порядку: возбраняются отнынѣ всякія сборища на площадяхъ и на улицахъ, имѣющія предметомъ устройство какихъ-либо манифестацій, а равно запрещаются и процессіи, не установленныя обрядами Католической церкви".

„Жители Варшавы! Послушайтесь моего предостереженія; не принуждайте меня употребить прискорбныя мѣры для водворенія порядка вооруженной силой".

„Вмѣстѣ съ симъ полицейскія власти обязуются сообщить таковое предостереженіе всѣмъ жителямъ города, дабы никто не могъ отговариваться незнаніемъ".

Делегаты, прочитавъ это, изумились и сочли себя оскорбленными въ томъ смыслѣ, что правительство огласило такой приказъ, не войдя съ ними въ соглашеніе, не посовѣтовавшись.

На другой день, 17 Марта н. ст., встрѣтясь съ генераломъ Паулуччи въ Ресурсѣ (куда онъ ходилъ иногда по приказанію Намѣстника), они спросили его: что̀ значитъ вчерашній приказъ о сборищахъ, которыхъ собственно нѣтъ, и которыя правительство силится вызвать провокативными мѣрами?

Сверхъ того было предложено еще нѣсколько вопросовъ; въ особенности делегаты выражали неудовольствіе, что имъ не было дано никакихъ объясненій на замѣчанія, изложенныя въ протоколѣ отъ 7 Марта.

Генералъ объяснилъ, что не можетъ дать на это никакого отвѣта въ Ресурсѣ [49]), а проситъ господъ делегатовъ по-

---

[49]) Делегаты, съ полученія Намѣстникомъ втораго письма отъ Государя, не ходили на засѣданія въ Ратушу.

жаловать завтра въ Ратушу, гдѣ будетъ сообщенъ устный или, пожалуй, письменный отвѣтъ.

Вечеромъ того-же дня вице-предсѣдатель Левинскій получилъ отъ генерала Паулуччи такую записку.

„Любезный генералъ!“

„Что́ касается вчерашняго приказа, честь имѣю увѣдомить васъ, что его сіятельство Намѣстникъ нашелъ нужнымъ огласить оный потому, что до него дошли слухи о существованіи въ городѣ революціонныхъ агентовъ, которые стараются тревожить народъ и правительство посредствомъ манифестацій. Кромѣ того, многіе изъ призванныхъ къ отвѣту послѣ грустныхъ событій 25 и 27 Ферваля, увѣряли Князя, что имъ вовсе неизвѣстно о запрещеніи подобныхъ манифестацій. Касательно же муниципальныхъ учрежденій, его сіятельство выразился, что это дѣло уже совсѣмъ окончено“.

Левинскій прочелъ эту записку делегатамъ, собравшимся въ Ратушу. Паулуччи былъ тутъ же. Они спросили у него: „неужели тутъ все, что́ имъ хотятъ отвѣтить на вопросъ о приказѣ и на другіе вопросы, ими предложенные еще 7 Марта?“

Паулуччи отвѣчалъ, что *тутъ все*, — что̀ касается приказа отъ 16 Марта; а завтра они получатъ объясненіе по вопросу о судахъ надъ политическими преступниками.

Въ самомъ дѣлѣ, 19 Марта н. ст., имъ было сообщено что-то по этому поводу, но въ какой формѣ, неизвѣстно: протоколъ этого засѣданія представляетъ дѣло явно-искаженнымъ,—въ томъ видѣ, какъ делегатамъ хотѣлось показать его читающей протоколы публикѣ.

Въ заключеніе засѣданія, делегаты просили вновь сообщить Намѣстнику протоколъ ихъ отъ 13 Марта, гдѣ высказаны замѣчанія объ управленіи городомъ. Генералъ обѣщалъ.

Между-тѣмъ мелкія манифестаціи продолжались; кое-кто изъ жителей получилъ анонимныя письма, исполненныя

ругательствъ, и кромѣ того былъ распространенъ повсюду печатный *списокъ подозрительныхъ лицъ*, которымъ народныя власти совѣтовали уѣзжать, по добру-по здорову, за границу.

Намѣстникъ приказалъ спросить у делегатовъ: кто это шалитъ? Они конечно знали, кто; но отвѣчали, какъ и надо было предвидѣть, что не знаютъ, что принимали мѣры къ отысканію виновныхъ, но никого не найдено.

Болѣе другихъ умѣренный, редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ, имя котораго нѣсколько времени стояло въ спискѣ делегатовъ, боясь, чтобы всѣ эти шалости не вызвали какого-либо суроваго распоряженія со стороны правительства въ минуту, когда оно дѣйствительно готовило реформы, рѣшился помѣстить на своихъ столбцахъ увѣщательную статью, но возбудилъ ею почти всеобщее противъ себя негодованіе и насилу поправилъ потомъ свою репутацію [50]).

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, изъ городскихъ манифестацій, изъ поведенія делегатовъ, ясно было настроеніе массы. Надѣяться ни на кого было нельзя. Въ виду катастрофы, могущей быть при появленіи на политической сценѣ маркиза Велепольскаго (прибывшаго въ Варшаву около 20 Марта), изъ Петербурга вызванъ генералъ съ извѣстнымъ боевымъ именемъ. Варшава раздѣлена на четыре военныхъ *отдѣла*, съ особымъ военнымъ начальникомъ въ каждомъ.

1-мъ отдѣломъ (цыркула: 1-й, 2-й-до эспланады Цитадели и 11-й до Трембацкой и Беднарской улицъ со включеніемъ Примасовскаго палаца, театральной площади и Ратуши)—назначенъ завѣдывать генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

2-мъ отдѣломъ (цыркула: 3-й, 4-й, 5 и 6-й, со включеніемъ зданій и площади Банка, изъ 7-го цыркула)—генералъ-лейтенантъ Веселицкій.

---

[50]) Эту статью называли въ публикѣ artykuł z krzyżem (статья съ крестомъ), потому что она имѣла въ началѣ изображеніе креста.

3-мъ отдѣломъ (цыркула: 7-й, 10-й и 11-й, за исключеніемъ изъ 7-го и 11-го того, что̀ отходило къ 1-му и 2-му отдѣламъ)—генералъ-лейтенантъ Мельниковъ.

4-мъ отдѣломъ (цыркула: 8-й и 9-й)—генералъ-адъютантъ Мерхелевичъ.

Сверхъ того, по распоряженію главнаго директора Комисіи Внутреннихъ Дѣлъ, разосланы ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ особые циркуляры о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ, какъ административныхъ, такъ и полицейскихъ.

Генералъ-маіоръ князь Бебутовъ, бывшій командиръ Мусульманскаго полка, отправленъ внутрь края, закрывать возникшія въ разныхъ пунктахъ провинціальныя делегаціи.

Нечего говорить, что делегаты гор. Варшавы встревожились всѣмъ этимъ еще больше, нежели приказомъ Намѣстника отъ 16 Марта. Они высказали, на засѣданіяхъ 20 и 21 Марта н. ст., много разныхъ замѣчаній своему предсѣдателю, но онъ ихъ уже плохо слушалъ.

А 22-го Намѣстникъ, пригласивъ къ себѣ господъ Левинскаго, Кронеберга, Шленкера и Розена, отблагодарилъ, въ лицѣ ихъ, Делегацію за службу и объявилъ, что она, въ томъ видѣ, какъ существовала до сихъ поръ, существовать уже не будетъ, а замѣнится временнымъ учрежденіемъ особаго *отдѣла делегатовъ изъ восьми членовъ*, которые будутъ засѣдать при Городскомъ Магистратѣ, съ тѣми самыми аттрибутами, какими пользовалась Делегація изъ 24 членовъ.

Выслушавъ это, приглашенные отправились въ Ресурсу объявить товарищамъ волю Намѣстника, а за тѣмъ, всѣмъ составомъ, собрались въ Ратушѣ, гдѣ написали проэктъ, какимъ образомъ слѣдуетъ управлять въ странѣ, которую они знаютъ лучше, нежели Русскіе. Это была какъ бы диктовка удаляющагося со сцены народнаго правительства новому правительству, съ Велепольскимъ во главѣ: какъ оно должно себя вести, за какіе порядки прежде всего ух-

ватиться. Это былъ послѣдній вздохъ умирающей Делегаціи. Имя Велепольскаго уже раздавалось всюду.

На другой день, 23 Марта н. ст., Варшава прочла въ разныхъ газетахъ, что Делегація упраздняется, а на мѣсто бывшаго Варшавскаго Учебнаго Округа и Духовнаго Отдѣла при Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ учреждается Коммисія Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, гдѣ главнымъ предсѣдательствующимъ директоромъ будетъ графъ Александръ Велепольскій, маркизъ Гонзага Мышковскій.

ГЛАВА VI.

Трудность положенія Велепольскаго.—Закрытіе Земледѣльческаго Общества. — Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго.—Сборища народу у Замка.—Стрѣльба.—Начатки бѣлой организаціи.—Смерть князя Горчакова.

Роль, взятая на себя Велепольскимъ, была конечно изъ самыхъ трудныхъ, какія только разыгрывались когда либо въ свѣтѣ. Онъ самъ не могъ сообразить на первыхъ порахъ всей трудности своего новаго положенія. Самолюбію и честолюбію дано было столько пищи и торжества, что ничему другому не было, такъ сказать, уже и мѣста.

Въ самомъ дѣлѣ, превратиться въ одинъ мигъ изъ неслужившихъ нигдѣ помѣщиковъ въ министры [1]), въ помощники Намѣстника Царства Польскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть вдали карьеру спасителя отечества въ критическую минуту: какая голова при этомъ не закружится?

Къ томуже и некогда было думать, обдумывать и задумываться. Надо было сказать только: беру или не беру. Велепольскій сказалъ первое, будучи ошеломленъ предложеніемъ и вмѣстѣ надѣясь на свои силы. Подумай онъ немного, осмотрись, — отвѣтъ, можетъ быть, вышелъ бы иной. Но думать и осматриваться не давали; было просто-запросто некогда.

---

[1]) Мы употребляемъ иногда это выраженіе для краткости, вмѣсто длиннаго «главный директоръ, предсѣдательствующій въ такой-то комиссіи»: это лицо для Польши совершенно тоже, что̀ у насъ министръ.

Картина нарисовалась какъ слѣдуетъ только тогда, когда министръ усѣлся надлежащимъ образомъ въ кресла и началъ работать. Тутъ онъ увидѣлъ и невѣроятную глупость своихъ, и допотопные бюрократическіе пріемы Петербурга, плохое знаніе Польши, лѣнь и безпечность, писанье безъ конца—и чрезвычайно мало дѣла.

Реформы, обѣщанныя Польшѣ, состояли въ слѣдующемъ: „Независимое отъ центральныхъ властей Имперіи управленіе края, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ Монарха; учрежденіе Государственнаго Совѣта, какъ законодательнаго собранія, изъ высшихъ духовныхъ и гражданскихъ сановниковъ, засѣдающихъ въ немъ по должности и изъ членовъ по назначенію Государя Императора; муниципальное управленіе Варшавы и главнѣйшихъ городовъ Царства; губернскіе и уѣздные совѣты изъ выборныхъ членовъ, съ предсѣдателемъ, назначаемымъ изъ среды ихъ отъ правительства; преобразованіе школъ высшихъ и низшихъ.“ [2])

Съ этимъ прибылъ Велепольскій изъ Петербурга совершеннымъ Русскимъ чиновникомъ, только съ пріемами Польскаго аристократа, съ той выдержкой и достоинствомъ, которыми онъ обращалъ на себя вниманіе въ нашей сѣверной столицѣ, какъ рѣдкій, невиданный звѣрь.

27 Марта н. с., въ середу на Страстной, вступилъ онъ въ должность и принималъ, въ залѣ засѣданій Варшавскаго Учебнаго Округа [3]), чиновниковъ своего вѣдомства, которымъ сказалъ слѣдующую рѣчь, держа въ рукахъ, по своему обычаю, маленькую бумажку, съ конспектомъ того, что произносилъ:

„Господа!“

„Привѣтствую въ лицѣ вашемъ сотрудниковъ, привѣтствую чиновниковъ не Варшавскаго Учебнаго Округа, а возсозданной Коммисіи Исповѣданій и Народнаго Просвѣ-

---

[2]) Резюмé протокола Статсъ-Секретаріата по дѣламъ Царства Польскаго, отъ $\frac{14}{26}$ Марта 1861 года.

[3]) Нынѣ зала засѣданій куратoріи Варшавскаго университета.

щенія. Эта перемѣна означаетъ еще болѣе глубокую и существенную перемѣну вещей. Симъ Монархъ возвращаетъ нашему отечеству самое важнѣйшее для народа достояніе: достояніе вѣры и просвѣщенія. Настоящее собраніе наше, какъ товарищей, есть первое осуществленіе реформъ, милостиво намъ гарантированныхъ [4]); а за тѣмъ въ насъ и нами долженствующая совершиться перемѣна да будетъ основаніемъ другихъ спасительныхъ улучшеній: ибо къ чему-бы все это послужило, еслибъ мы не старались образовать изъ молодаго поколѣнія людей, способныхъ принять участіе въ такихъ серьезныхъ преобразованіяхъ?“

„Трудъ нашъ тяжелъ и великъ. Полнѣйшая реорганизація школъ, восполненіе отдѣловъ Главной Школы, въ теченіе столь долгаго времени праздныхъ, — это задача не малая. Чтобы содѣйствовать успѣху всего этого, подадимъ другъ другу руки!“

Такъ умѣренно и, можно сказать, ласково отнесся новый министръ къ представленнымъ ему, тотчасъ послѣ его инсталляціи [5]), чиновникамъ. Онъ зналъ конечно кое-что за нѣкоторыми изъ нихъ, но начать дѣла намёками на это, вѣроятно, не хотѣлъ.

Совсѣмъ не такъ встрѣтилъ онъ другую часть своего вѣдомства: Польское духовенство, котораго ждалъ къ себѣ цѣлую недѣлю, и все это время кипѣлъ и обтачивалъ разныя фразы.

Извѣстно, что духовенство въ Польшѣ весьма значительная сила. Принявъ участіе въ манифестаціяхъ, оно помогало распространенію въ воздухѣ тѣхъ элементовъ, которые болѣе всего мѣшали благополучному разрѣшенію задачи, заданной министру правительствомъ. Никоимъ образомъ нель-

---

[4]) «Laskawie nam zapewnionych.»

[5]) Инсталляція — введеніе чиновника въ должность, что происходитъ обыкновенно въ какой-либо присутственной залѣ, передъ портретомъ Государя Императора и зерцаломъ или Распятіемъ, замѣняющимъ зерцало. Высшему лицу предмѣстникъ представляетъ при этомъ его подчиненныхъ.

зя было отнестись равнодушно къ этой симпатіи и связямъ духовныхъ съ красной партіей. Министръ рѣшилъ показать имъ сразу, что все видитъ и все знаетъ. Только что прошедшая Страстная и начавшаяся Святая недѣля были полны мелкими манифестаціями, гдѣ намеки на тяжкія страданія, зевершившіяся воскресеніемъ, въ позоръ и поношеніе врагамъ, играли главную роль, повторялись безпрестанно въ рѣчахъ ксендзовъ, печатались въ газетахъ. Иные „артисты“ по этой части нашли дерзкую возможность примѣнить пять ранъ Господнихъ къ пяти недавнимъ жертвамъ. Слово это печаталось курсивомъ [6]). Велепольскій могъ все это видѣть.

Выйдя съ такой же бумажкой въ рукахъ къ собравшемуся у него [7]) 2 Апрѣля н. ст., въ той же самой залѣ, духовенству, министръ произнесъ:

„Достойный ксендзъ-епископъ! Уважаемые прелаты и отцы!“

„Въ предстоящемъ здѣсь Римско-Католическомъ и Уніатскомъ духовенствѣ привѣтствую нынѣ вѣстниковъ мира!“

„Отверстую въ народѣ предъ нашими глазами пропасть всемогущая десница Провидѣнія начинаетъ замыкать, и послѣ дней скорби настаетъ отрадная тишина, Богъ дастъ и радость!“

„И кому же теперь, въ самомъ дѣлѣ, менѣе поводовъ роптать, какъ не духовенству? Вы чувствуете вмѣстѣ съ нами, а послѣ долгихъ испытаній и лучше насъ, какъ много облагодѣтельствовалъ васъ Монархъ, установивъ въ краѣ особую власть для дѣлъ духовныхъ и повелѣвъ сзывать отовсюду пастырей, по старому обычаю, въ Совѣтъ Царства“.

„Римско-Католической церкви надлежитъ все мое вниманіе. Памятовать мнѣ объ этомъ тѣмъ естественнѣе, что вѣ-

---

[6]) См. Варшавскій Курьеръ 1861, № № 78, 79, 83, 84 и 85.

[7]) Были: епископъ-суффраганъ Варшавской архіепархіи Декертъ, Капитула, Духовная Академія и настоятели Варшавскихъ монастырей.

ра Католическая есть моя и отцовъ моихъ вѣра. Но сіе мое расположеніе я съумѣю пока обуздать и остановить [8]). Такъ, достойный ксендзъ-епископъ, уважаемые прелаты и отцы! Я, представитель власти, завѣдующей исповѣданіями соединенно съ просвѣщеніемъ; я буду слѣдовать только дѣйствительной и разумной терпимости, одного изъ величайшихъ достояній нашего вѣка".

„Будучи членомъ правительства всемилостивѣйшаго нашего Монарха, я нигдѣ, на сколько могу, тѣмъ болѣе въ моемъ вѣдомствѣ, не допущу правительствъ въ правительствѣ [9]); отъ установленныхъ правилъ уклоняться не позволю и готовъ охотно выслушать всякую жалобу на стѣсненіе. Если она окажется справедливою, удовлетворю ей на сколько имѣю власть, или представлю оную на высочайшее благоусмотрѣніе".

„Нужды костеловъ и духовныхъ особъ буду имѣть въ виду".

„Полагаюсь на ваше благоразуміе и умѣренность; а вы, уважаемые господа, положитесь также и на мои добрыя вамъ пожеланія!"

Выслушавшіе эту рѣчь ксендзы были ею сильны озадачены. Они никакъ не ожидали такой встрѣчи отъ своего новаго начальника. Они думали, что онъ побоится выступить рѣзко противъ силы, которую они изображаютъ въ краѣ. Съ той-же самой минуты они начали помышлять о мести.

Къ вечеру всѣ цырюльники, портные и сапожники Варшавы уже разсуждали, по разнымъ огрудкамъ и баваріямъ, о рѣчи Велепольскаго къ духовенству, перебирали ее со всѣхъ сторонъ, снабжая тѣми комментаріями, какія пришли отъ учителей.

Чаще всего слышалось: „Видишь, какая гордость! Онъ потому только памятуетъ о Католической вѣрѣ, что она

---

[8]) Lecz tę moją zyczliwość potrafię utrzymać na wodzy.

[9]) «Rządów w rządzie.»

его и его отцовъ вѣра! А когда бы она не была его и его отцовъ вѣра?“.... И это повторялось нѣсколько лѣтъ сряду, даже повторяется иногда теперь.

Тогда-же вышла въ свѣтъ фотографическая карточка, гдѣ Велепольскій изображенъ сидящимъ въ креслахъ, съ кулакомъ на столѣ, съ грозно-нахмуренными бровями и страшнымъ гнѣвомъ въ очахъ. Посадка, взглядъ были схвачены типически. Подпись внизу гласила: Nie ścierpię rządów w rządzie!

И эта фраза, столь простая и обыкновенная, облетѣла весь міръ, подобно сломанному кресту и пяти жертвамъ. Такъ съумѣли распорядиться „артисты“.

Черезъ два дни, 4 Апрѣля н. ст., представлялось министру Еврейское духовенство Варшавскихъ округовъ, комитетъ Главной Синагоги и депутація Евреевъ мѣстечка Пинчова [10]).

Зналъ онъ кое-что и объ этихъ, но потому-ли, что считалъ ихъ менѣе опасными, или по другимъ какимъ соображеніямъ (можетъ быть, просто, въ пику своему духовенству) отнесся къ нимъ самымъ милостивымъ образомъ, при чемъ даже подалъ руку старшему раввину Майзельсу, популярному и ретивому представителю Еврейско-польскихъ интересовъ въ Городской Делегаціи послѣ 27 Февраля.

Выйдя къ нимъ съ такою-же бумажкою, министръ сказалъ:

„Господа!“

„Благодарю васъ за оказанное мнѣ довѣріе, котораго новое лестное для меня свидѣтельство видѣлъ я вчера въ газетахъ“.

„Искренно желаю, чтобы ваши стремленія — устранить (само-собою разумѣется, путемъ строго-легальнымъ) различныя касающіяся васъ исключенія, увѣнчались успѣхомъ; желаю этого, какъ начальникъ исповѣданій, допускающій принципъ здравой терпимости, и какъ юристъ“.

---

[10]) Имѣніе Велепольскихъ.

„Вамъ извѣстно, что я ревнитель гражданскихъ законовъ, которые, въ теченіи полувѣка, служатъ звѣномъ соединенія между вашею народностью и Европейской цивилизаціей. Духу этого кодекса [11]) чужды исключительныя постановленія и всякая исключительность предъ правомъ гражданскимъ. А потому не думайте, чтобы я раздѣлялъ новорожденныя теоріи тѣхъ, которые вамъ подаютъ тамъ разные совѣты, ставя условіемъ, чтобы вы перестали быть тѣмъ, чѣмъ вы, главнѣйшимъ образомъ, есть, т. е. свернули бы съ торгово-промышленнаго пути и, бросивъ соединенныя съ нимъ занятія, впряглись въ плугъ. Почтенно званіе земледѣльца, и мнѣ бы желалось, чтобъ вы также приняли въ немъ нѣкоторое участіе. Я самъ по ремеслу земледѣлецъ; но земледѣльцевъ, господа, было у насъ всегда очень много, а недоставало намъ постоянно такъ называемаго третьяго, или средняго сословія, котораго зародышъ вложенъ въ васъ самимъ Провидѣніемъ и если не подвигается впередъ, такъ это потому, что не признанъ“.

„Приложимъ общія старанія, чтобы этотъ зародышъ ожилъ и развился“ [12]).

„Въ этомъ — общественное ваше достоинство“.

„Это будетъ зависѣть, въ значительной степени, отъ вашей находчивости и проницательности; дай Богъ, чтобы эти свойства, искони васъ отличающія, стали нашимъ общимъ удѣломъ!“

Рѣчь эта, столь различная отъ рѣчи министра его родному духовенству, взорвала окончательно красныхъ ксендзовъ. Весьма скоро послѣ этого, въ кучѣ всякихъ руга-

---

[11]) Кодексъ Наполеона, принятый въ Польшѣ съ 1806 года.

[12]) Въ этотъ разъ, или немного позже, въ бесѣдѣ съ Майзельсомъ, Велепольскій спросилъ, какъ говорятъ (понѣмецки): «Скажите, любезный Майзельсъ, отчего вы постоянно подаете лѣвую руку?»—«Оттого, ваше сіятельство, что у насъ нѣтъ правой». (Wir können nicht anders machen: wir haben doch keine *rechte*). Игра словъ: «у насъ нѣтъ *правой* и *правъ*—Rechte». Впослѣдствіи одинъ изъ Русскихъ правителей сказалъ Майзельсу, въ шутливомъ разговорѣ, когда права Евреевъ были значительно уравнены съ прочими: «у васъ теперь, кажется, *обѣ правыя*.

тельныхъ анонимовъ, приходившихъ ежедневно, Велепольскій получилъ письмо, яко бы отъ „всего Католическаго духовенства Польши“, отъ 4 Апрѣля н. с. Вотъ что въ немъ писали:

„Господинъ директоръ!“

„Рѣчь ваша къ представлявшемуся вамъ, 2 сего Апрѣля, Католическому духовенству повергла всѣхъ въ недоумѣніе и наполнила сердца горестью. Всѣ Католическіе капланы Польши находятъ въ ней угрозу, неизвѣстно чѣмъ вызванную, неуваженіе къ званію, ничѣмъ не заслуженное, и считаютъ непремѣнною и священною обязанностію протестовать противъ всего, что въ ней оскорбительно для нашей совѣсти и унизительно для нашего достоинства“.

„Прежде всего на этой рѣчи лежитъ отпечатокъ необыкновенной суровости, чего-то рѣзкаго и повелительнаго, къ чему мы не привыкли и чего нисколько не заслужили, чего въ объясненіяхъ директора съ представителями другихъ исповѣданій не замѣчается вовсе. Далѣе слышались обвиненія въ нарушеніи нами установленныхъ церковью правилъ, намеки на какія-то распри и столкновенія съ властію, которая предшествовала господину директору. Все это въ рѣчи громится страшно и, можетъ быть, это и такъ, господинъ директоръ; но эти нарушенія установленныхъ правилъ, это были горькія и тяжкія попытки устранить бѣдственныя послѣдствія тѣхъ правительственныхъ распоряженій, коихъ цѣлію была рѣшительная деморализація и развращеніе нашего народа, въ чемъ господинъ директоръ можетъ убѣдиться, немного порывшись въ архивахъ. А эти распри и столкновенія—это была тридцатилѣтняя кровавая борьба съ насиліемъ, которое стремилось къ тому, чтобы подавить въ краѣ святую нашу вѣру и народность и слить насъ съ народомъ, чуждымъ для насъ по религіи, чувствамъ и просвѣщенію. Такая борьба питаетъ нашу гордость, приноситъ намъ честь и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляетъ насъ въ твердости и выдержкѣ до конца. Мы сомнѣваемся, чтобы господинъ директоръ, какъ Полякъ и какъ Католикъ,

ссылающійся на предковъ, тоже Поляковъ и Католиковъ, имѣлъ право порицать насъ за такія дѣйствія, за такое нарушеніе правилъ и бросать въ насъ камнемъ".

„Что-же до того мѣста рѣчи, гдѣ господинъ директоръ не признаётъ правительства въ правительствѣ, мы его хорошо не понимаемъ. Значитъ ли это, что господинъ директоръ объявляетъ себя врагомъ тѣхъ народныхъ самостоятельныхъ заявленій, которыя стремятся спасти насъ отъ совершеннаго разложенія, которыя одни только ставятъ насъ въ возможность поднять и вести борьбу противу всякихъ покушеній на религію и народность нашу? Значитъ-ло это, что господинъ директоръ, отвѣчая видамъ правительства, хотѣлъ-бы преобразовать высшія духовныя власти въ чиновниковъ своей канцеляріи и насъ въ слѣпыя орудія, покорныя всемогущей волѣ правительства, въ какомъ-бы то ни было случаѣ? Господинъ директоръ! Человѣкъ, бывшій на вашемъ мѣстѣ, имѣлъ касательно насъ точно такія-же намѣренія, но у него недостало смѣлости высказать это въ лицо цѣлому краю, въ лицо всему образованному міру. Вы, господинъ директоръ, восполняете его въ этомъ отношеніи и, какъ Полякъ-католикъ, въ виду воскресающей отчизны, въ виду невысохшихъ еще слезъ, текущей крови и незакрывшихся ранъ, послѣ тридцатилѣтней борьбы за то, что̀ намъ дороже всего на свѣтѣ, — грозите намъ именемъ правительства всемилостивѣйшаго Государя исполнить то, чего предшественникъ вашъ не могъ. Такое поведеніе конечно согласно съ видами правительства, но противно священнѣйшимъ интересамъ нашей отчизны, а равно и старымъ традиціямъ нашего историческаго развитія, чего неестественно господину директору не чувствовать въ глубинѣ своей души".

„На этомъ пути господинъ директоръ встрѣтитъ такоеже самое сопротивленіе и такую-же готовность нарушать установленныя правила, какъ и его предмѣстникъ. Съ одной стороны выступитъ господинъ директоръ, какъ потомокъ древней Польской фамиліи, какъ Католикъ и Полякъ, за-

щищая правительственныя стремленія къ централизаціи, дающей такіе благіе плоды въ сосѣднемъ государствѣ; съ другой выступитъ Польское духовенство, съ именемъ Божіимъ — и начнется стародавняя борьба, которая не прекращалась, не смотря на неравенство силъ, борьба за вѣру, совѣсть, права и свободу нашего народа. Побѣда въ рукѣ Божіей. На Его милосердіе смиренно уповаемъ".

Это было, разумѣется, произведеніе красныхъ; но тѣмиже красными пущенъ всюду слухъ, для приданія факту бо́льшей силы, будто-бы это написалъ Декертъ, съ нѣсколькими духовными высшихъ чиновъ, дѣйствуя отъ лица всего духовенства. За границей слѣдили за всѣмъ, что́ дѣлалось въ нашей Польшѣ, и когда нужно было, подхватывали иное происшествіе, сообщали ему приличное освѣщеніе, трубили и шумѣли, какъ-только было можно больше и дольше. Такъ нашла себѣ ретивыхъ комментаторовъ и эта исторія съ письмомъ духовенства къ своему новому начальнику: Львовская газета Голосъ (Głos), № 93, не долго думая, напечатала прямо, что это письмо сочинилъ Декертъ.

Когда прочли это въ Варшавѣ, Велепольскій приказалъ спросить Декерта оффиціально, что́ значатъ всѣ эти слухи и статья Голоса? Декертъ отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ и авторомъ письма никогда не былъ. Его пригласили отречься печатно; онъ отрекся [13]). Это конечно послужило только къ еще бо́льшему усиленію всякихъ праздныхъ толковъ.

Среди такого шума на́чалъ свою административно-политическую дѣятельность Велепольскій. Мы далеки отъ того, чтобы строго судить о томъ или другомъ тогдашнемъ шагѣ новаго министра, обвинять его въ излишней поспѣшности, раздражительности или безтактности относительно того или другаго лица, не то котеріи. Онъ былъ, пожалуй, и раздражителенъ, былъ и безтактенъ вообще; но виноватъ-ли онъ

[13]) № 114 Варшавскаго Курьера 1861 года, стр. 541.

во всѣхъ частныхъ своихъ движеніяхъ за то бурное, кипучее время, которое мы описываемъ—Богъ знаетъ. Еслибъ только могли себѣ представить съ достаточной ясностью, какъ все тогда неслось, кипѣло и клокотало, какъ событія рябили и пестрѣли передъ глазами, какъ громоздились онѣ другъ на друга, какъ много совершалось въ каждый мигъ, какъ много нужно было ежеминутно обдумывать всякихъ противурѣчивыхъ вопросовъ! Вспомнимъ при этомъ условія, въ какихъ находился тогда новый дѣятель, искавшій чуть не квадратуры круга: этотъ ливень анонимныхъ писемъ, исполненныхъ угрозъ и ругательствъ [14]), косые взгляды Русскихъ и Поляковъ, общее недовѣріе, борьба ежедневная, ежечасная. Надо быть не человѣкомъ, чтобы оставаться во все это время совершенно-спокойнымъ и не дѣлать никакихъ ошибокъ.

Министръ обдумывалъ, съ разными правительственными лицами Варшавы, очень важный шагъ: закрытіе Земледѣльческаго Общества.

Еще прежде было замѣчено, что это общество выходитъ изъ круга предписанной ему дѣятельности и рѣшаетъ много такихъ вопросовъ, которые до него ничуть не относятся. Комитетъ общества игралъ уже давно роль отдѣльной, самостоятельной власти, status in statu—больше, чѣмъ духовные, которымъ намекнулъ на это въ рѣчи своей Велепольскій. Президентъ общества, Замойскій, раздавалъ уже какія-то медали, какъ маленькій намѣстникъ. Съ развитіемъ революціоннаго движенія въ краѣ, развилась и самостоятельность Земледѣльческаго Общества; особенно оно шагнуло впередъ на этомъ пути послѣ событій 27 Февраля и подачи адреса Государю Императору. Немного оставалось, чтобы общество перешло въ настоящую революціонную организацію. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ не скоро бы мы дождались себѣ помощниковъ, которые, глав-

[14]) По поводу усилившихся злоупотребленій городскою почтою, она была закрыта спустя нѣсколько дней, именно 11 Апрѣля н. ст.

нѣйшимъ образомъ, должны были выдѣлиться изъ этого-же Земледѣльческаго Общества. Реформы, подготовленныя правительствомъ, имѣли значеніе для страны только въ нормальномъ ея состояніи. А теперь все выступило изъ береговъ, и Поляки всѣхъ оттѣнковъ понимали очень хорошо, что даруемыя учрежденія, какъ-бы онѣ либеральны ни были, какая-бы ни произошла подтасовка при выборахъ въ разные совѣты, никакъ не будутъ сейчасъ-же тѣмъ, чѣмъ уже есть Земледѣльческое Общество, можетъ не совсѣмъ любимое иными кружками, тѣмъ не менѣе очень сильное, главная сила. Нужно время да и время, чтобы передѣлать все вновь полученное такъ, какъ слѣдуетъ тому быть; да и передѣлаешь ли, еще Богъ вѣсть; можетъ быть, только даромъ пропадетъ трудъ, и правительство выиграетъ. Стало-быть, для достиженія нашей правительственной цѣли, необходимо было устранить одно, чтобы явилось другое. Но тутъ опять возникалъ вопросъ: образуется-ли чрезъ это желаемая нормальная атмосфера? Устранятся-ли всѣ препятствія? Не прибавится-ли ихъ еще болѣе? Не дальше-ли еще станутъ отъ насъ массы? И безъ того Велепольскій стоялъ одинъ, на юру, и никто не протягивалъ ему руки на помощь; еслижъ Общество будетъ закрыто—этотъ фактъ всѣ припишутъ интригамъ министра, его личной мести. „Общество его забалотировало, — забалотировалъ-же его и онъ! И еще какъ ловко!“ Вотъ что̀ скажутъ. Но, что̀ бы ни сказали, что̀ бы ни случилось, дѣла въ томъ положеніи, какъ были, оставаться не могли. Нужно было на что либо рѣшиться, рискнуть. Велепольскій съ Намѣстникомъ рискнули.

6 Апрѣля н. с., въ субботу на Святой, изумленная Варшава читала во всѣхъ газетахъ:

„По указу Его Императорско-Царскаго Величества и пр. „и пр. Совѣтъ Управленія Царства“.

„Такъ какъ Земледѣльческое Общество, учрежденное въ Царствѣ Польскомъ единственно для поддержки развитія земледѣлія, въ послѣднее время, уклонившись отъ своего уста-

ва, взяло несоотвѣтственное настоящимъ обстоятельствамъ направленіе: посему, опираясь на полномочія, дарованныя Его Императорско-Царскимъ Величествомъ, Совѣтъ Управленія постановилъ“:

1) „Земледѣльческое Общество, учрежденное указомъ отъ $\frac{12}{24}$ Ноября 1857 года, нынѣ упраздняется“.

2) „Правительственная Коммисія Внутреннихъ Дѣлъ представитъ на Высочайшее утвержденіе проэктъ касательно устройства, въ разныхъ пунктахъ Царства, земледѣльческихъ собраній“.

3) „Остатокъ суммъ Земледѣльческаго Общества долженъ быть перенесенъ въ Польскій Банкъ, какъ депозитъ, для возвращенія тѣмъ, кому что̀ принадлежитъ“.

„Исполненіе сего постановленія, имѣющаго войти въ Дневникъ Законовъ, возлагается на Правительственную Коммисію Внутреннихъ Дѣлъ».

Подписали: „Намѣстникъ, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.“ „Испр. д. главнаго директора, предсѣдательствующаго въ Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-майоръ Гецевичъ.“ „Статсъ-секретарь въ совѣтѣ управленія І. Карницкій“.

По прочтеніи этого, городъ пришелъ въ волненіе.

Нельзя сказать, чтобы Земледѣльческое Общество пользовалось большою популярностію и симпатіей въ краѣ. Всѣмъ было извѣстно, какъ крупные землевладѣльцы, которыхъ часть составляла комитетъ Общества, глядятъ на самый важный вопросъ, занимавшій тогда всѣ умы въ Имперіи, на освобожденіе крестьянъ, и какъ ими управляютъ. Было извѣстно также, какъ большинство баричей проводитъ время, куда идутъ деньги, добываемыя тяжкимъ трудомъ селянина. Одинъ графъ Андрей былъ нѣсколько популяренъ, вслѣдствіе простоты и любезности его обхожденія со всякимъ человѣкомъ, большимъ и маленькимъ, и еще вслѣдствіе нѣкоторыхъ патріотическихъ его предпріятій и жертвъ. Но и объ немъ говорили, что мужиками своими правитъ онъ черезъ-чуръ по старому и считаетъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ

быдломъ, не имѣющимъ покамѣстъ правъ на свободу и лучшее обращеніе. Извѣстные читателю [15]) переговоры красныхъ съ Земледѣльческимъ Обществомъ, незадолго до событій 27 Февраля, и постановленіе комитета Общества относительно освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею, вскорѣ послѣ этого дня, еще болѣе охладили къ помѣщикамъ городъ, и безъ того уже соединившійся въ чувствахъ своихъ съ красными, т. е. противуположнымъ элементомъ. Повредило имъ также въ мнѣніи толпы требованіе войскъ у правительства утромъ 27 Февраля. Сколько ни хлопоталъ потомъ графъ Андрей, графъ Ѳома Потоцкій и прочіе той-же масти люди, чтобы возстановить свою популярность въ массѣ, сколько ни дѣлали глупостей и ребячествъ, никто ихъ не замѣчалъ, или замѣчалъ очень немного: павшая тѣнь продолжала лежать и лежала вплоть до закрытія Земледѣльческаго Общества.

Тутъ вдругъ объ немъ заговорили всѣ до единаго, какъбы о павшемъ героѣ, полномъ силъ и надеждъ, котораго унесла за Коцитъ какая-нибудь проклятая бомба. Всѣ заговорили о Земледѣльческомъ Обществѣ. Графъ Андрей сталъ опять популяренъ.

Красные не дремали. Еще-бы они упустили такую драгоцѣнную минуту для манифестаціи! На что-же у нихъ Новаковскіе, Шаховскіе, Франковскіе! Куда-бы они годились, всѣ эти забубённые ребята, если бъ не съумѣли *чего-нибудь* устроить, „для поднятія народнаго духа“, по поводу такого крупнаго факта!

Въ ту-же ночь, съ 6 на 7 Апрѣля н. с., обдуманы „артистами“ главныя подробности манифестаціи, которой мотивомъ, заглавіемъ, должны быть „поминки по умершему Земледѣльческому Обществу и поднесеніе предсѣдателю онаго, графу Андрею Замойскому, столько въ немъ подвизавшемуся на пользу общую, колоссальнаго вѣнка безсмертія“.

Хотя никакихъ объявленій объ этой манифестаціи не было, но объ ней такъ много говорили вездѣ, что полиціи

[15]) См. выше, стр. 214.

ничего не значило получить самыя точныя обо всемъ свѣдѣнія и предотвратить безпорядокъ. Однакожъ этого не сдѣлано. Что̀ касается до новыхъ начальниковъ отдѣловъ, — изъ нихъ никто и не пошевелился принять какія либо мѣры, хотя бы просто-за-просто переговорить съ княземъ Горчаковымъ и убѣдить его отдать нужные приказы. Всѣ знали все и приготовились смотрѣть на спектакль.

Манифестація состоялась въ такомъ видѣ.

Утромъ 7 Апрѣля н. с., вышли двѣ процессіи изъ костеловъ: Капуцинскаго, что̀ на Медовой, и Бернардинскаго, на Крако̀вскомъ предмѣстьѣ. Бернардинскою процессіею управлялъ Новаковскій, неся въ рукахъ крестъ, о которомъ говорили народу, что это „тотъ самый, *сломанный* 27 Февраля“.

Обѣ процессіи потянулись на Повонзки, гдѣ, не задолго передъ тѣмъ, красная партія собрала довольно много народу, у могилы пяти жертвъ. Могилу эту украсили цвѣтами и различными эмблемами, съ Польскимъ орломъ, пѣли народные гимны и потомъ, всей ма̀ссой, отправились обратно, въ городъ, неся въ рукахъ цвѣты и вѣтви.

Близъ 4 часа, вся эта масса, увеличенная приставшими къ ней въ городѣ толпами, очутилась передъ домомъ Кредитнаго Общества, на Ериванской улицѣ, гдѣ было бюро Земледѣльческаго Общества (въ намѣстниковскомъ палацѣ оно только засѣдало). Всего народу сначала было, можетъ статься, тысячъ десять, но вскорѣ набралось еще столькоже изъ разныхъ улицъ, преимущественно, какъ говорили, изъ Маршалковской. Эти новые принесли съ собою также цвѣты и вѣтви и, кромѣ того, огромный вѣнокъ съ надписью: *Земледѣльческому Обществу*. Домъ Кредитнаго Общества покрылся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цвѣтами и гирляндами. Нашего орла занавѣсили чернымъ крепомъ, а рядомъ съ нимъ торжественно воздвигли бѣлаго Польскаго орла и образъ Ченстоховской Божіей Матери, при громкихъ крикахъ ура! виватъ! и т. п. и пѣніи гимна: Pod Twoją

obronę [16]). Въ заключеніе грянула: Jeszcze Polska nie zginęła!

Словомъ, опять стали твориться чудеса, въ родѣ Февральскихъ, и правительство, нисколько не научившись тогдашнимъ горькимъ опытомъ, дѣйствовало опять точно также, какъ въ тѣ минуты: массамъ не только дали свободно собраться и возрасти тысячъ до двадцати слишкомъ, но и допустили ихъ дѣлать нѣсколько часовъ сряду что̀ имъ угодно.

Князь Горчаковъ послалъ на мѣсто сборища генералъ-губернатора Панютина уже тогда, когда массы народа покрывали рѣшительно всю площадь передъ домомъ Кредитнаго Общества, часть Ериванской, Мазовецкой и Королевской улицъ [17]).

Панютинъ пользовался большою симпатіею въ городѣ: Горчакову вообразилось, что вслѣдствіе этого толпа его послушаетъ и разойдется.

Панютинъ прибылъ на мѣсто съ казакомъ и легко пробрался къ самому дому Кредитнаго Общества; но казака его не пустили, говоря, что „пану генералу ненуженъ эскортъ, потому что его всѣ любятъ и ничего ему не сдѣлаютъ: да здравствуетъ генералъ!“

Такое нача́ло, шутливый, фамильярный пріемъ, не предвѣщали ничего добраго. Можно было заранѣе предсказать власти, съ которою такъ обходилась толпа, неизбѣжное фіаско въ переговорахъ.

Очутившись передъ домомъ Кредитнаго Общества, гдѣ творились главныя чудеса и гдѣ были всѣ коноводы затѣи, Панютинъ спросилъ мягкимъ голосомъ: „что̀ вы тутъ дѣлаете, дѣти мои?“

— Творимъ поминки по умершему Земледѣльческому Обществу, отвѣчали ему.

„А эти гирлянды?“

---

[16]) «Подъ твою милость, Владычице, прибѣгаемъ. (Гимнъ Богородицѣ).

[17]) Все это пространство заключаетъ въ себѣ, приблизительно, до четырехъ тысячъ квадратныхъ сажень.

—Это заупокойный даръ на могилу, по обычаю отцовъ, отъ провинцій: Мазовша, Волыни, Украйны, Подола и Литвы.

„А этотъ орелъ?“

—Это Польскій орелъ: пришли Поляки творить поминки по умершему Польскому обществу; стало, тутъ и нуженъ нашъ Польскій орелъ: мы взяли вашего и занавѣсили, а на мѣсто его воздвигли нашего бѣлаго Польскаго орла.

„Все это, дѣти мои, называется безпорядкомъ. Прошу васъ, какъ вашъ другъ, желающій вамъ всего лучшаго: разойдитесь по домамъ, иначе навлечете на себя много непріятностей.“ [18])

—Ладно, мы разойдемся! сказало нѣсколько голосовъ, и съ этими словами часть народу дѣйствительно тронулась по Мазовецкой улицѣ, потомъ по Свенто-Кршиской, и заворотила по Новому Свѣту къ дому графа Замойскаго, гдѣ теперь Русскій Клубъ. Туда же направилось отъ Кредитнаго Общества и все остальное, лишь только Панютинъ уѣхалъ въ Замокъ доложить князю о результатѣ своихъ переговоровъ съ народомъ.

Въ переднихъ рядахъ, стоявшихъ у самаго балкона, былъ видѣнъ тотъ громадный вѣнокъ, о которомъ сказано выше.

Замойскій былъ дома; но, не смотря на сильное удовольствіе, которое онъ чувствовалъ при оглушительныхъ крикахъ толпы, наполнявшей скромный дворикъ скромнаго его палаца [19]), не рѣшился выйти на балконъ, а послалъ секретаря своего Гарбинскаго [20]), поблагодарить прибывшихъ

---

[18]) Составлено по разнымъ печатнымъ и письменнымъ источникамъ и по разсказамъ частныхъ лицъ въ Варшавѣ, Поляковъ и Русскихъ, видѣвшихъ эту манифестацію.

[19]) Домъ, гдѣ жилъ Замойскій, невеликъ. Главный же домъ съ флигелями и огромнымъ корпусомъ, внутри двора, отдавался обыкновенно въ наймы и приносилъ графу, какъ говорятъ, около 30 тысячъ рублей чистаго дохода въ годъ.

[20]) Былъ одно время редакторомъ журнала Roczniki gospodarskie (хозяйственныя лѣтописи), выходившаго въ числѣ 4 тысячъ экземпля-

за вниманіе и принять вѣнокъ. Но толпа продолжала вызывать самого хозяина. Онъ вышелъ.....

Когда это происходило, въ Замкѣ отдано приказаніе выдвинуть на площадь войска, приблизительно, въ томъ порядкѣ и количествѣ, какъ это было 27 Февраля.

Въ Замкѣ, со времени начавшихся безпорядковъ, стоялъ всегда какой-нибудь батальонъ. Офицеры помѣщались въ тронной залѣ, гдѣ и обѣдали. Двѣ роты солдатъ занимали библіотеку и залу надъ нею [21]). Рота располагалась въ оранжереѣ и, наконецъ, четвертая по разнымъ комнатамъ, гдѣ случится. Одно время солдаты занимали даже и залу съ колоннами, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, имѣли для спанья солому.

Такую службу, въ Мартѣ и Апрѣлѣ 1861 года, несли, поочередно, первый и третій батальоны Костромскаго пѣхотнаго полка и одинъ Симбирскаго.

Когда отдано было приказаніе занять площадь войсками, генералъ Хрулевъ [22]), въ вѣдѣніи котораго состоялъ первый отдѣлъ города съ Замкомъ, построилъ развернутымъ фронтомъ, отъ угла Бернардинскаго костела къ третьимъ воротамъ Замка, двѣ роты бывшаго тогда на очереди въ покояхъ Замка перваго батальона Костромскаго полка. Роту послалъ онъ по Сенаторской улицѣ, вслѣдствіе слуховъ, будто бы тамъ начали скопляться массы; но она скоро воротилась, ничего не могши сдѣлать: массы дѣйствительно стояли сплошною стѣною. Четвертую роту генералъ повелъ лично, Краковскимъ предмѣстьемъ, къ дому Кредитнаго Общества, гдѣ манифестація, какъ говорили, продолжается; но, придя къ мѣсту, Хрулевъ не нашелъ никого: бѣлый орелъ былъ снятъ. Бродившія кругомъ небольшія кучи народу сказали генералу, что толпа двинулась къ дому

ровъ (по числу членовъ Земл. Общества.). Умеръ въ Ноябрѣ 1866, въ Варшавѣ.

[21]) Библіотека помѣщалась въ залѣ между танцовальной съ колоннами и церковью.

[22]) Прибылъ въ Варшаву 3 Апрѣля н. ст. 1861.

графа Замойскаго, для поднесенія ему вѣнка; Хрулевъ туда, но и тамъ уже никого не было [23]): массы прошли къ Замку и стали противъ войскъ. Между простыми обывателями, во всякихъ незатѣйливыхъ костюмахъ, виднѣлось много хорошо одѣтыхъ. Кое-гдѣ мелькали даже и дамы.

Князь Горчаковъ, давшій, какъ извѣстно, делегатамъ слово явиться на площади при первомъ скопищѣ народа [24]), дѣйствительно пробрался въ толпу, сквозь войска, около Съѣзда, въ пальто и съ хлыстикомъ въ рукахъ [25]), и повторилъ нѣсколько разъ: „Rozchodźcie się! Rozchodźcie się!“ (расходитесь, расходитесь). Но ему отвѣчали изъ толпы: „Niech książe idzie do dòmu, my jesteśmy w dòmu!“ (ступайте вы, князь, домой, мы дóма.) Слышались фразы менѣе церемонныя: „Wy rozchodźcie się, kapuśniaki! Jdź, stary, do domu, bo zimno: kataru dostanesz!“ т. е. Вы расходитесь, капусняки! Шелъ-бы старый домой, холодно: насморкъ схватишь! [26])

Услыхавъ такія привѣтствія, Намѣстникъ скрылся опять за рядами войскъ и послалъ къ толпѣ своего начальника штаба, генерала Коцебу. Онъ въѣхалъ въ массу верхомъ, сопровождаемый еще нѣсколькими генералами и другими военными чинами. Каждый изъ нихъ по свòему сталъ убѣждать народъ разойтись, но никто не двигался. Мѣстами раздавались восклицанія шутливымъ тономъ: „Niech żyje jenerał!“ (Да здравствуетъ генералъ!) Мѣстами отпуска-

---

[23]) Толпа разошлась съ Хрулевымъ такимъ образомъ: онъ шелъ по Краковскому предмѣстью и потомъ по Саксонской площади; толпа-же, въ то самое время, двигалась по Мазовецкой и Свенто-Кршиской, и были другъ другу не видны. Къ дому Замойскаго Хрулевъ прошелъ тѣмъ-же путемъ, какъ и толпа, т. е. улицами Мазовецкой и Свенто-Кршиской.

[24]) См. выше стр. 210.

[25]) Эти подробности и кое-что ниже отъ офицера Костромскаго полка, бывшаго тогда на площади, при первой ротѣ. Отъ него-же и размѣщеніе батальона въ Замкѣ.

[26]) Капуснякъ — бранное названіе Русскаго солдата у Польскаго простонародья. Кромѣ того kapusniak значитъ *щи*.

лись привѣтствія въ родѣ тѣхъ, какія выслушалъ князь Горчаковъ. Иные молодые люди въ рядахъ, ближайшихъ къ войскамъ, стоя отъ нихъ на разстояніи какого-нибудь шага, а гдѣ и вплоть, вступали въ разговоры съ офицерами, въ такомъ духѣ: „Скажите на милость, зачѣмъ вы тутъ стоите?“—„Кажется, намъ-бы слѣдовало спросить у васъ объ этомъ, отвѣчали офицеры: мы-бы не пришли, когда-бы васъ не ждали отъ Кредитнаго Общества, гдѣ вы дѣлали Богъ знаетъ что́“.—„Да вы уйдите, и мы уйдемъ!“ говорили опять изъ толпы.—„Этого нельзя“! возражали офицеры.—„Ну, и намъ нельзя!“

Были шалуны, предлагавшіе солдатамъ сигаръ, и когда тѣ отказывались брать, говоря, что имъ запрещено въ строю курить,—предлагавшіе обращались къ офицеру: „Ваше благородіе! Позвольте бѣдному солдату покурить!“

Зрѣлище становилось часъ-отъ-часу невыносимѣе. Нужно было войскамъ все терпѣніе Русскаго человѣка и привычку повиноваться власти, чтобъ выдержать эти сцены героически-спокойно, не ринуться на дерзкихъ и не наказать ихъ. Но не смотря на то, что солдаты стояли какъ вкопанные, по ихъ лицамъ и стиснутымъ зубамъ можно было легко угадать, что́ въ нихъ происходило и что́ вышло-бы, еслибъ дать имъ волю, какіе-бы клочки полетѣли къ небу отъ этихъ угощателей сигарами! И то кое-гдѣ слышался глухой, сдержанный ропотъ, въ родѣ начинающей разыгрываться бури.

Нѣсколько бѣлыхъ, находившихся тутъ-же на площади, предвидя печальный исходъ шутки, пробовали всячески увѣщевать братьевъ, чтобъ они разошлись. Куда! Толпа поднимала ихъ на смѣхъ! Явились болѣе вліятельные делегаты, и они ничего не сдѣлали. Массы стояли не трогаясь ничуть. Насмѣшки надъ войскомъ и дерзости продолжались.

Необходимо было положить этому какой-нибудь конецъ.

Увѣряютъ, что разные высшіе чины убѣждали князя Горчакова, сидѣвшаго у окна, съ биноклемъ въ рукахъ, послать Хрулеву приказаніе: „дѣйствовать оружіемъ, а если нужно, то и стрѣлять!“, и князь отправилъ съ такимъ при-

казаніемъ адъютанта своего Мейендорфа, но Хрулевъ сказалъ будтобы Мейендорфу: „я и такъ справлюсь!“ и, въѣхавъ въ толпу верхомъ, онъ началъ съ нею переговоры. Толпа, будто-бы, объявила генералу, что „не двинется съ мѣста, пока не будутъ уведены съ площади войска.“ — „Ну, хорошо, сказалъ Хрулевъ: я поворочу налѣво кругомъ, смотрите-жъ, и вы поворачивайте!“ Это было обѣщано, но лишь только войска тронулись, какъ въ толпѣ раздались хохотъ и браво. Войскамъ приказано занять прежнія мѣста.

Между-тѣмъ совершенно стемнѣло. Задніе ряды отведены къ Замку и когда замѣчено, что толпа тоже стала рѣдѣть, уведены и остальные. На площади виднѣлись только казаки и небольшія кучи разнаго молодаго народу, болѣе всего такъ-называемыхъ *лобузовъ*, которые кричали, что не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока и казаки не будутъ уведены въ Замокъ. Казаковъ увели. Тогда кричавшіе, построясь въ ряды, замаршировали въ направленіи къ Саксонскому саду и всю дорогу распѣвали: „wygrana, wygrana!“ (побѣда, побѣда!). Потомъ бродили по саду, по разнымъ улицамъ, сбивали съ прохожихъ цилиндрическіе шляпы (съ этихъ поръ началось неистовое преслѣдованіе цилиндрическихъ шляпъ). Всю ночь, во многихъ пунктахъ города, слышались восклицанія: „wygrana! wygrana!“

Замокъ конечно не спалъ. Говорятъ, Намѣстникъ сдѣлалъ выговоръ Хрулеву за неисполненіе его приказанія: „стрѣлять, или вообще употребить силу оружія“. Хрулевъ будтобы извинялъ себя особыми инструкціями, полученными имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга: ему казалось необходимымъ испробовать всевозможныя мѣры переговоровъ, и онѣ испробованы; толпа, такъ-ли, не такъ-ли, удалилась. Конечно, никто не могъ поручиться, что она не соберется завтра. А потому большинство находившихся въ Замкѣ высшихъ военныхъ чиновъ совѣтовало Намѣстнику сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ болѣе рѣшительнымъ объясненіямъ съ нею, чѣмъ то, что было доселѣ. Хрулевъ-же и нѣкоторые другіе настаивали на томъ, чтобы выдать назавтра самое точное

постановленіе, *когда* начальствующій войсками можетъ стрѣлять, или вообще дѣйствовать оружіемъ, дабы не оставалось съ этой стороны нималѣйшихъ недоразумѣній и никто не могъ подвергнуться потомъ отвѣтственности понапрасну.

Вслѣдствіе такихъ настояній составлены тогда-же, ночью, слѣдующія правила, въ формѣ постановленія Совѣта Управленія:

„По указу Его Императорско-Царскаго Величества и пр. и пр.“

„Совѣтъ Управленія Царства,“

„Взявъ во вниманіе, что повторяющіяся многочисленныя сборища нарушаютъ общественное спокойствіе и препятствуютъ свободному развитію учрежденій, всемилостивѣйше Царству дарованныхъ, постановилъ“:

1) „Всякаго рода сборища и какія-бы то ни было недозволенныя правительствомъ сходки, на улицѣ или общественныхъ путяхъ, воспрещаются“.

2) „Еслиже произойдетъ сборище, или какая-либо недозволенная правительствомъ сходка, на улицѣ или общественномъ пути, президентъ, бургомистръ, гминный войтъ, или правящіе ихъ должности, полицейскій коммиссаръ, либо иной чиновникъ, отправляется на мѣсто сборища“.

„Ударъ въ барабанъ возвѣщаетъ прибытіе чиновника. Чиновникъ приглашаетъ собравшихся разойтись. Если возваніе это осталось безъ послѣдствія, чиновникъ повторяетъ оное еще два раза, приказывая передъ каждымъ разомъ ударить въ барабанъ“.

„Если сборище не разойдется и послѣ третьяго воззванія, то должна быть употреблена вооруженная сила [27])“.

„Вооруженная сила можетъ быть употреблена также и послѣ перваго или втораго воззванія къ народу, еслибъ слѣдую-

---

[27]) Хрулевъ, какъ говорятъ, совѣтовалъ поставить въ этомъ мѣстѣ слова: будутъ стрѣлять, но Горчаковъ и нѣкоторые изъ ближайшихъ къ нему лицъ были за первую фразу, и она осталась безъ измѣненія. Нѣсколько позже, именно 29 Іюня ст. ст. 1861, Хрулевъ подалъ новому намѣстнику Сухозанету записку о томъ-же, но ея тоже не приняли.

щее за тѣмъ воззваніе оказалось почему-либо неудобоисполнимымъ".

3) „Каждый, кто, не смотря на сдѣланное воззваніе, не удалится, будетъ арестованъ и посланъ въ одну изъ крѣпостей, а потомъ отданъ подъ судъ".

4) „Кто не удалится послѣ перваго воззванія, подвергается аресту отъ осьми до двадцати дней; кто не удалится послѣ втораго барабана, подвергается аресту въ исправительномъ домѣ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; кто не удалится послѣ третьяго барабана, подвергается аресту отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ".

„Если-же кто-либо при семъ окажетъ сопротивленіе вооруженной силѣ, будетъ заключенъ въ одну изъ крѣпостей Царства отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ".

5) „Кто станетъ подговаривать другихъ къ неповиновенію или сопротивленію, подвергается вдвое строжайшему наказанію противъ того, кто не подговаривалъ".

6) „Всякое возбужденіе къ сборищамъ, воспрещаемымъ первою статьею, устное или посредствомъ письменныхъ либо печатныхъ воззваній, наклеенныхъ или раздаваемыхъ, наказывается арестомъ въ исправительномъ домѣ, отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Такому-же аресту подвергается авторъ письменнаго воззванія, литографіи, или печатнаго листка. Разносящій, а равно и приклеивающій таковыя воззванія подвергается аресту отъ 8 до 20 дней".

7) „Еслибы во время скопищъ были учинены какія-либо преступленія, таковыя будутъ судимы по законамъ отдѣльно".

8) „Въ случаѣ часто повторяющихся сборищъ, или другихъ безпорядковъ въ какой-либо мѣстности, виновные въ таковыхъ будутъ заключаемы въ крѣпость для произведенія надъ ними надлежащихъ судебныхъ слѣдствій".

9) „Исполненіе настоящаго постановленія, имѣющаго войти въ Дневникъ Законовъ, поручается главнымъ директо-

рамъ, предсѣдательствующимъ въ Коммисіяхъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи [28])".

Кромѣ того написано краткое воззваніе къ народу и передано полицейскому офицеру Ойжинскому, состоявшему на службѣ при Замкѣ болѣе 30 лѣтъ. Генералъ Хрулевъ, который жилъ тогда въ Замкѣ, около гауптвахты, призвалъ къ себѣ Ойжинскаго въ ту-же ночь, съ 7 на 8 Апрѣля н. ст. и далъ ему устныя инструкціи, какъ вести себя завтра, если толпы соберутся, какъ выйти изъ Замка, на какомъ разстояніи стать отъ народа, что̀ говорить [29]).

Съ самаго ранняго утра, 8 Апрѣля, полиція спѣшила распространить постановленія Совѣта Управленія о сборищахъ. Его наклеивали на всѣхъ видныхъ мѣстахъ города и раздавали прохожимъ въ руки, но мало кто обращалъ на него вниманіе. Городъ, можно сказать, былъ пьянъ отъ вчерашней побѣды. У всѣхъ въ умѣ и на языкѣ были гирлянды, Польскій орелъ и поворачивающія налѣво кругомъ войска.

Остатокъ ночныхъ ватагъ бродилъ по улицамъ прежде, чѣмъ какое-либо оглашеніе стало извѣстно. Дабы эти кучи какъ-нибудь не разошлись, коноводы манифестаціонной партіи, сбиравшіеся во что̀-бы то ни стало устроить повтореніе вчерашняго спектакля, направили ихъ на Повонзки, съ погребальной процессіей: въ тотъ день хоронили воротившагося изъ Сибири помѣщика Ксаверія Стобницкаго [30]). При безпорядочномъ и праздномъ настроеніи города, къ этой процессіи пристало сейчасъ множество всякаго народа, бро-

---

[28]) Оглашено въ газетахъ только 9 Апрѣля н. ст., за датой 8 Апрѣля (27 Марта) 1861 года и подписью Намѣстника и испр. должн. главнаго директора, предсѣдательствующаго въ Коммисіи Юстиціи, І. К. Воловскаго и статсъ-секретаря Карницкаго. Раньше не могло быть оглашено, потому что 8 Апрѣля газеты не выходили.

[29]) Свѣдѣнія отъ Ойжинскаго, который и нынѣ состоитъ въ той же должности при Замкѣ, находясь преимущественно передъ аркой первыхъ воротъ, подлѣ коихъ имѣетъ и квартиру. Безъ его вѣдома ни одно лицо не можетъ пройти въ Замокъ.

[30]) Wiadomosci z kraju, z lat 1861—1862. Lipsk. 1863, стр. 9.

сившаго обыкновенныя свои занятія и неопредѣленно шатавшагося по улицамъ. Когда погребеніе окончилось, вся толпа зашла, какъ водится, на могилу пяти жертвъ.

Въ тоже самое время, Еврейская молодежь, руководимая своими наставниками, находившимися въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вождями Польской красной партіи, отправилась, въ значительномъ числѣ, на свое кладбище, такъ-называемый керкутъ, почтить память бывшаго директора школы раввиновъ, Эйзенбаума, который проповѣдывалъ соединеніе всѣхъ племенъ и предсказалъ Евреямъ слитіе съ Поляками, запечатлѣнное кровію. Иные Евреи считаютъ его пророкомъ.

Керкутъ находится недалеко отъ Повонзковъ: толпы молившихся тамъ и тамъ увидали другъ друга, и произошло соединеніе, при слезахъ и клятвахъ въ братской любви и готовности на всякія жертвы [31]).

Послѣ того вся масса Жидовъ и Поляковъ двинулась въ городъ и стала слоняться по улицамъ, однако манифестаціи никакой не выходило.

Такъ прошло утро. Новаковскій съ пріятелями, видя, что дѣло какъ-бы разлаживается, толпы начинаютъ явно скучать безсмысленнымъ блужданіемъ по городу и мало по-малу рѣдѣютъ, полиція ихъ не трогаетъ, стало не раздражаетъ и не располагаетъ къ сопротивленію, — придумали собрать все, что̀ еще не разошлось, у статуи Богоматери на Краковскомъ предмѣстьѣ и начать молиться. Не выйдетъ-ли чего изъ этого? Не пошлетъ ли имъ Польскій Богъ чего-либо вдругъ на выручку?

Когда подошедшіе къ статуѣ ратники Новаковскаго (конечно Поляки, безъ Жидовъ) пали на колѣни и запѣли, что̀ въ подобныхъ случаяхъ тогда пѣвалось, показалась отъ Почты (которая оттуда въ полутораста съ небольшимъ шагахъ) почтовая карета, ѣхавшая въ Люблинъ. Польскіе почтари, правящіе лошадьми, обыкновенно, трогаясь съ

---

[31]) Авейде II, 39—40.

мѣста, играютъ что-нибудь на своемъ мѣдномъ рожкѣ, какой-нибудь краковякъ, мазурку [32]). Почтарь упомянутой кареты, по своему или чужому вдохновенію, вздумалъ дернуть: jeszcze Polska nie zginęła!

Едва карета поравнялась съ молящимися у статуи, какъ все, что̀ тамъ было, ринулось къ ней, крича ура! и проводило ее до Съѣзда, гдѣ съ утра стояли въ томъ-же порядкѣ войска: эскадронъ жандармовъ, сотня Кубанскихъ казаковъ, 1-я и 2-я стрѣлковыя роты Симбирскаго, 10-я, 11-я, 12-я линейныя Костромскаго полковъ.

Толпы, дойдя до войска, остановились въ нѣкоторомъ разстояніи, какъ наканунѣ, и не трогались съ мѣста. Къ нимъ сталъ присоединяться народъ изъ разныхъ ближайшихъ улицъ. Къ 5½ часамъ масса собравшихся такимъ образомъ людей заняла всю Замковую площадь, но стояла въ совершенномъ безмолвіи. Хорошо-одѣтыхъ было не такъ много. Мѣстами замѣчались мрачныя личности въ нетрезвомъ видѣ. Дамъ было очень мало.

Полицейскій офицеръ Ойжинскій получилъ приказаніе выйти къ толпѣ, съ двумя барабанщиками и однимъ офицеромъ котораго-то изъ полковъ, стоявшихъ въ Замкѣ. Приблизясь на такое разстояніе, чтобы стоявшіе передъ нимъ могли хорошо слышать его слова, онъ велѣлъ ударить въ барабанъ, и потомъ произнесъ:

„Z mocy prawa i rozporządzeń władzy, wzywam was, abyście się rozeszli, gdyż po bezskutecznym trzechkrotnym wezwaniu rospędzeni zostaniecie siłą zbroiną.“ [33]).

---

[32]) По крайней мѣрѣ такъ бывало прежде; нынче, при выѣздѣ дилижансовъ, почтарь играетъ одинъ и тотъ же опредѣленный мотивъ.

[33]) «Въ силу закона и распоряженій власти я приглашаю васъ разойтись; если не исполните этого послѣ троекратнаго воззванія, будете разогнаны вооруженной силой». — Авторъ нашелъ эти слова напечатанными (попольски) на узкихъ полоскахъ бумаги, въ двухъ экземплярахъ, при одномъ изъ дѣлъ начальника 1-го отдѣла. Ойжинскій помнитъ это до сихъ поръ наизустъ.

Толпа отвѣчала на это смѣхомъ, свистками и ругательствами. Многіе грозились палками. Одна баба дошла до такого безстыдства, что обернулась къ войскамъ задомъ и подняла подолъ. Это было повторено ею три раза, при громкомъ смѣхѣ и одобрительныхъ жестахъ народа [34]).

Черезъ десять минутъ ударилъ второй барабанъ, и Ойжинскій снова повторилъ толпѣ вышеприведенныя слова. Результатъ былъ тотъ-же: смѣхъ, свистки и угрожающее маханіе палками. Наконецъ ударилъ третій барабанъ, и Ойжинскій въ третій разъ приглашалъ толпу разойтись, но также безъ всякихъ послѣдствій.

Тогда онъ былъ отозванъ въ Замокъ, и приказано полуэскадрону жандармовъ двинуться впередъ рысью, дѣйствуя на толпу натискомъ лошадей.

Толпа частію отхлынула къ тротуарамъ, частію вошла въ улицы: Подвальную и Сенаторскую.

Жандармы остановились, раздѣленные отъ народа водосточными канавами. Иные изъ стоявшихъ на тротуарахъ молодыхъ людей махали передъ глазами лошадей палками: лошади пугались, пятились, подымались на дыбы. Были и такіе смѣльчаки, которые схватывали лошадей за поводья и, сильно рванувъ внизъ, осаживали на колѣни, что возбуждало хохотъ и насмѣшки окружающихъ. Такъ прошло около получаса. Толпы между тѣмъ видимо прибывали со всѣхъ сторонъ. Скоро Краковское предмѣстье, Подвальная, Сенаторская и Свенто-Янская улицы зачернѣли колышащимися массами. Въ Подвальной улицѣ начали строить баррикаду изъ дружекъ.

Конечно, нельзя было оставлять дѣла въ такомъ положеніи. Генералъ Хрулевъ приказалъ жандармамъ обнажить сабли и атаковать народъ, стараясь однако наносить удары плашмя.

---

[34]) Разсказано въ оффиціальныхъ документахъ; ходили и частные слухи.

Первый жандармскій взводъ, стоявшій передъ Сенаторской и Подвальной улицами, произвелъ четыре аттаки, а второй, стоявшій вдоль тротуара, отъ Зигмунтовой колонны до Резлерова дома, на Краковскомъ предмѣстьѣ,—двѣ аттаки, но почти безъ всякой пользы. Народъ, разбѣжавшійся въ началѣ аттакъ, совокупился послѣ нихъ въ улицахъ опять и сталъ бросать въ жандармовъ и войска вырытыми изъ мостовой камнями, при чемъ сильно ушибено два офицера и девять рядовыхъ. Немного позже ранено еще около 30 рядовыхъ [35]).

Тогда генералъ Хрулевъ отвелъ жандармовъ въ резервъ, а на мѣсто ихъ выдвинулъ впередъ 10-ю линейную роту Костромскаго полка и 1-ю стрѣлковую Симбирскаго и приказалъ имъ зарядить ружья. Когда это было исполнено, офицеры подошли къ толпѣ и еще разъ пробовали убѣдить ее разойтиться, говоря, что „съ нею не шутятъ, что ружья заряжены боевыми патронами“; но всѣ увѣщенія ихъ были напрасны.

Приказано испытать дѣйствіе прикладами: толпы двинулись и кое-гдѣ даже очистили улицы совсѣмъ; но едва солдаты воротились на свои мѣста, народъ снова показался на прежнихъ пунктахъ, съ тѣми-же нахальными криками и бросаньемъ каменьевъ.

Послѣ этого Хрулевъ подъѣхалъ къ окну, у котораго сидѣлъ Намѣстникъ, и сказалъ: „я велю стрѣлять!“

Горчаковъ кивнулъ головою.

Тогда были выведены впередъ головные полувзводы отъ 1-й стрѣлковой роты Симбирскаго полка — противъ Подвальной улицы, и отъ 10-й линейной Костромскаго — противъ Краковскаго предмѣстья, и дали по залпу.

---

[35]) Въ тоже время на Беднарской улицѣ захвачены и жестоко избиты народомъ: казакъ Малаховъ и артельщикъ Ѳедоровъ. Казакъ въ тотъ-же день умеръ. Всѣ эти подробности относительно дѣйствія войскъ взяты, преимущественно, изъ «Дѣлъ начальника 1-го военнаго отдѣла города Варшавы, съ Марта по Августъ 1861 года».

Толпы бросились въ боковые переулки и по дворамъ домовъ, но потомъ явились опять, осыпая войска ругательствами и спѣша подобрать убитыхъ и раненыхъ.

Приказано выдвинуть впередъ 12-ю роту Костромскаго полка — противъ Сенаторской улицы, и 11-ю того-же полка — противъ Пивной и Свенто-Янской.

Едва только они стали на мѣста и зарядили ружья, какъ со стороны Бернардинскаго костела послышалось пѣніе и показалась особая густая толпа, въ видѣ процессіи, предводительствуемая рослымъ человѣкомъ, съ крестомъ въ рукѣ: это былъ Новаковскій. Наступила всеобщая тишина. Пѣніе разливалось въ воздухѣ очень явственно. „Сущіе Гугеноты!“ сказалъ кто-то подлѣ Горчакова. Онъ отвѣчалъ: „да!“

Гугеноты эти двигались въ направленіи къ Замку, ближе и ближе. Новаковскій выводилъ торжественно: „Святый Боже, Святый Крѣпкій“... Хрулевъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на эту сцену и приказалъ солдатамъ схватить человѣка съ крестомъ и препроводить въ Замокъ.

Нѣсколько солдатъ отдѣлилось отъ переднихъ рядовъ туже минуту. Новаковскій, сообразивъ опасность, сталъ отчаянно защищаться крестомъ и весь его обломалъ объ ружья [36]); наконецъ взятъ пятерыми солдатами и отнесенъ на рукахъ въ Замокъ [37]), такъ-какъ итти не хотѣлъ, откуда отправленъ въ Новогеоргіевскую крѣпость. Во все время, когда его несли солдаты, онъ сильно барахтался, моталъ головой и пѣлъ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій“.

---

[36]) Можно замѣтить, что на этотъ разъ, когда крестъ былъ дѣйствительно сломанъ, ничего изъ этого не сочинили, можетъ быть потому, что это было бы излишнимъ повтореніемъ, или минута была не такая.

[37]) Разсказываютъ, будто-бы Новаковскій, сдаваясь, передалъ крестъ какому-то молодому человѣку, который держалъ его надъ головою до тѣхъ поръ, пока не былъ пронзенъ казацкой пикой. Для большаго эффекта прибавляется, что этотъ молодой человѣкъ—былъ Еврей (Wiadomosci z kraju, стр. 11. Авейде, II, 39). Но о дѣйствіи казаковъ пиками не говорится ничего въ нашихъ оффиціальныхъ документахъ.

Процессія, потерявъ вождя, остановилась. Часть народу смѣшалась съ толпами, находившимися прежде на Краковскомъ предмѣстьѣ, а часть, перебралась, черезъ проходной домъ Резлера, на Сенаторскую и Подвальную и тамъ запѣли гимны, павъ на колѣни.

Испытавъ противъ всѣхъ этихъ сборищъ всякія мѣры увѣщаній на словахъ, генералъ Хрулевъ приказалъ войскамъ вторично открыть огонь.

Головные полувзводы 1-й стрѣлковой роды Симбирскаго и 10-й линейной Костромскаго полка дали, каждый, по два залпа вдоль Краковскаго предмѣстья и Подвальной улицы; а полувзводъ выдвинутой позже 12-й линейной Костромскаго полка, далъ, послѣдовательно черезъ каждыя четверть часа, пять залповъ вдоль Сенаторской улицы [38]).

Потомъ пущено нѣсколько выстрѣловъ 2-ю стрѣлковою ротою Симбирскаго полка по улицѣ Маріенштату, что̀ направо отъ Съѣзда, гдѣ собралась куча Жидовъ и страшно шумѣла.

Наконецъ 11-я рота Костромскаго полка дала залпъ по Пивной улицѣ. Это были послѣдніе выстрѣлы. По Свенто-Янской не стрѣляли вовсе [39]).

Генералъ Хрулевъ, по приблизительномъ соображеніи числа убитыхъ (двѣсти человѣкъ слишкомъ), которыхъ тутъ-же собрали и снесли на замковый дворъ солдаты, явился къ Намѣстнику отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ

---

[38]) При этомъ послѣ 1-го залпа, командиръ 12-й роты, капитанъ Кульчицкій, Польскаго происхожденія, вышелъ изъ фронта и сказался больнымъ. Обязанность его принялъ на себя старшій по немъ офицеръ, а Кульчицкому велѣно было, на другой день, подать въ отставку. Мы еще съ нимъ встрѣтимся.

[39]) Вотъ сколько всего на все выпущено въ тотъ день пуль:

1-я стрѣлковая рота Симбирскаго полка—93 (два залпа).
2-я стрѣлковая рота Симбирскаго полка—18 (одинъ залпъ).
10-я линейная Костромскаго полка—188 (два залпа).
11-я линейная Костромскаго полка—35 (одинъ залпъ).
12-я линейная Костромскаго полка—150 (пять залповъ).

И того 484 пули.

(Дѣла начальника 1-го отдѣла г. Варшавы).

и когда доложилъ ему, что „зарядовъ выпущено такими-то ротами столько-то, пало столько-то“ — князь Горчаковъ, по свойственному ему обыкновенію, уклоняться въ рѣшительныя минуты отъ всего, что̀ можетъ вызвать непріятныя послѣдствія, пробормоталъ своимъ неразборчивымъ способомъ объясняться: „А развѣ стрѣляли не холостыми зарядами — кто̀ приказалъ?“

Хрулевъ вспыхнулъ и сказалъ рѣзко: „Нѣтъ, ваше сіятельство, теперь вамъ отказываться и вилять поздно. Я могу сослаться на многихъ, здѣсь присутствующихъ.... При томъ стрѣлять въ такія минуты холостыми зарядами могутъ развѣ только дѣти!“

Горчаковъ не отвѣчалъ ни слова [40]).

Эта сцена необыкновенно хорошо его рисуетъ. Таковъ онъ былъ во всемъ: приказывающій и отмѣняющій, приказывающій и забывающій приказаніе, умышленно, или неумышленно, Богъ его вѣдаетъ...

Спустя нѣсколько минутъ, Хрулевъ сказалъ, все еще тѣмъ-же взволнованнымъ голосомъ: „Надо-бы подать сигналъ къ тревогѣ: это-бы окончательно успокоило городъ“.

Едва-ли-бы слышать Варшавянамъ эту тревогу, если бъ объ ней напомнили Горчакову при другой обстановкѣ. А тутъ онъ былъ разбитъ и сконфуженъ. Изъ глазъ Хрулева летѣли искры, и губы его тряслись, когда онъ говорилъ. Плохо разглядывавшій все на свѣтѣ князь Горчаковъ разглядѣлъ на тотъ разъ душевное состояніе Хрулева какъ слѣдуетъ. Зналъ онъ при томъ, по Севастополю, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

„Что-жъ, велите подать сигналъ!“ проговорилъ онъ робко.

Шесть пушечныхъ выстрѣловъ грянули съ Владимірскаго форта Цитадели, и звукъ ихъ потрясъ замершій и какъ бы притаившійся въ глубокой тишинѣ городъ. Потомъ

---

[40]) Авторъ слышалъ объ этомъ отъ самого Хрулева и нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ тогда въ Замкѣ.

взвилось надъ Замкомъ 12 ракетъ, и заурчало, и зашипѣло въ воздухѣ.

Это былъ знакъ, по которому войска должны были занять заранѣе указанные имъ пункты.

Всѣ эти дни войска находились въ постоянной готовности, смотрѣли на Замокъ, прислушивались и ждали, точно какого спасенія, этихъ шести выстрѣловъ и двѣнадцати ракетъ.

Едва-только опредѣлилось для нихъ, что прогремѣвшіе выстрѣлы — давно ожидаемая тревога: все понеслось какъ ураганъ.

Жандармскій эскадронъ, стоявшій въ Лазенкахъ (4 версты отъ Замка) явился на замковую площадь черезъ четверть часа послѣ первой ракеты.

Батальонъ Олонецкаго пѣхотнаго полка, находившійся въ намѣстниковскомъ дворцѣ, сталъ на Саксонскую площадь прежде, чѣмъ кончились сигналы.

Съ тою-же невѣроятною быстротою явились на указанныя имъ мѣста и другія части войскъ, нигдѣ не спутавшись [41]).

Кто-то распорядился при этомъ освѣтить улицы усиленными огнями, пустивъ газовые рожки такъ, какъ еще никогда не пускали. Эффектъ несущейся во весь опоръ кавалеріи, при блескѣ этихъ волшебныхъ, невиданныхъ огней, былъ самый необыкновенный. По замѣчанію очевидцевъ, многіе изъ прохожихъ дрожали дрожкой. Все замерло въ городѣ какъ въ гробѣ.

Туже минуту отдѣлены, отъ собравшихся на разные пункты войскъ, патрули и разосланы по улицамъ. Сверхъ того наряжены особыя команды для разыскиванія по домамъ, лавкамъ и монастырямъ раненныхъ и убитыхъ. Эти команды нашли въ домѣ графа Андрея Замойскаго пять труповъ, столько-же въ Европейской гостинницѣ, около то-

---

41) То есть, каждая часть слѣдовала тѣми самыми улицами, какими было заранѣе назначено, дабы не произошло столкновеній отряда съ отрядомъ.

го-же въ монастырѣ Сакраментокъ, въ кондитерской Белли, въ домѣ Резлера и другихъ. Жители выдавали ихъ не споря. Вездѣ видѣнъ былъ страхъ и готовность къ повиновенію.

Забавна и плачевна была въ тотъ день роль Велепольскаго. Онъ явился на замковой площади въ каретѣ, съ намѣреніемъ, какъ говорили, пробраться въ Замокъ и просить Намѣстника о прекращеніи стрѣльбы; но толпа, увидя его, подняла такіе угрожающіе крики, что онъ, во избѣжаніе опасности, попалъ подъ защиту Русскихъ штыковъ. Карета министра, не доѣхавшая до Замка, была, по чьему-то распоряженію, окружена ротою Костромскаго полка до самой глубокой ночи, покамѣстъ городъ не пришелъ въ совершенное спокойствіе.

Этотъ фактъ ярко показывалъ будущему защитнику отечественныхъ интересовъ, что если ему угодно ихъ защищать при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ все находилось, то онъ будетъ защищать ихъ неиначе, какъ подъ охраной Русскихъ штыковъ.

И намъ таинственный Перстъ показывалъ этимъ самымъ фактомъ нашу ошибку. Но мы тогда ровно ничего не видали.

*

Войска́, разложивъ костры, бивакировали на занятыхъ ими пунктахъ, именно: на Замковой, Саксонской, Красинской и Александровской площадяхъ; на площади въ Наливкахъ и у Банка, гдѣ позже разбили палатки.

Кромѣ того, двѣ роты расположены въ саду намѣстниковскаго дворца, гдѣ жилъ, съ 28 Марта н. ст., Велепольскій; одна во дворѣ Брюлевскаго дворца и двѣ въ театрѣ [42]).

---

[42]) Эти двѣ послѣднія роты поставлены въ театрѣ немного раньше, послѣ того какъ лобузы Козубскаго и Ячевскаго дали кошачій концертъ директору театра Абрамовичу, когда-то оберъ-полицейместеру Варшавы, котораго никто въ городѣ не любилъ. Объ немъ сохранился между прочимъ такой анекдотъ: призвавъ провинившагося, онъ будто

Первая ночь прошла однако для войскъ, занявшихъ площади, въ тревогѣ: красные агитаторы старались распространять по городу разные фальшивые слухи. Вдругъ прибѣгалъ къ иному отрядному начальнику солдатъ: „Ваше высокоблагородіе! Поляки строятъ на Старомъ Мѣстѣ баррикаду!.. Ваше высокоблагородіе! Открытъ складъ оружія... пороху“!...

Начальники посылали справляться: нигдѣ ничего не оказывалось.

Наконецъ утро, которое, какъ извѣстно, мудренѣе вечера, озарило тихія улицы совсѣмъ другой Варшавы, чѣмъ она была наканунѣ — и всѣ грезы, можетъ быть и тревожившія немного иныхъ храбрыхъ воиновъ, неслишкомъ знакомыхъ съ Польшей и вообще съ Славянскими массами, разлетѣлись.

Минута была хорошая: можно было, дѣйствуя послѣдовательно и энергически, мѣрами, а не полумѣрами, въ самое короткое время окончательно возстановить порядокъ. Обстоятельства намъ видимо помогали. Вызывая противъ себя рѣшительныя распоряженія правительства, столкновеніе войскъ съ „безоружными“ гражданами, манифестаторы надѣялись умножить число нашихъ враговъ между жителями, между различными партіями; но вышло не то: чувство страха, сознаніе правительственной силы образумило очень многихъ, передѣлало кучи красныхъ въ бѣлыхъ, показало городу, что ребяты идутъ не туда, куда слѣдуетъ, что держаться ихъ опасно и безтолково, помогать имъ—еще болѣе; это значило накликать на всѣхъ новую грозу. Многіе изъ вліятельныхъ коноводовъ красной и средней партій, какъ напримѣръ Маевскій и Юргенсъ, просто-за-просто потеряли почву. Имъ не хотѣлось оставить своихъ, кому они собственно принадлежали душой и тѣломъ; но не хотѣлось

бы начиналъ свои бесѣды съ нимъ такъ: «Знаешь азбуку: *A* — Abramowicz; *B*—baty (розги); *C*—Cytadela; стало—запираться нечего».

Войска заняли только малый театръ (Rosmaitości), гдѣ и прекращены съ тѣхъ поръ представленія.

также и дѣлить съ ними опасныя дурачества, и вотъ они перебѣгали изъ лагеря въ лагерь, не зная, гдѣ и на чемъ остановиться, гдѣ то дѣло, которое надо дѣлать [43]). Будь въ это время у правительства въ рукахъ знамя; измѣнись хотя немного тотъ-же Велепольскій, уступи свои старошляхетскіе предразсудки, стань само правительство нѣсколько не тѣмъ, чѣмъ оно было, перестань писать, а начни дѣлать: побѣда явилась-бы на нашей сторонѣ очень скоро.

Но знамени для сбора нужныхъ намъ дружинъ подъ руками Варшавскихъ властей тогда не случилось; Велепольскій измѣниться не умѣлъ и не могъ; правительство только писало, а потому, въ самомъ непродолжительномъ времени, все очутилось на прежнихъ мѣстахъ. Лошади, тронувшія-было дружно и какъ-слѣдуетъ Варшавскій правительственный экипажъ, опять заступили въ постромки. Городъ увидѣлъ, что бояться нечего, что войска и пушки точно стоятъ на площадяхъ, но все прочее осталось какъ было. Опущенныя головы красныхъ приподнялись, и усы закрутились.

Велепольскій принялся рѣшать заданную ему задачу, что̀ значило въ ту минуту, при извѣстныхъ читателю условіяхъ, толочь воду.

Власть его случайно усилилась. Подписавшій незадолго передъ тѣмъ ночное постановленіе Совѣта Управленія, главный директоръ Коммисіи Юстиціи, Воловскій, возмутившись стрѣльбой, подалъ въ отставку [44]). Мѣсто его предложено занять Велепольскому.

---

[43]) «Все вмѣстѣ, говоритъ Авейде, представляло въ это время (начало лѣта 1861) грустную картину замѣшательства, путаницы понятій и стремленій.» II, 151, 171. У Маевскаго находимъ тоже самое. III, 25.

[44]) Вскорѣ за тѣмъ онъ былъ уличенъ въ политической перепискѣ съ братомъ, находившимся въ Парижѣ, сосланъ на жительство въ Россію и тамъ умеръ. Онъ былъ собственно оберъ-прокуроромъ IX департамента Правительст. Сената, правилъ должность главнаго директора Коммисіи Юстиціи всего пять дней, по увольненіи г. Држевецкаго. (См. Варш. Курьеръ, 1861, 88.)

10 Апрѣля н. ст. къ нему явились чиновники Коммисіи Юстиціи.

Выйдя къ нимъ, съ обыкновенной бумажкой въ рукахъ, Велепольскій произнесъ:

„Господа!“

„Спасенный, къ сожалѣнію въ кровавой схваткѣ и покрытый бронею новыхъ учрежденій, общественный порядокъ хочу я нынѣ передать въ ваши руки. Вашимъ дѣломъ будетъ уже позаботиться о сбереженіи, въ невозмутимой тишинѣ и спокойствіи, этого сокровища, для всѣхъ насъ равно драгоцѣннаго. Общественный порядокъ не выпрашивается, со дня на день какъ милостыня: онъ долженъ опираться на себя самъ, стоять неколебимо, быть во всякую минуту силенъ самимъ собою“.

„Если же порядокъ живетъ изъ милости на хлѣбахъ у самоволія, легкомыслія и крамолъ, тогда все гибнетъ въ народѣ, изсякаетъ источникъ энергіи въ гражданахъ, изчезаетъ независимость мнѣній, умираетъ свобода мысли“.

„Вслѣдствіе высочайше даруемыхъ намъ учрежденій насъ ожидаютъ важные труды: по причинѣ упраздненія Кодификаціонной Коммисіи, мы, а никто другой, должны заняться преобразованіемъ и улучшеніемъ законодательства. Въ особенности предстоитъ много измѣненій въ кодексѣ уголовномъ. Новыя постановленія о сборищахъ заключаютъ въ себѣ уже то улучшеніе, что присуждаемыя ими наказанія приводятся въ исполненіе здѣсь, въ Польшѣ, а не въ иномъ какомъ либо мѣстѣ“.

„Трудовъ этихъ, во всемъ ихъ объемѣ, я не могу раздѣлять съ вами до конца: меня призываютъ къ себѣ обязанности по другой части, для которой звѣномъ соединенія съ вашею есть общее стремленіе образовать юридическій факультетъ. Можетъ быть однакожъ, я буду въ силахъ, во время нашего товарищества, разсмотрѣть проэкты и все приготовленное къ улучшенію законодательства и оное пополнить. Расчитываю при этомъ на вашу помощь и опытность судей, прокуроровъ и адвокатовъ, которыхъ знанія и

способности я имѣлъ уже случай замѣтить. Все-же дѣло будетъ закончено моимъ прочнымъ преемникомъ, который, надѣюсь, между вами".

„Жизнь моя въ рукѣ Божіей. Но еслибъ я, при вашей помощи, достигъ хоть только того, чтобы, опираясь на преобразованные законы и права, укрѣпилъ-бы и обезпечилъ общественный порядокъ, это первое условіе всякаго народнаго преуспѣянія на законодательномъ пути: я-бы, смѣю думать, оставилъ по себѣ моимъ дѣтямъ добрую память".

Затѣмъ Велепольскій сталъ требовать у правительства сколь возможно скорѣйшаго осуществленія всѣхъ этихъ безпрестанно повторяемыхъ обѣщаній, хоть чего-нибудь въ подверженіе словъ, имъ и другими то-и-дѣло произносимыхъ. Но ничего не являлось. Прошелъ Апрѣль, наступилъ Май (по нов. стилю)—реформъ все не было. Объ нихъ по прежнему только говорили. Въ особенности странны были препирательства объ этомъ Варшавскихъ властей съ Часомъ и другими заграничными Польскими органами [45]). Намѣстникъ постоянно твердилъ о предстоящихъ выборахъ въ городскіе и прочіе совѣты и ждалъ отъ этой мѣры чудесъ, но выборы эти были еще далеко.

Конечно, въ массѣ частныхъ тогдашнихъ распоряженій, князь Горчаковъ виноватъ больше, чѣмъ кто нибудь. Онъ прямо не годился для того мѣста, которое занималъ. Но въ общемъ онъ и его помощники имѣютъ несомнѣнную долю извиненія въ той нерѣшительности и безхарактерности, съ какими велось тогда Польское дѣло въ Петербургѣ, откуда подавали Варшавѣ камертонъ.

Такимъ образомъ все бѣлое и часть красныхъ, готовыхъ намъ служить, видя непонятную мѣшкатность высшихъ властей, какъ-бы родъ недовѣрія къ тому, что̀ сами-же они избрали и считали тогда за лучшее, — опять отшатнулись назадъ и стали строиться въ новые ряды: сочинять какихъ-то мужей довѣрія (mężów zaufania) съ цѣлью положить

---

[45]) Варшавскій Курьеръ 1861, № 121.

этимъ начало народной организаціи. Это однакоже у нихъ не клеилось, по причинѣ отсутствія дѣйствительной энергіи. Господа Маевскіе, стоя одною ногой здѣсь, а другою тамъ, мало имъ помогали. Велепольскій могъбы все это окончательно разбить и разстроить, даже тотъ Велепольскій, какимъ онъ былъ въ то время (обѣщающій и пока еще ничего не осуществившій изъ обѣщаннаго), сойдись онъ только искренно съ Замойскимъ и его сторонниками. Но тутъ-то и воздвигались непреступаемымъ порогомъ, истинной Китайской стѣной, тѣ вѣковые Польскіе предразсудки, та шляхетская гордыня и склонность имѣть непремѣнно свою партію, чего было такъ много у того и у этого. На другой, не-Польскій ладъ перестроиться въ этомъ отношеніи, хотя на мигъ, хотя бы временно, оба они не могли—не хватало силъ.

Велепольскій сидѣлъ у себя въ намѣстниковскомъ дворцѣ, а потомъ съ весны въ Бельведерскомъ и ждалъ визита отъ Замойскаго, считая себя такою силою, которой, рано или поздно, должно уступить и поклониться все. Говорятъ, будто бы онъ даже сказалъ объ эту пору, полушутя полусерьозно: „Я слишкомъ толстъ, чтобы броситься въ объятія къ Замойскому: онъ потоньше!“

Замойскій-же, съ своей стороны, чувствовалъ въ жилахъ страшный холодъ, и вся внутренность его содрогалась при мысли, что онъ дѣлаетъ къ Велепольскому первый шагъ, безъ всякаго рѣшительнаго движенія оттуда. Сверхъ врожденныхъ, такъ сказать, понятій о своемъ противникѣ и обо всемъ родѣ Велепольскихъ, понятій, всосанныхъ съ материнскимъ молокомъ; сверхъ природнаго нерасположенія, котораго не въ силахъ былъ одолѣть; сверхъ глубочайшаго убѣжденія, что онъ, какъ аристократъ, выше и значительнѣе, графъ Андрей считалъ себя хозяиномъ въ Варшавѣ, а можетъ и въ цѣломъ краѣ, тогда-какъ тотъ былъ гость, недавно къ нимъ прибывшій и мало кому хорошо извѣстный [46]). Стало быть, оста-

[46]) Просимъ читателей вспомнить событія 1846 года.

вя все прочее (если только можно было это оставить), Велепольскому, уже какъ гостю, предстоялъ первый визитъ, по всѣмъ человѣческимъ правиламъ.

И графъ ждалъ этого визита. И загорись тогда вселенная, если-бъ ему сказали: „тронься только первый къ Велепольскому, и пожаръ потухнетъ!“, еще Богъ вѣсть, всталъ ли бы онъ со своихъ покойныхъ креселъ и потушилъ-ли бы пожаръ такимъ образомъ; скорѣе нашли-бы его пепелъ на тѣхъ креслахъ, въ которыхъ онъ такъ крѣпко и упрямо сидѣлъ, дожидаясь визита противника.

Таково было положеніе вещей въ двухъ бѣлыхъ лагеряхъ: въ маленькомъ лагерѣ Велепольскаго (который, разумѣется, имѣлъ нѣсколько сторонниковъ) и въ большемъ лагерѣ Замойскаго, когда правительство ожидало, что они, вотъ-вотъ, не сегодня-завтра, соединятся.

Въ половинѣ Мая, по нов. ст., случилось незначительное происшествіе, которое еще прибавило препятствій.

Велепольскій, пріѣзжая изъ Бельведерскаго дворца работать въ Казиміровскій, въ ту квартиру, которую занимаетъ теперь попечитель Варшавскаго учебнаго округа, вздумалъ отгородить для своихъ прогулокъ часть сада, находящагося при этой квартирѣ и другихъ зданіяхъ, рядомъ стоящихъ. Этимъ садомъ располагали до тѣхъ поръ вполнѣ воспитанники Главной Школы, Реальной Гимназіи и Художественнаго Класса, заведеній, которыя помѣщались въ разныхъ корпусахъ Казиміровскаго дворца.

Какъ-только ребята замѣтили какія-то работы въ своихъ владѣніяхъ, сейчасъ-же собрались въ кучу и давай кричать: „Что́ это! Вторгаться насильственно въ нашъ садъ! Ты не терпишь rządów w rządzie, а мы ogrodów w ogrodzie!“, и съ этими словами бросились на рабочихъ, разогнали ихъ, а заготовленные матеріалы: кирпичъ, известку и пр. опрокинули подъ гору въ прудъ и подушили тамъ рыбу.

Полиція, призванная возстановить порядокъ, вела себя двусмысленно: ссылаясь на недостатокъ силъ, залегла про-

сто-за-просто въ травѣ и спокойно смотрѣла на картину побоища [47]).

Велепольскій повелъ противъ мальчиковъ процессъ. Испуганные родители поспѣшили поставить рѣшетку, которая и стоитъ до сихъ поръ. Но Велепольскій уже не заглядывалъ болѣе въ Казиміровскій дворецъ, живя то въ Бельведерскомъ, то въ Намѣстниковскомъ палацѣ. Съ 18 Мая н. ст. онъ окончательно поселился въ послѣднемъ.

Толкамъ и шуму объ этой исторіи съ рѣшеткой не было конца. Само собою разумѣется, что враждебныхъ министру элементовъ чрезъ это прибавилось еще. Родители студентовъ, а за ними ихъ знакомые и друзья, возмущались тѣмъ, что онъ думаетъ будто бы упечь дѣтей въ Сибирь (такіе были крики и опасенія). Чиновники жаловались, что главный директоръ юстиціи будто-бы призываетъ ихъ поминутно и деспотически внушаетъ имъ, *какъ* должно смотрѣть на ввѣренное имъ дѣло. Иные до сей поры не могутъ говорить спокойно о своихъ бесѣдахъ съ министромъ по этому поводу. Что до студентовъ—эти просто кипѣли какъ котелъ.

Чтобъ успокоить немного умы и сдѣлать что-нибудь пріятное для низшихъ слоевъ населенія, не забывая однакоже и о высшемъ слоѣ, правительство огласило, 22 Мая н. ст., указъ „объ уничтоженіи барщины“ (панщизны), но только не *сейчасъ*, а съ *1 Октября*, т. е. по уборкѣ хлѣбовъ еще на томъ-же крѣпостномъ положеніи, на какомъ они посѣяны.

Такая мѣра, которою хотѣли задобрить два противоположныя сословія другъ, поймать одной собакой двухъ зайцевъ—не поймала ни одного. Выданное тогда-же постановленіе объ *увеличеніи чинша*, дабы вознаградить чѣмъ-либо помѣщиковъ, терявшихъ даровыя крестьянскія силы, было тою-же ловлею двухъ зайцевъ одной собакой и еще болѣе усиливало затрудненія.

[47]) Разсказъ полицейскаго офицера, который командовалъ тогда кучкой полиціантовъ, посланныхъ унять шалуновъ.

Разумѣется, въ другое время все бы это уладилось и ввелось очень спокойно, все неясное разъяснилось бы самособою, и никакого чрезмѣрнаго ропоту-бы не было; но тогда всѣ струны были черезъ чуръ натянуты, и надлежало ударять по клавишамъ осторожно и вѣрно.

Недремавшая красная партія туже минуту отправила внутрь края расторопныхъ агентовъ, чтобы они объяснили крестьянамъ коварство и фальшивыя свойства Русскихъ властей, а помѣщиковъ убѣдили уступить хлопу излишекъ изобрѣтеннаго ихъ общимъ врагомъ чинша, ограничась пока, для пользы начатыхъ дѣлъ, старымъ размѣромъ экономическаго оброка, освященнаго временемъ. Агенты эти работали сильно и не безъ успѣха. Многіе помѣщики отказались отъ новаго чинша.

Для возстановленія возможнаго порядка съ этой стороны, Намѣстникъ счелъ необходимымъ издать отдѣльное истолкованіе указа 22 Мая, а равно и новаго постановленія о чиншѣ и отправилъ съ этимъ во всѣ губерніи особыхъ чиновниковъ, которымъ поручено разъяснить крестьянамъ всѣ возникшія недоразумѣнія.

Но эти чиновники, принадлежа уже къ той революціонной организаціи, которая мало-по-малу строилась въ Варшавѣ и краѣ, вели себя такъ, какъ будто бы были посланы не правительствомъ, а заговорщиками: они нисколько не успокоили народъ, а вооружали его противъ насъ еще болѣе, толкуя, что „все кончится увеличеннымъ чиншемъ, а свободы не будетъ никакой; что паны къ Октябрю все это передѣлаютъ“.

Мы уже начинали имѣть дѣло съ заговоромъ.

По Варшавѣ между тѣмъ была пущена картинка, изображавшая Фарисея, который показываетъ Христу чиншевую монету. Картинка эта, отпечатанная въ литографіи Дзвонковскаго, продавалась во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ открыто, по два злота за штуку [48]).

[48]) См. публикацію объ ней въ 121 № Варш. Курьера 1861 года, стр. 586.

Кромѣ того ходили по городу стихи Сырокомли „на закрытіе Земледѣльческаго Общества“. Въ тогдашнемъ хаосѣ и колебаніи партій, и этотъ поэтъ, демократъ по крови и убѣжденіямъ, становился вдругъ ратникомъ тѣхъ, къ кому никогда не лежала его душа; а въ заключеніе піесы, ознаменованной его талантомъ, потому легко и жадно читавшейся, уже намекалъ на близость рѣшительныхъ встрѣчъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ говорилъ, что, разогнавъ земледѣльцевъ, правительство какъ-бы само напоминало Полякамъ, что пришло время „перековать желѣзные сохи и плуги на мечи“.

Вслѣдствіе новаго предписанія оберъ-полицеймейстера „не ходить по улицамъ послѣ 10 часовъ вечера, безъ зажженнаго фонаря“, явились фонари-монстры, на длинныхъ шестахъ, съ разными каррикатурными изображеніями. Это повело къ такому множеству арестовъ, что не знали, куда дѣвать арестованныхъ.

А Велепольскій повторялъ и повторялъ: „Дайте мнѣ только въ руки реформы, откройте выборы, и все это безобразіе прекратится. Тѣ, кто не идетъ къ намъ теперь, тогда бросятся стремглавъ. Немного погодя, дадите больше!“

Князь Горчаковъ, безъ того слабый здоровьемъ, смотря теперь на все, вокругъ него происходившее, на разгоравшійся пожаръ, котораго какъ-бы умышленно не давали ему тушить,—занемогъ не на шутку, сдѣлался до крайности подозрителенъ, недовѣрчивъ, такъ что не было никакой возможности говорить съ нимъ о самыхъ обыкновенныхъ, нисколько нераздражающихъ предметахъ: онъ сейчасъ выходилъ изъ себя. Между тѣмъ разыгрывалъ роль здороваго, всячески бодрился и не хотѣлъ слышать ни о какомъ успокоеніи.

Одинъ изъ близкихъ къ нему генераловъ (если не сказать, самый близкій) съ кѣмъ онъ провелъ душа въ душу послѣднія 7—8 лѣтъ; человѣкъ, имѣвшій къ нему доступъ во всякое врямя дня и ночи, можетъ быть единственный изъ плебеевъ, котораго князь не смѣлъ третировать аристо-

кратически-свысока; человѣкъ, безъ котораго Намѣстникъ еще недавно не рѣшалъ ни однаго важнаго вопроса,—видя упадающія съ минуты на минуту силы бывшаго своего друга и понимая хорошо, что край не можетъ оставаться съ такимъ правителемъ, счелъ своею гражданскою обязанностію написать обо всемъ въ Петербургъ, выразивъ мысль, что „все-де у нихъ въ Варшавѣ старо и ветхо, и люди, и система управленія: все требуетъ смѣны; событія надвигаются тучей и грозятъ катастрофой".

Но дабы это письмо не походило на доносъ, написавшій заблагоразсудилъ показать его, передъ отправленіемъ, Горчачову. Горчаковъ прочелъ, повидимому, совершенно спокойно, даже поправилъ одну ошибку противъ языка (письмо было порусски) и сказалъ: „пошлите, я ничего не имѣю противъ этого".

На самомъ дѣлѣ было не такъ: онъ относился къ этому факту не на столько спокойно, какъ хотѣлъ показать. Тотъ-же курьеръ повезъ отъ него къ тому-же самому лицу письмо, гдѣ стояла между прочимъ такая фраза: „Видите, посреди какихъ интригъ я долженъ дѣйствовать!"

Такъ письмо, написанное бывшимъ другомъ князя, можетъ быть, въ самыхъ чистыхъ намѣреніяхъ, принято за интригу, которой исходною цѣлью было, будто-бы, устранивъ Горчакова, сѣсть на его мѣсто. Такъ это утвердилось въ умахъ очень многихъ людей; такъ говорили и до сихъ поръ говорятъ въ Варшавѣ.

Исторія кончилась тѣмъ, что лицу, написавшему письмо, присланъ одиннадцатимѣсячный отпускъ въ Россію и заграницу, что̀ равнялось, конечно, увольненію отъ службы, а князю Горчакову—совѣтъ: поправить свое здоровье поѣздкою на воды; даже, говорятъ, онъ получилъ формальный трехмѣсячный отпускъ и сталъ сбираться въ Эмсъ, но все таки твердилъ, что „ѣдетъ только на мѣсяцъ, а черезъ мѣсяцъ будетъ назадъ и откроетъ выборы".

Вдругъ болѣзнь уложила его въ постель, и онъ уже не вставалъ. 27 Мая н. ст. ему стало такъ дурно, что изъ

Петербурга пришло предписаніе старшему по немъ генералу Мерхелевичу принять на себя исправленіе обязанностей главноуправляющаго гражданскими дѣлами въ Царствѣ Польскомъ".

Генералъ Мерхелевичъ, вступивъ въ эту должность, выдалъ на другой день, 28 Мая н. ст., такое воззваніе къ народу.

„Жители Варшавы!"

„По волѣ Монарха я призванъ къ управленію гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ, на время болѣзни его сіятельства князя-намѣстника".

„Извѣщая объ этомъ жителей Варшавы, надѣюсь, что сохраненіемъ спокойствія и повиновеніемъ властямъ они дадутъ мнѣ возможность думать только объ ихъ благѣ".

„Въ случаѣ-же возобновленія безпорядковъ и сборищъ, я исполню съ добросовѣстностью солдата постановленія Совѣта Управленія отъ 27 Марта (8 Апрѣля), кои при семъ оглашаю вновь".

„Генералъ-адъютантъ Мерхелевичъ."

Это воззваніе и упомянутыя въ немъ постановленія наклеены были въ разныхъ мѣстахъ, по стѣнамъ и тогда-же кѣмъ-то сорваны. Полиція наклеила новые листы, и ихъ скоро сорвали. Болѣе уже не наклеивали, и никто не обращалъ вниманія на этотъ безпорядокъ: всѣхъ занимала болѣзнь князя Горчакова, готовившагося перейти въ вѣчность.

Грустно умиралъ старикъ, подъ конецъ всѣми оставленный, при общихъ крикахъ, будто-бы онъ всему виною, хоть это было несовсѣмъ такъ.....

29 Мая н. ст. въ полдень, потухли послѣднія искры... Тѣло, въ теченіи 10 дней, стояло въ церкви Лазенковскаго дворца, а потомъ, вслѣдствіе неразъ выраженнаго покойнымъ желанія лежать вмѣстѣ со своими сподвижниками въ Севастополѣ, отправлено туда съ разрѣшенія Государя Императора.

Въ 11 часовъ дня, 8 Іюня н. ст., катафалкъ въ шесть лошадей, съ гербами всѣхъ губерній Царства, двинулся къ дебаркадеру Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги [49]).

Жители города спустили въ это время въ окнахъ шторы. Чиновники, прибывшіе на похороны по наряду, шли за гробомъ только до Новаго Свѣта, а потомъ разсѣялись по улицамъ. Многіе изъ нихъ, слѣдуя въ процессіи, курили сигары, но было впрочемъ нѣсколько рѣшившихся проводить гробъ до конца. Уличная ребятешь освистала ихъ, когда они стали возвращаться домой [50]).

До границы за гробомъ ѣхало 40 человѣкъ 3-й роты Костромскаго полка и 6 линейныхъ Кубанскихъ козаковъ. Послѣдніе проводили тѣло до самого Севастополя. Вездѣ по станціямъ желѣзной дороги находился почетный караулъ со знаменемъ. Народу собиралось довольно, но безъ выраженія какого-либо чувства, въ совершенномъ безмолвіи.

На границѣ гробъ принятъ Австрійскимъ карауломъ. При слѣдованіи тѣла черезъ Вѣну, назначенъ былъ тамъ особый печальный церемоніалъ, на которомъ присутствовалъ самъ императоръ. Затѣмъ гробъ свезли на пароходъ.

Похороны въ Севастополѣ происходили 19 Іюня н. ст.

---

[49]) Бо́льшія подробности о похоронахъ князя Горчакова въ Варшавскомъ Курьерѣ 1861, 136.

[50]) Дѣло Л. А. № 1.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе Намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестацій — Первый подземный листокъ.—Назначеніе Намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы. — Борьба противъ нихъ красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ — Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства.—Послѣдствія этого. — Смерть Герштенцвейга. — Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

Въ тотъ-же самый день (28 Мая н. ст. 1861), когда ген. Мерхелевичъ назначенъ былъ главноуправляющимъ гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ (т. е. еще при жизни князя Горчакова) назначенъ и преемникъ послѣднему: военный министръ, Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, въ званіи исправляющаго должность Намѣстника.

Теперь еще не время описывать подробно обстоятельства, при которыхъ послѣдовало это назначеніе. Довольно сказать, что оно было весьма временное. Тогда же высматривали на это мѣсто человѣка болѣе соотвѣтственныхъ лѣтъ, образованія и способностей. Такъ-какъ охотниковъ на шаткій тронъ правителя Польши между самыми высшими лицами Имперіи было немного или, точнѣе сказать, не было вовсе, то слѣдовало искать слоемъ ниже: между молодыми генералами, въ извѣстныхъ административныхъ условіяхъ, еще строившими свою карьеру, или какъ-нибудь забытыми.

Вниманіе Государя остановлено было на одномъ молодомъ генералѣ, жившемъ за границею, графѣ Карлѣ Карловичѣ Ламбертѣ.

Фамилія Ламбертовъ принадлежитъ къ старой Французской аристократіи. Дѣдъ нашего, maréchal du camp Людовика XVI, командовалъ національною гвардіею Парижа. Въ революцію (1790) онъ долженъ былъ эмигрировать. Дѣти его: Карлъ и Іосифъ попали въ Россію. Первый вступилъ въ военную службу и былъ однимъ изъ храбрыхъ генераловъ „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“. Умирая въ 1843 году, онъ оставилъ двоихъ сыновей [1]), тоже Іосифа и Карла. Оба они пошли по слѣдамъ отца: стали военными.

Графъ Карлъ былъ ловкій, умный, съ утонченными свѣтскими манерами офицеръ. Особенною практическою стороною его характера было то, что онъ умѣлъ всегда сохранять дружескія отношенія со своими школьными товарищами, изъ которыхъ иные пошли далеко и могли такъ или иначе вліять на его служебную карьеру.

Говорятъ, будто первоначальному возвышенію графа Карла нѣсколько способствовало слѣдующее обстоятельство.

На всѣхъ смотрахъ войскъ, за разными отдѣльными частями: ротою, эскадрономъ, батальономъ и полкомъ, слѣдуютъ обыкновенно, въ церемоніальномъ маршѣ и другихъ эволюціяхъ, унтеръ-офицеры и офицеры, всегда видный и бравый народъ,—въ кавалеріи на лучшихъ коняхъ, которые идутъ въ лансадахъ. Такъ по крайней мѣрѣ было въ то время. Это по военному называется: идти, или ѣхать *въ замкѣ*, т. е. замыкая извѣстную часть, колонну [2]). На одномъ изъ смотровъ гвардіи, такая доля „проѣхать въ замкѣ“ своего полка (лейбъ-гвардіи коннаго) выпала графу К. К.

---

[1]) Отъ брака съ дочерью Суворовскаго генерала Дѣева, съ отличною храбростью дѣйствовавшаго въ Польшѣ.

[2]) Построеніе временъ Фридриха II. Тогда люди, слѣдовавшіе въ замкѣ извѣстныхъ частей арміи, имѣли назначеніе строго наблюдать за порядкомъ въ каждой части, и были, сверхъ оружія, снабжены палками, которыя, при случаѣ, и употребляли въ дѣло.

Ламберту. Онъ проѣхалъ какъ слѣдуетъ и былъ вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству (что́ было-тогда уже карьерой). Такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, будучи генералъ-майоромъ свиты Его Величества, графъ Ламбертъ получилъ въ командованіе полкъ, за которымъ такъ удачно проѣхалъ когда-то въ замкѣ. Полкъ этотъ стоялъ тогда въ мѣстечкѣ Мендзыржецъ Люблинской губерніи, — отсюда первое знакомство съ Польшей.

Въ 1856 году конно-гвардейцы были потребованы въ Москву, на время коронаціи Государя Императора. Командиръ ихъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а потомъ вскорѣ назначенъ генералъ-адъютантомъ и переведенъ въ Петербургъ. Годомъ позже, ему поручили завѣдываніе дѣлами коммисіи по упраздненію южныхъ военныхъ поселеній, по окончаніи занятій которой графъ вернулся опять въ сѣверную столицу.

Неловкое паденіе съ дрожекъ на Большой Миліонной, въ 1860 году, заставило графа Карла отправиться за границу для поправленія своего здоровья. Онъ жилъ въ Парижѣ и слѣдилъ не безъ любопытства за безпорядками въ краѣ, нѣсколько ему знакомомъ. Конечно, ему и во снѣ не снилось, что онъ вскорѣ будетъ призванъ укрощать эти безпорядки, какъ главный начальникъ. Ему не снилось — его поискала судьба.

Одинъ изъ школьныхъ друзей графа, стоявшій въ то время очень высоко, вспомнилъ о старомъ товарищѣ, когда стали перебирать имена генераловъ, болѣе или менѣе способныхъ занять почти упразднившееся мѣсто правителя Польши. Молодость, умъ, происхожденіе, чрезвычайная мягкость и изящество пріемовъ, наконецъ — нѣкоторое знаніе Польши, были выставлены на видъ передъ Государемъ. Даже взято во вниманіе католическое вѣроисповѣданіе графа: въ этомъ усматривали путь къ лучшему сближенію

съ духовенствомъ,—(какъ уже сказано) значительной силой, чрезъ которую можно дѣйствовать на массы.

Время летѣло необыкновенно-быстро, событія смѣнялись событіями; изъ-за Польскихъ, маскерадныхъ, дѣтскихъ орловъ выглядывали уже другіе орлы, совсѣмъ не дѣтскіе и не маскерадные; долго останавливаться надъ рѣшеніемъ столь важнаго вопроса, какъ назначеніе Намѣстника въ Польшу, было нельзя. Лучше и соотвѣтственнѣе Ламберта на этотъ постъ, по высшимъ взглядамъ, на ту пору никого не было. Его вызвали изъ Парижа какъ-бы на мѣсто генералъ-губернатора Варшавы; но въ сущности, какъ думаютъ многіе, онъ былъ уже тогда Намѣстникъ; только это хранилось въ глубокой тайнѣ.

По особенной игрѣ случая, графъ Ламбертъ прибылъ изъ Парижа въ Варшаву, на пути въ Петербургъ, въ тотъ самый день (1 Іюня н. ст.), когда прибылъ туда исправляющій должность Намѣстника, военный министръ Сухозанетъ. Судьбѣ, роковымъ силамъ исторіи, угодно было, чтобы временный Намѣстникъ сейчасъ же увидѣлъ въ Варшавѣ лицо, которымъ хотѣли его замѣнить. Его временность, непродолжительность почувствовались ему еще ярче и рѣзче, что́ заставило его болѣе обдумывать каждый шагъ, быть чрезъ мѣру осторожнымъ и уступчивымъ, дабы не оставить за короткое время своего управленія дурной памяти въ краѣ, тяжелыхъ,—сохрани Господи,—кровавыхъ слѣдовъ.

Между тѣмъ Ламбертъ, въ краткое свое пребываніе въ Варшавѣ (гдѣ прожилъ только пять дней) старался, на сколько позволили обстоятельства, собрать поболѣе всякихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, при чемъ успѣлъ показать кое-кому изъ высшихъ лицъ телеграмму, которою былъ вызванъ на мѣсто генералъ-губернатора; поклонился праху князя Горчакова, стоявшему въ церкви Лазенковскаго дворца, и тутъ же самъ принялъ два-три поклона неопредѣленнаго свойства (особенно низко поклонился, говорятъ, хитрый Армянинъ Бебутовъ); наконецъ,

испросивши себѣ телеграфической депешей позволеніе у Государя Императора, находившагося тогда въ Москвѣ, пріѣхать прямо туда, — уѣхалъ.

Съ этой минуты онъ дѣйствуетъ уже сколько черезъ друзей, столько-же, или еще и болѣе, самъ, пустивъ въ ходъ всѣ свои дипломитическо-служебныя способности, всю свѣтскую ловкость, такъ что нѣкоторые говорили послѣ, можетъ быть и несправедливо, что онъ „сдѣлалъ себя Наστникомъ самъ“, сообразивъ хорошо положеніе вещей [3]).

*

Сухозанетъ сталъ править Польшей, смотря постоянно на двери, въ которыя долженъ былъ войти его прочный преемникъ. Вѣроятно по этому онъ избѣгалъ подписи: исправляющій должность Намѣстника и подписывался постоянно, попрежнему: военный министръ; иногда присоединялъ къ этому: временно-главнокомандующій 1-ю арміею.

Она началъ съ того, что приказалъ убрать со всѣхъ площадей палатки и увесть войска въ казармы.

Читатели видѣли выше, что, еще въ послѣдніе дни правленія князя Горчакова, красные, замѣтивъ новыя колебанія волнъ, двигавшихся какъ древніе пилигриммы, три шага впередъ, а два назадъ, а иногда и четыре, позволили себѣ кое-какіе безпорядки. Въ день смерти князя Горчакова, совпавшій съ первымъ днемъ праздника Пречистаго Тѣла Господня (Bożego Ciała), лобузерія, подъ предводительствомъ Козубскихъ и Снѣгоцкихъ, произвела смятеніе въ процессіи, шедшей изъ Свентоянскаго костела на Старое Мѣсто, къ алтарямъ, какіе обыкновенно строятся при этомъ на разныхъ пунктахъ. Смятеніе было такъ велико, что многія духовныя лица и самъ архіепископъ были сбиты съ ногъ. Находившійся недалеко оберъ-полицеймейстеръ предложилъ, для возстановленія порядка, воздвигнуть монстран-

---

[3]) Ходили также слухи, что будтобы графъ Ламбертъ принялъ намѣстничество не охотно.

цію (золотой сосудъ въ лучахъ, заключающій въ себѣ Святые Дары). Это было исполнено; всѣ пали на колѣни, воцарилась тишина, и шествіе могло потомъ направиться далѣе.

Впрочемъ, это былъ частный безпорядокъ, шалость манифестаторовъ низшаго разряда. Высшіе красные чины сидѣли тогда спокойно. Уборка съ площадей войскъ подняла на ноги и ихъ. Вся красная партія цѣликомъ, отъ мала до велика въ повстанской іерархіи, стала по прежнему думать только о манифестаціяхъ, ища повода, къ чему-бы придраться, чтобъ ихъ возобновить.

Поводъ найти было не трудно: почти въ одинъ день съ Горчаковымъ (29 Мая н. ст.) умеръ въ Парижѣ старый вождь демократической партіи Польскихъ эмигрантовъ, историкъ Іоахимъ Лелевель, имя котораго извѣстно каждому Поляку и Полькѣ съ малыхъ лѣтъ. 1 Іюня н. ст. происходили въ Парижѣ его торжественные похороны; потомъ вѣсть объ этомъ принеслась въ Варшаву. Варшава принялась туже минуту обдумывать рядъ манифестаціонныхъ панихидъ.

Первая панихида, въ видѣ balon d'essai, была отслужена 7 Іюня н. ст. въ костелѣ реформатовъ, безъ всякой пышности и безъ особенныхъ рѣчей.

Вторую, настоящую, панихиду городъ намѣревался отслужить на другой день, 8 Іюня, у Святаго Креста; но, узнавъ, что въ этотъ день будетъ вывозъ тѣла князя Горчакова, отложилъ ее на 10 Іюня н. ст.

А 8 Іюня отслужена все-таки панихида Евреями, въ главной ихъ синагогѣ, на Даниловичевской улицѣ, съ участіемъ многихъ Поляковъ. Извѣстный Еврейскій проповѣдникъ Ястровъ сказалъ рѣчь на Польскомъ языкѣ, въ которой коснулся безсмертныхъ заслугъ покойнаго историка, какъ ученаго мужа и вождя партіи на чужбинѣ, уподобивъ его Моисею въ Египтѣ и поставивъ въ примѣръ твердости и терпѣнія. Настоящее время проповѣдникъ называлъ *мракомъ*, послѣ коего должна возблистать *заря*.

За тѣмъ всѣ стали готовиться къ торжественной, отъ всего города, панихидѣ. Была собрана значительная сумма, при чемъ даже ученики гимназіи давали по два злота съ человѣка. Мѣста на хорахъ (у Креста) были распроданы аристократическимъ фамиліямъ по 10 рублей за каждое.

Когда началась панихида, передъ катафалкомъ явился бюстъ Лелевеля, который, среди богослуженія, увѣнчали вѣнкомъ безсмертія профессора М. Х. Академіи Яниковскій и Пражмовскій. Разныя дамы собирали квесту на „дѣло отчизны.“ Собрано, какъ говорятъ, около 30 тысячъ злотыхъ.

Въ тотъ-же день отслужена панихида по Лелевелѣ въ Доминиканскомъ костелѣ артелью рабочихъ съ желѣзнаго завода Эванса, которые собрали на это, между собою, 45 рублей [4]). Наконецъ, тогда-же отслужена панихида у Капуциновъ, на Медовой улицѣ, съ участіемъ епископа Декерта. Въ числѣ присутствовавшихъ на этой панихидѣ замѣченъ былъ народомъ 80-лѣтній старецъ Горлинскій, помѣщикъ изъ Плоцка, пріѣхавшій посмотрѣть, что́ такое творится въ Варшавѣ. Онъ былъ одѣтъ въ жупанъ и кунтушъ, въ рукахъ имѣлъ бѣлую Костюшковскую конфедератку. Артисты манифестацій, по окончаніи панихиды, вывели старца подъ руки и послѣ водили долго по Саксонскому саду, въ сопровожденіи огромной толпы зѣвакъ.

На всѣхъ перечисленныхъ панихидахъ раздавались народу цинкографированные листы съ краткимъ описаніемъ жизни Лелевеля, гдѣ выставлены были всѣ его заслуги отечеству и свободѣ, а въ заключеніе сказано: „Тѣло его покрыла чужая земля, но духъ его живетъ и будетъ жить посреди соотчичей, которые, сливаясь между собою общею любовью къ отчизнѣ, трудами, стремленіемъ къ единенію, братскими чувствами, словомъ и доблестями, какими озарялся каждый шагъ въ жизни Іоахима, воздадутъ высшую почесть безсмертнымъ его заслугамъ. А презрѣніе изли-

[4]) Все это—оффиціальныя свѣдѣнія.

шествъ и простота жизни, какими покойный отличался, да будутъ внѣшнимъ знакомъ принятія его правилъ, кои въ сердцахъ Поляковъ освѣжитъ сегоднишній печальный обрядъ."

17 Іюня н. ст. отслужены панихиды по Лелевелю въ трехъ Еврейскихъ синагогахъ вдругъ: на Даниловичевской улицѣ, въ Наливкахъ и на Прагѣ. Въ Наливкахъ сказана похвальная рѣчь покойному и пропѣтъ 79-й псаломъ Давида: „Пасый Израиля, вонми... Воздвигни силу Твою и пріиди, во еже спасти насъ. Боже, обрати ны и просвѣти лице Твое, и спасемся! Господи, Боже силъ, доколѣ гнѣваешися на молитву рабъ Твоихъ? Напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ и напоиши насъ слезами въ мѣру. Положилъ еси насъ въ прерѣканіе сосѣдомъ нашимъ, и врази наши подразниша ны. Господи, Боже силъ, обрати ны, просвяти лице Твое, и спасемся!"

Слова: „Напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ" и, въ особенности, троекратное (въ полномъ текстѣ псалма) воззваніе къ Богу: „Господи, Боже силъ, обрати ны и просвѣти лице Твое, и спасемся!" производили необыкновенное, потрясающее впечатлѣніе. Иные плакали навзрыдъ [5]).

Кромѣ того, въ тѣ самые дни, устроивались патріотическія молебствія у разныхъ статуй; на Сенаторской, передъ реформатскою церковью, гдѣ статуя Богоматери; на углу улицъ Узкаго и Широкаго Дуная, гдѣ статуя Св. Іоанна; на Краковскомъ предмѣстьѣ, у дома Мальча, гдѣ также статуя Богоматери, и въ другихъ пунктахъ.

Вездѣ пѣлись безпрепятственно: Boże coś Polskę, Z dymem pozarów и прочіе того времени гимны, которые вскорѣ затѣмъ были отпечатаны и продавались на улицахъ открыто.

Явился даже, въ подражаніе Boże coś Polskę, подобный гимнъ якобы отъ Русскихъ, подъ названіемъ: Modlitwa Moskali, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что

---

[5]) Оффиціальные источники.

„въ то время, когда Поляки вознесены къ славѣ и просвѣщенію, Русскіе остались во тьмѣ невѣжества.“ Поэтому, заключительное двустишіе каждой строфы взывало: „о просвѣти насъ, Господи!“

Къ продажѣ тетрадей съ гимнами вскорѣ присоединилась продажа картинокъ, дѣйствующихъ на воображеніе народа, напр. „Дружкари, выпрягающіе коней изъ дружекъ, чтобы запрячь ихъ подъ пушку“, или: „Св. Іосафатъ, зарубленный Москалями“ [6]).

Сначала мальчики, пущенные по улицамъ съ этими картинками, навязывали ихъ только однимъ статскимъ, но потомъ стали приставать и къ военнымъ: “Może pan pułkownik pozwoli świętego Józafata, zarąbanego Moskalami... albo dorożkarze, wyprzęgające koni?“...

И многіе у нихъ покупали, не замѣчая, что служатъ такимъ образомъ повстанской пропагандѣ.

Болѣе всего были тогда въ ходу мелкія манифестаціи: кошачьи концерты и битье стеколъ въ домахъ нѣкоторыхъ лицъ. Дошло до того, что явился даже директоръ, иначе сказать, капельмейстеръ кошачьихъ концертовъ, который брался за извѣстную плату устроить кошачью музыку, гдѣ и кому угодно. Концертъ съ выбитіемъ стеколъ стоилъ 15 рублей, безъ выбитія—10. Иногда обстоятельства требовали уступки; равно были случаи, когда концертъ и выбитіе устроивались безплатно, по распоряженію тайныхъ властей.

Послѣ разсказывали, что директоръ кошачьихъ концертовъ снялъ съ себя фотографическую карточку, со всѣми своими аттрибутами, дабы его легче было отыскать, и чрезъ это попалъ въ Цитадель.

---

[6]) Іосафатъ Кунцевичъ, Витебскій епископъ, убитый мѣщанами Витебска 12 Ноября ст. ст. 1623 года за то, что всякими непозволительными мѣрами заставлялъ народъ принимать Унію. Поляки возвели его въ мученики за истинную вѣру.

Въ садахъ Саксонскомъ и Красинскомъ и на большихъ дворахъ иныхъ домовъ устраивались игры въ Польскаго и Русскаго короля, при чемъ дружины послѣдняго непремѣнно побивались, и самому королю приходилось плохо. На него бросалась подчасъ и собственная его дружина.

Такія игры служили въ публичныхъ садахъ предметомъ развлеченія для всей гуляющей публики. Побиваемаго короля выручали только въ крайнемъ случаѣ; но если онъ не подвергался опасности быть избитымъ до полусмерти, или вовсе убитымъ, зрители только хохотали, а иной разъ и апплодировали воинамъ своего.

Какъ-то однажды, въ Саксонскомъ саду, въ такую игру вмѣшался полиціантъ и сталъ разгонять ребятишекъ: на него сейчасъ накинулись старшіе, и онъ принужденъ былъ удалиться, подъ гуломъ свистковъ.

Въ уединенномъ и никѣмъ ненаблюдаемомъ саду Казиміровскаго палаца (гдѣ нынѣ Университетъ) разная городская молодежь обучалась фехтованью на палкахъ. Потомъ основаны настоящія фехтовальныя залы въ нѣкоторыхъ домахъ, куда не заглядывала полиція, по уваженію къ особѣ хозяина. У студента Фохта обучались его пріятели ружейнымъ пріемамъ.

Въ концѣ Іюня, по новому стилю, показались въ Варшавѣ печатные плакаты: „*Воззваніе къ помѣщикамъ*“, которыхъ тайныя власти приглашали „устроить бытъ крестьянъ, не дожидаясь распоряженія правительства, отложившаго дѣйствительное освобожденіе до 1 Октября“.

Другой плакатъ назывался: „*Посланіе ко всѣмъ Полякамъ на землѣ Польской*“, гдѣ исчислялись претерпѣнныя Поляками угнетенія отъ правительствъ Русскаго, Прусскаго и Австрійскаго, подавалась надежда на скорое освобожденіе, а подъ-конецъ рекомендовалась всевозможная бережливость и умѣренность въ жизни.

Тогда же, въ разныхъ галантерейныхъ магазинахъ, появились въ продажѣ образки, съ начертаніемъ изломан-

наго креста и съ надписью 27 *Февраля* и 8 *Апрѣля*. Уличные ребятишки, продававшіе гимны и картинки, стали скоро продавать и эти образки, по улицамъ и въ Саксонскомъ саду.

Словомъ, революціонное дѣло пошло на всѣхъ парусахъ по прежней своей дорогѣ, и никто этому не мѣшалъ. Если иногда полиція, патруль или разъѣздъ дѣлали какое-нибудь распоряженіе въ пользу порядка, тутъ-же являлся приказъ или замѣчаніе высшей власти края, парализовавшіе такое распоряженіе и сбивавшіе всѣхъ съ толку. На бумагѣ было одно, на дѣлѣ другое.

Для патрулей и разъѣздовъ существовало множество сбивчивыхъ правилъ, одно другому противорѣчившихъ; требовалась такая точность донесеній обо всякомъ незначительномъ происшествіи, обо всякомъ распоряженіи начальниковъ частей, что весьма немногіе изъ нихъ рѣшались заводить дѣло съ уличными шалунами, чтобъ не быть какъ-нибудь потомъ въ отвѣтѣ за неисполненіе того или другаго пунктика.

Достаточно привести одинъ фактъ того времени, чтобы показать, какихъ хлопотъ стоилъ иногда патрулю самый ничтожный случай, сколько переспрашивалось объ этомъ народу, сколько бумаги исписывалось; не говоримъ уже о томъ, сколько могло выходить изъ всего этого соблазнительныхъ сценъ и праздныхъ толковъ въ массѣ. Въ роту Симбирскаго полка, шедшую патрулемъ въ одинъ Іюньскій вечеръ по Медовой улицѣ, мимо Капуцинскаго монастыря, былъ пущенъ изъ калитки [7]) этого монастыря камень. Боясь быть неточнымъ въ описаніи этого происшествія, маіоръ Фёлькнеръ, командовавшій ротой, въ рапортѣ своемъ начальнику 1-го огродскаго отдѣла, такъ изобразилъ полетъ

---

[7]) Та самая, подлѣ которой изображенъ слѣва на стѣнѣ большой крестъ барельефомъ. — «Капуцинскій», собственно: «по-Капуцинскій». Тоже самое надо разумѣть и о другихъ монастыряхъ: Бернардинскій, Паулинскій — по-Бернардинскій, по-Паулинскій и т. д.

камня: „Камень пролетѣлъ позади меня, около подпоручика Шахъ-Назарова и вдоль 1-й шеренги 1-го отдѣленія 2-го полувзвода означенной роты и ударился въ двери дома, находящагося на противуположной сторонѣ улицы“. Затѣмъ прилагался длинный списокъ чинамъ 8-й роты Симбирскаго полка, мимо которыхъ пролетѣлъ камень [8]).

Болѣе всего военные возмущались приказомъ, отданнымъ по войскамъ 21 Іюня ст. ст., гдѣ, „въ крайнемъ случаѣ“ разрѣшалось „стрѣлять“, но въ концѣ сказано, что „если во время слѣдованія караула, команды или патруля по улицамъ, изъ какого-либо дома будутъ сдѣланы выстрѣлы или брошены камни, то не отвѣчать пальбой, а только замѣтить домъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ“. Военные спрашивали: „какого-жъ еще нужно крайняго случая, если выстрѣлы по войскамъ не крайній случай, который бы могъ разрѣшить крайнія мѣры?“

Этотъ приказъ собственно не былъ новостію: онъ явился въ первый разъ еще при князѣ Горчаковѣ, 21 Марта ст. ст. 1861, но тогда не былъ замѣченъ и не вызвалъ особеннаго ропоту, можетъ быть потому, что тогда вдругъ послѣдовало множество разительныхъ распоряженій, и никто не зналъ что̀ изъ этого выйдетъ. Теперь-же, когда стало ясно, что дальнѣйшее продолженіе уступокъ и противорѣчивыя дѣйствія правительства только запутываютъ наши дѣла̀ въ Польшѣ и вызываютъ новыя затрудненія; когда военные получали поминутно выговоры неизвѣстно за что, когда въ войскахъ вообще былъ ропотъ: этотъ приказъ возбудилъ чрезвычайнный шумъ и толки, которые можно было слышать нѣсколько лѣтъ сряду. Еще въ 1863 году и позже иные военные повторяли, какъ о чемъ-то невѣроятномъ, о приказѣ 21 Іюня и сочиненіе его приписывали Сухозанету, а не Горчакову.

---

[8]) Дѣла начальника 1-го военнаго отдѣла города Варшавы съ 21 Марта по 13 Августа 1861.

Что касается тогдашнихъ арестовъ, случавшихся нерѣдко, — съ этой стороны происходило болѣе хаоса и путаницы, нежели гдѣ нибудь: одинъ начальникъ арестовывалъ, другой освобождалъ или ходатайствовалъ объ освобожденіи у Намѣстника; а потому иное лицо, три раза на недѣлѣ попавши подъ арестъ, три раза отъ него освобождалось разными хитростями, и въ результатѣ выходило то, что ареста рѣшительно никто не боялся [9]). Кромѣ того и самый присмотръ за арестантами былъ таковъ, что они могли переписываться изъ казематовъ съ городомъ.

Манифестаціи пошли конечно отъ этого дальше и шире. Люди, недавно умѣренные и спокойные, стали въ ряды буйныхъ шалуновъ. Почтенные старики обратились опять въ мальчиковъ.

15 Іюля н. ст. умеръ въ Парижѣ другой столпъ Польской эмиграціи, другой свидѣтель и участникъ революціи 1830 года, — re in petto, князь Адамъ Чарторыскій. Похороны его въ Парижѣ отличались конечно еще большею торжественностью, чѣмъ похороны другаго, демократическаго полюса эмиграціи, Лелевеля. Тамъ не доставало аристократической пышности и блеску; здѣсь было этого довольно. Даже, говорятъ, за гробомъ, покрытымъ королевскою мантіею, несли корону.

Само собою разумѣется, въ Варшавѣ назначенъ рядъ панихидъ.

На этотъ разъ не было никакихъ balons d'essai: прямо огласили во всѣхъ газетахъ торжественную панихиду на 22 Іюля н. ст., въ соборѣ Св. Яна. Ее служилъ самъ архіепископъ. Участіе бѣлой партіи придало обстановкѣ богослуженія особенный эффектъ. Масса молившихся за упокой души человѣка, который, не смотря на разныя ошибки (въ Польскомъ смыслѣ), все таки поработалъ, на свой пай, для интересовъ отечества и былъ вообще замѣчательнымъ человѣкомъ блестящей Наполеоновско-александровской эпохи,

---

[9]) Авейде, II, 89, 90, 93.

который унесъ на челѣ своемъ отраженіе какихъ-то особыхъ лучей, при звукѣ имени котораго столько шевелилось, припоминалось, вставало въ каждой Польской душѣ: масса молившихся за такого человѣка могла конечно настроиться вполнѣ патріотически. У многихъ полились слезы. Всѣ были искренно убѣждены, что хоронятъ, если не короля, такъ что-то такое, чего... не будетъ! Самъ архіепископъ, личный свидѣтель того, что̀ припоминалось иными, заливаясь слезами, не почувствовалъ, какъ изъ устъ его вылетѣло и понеслось къ небу: Boże coś Polskę... Храмъ дрогнулъ; всѣ пали на колѣни и запѣли дальше: otaczał blaskiem potęgi i chwały [10]), и громомъ небеснымъ разлеглись подъ темными вѣковыми сводами заключительныя слова строфы: Przed Twe ołtarze zanosim błaganie: Ojczyznę, Wolność racz nam wrócić, Panie [11])!

По окончаніи службы все было такъ настроено, что когда архіепископъ сѣлъ въ экипажъ, кучи народу бросились, выпрягли лошадей и довезли его на своихъ плечахъ до дому.

За тѣмъ бурная волна панихидъ за Чарторыскаго хлынула съ такою силою, что и снисходительнѣйшій изъ правителей Польши нашелъ нужнымъ ихъ остановить.

Манифестаціи и всякаго рода враждебныя заявленія противъ правительства отъ этого, разумѣется, ничуть не прекратились.

Въ газетѣ Times усмотрѣна была, близъ этого времени, статья, возбудившая въ Полякахъ разныя надежды [12]). Вар-

---

[10]) «Окружалъ блескомъ могущества и славы.»

[11]) «Передъ Твои алтари возносимъ моленіе: отчизну, свободу благоволи возвратить намъ, Господи!»

[12]) Въ этой статьѣ находились между прочимъ такія строки: «Намъ нужно всѣми руками взяться за работу, чтобы окончить засѣданія (въ Нижнемъ Парламентѣ), а мы тутъ вынимаемъ изъ кармановъ платки и давай хныкать надъ судьбами Польши. Неужели больше нечего дѣлать? Мы, великая нація, государство перваго разряда, выдаемъ ежегодно 15 милліоновъ фунтовъ на сухопутное войско и столько-же на

шавскіе агитаторы собрали сейчасъ толпу народа передъ домомъ Англійскаго консула, котораго вызвали и подали ему такой адресъ:

„Я, мать, облитая мученическою кровью моихъ дѣтей, вдова въ траурномъ одѣяніи, невольница съ оковами на рукахъ; я, живьемъ зарытая въ могилу, посылаю тебѣ, народъ Англійскій, слово благодарности. Рѣчь депутата твоего въ Парламентѣ, голосъ кипящихъ дѣятельностью городовъ твоихъ, срываетъ печати съ гроба, въ который насиліе и равнодушіе ввергли Польшу. Кровь моя и слезы мои вопіютъ къ Богу, и Онъ отвѣчаетъ мнѣ устами твоего народа. Честь ему и благодарность тебѣ, Англія! Всѣмъ что̀ осталось во мнѣ живаго и безсмертнаго, послѣ долгаго мученичества, благословляю твоихъ старцевъ, мужей, сыновъ и дщерей на вѣчную свободу и счастіе! Да предстательствуютъ за тебя присно и во вѣки предъ Богомъ твои святые патроны, подобно тому, какъ ты, досточтимая и благоденствующая Англія, предстательствуешь нынѣ за отринутую, растерзанную, распятую Польшу!“

Англійскій консулъ отправилъ этотъ адресъ въ Лондонъ, со множествомъ визитныхъ карточекъ отъ Варшавскихъ Поляковъ разнаго званія. Заказы на карточки были такъ велики, что литографы едва справились [13]).

Весь воздухъ наполнился повстанскимъ электричествомъ; нетерпѣливымъ казалось, что возстаніе уже очень недалеко. Эмиссары Мирославскаго, появившіеся вдругъ въ значительномъ числѣ для снятія на планъ кое-какихъ мѣстностей Царства Польскаго, усиливали между кружками всякихъ оттѣнковъ вредные для самихъ-же Поляковъ толки. Поэтому партія опытныхъ руководителей массы, такъ-называемыхъ Сибира̀ковъ (Sybirakòw) т. е. вернувшихся изъ Сибири

флотъ, а для Польши не хотимъ палецъ о палецъ ударить. Отчего бы Англіи не предпринять ради ея крестоваго похода?... По совѣту одного изъ покойныхъ государственныхъ мужей, послать-бы намъ флотъ подъ Варшаву, а еслибы это оказалось неудобнымъ, то и подъ Петербургъ.»

[13]) Дѣло Л. В. № 1, стр. 190—191.

по манифесту о политическихъ преступникахъ, затѣяла издавать газету, дабы, сколь возможно, дѣйствовать на умы и остерегать неосторожныхъ.

6 Августа н. ст. вышелъ 1-й номеръ этой первой подпольной газеты послѣдняго возстанія, носившей имя Стражни́ца (Strażnica), что̀ значитъ наблюдательный пунктъ, сторожевая башня. Это былъ небольшой листокъ бумаги, съ текстомъ на одной только сторонѣ, напечатаннымъ очень плохо, по всѣмъ вѣроятностямъ, ручнымъ станкомъ [14]). Листокъ этотъ приглашалъ всѣхъ Поляковъ „быть готовыми каждую минуту, но выжидать спокойно и терпѣливо“.

Всѣ бросились читать эту ничтожнѣйшую изъ газетъ, но ея совѣты не привели ровно ни къ чему: нетерпѣніе и несбыточныя надежды красныхъ нисколько не ослабѣли. Манифестаторы продолжали свое дѣло съ тою-же дѣтскою неосторожностію.

8 Августа н. ст. (черезъ два дни по выходѣ Стражницы), въ день рожденія Государыни Императрицы, устроена въ соборѣ Св. Яна такая манифестація, которая превзошла своею дерзостію и неприличіемъ все, что̀ дѣлалось въ томъ-же духѣ до этого времени.

Началось съ того, что архіепископъ Фіалковскій, не задолго передъ тѣмъ отслужившій съ такимъ пафосомъ панихиду по своемъ фантастическомъ королѣ, на этотъ разъ присутствовалъ въ храмѣ, какъ частный зритель. Богослуженіе совершено прелатомъ Бялобржескимъ. Изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ прибыло только восьмеро: предсѣдатель Коммисіи Финансовъ Ласскій, вицепрезидентъ Банка Шеміотъ и шестеро мелкихъ. Лишь только было возглашено: „За здравіе и благоденствіе Императорской Фа-

---

[14]) Авейде говоритъ, что печатаніе первыхъ плакатовъ и газетъ представляло для нихъ неимовѣрныя затрудненія. Станки сначала выписывали изъ-за границы, но потомъ ихъ стали дѣлать въ Варшавѣ. Когда народное правительство вошло въ силу, печатаніе газетъ и прочаго производилось въ обыкновенныхъ типографіяхъ.

миліи“ и органъ заигралъ: „Боже Царя храни!“, какъ человѣкъ пятьдесятъ различной молодежи подошли къ рѣшеткѣ главнаго алтаря и запѣли, „Boże coś Polskę“. Весь народъ, бывшій въ костелѣ, подхватилъ это и заглушилъ своимъ пѣніемъ органъ и клиръ. Вечеромъ того дня уличные мальчишки гасили иллюминацію и били стекла въ домахъ. Между прочимъ разбиты стекла у генераловъ Шепелева и Кузьмина, на Медовой улицѣ.

Никакаго преслѣдованія этихъ безпорядковъ не было.

За тѣмъ, приближающаяся годовщина Польско-Литовской Уніи дала мысль агитаторамъ устроить манифестацію на границѣ обѣихъ земель, Литвы и Польши, что̀ должно было показать степень взаимнаго ихъ сочувствія другъ другу и степень развитія организаціи.

Красные и бѣлые (собственно, живая, энергическая часть бѣлыхъ, кого Авейде называетъ молодою шляхтою) дѣйствовали тогда въ иныхъ случаяхъ заодно. Задержки реформъ, отчасти даже фактическое устраненіе Велепольскаго отъ дѣлъ (хотя онъ и носилъ всѣ прежніе титулы) благопріятствовали сближенію противуположныхъ стихій въ массѣ. Манифестація въ память Уніи Литвы и Польши была обдумана главами разныхъ кружковъ въ Варшавѣ, и выбранъ пунктъ для торжества не очень наблюдаемый: именно мостъ на Нѣманѣ противъ посада Алексоты, Марьямпольскаго уѣзда Августовской губерніи, у города Ковна, гдѣ населеніе обоихъ береговъ безъ того поминутно братается другъ съ другомъ. Сочиненный въ Варшавѣ планъ переданъ для пополненія разными подробностями помѣщикамъ Августовской и Ковенской губерній. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы двинуть, въ день годовщины Уніи, двѣ духовныя процессіи вдругъ: одну изъ посада Алексоты, а другую изъ города Ковна, такимъ образомъ, чтобы онѣ сошлись на мосту и слѣдовали вмѣстѣ въ село Годлево (въ Царствѣ Польскомъ, недалеко отъ Алексоты), гдѣ долженъ быть составленъ актъ въ память этого событія и произойти соотвѣтственное братское пиршество.

Для Варшавы и другихъ городовъ придуманы свои мѣстныя торжества на этотъ день. Между тѣмъ пущенъ повсюду такой печатный плакатъ:

„Братья земляки! 12 Августа 1569 года король Сигизмундъ-Августъ торжественно закрылъ сеймъ Уніи въ Люблинѣ, и это окончательное соединеніе Литвы съ Польшею заключилъ свободною рѣчью, въ которой завѣщалъ обоимъ народамъ вѣковѣчную братскую любовь. А потому, братья земляки, почтимъ празднествомъ сей день, ознаменованный соединеніемъ нашихъ предковъ: соберемся въ костелы и вознесемъ сообща горячія молитвы къ Богу, дабы Онъ слилъ попрежнему въ одно цѣлое нашъ народъ, разорванный на части и связалъ нераздѣльно наши души. 12 Августа сего 1861 года докажемъ публично, вмѣстѣ съ капланами, что мы братья одной и той-же семьи Бѣлаго Орла и Всадника. Празднество этого единенія народовъ должно быть торжественно-спокойно и обнимать собою все пространство стародавней Польши. Трауръ на сей день снимается".

Такъ-какъ правительство нигдѣ не принимало рѣшительныхъ мѣръ къ воспрепятствованію всѣмъ этимъ затѣямъ, то празднества въ годовщину Уніи вездѣ удались. Въ Варшавѣ жители явились въ этотъ день въ самыхъ яркихъ платьяхъ. Разряженныя дамы катались по улицамъ въ блестящихъ экипажахъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Болѣе всего горѣло огнями Старое Мѣсто [15]). Въ Люблинѣ устроилось гулянье около памятника Уніи, что̀ противъ губернаторскаго дома. Многія дамы были одѣты въ изысканныя сельскія платья. Между ними въ особенности отличались извѣстная Пустовойтова. Кромѣ сельской одежды, она имѣла и сельской уборъ головы: длинныя ко̀сы, въ которыя были вплетены трехцвѣтныя ленты. Проходя мимо памятника, дамы бросали къ его подножію цвѣты и

---

[15]) Авейде, II, 81.—Красная партія хотѣла устроить особую торжественную процессію на Повонзки; но умѣренные отклонили это, пустивъ по городу остерегающіе плакаты.

вѣнки. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Въ нѣкоторыхъ окнахъ показались разные эмблематическіе транспаранты: гербы Литовскій и Польскій, портретъ Костюшки и т. п.

Манифестація на границѣ Литвы и Польши произошла при слѣдующихъ подробностяхъ. Когда Ковенская полиція узнала о съѣздахъ помѣщиковъ и приготовленіяхъ къ торжеству въ день годовщины Уніи, что́ дѣлалось довольно открыто, губернаторъ выѣхалъ въ Петербургъ, можетъ быть, впрочемъ совершенно-случайно. Оставшійся править его должность вице-губернаторъ донесъ главному начальнику края, генералъ-адьютанту Назимову, объ ожидаемой на 12 Августа манифестаціи и испрашивалъ приказаній: „что́ дѣлать, если манифестація состоится?“ Говорятъ, отвѣтъ, по телеграфу, былъ таковъ: „поступайте благоразумно, а мостъ развесть“ [16]). Вице-губернаторъ не принялъ никакихъ мѣръ и моста не развелъ, а потому обѣ процессіи собрались и выступили, утромъ 12 Августа, изъ Ковна и Алексоты, при огромномъ стеченіи народа. Тогда только вице-губернаторъ далъ приказаніе одному капитану путей сообщенія, родомъ Поляку, развесть какъ можно скорѣе мостъ. Капитанъ сказался больнымъ. Замѣнившій его поручикъ, Русскаго происхожденія, успѣлъ кое-какъ выхватить только одинъ плашкотъ, вслѣдствіе чего процессіи, взойдя на мостъ съ обѣихъ сторонъ, могли свободно перекликаться другъ съ другомъ и разговаривать. Въ это время какой-то смѣльчакъ, перебравшись на отдѣленный плашкотъ (который, по неосмотрительности или недостатку времени, не былъ отведенъ отъ моста) нашелъ возможность перебросить оттуда народу канатъ: плашкотъ подтянули, и соединеніе процессій совершилось, при оглушительныхъ крикахъ ура на обоихъ берегахъ и пѣніи Boże coś Polskę. Войска, присланныя начальникомъ дивизіи, расположенной въ тѣхъ мѣстахъ, генераломъ Бургардтомъ, смотрѣли на все это спо-

[16]) Сообщено автору на мѣстѣ разными оффиціальными лицами. Иные увѣряли при этомъ, что телеграмма состояла всего изъ двухъ первыхъ словъ: поступайте благоразумно.

койно и, когда началось пѣніе, машинально сняли шапки и стали креститься [17]). Соединенныя процессіи, согласно плану, двинулись чрезъ Алексоту въ Годлево и тамъ оставались до вечера. Конечно, лились вино и слезы... а въ заключеніе всего составленъ актъ въ память событія, скрѣпленный многими подписями. Черезъ нѣсколько дней полетѣли по Литвѣ и Польшѣ тысячи фотографическихъ карточекъ съ изображеніемъ встрѣчи процессій на разорванномъ мосту.

15 Августа н. ст. разныя партіи Варшавы хотѣли устроить манифестацію въ честь Императора Наполеона, но все умѣренное въ этихъ партіяхъ возстало противъ этого, и никакой манифестаціи не случилось. Плакаты, наклеенные на нѣсколькихъ костелахъ, приглашали жителей почтить этотъ день обыкновеннымъ молебствіемъ Богородицѣ, что̀ и было иными исполнено.

Близь того-же времени красная половина Варшавскаго духовенства, соединенно съ крайними всѣхъ партій, сочинила и пустила въ ходъ „Воззваніе къ братьямъ и товарищамъ во всей Польшѣ“ самаго возмутительнаго содержанія [18]) и вышелъ 2-й № Стражницы.

Этотъ непрерывный рядъ манифестацій, плакаты, гимны, картинки, образки, подпольная газета, соединеніе партій въ явныхъ приготовленіяхъ къ чему-то, ссоры Намѣстника съ Велепольскимъ, наконецъ страшный ропотъ военныхъ [19]):

---

[17]) Разсказы очевидцевъ.

[18]) Wiadowosci z kraju, 14 — 16. — Часть порусски: Библ. для Чт. 1864, Февр., стр. 33.

[19]) Этотъ ропотъ доходилъ одно время (въ Іюлѣ 1861) до того, что Сухозанетъ счелъ нужнымъ послать командиру 2 корпуса особое предписаніе, отъ 23 Іюля (4 Августа) 1861 года, за № 71, гдѣ находились, между прочимъ, такія строки... «Вижу, что оскорбленія, наносимыя иногда жителями войску, возбудили между господами офицерами сильное раздраженіе, начинающее выражаться громкимъ ропотомъ. Обстоятельство это, усиливая затрудненія правительства, показываетъ, что господа офицеры не съ надлежащей точки зрѣнія смотрятъ на свое положеніе здѣсь и неясно понимаютъ свой долгъ». «Оскорбленія, коихъ виновники разсчитываютъ всегда на возможность укрыться отъ отвѣтственности по за-

все это ускорило прибытіе въ Варшаву прочнаго начальника края, снабженнаго разными уполномочіями. Реформы были дописаны и могли осуществиться.

Еще съ Іюля мѣсяца стали говорить въ Петербургѣ, что намѣстникомъ Царства Польскаго будетъ графъ Ламбертъ. Съ 20-го числа этого мѣсяца, по ст. ст., началось необыкновенно-быстрое возвышеніе его по службѣ: Высочайшимъ приказомъ отъ этаго числа графъ назначенъ управляющимъ дѣлами Императорской Главной Квартиры и Собственнаго Его Величества конвоя; Высочайшимъ-же приказомъ отъ 6 Августа ст. ст. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи [20]) и назначенъ исправляющимъ должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и командующимъ 1-ю арміею.

Оставалось назначить ему помощника въ лицѣ военнаго генералъ-губернатора города Варшавы, въ обязанности котораго, сверхъ управленія Варшавой во всѣхъ частяхъ, входило завѣдываніе паспортами во всемъ Царствѣ.

Конечно, найти мгновенно лицо, отвѣчавшее вполнѣ такому мѣсту, было не легко. Критическое положеніе Варшавы, съ таившимся въ нѣдрахъ ея заговоромъ, или хоть его начатками, требовало отъ генералъ-губернатора самыхъ необыкновенныхъ способностей, молодости, энергіи, знанія людей, служебной опытности и даже прочнаго здоровья.

Въ числѣ молодыхъ генераловъ нашей сѣверной столицы наиболѣе отвѣчалъ такому посту дежурный генералъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ.

конамъ, не составляютъ никакого безчестія для тѣхъ, которые бываютъ случайными ихъ жертвами.» «Надѣюсь, что господа офицеры, обдумавъ это, поймутъ, что въ такихъ обстоятельствахъ хладнокровно переносить неизбѣжныя непріятности есть долгъ истиннаго мужества.»

[20]) Иначе, командуя, какъ Намѣстникъ, 3-мя корпусами 1-арміи, онъ былъ-бы ниже чиномъ всѣхъ трехъ корпусныхъ командировъ этихъ корпусовъ: Лабынцева, Липранди и Врангеля.

Это былъ человѣкъ съ рѣдкими достоинствами, умный, изящный, солидно-образованный, писака, и при томъ съ чрезвычайно-твердымъ характеромъ. Его ссоры и споры [21]) съ нѣкоторыми высшими лицами нажили ему враговъ въ той сферѣ, которая наиболѣе вліяетъ на благополучный исходъ всякихъ карьеръ. На него косились, и не прочь были, при случаѣ, „спустить“ его куда-нибудь, какъ шедшаго въ разрѣзъ... со всѣми, правшаго, такъ сказать, противъ рожна. Но онъ сидѣлъ крѣпко, занимаемую имъ должность правилъ съ честію, былъ любимъ и уважаемъ подчиненными. Заговаривать съ нимъ о томъ, чтобы онъ ѣхалъ ломать себѣ голову въ Польшу, подъ начальствомъ Ламберта, было очень странно. Нашли возможнымъ устроить такъ, что Герштенцвейгъ долженъ былъ уступить и сталъ сбираться въ путь съ стѣсненнымъ сердцемъ. Точно что̀ говорило ему о печальномъ концѣ новаго его поприща...

Графъ Ламбертъ, съ которымъ Герштенцвейгъ, по разнымъ встрѣчамъ въ свѣтѣ, былъ довольно близокъ, даже на-ты, постоянно увѣрялъ пріятеля, что дѣйствительнымъ Намѣстникомъ въ Царствѣ будетъ онъ, а никто другой: все будетъ предоставлено его опытности и соображеніямъ; что ихъ старая дружба не допуститъ конечно и тѣни столкновенія...

Словомъ, какъ это бываетъ часто: говорилось много всякихъ хорошихъ вещей, пока оба пріятеля стояли другъ отъ друга вдалекѣ; пока Ламбертъ былъ для Герштенцвейга

---

[21]) Въ особенности извѣстны его споры о генеральномъ штабѣ. Герштенцвейгъ находилъ несправедливыми преимущества, которыми пользовались офицеры генеральнаго штаба внѣ полковъ, откуда прибыли. По его мнѣнію, имъ слѣдовало, по окончаніи курса въ Военной Академіи, возвращаться въ полки и тамъ получать соотвѣтственныя отличія, дѣлаясь скорѣе другихъ ротными, батальонными и, наконецъ, полковыми командирами; что иначе армія теряетъ лучшихъ людей, губерніи же отнюдь не пріобрѣтаютъ лучшихъ губернаторовъ. Въ такомъ духѣ онъ подалъ нѣсколько докладныхъ записокъ, но имъ не дали ходу.

только Ламбертъ, и больше ничего. Но едва состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи одного намѣстникомъ, а другаго генералъ-губернаторомъ, въ одинъ и тотъ-же пунктъ, какъ все сейчасъ-же измѣнилось. Ламбертъ уже въ Петербургѣ принялъ тонъ начальника и сталъ смотрѣть, Богъ вѣдаетъ съ чего, на будущаго своего помощника нѣсколько-подозрительно. Эму стали мерещиться разные призраки. Ему казалось, что если такой умный, хитрый и осторожный человѣкъ рѣшился промѣнять вѣрное на невѣрное, не попробовалъ подать въ отставку при напорѣ чрезвычайныхъ силъ, а рискнулъ ѣхать въ край, поставленный вверхъ ногами, то неиначе какъ съ какимъ-либо тонкимъ махіавельскимъ разсчетомъ. На бѣду, молва одно время возводила Герштенцвейга въ Намѣстники, а того спускала въ генералъ-губернаторы: значитъ, червь непремѣнно грызетъ его; онъ можетъ таить месть и, пожалуй, отмститъ при первой возможности, подставивъ пріятелю ногу...

Добрые люди, которые всегда въ такихъ обстоятельствахъ откуда-то являются съ совѣтами, утѣшеніями и объясненіями всего неяснаго, какъ сверчки въ новомъ домѣ прежде хозяевъ,—мгновенно явились и тутъ и только подливали масла въ огонь.

Въ такихъ отношеніяхъ пріятели очутились въ Польшѣ, волновавшейся, какъ мы видѣли, изъ конца въ конецъ, въ Польшѣ, которой оставался только одинъ шагъ до настоящаго заговора.

Новый Намѣстникъ въѣхалъ въ Варшаву 23 Августа 1861 н. ст., не имѣя при себѣ никакого конвоя. Даже прислуга его, одѣтая въ статское платье, держалась вдали. Это было довольно-рѣзко послѣ разъѣздовъ его предмѣстника, за которымъ постоянно скакало человѣкъ 50 Кубанцевъ. Замѣтивъ на Съѣздѣ бѣдняка, графъ подалъ ему щедро.

Затѣмъ пошло новое управленіе страною, которое было тщательно обдумано со всѣхъ сторонъ разными опытными людьми и могло-бы, какъ мы полагаемъ, возстановить порядокъ, сойдись только искренно и пойми другъ-друга два

главныя лица, отыщи только въ себѣ Ламбертъ больше довѣрія къ Герштенцвейгу и имѣй болѣе самоотверженія вообще, въ разные серьезные моменты, или (что́ еще лучше) перемѣнись, какимъ-нибудь волшебствомъ, обѣ роли: стань генералъ-губернаторъ Намѣстникомъ, а Намѣстникъ генералъ-губернато́ромъ, какъ пророчила когда-то молва, представляя на тотъ разъ истинный vox populi — vox Dei.

Бѣда случилась именно отъ того, что оба лица, у кого въ рукахъ находились судьбы края и кто долженъ былъ идти рядомъ, нога въ ногу, рѣшительно во всемъ, во всемъ сливаться и дѣйствовать гармонически, никакъ не сливались, и одинъ, высшій, носилъ въ себѣ постоянно незаконныя и несправедливыя подозрѣнія противъ другаго, низшаго. Вотъ что привело ихъ обоихъ къ погибели.

Взглядъ Намѣстника на умиротвореніе края былъ таковъ: „Открывъ выборы при помощи умѣренныхъ, правительство рѣшало уже половину задачи. Красные, а съ ними и все то, что́ было подготовлено къ будущему возстанію, немедля теряли значеніе, сходили со сцены. Конечно, выборы, произведенные при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился край, представятъ изъ себя нѣчто хаотическое, будутъ похожи на древніе сеймики; выбранные чиновники будутъ, въ первыя минуты, ничѣмъ инымъ какъ слугами заговора, повстанской организаціей, которая пополнитъ собою то, что́ сдѣлано уже по этой части молодою шляхтою. Пусть! На все это въ началѣ закрыть глаза. Второю половиною задачи будетъ превратить, насколько можно скорѣе, этихъ сеймиковыхъ, повстанскихъ чиновниковъ въ чиновниковъ обыкновенныхъ, какіе намъ нужны. Большихъ, неодолимыхъ затрудненій тутъ не предвидится въ слѣдствіе несостоятельныхъ свойствъ племени, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Но еслибъ и произошла борьба, во всякомъ случаѣ она потребуетъ меньшихъ жертвъ, будетъ менѣе опасна, чѣмъ открытое столкновеніе съ партіями разныхъ оттѣнковъ, при введеніи реформъ подъ вліяніемъ штыковъ.“

Герштенцвейгъ былъ другихъ убѣжденій относительно того-же вопроса; онъ находилъ, что „время какихъ-бы то ни было уступокъ повстанцамъ окончательно миновало, и шалости ребятъ, соединившихся въ иныхъ дѣйствіяхъ со взрослыми, перешли уже ту черту, когда на нихъ можно смотрѣть какъ на шалости. А потому онъ считалъ необходимымъ: порѣшить съ этими шалостями, немедля ни минуты, добраться до гнѣзда агитирующихъ кружковъ, во что́ бы то ни стало, хотя-бы рѣзкими мѣрами, напугать этимъ всѣ партіи, заставивъ ихъ признать за правительствомъ присущую ему силу, въ которую онѣ давно перестали вѣрить, и подъ вліяніемъ всего этого сажать чиновниковъ на новыя мѣста, чиновниковъ какіе были нужны, а не повстанскихъ, дабы ничего или очень немного оставалось для послѣдующихъ додѣлокъ и передѣлокъ.“

Словомъ, онъ думалъ и говорилъ тоже самое, что́ говорили многіе практическіе люди тотчасъ послѣ выстрѣловъ Хрулева; но, опытный въ жизни и службѣ, онъ не нашелъ удобнымъ спорить съ Намѣстникомъ на первыхъ порахъ, а предоставилъ ему идти избраннымъ путемъ, въ той надеждѣ, что другъ его, по всѣмъ вѣроятностямъ, наткнувшись вскорѣ на разные рожны, вернется и самъ туда, куда звали его поломавшіе поболѣе голову надъ Польскимъ вопросомъ; или, что́ еще скорѣе, заснетъ, и тогда, конечно, все очутится въ рукахъ генералъ-губернатора.

Намѣстникъ пошелъ по избранному имъ пути очень шибко. Съ первыхъ-же дней по пріѣздѣ, онъ сталъ сближаться съ разными вліятельными лицами средняго круга, съ тою бюргеріей, которая недавно изображала изъ себя народный сенатъ и безъ которой, въ сущности, не могла быть сильна ни одна партія. Куда клали свои шары эти господа (бойкіе чиновники, капиталисты, способные рисковать, литераторы, артисты, помѣщики, которые не слишкомъ много теряютъ въ революціи), тамъ только и оказывалась прочная побѣда.

До сихъ поръ этотъ довольно широкій и неопредѣленный кружокъ стоялъ въ сторонѣ, самъ по себѣ, очень ма-

ло участвуя въ революціонныхъ затѣяхъ разныхъ партій, не протягивая рѣшительнымъ образомъ руки никому: ни аристократіи, ни краснымъ крикунамъ, ни правительству. Какъ люди самые умные и практическіе, бюргеры видѣли, что еще нѣтъ ничего серьознаго нигдѣ; но тѣмъ не менѣе имѣли всюду агентовъ и зорко всматривались во все.

Ламбертъ зналъ это.

Очень скоро часть бывшихъ народныхъ сенаторовъ Ресурсы проникла въ Замокъ и стала бесѣдовать съ Намѣстникомъ, по просту безъ затѣй, за чашкой чаю. Къ такимъ принадлежали, между прочимъ: Кронебергъ, Шленкеръ, Халубинскій, Вышинскій и Стецкій.

Мало по малу, въ Замкѣ явилась точно такая-же делегація, какая, въ Мартовскіе дни 1861 г., засѣдала въ Ресурсѣ, только не имѣла на этотъ разъ никакого опредѣленнаго титула и ограничивалась мѣньшимъ числомъ членовъ. Ее составило ядро тогдашней делегаціи, люди наиболѣе ворочавшіе въ Мартѣ всякими дѣлами.

Роль этой новой, маленькой делегаціи, была совершенно таже, что́ и большой, въ Мартѣ. Она также служила проводникомъ иныхъ мыслей умѣренной городской партіи въ Замокъ; также торговалась съ правительствомъ, также „заговаривала ему зубы“, объясняя всякій уличный безпорядокъ въ возможно-лучшую сторону, успокоивая Русскія власти и подавая имъ надежды, что все, въ самомъ непродолжительномъ времени, пойдетъ прежнимъ путемъ, тихо и мирно, лишь-бы правительство выслушивало совѣты сторонниковъ порядка и не предпринимало ничего рѣзкаго.

Главнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ были выборы и, вообще, реформы, которыя правительство намѣревалось ввести въ край. Намѣстникъ старался подготовить себѣ для этого въ городѣ надлежащую, сочувственную почву, дабы не встрѣтить затрудненій въ оппозиціи нѣкоторыхъ кружковъ, стоявшихъ отъ насъ далеко. Гости его, довольно-долгое время, не высказывались опредѣленно, видя въ пред-

стоящихъ реформахъ родъ западни, разставляемой правительствомъ всякимъ революціоннымъ попыткамъ, всему тому, что́, такъ или иначе, не безъ борьбы и тяжкихъ жертвъ, было завоевано краемъ.

Но, съ другой стороны, умѣренную часть населенія, которой гости Замка были представителями, страшили также и успѣхи красныхъ, начинавшихъ овладѣвать движеніемъ. При малѣйшемъ промахѣ, излишнемъ послабленіи ихъ шалостямъ, край могъ очутиться въ рукахъ необузданнаго, дикаго заговора, подъ начальствомъ Мирославскаго, и еще скорѣе потерять все пріобрѣтенное, надолго оборвать всѣ нити патріотическихъ работъ.

Такимъ образомъ, умѣренные видѣли себя между двухъ огней и не умѣли покамѣстъ опредѣлить, гдѣ менѣе опасности, куда пристать, въ чемъ спасеніе: въ манифестаціяхъ-ли, рука объ руку съ красными, въ открытой-ли и дерзкой борьбѣ съ правительствомъ, или въ наружномъ сближеніи съ нимъ и въ тайной, подземной интригѣ, въ дипломатическихъ, тонкихъ, почти невозможныхъ изворотахъ?

Время однако требовало отвѣта. Маевскій, измѣнившій своимъ окончательно, находилъ нужнымъ устроить по этому поводу съѣздъ въ Варшавѣ, вальный сеймъ; ибо сеймики (какъ онъ называлъ съѣзды помѣщиковъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ) не могли привести никакъ къ желанной цѣли—разрѣшить вопросъ: „что́ дѣлать?“

Но бѣлые были вездѣ и во всемъ бѣлые, тяжелые на подъемъ, не способные ни къ чему безъ сильнаго толчка извнѣ. Они собирались съѣхаться и не съѣзжались. Повторилось тоже самое, что́ было съ Земледѣльческимъ Обществомъ въ началѣ 1861 года [22]).

Мирославскій слѣдилъ за ходомъ революціонныхъ дѣлъ въ нашей Польшѣ. Отъ него не укрылось настроеніе умовъ умѣренной партіи, готовой протянуть руку правительству и тѣмъ, разумѣется, погубить возстаніе; не укрылись также

[22]) См. выше, стр. 212 и слѣд.

и побѣги нѣкоторыхъ агитаторовъ изъ краснаго лагеря въ бѣлый. Болѣе всего жаль ему было его нѣстичка, Маевскаго, этого отчаяннаго парня, не боявшагося ничего на свѣтѣ, неутомимаго, исполненнаго самоотверженія, котораго не охлаждали ни стѣны казематовъ, ни страхъ Сибири и висилицы. Чтобы воротить его и другихъ на „путь истинный“ и вмѣстѣ дать заговору надлежащее направленіе, Мирославскій тоже затѣялъ съѣздъ въ Гомбургѣ Гессенскомъ и звалъ туда недавняго друга и пріятеля.

Этотъ съѣздъ состоялся въ самомъ началѣ Сентября (10 или 11 по нов. ст.). Отяжелѣвшій отъ лѣтъ [23]) и высокаго чина, который носилъ въ эмиграціи съ сороковыхъ годовъ, Мирославскій лично не поѣхалъ въ Гомбургъ, а послалъ своего секретаря, Куржину, снабдивъ его всякими уполномочіями. Равно и Маевскій, поставившій себя въ фальшивое положеніе относительно старыхъ друзей, также не рѣшился отправиться на съѣздъ, а послалъ туда, вмѣсто себя, молодыхъ помѣщиковъ: Іосифа Калачковскаго и Станислава Карскаго, людей особой бѣлой партіи, о которой будетъ сказано ниже. Въ ту минуту оба эти лица и поѣхавшій съ ними какой-то Семинскій сливались въ работахъ съ „молодой шляхтой“ и много думали о затѣянной ими „организаціи“, которую обыкновенно называли народною [24]).

Они сообщили Куржинѣ все, что̀ знали о ходѣ повстанскихъ работъ въ краѣ и увѣряли, что эти работы скоро придутъ къ окончанію: „народная организація“ охватитъ своею сѣтью всю Польшу 1772 г., и тогда правительство попалось. Затѣмъ они просили оставить инициативу дѣйствій за краемъ, а не за эмиграціей. Но Куржина хотѣлъ другаго, а потому прибывшіе на Съѣздъ въ соглашеніе

---

[23]) Познанскій агитаторъ Александръ Гуттри, въ книгѣ своей Pan Ludwik Mierosławski (Drezno, 1870) говоритъ, что эта ociężałość была свойственна Мирославскому еще въ 1846 году, и чуть не погубила его (стр. 170).

[24]) Все это и нѣсколько ниже—преимущественно по Запискамъ Маевскаго и Авейде.

между собою войти никакъ не могли. Переговоры ихъ кончились ничѣмъ. Куржина отправился обратно въ Парижъ, а Калачковскій и прочіе въ Варшаву.

Мирославскій далъ знать красной партіи, чтобы она билась до послѣдняго издыханія и не выпускала изъ рукъ хотя того, что̀ пріобрѣтено, тревожа край время отъ времени манифестаціями и напоминая этимъ о себѣ какъ бѣлымъ, такъ и правительству; равно мѣшая, по возможности, осуществленію реформъ.

Красные и безъ того не разставались съ манифестаціями. Маевскій и другіе, утраченные краснымъ кружкомъ, были кое-какъ замѣнены. Изъ новыхъ агитаторовъ смотрѣлъ отчаяннѣе прочихъ Аполлонъ Корженевскій, ораторъ и писатель, незадолго передъ тѣмъ явившійся изъ Волыни. Онъ былъ человѣкъ не первой молодости, любилъ ходить въ простонародномъ платьѣ, въ длинномъ бѣломъ охабнѣ и высокой бараньей шапкѣ.

Сначала Корженевскій сошелся было съ Маевскимъ и былъ его усерднымъ поклонникомъ, но потомъ, увидя, что тотъ сближается съ бѣлыми и бываетъ на ихъ сходкахъ, бросилъ его и принялъ команду надъ осиротѣвшимъ кружкомъ Новаковскаго, гдѣ преимущественно сочинялись самыя грандіозныя манифестаціи. Корженевскій показалъ въ этомъ необыкновенную изобрѣтательность. Помощниками его были: Шахо̀вскій, Сикорскій, Шанявскій, Целецкій, братья Франковскіе и тому подобные ребята, не признававшіе надъ собою никакой власти и считавшіе красный комитетъ вовсе не краснымъ, а скорѣе бѣлымъ.

Этотъ кружокъ, самъ по себѣ, безъ всякаго приглашенія съ чьей либо стороны, счелъ нужнымъ усилить манифестаціи тотчасъ по прибытіи новаго Намѣстника съ реформами, дать рядъ такихъ спектаклей, которые выбили-бы сразу изъ головы новопріѣзжихъ всякую мысль объ успокоеніи края чѣмъ-нибудь такимъ, какъ выборы въ разные совѣты.

Рѣшено было возобновить молебствія за благоденствіе отчизны (nabożeństwa za pomyślność ojczyzny), удачно изобрѣтенныя кѣмъ-то еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, при Сухозанетѣ [25]), и они возобновились.

Начали *механики по устройству мельницъ и работники паровой мельницы на Лешнѣ*. Ихъ приглашеніе „помолиться за благоденствіе отчизны 5 Сентября н. ст. тамъ-то“ было снабжено рисункомъ, изображавшимъ мельника, который бросаетъ предметы своихъ занятій, надѣлъ конфедератку и вооружился косой. Сверху—гербъ Литвы и Польши, осѣненный терновымъ вѣнкомъ и двумя перекрещенными пальмами.

На другой день, 6 Сентября н. ст., въ новый 5622-й годъ Евреевъ, совершены ими (по внушенію того-же кружка) торжественныя молебствія за благоденствіе отчизны во всѣхъ синагогахъ, а въ главной, Даниловичевской, пропѣто Еврейское Boże coś Polskę, на Польскомъ языкѣ.

Затѣмъ послѣдовалъ небольшой промежутокъ [26]). 16 Сентября н. ст. явился скромный, безъ всякихъ рисунковъ, плакатъ *обойныхъ фабрикантовъ*, приглашавшій Варшавянъ „помолиться за благоденствіе отчизны въ Свенто-Кришскій костелъ.“

Въ тотъ-же день совершено подобное молебствіе у Піаровъ, на Свентоянской улицѣ, *цѣхомъ фортепьянныхъ мастеровъ*.

Такъ-какъ въ этихъ молебствіяхъ не было ничего особенно-возмутительнаго, то высшія власти смотрѣли на нихъ сквозь пальцы [27]), какъ на послѣднія конвульсіи умираю-

---

[25]) Первое такое молебствіе было у Кармелитовъ на Лешнѣ, 24 Іюня н. ст. 1861.

[26]) Такъ, по крайней мѣрѣ, по самому полному сборнику этихъ плакатовъ.

[27]) При всѣхъ подобныхъ безпорядкахъ, на улицу посылали обыкновенно офицера съ ротой солдатъ, всегда одного и тогоже, съ приказаніемъ «взглянуть что дѣлается и въ точности о томъ донести.» Этотъ офицеръ получалъ за всякую экспедицію по три рубля, а потому въ

щаго заговора, если онъ только былъ. Бѣлые, бюргерія, видимо стали подаваться на сторону правительства и обѣщали ему свою помощь въ дѣлѣ реформъ. Городъ сильно заговорилъ объ этомъ, раздѣлясь на двѣ рѣзкія половины. Одна стояла за реформы, за допущеніе выборовъ, находя ихъ „лучшимъ орудіемъ для борьбы, для завоеванія новыхъ уступокъ, подготовительнымъ дѣятелемъ революціи, дающимъ ей силы и средства“ [28]). Другая половина видѣла въ реформахъ одну только погибель всему, что было пріобрѣтено, реакцію, возвратъ къ безсмѣнной военной диктатурѣ.

Вальный сеймъ, къ которому давно приглашалъ умѣренныхъ Маевскій, сталъ теперь совершенно необходимъ. Надо было потолковать о томъ, какъ принять реформы, какъ устроить выборы, какія мѣры взять противъ городской оппозиціи, иначе: противъ красныхъ.

Значительное число помѣщиковъ съѣхалось наконецъ въ Варшаву и на первомъ-же, весьма-бурномъ засѣданіи (въ первой половинѣ Сентября по н. ст., близь того времени, когда происходилъ и Гомбургскій Съѣздъ) выбрало „делегацію“ изъ слѣдующихъ лицъ: Эдуарда Юргенса, Леопольда Кронеберга, Александра Куртца, Адама Гольца, Ѳадея Эйдзятовича и Карла Маевскаго [29]).

Маевскій, принятый въ этотъ кружокъ, на случай надобности имѣть дѣло съ ремесленниками и другими низменными слоями, гдѣ его любили и считали оракуломъ, былъ до того красенъ между бѣлыми (хоть и старался всячески побѣлѣть), до того выражался обо всемъ по своему, что

высшей степени аккуратно являлся съ ротой на мѣсто, гдѣ слышался какой-либо шумъ. Бо́льшею частію, уводя солдатъ по окончаніи происшествія, онъ выслушивалъ отъ народа свистки. «Что, говорили ему товарищи, когда онъ возвращался: освистали тебя опять?» — Мнѣ свищи, не свищи, отвѣчалъ онъ, а мы пошли себѣ по три рублика получать! (Разсказъ одного генерала, находившагося тогда въ Варшавѣ).

[28]) Авейде, II, 196.

[29]) Записки Маевскаго, IV, 28.

бо̀льшая часть новыхъ делегатовъ сильно на него косились и не совсѣмъ ему довѣряли, считая его скорѣе агентомъ красныхъ, нежели своимъ товарищемъ. Особенно не терпѣлъ его Кронебергъ и послѣ перваго засѣданія объявилъ, что выйдетъ въ отставку, если не устранятъ этого грубаго крикуна. Маевскій самъ понялъ, что стѣсняетъ своимъ присутствіемъ остальныхъ членовъ и, мелькнувъ на двухъ-трехъ засѣданіяхъ, пересталъ ходить.

Одновременно съ вальнымъ сеймомъ бѣлыхъ, красные устроили свой вальный сеймъ, на которомъ также выбрали делегацію или комитетъ, гдѣ изъ членовъ извѣстны: Аполлонъ Корженевскій, Витольдъ Марчевскій и Владиміръ Рольскій.

Обѣ делегаціи шли конечно другъ противъ друга войной. Бѣлая старалась расположить умы къ принятію реформъ, иначе сказать, къ открытію выборовъ, подготовить массы къ этому такъ, чтобы не вышло никакого скандала, и правительство могло бы обойтиться безъ рѣзкихъ мѣръ. Красные кричали, что выборамъ не быть, что они, въ крайнемъ случаѣ, разгонятъ ихъ палками. Шахо́вскій, замѣтивъ нѣкоторое колебаніе между своими, говорилъ, что онъ одинъ надѣлаетъ кутерьмы, а ужъ никакъ не позволитъ торжествовать противникамъ [30]). Какой-то Игнатій Квятковскій написалъ стихи „Чертово варенье“ (czarne powidła), которымъ грозилъ вымазать всѣхъ, кто станетъ за выборы.

Видя однако свою слабость, видя, что бѣлые часъ отъ часу выигрываютъ больше и больше по̀ля, что выборы такъ или иначе состоялись, команда Корженевскаго и Шахо̀вскаго рѣшилась на крайность: раздражить чѣмъ-нибудь правительство, вызвать новую стрѣльбу и этимъ, если не уничтожить начинающееся соглашеніе города съ За̀мкомъ, то хоть разстроить на время... а тамъ кто знаетъ, что̀ будетъ?

---

[30]) Показаніе Янчевскаго и нѣсколькихъ другихъ красной партіи.

18 Сентября н. ст. кондитеръ Ведель, на Медовой, отказался внести три рубли „на дѣло отчизны". Красные, въ раздраженіи своемъ противъ бѣлыхъ, сочли такой отказъ достаточной причиной собрать народъ и разбить кондитерскую. Тоже самое сдѣлано съ перчаточнымъ магазиномъ Островскаго, на Новымъ Свѣтѣ, и съ булочной Бартца на Маршалковской.

Въ послѣднемъ пунктѣ стеклись такія массы, что Намѣстникъ послалъ туда войска и артиллерію, подъ начальствомъ Севастопольскаго генерала Шейдемана, который очень сильно шумѣлъ, что ничего не можетъ предпринять [31]). Войска оставались на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока толпы не разошлись. Намѣстникъ далъ знать бѣлой партіи, что наступила минута открыть выборы. Если городъ не откроетъ ихъ самъ, то они будутъ открыты правительствомъ, при оглашеніи военнаго положенія. Бѣлые отвѣчали, что выборы непремѣнно начнутся завтра же, 19 Сентября.

Такъ какъ „избирательные списки" были уже составлены особой делегаціей, гдѣ болѣе всего хлопоталъ купецъ Осипъ Квятковскій, то осталось только напечатать и разослать разнымъ лицамъ билетики, кого на какія мѣста выбирать, дабы не произошло ошибки [32]). Это сдѣлано быстро, въ ту-же ночь, и утромъ, 19-го, выборы дѣйствительно начались съ 10-го, центральнаго цыркула Варшавы, гдѣ домъ графа Андрея Замойскаго.

Избиратели, въ томъ числѣ и самъ графъ Андрей, сошлись, для предварительныхъ совѣщаній, въ домѣ М. Х. Академіи, гдѣ теперь Первая Гимназія (у Коперника).

Корженевскій и Шахòвскій, съ нѣсколькими лицами той-же масти, намѣреваясь биться до конца, не уступать, пока

---

[31]) Разсказываютъ, что какой-то дерзкій молодой человѣкъ, взявъ стаканъ воды въ ближайшей кондитерской, поднесъ Шейдеману и сказалъ: «выпейте, успокойтесь!»

[32]) Въ собраніи плакатовъ, видѣнныхъ авторомъ, находились и эти билетики. Они напечатаны на плохой сѣрой бумагѣ, величиною въ визитный билетъ малаго формата. На каждомъ выставленъ цыркулъ и имя.

будетъ въ рукахъ хотя какое либо оружіе, собрали кучу всякаго народа передъ Академіей и вызвали къ себѣ графа Замойскаго „для объясненій“. Онъ вышелъ, сопровождаемый ксендзомъ Вышинскимъ [33]), и спросилъ у желавшихъ его видѣть, что́ имъ нужно? Корженевскій подалъ ему печатное Заявленіе народа къ избирателямъ (Mandat Ludu do Wyborcòw), прося пустить это въ ходъ передъ выборами; но графъ отвѣчалъ, что никакихъ заявленій ни отъ кого принять теперь не можетъ, что все что̀ слѣдуетъ сдѣлано, и предметъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ: измѣнить направленіе предстоящихъ выборовъ, или устранить ихъ ничто уже не сильно. Тогда Корженевскій и Шахòвскій принялись поспѣшно излагать содержаніе Заявленія, объявивъ, что народъ этимъ „напоминаетъ господамъ избирателямъ, чтобы они, созидая теперь муниципальный и прочіе совѣты, внушали всячески чинамъ, которые займутъ въ этихъ учрежденіяхъ различныя мѣста, что они поступаютъ на службу Царству Польскому нераздѣльно съ его провинціями, Литвою и Русью; что только такимъ образомъ Царство Польское можетъ принять участіе въ новыхъ учрежденіяхъ; всякое-же другое понятіе объ этомъ противно святымъ интересамъ отчизны“.

Когда они говорили, въ толпѣ раздавались временами восклицанія: „Хорошо, дѣльно говоритъ!“ Но когда сталъ говорить Замойскій, несравненно болѣе извѣстный городу, чѣмъ оба оратора и ихъ партія, раздались крики громче, кончившіеся общимъ гуломъ: „да здравствуетъ графъ Андрей!“ (Niech żyje hrabia Andrzej!) Это могло быть даже и подстроено особыми агентами бѣлой партіи. Корженевскій съ пріятелями ушелъ, разбитый въ пухъ, впрочемъ, по свойству своему, ничуть не унывая. Въ ихъ головахъ городились уже новые планы...

---

[33]) Стецкій ходилъ весь тотъ день передъ Ратушей, гдѣ должны были состояться выборы и уговаривалъ направлявшихся туда красныхъ не дѣлать безпорядковъ.

Избиратели, послѣ переговоровъ въ Академіи, перебрались въ Ратушу, и выборы по 10-му цыркулу совершились благополучно.

Замѣчательно, что первымъ выбранъ въ предсѣдатели Комитета владѣющихъ заставными листами, большинствомъ 1598 голосовъ противъ 2, нѣкто Войчицкій, незадолго передъ тѣмъ лишенный Велепольскимъ мѣста директора Публичной Библіотеки.

До такой степени не любили въ то время Велепольскаго, что стоило ему объявить себя противъ какого нибудь лица, и это лицо сейчасъ-же попадало подъ протекцію всего города. Еще до выборовъ, Войчицкій получилъ мѣсто библіотекаря при Виллановской библіотекѣ Потоцкихъ, съ жалованьемъ въ пять тысячъ злотыхъ. Графъ Людвигъ Красинскій (сынъ извѣстнаго поэта) назначилъ его также библіотекаремъ при своей Варшавской библіотекѣ, съ жалованьемъ въ 3.200 злотыхъ. Кромѣ того обѣщали ему мѣсто при театрѣ, въ 2.000 злотыхъ; а литераторы выдали въ пользу его сборникъ разныхъ статей.

На другой день и послѣ, выборы продолжались безъ всякой помѣхи. Выбирались конечно тѣ лица, которыхъ городъ хотѣлъ видѣть на томъ или другомъ мѣстѣ. Красные, тоже проникавшіе въ залу выборовъ, подавали голоса за Гарибальди, Высоцкаго, Мирославскаго, Клапку... [34]); но это, возбуждая легкіе взрывы смѣху, не прерывало занятій.

Дѣлать нечего: Корженевскій бросился въ манифестаціи. Хлынулъ цѣлый потокъ молебствій за благоденствіе отчизны.

20 Сентября н. ст. явился плакатъ друцяжей [35]), приглашавшій къ молебствію въ костелѣ Бернардиновъ и снабженный разными изображеніями: по одну сторону отъ текста стоялъ друцяжъ, въ бѣдной своей гунѣ, снявъ шляпу и опершись на палку; подъ ногами его лежали пальмовая и

---

[34]) Авейде, II, 193.

[35]) Объясненіе этого слова выше, стр. 225.

терновая вѣтви; за стѣною видѣлся змѣй, обвивающій разное повстанское оружіе, косы, сабли, пики. По другую сторону текста красовался гербъ Литвы и Польши; за нимъ развѣвались четыре знамени, изъ-за которыхъ выглядывалъ гербъ Кіева: Михаилъ Архангелъ (Русь). Внизу опять оружіе: косы, ружья и дубовая вѣтвь.

И какъ страненъ былъ подлѣ всѣхъ этихъ хитрыхъ воинскихъ аттрибутовъ бѣдный друцяжъ, снявшій шляпу, какъбы прося извиненія у публики, что онъ тутъ ни при чемъ и ничего не понимаетъ!

Послѣ того что̀ ни день, было нѣсколько молебствій. Рѣшительно всѣ городскія сословія, учрежденія, цѣхи, артели и общества служили по молебствію. Даже сочинялись общества и артели, какихъ не существовало [36].. Городъ до то-

---

[36]) Стоитъ закрѣпить печатью эти повстанскія изобрѣтенія того времени, едвали виданныя другими революціями. Вотъ какія общества и артели служили молебствія за благоденствіе отчизны, въ разныхъ костелахъ съ 25 Сентября н. ст. по день объявленія военнаго положенія, т. е. 14 Октября н. ст. 1861: Садовники города и окрестностей Варшавы.—Содержатели дружекъ.—Дѣвицы, занимающіяся шитьемъ женскихъ платьевъ.—Музыканты и артисты.—Артель столярныхъ мастеровъ.—Каммердинеры.—Крестьяне изъ окрестностей Варшавы.—Польскія матери.—Ювелиры, золотильщики и граверы на металлахъ.—Гребенщики.—Дѣвицы, занимающіяся полированіемъ золотыхъ вещей.—Воспитанницы высшаго женскаго пансіона.—Рѣщики на деревѣ, камнѣ и металлахъ.—Фурманщики, пивовары и извощики занимающіеся развозомъ по городу крѣпкихъ напитковъ.—Артель учениковъ съ мыловаренныхъ заводовъ Варшавы.—Инженеры, архитекторы, литераторы, живописцы и драматическіе артисты.—Экипажныхъ дѣлъ мастера.—Артель перевощиковъ по Вислѣ. Мастера, дѣлающіе зонтики. Мастера гипсовыхъ фигуръ. Рыбаки.—Чиновники всѣхъ вѣдомствъ.—Польскія дѣвицы и бѣдныя вдовы.—Ребята, разносящіе плакаты.—Парикмахеры съ ихъ подмастерьями и учениками.—Артель рабочихъ съ фабрики накладнаго серебра.—Бабы, торгующія крупою.—Одинъ изъ занимающихся гонкою водки.—Варшавскіе аптекари.—Крестьяне изъ деревни Чернякова.—Воспитанницы высшихъ и низшихъ женскихъ пансіоновъ.—Фабриканты золоченыхъ рамъ. Польская молодежь Моисеева закона.—Торговки овощами за Желѣзной Брамой (воротами.)—Артель ремесленниковъ и работниковъ газоваго освѣщенія.—Молодежь, учащаяся въ учебныхъ заведеніяхъ и въ домахъ родительскихъ.—Сапожныхъ дѣлъ мастера.—Братство Провидѣнія Господня.

го любилъ еще манифестаціи, что здѣсь партіи опять перемѣшались, и красные нашли себѣ усердныхъ помощниковъ въ кружкахъ, съ которыми сражались по дѣлу выборовъ.

Намѣстникъ не обращалъ никакого вниманія на эти шалости, казавшіяся ему ничтожными, какъ вдругъ красная партія затѣяла огромную манифестацію внутри края, съ тѣмъ чтобы поднять тамъ массы и разстроить выборы, которые шли довольно хорошо.

За недѣлю, или немного раньше до годовщины Городельскаго Съѣзда (торжества, установленнаго королемъ Сигизмундомъ Августомъ II, въ память соединенія Литвы съ Польшею) стало ходить повсюду слѣдущее курьезное воззваніе, сочиненное, какъ кажется, Корженевскимъ:

„Братья Поляки, Русины и Литвины! Важнымъ народнымъ торжествомъ было нѣкогда празднованіе годовщины соединенія Литвы съ Польшею, учрежденное королемъ Сигизмундомъ Августомъ II въ Люблинѣ. Самый актъ соединенія былъ только одною формальностію и какъ-бы закрѣпленіемъ дѣйствительнаго и добровольнаго слитія народовъ, подъ скипетромъ короля Владислава Ягелло. Неслыханными и небывалыми въ лѣтописяхъ судьбами, взаимная симпатія и мысль о свободѣ заняли здѣсь мѣсто насилія и побѣдъ. Оставить подобный фактъ безъ вниманія и не дать ему надлежащей оцѣнки въ настоящую минуту, не ознаменовать его народнымъ торжествомъ, значило-бы отказаться, передъ лицемъ Европы, народовъ и собственной совѣсти, отъ сво-

---

Можно замѣтить, что духовенство при этомъ отнюдь себя не забывало и ни разу не служило даромъ, напротивъ старалось взять побольше. Когда приказано было служить молебствіе фортепьяннымъ мастерамъ, старшина ихъ Сталь собралъ около полутораста рублей, причемъ иные подмастерья давали по три рубли, и отправился торговаться съ ксензами-миссіонерами ко Св. Кресту. Они запросили за обыкновенное богослуженіе 100 рублей, а съ хоральнымъ пѣніемъ семинаристовъ 150 руб. Сталю показалось это дорого; онъ обратился къ Піарамъ; они и отслужили ему молебствіе за 60 рублей. (Оффиціальные источники).

его прошедшаго и будущаго, въ одно и тоже время. А потому взываемъ нынѣ ко всѣмъ тремъ соединеннымъ народамъ, дабы они откликнулись нашему зову тѣмъ-же сердцемъ, какимъ ихъ предки откликались на Съѣздъ Городельскій, и надѣемся, что нашъ голосъ будетъ услышанъ всякимъ, кто только любитъ отчизну и свободу".

„Празднество сіе должно совершиться въ городѣ Городлѣ Надбужномъ, что̀ въ воеводствѣ Любельскомъ, землѣ Хелмской, 10 Октября сего 1861 года, которое соотвѣтствуетъ 2-му числу того-же мѣсяца по старому календарю, день „обхода" Городельской Уніи по лѣтописямъ".

„Для приданія съѣзду надлежащаго значенія, какого онъ заслуживаетъ, взываемъ прежде всего къ высокопочтенному духовенству Католическо-Славянскаго и Латинскаго исповѣданій, чтобы оно, сколько во уваженіе къ общимъ нашимъ страданіямъ и надеждамъ, сколькоже и для интересовъ церкви, тѣсно связанныхъ съ интересами Польши вообще, благоволило принять самое искреннее и торжественное участіе въ празднествѣ, отрядивъ отъ себя епископовъ и депутаціи капитулъ разныхъ монашескихъ орденовъ и всякихъ духовныхъ корпорацій ото всѣхъ эпархій прежней Польши".

„Взываемъ къ обществу ученыхъ и литераторовъ, къ университетамъ, редакціямъ Польскихъ и Русинскихъ журналовъ, ко всѣмъ обществамъ и кружкамъ промышленнымъ, къ городамъ и корпораціямъ Поляковъ Моисеева закона и вообще ко всякаго рода общественнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ какую-бы то ни было организацію: чтобы благоволили принять участіе въ Городельскомъ Съѣздѣ,ославъ отъ себя депутатовъ. Только такимъ образомъ учрежденный съѣздъ можетъ придать торжеству общественное и народное значеніе. Съ цѣлію оживить наши традиціи, а равно и для сообщенія торжеству историческаго и политическаго характера, приглашаемъ жителей всѣхъ княжествъ, воеводствъ и земель прежней Польши прибыть также въ Городло, въ видѣ представителей отъ своихъ мѣстъ. Депутаты отъ корпорацій,

земель и вообще представляющіе собою какое-либо сословіе или кругъ, имѣютъ увѣдомить о своемъ прибытіи въ Городло, 10 Октября, въ 9 часовъ утра, дабы каждый могъ занять соотвѣтственное назначеніе по программѣ".

„Княжества, воеводства и земли, долженствующія принять участіе въ торжествѣ, суть слѣдующія. Воеводства: Познанское, Калишское, Сѣрадзское, земля Добржинская. Воеводства: Плоцкое, Мазовецкое, земля Равская. Воеводства: Хелминское, Мальборгское, Поморское, Прусское, Краковское, земля Освѣцимская, Заторская. Воеводства: Сандомірское, княжество Сенявское. Воеводства: Куявское, Русское, земли: Жидачевская, Пршемысская, Галицкая, Хелмская. Воеводства: Волынское, Любельское, Белзское, Подлясское, Брацлавское, Черниховское, Виленское, Троцкое. Княжества: Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Витебское, Брестъ-Литовское, Мстиславское, Минское, Инфлянское. Княжество Курляндское."

„Трауръ на сей день снимается".

Такая затѣя: собрать въ одно мѣсто представителей всѣхъ земель бывшей Польши, манифестація, какой, по размѣрамъ, еще не было, потрясла всѣ нервы. Не только все красное, очутившееся между бѣлыми во время борьбы партій по дѣлу выборовъ, но и часть бѣлыхъ, какъ бѣлые есть, забывъ все на свѣтѣ, понеслись въ Городло. Никого такъ легко не поднять на какое-нибудь безумство, на праздное шатанье съ приключеніями, опасностями и кутежами, какъ Поляка. Ему дорого тутъ не столько дѣло, ради котораго сбираются, сколько процессъ самыхъ сборовъ и прибытія на мѣсто, театральная обстановка, эффектныя тревоги, шумъ прежде и послѣ. Нѣмца такъ легко не подымешь съ его логова: будь это купецъ, писатель, ничего недѣлающій помѣщикъ, или хоть даже революціонеръ, онъ все таки задастъ себѣ предварительно кое-какіе вопросы, осмотритъ предметъ съ разныхъ сторонъ. А тутъ, что называется, „изъ эвтого просто": закладывай таратайку, а не то и пѣшкомъ маршъ! Хоть на выстрѣлы!

Въ числѣ поскакавшихъ въ Городло былъ, между прочими, и Юргенсъ, недавно такъ горячо и усердно хлопотавшій о выборахъ. Можетъ быть, инымъ пришло на мысль, что народная организація „попалась“, протянувъ руку правительству; а потому они и вздумали „бѣжать“. Маевскій не поѣхалъ. Онъ просто уже боялся прежнихъ своихъ пріятелей.

Въ Варшавѣ очень скоро узнали, что въ Городлѣ и окрестностяхъ собралось множество всякаго народу, съ цѣлью устроить манифестацію на 10 Октября, и дѣлаются разныя къ тому приготовленія.

Этой „шалости“ нельзя было оставить безъ вниманія. Начальникъ главнаго штаба, по приказанію Намѣстника, послалъ къ начальнику Люблинскаго военнаго отдѣла, генералъ-лейтенанту Хрущову, такое предписаніе, отъ $\frac{14}{26}$ Сентября 1861, за № 1441 [37]):

„Здѣсь распространился слухъ, что въ мѣстечкѣ Городло начинаютъ строить тріумфальныя арки.... Если это дѣйствительно такъ, то его сіятельству угодно, чтобы всѣ подобныя сооруженія были немедленно разрушены до основанія“. „Командующій войсками [38]) поручаетъ вашему превосходительству лично прибыть въ Городло къ 28 Сентября и даже раньше, если найдете присутствіе ваше тамъ необходимымъ“. „Весьма желательно было-бы разсѣять толпы одними уговорами и увѣщаніями, но если это окажется невозможнымъ, въ такомъ случаѣ разрѣшаетъ прибѣгнуть къ силѣ оружія“. Генералъ Хрущовъ, получивъ эту бумагу, собралъ въ Городлѣ и близъ лежащихъ мѣстечкахъ слѣдующія войска: 1) Въ мѣстечкѣ Городлѣ — 6 ротъ Могилевскаго пѣхотн. полка, 4 орудія Донской № 6 батареи и 2 эскадрона драгунъ. 2) Въ Грубешовѣ, бывшій прежде отрядъ: эскадронъ драгунъ и 4 орудія Донской № 6 батареи.

---

[37]) Приводимъ въ сокращеніи.—Мѣстечко Городло Люблинской губерніи, Грубешовскаго уѣзда.

[38]) Графъ Ламбертъ.

Прибавлено 2 роты Могилевскаго пѣхотн. полка. 3) Въ деревнѣ Лушковѣ, эскадронъ драгунъ, наблюдать за переправой. 4) Для наблюденія за мѣстечкомъ Дубенкою и переправами вдоль Буга 30 козаковъ. 5) Для сформированія резерва приказано прибыть форсированнымъ маршемъ изъ Красностава двумъ эскадронамъ Харьковскаго уланскаго полка и сотнѣ козаковъ изъ Хелма [39]).

Готовились какъ-бы на войну: пушки, резервъ, форсированный маршъ, тогда-какъ нужно было (въ самомъ началѣ) всего на все пару расторопныхъ будочниковъ. Отъ этихъ войскъ были посылаемы въ разныя стороны кавалерійскіе разъѣзды, для развѣдыванія: не предпринимается ли гдѣ чего жителями?

Мѣстная повстанская организація (бѣлой партіи) устроила свои разъѣзды изъ молодыхъ помѣщиковъ, на бойкихъ коняхъ. Кучки такихъ хватовъ, человѣкъ въ 10—12, привлекли вниманіе одного драгуна, въ болотистой мѣстности, около деревни Гребенне, верстахъ въ шести отъ Городла, ночью съ 21 на 22 Сентября ст. ст., можетъ быть съ тѣмъ, чтобы утопить его въ трясинѣ. Драгунъ, желая отвязаться отъ нихъ, погрозился пистолетомъ, который нечаянно выстрѣлилъ. Повстанцы ускакали, и тѣмъ бы все должно и кончиться; но какъ-то случилось, что драгунскій выстрѣлъ, ночью, въ болотахъ, подъ деревней Гребенне, громко отдался въ Варшавскомъ Замкѣ [40]). Намѣстникъ испугался первоначальнаго своего предписанія о мѣрахъ противъ Городельскаго Съѣзда: чтобы излишнее усердіе тамошнихъ властей не испортило какъ-нибудь хода машины, которую такъ долго и съ такимъ трудомъ устанавливали три Намѣстника, не разстроило выборовъ, обѣщавшихъ окончиться благополучно. Опасенія его были усилены еще делегаціей, гостями Замка изъ среднихъ слоевъ Варшавскаго населенія, особенно черными Діоскурами, кото-

[39]) Рапортъ генерала Хрущова начальнику главнаго штаба, отъ 26 Сентября 1861, № 1380.

[40]) Узнали изъ донесенія Хрущова отъ 23 Сентября ст. ст. 1861.

рые въ эти минуты не дремали и которыхъ Польское сердце билось наравнѣ со всѣми другими, при слухахъ о затѣваемой краемъ удивительной манифестаціи, на память вѣкамъ, гдѣ, къ тому-же, будутъ неизбѣжными участниками ихъ близкіе друзья и соратники по духовному оружію.

Намѣстникъ велѣлъ своему начальнику штаба отправить къ Хрущову другое предписаніе, и оно отправлено, отъ 24 Сентября 1861, № 1506. Тамъ между прочимъ говорилось: „По докладѣ отзыва вашего превосходительства отъ 23 Сентября, его сіятельство изволилъ приказать, чтобы ваше превосходительство обратили особенное вниманіе на войска, собранныя нынѣ въ Городельскомъ отрядѣ и на то, что всѣ они, какъ пѣхота, такъ и драгуны, только-что прибыли изъ Россіи, а потому могутъ, не понимая еще отношеній нашихъ къ мѣстнымъ жителямъ, начать дѣйствовать оружіемъ, тогда-какъ этого слѣдовало бы избѣгать“... „Если, не взирая на всѣ предупредительныя мѣры, какъ выше изложенныя, такъ и другія, которыя ваше превосходительство предпримите, соображаясь на мѣстѣ съ обстоятельствами, процессія совершится, то разогнать ее кавалеріей, дѣйствуя съ фланговъ и тыла процессіи и избѣгать при этомъ столкновенія съ ксендзами и женщинами. Упорныхъ забирать подъ арестъ и отправлять въ Замосць, до рѣшенія ихъ участи Намѣстникомъ“.

Этимъ предписаніемъ сильно парализовалось первое, если только не уничтожалось вовсе: тамъ разрѣшали оружіе вообще, стало и огнестрѣльное; здѣсь дозволяли дѣйствовать одною кавалеріею, при чемъ упорныхъ забирать подъ арестъ, „избѣгая столкновенія съ ксендзами и женщинами“, тогда какъ ксендзы въ подобныхъ процессіяхъ составляютъ главное. Хрущовъ, получивъ такую бумагу, естественно растерялся. Можно было, конечно, развязать узелъ тѣмъ, что не допустить никакого сборища: перехватать зачинщиковъ, прежде нежели что-либо устроится. Ребята были точно въ чаду среди своихъ приготовленій; не думали ни о какихъ предосторожностяхъ и сами давались въ руки;

ихъ видѣлъ всякій, кто только хотѣлъ видѣть; ихъ можно было задержать еще въ Варшавѣ....

Но этого не сдѣлано. Съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ въ Городлу коноводы затѣи расположились въ ближайшихъ къ нему мѣстечкахъ и деревняхъ: Грубешовѣ, Степанковицахъ, Дубенкѣ, Лушковѣ, Голубковѣ и другихъ, гдѣ имѣли нѣсколько совѣщаній. Наконецъ все обдумано на общемъ собраніи въ Степанковицахъ, большомъ селеніи въ 20 верстахъ отъ Городла. Хотя стоящія повсюду войска представляли серьезное препятствіе, но, помня, что подобное препятствіе ничуть не помѣшало такому-же торжеству между Алексотой и Ковномъ, съѣхавшіеся положили двинуть двѣ процессіи въ Городло: одну изъ Степанковицъ, съ окрестными деревнями и мѣстечками; другую (отъ Руси) изъ Устилуга [41]), тоже съ разными околицами. Обѣимъ процессіямъ сойтись, если можно, въ Городлѣ, отслужить молебствіе и составить, въ память событія, актъ, который закрѣпить подписями участниковъ.

По этому плану, въ 5 часовъ утра, 10 Октября н. ст., Степанковицкая процессія, отслуживъ напутственное молебствіе въ мѣстномъ пирафіальномъ костелѣ (при чемъ Люблинскій капуцинъ, ксендзъ Фиделисъ, сказалъ рѣчь, исповѣдалъ братію и отпустилъ всѣмъ грѣхи) тронулась, съ хоругвями, крестами и народными знаменами, въ направленіи къ Городлу. На половинѣ дороги присоединились къ ней партіи изъ Грубешова и другихъ мѣстечекъ, отчего произошла небольшая остановка, и пробощъ изъ Красностава, ксендзъ Боярскій, сказалъ рѣчь, которою старался успокоить и одушевить собравшихся. За тѣмъ процессія, заключавшая въ себѣ, приблизительно, тысячъ до десяти народу [42]), двинулась далѣе.

Не доходя пяти верстъ до Городла, манифестаторы встрѣтили первый драгунскій пикетъ, который отъѣхалъ гало-

[41]) Устилугъ Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда.

[42]) Мы беремъ среднюю цифру между показаніями частныхъ лицъ и донесеніемъ Хрущова Намѣстнику.

помъ къ стоявшимъ вдали войскамъ. Тоже сдѣлали, встрѣченные потомъ, второй и третій пикеты. Когда осталось до линіи войскъ около версты, генералъ Хрущовъ подъѣхалъ со штабомъ къ головѣ процессіи и сказалъ громко, что „получилъ предписаніе Намѣстника не дозволять сбираться толпамъ въ Городлѣ, а если онѣ пойдутъ, то будетъ употреблена вооруженная сила".

Въ толпѣ поднялся страшный шумъ; но духовенство, успокоивъ крикуновъ, отдѣлило отъ себя нѣсколько депутатовъ для объясненія съ генераломъ, которые, приблизясь къ нему, объявили, что „находящіеся въ процессіи люди пришли въ городъ помолиться, и болѣе ничего; что молиться не запрещено".

Хрущовъ отвѣчалъ имъ, что „правительство допускаетъ только установленныя церковью духовныя процессіи, не имѣющія при томъ политическаго, демонстраціоннаго характера, а настоящая процессія выходитъ изъ этихъ условій, вслѣдствіе чего онъ никоимъ образомъ въ городъ ея не пропуститъ".

Тогда ксендзъ Боярскій, бывшій между депутатами, спросилъ у генерала: „можетъ ли онъ дать имъ честное слово, что дѣйствительно получилъ приказаніе не пропускать въ городъ процессіи?" Хрущовъ далъ. Послѣ этого ксендзы стали просить позволенія отслужить молебствіе въ полѣ. Генералъ разрѣшилъ это и даже позволилъ одному изъ ксендзовъ съѣздить, въ сопровожденіи козаковъ, въ городъ за алтаремъ и церковной утварью. Привезенный алтарь былъ поставленъ на холмѣ, между дорогами, ведущими въ Городло изъ Степанковицъ и Дубенки, въ верстѣ отъ войскъ. Народъ расположился вокругъ алтаря, воткнувъ въ землю хоругви и знамена, которыхъ было 54; а далѣе стали, въ видѣ ограды, экипажи, числомъ около тысячи. Богослуженіе совершено ксендзомъ Аницетомъ, капуциномъ изъ Люблина, и уніатскій ксендзъ изъ Хелма, Лаурисевичъ [43]),

[43]) Ксендзъ Станиславъ Лаурисевичъ, пріятель Маевскаго, былъ, по

сказалъ проповѣдь, въ которой объяснилъ собравшимся политическое значеніе съѣзда, важность минуты и чего она требуетъ отъ Поляковъ. Послѣ него говорили рѣчи, въ томъ же духѣ: Люблинскій помѣщикъ Грегоровичъ и обыватель Ченстохова, Эдуардъ Ставецкій. По окончаніи всего (около двухъ часовъ по полудни) на мѣстѣ молебствія водруженъ огромный дубовый крестъ изъ деревьевъ, срубленныхъ въ сосѣднемъ лѣсу, и освященъ вмѣстѣ со знаменами. Потомъ подписанъ актъ или протестъ, составленный еще въ Степанковицахъ четырьмя лицами: Грегоровичемъ, литераторомъ Бржозовскимъ, воспитанникомъ Художественной Школы Шахóвскимъ и ученикомъ Реальной гимназіи Сикорскимъ.

Протестъ этотъ былъ таковъ: „Мы, нижеподписавшіеся, делегаты земель и повѣтовъ Польши, въ томъ ея составѣ, какой она имѣла до раздѣленія, собравшись въ Городлѣ, 10 Октября 1861 г., въ 448-ю годовщину соединенія Литвы съ Польшей, объявляемъ симъ актомъ и утверждаемъ собственноручными подписями, что унія, соединившая всѣ Польскія земли, возобновляется нынѣ, на основаніи признанія правъ всѣхъ народовъ и исповѣданій, образуя тѣснѣйшій союзъ, который имѣетъ цѣлію освобожденіе отчизны и пріобрѣтеніе для нея полной независимости. Права наши поручаемъ совѣсти народовъ и благоусмотрѣнію конституціонныхъ правительствъ“ [44]).

Ко всему этому можно прибавить, что въ разныхъ пунктахъ на совѣщаніяхъ манифестаторовъ происходили между партіями горячія схватки, и одна изъ нихъ, между сторонниками Корженевскаго [45]) и Юргенса, едва не кончилась

словамъ послѣдняго, главнымъ распорядителемъ Городельской манифестаціи. III, 27.

[44]) Свѣдѣнія изъ донесенія генерала Хрущова Намѣстнику, отъ 30 Сентября 1861; изъ особой записки, составленной на мѣстѣ однимъ очевидцемъ, изъ частныхъ разсказовъ и печатныхъ источниковъ.

[45]) Кажется, Корженевскаго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ правительствомъ. Онъ велъ себя въ иныхъ случаяхъ дѣйствительно очень странно.

кровавымъ побоищемъ. Общее примиреніе послѣдовало на обѣдѣ, въ Люблинскомъ городскомъ клубѣ, 12 Октября н. ст., гдѣ всѣ (числомъ, какъ говорятъ, до тысячи человѣкъ) перепились и стали обниматься и проливать слезы. Иные произносили рѣчи, смыслъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы „всѣмъ какъ можно скорѣе организоваться революціонно и слиться съ хлопами.“

Разставаясь, они давали другъ другу słowo honoru собраться точно также и въ будущемъ 1862 году.

13 Октября н. ст. была отслужена въ Люблинскомъ Доминиканскомъ костелѣ обѣдня, послѣ которой собирались подписи на Городельскомъ протестѣ отъ крестьянъ и мѣщанъ. Три экземпляра протеста, съ 8 тыс. подписей на каждомъ, отправлены въ Парижъ, Лондонъ и Геную.

Другая процессія, собравшаяся въ Устилугѣ и окрестностяхъ, подойдя къ Бугу и встрѣтивъ тамъ охранявшія переправу войска, воротилась назадъ, отслужила молебствіе въ часовнѣ на кладбищѣ и составила свой особый протестъ въ слѣдующемъ видѣ:

„*Протестъ*.“

„Учиненъ сей на границѣ Городла Надбужного, что̀ въ воеводствѣ Любельскомъ, землѣ Хелмской, Октября 10 дня 1861 года. Земли, составлявшія во время Городельскаго съѣзда, въ 1418 году, Польшу, Литву и Русь, каковый съѣздъ Польшу, Литву и Русь воедино, неразрывными узами, связалъ, а именно: воеводства Познанское, Калишское Сѣрадзское, земля Добржинская и т. д. [46]), бывъ нынѣ вызваны своими делегатами, собрались, въ лицѣ представителей отъ всѣхъ духовныхъ корпорацій, а равно депутацій отъ разныхъ литературныхъ обществъ, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, Медико-хирургической Академіи, редакцій Польскихъ и Русинскихъ журналовъ; депутацій всевозможныхъ цѣховъ и разнаго рода кружковъ, имѣющихъ какую-либо организацію, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами народа всѣхъ исповѣданій, собрав-

[46]) Какъ въ Воззваніи.

шись же двинулись, подъ знаменемъ Христа Спасителя и соотвѣтственныхъ религіозныхъ инсигній, торжественнымъ, процессіональнымъ ходомъ, по направленію къ Городлу, дабы, въ 448-ю годовщину нашего соединенія, возблагодарить Всевышняго, что Онъ сохранилъ всѣхъ насъ въ той-же любви и братствѣ, не смотря на гибельное вліяніе трехъ непріязненныхъ державъ, и у подножія Его алтаря молить о всеобщемъ нашемъ воскресеніи; но встрѣченные войсками, не можемъ перебраться на ту сторону рѣки и слѣдовать въ Городло. На границѣ приснопамятнаго соединенія тѣхъ народовъ возобновляемъ Городельскій актъ во всей его силѣ и обширности. Протестуемъ противу насилія и утѣсненія нашихъ правъ, противу жестокихъ мѣръ правительства, противъ самовольнаго раздѣленія Польши и желаемъ возвращенія ея независимости. Такъ-какъ сей актъ не можетъ быть, при настоящемъ положеніи дѣлъ, препровожденъ куда слѣдуетъ, яко составленный въ краю, управляемомъ деспотически и не имѣющемъ народнаго представительства, то онъ явится во всѣхъ заграничныхъ изданіяхъ, да вѣдаютъ объ немъ алчныя правительства, по милости которыхъ раздаются вопли угнетеннаго народа“ [47]).

*

Въ это-же самое время, какъ-бы нарочно для приданія силы краснымъ, для выручки погибавшаго заговора, произошло въ Варшавѣ событіе, которое вызвало рядъ манифестацій и перевернуло весь ходъ дѣлъ.

5 Октября н. ст. умеръ архіепископъ Фіалковскій. Это былъ человѣкъ безъ всякихъ способностей и при томъ чрезвычайно слабохарактерный. До 1861 года мало кто имъ занимался. Событія 1861 года, къ которымъ онъ отнесся сочувственно, отдавъ себя въ полное распоряженіе нѣсколькихъ бойкихъ канониковъ (болѣе всего Дзяшковскаго и

---

[47]) Подлинникъ можно видѣть въ брошюрѣ: Wiadomosci z kraju, стр. 20—26. Тамъ же подробности объ Устилужской процессіи. Тоже порусски въ Библ. для Чтенія 1864, Февраль, стр. 29—33.

Секлюцкаго) измѣнили взглядъ Поляковъ на слабаго архіепископа. Читатели припомнятъ, что онъ первымъ подписалъ адресъ къ Государю. Послѣ этого его именемъ дѣлалось очень многое, о чемъ онъ иногда и не зналъ: разсылались циркуляры, налагался и снимался трауръ; разрѣшалось пѣніе патріотическихъ гимновъ въ костелахъ; ему приписывали и разныя патріотическія заявленія, слова, фразы, которыхъ онъ или не произносилъ вовсе, или произносилъ въ другомъ смыслѣ. Впрочемъ, бывали минуты, когда онъ и самъ, воображая, что призванъ разъиграть чрезвычайную роль, вдавался въ непростительныя ошибки и увлекался подѣтски. Естественно, что смерть такого лица была для красной партіи истиннымъ ударомъ. Прежде чѣмъ обдумывать вопросъ, какія принять мѣры, чтобы это несчастіе было наименьше чувствительно для заговора, все, что̀ осталось въ Варшавѣ краснаго, по отбытіи многихъ агитаторовъ подъ Городло, нашло необходимымъ извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго факта смерти: сочинить манифестацію, или даже цѣлый рядъ манифестацій, поярче и покрупнѣе, на сколько удастся, и этимъ помочь Городлу, затормозить хотя на время выборы, развлечь бѣлыхъ и правительство.

Сначала пущено въ ходъ, во множествѣ печатныхъ экземпляровъ, краткое описаніе жизни покойнаго архіепископа, въ повстанско-панегирическомъ духѣ [48]). Потомъ разсѣяны по городу и наклеены на самыхъ видныхъ мѣстахъ траурныя объявленія о смерти, называемыя у Поляковъ клапсидрами, гдѣ сообщалось, со всѣми подробностями, въ какіе часы и въ какомъ мѣстѣ будутъ служиться панихиды, съ понедѣльника до четверга. Наконецъ разосланы въ разные города и мѣстечки приглашенія къ жителямъ всѣхъ чиновъ и сословій прибыть въ Варшаву, къ такому-то числу, для присутствованія на торжественныхъ похоронахъ „достойнаго вѣчной памяти и вѣчныхъ слезъ архіе-

[48]) Въ Русскомъ переводѣ въ Библ. для Чтенія 1864, Февраль, 23—24.

пископа, который, въ настоящую минуту замѣшательствъ и борьбы съ правительствомъ, изображаетъ для края особу почившаго примаса, а примасъ, въ такое время, т. е. въ междуцарствіе, замѣняетъ короля; стало, и похороны его будутъ соотвѣтствовать пышностію и значеніемъ похоронамъ королевскимъ“ [49]).

Случайно, или неслучайно, днемъ этихъ похоронъ назначено тоже самое число 10 Октября—годовщина Городельскаго съѣзда.

Нечего и говорить, что отовсюду повалилъ народъ. По Варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ прибыло, наканунѣ погребенія, около 700 человѣкъ разнаго званія изъ Ченстохова, Кутна, Скерневицъ, Шлешина, Сломниковъ. Потомъ прибыли представители всевозможныхъ сословій изъ Пулавъ, Черска, Грубешова, Бомбковъ, Лодзи, Езёрковъ, Компина, Медзишина, Пясечна и Виллянова. Каждая партія имѣла во главѣ ксендза. Вилляновская партія вступила въ городъ со знаменемъ, распѣвая патріотическіе гимны [50]). Наплывъ такихъ гостей въ Варшаву былъ до того великъ, что многіе едва находили себѣ помѣщеніе.

Генералъ-губернаторъ, предвидя манифестацію, хотѣлъ было самъ составить программу похоронъ и принять мѣры, чтобы она была исполнена во всей точности, буква въ букву. Но духовенство, черезъ извѣстныхъ читателю агентовъ своихъ въ Замкѣ, упросило Намѣстника предоставить составленіе программы похоронъ городу, завѣряя всѣми святыми, что ничего неприличнаго и противузаконнаго при этомъ не произойдетъ. Намѣстникъ, разрѣшая это, выразилъ однако-жъ желаніе, чтобы составленный городомъ церемоніалъ былъ предварительно сообщенъ генералъ-губернатору для просмотра и подписи.

---

[49]) Авейде, II, 145, примѣчаніе.

[50]) Деревня Виллянов, принадлежащая нынѣ графинѣ Августовой Потоцкой, находится всего въ 10 верстахъ отъ Варшавы. Замѣчательна дворцомъ короля Яна III Собѣсскаго, садомъ и паркомъ, гдѣ нѣкоторые тополи посажены рукою этого короля.

Сейчасъ, какъ водится, явился по этому поводу особый комитетъ, изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, въ которомъ очень видную роль игралъ купецъ Осипъ Квятковскій. Принялись разрѣшать трудную задачу: составлять церемоніалъ такого свойства, чтобы имъ удовлетворить, по возможности, и себя и правительство. Само-собою разумѣется, что воображеніе составителей, при всякомъ пунктѣ, рвалось дальше, чѣмъ позволяли обстоятельства и рисовало разныя соблазнительныя добавленія, что́ иными и высказывалось тутъ-же вслухъ, возбуждая общія пріятныя улыбки. Но въ концѣ концовъ, всѣ безпокойные порывы укрощены: церемоніалъ составленъ довольно-приличный. Герштенцвейгъ прочелъ его и подписалъ. Разныя игривыя добавленія составители предоставляли судьбѣ, случаю, чьему-либо сверхъ-штатному распоряженію, которое вѣроятно не заставитъ себя долго ждать.

И точно: нѣсколькими часами позже собрался другой комитетъ, гдѣ именно было разсуждаемо о томъ, что́ такое прибавить къ правительственному церемоніалу и какъ распорядиться, чтобы этому никто не воспрепятствовалъ; и очень можетъ быть, что нѣкоторыя лица, незадолго передъ тѣмъ засѣдавшія въ томъ комитетѣ, предложили и здѣсь кое-какіе соображенія, уже позволивъ воображенію своему разыграться вполнѣ. Что́ было придумано, мы увидимъ ниже.

Четыре дня сряду совершались торжественныя панихиды на дому архипастыря, въ архіепископскомъ палацѣ, на Медовой. Стеченіе народу было огромное.

Наступило наконецъ 10 Октября. Съ самаго ранняго утра, народные констабли, кѣмъ-то мгновенно сочиненные, безъ спросу у правительства, подъ командой Осипа Квятковскаго, Ѳомы Лебрюна и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ обывателей, бѣгали по улицамъ и приказывали купцамъ запирать лавки, а хозяевамъ разныхъ ремесленныхъ заведеній распускать рабочихъ. Кто не слушался, того заставляли силой. На Огродовой улицѣ эти констабли разби-

ли винный погребъ купца Кноля, который отказался повиноваться ихъ приказаніямъ. На рынкѣ за Желѣзной Брамой, вслѣдствіе такого-же упорства и неповиновенія, разбросана и переломана констаблями деревянная посуда одного бондаря. На Сольной улицѣ, гдѣ что-то строилось, констабли раскидали известку и мазали ею рабочихъ, которые не хотѣли разойтиться по домамъ [51]).

Къ тремъ часамъ по полудни все было въ томъ видѣ, какой требовался для предстоящей церемоніи.

Процессія тронулась изъ архіепископскаго палаца на лѣво, улицами: Долгой, Пршеяздомъ, Бѣлянской, Тлумацкой, Лешномъ, Римарской, Сенаторской, Вержбовой, Саксонскою площадью, Краковскимъ предмѣстьемъ, мимо Замка, въ Фару [52]).

Впереди шли, какъ и при погребеніи пяти жертвъ, сироты и старцы Варшавскаго Благотворительнаго Общества, со всѣми членами этого общества. За тѣмъ слѣдовали учебныя заведенія обоего пола. Реальная Гимназія несла прикрѣпленную къ палкѣ таблицу съ гербомъ Литвы и Польши [53]). Студенты Медико-Хирургической Академіи несли знамя съ Польскимъ орломъ и трехцвѣтными лентами. За ними шла Художественная Школа, Земледѣльческое Училище съ Маримонта; Варшавскаго Консерваторія съ ея директоромъ; разные артисты и литераторы, штатъ городскихъ врачей, цѣхи со знаменами, которыя тоже были украшены Польскими орлами и увиты трехцвѣтными и траурными лентами. Братства. Члены литературной архиконфратерны. Делегація погребальнаго комитета. Орденъ сестеръ Фелиціанокъ. Орденъ Варшавскихъ Сестеръ Милосердія. Черное духовенство. Бѣлое духовенство. Профессора Духовной Академіи. Капитула. Духовное лицо, исполняющее обрядъ погребенія. Крестъ архіепископа, не-

---

[51]) Дѣло А. В. № 7.

[52]) Обыкновенное, народное названіе Свенто-Янскаго костела.

[53]) Начинаются «добавленія.»

сомый однимъ изъ митрополитальныхъ канониковъ. Гробъ на плечахъ; для порядка при немъ часть погребальной делегаціи. Терновые вѣнцы на подушкахъ. Двѣ короны, Польская и Литовская, также на подушкахъ; при нихъ какъ-бы объясненіе, гербы Литовскій и Польскій, тоже на подушкахъ. За гробомъ шло семейство покойнаго, правительственныя лица и народъ. Тутъ-же слѣдовалъ и катафалкъ.

На Банковой площади встрѣтило процессію Еврейское духовенство, имѣвшее также таблицу съ гербомъ Литвы и Польши, и двинулось, согласно своимъ постановленіямъ, непосредственно за гробомъ. Въ Фару оно конечно не входило [54]).

Графъ Ламбертъ хотѣлъ лично присутствовать на церемоніи, со своимъ штабомъ, и уже надѣлъ-было мундиръ; на дворѣ Замка приготовлено было до пятнадцати верховыхъ лошадей, какъ вдругъ ему донесли объ измѣненіи программы похоронъ: графъ снялъ съ себя мундиръ, надѣлъ сертукъ и сѣлъ подъ окошко. У другихъ оконъ размѣстились, вооружась биноклями, Герштенцвейгъ, Крыжановскій, Велепольскій, Потаповъ, прибывшій не за долго передъ тѣмъ для преобразованія Варшавской полиціи, и еще нѣсколько высшихъ военныхъ чиновъ. Всѣ окна были заняты зрителями. Когда процессія поравнялась съ Замкомъ, нѣкоторые изъ упомянутыхъ лицъ молча переглянулись....

На другой день, 11 Октября, отслужена торжественная панихида епископомъ Декертомъ, занявшая три часа времени, отъ 7 до 10 утра. За тѣмъ послѣдовала „великая обѣдня-сумма“ и заключительное молебствіе, называемое „Kondukt Castrum Doloris“ что́ заняло 2½ часа. Въ половинѣ перваго пополудни совершилось положеніе тѣла въ склепахъ митрополитальныхъ.

---

[54]) Бо́льшія подробности погребенія можно видѣть въ Варшавской Газетѣ 1861, №№ 242 и 243.

Въ промежуткѣ этихъ богослуженій произнесено двѣ проповѣди: одна епископомъ Платеромъ, а другая каноникомъ Ржевускимъ, съ различными патріотическими намеками и заявленіями,

Все время шелъ сборъ денегъ „на дѣло отчизны“, а разная молодежь, бродя по костелу, напоминала народу о предстоящихъ близкихъ торжествахъ: годовщинѣ Костюшки, 15 Октября, и годовщинѣ Понятовскаго, 19 того же мѣсяца.

Въ два часа по полудни помѣщики отправились, съ пріѣхавшими крестьянами, въ Европейскую гостинницу, гдѣ ждалъ ихъ великолѣпный обѣдъ на 200 кувертовъ. Въ числѣ угощавшихъ суетился болѣе всѣхъ помѣщикъ Ловичскаго уѣзда Варшавской губерніи, Августъ Завиша, братъ Артура Завиши, павшаго жертвою патріотическаго увлеченія, въ 1833 году.

Среди обѣда, одинъ почтенный крестьянинъ всталъ и сказалъ: „Теперь, точно, вы съ нами въ ладахъ, господа; но когда-дойдетъ до ч е г о, какъ-бы не случилось, что въ 1831 году; подбить вы насъ подобьете, а потомъ и бросите на съѣденіе Москалямъ!“

Кромѣ этого обѣда дана была, въ той-же гостинницѣ, студентами Медико-хирургической Академіи и старшими учениками Реальной Гимназіи особая закуска Вилляновскимъ поселянамъ, при чемъ извѣстный читателямъ сапожникъ Гишпанскій произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ присутствующихъ „жить съ помѣщиками какъ-можно согласнѣе и не пренебрегать обществомъ Евреевъ.“

Въ пятомъ часу крестьяне, разумѣется, сильно подгулявшіе, вышли изъ гостинницы и крича: „да здравствуетъ Варшава!“ усѣлись въ приготовленные заранѣе три омнибуса и нѣсколько дрожекъ и отправились: часть на станцію Варшавско-вѣнской желѣзной дороги, а другая (Вилляновскіе) къ Мокотовской заставѣ. На козлахъ передоваго

омнибуса сидѣлъ крестьянинъ, съ бѣлымъ знаменемъ, которое получили угощаемые отъ помѣщиковъ за обѣдомъ. Виллановскіе имѣли свое знамя, то самое, съ которымъ они вошли въ Варшаву, какъ было разсказано выше. Оффиціальный повстанскій фотографъ того времени, Байеръ, снялъ весь этотъ поѣздъ.

Такъ кончились невѣроятные дни 10 и 11 Октября. Городъ опять потерялъ голову, какъ въ Февралѣ, послѣ манифестаціи похоронъ пяти жертвъ. Опять партіи смѣшались, и строго отдѣлить, гдѣ красные и гдѣ бѣлые, было тогда очень трудно. Выборы конечно были забыты. Шахо́вскій съ товарищами потирали руки. Вся масса Варшавянъ, за самыми незначительными исключеніями, думала только о томъ, какъ бы продолжить манифестаціи. Вездѣ ходили по рукамъ печатныя и письменныя объявленія, возвѣщавшія о панихидѣ по Костюшкѣ на 15 Октября и о какомъ-то стихотвореніи въ честь этого героя, отпечатанномъ въ типографіи Польскаго Банка. Въ особенности показалось много такихъ плакатовъ 13 Октября.

Намѣстникъ рѣшился положить предѣлъ безпорядкамъ. Онъ приказалъ, вечеромъ 13 Октября н. ст., директору своей канцеляріи, д. с. с. Казачковскому, изготовить все, что̀ нужно, для объявленія военнаго положенія на другой день утромъ, 14 Октября, и объявить его, разославъ на разсвѣтѣ печатные экземпляры во всѣ дома.

Написанное еще въ Мартѣ того года, военное положеніе было теперь немного измѣнено и отпечатано къ утру, 14-го, въ столькихъ экземплярахъ, сколько въ Варшавѣ домовъ, кромѣ экземпляровъ для плакардированія по стѣнамъ. Каждый домохозяинъ получилъ отдѣльный листъ и на немъ расписался—мѣра, принятая затѣмъ, чтобы послѣ никто изъ домохозяевъ не могъ отговариваться невѣдѣніемъ [55]).

---

[55]) Сообщено автору самимъ Казачковскимъ. Нѣкоторыя подробности распоряженій по введенію военнаго положенія можно также видѣть въ приказѣ Варшавскаго оберъ-полиціймейстера отъ 1 (13) Октября 1861,

Военнымъ положеніемъ запрещались всякія сборища, пѣніе возмутительныхъ гимновъ, денежные сборы, распространеніе плакатовъ и т. п. Военнымъ начальникамъ предоставлялось право принимать всѣ полицейскія мѣры, какія они признаютъ въ данномъ случаѣ нужными для водворенія спокойствія. Они могли запирать, когда вздумается, лавки, кофейни и прочія публичныя заведенія; воспрещать собранія въ частныхъ и публичныхъ домахъ, производить во всякое время у жителей обыски, всѣхъ подозрительныхъ и празнопроживающихъ подвергать аресту; въ случаѣ сопротивленія власти, прибѣгать къ оружію.

Сверхъ того, отдѣльнымъ приказомъ полиціи, объявлены всѣ шинки, баваріи, сады Саксонскій и Красинскій закрытыми, впредь до особаго распоряженія. Извощикамъ предписывалось: останавливаться мгновенно по требованію полицейскихъ чиновъ, кого-бы они ни везли. Студентамъ запрещалось безъ особенной надобности выходить на улицу. Болѣе трехъ человѣкъ не должны были нигдѣ сходиться и разговаривать.

Когда все это оглашалось, войска занимали означенные въ особомъ приказѣ по арміи пункты, и Варшава приняла въ другой разъ видъ осажденнаго города. Жители смотрѣли на это и какъ-бы не вѣрили глазамъ, но струсили всѣ. День прошелъ мирно.

Въ теченіи его красные совѣщались. „Что дѣлать? Идти дальше тѣмъ-же путемъ, или пріостановиться? Шутитъ, или не шутитъ правительство?“ Поблажекъ было оказано столько, что представлялось невозможнымъ, чтобы тѣ же самыя власти, которыя были такъ долго терпѣливы и сни-

---

напечатанномъ во всѣхъ Варшавскихъ газетахъ. Казачковскій подалъ Намѣстнику еще прежде записку о необходимости военнаго положенія, составленную подъ его редакціей разными чиновниками канцеляріи Намѣстника и генералъ-губернатора. Эта записка напечатана въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ», 1869. IV, 157.

сходительны, вдругъ, за одну ночь, измѣнились совершенно. Между-тѣмъ манифистація на годовщину Костюшки такъ хорошо уложилась во всѣхъ головахъ, такъ дразнила разными подробностями повстанское воображеніе...

По обсужденіи вопроса со всѣхъ сторонъ, рѣшили попробовать устроить что̀ м о ж н о, ч т о̀ д а с т с я, и съ этой цѣлію осправили, часу въ 9-мъ утра, въ костелы Свенто-Янскій, Бернардинскій и Свенто-Кришскій кучу ребятишекъ и женщинъ, которымъ велѣли запѣть, въ извѣстный моментъ, гимны. „Что будетъ?“ Но юные и неопытные менѣры не могли сдѣлать ничего: никакого пѣнія у нихъ не выходило. Тогда старшіе не выдержали: вошли въ костелы массой, увлекая туда-же бродившій уныло по улицамъ народъ, гдѣ были люди всякаго званія, и гимны, около 11-ти часовъ дня, раздались во всѣхъ костелахъ, съ подобающею торжественностію. Въ соборѣ Св. Яна. на мѣстѣ портрета покойнаго архіепископа, при катафалкѣ (котораго нарочно не убирали) явился портретъ Костюшки.

Намѣстникъ и генералъ-губернаторъ были немедля обо всемъ этомъ увѣдомлены. Ими приказано: „Въ точности слѣдовать постановленію, выданному особо на случай сборищъ въ костелахъ, т. е. окружить костелы (гдѣ поются гимны) войскомъ и когда служба кончится и народъ станетъ выходить, арестовать всѣхъ взрослыхъ мущинъ, не трогая женщинъ и дѣтей“ [56]).

Такъ и сдѣлали: ко всѣмъ сказаннымъ костеламъ приведены войска, и имъ отдано недлежащее приказаніе. Въ то-

---

[56]) Вотъ это постановленіе вполнѣ: «§ 10. Во всѣ костелы отрядить полицейскія команды, кои должны, въ случаѣ пѣнія запрещенныхъ гимновъ, давать знать ближайшему начальнику войскъ, который посылаетъ къ тому костелу, гдѣ поются гимны, войско. Войско внутрь костела не входитъ, но, при выходѣ оттуда народа, арестуетъ мущинъ, пропуская женщинъ и дѣтей. При этомъ, если можно, присутствуетъ одинъ изъ полицеймейстеровъ. Во всякомъ случаѣ долженъ быть непремѣнно цыркуловый комисаръ» (полицейскій офицеръ, выше нашего квартальнаго надзирателя и ниже частнаго пристава).

же время коноводы манифестаціи отдали народу свое приказаніе: „не выходить, не выдавать!“

Служба кончилась, но изъ костеловъ никто не показывался. Такъ прошелъ день и наступила ночь. Солдаты поставили ружья въ козлы и разложили по улицамъ, противъ окруженныхъ костеловъ, огни. Въ городѣ была мертвая тишина, но никто не спалъ.

Замокъ, гдѣ собрались всѣ высшіе военные и гражданскіе чины изъ Русскихъ, не безъ страха прислушивался къ этой роковой тишинѣ, которую нарушали изрѣдка развѣ звонъ чьей-нибудь сабли о мостовую, или бряканье ружья о ружье, не то глухой говоръ солдатъ.

Разсуждали о томъ: „что̀ дѣлать съ запертыми массами?“ Большинство считало за лучшее: „строго держаться постановленія, ждать, когда выйдутъ и тогда арестовать“; а что когда-нибудь да выйдутъ, въ этомъ, разумѣется, не было сомнѣнія. Уже стало извѣстно, что къ окнамъ Свенто-Янскаго костела народъ приносилъ булки и швырялъ ихъ внутрь, гдѣ это было удобно.

Герштенцвейгъ стоялъ на сторонѣ большинства, т. е. находилъ неумѣстнымъ нарушать только-что изданное постановленіе. Чувствуя, близь полуночи, чрезмѣрную усталость, онъ, не спавшій къ тому-же двое сутокъ сряду, отправился домой, въ Брюлевскій дворецъ, и оставилъ Ламберта на жертву его безхарактерности.

Отъѣздъ генералъ-губернатора изъ Замка былъ замѣченъ въ городѣ, и къ нему ту-же минуту явился епископъ Декертъ, съ просьбою: „выпустить народъ изъ костеловъ и никого не арестовывать.“ Ему было объявлено чрезъ адъютанта, что „пусть выходятъ: препятствія къ этому нѣтъ; что̀ же до арестовъ, это дѣло правительства, и разсуждать теперь объ этомъ не время“ [57]).

---

[57]) Сообщено адъютантомъ Герштенцвейга; ниже нѣкоторыя подробности отъ него же.

Когда Декертъ принесъ этотъ отвѣтъ въ свой духовно-революціонный кружокъ, ксендзы краснаго оттѣнка заявили, что необходимо устроить ночную процессію, съ хоругвями, крестами и выручить осажденныхъ.

Бывшіе въ кружкѣ свѣтскіе агитаторы предлагали свое содѣйствіе и находили возможнымъ, при всеобщемъ чрезвычайномъ раздраженіи массъ, поднять весь городъ.

Смутныя свѣдѣнія объ этихъ затѣяхъ достигли, съ разными прикрасами и дополненіями, до нѣкоторыхъ начальниковъ войскъ. Разсказывалось между прочимъ, что гдѣ-то уже собраны огромныя толпы народа и только ждутъ приказанія вождей, чтобы ринуться. Духовенство пойдетъ въ полномъ облаченіи, съ разными религіозными инсигніями, понесутъ святые дары, монстранцію... Генералъ Хрулевъ, наслушавшись всего этого на улицѣ, явился въ Замокъ въ первомъ часу ночи и, передавъ Намѣстнику и окружавшимъ его генераламъ все слышанное, замѣтилъ, что „считаетъ минуту весьма-опасною; что взрывъ возможенъ; конечно, жители войскъ не одолѣютъ, но все таки произойдетъ побоище страшное, и падутъ многія жертвы, можетъ быть болѣе, чѣмъ 8 Апрѣля; особенно не выгодно для правительства перебить кучу поповъ, которые непремѣнно явятся во главѣ толпы.“

Въ предупрежденіе катастрофы, Хрулевъ находилъ умѣстнымъ измѣнить особымъ постановленіемъ 10-й параграфъ распоряженія объ арестахъ въ костелахъ: „послать въ окруженные войсками костелы офицеровъ съ невооруженными командами солдатъ, которые предложатъ народу выйти; если этого не послѣдуетъ,—ввести вооруженныя команды и всѣхъ арестовать.“

Многіе изъ бывшихъ тогда въ Замкѣ высшихъ чиновъ одобрили эту мѣру. Послѣ небольшаго раздумья, съ нею согласился и Намѣстникъ и уполномочилъ генерала Хрулева распорядиться въ томъ духѣ, какъ имъ было предложено.

Хрулевъ вышелъ и отдалъ соотвѣтственныя приказанія, вслѣдствіе чего во всѣ три храма были отряжены невооруженныя команды, подъ начальствомъ офицеровъ.

Когда одна изъ такихъ командъ вступила въ Свенто-Кршискій костелъ, тамъ никого не оказалось. Одни говорятъ, будто-бы народъ ушелъ черезъ сакристію въ садъ, прилегающій къ костелу, и оттуда перебрался частію на Сверто-Кршискую, частію на Мазовецкую улицу. По другимъ разсказамъ, народъ ушелъ чрезъ подземелье, существовавшее между костеломъ и домомъ графа Андрея Замойскаго [58]).

Другая команда, немного спустя, отправилась въ Бернардинскій костелъ. Едва только солдаты показались на порогѣ, какъ народъ, схвативъ скамейки, шандалы и что́ попало подъ руку, бросился на нихъ и заставилъ отступить. Въ храмъ были введены вооруженныя команды, которыя, послѣ небольшой свалки, арестовали всѣхъ мущинъ и отвели въ Замокъ.

Аресты въ Свенто-Янскомъ костелѣ произошли въ присутствіи генераловъ: Герштенцвейга и Потапова, которые прибыли туда, съ своими адъютантами, часу въ четвертомъ ночи. Всѣ они были въ мундирахъ, только съ накинутыми сверху шинелями, такъ-какъ было довольно холодно.

Когда эти лица переступили черезъ порогъ, имъ представилась слѣдующая картина. Храмъ горѣлъ огнями. Въ срединѣ—великолѣпный катафалкъ, съ серебрянымъ балдахиномъ, усѣяннымъ траурными слезами; священнослужители въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ, и народъ, павшій на колѣни, лицомъ къ алтарю, въ совершенномъ безмолвіи.

---

58) Дѣйствительно былъ какой-то подземельный ходъ въ тѣхъ мѣстахъ. Позже спускались туда наши офицеры, и одинъ изъ нихъ разсказывалъ автору, что, сойдя въ саду Замойскаго въ гротъ близь угла теперешней веранды, онъ вышелъ каменнымъ коридоромъ въ сакристію Свенто-Кршискаго костела. На дорогѣ поднялъ женскій зонтикъ.

Одинъ изъ генераловъ произнесъ попольски: „Господа! выходите, а не то приказано будетъ васъ арестовать.“

Никто не отозвался ни однимъ словомъ. Темная масса, какъ одинъ человѣкъ, затаивъ дыханіе, точно оцѣпенѣвшая или сраженная внезапною смертію, стояла по прежнему на колѣняхъ. Серебряный катафалкъ горѣлъ и переливался огнями. Весь храмъ дышалъ свѣтомъ и молитвою.

Трудно было начать въ такую минуту и при такой обстановкѣ аресты; но дѣлать нечего, приказъ былъ отданъ. Солдаты вошли и стали брать людей поочереди, небольшими кучками, и отводить въ Замокъ. Одинъ ксендзъ, въ бѣлой ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ всю дорогу, читая молитвы, и сейчасъ-же, по прибытіи на замковую гауптвахту, заснулъ. Иные отдавались въ руки безмолвно, не сопротивлясь нисколько; другіе вступали съ солдатами въ борьбу, доходившую мѣстами до серьезныхъ схватокъ.

Какъ только начались аресты, на колокольнѣ собора ударилъ колоколъ и заунывно разливался въ пространствѣ надъ тихимъ городомъ. Сперва, за суматохой, его не слыхали, но потомъ эти звуки стали раздражать многихъ изъ распоряжавшихся арестами. Герштенцвейгъ первый не выдержалъ и воскликнулъ: „Да снимите мнѣ этого звонаря съ колокольни!“ [59]) Но до него не такъ легко было добраться: лѣстница и сѣни колокольни были биткомъ набиты народомъ. Пришлось арестовывать, въ такой тѣснотѣ, по одиночкѣ, а колоколъ гудѣлъ себѣ да гудѣлъ...

Близъ пяти часовъ утра, аресты кончились, и арестованные переведены изъ Замка въ Цитадель.

„Сколько ихъ?“ спросилъ Герштенцвейгъ.

— Тысячи двѣ-три, отвѣчали ему.

„Что мы будемъ съ ними дѣлать?... Quelle terrible histoire!“ [60])..

---

[59]) Свѣдѣніе отъ его адъютанта, стоявшаго тогда подлѣ генерала.

[60]) Какая страшная исторія! (свѣдѣніе отъ того же адъютанта).

Когда совсѣмъ ободняло, городъ представилъ кипящій котелъ. Можно было думать, что вотъ-вотъ вспыхнетъ возстаніе. Большія кучи народа бродили по улицамъ съ угрожающими криками. Взрывъ точно былъ возможенъ: все зависѣло отъ появленія энергическаго вождя, отъ искры, а порохъ былъ въ достаточномъ количествѣ. Но искры на ту пору не случилось; можетъ статься, такой искры вовсе не было въ тогдашней Варшавѣ, или она сидѣла въ Цитадели. Сотни двѣ-три казаковъ, пущенныя по улицамъ, угомонили крикуновъ нагайками. Къ полудню кипучія волны совершенно улеглись, какъ будто ничего и не было. Хирурги, заготовленные на случай въ Замкѣ, разошлись по домамъ. Настала тишина. Среди этой тишины, все, что только не было арестовано изъ вождей и вліятельныхъ лицъ разныхъ кружковъ, собралось, вмѣстѣ съ вліятельнымъ духовенствомъ, въ залѣ Консисторіи, на Медовой улицѣ. Тутъ были между прочимъ два епископа: Сандомірской эпархіи Юшинскій и Келецко-Краковской—Маерчакъ; каноники Секлюцкій, Дзяшковскій, Ржевускій; нѣсколько ксендзовъ и новоизбранный капитулярный викарій, иначе администраторъ, Бялобржескій, заступившій мѣсто архіепископа [61]).

Въ первыя минуты все это сборище метало громы и молніи. Высказывались упреки населенію, всему вялому и безхарактерному Славянству: такой удивительный моментъ къ поголовному возстанію—и не возстать!

Когда крики успокоились, собравшіеся начали разсуждать о положеніи своихъ братьевъ въ Цитадели. „Сегодня все это здѣсь, дома, а завтра, въ силу военнаго положенія, или просто по распоряженію высшей власти, можетъ очутиться на пути въ Сибирь, наполнить казематы разныхъ крѣпостей, быть приговорено къ смерти!“... Между аресто-

---

[61]) Свѣдѣніе отъ Казачковскаго. Сообщая объ этомъ автору, онъ замѣтилъ, что въ теченіи всего 1861 года и позже не было минуты, казавшейся ему столько опасною, какъ утро 16 Октября.

ванными находились дѣти первыхъ магнатовъ; эти магнаты, которыхъ часть могла засѣдать тутъ-же [62]), въ Консисторіи, готовы были пожертвовать всѣмъ, отдать возстанію послѣднюю копѣйку, лишь-бы увидѣть своихъ дѣтей сейчасъ свободными. „Что-же дѣлать? Какія придумать средства къ скорѣйшему освобожденію всего, что заперто въ Цитадели и терпитъ тамъ, Богъ знаетъ, какую участь? Что дѣлать вообще, въ такую страшную минуту, когда жизнь остановилась: городъ занятъ войсками, публичные сады заперты, общественныя мѣста тоже; не всякому можно выйти, когда онъ хочетъ, на улицу?.. Стѣснительнѣе, ужаснѣе этого Варшава ничего не помнитъ!“

Среди такихъ вопросовъ, восклицаній, упрековъ другъ другу за неумѣнье вести дѣло какъ слѣдуетъ, поевропейски, какой-то ксендзъ сказалъ: „Нечего тратить по напрасну словъ и времени, а надо дѣйствовать; прежде всего запереть осквернённые храмы: духовенство имѣетъ на это право, постановленія папъ!“

Эта мысль поразила всѣхъ. Всѣ ее одобрили, и тутъ же, не справляясь ни съ какими законоположеніями (часть которыхъ была рѣшительно на сторонѣ правительства) собравшіеся составили такое воззваніе Консисторіи къ Варшавскому духовенству.

„Варшава, Октября 16 дня 1861 года“.

„Генеральная Консисторія архіепархіи Варшавской къ достойнымъ настоятелямъ парафіальныхъ костеловъ и духовныхъ братствъ въ Варшавѣ.“

„По причинѣ осквернёнія нынѣшнею ночью Варшавскихъ костеловъ: митрополитальнаго Св. Яна и Бернардинскаго, оба эти костела, по приказанію его высокопреосвященства, администратора архіепархіи, съ сего дня запираются и, пока не произойдетъ открытія оныхъ, никакое богослуженіе въ

---

[62]) Не подлежитъ сомнѣнію, что на этомъ засѣданіи было довольно много свѣтскихъ лицъ разнаго званія, но имена ихъ остались неизвѣстными, не смотря ни на какія разслѣдованія.

нихъ не можетъ имѣть мѣста. Сверхъ того, изъ опасенія, чтобъ и другіе храмы Господни не подверглись таковымъ-же вторженіямъ и осквернению, его высокопреосвященство, администраторъ, приказалъ запереть завтрашняго числа всѣ парафіальные и другіе костелы и каплицы, впредь до особаго распоряженія, т. е. пока не получится ручательства въ томъ, что сказанные храмы будутъ обезпечены отъ поруганія, и вѣрный народъ не увидитъ себя въ возможности возсылать въ оныхъ, съ совершенной безопасностію, свои молитвы къ Богу."

(Подписали): „Судья-суррогатъ митрополитальный, Варшавскій каноникъ, ксендзъ Августъ Секлюцкій. Секретарь ксендзъ Цеслевскій."

Это воззваніе быстро облетѣло Варшаву. Всѣ кружки и сословія читали его съ восторгомъ и называли поповъ „молодцами, выручателями." Намѣстникъ также скоро узналъ объ этомъ воззваніи и потребовалъ къ себѣ администратора, съ которымъ имѣлъ весьма горячее объясненіе по этому предмету, часу въ 9-мъ утра тогоже 16 Октября. Бялобржескій, попавшій въ руки тѣхъ-же самыхъ людей [63]), которые управляли покойнымъ архіепископомъ, человѣкъ, къ тому-же, не менѣе слабохарактерный, говорилъ Намѣстнику то, что̀ ему было внушено разными помощниками и руководителями, передъ отбытіемъ его въ Замокъ. Представивъ потрясающія сцены арестовъ, „крайне поспѣшныхъ и неосмотрительныхъ", администраторъ въ заключеніе сказалъ, что „распоряженіе о закрытіи храмовъ, еще не приведенное въ исполненіе, можетъ быть отмѣнено только въ томъ случаѣ, когда арестованные будутъ немедля освобождены всѣ до единаго, и духовенство

---

[63]) На основаніи якобы «завѣщанія» Фіалковскаго, къ администратору были приставлены въ званіи такъ называемыхъ дородцевъ (doradca— помощникъ, совѣтникъ), тѣже самыя лица, которыя были въ этомъ званіи и при покойномъ архіепископѣ: именно каноники Дзяшковскій и Секлюцкій.

получитъ ручательство, что подобныя сцены впредь не повторятся."

Растроенный, больной Намѣстникъ, почти не смыкавшій глазъ цѣлыхъ трое сутокъ сряду, не счелъ удобнымъ препираться и спорить съ администраторомъ о предметѣ, котораго, какъ свѣтскій человѣкъ, хорошо не понималъ; равно не хотѣлъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, поставить вопросъ въ такія условія, чтобы духовенство перестало воображать, что оно, въ самомъ дѣлѣ, сила, съ которою нельзя бороться. Онъ сказалъ администратору, что „сдѣлаетъ со своей стороны все, что́ можетъ, къ успокоенію умовъ, надѣясь, что точно также поступитъ и духовенство", и они разстались.

Призванный туже минуту предсѣдатель слѣдственной комиссіи, полковникъ Левшинъ получилъ приказаніе: „отправиться въ Цитадель и, произведя тамъ, вмѣстѣ съ комендантомъ ея, генералъ-маіоромъ Ермоловымъ, возможно-скорую сортировку арестованнымъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ, при чемъ обращать вниманіе на возрастъ" [64]).

Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованныхъ освобождена къ одиннадцати часамъ дня.

Генералъ-губернаторъ ничего не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ до полудня. Принимая въ девять часовъ, по заведенному порядку, рапортъ отъ коменданта города, генералъ-маіора князя Бебутова и услыхавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ Цитадель, онъ приказалъ взглянуть на арестантовъ и позаботиться, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома [65]).

---

[64]) Свѣдѣніе отъ Левшина. Онъ добавляетъ, что когда онъ пошелъ къ дверямъ, Намѣстникъ будто-бы воротилъ его съ порога и сказалъ: «не стѣсняйтесь!»

[65]) Свѣдѣніе отъ князя Бебутова. Въѣзжая, въ исходѣ десятаго часа, въ Цитадель, онъ встрѣтилъ, къ немалому своему изумленію, двѣ большія партіи арестантовъ, человѣкъ приблизительно — 500, шедшія

Послѣ этого генералъ-губернаторъ принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ Замокъ, гдѣ узналъ все и имѣлъ съ Намѣстникомъ, глазъ на глазъ, то крупное объясненіе, о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайной.

Иные думаютъ, что Герштенцвейгъ высказалъ Намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій: „нарушивъ собственное свое постановленіе, на томъ основаніи, что аресты были признаны дѣломъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, заставивъ его, Герштенцвейга, распорядиться этимъ въ соборѣ,—черезъ нѣсколько часовъ отдать приказъ объ освобожденіи арестованныхъ! Къ чему-же была вся эта ночная, печальная комедія, свалка народа съ войсками, при звонѣ набатнаго колокола; къ чему былъ соблазнъ нарушенія собственнаго приказа?“

Тутъ-же вылилось, вѣроятно, и все то, что̀ затаено было въ груди довольно-давно, что̀ накопилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, привезено изъ Петербурга...

Какъ бы то ни было, Намѣстникъ и Герштенцвейгъ вызвали другъ друга, по мнѣнію большинства, на дуэль, которую, во избѣжаніе скандала, рѣшились привести въ исполненіе особымъ, такъ-называемымъ А м е р и к а н с к и м ъ способомъ; брошенъ былъ жребій: кому выпадетъ „пистолетъ“, тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герштенцвейгу...

Такъ разсказывали въ Варшавѣ и разсказываютъ до сихъ поръ [66]). Вѣрно извѣстно только то, что Герштенцвейгъ

по Константиновскому мосту въ городъ. Потомъ, во дворѣ Цитадели, попалась ему еще партія. Пробывъ въ Цитадели около часу, въ теченіи котораго сортировка и освобожденіе непрерывно продолжались и убѣдясь, что о тюфякахъ и о прочемъ заботиться особенно нечего, князь поѣхалъ опять въ Брюлевскій палацъ доложить обо всемъ видѣнномъ генералъ-губернатору, но его уже не было дома: онъ былъ въ Замкѣ.

[66]) Въ Петербургѣ составилось объ этомъ точно-такое же мнѣніе. Говорили, что со стороны Герштенцвейга это ужъ черезчуръ порыцарски. Выпади «пистолетъ» Ламберту, онъ бы не застрѣлился.

уѣхалъ изъ Замка часу въ пятомъ дня, чрезвычайно-разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя дóма, съ директоромъ своей канцеляріи, Честилинымъ, и однимъ изъ своихъ адъютантовъ Полѣновымъ. Говорили мало. Всѣмъ было, что̀ называется, не по себѣ.

Пообѣдавъ, Герштенцвейгъ легъ въ своемъ кабинетѣ [67]) отдохнуть, не раздѣваясь, въ сертукѣ, какъ былъ, и не велѣлъ никого принимать. Такъ пролежалъ онъ, почти безъ движенья, весь тотъ вечеръ [68]).

На другой день, 17 Октября н. ст., вставъ съ постели часовъ въ 7 утра, онъ зарядилъ револьверъ и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза. Первая пуля, скользнувъ по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ одиннадцать трещинъ, и пуля, пробивъ лобъ и скользнувъ по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ [69]). Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и сохранялъ всѣ чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ, онъ легъ и позвонилъ [70]).

Выстрѣловъ въ домѣ никто не слыхалъ. Вошедшій по звонку человѣкъ, увидѣвъ генерала окровавленнымъ, бросился вонъ къ дежурному адъютанту. Когда тотъ вбѣжалъ, — „Imaginez-vous, сказалъ ему спокойно Герштенцвейгъ: deux coups, et je ne suis pas encore mort!“ [71])

Дальнѣйшій ихъ разговоръ не извѣстенъ...

---

[67]) Что̀ былъ потомъ, послѣдовательно, кабинетомъ Велепольскаго, Милютина (въ его пріѣздъ въ Варшаву) и Соловьева.

[68]) Свѣдѣніе отъ князя Бебутова. Онъ подходилъ къ двери кабинета нѣсколько разъ, пріотворялъ ее тихо и видѣлъ Герштенцвейга въ одномъ и томъ-же положеніи, на ближайшей софѣ, которая и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ, влѣво отъ двери.

[69]) Оффиціальные источники.

[70]) Свѣдѣніе отъ одного изъ адъютантовъ Герштенцвейга. Онъ сказывалъ между прочимъ, что послѣ того, какъ было замѣчено сильное разстройство въ генералѣ, кто-то умышленно испортилъ его револьверъ, или по крайней мѣрѣ старался испортить.

[71]) Вообразите: два выстрѣла, и я еще живъ!

Въ девятомъ часу пріѣхалъ Ламбертъ и, желая говорить съ больнымъ наединѣ, далъ знакъ адъютанту, чтобы онъ вышелъ; но тотъ объяснилъ, что безъ приказанія своего генерала сдѣлать этого не можетъ. „Прикажите!“, сказалъ Ламбертъ. Герштенцвейгъ, повидимому неохотно, далъ знакъ...

Между тѣмъ въ городѣ пошли таинственныя восточныя шушуканья, при чемъ всякій, разсказавъ кому либо исторію, прибавлялъ: „только пожалуйста никому!“, хотя всѣ давно знали.

Страшно сказать: несчастный умиралъ 19 дней! Смерть послѣдовала, когда попробовали вынуть пулю: 24 Октября стараго стиля.

*

Дѣло о храмахъ продолжалось. Не смотря на освобожденіе арестантовъ, которыхъ къ вечеру 16 Октября н. ст. осталось въ Цитадели, изъ числа захваченныхъ въ храмахъ, только д е с я т а я ч а с т ь, духовенство, въ стачкѣ съ заговоромъ, получившимъ при этихъ замѣшательствахъ и безпорядкахъ новый толчокъ, оживленіе и силы, склонило администратора отдать приказаніе о закрытіи костеловъ Свенто-Янскаго и Бернардинскаго, съ приложеніемъ печатей, что́ и было исполнено, передъ вечеромъ 17 Октября, благочиннымъ Витманомъ, а въ остальныхъ прекращено богослуженіе [72]).

Узнавъ объ этомъ, Намѣстникъ приказалъ директору Комиссіи Духовныхъ Дѣлъ (Велепольскому) потребовать отъ Капитулы объясненія ея поступка и вмѣстѣ съ тѣмъ передать администратору, что „возлагаетъ на него отвѣтственность, по всей строгости военнаго положенія, за всѣ послѣдствія, какія отъ того произойти могутъ“.

Велепольскій далъ знать объ этомъ Капитулѣ и черезъ часъ или черезъ два получилъ отвѣтъ администратора на полутора листахъ. Вотъ изъ него выборки:

---

[72]) Свѣдѣнія отъ каноника Секлюцкаго. Свенто-Янскій костелъ запертъ въ 5 часовъ, а Бернардинскій въ 6 часовъ пополудни.

...„Послѣ того, какъ я (пишетъ администраторъ) по поводу происшедшихъ событій и могущихъ случиться еще ужаснѣйшихъ послѣдствій, выразилъ передъ его сіятельствомъ, графомъ Ламбертомъ скорбь всей церкви, всего духовенства и народа христіанскаго, Намѣстникъ далъ мнѣ слово, что подобнаго рода неслыханныя дѣйствія будутъ прекращены и болѣе не повторятся".

„Тогда и я, съ своей стороны, объявилъ, что распоряженіе духовныхъ властей относительно закрытія костеловъ также будетъ уничтожено".

„Нѣнѣ Намѣстникъ и директоръ Комиссіи Вѣроисповѣданій требуютъ отъ меня письменнаго объясненія по сему предмету. Повторяю, какъ уже сказалъ на словахъ, что я готовъ уничтожить означенное распоряженіе, и оно будетъ уничтожено: костелы отворены быть могутъ; но кто поручится, чтобы народъ, раздраженный и выведенный изъ себя послѣдними событіями, не запѣлъ тамъ опять религіозно-патріотическихъ гимновъ? Дабы достигнуть болѣе спокойнаго настроенія умовъ, потребно много времени и нѣкоторая свобода, по крайней мѣрѣ духовная; а со стороны правительства не сдѣлано къ тому покамѣстъ ни одного шага, и нѣтъ оффиціальнаго завѣренія, что такія ужасающія сцены и поруганіе храмовъ не повторятся... Напротивъ, въ 10 § полицейскаго приказа отъ 14 Октября, упомянуто, что во всѣ костелы будутъ назначаемы полицейскіе солдаты, которые, въ случаѣ пѣнія запрещенныхъ гимновъ, обязаны доносить о томъ ближайшему военному начальству, чтобы оно прислало войско".

„Таковымъ распоряженіемъ молитва, духовенство и народъ преданы во власть полиціи и войскъ, и можно думать, что правительство имѣетъ въ виду еще болѣе ужасныя мѣры, которыя поставятъ религію и церковь въ еще опаснѣйшее положеніе"...

„Массы невинныхъ жертвъ захвачены въ храмахъ, сихъ единственныхъ убѣжищахъ Христіанъ для передачи ихъ молитвъ Богу, убѣжищахъ, казалось, достаточно огражден-

ныхъ отъ всякихъ насилій 213-мъ параграфомъ свода уголовныхъ и исправительныхъ наказаній, и покамѣстъ хотя одно лицо изъ числа этихъ несчастныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ узниковъ, а равно и другихъ жертвъ, безпрестанно хватаемыхъ и подвергающихся всякимъ оскорбленіямъ на улицахъ, останется подъ арестомъ, до тѣхъ поръ никакое успокоеніе умовъ не возможно, и вліяніе духовенства не сильно привести къ желаемымъ разультатамъ"...

„А потому, принявъ все сіе во вниманіе, я не могу никоимъ образомъ отмѣнить такъ скоро приказаніе, только-что вчера данное относительно закрытія костеловъ, и они должны еще оставаться нѣкоторое время запертыми"....

„Высокое же правительство тѣмъ временемъ найдетъ, со своей стороны, возможность обдумать способы къ возвращенію народнаго довѣрія и освободить всѣхъ арестованныхъ въ костелахъ и на улицахъ, а кромѣ того привести жителей къ убѣжденію, что подобныя горестныя событія не повторятся"...

Велепольскій туже минуту сообщилъ эту бумагу Намѣстнику, который, прочтя ее, потерялъ всякое терпѣніе и, какъ это бываетъ всегда съ безхарактерными людьми, перешелъ вдругъ отъ слабости къ крайнимъ строгостямъ. По его приказанію, начали хватать по улицамъ и гдѣ попало всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ. 19 Октября н. ст. арестовали даже недавнихъ его друзей, Вышинскаго и Стецкаго. Тогда-же арестованы сапожникъ Гишпанскій и литераторъ Вольскій, въ алтарѣ Свенто-Кршискаго костела, гдѣ они укрывались. Затѣмъ взяты цѣлые десятки менѣе извѣстныхъ агитаторовъ. Цитадель снова наполнилась. Комиссаръ 10-го цыркула, Дзержановскій, вслѣдствіе подозрѣнія, что онъ содѣйствовалъ уходу толпы изъ храма Св. Креста, утромъ 15 Октября, приговоренъ къ разстрѣлянію и если остался цѣлъ, то этимъ обязанъ энергическому заступничеству генерала Хрулева. Съ купцевъ,

которые заперли лавки въ день годовщины Костюшки, взыскано по 100 рублей штрафу съ каждаго.

Черезъ недѣлю послѣ этого (26 Октября н. ст.) графъ Ламбертъ, едва живой, харкавшій кровью, болѣе похожій на тѣнь, чѣмъ на человѣка, вдругъ скрылся изъ Варшавы, ни съ кѣмъ не простясь. Въ газетахъ было написано только, что „Намѣстникъ Царства Польскаго отправляется, съ высочайшаго соизволенія, за границу на нѣсколько недѣль, для поправленія здоровья".

Онъ жилъ съ тѣхъ поръ безвыѣздно на островѣ Мадерѣ. Разговоръ о Польшѣ его времени былъ постоянно для него больнымъ мѣстомъ, къ которому посѣщавшіе его знакомые и друзья, изъ Россіи и другихъ земель, считали деликатнымъ дотрогиваться. Одинъ старый его пріятель, изъ Петербурга, проживъ на Мадерѣ около полугода и видясь съ Ламбертомъ чуть не всякій день, воротился въ Россію, не разъяснивши нисколько, ни для себя, ни для другихъ, роковую тайну.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I—III.

ПОХОЖДЕНІЯ ЗАВИШИ.

(1833).

Прежде чѣмъ отправиться эмиссаромъ въ Польшу, Завиша старался какъ можно ближе сойтиться съ начальникомъ предпріятія Заливскимъ, бывалъ у него (въ Парижѣ) очень часто, выпытывалъ имена членовъ общества, чтобы по этому судить, на сколько серьозно ихъ дѣло. Но Заливскій никого не назвалъ, говоря, что связанъ клятвой и честнымъ словомъ; что когда, по отправленіи агента въ Галицію, прибылъ оттуда уполномоченный отъ тамошней демократической организаціи и тоже распрашивалъ объ именахъ членовъ *Zemsty Ludów*, предлагая туже минуту по открытіи тайны вручить обществу 200 т. франковъ — ему было отказано и деньги не приняты.

Завиша видалъ у Заливскаго Генриха Дмуховскаго, Дверницкаго, Лелевеля, Косицкаго, Ледуховскаго, но разъ при вопросѣ, что̀ это за народъ, Заливскій отвѣчалъ: „Все разныя партіи. Ледуховскому я бы ничего не повѣрилъ. Дверницкому однажды хотѣлъ было открыться, но, припомнивъ одно обстоятельство, отдумалъ“. — Ну, а Лелевель?—спросилъ Завиша. Заливскій не отвѣчалъ нечего.

Въ одну изъ встрѣчъ съ Заливскимъ, Завиша попробовалъ выпытать у него хотя имена эмиссаровъ, отправляе-

мыхъ въ край. Заливскій и тутъ открылъ очень мало. „Каждый долженъ знать только своего сосѣда“, отвѣчалъ онъ и назвалъ сосѣдей Завиши: въ обводѣ Ленчицкомъ Боржевскаго и въ Равскомъ Леона Залѣсскаго.

Когда Завиша выразилъ окончательное согласіе отправиться, Заливскій указалъ ему въ Варшавѣ ксендза Пулавскаго, а этотъ долженъ былъ указать въ свою очередь другія лица. Уминскій передалъ какіе-то *знаки*, по которымъ эмиссары и организація могутъ другъ друга узнавать и обѣщалъ прислать изъ Ліона особый *патентъ*, съ объясненіемъ *всего*, что́ послѣ и сдѣлано. Одинъ знакомый Завиши, Французъ Баррели, былъ нѣсколько на него похожъ и далъ ему свой паспортъ, по которому Завиша получилъ изъ Парижской префектуры новый паспортъ, для отъѣзда въ Пруссію—и уѣхалъ въ Февралѣ 1833 года.

Сначала Завиша жилъ въ Берлинѣ. Потомъ перебрался въ деревню своихъ отдаленныхъ родственниковъ, Дзяловскихъ, Туржно, близь Торуня, но оставался тамъ до 11 Марта н. ст., въ ожиданіи другаго эмиссара, Каликста Боржевскаго (служившаго въ Бельгійской арміи), дабы снабдить его нѣкоторыми совѣтами и указаніями, такъ какъ онъ долженъ былъ работать (собирать партію) въ тѣхъ-же мѣстахъ.

Наконецъ, потерявъ надежду на его прибытіе, Завиша выбрался, переодѣтый крестьяниномъ, изъ Туржна и перешелъ пѣшкомъ границу Царства Польскаго. Идя проселкомъ черезъ деревни: Волю, Кликолъ, Злотополе, городъ Липно; потомъ, по почтовой дорогѣ, на Добржинъ и Виняры (гдѣ переправился черезъ Вислу), онъ замѣтилъ вездѣ разставленные деревенскіе караулы и въ жителяхъ какую-то особенную осторожность. Въ корчмѣ Ощивилькъ, до которой онъ дотащился съ большимъ трудомъ и опасностями, задами деревень: Радзивъ, Цѣхо-

мецъ и Лонцкъ, его взяло раздумье, идти-ли дальше, или воротиться? Тутъ онъ увидѣлъ, что странствованія по Польшѣ эмиссаровъ не такъ легки, какъ онѣ представлялись каждому изъ нихъ въ Парижѣ; страхъ одолѣлъ всякія другія размышленія, и Завиша, перейдя снова Вислу у Виняръ, быстро перенесся обратно въ Туржно, чрезъ деревню Ясень, гор. Липно и селенія: Злотополе, Волю, Злотарію и Плюеховенсы. Было 10 или 11 Апрѣля н. ст. (1833).

Боржевскій все еще не являлся. Завиша былъ этому отчасти радъ, такъ какъ опасное предпріятіе замедлялось и даже могло вовсе разстроиться. Вдругъ получаетъ онъ письмо, что Боржевскій уже давно въ Пруссіи и что его дѣло, по части пріисканія отважныхъ людей для вторженія въ Царство, идетъ недурно. Боржевскій жилъ у помѣщика Сляскаго, куда приглашалъ прибыть и Завишу, для совѣщаній. Завиша поѣхалъ. Когда они встрѣтились, послѣдній не рѣшился разсказать товарищу о своихъ неудачныхъ похожденіяхъ въ Царствѣ, кончившихся побѣгомъ, чтобы тотъ не заподозрѣлъ его въ трусости. Напротивъ, Завиша всячески представлялъ изъ себя человѣка, готоваго на все, и они оба начали собирать партію изъ разнаго народу, въ чемъ помогъ имъ, главнѣйшимъ образомъ, унтеръ-офицеръ бывшихъ Польскихъ войскъ, Войткевичъ, человѣкъ расторопный и отважный. Мало-по-малу, въ недѣлю или около того, у нихъ набралось шесть человѣкъ народу всякаго званія: Антонъ Аксамитовскій, Сѣдлецкій, Курреля, Ковалевскій, Зайонцъ и Войткевичъ. Съ ними Завиша и Боржевскій рѣшились перебраться на ту сторону рѣки Дрвенцы, въ Карчевскомъ лѣсу, противъ дер. Плонной, что въ Царствѣ Польскомъ. Имъ говорили, что нужно только отыскать рыбака Кречмера, занимающагося перевозомъ разныхъ *такихъ людей*, и онъ перевезетъ. Кое-какъ нашли проводника къ Кречмеру и пустились въ путь (30 Апрѣля н. ст.). Но дорогой проводникъ отчего-то бѣжалъ. Нашли другого—и тотъ бѣжалъ.... Наконецъ, Евреи-контрабандисты указали имъ убогую хату Кречмера, и онъ перевезъ ихъ черезъ Дрвенцу и потомъ довелъ до дер. Радзики, взявъ съ каждаго человѣка по злоту за перевозъ и 4 злота за проводы до Радзикъ.

Отъ Кречмера партія узнала, гдѣ въ Радзикахъ стоитъ казацкій кордонъ, чтобы сдѣлать на него нападеніе. Аксамитовскій, подойдя къ дому

*) Въ брошюрѣ нами цитированной въ текстѣ: Artur Zawisza i Michał Wołłowicz, разсказывается, будто бы Завиша проникалъ и въ Варшаву, арестованъ тамъ у ратуши, но бѣжалъ. Даже сообщается часъ, когда онъ вошелъ въ Варшаву: 9 часовъ утра 14 Марта н. ст. (стр. 11).

(была довольно темная ночь) стукнулъ въ окно и сказалъ порусски: „записку принесъ, братецъ!“ Одинъ казакъ вышелъ и былъ пробитъ кинжаломъ, послѣ чего Завиша съ Войткевичемъ вскочили внутрь и давай колоть и бить казаковъ. Тѣ заметались и побѣжали вонъ; партія дала залпъ изъ ружей... Человѣка три легло, остальные были переранены.

Забравъ ихъ оружіе, повстанцы отправились поспѣшно въ направленіи къ дер. Хойно, принадлежавшей Боржевскому, куда прибыли 3 Мая н. ст. утромъ и весь этотъ день оставались у одного мужика, хорошо извѣстнаго Боржевскому. Подкрѣпились пищею, выспались. А Завиша описалъ побоище съ казаками въ стихахъ и послѣ торжественно читалъ товарищамъ.

Въ дер. Хойно жилъ дезертиръ Сибирскаго егерскаго полка Морозовъ. Онъ легко далъ себя уговорить присоединиться къ партіи, которая послѣ этого двинулась въ дальнѣйшій путь по лѣсамъ и достигла черезъ два дни (почти ничего не ѣвши) до такъ называемыхъ Любовецкихъ лѣсовъ. Встрѣченный дегтярникъ Бетновскій привелъ къ Завишѣ караульщика лѣсовъ Каминскаго, котораго убѣдили отправиться къ помѣщику Вильчевскому, за провіантомъ. Вильчевскій самъ пріѣхалъ и привезъ партіи провіанту, 7 Мая н. ст. Вмѣстѣ закусили и потолковали. Завиша не преминулъ прочесть свои стихи о „славномъ побоищѣ въ Радзикахъ“. 8 Мая н. ст. перешли въ Ясенскій лѣсъ, гдѣ явились къ нимъ съ провіантомъ помѣщикъ Островскій и кондитеръ изъ г. Липно, Губрикъ, и оба потомъ остались въ партіи, которая тронулась въ Орловскіе лѣса, примыкавшіе къ имѣнію богатаго и вліятельнаго помѣщика Мыстковскаго.

Наслышавшись объ его повстанскомъ характерѣ, Завиша отправился къ нему въ домъ, въ видѣ мужика. Мыстковскій принялъ его очень радушно, предложилъ свое содѣйствіе, сказавъ при этомъ, что онъ долженъ вести себя какъ можно осторожнѣе, потому что, вслѣдствіе исторіи въ Радзикахъ, отправлены уже воинскія команды, которыя его ищутъ. Мыстковскій совѣтовалъ даже немедля расположиться по дворамъ разныхъ помѣщиковъ, подъ видомъ слугъ, мастеровыхъ, пока пройдетъ гроза, а тамъ слѣдовать далѣе. Завиша согласился на это и, воротясь въ лѣсъ, привелъ оттуда всю партію, 12 Мая н. ст., въ домъ къ Мыстковскому, который помѣстилъ часть народу у себя, а часть разослалъ по дворамъ сосѣдей, говоря, что „нечего дѣлать, надо помочь; натворили глупостей, да вѣдь свои, не выдавать же!“ Другіе были тѣхъ же убѣжденій. Особенно сочувствовалъ повстанцамъ моло-

дой помѣщикъ Росцишевскій. Онъ пріѣхалъ къ Мыстковскому и прожилъ у него два дня, кутя съ вождями партіи и сочиняя разные планы. Между прочимъ всѣ вмѣстѣ толковали о томъ, какъ бы напасть на Плоцкъ, или хоть Липно. Войскъ тамъ немного; еслижъ будетъ неудача, то можно укрыться въ монастырѣ.... Банда въ ихъ мысляхъ росла до значительныхъ размѣровъ.... Въ Плоцкѣ являлась какая-то организація.... Они брали пушки, стоящія въ одномъ извѣстномъ имъ пунктѣ и плохо охраняемыя Москалями.... Завиша опять читалъ стихи....

Мыстковскій тѣмъ временемъ съѣздилъ въ Липно и привезъ оттуда печальныя извѣстія: о пребываніи партіи въ тѣхъ мѣстахъ было уже извѣстно, и приняты самыя дѣятельныя мѣры къ ея розысканію. Это заставило Завишу перемѣнить мѣсто: онъ уѣхалъ къ Росцишевскому и прожилъ у него три дня, до 19 Мая н. ст.. Боржевскаго отправили къ кому-то, какъ бы гувернера; но онъ, видя, что дѣла ихъ сильно плохи, бѣжалъ за границу. Завиша собралъ людей и перешелъ съ ними въ дер. Вержницу. Во время пути пристало къ нему нѣсколько новыхъ охотниковъ до приключеній, между прочимъ два молодые человѣка: Люборадзскій и Веберъ, оба имѣвшіе по 16 лѣтъ, но отчаянные и отважные. Они уже давно, бросивъ службу въ Плоцкѣ *), скитались по лѣсамъ и искали „братьевъ“.

23 Мая партія Завиши прибыла въ имѣніе г-жи Лемпицкой, Носегнѣвъ, отлично принята и накормлена въ саду; водки, вина, даже шампанскаго было вдоволь. Однако опытные люди изъ наѣхавшихъ туда помѣщиковъ совѣтовали Завишѣ скрыть скорѣе свои слѣды переправой за Вислу, такъ какъ на ихъ сторонѣ было весьма не безопасно. Но какъ переправиться? Лемпицкая обѣщала все уладить, и одинъ изъ ея людей указалъ Завишѣ пунктъ, куда должно собрать партію и гдѣ они все найдутъ.

26 Мая н. ст. партія была собрана въ Тулибовскихъ кустахъ, а 27 тронулась къ рѣкѣ, но увидѣла въ указанномъ мѣстѣ только лодку безъ веселъ и болѣе ничего. Поэтому партія снова воротилась въ кусты и пробыла тамъ до 1-го Іюня. Въ этотъ день одинъ мужикъ г. Лемпицкой переправилъ людей Завиши на ту сторону Вислы, недалеко отъ Влоцлавка.

Расположившись подъ этимъ городомъ, въ лѣсу, партія сочиняла планъ нападенія на городъ, но посланный туда крестьянинъ узналъ, что

---

*) Люборадзкій служилъ апликантомъ въ Плоцкомъ судѣ исправительной полиціи; Веберъ въ канцеляріи президента города.

тамъ 60 человѣкъ команды, сильно бодрствующей, по причинѣ слуховъ о бродящихъ кругомъ бандахъ. Уже за голову Завиши было назначено 500 злотыхъ.

Двинулись къ дер. Люборжу, чтобы получить провіанту, но были приняты тамъ очень дурно, даже насилу унесли ноги въ Кросненскій лѣсъ, гдѣ, доставъ кое-какъ разной провизіи и игральныя карты, сѣли играть въ вистъ, весело толкуя о томъ, какъ ихъ банда увеличится, и они пойдутъ на Варшаву, отравятъ колодцы въ казармахъ, убьютъ Паскевича.... Вдругъ, откуда ни возьмись, гусары,—и почти всѣхъ тутъ же забрали.

Часть, бѣжавшая къ Влоцлавку, была захвачена немного позже.

IV (къ стр. 38).

ВОЗЗВАНІЕ ЗАЛИВСКАГО КЪ ГАЛИЦІАНАМЪ.

Граждане Галиціи!

Появленіе моего плана „Освобожденія отчизны“ дало поводъ къ разнымъ толкамъ. За недостаткомъ времени, весьма немногіе поняли, въ чемъ дѣло; ибо нѣтъ еще и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы начали свои дѣйствія въ Галиціи. По этому считаю моею обязанностію выставить здѣсь главныя противурѣчія рядомъ съ моими, и это лучше всего покажетъ, чего должно держаться.

Передъ вами два пути: *дипломатія и борьба*. Во главѣ первой стоитъ Чарторыскій, желающій конгрессовой Польши, т. е. возврата назадъ, къ тому рабству, изъ котораго высвободила насъ Ноябрьская революція. Заливскій хочетъ продолженія борьбы, хочетъ поднять на ноги огромныя силы, доселѣ еще не тронутыя; хочетъ, чтобы не шестьдесятъ какихъ-нибудь тысячъ шляхты, а двадцать слишкомъ милліоновъ народу (ludu) добивалось, съ оружіемъ въ рукахъ, свободы, гражданства и правъ собственности. Чарторыскій вымаливаетъ у разныхъ дворовъ, чтобы предстательствовали передъ Николаемъ объ амнистіи; — Заливскій только въ собственныхъ силахъ народа видитъ спасеніе. Чарторыскій думаетъ, что народъ самъ по себѣ не съумѣетъ освободиться; онъ мѣряетъ народъ на свой аршинъ, считая его лишеннымъ всякихъ способностей, слабымъ, безхарактернымъ, боязливымъ,

склоннымъ къ интригантству;— Заливскій, напротивъ, видитъ всѣ эти свойства только въ одномъ Чарторыскомъ и его партіи, въ доказательство чего ссылается на три наши послѣднія революціи: Барскую, Костюшковскую и Ноябрьскую.

Есть люди, которые одобряютъ планъ Заливскаго, но жалѣютъ лишь о томъ, что этотъ планъ вышелъ не отъ князя Чарторыскаго, а отъ простаго солдата; стало-быть, кто его знаетъ, хорошъ онъ или нѣтъ. На это отвѣчаю, что въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Испаніи и Швейцаріи, а также и во Франціи, не князья, не маркизы и не бароны, а дѣти ремесленниковъ и крестьянъ составили планы освобожденія отечества и привели ихъ въ исполненіе. Впрочемъ, какъ угодно; передъ вами два: княжескій и солдатскій—выбирай каждый себѣ по вкусу.

Иные спрашиваютъ опять: а есть ли у Заливскаго уполномочіе отъ соотечественниковъ дѣйствовать такимъ образомъ? А я скажу: кто уполномочивалъ Христа, Магомета, Телля, Мину, нашего Чарнецкаго и многихъ другихъ распространять свое ученіе, не то освобождать отечество? За мной идутъ тѣ, которые находятъ это для себя удобнымъ. Повторяю два плана: княжескій и мой.

Другіе спрашиваютъ: имѣетъ ли Заливскій сношенія съ Лафайэтомъ, Оконеллемъ, Роттекомъ и иными? Отвѣчаю на это: Вашингтона въ Америкѣ никто не спрашивалъ о подобныхъ вещахъ. Онъ просто предложилъ планъ, планъ этотъ понравился жителямъ, и кончено: его попросили исполнить. И къ чему ведутъ эти сношенія? Что онѣ, сдѣлаютъ меня умнѣе, что ли, отважнѣе, честнѣе? Нисколько!

Удивляются также нѣкоторые, что составитель плана не сенаторъ, не сеймовый депутатъ, ни кто нибудь изъ генераловъ. Отвѣчаю на это, что, желая подвинуть массы на что-либо чрезвычайное, необходимо самому подать примѣръ, показать, что это можетъ быть исполнено, самому идти на всякія опасности. А наши сенаторы, депутаты и генералы черезъ-чуръ дорого себя цѣнятъ, чтобы выставить свое высокое достоинство на эшафотъ, или на висѣлицу. Имъ не ловко умереть смертію Регула, Ріего и тому подобныхъ героевъ. Такими были они и до революціи, и на меня взвалили привести ее въ исполненіе; таковы они и теперь. Всякій изъ нихъ мастеръ сказать: впередъ, ребята! а не скажетъ: маршъ за мной!

Многіе твердятъ, что Заливскій враль и обманщикъ, а Чарторыскій человѣкъ порядочный; что онъ вовсе не о Конгрессовой Польшѣ, не объ амнистіи хлопочетъ, но своимъ вліяніемъ у дворовъ приведетъ

край къ освобожденію и сдѣлаетъ его счастливымъ.—Я готовъ охотно снести всякія оскорбленія и преслѣдованія, какъ враль и обманщикъ, лишь-бы только отечество было свободно. Но спрашиваю васъ: неужели Чарторыскій найдетъ теперь больше доступу къ разнымъ министрамъ, слоняясь по ихъ переднимъ какъ простой скиталецъ, чѣмъ тогда, когда стоялъ во главѣ народа, со ста тысячами войска? Не умѣлъ тогда дѣйствовать, а теперь увѣряетъ, что все ему удастся. Опытъ показываетъ однако, что дворы стоятъ только за существованіе тѣхъ, кто дѣйствительно существуетъ — примѣръ этому Грецiя и Бельгія. Такъ и тутъ: не Чарторыскаго вліяніе, а наша отвага и самоотверженіе могутъ что-либо сдѣлать.

Есть опять такіе, которые говорятъ: Заливскій насъ скомпрометируетъ передъ правительствомъ, и оно начнетъ насъ преслѣдовать. У такихъ спрашиваю: когда-же это Заливскій совѣтовалъ бунтовать Галицію, либо Познань? Напротивъ, развѣ не прилагалъ я всевозможныя старанія, чтобы удержать эти провинціи отъ малѣйшаго революціоннаго движенія и развѣ не для того ускорилъ революцію въ Польшѣ, чтобы разрушить планы Николая относительно этихъ провинцій и оградить Европу отъ новыхъ атакъ?

Я зналъ очень хорошо, что покушенія Александра въ 1815, котораго агентомъ въ то время былъ Чарторыскій, — наполовину были уничтожены отдѣленіемъ Галиціи и Княжества Познанскаго. Николай хотѣлъ въ 1830 году это поправить, пользуясь Французской революціей, но мы не дали. Теперь, если бы Николай вздумалъ занять Галицію и Познань, мы бы дрались съ отчаяніемъ, хотя бы Пруссія и Австрія насъ не просили: ибо, съ присоединеніемъ нашимъ къ Россіи погасъ-бы для насъ послѣдній лучъ надежды. А потому сильно ошибаются тѣ, кто черезъ этотъ компромиссъ передъ своимъ правительствомъ боится стать врагомъ Николая. Можетъ быть, Европа и дворы въ тайнѣ болѣе цѣнятъ тѣхъ, кто хочетъ возстановить цѣлый край, а не одну Конгрессовую Польшу, и каждый разсудительный человѣкъ согласится, что ужъ черезъ-чуръ много намъ будетъ требовать отъ чуждыхъ народовъ, чтобы они воскресили нашъ бытъ своими войсками и своими милліонами, не имѣя въ виду чѣмъ-нибудь попользоваться и отъ насъ. Скорѣе всего, освободивъ наши земли изъ подъ Русской власти, они присоединили бы ихъ къ себѣ, въ вознагражденіе за военныя издержки, и вмѣстѣ изъ предосторожности, чтобы мы снова какъ нибудь не попали, по своей неловкости, въ руки Москалей.

Очень многіе говорятъ: Заливскій хочетъ-быть диктаторомъ, а человѣкъ онъ суровый, потачки давать не любитъ, не разбирая сословій. Хлопъ у него можетъ быть министромъ, лишь-бы оказался способнымъ и добросовѣстнымъ; а князь, графъ, вообще дворянинъ, пожалуй вѣчно останется простымъ солдатомъ, не-то канцеляристомъ, если не имѣетъ никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ титула. Въ случаѣ нарушенія порядка, хлопъ и дворянинъ караются у него одинаково. — На это не могу ничего возразить, ибо все это правда: я дѣйствительно таковъ. Но спрошу у васъ, что́ сгубило нашъ край, какъ не разныя послабленія, примѣры которыхъ можно видѣть на всякомъ шагу въ революціяхъ Костюшковской и Ноябрьской, гдѣ разные негодяи извиняли себя иной разъ тѣмъ, что не было письменныхъ приказаній: такой-де былъ планъ, отъ того-де проиграно сраженіе, что непріятель напалъ нечаянно, и тутъ-же то-и-дѣло кричали: единства и довѣрія—и все будетъ хорошо! Но чтобы явилось довѣріе и единство, долженъ быть кто-нибудь такой, кто-бы расправлялся со всякой дрянью и училъ уму-разуму непокорныхъ: вотъ это то и есть диктатура.

Толкуютъ еще: Заливскій республиканецъ, норовитъ устроить республику, которая никакимъ образомъ не удержалась-бы среди стольких монархій, одна какъ перстъ. На это скажу: точно, я республиканецъ и рѣшился умереть республиканцемъ; но все-таки я не такой безумецъ между республиканцами, какимъ меня обыкновенно представляютъ. Кажется, очень ясно выражено у меня и поставлено главнымъ правиломъ, въ основныхъ пунктахъ партизанскаго устава, что народъ самъ учреждаетъ себѣ правительство и законы. Не попрекали-бы меня этимъ, еслибъ оглянулись на Грецію и Бельгію. Обѣ эти земли поднялись за тѣмъ, чтобы быть республиками, но потомъ должны были согласить свое правленіе съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. Такъ и мы: если въ продолженіе нашей борьбы два-три народа не учредятъ у себя республикъ,—и мы не будемъ республикой: по крайней мѣрѣ все-таки станемъ на той дорогѣ, по которой идутъ Нѣмцы, Французы, Англичане и другіе, которые не знаютъ личнаго произвола правителей, имѣютъ законы, промышленность, просвѣщеніе и что-нидень идутъ къ большему и большему процвѣтанію, къ лучшимъ порядкамъ.

Многіе твердятъ, что Заливскій хочетъ ограбить шляхту и все отдать хлопамъ—построить на погибели однихъ счастіе и благоденствіе другихъ. Люди, говорящіе это, не понимаютъ дѣла, какъ оно есть и должно быть и вообще сжились съ невольничествомъ. У нихъ непре-

мѣнно кто нибудь сидитъ на верху и давитъ другаго: либо шляхта хлоповъ, либо хлопы шляхту. Нѣтъ того, чтобы представить себѣ среднее пропорціональное положеніе, гдѣ ни одинъ другаго не давитъ, а всѣмъ хорошо и удобно. Не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ такое дѣйствительно называется собственностью. Не знаютъ, что собственность — есть только то, что̀ пріобрѣтено трудомъ и промысломъ; а взятое и отнятое силой есть грабежъ и воровство. Не ужели, когда бы хлопъ взялъ у кого-либо что̀ даромъ и насильно, былъ-бы справедливъ? Затѣмъ, у кого это отнято, вѣчно бы оставалось право взять отнятое обратно, при первомъ удобномъ случаѣ. Тогда-бы край не имѣлъ, значитъ, правительства, а была-бы въ немъ страшнѣйшая анархія. Край, который беретъ собственность у однихъ, чтобы дать другимъ, долженъ заплатить за это по самой добросовѣстной оцѣнкѣ; и при томъ можетъ пріобрѣтать только то, что̀ для другихъ составляетъ излишекъ, что̀ имъ въ тягость, дабы снова продать тѣмъ, кто не имѣетъ никакой собственности и такимъ образомъ уравнять интересы и сдѣлать всѣхъ гражданами одной и той-же земли, дать всѣмъ соотвѣтственныя права. Это не только не будетъ беззаконно и несправедливо; напротивъ, народъ будетъ такимъ образомъ гарантированъ отъ взаимной ненависти сословій; низшій не будетъ имѣть причины мстить высшему за постоянное презрѣніе и несправедливость.

Наконецъ многіе говорятъ: положимъ все это и такъ, все это и хорошо, что̀ проповѣдуетъ Заливскій, но есть ли у него достаточныя способности, чтобы привести все это въ исполненіе? Настолько-ли онъ добропорядоченъ и честенъ, на сколько это требуется отъ человѣка, берущагося за подобную ролю? Эти вопросы принадлежатъ къ самымъ основательнымъ, къ самымъ справедливымъ и даже совершенно необходимы: ибо, никуда не годится дѣло, какъ бы оно само по себѣ чисто и хорошо ни было, если его отдадутъ въ руки неловкія и нечистыя. На все на это мнѣ отвѣчать нечего, ибо никто себѣ судьею не былъ и быть не можетъ. Вамъ, граждане, вамъ самимъ предоставляется вникнуть въ этотъ предметъ и осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, съ какой кому удобнѣе и лучше.

Немногаго прошу я у васъ для отечества: отъ каждаго горсть пороху и какое нибудь оружіе, а ужъ найдутся такіе, кто пуститъ это въ ходъ противъ Николая и его полчищъ, руководясь любовью къ своей землѣ и къ человѣчеству. Во сто разъ больше дали вы Чарторыскому и его клевретамъ, которые погубили край, и теперь даете тѣмъ, кто пресмыкается по переднимъ министровъ для того, чтобы

пускать вамъ пыль въ глаза, что вотъ-де мы какіе великіе люди и рано или поздно отстоимъ для васъ свободу; не то тѣмъ, кто пугаетъ васъ, что выдастъ правительству, если не станете давать денегъ, хоть собственно обвинить васъ передъ правительствомъ не въ чемъ; а потомъ смѣются и шиканятъ, что вы такіе довѣрчивые трусы.

Простите меня, граждане, за то, что, желая объяснить вамъ суть дѣла и мои цѣли, я высказалъ мѣстами горькую правду; ибо я не пришелъ сюда льстить и этимъ путемъ отыскивать себѣ сторонниковъ, а пришелъ просто-за-просто потолковать съ вами сообща о причинахъ нашего упадка, — а онѣ именно въ томъ-то и заключаются, къ несчастію, что я выразилъ въ этомъ воззваніи. И вы можете пожалуй пристать къ моимъ врагамъ: ваша на то есть воля, и у всякаго свои убѣжденія. Но будьте увѣрены, что меня ничто не собьетъ съ избраннаго пути; я все обдумалъ какъ надо и достаточно приготовился на всевозможныя опасности, страданія и смерть, чтобы теперь вдругъ ихъ испугаться и отступить назадъ. А что до того, какъ много у меня враговъ — это меня ни чуть не бозпокоитъ. Смерть будетъ во всякомъ случаѣ одна: съ оружіемъ-ли въ рукахъ, въ тюрьмѣ-ли, на эшафотѣ-ли, гдѣ бы ни пришлось, надѣюсь умереть съ достоинствомъ, приличнымъ человѣку. Вашъ преданный братъ

Іосифъ Заливскій *).

V (къ стр. 49).

ПРИСЯГА ВЪ ОБЩЕСТВѢ:

СОЮЗЪ ПОЛЬСКАГО НАРОДА

(Stowarzyszenie Ludu Polskiego).

Передъ лицомъ Бога и всего человѣчества, передъ лицемъ моей совѣсти, во имя святой Польской народности, во имя любви, которая соединяетъ меня съ несчастливою моею отчизною, во имя великихъ страданій, которыя она испытываетъ, во имя тѣхъ мукъ, которыя терпятъ мои братья Поляки; во имя слезъ, проливаемыхъ матерями по своимъ сынамъ, погибшимъ или теперь погибающимъ въ рудникахъ

*) Подлинникъ можно найти въ сочиненіи Борковскаго: Wyprawa Partyzancka do Polski w 1833. Lipsk, 1863, стр. 28—33.

Сибири, не-то въ казаматахъ крѣпостей; во имя трепета моей души, во имя этой страшной лѣни и апатіи; во имя крови мучениковъ, которая пролита и еще проливается на алтарь самоотверженія за отчизру; во имя ужасной и вѣчнопамятной Польской рѣзни: я, N N, зная, что въ силу Божескихъ и человѣческихъ законовъ всѣ люди равны, свободны и другъ другу братья — равны въ правахъ и обязанностяхъ, свободны въ употребленіи своихъ способностей (władz) ко всеобщему благу, братья для дѣйствій въ полномъ согласіи и единеніи къ изысканію этого блага; вѣря, что идти въ бой противъ насилія и неравенства правъ, въ отчизнѣ моей существующихъ, есть долгъ и доблесть; что сверхъ обязанностей Поляка у меня есть еще равно-священныя обязанности въ отношеніи всего человѣчества; что въ одномъ только народѣ почіетъ вседержавство (wszechwładztwo); убѣжденный, что согласіе составляетъ силу и что союзъ, заключенный между собою нашими притѣснителями, можетъ быть ниспровергнутъ единственно совокупными силами народовъ; проникнутый вѣрой въ грядущее Польши, единой, цѣлой, независимой, возсозданной на основаніяхъ вседержавства народа, вступаю съ полною искренностью въ союзъ Польскаго народа, какъ въ свободный союзъ угнетенныхъ Поляковъ противъ утѣснителей и ихъ сообщниковъ, для того, чтобы призвать къ новой жизни мою отчизну, согласно моимъ убѣжденіямъ. Посвящаю всѣ мысли, способности, дѣйствія и имѣніе борьбѣ, какую придется вести съ отдѣльными личностями, или цѣлыми кастами, попирающими святыя, божескія и человѣческія права и посягающими силой, искусствомъ или привиллегіями на свободу, равенство и братство Польскаго народа, либо другихъ народовъ. Соединяюсь со всѣми братьями Союза Польскаго народа подъ управленіемъ тѣхъ, кто ихъ представляетъ; признаю за своихъ братьевъ всѣхъ членовъ Союза Польскаго народа, въ особенности, и подобныхъ Европейскихъ корпорацій вообще, принимая на себя обязанности братства во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только онѣ отъ меня потребуются; обѣщаюсь не говорить никому того, что мнѣ будетъ ввѣрено обществомъ какъ тайна. Клянусь все это исполнить и въ случаѣ надобности кровію моею подтвердить. Если-же когда-либо сдѣлаюсь клятвопреступникомъ, то пусть меня удалятъ, съ позоромъ и презрѣніемъ, изъ лона Союза Польскаго Народа; имя мое да будетъ именемъ измѣнника, и несчастія, какія отъ этого послѣдуютъ, да падутъ на мою голову. Такъ да будетъ нынѣ и во всѣ времена!

(Присягающій во все время держитъ въ рукѣ горсть Польской земли).

VI (къ стр. 59).

ПИСЬМО КОНАРСКАГО

КЪ МАТЕРИ, НАКАНУНѢ ДНЯ ЕГО СМЕРТИ.

Милая матушка, братья, семья моя и всѣ вы, кто меня любилъ, кому душа моя обязана счастливѣйшими минутами жизни и всѣми лучшими воспоминаніями, — простите меня за слезы и страданія, которыя испытали вы потому, что я жилъ на этомъ свѣтѣ. Въ ту минуту, когда вы будете читать это письмо, участь моя вѣроятно уже рѣшится. Генералъ П. и Военный Судъ обѣщали мнѣ, что эти строки дойдутъ до васъ. Можетъ статься, природа побѣдитъ философію и всевозможныя разсужденія, потому-что сердце и права природы сильнѣе всего, что́ я могу съ полной откровенностью здѣсь высказать. Но я желалъ бы, по любви моей къ вамъ, чтобы спокойствіе и сила духа, какія я въ это мгновеніе чувствую, были присущи и вамъ, когда вы станете читать это письмо. Я бы желалъ перелить въ васъ всю мою душу, ибо тогда вы имѣли бы спокойствіе и отвагу, которыя я надѣюсь сохранить до самой смерти. Сегодня сообщили мнѣ приговоръ, осуждающій меня на смерть. Я готовъ васъ утѣшать, какъ и тѣ, которымъ угодно, не зная меня, являться ко мнѣ съ утѣшеніемъ, кто находитъ въ этомъ какую-то потребность. Утѣшаютъ меня, не вѣдая, что мнѣ это утѣшеніе вовсе не нужно. Мнѣ бы слѣдовало сдѣлать тоже самое въ отношеніи васъ, ибо знаю, что вы нуждаетесь въ утѣшеніи; но бывши цѣлую жизнь искреннимъ и чистосердечнымъ человѣкомъ, не хочу фальшивить и теперь, и объявляю вамъ прямо и откровенно, и надѣюсь: вы мнѣ вѣрите, что настоящій приговоръ не только меня не смущаетъ, напротивъ, я ему радъ. Еслибъ вы взглянули на меня въ эту минуту, вы бы прочитали на моемъ лицѣ, что я не лгу. И эта же самая искренность заставляетъ меня добавить, что еслибъ въ самомъ дѣлѣ случилось, какъ говорятъ, что меня помилуютъ и смертный приговоръ будетъ замѣненъ заключеніемъ въ крѣпость, тѣлеснымъ наказаніемъ, либо ссылкой въ Сибирь, — тогда я былъ-бы истинно несчастливъ, и ваши слезы и состраданія надъ моей судьбой были бы вполнѣ справедливы. Вѣдь вы конечно всѣ убѣждены, вмѣстѣ со мной, что лучше разъ умереть, мгновенно разстаться съ жизнію,

при пособіи палача, нежели умирать медленной смертію, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, гдѣ нибудь въ казематѣ, или рудникахъ Нерчинска. Да и вы ничего не потеряете отъ такого приговора, каковъ мой: однажды меня оплачете, однажды пожалѣете обо мнѣ (ужъ этого никакъ не могутъ вамъ запретить); за тѣмъ останется вамъ воспоминаніе, правда, печальное, но услаждаемое убѣжденіемъ, что я ничѣмъ себя не запятналъ и погибъ, облитый не только вашими слезами, но и слезами множества друзей, потому-что, могу сказать, я имѣлъ друзей во время жизни: меня любили почти вездѣ, гдѣ я жилъ. Такъ какъ это письмо, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ послѣднее, которое вы отъ меня получите, то я считаю моимъ долгомъ сказать тебѣ, моя матушка, какъ матери, въ устраненіе огорченій, которыхъ могу быть поводомъ послѣ моей смерти,—считаю долгомъ сказать тебѣ, что умираю съ чистой и спокойной совѣстью. Если же, послѣ моей кончины, злость и недоброжелательство, или грубая ограниченность начнутъ тебя преслѣдовать униженіемъ моей чести, не-то неблаговиднымъ изображеніемъ иныхъ моихъ дѣйствій на этомъ свѣтѣ; если найдутся люди, которые захотятъ, чтобы ты пережила и эти страданія, не вѣрь имъ, матушка: совѣсть моя чиста во всѣхъ отношеніяхъ, и нѣтъ никакой грязи на моей жизни. Я согрѣшилъ передъ лицомъ власти—и за это расчитываюсь головою; но передъ лицомъ человѣчества, передъ лицомъ чести и правоты, не смотря на ужасныя минуты, которыя прожилъ, передъ лицомъ самаго Бога, матушка, — кромѣ тѣхъ грѣховъ, которыхъ чтобы избѣжать, нужно быть болѣе, нежели человѣкомъ, кромѣ этихъ грѣховъ, за всѣ другіе не буду судимъ, не понесу вѣроятно и кары.

„Еще одна просьба къ вамъ ко всѣмъ, потому ко всѣмъ, что я знаю, вы люди бѣдные, и ты матушка, и ты братъ. И хоть тутъ дѣло идетъ не о большой суммѣ, но я васъ такъ много утруждалъ подобными просьбами, и другимъ, можетъ статься, это было подъ-часъ весьма не по сердцу..... болѣзненное чувство, которое я испытываю при воспоминаніи обо всемъ этомъ, заставляетъ меня объясниться прямо и откровенно...

Я остался долженъ 50 Прусскихъ талеровъ въ Лейпцигѣ и 100 франковъ въ Швейцаріи. Отдайте пожалуйста эти долги. Это послѣдняя милостыня, которой прошу у васъ. Адресы прилагаются. У кредитора въ Лейпцигѣ попросите извиненія, что такъ поздно расплачиваюсь и выразите ему мою искреннюю признательность. Тоже самое выразите и кредитору въ Швейцаріи. Не могу еще не попросить васъ,

чтобы вы, если обстоятельства позволятъ, поклонились отъ меня и той, которая, по чувству моего сердца, по выбору души моей, стала вамъ родственницей, стала частію вашего семейства. Я любилъ ее и, не смотря на всѣ душевныя потрясенія, какія перенесъ въ послѣдніе дни, люблю и до сихъ поръ. Не знаю, дозволитъ ли ей растерзанное сердце долго обо мнѣ помнить. Я ничуть не требую этого и нисколько не удивился-бы, еслибъ она меня забыла. Вѣдь все ея семейство изъ-за меня подъ арестомъ. Само собою разумѣется, что я не имѣлъ-бы другой жены, еслибъ остался жить. Кланяйтесь-же ей и всему ея семейству и попросите у нихъ, отъ моего имени, прощенія за всѣ слезы и страданія, какія они претерпѣли по причинѣ заключенія моего въ тюрьму. Ты, братъ, я знаю, любишь нашу бѣдную матушку: помни-же, что она много вынесла въ своей жизни отъ людей! Справедливо-ли? Это разсудитъ Богъ. Помни, что сверхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ ней, ты принимаешь на себя и мои обязанности. Смерть моя пускай не останавливаетъ тебя на пути къ женитьбѣ. Не носи отнюдь траура по мнѣ. Не знаю твоей избранной, а потому замѣчу только, чтобы ты не забывалъ, что кто женится, тотъ налагаетъ на себя обѣтъ на всю жизнь; но ты человѣкъ съ умомъ, опытенъ, а потому, вѣроятно, будешь счастливъ. Прими-же, мой милый Станиславъ, благословеніе отъ вашего Симона оттолѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ и всѣми тѣми изъ нашей семьи, кто оставилъ уже этотъ міръ, я буду ожидать всѣхъ васъ, свободный и покойный; ибо здѣсь, на землѣ, во время, которое проживаемъ, когда нужно вынести адскія муки, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ,—жизнь въ тягость. Ты скажешь когда-нибудь своимъ дѣтямъ, братъ, что на этомъ свѣтѣ жилъ Симонъ, братъ твой, который былъ честенъ и который любилъ-бы ихъ... Если Богъ дастъ тебѣ сына, назови его Янушемъ,—имя, которое я долго носилъ; а дочери дай имя Эмилія, дорогое моему сердцу. Что́ касается моихъ вещей, которыя здѣсь находятся, мнѣ сказали, что онѣ поступятъ въ казну. Хоть эти тряпки, безъ сомнѣнія, никому не нужны, однако можетъ случиться, что вамъ ихъ не отдадутъ. Оставляю это на волю судебъ.

Матушка! Милая матушка! Имѣй силы, имѣй духъ перенести ударъ, который тебя ожидаетъ. Помни, что съ тобою остается братъ мой и что ты обязана сохранить себя для его дѣтей. Что-бы онъ сталъ дѣлать, когда бы ты, предавшись отчаянію, покинула его сиротою. Со мною кончено, и толковать обо мнѣ не стоитъ. Но бѣдный братъ мой, оставшись на этомъ свѣтѣ одинъ, жилъ-бы, терзаясь тоскою, и наши души, смотря на

его страданія, также-бы страдали. Я же, хотя и одинъ иду на тотъ свѣтъ, перенесу эту разлуку, потому-что издавна къ ней привыкъ. Живите счастливо и свободно! О, еслибъ вы испытали хоть половину счастія, отвѣчающую половинѣ моихъ страданій!.. Прощайте и не жалѣйте обо мнѣ, ибо не о тѣхъ надо жалѣть, что идутъ туда, а о тѣхъ, кто остается здѣсь. Любите другъ друга, живите въ добродѣтели и будьте счастливы въ душѣ своей, и смерть вамъ будетъ также легка, какъ и мнѣ. Милый братъ мой! Не гонись за избытками и не желай болѣе того, что имѣешь—и Богъ благословитъ твой домъ. Не знаю, когда меня казнятъ, но мнѣ все равно: сегодня, завтра, черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ. Спокойной ночи вамъ, дорогіе моему сердцу! Въ Румбовичахъ, подлѣ могилы тетушки, положите камень, безъ всякихъ надписей и простой, такъ-какъ я жилъ просто, не побарски: положите его на память обо мнѣ. Я буду ходить туда съ тетушкой и утѣшаться вашимъ счастіемъ, не то—плакать о вашей недолѣ. Вѣрю въ моего Бога, что это будетъ мнѣ дозволено; а потомъ, когда и вы соединитесь со мною, мы будемъ ходить туда всѣ вмѣстѣ и шутя вспоминать о нашихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, испытанныхъ нами въ земную нашу жизнь. Ксендзъ говоритъ, что я буду разстрѣлянъ сегодня. Прощайте! Надѣйтесь на милосердіе Божіе также, какъ и я надѣюсь.

Симонъ Конарскій.

VII—VIII.

ИНСТРУКЦІИ МИРОСЛАВСКАГО.

I. ИНСТРУКЦІЯ ДЛЯ ОКРУЖНЫХЪ КОМИССАРОВЪ И ОФИЦЕРОВЪ.

1) Революціонная власть есть единая, абсолютная, гарантированная заговоромъ (przez mandat sprzyśiężenia). Кромѣ этой власти всякія другія будутъ учреждаемы непосредственно ею самою.

2) Правительство, утверждаемое заговоромъ, можетъ быть возобновляемо и измѣняемо по желанію большинства членовъ, устраненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и замѣной ихъ новыми. Состоитъ не болѣе какъ изъ семи и не менѣе какъ изъ пяти членовъ. Оно не можетъ устранить изъ себя за одинъ разъ болѣе одного члена.

3) Это правительство, какъ исполнительная и законодательная власть, постановляетъ законы и приводитъ ихъ въ исполненіе чрезъ своихъ чиновниковъ.

4) Революціонная Польша остается подъ абсолютною властью такого правительства до тѣхъ поръ, пока не будетъ освобождена въ смыслѣ

географическомъ и политическомъ отъ всѣхъ внѣшнихъ враговъ и обезпечена отъ контръ-революціи. Какъ только то и другое будетъ достигнуто,—правительство сзываетъ обыкновенный сеймъ (sejm normalny), которому передаетъ свою власть и предоставляетъ устройство всѣхъ частей по организаціи края.

5) Возстающая Польша дѣлится въ смыслѣ географическомъ и административномъ на пять Главно-Управленій (Wielkorządztw), какъ-то: Пруссія и Великое Княжество Познанское, обѣ Галиціи, Руси, Литва и Конгрессовая Польша. Въ каждое изъ этихъ Главно-Управленій будетъ назначенъ главно-управляющій (Wielkorządzca), какъ уполномоченный правительства, утверждаемый самимъ правительствомъ и имъ же смѣняемый.

Каждое Главно-Управленіе дѣлится на округи, которыхъ границы заключаются въ нынѣшнихъ округахъ, обводахъ и уѣздахъ.

Начальникъ округа есть окружный коммисаръ, котораго назначаетъ главно-управляющій, а утверждаетъ правительство.

Каждый округъ дѣлится на гмины, согласно теперешнему дѣленію. Начальниками въ гминахъ будутъ войты, которыхъ представляютъ правительству на утвержденіе коммисары и главно-управляющіе.

6) Для удержанія порядка въ революціи, главноуправляющій назначаетъ въ каждой провинціи двухъ генеральныхъ инспекторовъ, съ полицейской властью, кои или сами лично объѣзжаютъ ввѣренные имъ обводы, или посылаютъ туда подчиненныхъ имъ чиновниковъ съ тѣмъ, чтобы всѣ революціонныя инструкціи были исполняемы съ возможной точностью. Они должны распространять возстаніе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно еще не проявилось; уничтожать всякое сопротивленіе; представлять высшей власти всѣхъ уклоняющихся отъ исполненія своихъ обязанностей и тѣхъ, кто окажетъ непослушаніе, или даже хоть равнодушіе къ дѣлу—отправлять въ революціонный трибуналъ.

7) При каждомъ Главно-Управленіи долженъ быть учрежденъ самимъ главноуправляющимъ постоянный революціонный трибуналъ 1-й инстанціи, изъ пяти членовъ. Трибуналъ этотъ представляетъ свои приговоры на утвержденіе правительству. Желательно при этомъ, чтобы правительство установило высшій судъ, который бы могъ заступать высшую власть въ отношеніи произнесенія приговоровъ послѣдней инстанціи. Коммисары обводовъ будутъ de facto и революціонными мировыми судьями. Всякій, отказывающійся повиноваться приказаніямъ какого-либо чиновника, лишается покровительства законовъ,

8) Основаніе революціонной администраціи есть округъ. Необходимо, чтобы окружные коммисары какъ можно лучше уразумѣли систему революціоннаго правительства и вводили ее во всѣ части своей администраціи.

9) Взрывъ.

Въ одинъ и тотъ же день и часъ подымается весь народъ такимъ образомъ:

Возстаніе въ гминахъ.

Какъ только присягнувшіе освободятся отъ своихъ притѣснителей, собираютъ всѣхъ жителей гмины и отдаютъ ихъ подъ управленіе войта. Войтъ выбираетъ изъ нихъ способныхъ носить оружіе, формируетъ отрядъ и отправляетъ его, подъ начальствомъ какого-либо военнаго, въ главный городъ округа, не обращая вниманія на то, занятъ онъ или не занятъ возстаніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ вооружившаяся ранѣе другихъ гмина должна быть образцомъ для всѣхъ прочихъ, и начальникъ ея становится начальникомъ другихъ. Когда соберутся всѣ, то атакуютъ городъ. Если нападеніе будетъ неудачно, тогда окружный коммисаръ, который обязанъ быть въ числѣ осаждающихъ, отводитъ свой отрядъ въ какой-либо иной пунктъ округа, имъ самимъ выбранный. Въ первомъ же случаѣ, если городъ, вслѣдствіе удачнаго нападенія или осады, взятъ, окружной коммисаръ дѣлаетъ слѣдующія распоряженія:

a) укрѣпляетъ городъ снаружи,

b) раздѣляетъ вооруженныя силы и

c) организуетъ революціонно все оставшееся внѣ организаціонныхъ условій.

Революція въ главныхъ городахъ округовъ.

По назначеніи коммисаромъ всѣхъ властей въ округѣ, собираетъ онъ жителей и дѣлитъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первый наборъ поступаютъ тѣ, кто выкажетъ болѣе расположенія къ службѣ и болѣе способенъ носить оружіе, равно тѣ, кто будетъ лучше вооруженъ. Вся эта масса дѣлится повоенному на баталіоны, эскадроны, роты и взводы, командованіе которыми коммисаръ поручаетъ опытному офицеру, снабжаетъ ихъ на три дня провіантомъ, военными припасами и отправляетъ на сборный стратегическій пунктъ.

По выступленіи перваго отряда коммисаръ дѣлитъ оставшійся народъ на двѣ категоріи. Къ первой относятся люди, способные носить

оружіе, которые не попали въ первый разрядъ. Вся эта масса, подъ названіемъ *втораго набора*, поступаетъ подъ начальство способныхъ инструкторовъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней обучается первоначальнымъ экзерциціямъ. Потомъ, будучи снабжена всѣмъ, чѣмъ и первая, отправляется на сборный провинціальный пунктъ, гдѣ поступаетъ подъ команду начальника резервнаго корпуса.

Наконецъ остается *третій*, послѣдній революціонный наборъ, состоящій изъ лицъ всякаго возраста и пола, кои предназначаются въ военныя мастерскія съ желѣзныхъ дорогъ; коммисаръ дѣлитъ этотъ народъ по ремесламъ, кто къ чему способенъ и привыкъ, и каждой части укажетъ соотвѣтственныя занятія и обязанности. Съ этой цѣлью дѣлитъ онъ прежде всего ремесленниковъ, которыхъ можно употребить для какихъ-либо военныхъ работъ, сортируетъ ихъ поротно и отдаетъ подъ команду особымъ ремесленничьимъ капитанамъ и поручикамъ, помѣстивъ въ особыхъ домахъ и распредѣливъ работу. Все же прочее, долженствующее заниматься преимущественно земледѣліемъ, останется дома, подъ начальствомъ солтысовъ, которые обязаны строго наблюдать за подчиненными имъ людьми.

Ремесленничьи роты должны быть вооружены и будутъ обучаться первоначальнымъ артикуламъ. Назначеніе ихъ—защищать укрѣпленные пункты округовъ и вести мѣстную войну въ районѣ округа. Гминныя роты тоже должны обучаться военнымъ артикуламъ и вести мѣстную войну.

О Духовенствѣ.

Тамъ, гдѣ пробощъ, извѣстный по своимъ патріотическимъ чувствамъ и способностямъ, не будетъ сдѣланъ окружнымъ коммисаромъ,—остается на мѣстѣ при послѣднемъ резервѣ.

Самые низшіе духовные чины должны быть распредѣлены по войскамъ перваго и втораго набора капелланами.

Капелланъ, оказывающій непослушаніе, лишается духовнаго сана и будетъ употребленъ согласно своихъ способностей.

10) Система реквизиціи.

Весь поднятый революціею край становится достояніемъ революціоннаго правительства. Всѣ подати приведутся къ одной цифрѣ и то, что будетъ причитаться съ каждаго человѣка, должно, въ случаѣ приказанія отъ правительства, выплачиваться безпрекословно. Главноуправляющіе передаютъ окружнымъ коммисарамъ росписаніе всего, что требуется правительствомъ, означая количество и родъ предметовъ; окружные

же коммисары доставляютъ все это войсковымъ интендантамъ изъ общественныхъ складокъ. Отсюда на обязанности окружныхъ коммисаровъ лежитъ доставлять все требуемое для уфортификованія округа и для мастерскихъ.

Доставляющимъ по своей обязанности особенные предметы въ окружный складъ, окружные коммисары даютъ квитанціи во взятыхъ деньгахъ или матеріалахъ. Никто не можетъ уклоняться отъ взноса контрибуціи со своего имущества на общую пользу, если только ему будетъ выдана квитанція. Кто станетъ прекословить и окажется непослушнымъ приказанію генеральнаго инспектора, будетъ арестованъ, и участь его будетъ зависѣть отъ рѣшенія главноуправляющаго.

II. Инструкція для окружныхъ коммисаровъ.

11) Въ занятыхъ уже округахъ коммисары не будутъ непосредственно сноситься съ начальниками военныхъ силъ, а только входятъ въ объясненіе съ интендантами, касательно потребности войскъ. Интенданты же, по желанію командующихъ войсками, испрашиваютъ распоряженій отъ главноуправляющихъ.

Такимъ образомъ, интендантъ служитъ посредникомъ между заявленіемъ командующихъ и приказами главноуправляющаго. Лишь тогда коммисаръ обязанъ повиноваться командующему войскомъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи фортификаціонныхъ, или другихъ военныхъ работъ, въ смыслѣ географическомъ или стратегическомъ.

12) Окружный коммисаръ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ главноуправляющимъ. Обязанъ представлять ему регулярные рапорты и неукоснительно исполнять его приказанія. Въ сношеніяхъ съ генеральнымъ инспекторомъ строго держится инструкціи. Кромѣ того, что̀ изложено въ инструкціи, онъ ни въ чемъ не зависитъ отъ инспектора.

13) Что̀ главноуправляющій въ отношеніи окружнаго коммисара, то коммисаръ въ отношеніи къ войскамъ въ деревняхъ и къ муниципальнымъ учрежденіямъ въ городахъ.

Сельскія гмины, по естеству своему, суть почти исключительно военно-ремесленничьи поселенія. Какъ сельскія, такъ и городскія должны имѣть одну и туже военную организацію и одного общаго начальника.

14) Каждый городъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ бурмистра, а также, гдѣ окажется это нужнымъ, — подъ вѣдѣніемъ цыркуловыхъ комиссаровъ, зависящихъ отъ бурмистра. Бурмистръ и подчиненные ему ком-

мисары подчиняются взаимно окружному комимсару, какъ равно и всѣ находящіеся въ предѣлахъ округа чиновники.

15) Всѣ поименованныя власти должны быть установлены въ каждомъ добытомъ революціей округѣ.

Каждая часть, не тронутая возстаніемъ, должна быть все-таки занята:

a) или посредствомъ самостоятельнаго взрыва на мѣстѣ и чиновниковъ, выше означенныхъ.

b) или какимъ-нибудь отрядомъ, по ней проходящимъ.

c) или наконецъ пограничнымъ уже организованнымъ какъ надо округомъ.

Въ первомъ случаѣ гражданинъ, которому удастся произвести возстаніе, будетъ de facto окружнымъ коммисаромъ и установитъ временно всѣ прочія власти округа. Въ другомъ случаѣ тоже самое исполнитъ начальникъ отряда, освободившій какую-либо волость. Въ третьемъ—коммисаръ сосѣдняго округа.

16) Со стороны революціонной организаціи весь край дѣлится нѣкоторымъ образомъ на три части:

a) на провинціи освобожденныя, въ коихъ нормальная революціонная организація должна служить образцомъ для прочихъ округовъ.

b) на провинціи, коихъ освобожденіе началось, т. е. такія, гдѣ должно биться съ непріятелемъ. Начальники военныхъ силъ въ такихъ провинціяхъ пользуются неограниченною властью вплоть до совершеннаго этихъ провинцій освобожденія, послѣ чего переходятъ въ первую категорію.

c) на провинціи, состоящія подъ игомъ, гдѣ инстинктъ жителей заступаетъ мѣсто приказовъ правительства, что до стремленія привести все какъ можно скорѣе къ упомянутой революціонной системѣ. Каждый округъ, который освободится самъ собою, долженъ поступить подъ начальство нормальной организаціи правительства.

d) Агентъ, получающій настоящую инструкцію, этимъ самымъ утверждается въ должности окружнаго коммисара и обязанъ ввести въ своемъ округѣ организацію союза, согласно съ формами, установленными инструкціей, въ особенности употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы до всѣхъ гминъ могли дойти приказанія, которыя отданы властями еще до взрыва. Всѣ агенты и чиновники непремѣнно обязаны выбрать себѣ помощниковъ, кои бы, въ случаѣ надобности, могли заступить ихъ мѣсто и, назначивъ, увѣдомить о томъ главноуправляющаго.

III. Инструкція для окружныхъ офицеровъ.

По полученіи настоящей инструкціи, окружные комиссары должны или сами лично, или снесясь съ депутатами, замѣстить всѣ должности въ округѣ. А именно: 1) помощника комиссара, 2) войта гмины, 3) трехъ офицеровъ въ каждый округъ.

Съ этими посльдними коммисаръ условливается, какимъ образомъ удобнѣе уничтожить всякіе гарнизоны въ округѣ. При чемъ имѣется въ виду, что самый способъ уничтоженія есть не иное что, какъ нападеніе въ расплохъ и Сицилійскія вечерни.

Оставя въ сторонѣ планъ общаго возстанія, о чемъ будетъ сказано ниже, и что̀ можетъ быть исполнено только по уничтоженіи большей части непріятельскихъ гарнизоновъ, комиссаръ, а послѣ него старшій офицеръ, должны стараться лишь о томъ, чтобы къ назначенному дню и часу всѣ необходимыя средства для нечаяннаго на войска нападенія, для захвата кассъ и овладѣнія складами въ округѣ, были въ совершенной готовности.

При этомъ комиссаръ округа, сильнѣйшаго организаціею или меньшимъ числомъ непріятельскихъ силъ, обязанъ подавать помощь людьми и запасами округу, менѣе сильному въ отношеніи организаціи и еще находящемуся въ непріятельской власти.

Если бы нужно было захватить гдѣ-либо значительный непріятельскій гарнизонъ, то всѣ сосѣднія земли, не обращая вниманія на разграниченіе округовъ, а заботясь единственно лишь о выборѣ лучшихъ средствъ и соображаясь съ положеніемъ дѣлъ, должны поспѣшить въ то мѣсто съ помощью.

Отбытіе этой помощи изъ разныхъ пунктовъ въ указанное мѣсто должно быть разсчитано такъ, чтобы всѣ люди сошлись неподалеку оттуда, въ одно и тоже время, ночью. Можно въ случаѣ надобности посадить людей на подводы. При этомъ отрядѣ должны находиться всѣ офицеры округа, подъ начальствомъ одного старшаго.

Отрядъ сей долженъ въ извѣстный часъ ударить на непріятеля, условясь въ подробностяхъ съ мѣстной организаціей, а гмины всего округа, подъ защитой этого движенія, обязаны также явиться на помощь. Само собою разумѣется, что этимъ первоначальнымъ движеніямъ никакихъ точныхъ правилъ предписать нельзя: онѣ зависятъ большею частью отъ распоряженій комиссара и мѣстныхъ офицеровъ. Только нужно имъ имѣть въ виду, что это нападеніе должно совершиться на

подобіе Сицилійскихъ вечерень посредствомъ обмана и хитрости, относительно чего необходимо нападающимъ условиться въ подробностяхъ со всею откровенностью.

Послѣ этого единовременнаго нападенія на всемъ пространствѣ Польши, дальнѣйшія движенія должны происходить въ извѣстныхъ границахъ, согласно слѣдующему плану:

1) Выступленіе вооруженныхъ гминъ въ главные города округовъ, укрѣпленіе этихъ городовъ, устройство военныхъ мастерскихъ и раздѣленіе готовой ко всякому движенію силы, которая служитъ началомъ къ образованію корпуса.

2) Выступленіе отборныхъ силъ изъ главныхъ городовъ округа въ стратегическій пунктъ. Мѣсто соединенія повстанскихъ гминъ отъ осьми округовъ, имешно: Медзыховскаго, Мендзыржецкаго, Вольштынскаго, Всховскаго, Костянскаго, Буховскаго, Шамотульскаго и Познанскаго, — назначается подъ Бугомъ, между озерами Непрошовскимъ и Слупскимъ, равно за ихъ чертою. Всѣ собравшіяся въ этомъ пунктѣ силы составятъ ядро резервнаго корпуса Велико-Польши. Эти силы или тронутся къ Познани, если цитадель оной будетъ взята посредствомъ удачнаго нападенія, или станутъ тревожить гарнизонъ сказаннаго города и такимъ образомъ охранять округи, въ теченіи двухъ-трехъ дней, отъ всякаго движенія противъ нихъ непріятельской силы изъ этого пункта. Главноуправляющій долженъ пользоваться этими днями и извлечь изъ нихъ возможно-большую пользу, подымая всю провинцію и стягивая къ резервному корпусу всѣ вспомогательные отряды, какіе только находятся въ томъ краѣ.

Такъ какъ цитадель можетъ быть взята, а можетъ и нѣтъ: то, въ первомъ случаѣ, позволительно предполагать, что все княжество будетъ освобождено въ двѣ недѣли. Тогда первый наборъ (означенный на картѣ желтою краской) будетъ считаться принадлежащимъ къ дѣйствующему корпусу и двинется для усиленія его изъ Познани въ Пыздры. Второй наборъ, означенный двумя цвѣтами, сберется въ Познани, гдѣ будетъ организоваться и останется въ княжествѣ на случай отраженія вторичнаго нападенія Пруссаковъ, до тѣхъ поръ, пока перевѣсъ Польскихъ силъ (дѣйствующаго корпуса) надъ Русскими не дозволитъ резервному корпусу подать помощь тѣмъ войскамъ. Въ случаѣ неудачи, резервный корпусъ оставитъ княжество, соединится съ дѣйствующимъ корпусомъ и будетъ составлять неотъемлемую его часть. Надо стараться только, чтобы коммуникація между этими двумя корпусами отнюдь не прерывалась.

Если же бы Познань не была взята, послѣ внезапнаго овладѣнія цитаделью, резервный корпусъ удержитъ при себѣ всѣ наборы, означенные желтой краской, равно и второй наборъ, означенный розовой краской. Соединеніе всѣхъ этихъ силъ послѣдуетъ черезъ Оборники и Шремъ, кои непремѣнно должны быть взяты при первомъ же взрывѣ, снабжены достаточнымъ количествомъ паромовъ и укрѣплены старательнѣе, чѣмъ всякіе другіе главные города округовъ. Резервный же корпусъ долженъ тогда имѣть въ виду:

1) Не допускать къ Познани никакихъ подкрѣпленій и по мѣрѣ того, какъ онѣ, избѣгнувъ окружныхъ возстаній, будутъ подходить къ Познани съ разныхъ сторонъ, дабы подать помощь тамошнему гарнизону, —разбивать ихъ по одиночкѣ.

2) Поддерживать сообщеніе съ правымъ берегомъ Варты черезъ Оборники и Шремъ, въ одномъ изъ коихъ будетъ резиденція администраціи Великаго Княжества: т. е. будетъ жить главноуправляющій, съ властями и посылать приказанія на оба берега Варты. Резервный корпусъ будетъ имѣть коммуникацію съ дѣйствующею арміей черезъ эти же два пункта.

3) Помогать нападающимъ повторять нападенія на Познанскій гарнизонъ, пока не подойдутъ Поморскія и Силезско-Прусскія колонны; тогда ударить на одну изъ нихъ всей массой и, разбивъ ее, броситься въ другую сторону, и т. д. Въ случаѣ неудачи нападенія, резервный корпусъ долженъ отступить, черезъ Оборники или Шремъ, на правый берегъ Варты, для соединенія съ корпусомъ дѣйствующей арміи.

Способъ дѣйствій резервнаго корпуса зависитъ отъ того, удастся или не удастся взятіе цитадели, а потому:

4) Одновременно съ возстаніемъ всѣ[illegible] края постараться всемѣрно овладѣть цитаделью — иначе сказать: поднять Познань. Для этого могутъ быть употреблены двѣ силы: одна, изъ района въ двѣ или въ двѣ съ половиною мили, тронется съ наступленіемъ сумерекъ и въ одиннадцать часовъ вступитъ въ городъ, подъ начальствомъ самого главноначальствующаго. Атакѣ этой помогаетъ резервъ, который будетъ находиться въ недостроенныхъ домахъ, за городомъ, а оттуда или двинется въ городъ, или отступитъ подъ Букъ, къ штабу резервнаго корпуса. Другая сила есть возстаніе въ городѣ, которое, раздѣляясь на четыре части, каждая подъ начальствомъ особаго отважнаго начальника, — ударитъ на входъ въ цитадель, на кавалерійскія конюшни, на эскадронъ гусаръ, на жилища высшихъ гражданскихъ и военныхъ на-

чальниковъ и на артиллерійскій паркъ. Если бой въ городѣ затянется, то резервъ вступаетъ въ городъ и поддерживаетъ борьбу въ улицахъ и на баррикадахъ. Если-же все это не удастся, отряды отступятъ къ резервному корпусу, подъ Букъ, гдѣ командиръ корпуса присоединитъ ихъ къ собраннымъ въ томъ пунктѣ силамъ:

Что до дѣйствующаго корпуса, означеннаго розовой краской,—окружные коммисары и офицеры обязаны знать, что вездѣ, послѣ нападенія на Прусскіе гарнизоны, войска перваго набора (желтая краска) относятся къ дѣйствующему корпусу и въ Познань никоимъ образомъ идти не могутъ, но должны спѣшить къ границамъ Польши, какъ въ сборный пунктъ арміи.

Сборный этотъ пунктъ всѣхъ силъ, т. е. съ округовъ: Иновроцлавскаго, Быдгощскаго, Шубинскаго, Выржискаго, Ходзешинскаго, Чарнковскаго, Оборницкаго, Венгровскаго, Гнѣзненскаго, Шродскаго, Шремскаго, Вржесневскаго и Могельницкаго, — есть Рогово надъ Вартой, между озеръ, у истоковъ р. Велны.

Сборный пунктъ для силъ перваго набора, съ лѣваго берега Варты, т. е. округовъ: Пѣшовскаго, Одоляновскаго, Острешовскаго, Кротошинскаго, Кробскаго—есть Плешовъ. Въ случаѣ, когда-бы значительныя силы Русскихъ явились внезапно надъ Вартой, между Коломъ и Пыздрами,—обѣ колонны, стоящія въ Роговѣ и Плешовѣ, должны временно соединиться при впаденіи Просны въ Варту. Въ продолженіи сего, коммисаръ и офицеры Вржесневскаго округа приглашаются устроить въ этомъ пунктѣ полевой блокгаузъ, на косѣ, между двумя рѣками, и перекинуть два моста черезъ оба рукава сказанныхъ рѣкъ.

Это мѣсто, въ стратегическомъ отношеніи, должно быть почитаемо за главный пунктъ и мѣсто вступленія въ конгрессовую Польшу всего дѣйствующаго корпуса Познан[illegible] арміи.

Примѣчаніе. Подлинникъ можно видѣть въ XXIX т. Biblioteki Pisarzy Polskich, стр. 226—236.

IX (къ стр. 79)

ПИСЬМО КОССОВСКОЙ КЪ ЯСИНСКОМУ.

Ксаверій! Пришла минута, когда ты много можешь сдѣлать для отечества. Человѣкъ, который вручитъ тебѣ это письмо, заслуживаетъ довѣрія. Я съ своей стороны увѣряю тебя, что еслибъ не знала о сред-

ствахъ, какія мы въ состояніи пустить въ ходъ, когда бы не видѣла ихъ силы, не стала-бы выставлять тебя и добрыхъ нашихъ слугъ (poczciwych chłopków) на явную опасность. Помни, что если не поступишь въ этомъ случаѣ энергически, — многихъ и себя погубишь. Будь искренъ, если рѣшишься дѣйствовать.

Тереза Коссовская.

ЕЯ ЖЕ ПИСЬМО КЪ ЦИХОЦКОМУ.

Дорогой Романъ! Знаю, что ты ожидаешь двухъ знаковъ (dwa stanowcze hasła). Если бы они замедлили, — сообрази всѣ обстоятельства, вспомни, что если столько идетъ, тебѣ оставаться въ бездѣйствіи нельзя. Дорогой Романъ! Пишу къ тебѣ, какъ къ брату; смѣло зову тебя, такъ-какъ и сама тутъ-же. Смѣло зову, зная, что не откажешь; а другаго знака дождаться трудно.

Сестра твоя Тереза Коссовская.

11/2 46. Warszawa.

X (къ стр. 120).

РАЗСКАЗЪ КОМАНДИРА КРЕМЕНЧУГСКАГО ЕГЕРСКАГО ПОЛКА О ЗАНЯТІИ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ГОРОДА КРАКОВА.

(въ 1846 году.)

7-го или 8 Февраля 1846 года, [illegible] девять часовъ вечера, я получилъ въ Кѣльцахъ эстафету отъ начальника Корпуснаго Штаба, полковника Фролова: „имѣть ближайшій къ полковому штабу 2-й баталіонъ командуемаго мною полка готовымъ къ выступленію въ Краковъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ отъ тамошняго Русскаго резидента, вспыхнулъ мятежъ.“

А въ ночь, съ 10 на 11 число, пришло повелѣніе фельдмаршала: „съ полученія сего баталіону выступить, забравъ съ собою стоящихъ на пограничномъ кордонѣ казаковъ“. Я сдѣлалъ надлежащее распоряженіе, и баталіонъ выступилъ утромъ 11-го, а черезъ 24 часа былъ уже въ Мѣховѣ (70 верстъ отъ Кѣльцъ.) Здѣсь мы нашли Радомскаго военнаго начальника, полковника Горлова, и мѣстнаго начальника уѣз-

да, Пёнтковскаго, въ большой тревогѣ. Ходили слухи, что Краковъ съ окрестностями всталъ и учредилъ Народное Правительство, а войска Австрійцевъ прогнаны. Поэтому, въ Мѣховѣ боялись вторженія повстанцевъ и спѣшили отправить въ Кѣльцы дѣла присутственныхъ мѣстъ и казенныя суммы.... Военный начальникъ вскорѣ передалъ мнѣ полученную имъ на мое имя эстафету изъ Галиціи, отъ нашего резидента, который, извѣщая меня о выходѣ изъ Кракова Австрійскаго гарнизона, съ городской милиціей и всѣми тремя резидентами, остерегалъ, что занятіе сказаннаго города, гдѣ инсургенты дѣйствительно учредили свое правительство, едва-ли возможно тѣми силами, которыми я располагаю.

Вслѣдствіе этого я распорядился такъ: мѣстную жандармскую команду, при офицерѣ, послалъ на рекогносцировку къ дер. Скальбержъ и мѣстечку Олькушъ, откуда нападеніе казалось болѣе вѣроятнымъ. Одну роту моего полка двинулъ къ Михаловицкой таможнѣ, по шоссе; другую къ пограничной заставѣ Шицъ, проселочной дорогой, а третью, съ батальоннымъ командиромъ, въ м. Сломники. Четвертая осталась, съ батальоннымъ штабомъ и обозомъ, въ Мѣховѣ. Самъ я, одновременно съ выступленіемъ первыхъ трехъ ротъ, отправился въ почтовой бричкѣ къ Михаловицкой таможнѣ, куда прибылъ довольно рано утромъ 13 Февраля, и остановился у корчмы, гдѣ были казаки. Къ удивленію моему я нашелъ ихъ лошадей разсѣдланными и всѣхъ людей въ разбродѣ. Сдѣлавъ выговоръ сотенному командиру и велѣвъ проворнѣе подсѣдлать и быть готовыми къ встрѣчѣ непріятеля во всякую минуту, самъ пошелъ съ сотникомъ въ таможню, дабы передать ему кое-какія письменныя инструкціи относительно казаковъ.

Не прошло и десяти минутъ послѣ нашего прибытія въ таможню, какъ стражникъ, стоявшій у шлагбаума, вбѣжалъ къ намъ съ испуганнымъ лицомъ и объявилъ, что по шоссе отъ Кракова ѣдутъ какіе-то всадники, въ красныхъ шапкахъ и темныхъ буркахъ. Всѣ чиновники выбѣжали вонъ и закричали: „Кракусы! Кракусы!“ Я выскочилъ также на крыльцо и точно увидѣлъ два эскадрона на полныхъ рысяхъ, направлявшіеся къ таможенной заставѣ. Поравнявшись съ послѣднимъ верстовымъ столбомъ, они придержали лошадей, по видимому для того, чтобы собраться въ одну кучу,—и потомъ понеслись во весь карьеръ къ шлагбауму. Начальникъ, какъ говорили послѣ Мазараки, очень извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ, такъ-какъ онъ арендовалъ разныя имѣнія въ Мѣховскомъ уѣздѣ,—и его адъютантъ мчались напереди. Подскакавъ къ самому шлагбауму, начальникъ закричалъ сторожу: отворяй!

Шлагбаумъ былъ запертъ; сторожъ долго суетился, ища ключь, однако нашелъ и отперъ—и повстанцы понеслись къ корчмѣ.

Пока это происходило, казначей таможни успѣлъ втолкнуть меня въ бричку, сѣлъ подлѣ меня самъ и крикнулъ ямщику: „пошелъ!“ Мы мчались, а повстанцы висли у насъ, что̀ называется, на хвостѣ и конечно захватили-бы въ плѣнъ, если-бы только догнали. Но мы примчались благополучно къ корчмѣ, гдѣ были казаки, совсѣмъ готовые къ бою. Завязалась перестрѣлка, кончившаяся нѣсколькими раненными и убитыми съ обѣихъ сторонъ. Послѣ сего Мазараки съ Кракусами снова скрылся за заставой. Какъ мы узнали послѣ, съ ихъ стороны былъ между прочимъ раненъ одинъ изъ Іордановъ, тоже нашъ помѣщикъ, собравшій небольшую банду.

На другой день подобное нападеніе должно было повториться: повстанцы явились уже съ отрядомъ пѣхоты, но мы имѣли у корчмы одну карабинерную роту, которую я послалъ на-канунѣ съ дороги. Простоявъ нѣсколько времени въ полу-верстѣ отъ корчмы, повстанцы воротились въ Краковъ.

Донесеніе мое о появленіи Кракусовъ на самой границѣ и о стычкѣ ихъ съ казаками произвело въ Варшавѣ тревогу, вслѣдствіе чего фельдмаршалъ предписалъ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту Панютину, сформировать значительный отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, и двинуться съ нимъ къ Мѣхову. (Панютинъ находился въ Кѣльцахъ). Я тоже счелъ необходимымъ концентрировать свой баталіонъ и собралъ роты изъ Сломниковъ, Шицъ и Михаловицъ въ Мѣховъ, оставя на границѣ, для наблюденія за непріятелемъ, однихъ казаковъ; Мѣховъ-же съ уѣздомъ объявилъ на военномъ положеніи и отобралъ у жителей всякое оружіе.

15 Февраля на-зарѣ мы услышали со стороны Кѣльцъ рѣзкій лошадиный топотъ: это былъ авангардъ генерала Панютина. Музульмане, считавшіеся конвоемъ намѣстника, на своихъ лихихъ Карабахскихъ коняхъ—изрядная вольница, позволявшая себѣ по пути разныя Азіатскія шалости. Болѣе всего доставалось отъ нихъ кондитерскимъ. Такъ и въ Мѣховѣ, они туже минуту разбили кондитерскую, Карабахскихъ своихъ лошадей ставили по лучшимъ домамъ и тутъ-же сами спали! Впрочемъ фельдмаршалъ за все это щедро платилъ изъ своего кармана.

Въ 9 часовъ утра прибылъ генералъ-маіоръ Безакъ, исправлявшій должность начальника штаба, такъ называемаго, „Краковскаго отряда;“ а часомъ позже и самъ командующій отрядомъ, генералъ-лейтенантъ

Панютинъ. Имъ отвели помѣщеніе на почтовой станціи, какъ въ лучшемъ домѣ города. Безакъ сей-же часъ назначилъ войскамъ новую диспозицію: второму баталіону Кременчугскаго полка выступить немедля, съ Музульманами, въ м. Сломники и тамъ остановиться, пока не подойдутъ въ Мѣховъ два батальона пѣхоты (4-й Сѣвскій и 4-й Кременчугскій) и казачья конная батарея. Въ Краковъ послали, для собранія свѣдѣній, жандармскаго полковника Повало-Швейковскаго. Были слухи, что войска инсургентовъ намѣрены оставить Краковъ въ ночь съ 18 на 19 Февраля ст. ст.; поэтому я предлагалъ двинуть одинъ баталіонъ къ границѣ, чтобы потомъ немедля занять Краковъ, но мнѣ этого не разрѣшили.

19 числа, отрядъ изъ Сломниковъ, состоявшій, какъ сказано выше, изъ баталіона пѣхоты, дивизіона Музульманъ и казачьей батареи, подвинулся къ Михаловицкой таможнѣ. Было 11 часовъ дня. Мы ждали съ нетерпѣніемъ возврата полковника Повало-Швейковскаго, но онъ не прибывалъ. Уже начали думать, что онъ не вернется вовсе, попавъ въ руки повстанцевъ... Изъ предосторожности отъ внезапнаго нападенія были приняты всѣ мѣры: выдвинута впередъ артиллерія на позицію и заряжены пушки. Такъ войска стояли и ждали неизвѣстно чего. Полковникъ князь Бебутовъ, начальникъ нетерпѣливыхъ горцевъ, не выдержалъ и сталъ проситься въ городъ. Послѣ долгихъ соображеній и совѣтовъ наконецъ ему дозволили это, и онъ нетолько безпрепятственно въѣхалъ въ городъ, но и разъѣзжалъ тамъ довольно долго по разнымъ улицамъ, послѣ чего расположилъ свой отрядъ на площади въ предмѣстьи Клепажѣ, и сталъ дожидаться прибытія пѣхоты.

Этою пѣхотою была, прежде всего, моя карабинерная рота, почти бѣгомъ пробѣжавшая пространство отъ заставы до Кракова. Мы заняли всѣ караулы, какъ-то: у главной гауптвахты, у городской тюрьмы, у казначейства, и другіе мелкіе посты, переданные инсургентами избраннымъ гражданамъ. Три егерскія роты моего-же полка расположились по приходѣ въ казармахъ, что́ близь бывшаго Королевскаго Замка, на Вавелѣ. Намъ было очень пріятно, что мы, Русскіе, первыми вошли въ городъ, упредивъ вступленіе Австрійцевъ, которые, какъ говорятъ, потому не вступили въ городъ передъ нами, что принимали разъѣзжавшихъ по Кракову Музульманъ за новый отрядъ повстанцевъ. Войдя послѣ насъ, часа черезъ два, черезъ три, они не нашли удобнаго помѣщенія, и это, по видимому, ихъ сильно раздражало. Нечего и говорить о томъ, что они не нашли также и своего имущества и

тяжестей, брошенныхъ ими въ городѣ, при отступленіи за Вислу, двѣ недѣли тому назадъ.

20 Февраля утромъ князь Бебутовъ съ Музульманами, и казаки, съ полковникомъ флигель-адъютантомъ Барятинскимъ, пустились преслѣдовать инсургентовъ, уходившихъ форсированными маршами къ Силезской границѣ, черезъ м. Кршешовице. Я, по смѣнѣ съ караула моей карабинерной роты, тоже отправился вслѣдъ за кавалеріей, имѣя весь второй баталіонъ Кременчугскаго полка и 4 орудія казачьей конной артиллеріи. Грязь была страшная. Солдаты съ трудомъ передвигали ноги, тѣмъ-болѣе, что имъ приходилось нерѣдко вытаскивать на себѣ увязнувшія пушки, хотя каждую везло 8 добрыхъ лошадей. Едва въ 9 часовъ вечера достигли мы до м. Кршешовицъ, не видавши никакихъ повстанцевъ, кромѣ нѣсколькихъ отсталыхъ. Князь Бебутовъ, какъ увѣрялъ послѣ, сталкивался съ ними не разъ, но не рѣшился, не имѣя пѣхоты, ударить.

На другой день, 21 числа, мы получили предписаніе вернуться въ Краковъ, куда прибыли, между-тѣмъ, корпусные командиры трехъ покровительствующихъ державъ: Австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Врбна, нашъ генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ и Прусскій генералъ отъ инфантеріи, графъ Бранденбургъ. Изъ нихъ и трехъ резидентовъ составилась конференція, которая положила, на первыхъ порахъ: „содержать прибывшія войска контрибуціоннымъ способомъ, располагая ихъ частію въ самомъ городѣ, частію внутри области". Такимъ образомъ Австрійцы (пѣхота, артиллерія, шеволежеры, генералъ-губернаторское управленіе и полковые штабы) помѣстились въ Краковѣ. Прусскія войска въ м. Хршановѣ (по одному батальону отъ 10 и 11-го линейныхъ полковъ, 4 эскадрона уланъ и батарея пѣшей артиллеріи); второй батальонъ Кременчугскаго полка въ мѣс. Кршешовице, 4-й въ монастырѣ Могила, въ 7-ми верстахъ отъ Кракова. Всѣ эти войска состояли подъ главной командой Австрійскаго фельдмаршалъ-лейтенанта графа Кастильони, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и генералъ-губернаторомъ г. Кракова и области.

Первые три дня прошли въ смотрахъ и разводахъ съ церемоніей. Все это у Австрійцевъ и Пруссаковъ почти по нашему. Разница коевъ какихъ мелочахъ, напр. при отдачѣ паролей и приказаній адъютантами во время развода, Прусскіе фельдфебеля записываютъ это въ книжкахъ, которыя имѣютъ при себѣ. Но такъ-какъ это поглощаетъ довольно времени, то для развлеченія войскъ играетъ музыка. У Австрійцевъ же играла музыка на главной гауптвахтѣ всякій разъ при смѣнѣ часо-

выхъ. Сдача часовыхъ на всѣхъ постахъ между Нѣмцами и Русскими происходила посредствомъ пантоминныхъ знаковъ, что́ было очень странно и вызывало улыбки наблюдателей.

По окончаніи конференціи всѣ корпусные командиры, нашъ, Прусскій и Австрійскій, выѣхали изъ Кракова, а я остался начальникомъ всего нашего отряда. Жизнь текла по прежнему: смотры, ученья. Въ большіе праздники, приходившіеся на долю той или другой націи, каждый отрядъ давалъ обѣды, завтраки, какъ только можно было пышнѣе и лучше, по средствамъ города, приглашая къ участію и другихъ, мы Нѣмцевъ, Нѣмцы—насъ. На мою долю выпало отпраздновать тезоименитство Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Огромная монастырская зала наполнилась цвѣтами. Завтракъ на 500 человѣкъ высшихъ чиновъ готовилъ лучшій ресторатеръ Кракова La Rose. Войска расположились завтракать въ монастырскомъ саду. Было множество штабъ и оберъ-офицеровъ, Прусскихъ и Австрійскихъ, также и простыхъ солдатъ. Жители города пріѣхали вмѣстѣ съ женами. Тосты провозглашались въ такомъ порядкѣ: за Русскаго Императора и Императрицу, за Австрійскаго императора Фердинанда и за Прусскаго короля Вильгельма IV. Музыка играла гимны всѣхъ трехъ націй. Пѣсельники пропѣли нѣсколько пѣсенъ, очень занимавшихъ Нѣмцевъ.

Любезность и предупредительность Австрійцевъ въ отношеніи къ намъ была чрезвычайная, хоть въ душѣ они только и думали, чтобы насъ поскорѣе выпроводить во свояси. Въ моемъ полку умеръ одинъ молодой офицеръ, подпоручикъ Чайковскій, католикъ. Графъ Кастильони тотчасъ разослалъ по войскамъ циркулярныя предписанія, приглашая всѣхъ къ церемоніи похоронъ. Духовенство костела „Дѣвы Маріи“ одѣло внутренность храма трауромъ и зажгло необыкновенное множество свѣчей. Дамы убрали гробъ цвѣтами и гирляндами. Особый хоръ артистовъ замѣнялъ клиръ и ими былъ исполненъ великолѣпный реквіемъ. Графъ Кастильони, съ высшими чинами, провожалъ гробъ до могилы пѣшкомъ. Было много почетныхъ лицъ города и дамъ высшаго общества. Сверхъ полковой музыки шла за гробомъ музыка шеволежеровъ (Гогенцоллернскаго полка). При опущеніи гроба въ могилу дамы сняли съ него цвѣты и надѣлали изъ нихъ маленькихъ букетовъ, которые раздавали толпѣ. Кому не досталось букета, тотъ получилъ кусочекъ галуна отъ гроба. Иные прицѣпляли къ груди обрывки золотой бахрамы. Такъ хоронилъ Краковъ Русскаго подпоручика—по видимому въ пику Австрійцамъ.

Около 28 Іюня пришло извѣстіе изъ Вѣны, что, по согласію трехъ покровительствующихъ державъ, вольный городъ Краковъ присоединяется къ Австрійской имперіи; Русскія-же и Прусскія войска должны очистить Краковскую область къ 1 (13) Іюля. Надо было видѣть, какъ вдругъ подняли носъ Австрійцы, и наши взаимныя отношенія мгновенно измѣнились. Графъ Кастильони дошелъ до того, что разослалъ маршруты нашимъ и Прусскимъ войскамъ, куда и какъ идти. Намъ предписывалось выступить ночью и миновать Краковъ. Это насъ взорвало, тѣмъ болѣе, что въ маршрутѣ, полученномъ тогда-же изъ корпуснаго штаба, требовалось, чтобы мы шли именно на Краковъ и, разумѣется, днемъ. Я увѣдомилъ объ этомъ графа, но получилъ отъ него новое предписаніе, уже въ видѣ совѣта, чтобы я, слѣдуя на Краковъ, расположилъ войска ночевать по деревнямъ, а не въ городѣ, такъ-какъ послѣднее будто-бы менѣе удобно солдатамъ. Въ сущности, Австрійцы боялись демонстраціи жителей въ пользу нашихъ войскъ. Нечего дѣлать, я согласился, и когда полкъ сталъ подъ Краковомъ, я, съ корпусомъ офицеровъ, пошелъ откланяться бывшему нашему начальнику. Въ краткихъ словахъ мы благодарили графа за постоянное къ намъ вниманіе. Онъ отвѣчалъ такою-же точно рѣчью, выразивъ благодарность офицерамъ и въ лицѣ ихъ войскамъ, за сохраненіе порядка и проч. и проч. Не могъ однако скрыть нѣкотораго внутренняго удовольствія, что мы завтра всетаки уходимъ. Когда офицеры вышли, я объявилъ графу, что по существующимъ узаконеніямъ и обычаю мы должны, передъ уходомъ, отслужить напутственный молебенъ, почему я прошу его сіятельство назначить для этого въ городѣ соотвѣтственный плацъ. Графъ Кастильони сталъ рѣзко возражать, что это, вслѣдствіе разныхъ причинъ, неудобно; и когда я объявилъ ему, что отступить отъ правилъ никоимъ образомъ не могу, онъ сказалъ, что никакого распоряженія относительно плаца не будетъ и что Русскія войска къ разсвѣту должны быть на границѣ.

Я поклонился и вышелъ. Дѣло этимъ, разумѣется, кончиться не могло. Явясь немедля къ нашему ризиденту, барону Унгернъ-Штернбергу, я просилъ его отправиться къ графу Кастильони и объяснить ему, что выступленіе нашихъ войскъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ желалъ, помимо уже нарушенія нашихъ военныхъ постановленій, прямо не прилично въ политическомъ смыслѣ; что такъ бѣгутъ только отъ врага, но не разстаются съ союзникомъ, съ которымъ жили до тѣхъ поръ мирно и рѣшали общіе важные вопросы.—Унгернъ-Штернбергъ отправился и все это изложилъ графу въ такомъ видѣ, что тотъ немедля

отмѣнилъ первое приказаніе, предписавъ всѣмъ своимъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ собраться къ 8 часамъ утра ($^{2}/_{14}$ Іюля) въ моей квартирѣ, для провода Русскихъ войскъ; велѣлъ усилить караулъ на главной гауптвахтѣ, давъ ему знамя, и когда мы пошли въ колоннахъ чрезъ городъ, этотъ караулъ отдалъ намъ честь, и знамя салютовало нашимъ знаменамъ. Сборное мѣсто для молебна было назначено въ предмѣстьи Клепажъ,—та площадь, на которой князь Бебутовъ дожидался прибытія пѣхоты 19 Февраля. Батальоны командуемаго мною полка были построены правымъ флангомъ къ Флоріанскимъ воротамъ, во взводныхъ колонахъ. Графъ Кастильони пріѣхалъ съ огромной свитой раньше назначеннаго времени, именно въ 5-мъ часу утра, когда войска только еще строились. Не смотря на такую рань, народу изъ Кракова и предмѣстьевъ собралось очень много. Графъ Кастильони, поздоровавшись съ солдатами, благодарилъ ихъ за службу и примѣрное поведеніе. Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи котораго батальоны перемѣнили дирекцію на лѣво, ставъ лицомъ къ Флоріанскимъ воротамъ и пошли церемоніальнымъ маршемъ, повзводно, мимо меня, къ заставѣ, имѣя впереди пѣсельниковъ. Графъ Кастильони ѣхалъ во главѣ колоннъ до первой деревни, послѣ чего, съѣхавъ съ шоссе, пропустилъ батальоны мимо себя, раскланялся со мною и уѣхалъ. А народъ провожалъ насъ гораздо дальше, иные до самой границы, крича поминутно ура.

Въ заключеніе замѣчу, что за нѣсколько дней до нашего ухода изъ Кракова, явилась ко мнѣ депутація отъ города, съ предложеніемъ дать намъ прощальный завтракъ; но я, вслѣдствіе произшедшей у насъ размолвки съ Австрійцами, долженъ былъ отклонить отъ себя эту честь и только просилъ передать городу нашу глубокую благодарность.

Графъ Кастильони жаловался на меня фельдмаршалу за грубости, якобы мною ему оказанныя, и мнѣ велѣли подать объяснительную записку г-ну и. д. начальника штаба 3 пѣхотнаго корпуса, полковнику Веселитскому, что́ я и исполнилъ 2 Августа, изложивъ подробно нашъ выходъ и предшествовавшія ему объясненія мои съ Австрійскимъ главнокомандующимъ.

XI (къ стр. 366).

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

По Высочайшему Его Императорско-Царскаго Величества повелѣнію Царство Польское объявляется на военномъ положеніи.

На основаніи сего положенія всѣ жители Царства, за преступленія ниже сего поименованныя, подлежатъ военному слѣдствію и суду, по силѣ 739 и 753 статей книги 2-й военно-уголовнаго устава.

Городскія и земскія полиціи подчиняются вполнѣ военнымъ начальникамъ, и чины сихъ полицій, за неисполненіе своихъ обязанностей, подлежатъ отвѣтственности наравнѣ съ воинскими чинами.

Всѣ безъ изъятія лица, обвиняемыя въ измѣнѣ, бунтѣ, возмущеніи, въ явномъ неповиновеніи воинскимъ и полицейскимъ начальствамъ, въ сокрытіи оружія, произнесеніи публично возмутительныхъ рѣчей, составленіи и распространеніи возмутительныхъ воззваній и другаго рода сочиненій, склоненіи другихъ къ прописаннымъ преступленіямъ, хотябы отъ этого и не произошло возмущенія, равно въ насиліи какого-бы то ни было рода, убійствѣ, разбоѣ, грабежѣ, или зажигательствѣ, подлежатъ военному слѣдствію и суду, который приговариваетъ виновныхъ къ наказанію на основаніи полевыхъ военно-уголовныхъ законовъ.

Примѣчаніе. Ежели военное начальство признаетъ, что неповиновеніе, насиліе, убійство, разбой, грабежъ или зажигательство, по свойству сопровождавшихъ сіи дѣянія обстоятельствъ, не составляютъ преступленій, имѣющихъ характеръ политическій, дѣла объ оныхъ оставляются въ вѣдомствѣ обыкновенныхъ судовъ.

Съ объявленіемъ военнаго положенія воспрещается:

а) Всякаго рода на улицахъ и площадяхъ сборища и сходки, даже изъ небольшаго числа людей. Въ случаѣ неповиновенія полиціи, толпа немедленно разсѣявается силою оружія, и виновные арестуются.

б) Всякаго рода политическія манифестаціи и демонстраціи, равно крестные ходы и процессіи, не получившіе особаго письменнаго отъ мѣстной военной власти разрѣшенія, церковныя служенія, совершаемыя по поводу смерти политическихъ преступниковъ, или убитыхъ и раненныхъ во время возмущенія, или же въ воспоминаніе какого-либо историческаго событія. Когда употребляются при томъ какія-либо возмутительныя эмблемы, то отвѣтственность усиливается.

в) Пѣніе, какъ въ церквахъ, такъ и внѣ оныхъ, возмутительныхъ пѣсенъ, гимновъ или другихъ молитвъ, неутвержденныхъ церковью.

Разыгрываніе лотерей и сборъ, какъ въ церквахъ такъ и внѣ оныхъ, денегъ и вещей, если на то не получено отъ мѣстной военной власти разрѣшенія; выставленіе или продажа объявленій, воззваній, плакардовъ, брошюръ, или газетъ, неразрѣшенныхъ надлежащею властію.

Всѣ вышеозначенныя подъ литерами *а*, *б* и *в* преступленія и проступки подлежатъ военному слѣдствію и разбирательству военнаго суда, который опредѣлитъ мѣру наказанія, примѣняясь къ 599 статьѣ, книги 1-й военно-уголовнаго устава.

Послѣдствія Военнаго Положенія:

1) Въ случаѣ сопротивленія, воинская сила и полиція, вынужденная употребить оружіе, не подвергаются отвѣтственности за послѣдствія.

и 2) Военнымъ начальникамъ предоставляется принимать всѣ тѣ полицейскія мѣры, какія они признаютъ нужными для водворенія и сохраненія спокойствія.

Военный начальникъ обязанъ содержать жителей въ совершенномъ повиновеніи, препятствовать вреднымъ подстрекательствамъ или изъявленію неуваженія къ правительству, властямъ и къ войску.

Онъ можетъ воспрещать всякія собранія въ публичныхъ и даже въ частныхъ домахъ, которыя будутъ имъ признаны вредными.

Лавки, кофейни, шинки и другія подобнаго рода заведенія, должны быть запираемы въ опредѣленное военнымъ начальствомъ время; въ случаѣ-же усмотрѣнной имъ необходимости, могутъ быть и совершенно закрыты.

Онъ вправѣ приказать производить обыски у мѣстныхъ жителей во всякое время. Всѣхъ праздношатающихъ или подозрительныхъ людей, обнаружившихъ безпокойный характеръ, или-же прежде замѣченныхъ въ безпорядкахъ, можетъ подвергать аресту до рѣшенія ихъ участи Намѣстникомъ.

Иностранцевъ, не имѣющихъ узаконенныхъ видовъ, а равно праздношатающихъ или замѣченныхъ въ предосудительномъ поведеніи, высылать за границу.

По невозможности исчислить всѣ послѣдствія, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители предваряются, что всякій безпорядокъ долженъ неминуемо вызвать чрезвычайныя и энергическія мѣры.

Варшава, $^{2}/_{14}$ Октября 1861 года.

Командующій 1-ю арміею и исправляющій должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-адьютантъ графъ Ламбертъ 1-й.

ГИМНЫ.

I.

Боже coś Polskę przez tak długie wieki
Otaczał blaskiem potęgi i chwały,
Coś ją osłaniał tarczą Twéj opieki
Od nieszczęść, które przywalić ją miały,
Przed Twe ołtarze zanosim błaganie:
Ojczyznę, wolność racz nam wrócić, Panie!

*

Ty, któryś potém tkniety jéj upadkiem,
Wspierał walczących za najśmielszą sprawę,
A chcąc świat cały mieć jéj męstwa świadkiem,
W samych nieszczęściach pomnażał jéj sławę,
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Boże, którego ramię sprawiedliwe
Żelazne berło władzców swiata kruszy,
Oddal tych wrogów zamiary szkodliwe,
Obudź nadzieję w Polskiéj naszéj duszy!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Wróć nowéj Polsce światność starożytną,
Użyźniaj pola, spustoszałe łany!
Niech szczęście, jedność na wieki w niej kwitnią,
Poprzestań kary, Boże sprawiedliwy!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Boże najswiętszy! prsez Twe wielkie cudy
Oddal od Polski klęski, mordy boju,
Węzłem jedności połącz Twoje ludy
Pod jedno berło Anioła pokoju!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Boże najswiętszy, od którego woli,
Stnienie świata zależy całego,

Wyzwol lud Polski z tyrańskiej niewoli,
Wśpieraj zamiary ludu wytrwałego!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Jedno Twe słowo, wielkich gromów Panie,
Z prochów nas nędznych wskrzesić będzie zdolne,
A gdy zasłużym na Twe ukaranie,
Obróć nas w prochy, ale w prochy wolne!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

O Matko Boska, coś na Ostréj-Bramie,
Cudami swemi Litwinów krzepiła,
Prsyjm modły nasze, jako łaski znamię,
Uproś za nami by Polska ożyła!
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

Ty, Stanisławie, nasz Polski patronie,
Zanoś modlitwę do Boga za nami,
By jak Piotrowina wskzesiłeś po zgonie,
Tak naszą Polską za swémi modłami!..
Przed Twe ołtarze i t. d.

*

II.

Jeszcze Polska nie zginęła, kiedy my żyjemy,
Co nam obca moc wydarła, mocą odbierzemy,
Co wszczęła rospacz, to dokona męstwo,
Marsz, marsz, Dąbrowski, Bóg nam da zwycięstwo!

*

Matka z grobu powstająca woła do swych dzieci:
Kto jest mój syn, prawy Polak, niech do boju leci!
O matko nasza, o ojczyzno swięta!
My twoje dzieci, my skruszym twe pęta!

*

Za wolności kraj rodzinny spieszmy do oręża,
Wszakże, bracia, nigdy liczba, lecz męstwo zwycięża!
Honor i chwała są przy naszéj stronie,
Słodko jest ginąć w ojczyzny obronie!

*

Ziemio naszych prapradziadów, ziemio krwią ich slana,
Jużeś nasza, już obcego mieć nie będziesz pana,
Do broni, bracia! Do broni, do broni!
Pod swiętym znakiem Orła i Pogoni!

*

Przy Dąbrowskim niebespieczeństw żadnych się nie stvaszym,
Ufność w wodzu, jedność, zgoda będzie hasłem naszém,
Co wszczęła rospacz, to dokona męstwo,
Marsz, marsz, Dąbrowski, Bóg nam da zwycięstwo!

Московская городская
библіотека
имени А. С. Пушкина.

КЛЮЧЪ ПЕРЕПИСКИ МЕЖДУ ЗАГОВОРЩИКАМИ 1839 ГОДА, ОБЩЕСТВА ЧЕЛОВѢЧНОСТИ.

	1.	2.	3.	4.	5.
1.	a.	b.	c.	d.	e.
2.	f.	g.	h.	i.	k.
3.	l.	ł.	m.	n.	o.
4.	p.	r.	s.	t.	u.
5.	w.	x.	y.	z.	ż.

a.	b.	c.	d.	e.
11.	12.	13.	14.	15.
f.	g.	h.	i.	k.
21.	22.	23.	24.	25.
l.	ł.	m.	n.	o.
31.	32.	33.	34.	35.
p.	r.	s.	t.	u.
41.	42.	43.	44.	45.
w.	x.	y.	z.	ż.
51.	52.	53.	54.	55.

Напр. Wolność, Równość, Niepodległość — должно быть написано этимъ ключомъ такъ:

51. 35. 31. 34. 35. 43. 13. — 42. 35. 51. 34. 35. 43. 13. — 34. 24. 15. 41. 35. 14. 31. 15.—22. 32. 35. 43. 13.—

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды. Стр. 5—51.

Общія замѣчанія 6.—О Польскихъ возстаніяхъ 7.—Слабость тайной полиціи и образцы оной 8—9. — Заливскій 10.—Поляки за границею 11.—Комитетъ Польскій 12.—Комитетъ Лелевеля 13.—Воззванія 14.—Характеръ Заливскаго 15.—Демократическое Общество 16.—Секціи его 17.—Воззванія 18.—Изгнаніе изъ Парижа 19.—Снова Заливскій 20.—Заклады Эмиграціи 21. — Инструкція для партизановъ 22—23. Присяга партизановъ 24.—Эмиссары Заливскаго 25.—Округи 26.—Знаки партизановъ 27. — Путь партизановъ 28.—Паскевичъ 29.—Образъ дѣйствій Паскевича 30.—Разочарованіе Заливскаго 31.—Вторженіе въ Царство Эмиссаровъ Заливскаго 32—33.—Невзгоды эмиссаровъ 34.—Гибель ихъ 35.—Кáры 36.—Казнь Завиши 37. — Воззваніе къ Галиціанамъ 38. — Комитетъ Польскихъ Карбонаровъ 39.—Симонъ Конарскій 40.—Очеркъ его жизни 41.—Газета Конарскаго 42.—Централизація 43.—Народный катихизисъ 44.—Начала централизаціи 45.—Манифестъ Демократическаго Общества 46. — Дѣйствія Конарскаго 47. — Конарскаго ищутъ 48.—Слѣдствіе 49.—Казнь Конарскаго 50—51.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года. Стр. 52—114.

Работы Централизаціи 53.—Малиновскій 54.—Его отставка 55. — Мирославскій въ Централизаціи 56.—Его прибытіе въ Познань 57.—Домбровскій 58.—Свѣдѣнія о немъ 59.—Свиданіе его съ Мирославскимъ 61. — Альціата въ Познани 62.—Ми-

рославскій снова въ Познани 63.—Пылкость Мирославскаго 64.—Члены будущаго правительства 65.—Мирославскій и Домбровскій 67. — Домбровскій-военачальникъ 68.—Планъ военныхъ дѣйствій 69.—Инструкціи военачальникамъ 71.—Положеніе Домбровскаго 75. — Домбровскій въ Варшавѣ 76. — Сборище у Добрича 77.—Коссовская 78.—Путь къ Ивангороду 79. — Совѣщаніе въ Куфлёвѣ 80.—Панталеонъ Потоцкій 81.—Заговорщики въ Куфлёвѣ 82.—Появленіе Потоцкаго 83.—Извѣщеніе жены Домбровскаго 84.—Она выручаетъ мужа 85.—Потоцкій и его крестьяне 86.—Ихъ поѣздка къ Сѣдльцамъ 87.—Потоцкій въ Сѣдльцахъ 88.—Арестъ заговорщиковъ 89.—Наказаніе заговорщиковъ 90.—Мѣры Паскевича 91. — Людвигъ Мазараки 92.—Сборище у Альціаты въ Краковѣ 93.—Нападеніе на Краковъ 95.—Выступленіе Австрійцевъ изъ Кракова 96. — Комитетъ безопасности въ Краковѣ 97. — Тиссовскій и Водзицкій 98. — Ржуковскій 99. — Смута въ Краковѣ 100. — Манифестъ Тиссовскаго 101.—Сѣрый домъ 103. Движеніе въ народѣ 104.—Избіеніе пановъ въ Галиціи 105.—Письмо Польскаго дворянина 106. — Лисовскій 107. Скаржинскій 108.—Приказъ Тиссовскаго 109.—Распоряженія Тиссовскаго 110. — Диктаторство Тиссовскаго 111. — Бѣлые города Кракова 112. — Городской Совѣтъ 113.—Духовная процессія 114.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженія фельдмаршала Паскевича. — Занятіе Кракова Русскими войсками. — Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ. — Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.—Стр. 115—131.

Мѣры Паскевича 116.—Прокламація Кракову 117.—Переговоры съ Австрійцами 118.—Русскія войска въ Краковѣ 119.—Конецъ Краковской смутѣ 120.—Заговоры въ Пруссіи 121.—Планъ Познанскихъ заговорщиковъ 124.—Неудача ихъ 125.—Варшавскіе гимназисты 126.—Галиційскіе крестьяне 127.—Отзывъ Мирославскаго 128.—Движеніе въ Познани въ 1848 году 129.—Заговоръ въ Литвѣ 130.—Крымская война 131.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова. — Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи. Стр. 132—211.

Поляки послѣ Паскевича 133. — Довѣрчивость Русскихъ 134. Развитіе Польши при Паскевичѣ 135. — Варшава при Паскевичѣ 136.—Аристократы 137.—Андрей Замойскій 138.—Ѳома Потоцкій 139.—Генрихъ Ржевускій 141.—Варшавскій дневникъ 142.—Общее спокойствіе 143.—Князь Горчаковъ и аристократы 144.—Прибытіе Государя Императора въ Варшаву 145.—Рѣчь Государя Императора 146.—Балъ 26 Мая 1856 года 147.—Рѣчь Государя Императора 27 Мая 1856 года 148.—Амнистія 149.—Кружки 150.—Офицеры—Поляки въ Петербургѣ 151. — Движеніе

успѣвается 152.—Воскресная Библіотека 153.—Банкиръ Кронебергъ 154.—Еврейская издательская интрига 155.—Уступчивость князя Горчакова 156.—Варшавская полиція 157.—Ясневскій и Куржина 158.—Янковисты и Академики 159.—Юргенсъ 160.—Намѣренія Юргенса 161.—Янковскій и Юргенсъ 162.—Новый комитетъ заговорщиковъ 163. Аснык 164.—Польскія газеты 165.—Вдова генерала Савинскаго 166.—Плакатъ передъ пріѣздомъ государей 167. — Уличные мальчики 168. — Первыя манифестаціи 169.—Комитетъ Янковскаго 170. — Союзъ его съ Земл. Обществомъ 171.—У костела Кармелитовъ 172. — Карлъ Новаковскій 173.—Первые гимны 174.—Переговоры партій 175. — Разномыслiе 176. Бюргерія 177.—Приготовленія 178.—Арестъ Маевскаго и Денеля 179.—Наканунѣ взрыва 180.—Старое мѣсто 181.—Плакаты 182.—Полиція 183.—Треповъ 184.—Повтореніе манифестаціи 185.—У костела Кормелитовъ 186.—Процессія 187.—Есаулъ Заваровъ 188.—Аттаки казаковъ 189.—Сломанный крестъ 190. — Гартонгъ 191.—Земледѣльческое Общество 192.—Наржимскій 193.—Положеніе графа Замойскаго 194.—Заболоцкій 195.—Столкновеніе его 197.—Выстрѣлы 198.—Генералъ Семека 199. — Parfaitement fait 200. — Трупы 201. — 64-й номеръ Европ. гостинницы 202. — Волненіе умовъ 203.—Купеческая Ресурса 204.—Делегація къ Намѣстнику 205.—Смущеніе въ Замкѣ 206.—Душевное состояніе Намѣстника 207. — Объясненіе съ делегаціей 208.—Сапожникъ Гишпанскій 209.—Уступки Намѣстника 210.—Паулуччи 211.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ. — Торжественныя похороны пяти жертвъ. — Занятія Делегатовъ.—Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Велепольскій. — Упраздненіе Делегаціи. Стр. 212—267.

Совѣщаніе Землед. Общества 213. — Наслѣдственныя аренды 214. — Союзъ бѣлыхъ съ Ресурсою 215.—Совѣщанія объ адресѣ 216.—Адресъ 217. — Подписи адреса 218.—Осмотръ труповъ 219.—Протоколъ о трупахъ 220.—Трупы въ костелѣ 221. — Польскія женщины 222. — Похороны 2 Марта 1861 г. 225. — Трауръ 227.—Свидѣтельство Авейде 228.—Воззваніе делегатовъ 223.—Плакатъ Земл. Общества 230. — Польскіе Евреи 231.—Выкресты 232.—Циркуляръ Евреевъ 233.—Уступчивость правительства 234.—Цыфры 235.—Авейде о Делегаціи 236.—Панихиды 237. — Комиссія о выстрѣлахъ 238.—Слѣдствіе 239. — Думы Замка 240.—Маркизъ Велепольскій 241.—Происхожденіе Велепольскаго 242. — Предки 243. — Воспитаніе Велепольскаго 244. — Его процессы 245. Непривлекательность Велепольскаго 246. — Его уединеніе 247.—Велепольскій у Свидзинскій 248.—Тайные планы ихъ 249.—Велепольскій въ Русской службѣ 250. — Славянская федерація 251.—Завѣщаніе Свидзинскаго 252.—Музей Свидзинскаго 253.—Физіономія Велепольскаго 254.—Его значеніе для Россіи 255.—Велепольскій и Горчаковъ 256.—Равнодушіе Русскихъ 257.—Впечатлѣніе пріѣзжаго 258.—Отвѣтъ на Адресъ 259—260. — Положеніе Делегаціи 261.—Билеты Ресурсу 262. — Приказъ Намѣстника

263.—Делегаты и Намѣстникъ 264.—Статья Варшавскаго Курьера 265.—Военные отдѣлы Варшавы 266.—Упраздненіе Делегаціи 267.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго. — Закрытіе Земледѣльческаго Общества.—Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго.—Сборища народу у Замка. — Стрѣльба. — Начатки бѣлой организаціи.— Смерть князя Горчакова. Стр. 268—312.

Положеніе Велепольскаго 269. — Вступительная рѣчь Велепольскаго 270.—Его рѣчь къ духовенству 271.—Рѣчь Велепольскаго къ духовенству 272.—Рѣчь Велепольскаго къ Евреямъ 273.—Безъимянное письмо къ нему 275.—Безъимянное письмо къ Велепольскому 276. — Декертъ 277. — Трудность положенія Велепольскаго 278.—Закрытіе Земледѣльческаго Общества 279. Впечатлѣніе онаго 281.—Помники по Земледѣльческомъ Обществѣ 282.—Панютинъ 283.—Панютинъ и толпа 284.—Хрулевъ 285.—Князь Горчаковъ въ толпѣ 286.—Сдержанность Русскихъ солдатъ 287.—Толпа разошлась 288.—Правила о сходбищахъ 289.—Ойжинскій 291.—Объятія съ Евреями 292.—Толпа на Замковой площади 293.—Упрямство толпы 294.—Хрулевъ 295.—Новаковскій съ крестомъ 296.—Стрѣльба по улицамъ 297.—Хрулевъ и князь Горчаковъ 298.—Стрѣльба изъ Цитадели 299.—Биваки въ городѣ 300.—Усмиреніе Варшавы 301. — Воловскій 302.—Велепольскій въ Коммиссію Юстиціи 303. — Ожиданіе Реформъ 304. — Велепольскій и Замойскій 305.—Казиміровскій дворецъ 306.— Уничтоженіе барщины 307.—Новый чиншъ 308.—Фонари — монстры 309. — Два письма въ Петербургъ 310.—Воззваніе Мерхелевича 311. — Похороны князя Горчакова 312.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

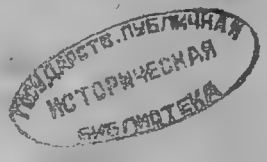
Назначеніе Намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестацій.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы.—Борьба противъ нихъ красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.— Объявленіе военнаго положенія. — Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства.—Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга. — Отъѣздъ за границу графа Ламберта. — Стр. 313—382.

Графъ Ламбертъ 313. — Его прошлое 315.—Назначеніе его въ Варшаву 316.—Правленіе Сухозанета 317.—Смерть Лелевеля 318.—Панихиды по немъ 319.—Па-

нихиды въ синагогахъ 320.—Кошачьи концерты 321.—Игра въ короли 322.—Патрули и разъѣзды 323.—Приказъ войскамъ 21 Іюня 324. — Смерть князя Черторыскаго 325.— Панихиды по Чарторыскому 326. — Адресъ Англійскому консулу 327.—Газета Стражница 328.—Годовщина Польско-Литовской Уніи 329.—Плакатъ о днѣ 12 Августа 330.—Манифестація близь Ковны 331.—Возмутительное воззваніе 332.—Облеченіе графа Ламберта властію 333. — Герштенцвейгъ 334. — Ламбертъ и Герштенцвейгъ 335.—Взглядъ Ламберта на дѣла 336.—Взглядъ Герштенцвейга 337.—Сближеніе Ламберта съ бюргерами 338.—Между двухъ огней 339.—Съѣздъ въ Гамбургѣ 340.—Аполлонъ Корженевскій 341. — Молебствіе за отчизну 342.—Съѣздъ помѣщиковъ 343.—Толки о выборахъ 344.—Городскіе выборы 345.—Усилія красныхъ 346.—Войчицкій 347.—Опять молебствія 348. — Новое воззваніе 349.—Городло 351.—Предписаніе Хрущову 352. — Воинскія распоряженія 353. — Колебаніе Намѣстника 354.—Совѣщаніе въ Степанковицахъ 355. — Молебствіе въ полѣ 356.—Протестъ 357.—Другой протестъ 358. — Смерть Фіалковскаго 359.—Характеръ Фіалковскаго 360.—Съѣздъ къ похоронамъ его 361.—Церемоніалъ похоронъ 362.—Процессія похоронъ 363. — На похороны изъ Замка 364.—Угощеніе крестьянъ помѣщиками 365.—Военное положеніе 366. — Мѣры онаго 367. — Попытки новой манифестаціи 368.—Народъ въ костелахъ 369.—Предложеніе Хрулева 370. — Военныя команды въ костелахъ 371. — Аресты въ костелѣ 372. — Совѣщаніе въ Консисторіи 373.—Воззваніе Консисторіи 374.—Закрытіе костеловъ 375. —Левшинъ въ Цитадели 376.—Объясненіе Герштенцвейга съ Ламбертомъ 377. — Самоубійство Герштенцвейга 378. — Дѣло о храмахъ 379.—Отвѣтъ Бѣлобржескаго Велепольскому о закрытіи храмовъ 380.—Отъѣздъ Ламберта 382.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Воззваніе Польскаго комитета въ Парижѣ къ Польскимъ воинамъ . . . 1
II. Тоже къ Русскому народу 5
III. Похожденія Завиши 11
IV. Возваніе Заливскаго къ Галиціанамъ 16
V. Присяга въ союзѣ Польскаго народа 21
VI. Письмо Конарскаго къ матери 23
VII. Посланіе Папы Григорія 26
VIII. Инструкціи Мирославскаго 40
IX. Письма Коссовской 49
X. Разсказъ о занятіи Кракова Русскими войсками въ 1846 году 50
XI. Военное положеніе 1861 года 58
XII. Ключь переписки между заговорщиками 63



ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Надо читать:*
Стр. 17 строка 16 сверху	находились	находятся
— 18 — 9 —	воротился	воротится
— 25 — 11 —	празными	разными
— 30 — 11 снизу	надо выкинуть слово *пѣшіе*	
— 31 — 11 сверху	Висловскаго	Весёловскаго
Тоже на той же страницѣ во 2-й строкѣ снизу.		
— 34 — 11 снизу	Сторчинскаго	Сперчинскаго.
— 35 — 1 —	разсмотрѣть	разсказать
— 36 — 5 —	odkyć	odkryć
— — — 11 —	приведены	привезены
— 38 — 14 —	необдуманнымъ	необузданнымъ
— 39 — 10 —	Барковскаго	Борковскаго
— 41 — 13 сверху	судьба его	судьба ея
— 42 — 1 —	постанцевъ—	повстанцевъ
— 44 — 11 снизу	Нопомукъ	Непомукъ
— 47 — 2 —	вѣрные	важные
— 48 — 14 снизу	повернулся	повернулъ
— 49 — 7 —	Szimon	Szymon.
— 55 — 4 сверху	«но что они всѣ находятся»	(этихъ словъ вовсе не нужно).
— 59 — 23 сверху	въ Дрезденъ	въ Дрезденѣ.
— 75 — 18 —	Дзонковскій	Дзвонковскій.
— — — 8 снизу	подписалъ на пакетахъ	сдѣлалъ на пакетахъ
— 77 — 10 —	видѣлъ шесть, лѣтъ	видѣлъ шесть лѣтъ.
— 81 — 6 сверху	Цысь	Цыся
— — — 10 снизу	назначенія дѣйствій	начатія дѣйствій
— 83 — 7 сверху	попратиковаться	попрактиковаться
— 84—85. (три раза)	Бембковскій	Бембновскій
— 86 — 1 снизу	о они	но они
— 89 (послѣднія слова текста)	«куда, какъ мы видѣли, уѣхалъ»	(вовсе не нужно этихъ словъ).
— 93 — 8 сверху	Горшовскій	Горшковскій
— 95 — 13 снизу	отдѣленнѣйшій	отдаленнѣйшій
— 126 — 14 сверху	Санецкомъ	Сандецкомъ.

			Напечатано:	*Надо читать:*
Стр. 140	строка 7	—	Лушевскій	Лущевскій
— 157	— 3	снизу	ревизовыхъ	ревировыхъ
и 183	— 5	—		
— 172	— 3	—	стойковый. Разумѣется.	Стойковый, разумѣется.
— 177	— 4	—	недоставшій	недостававшій
— 180	— 3	—	разбирали	разобрали
— 181	— 8	сверху	на фронтахъ	на фронтонахъ
— 191	— 1	снизу	167 годъ	1867 годъ
— 202	— 3	—	Конта	Конти
— 204	— 3	—	Денелю; въ самое послѣднее время присоединились	Денелю въ самое послѣднее время присоединились.
— 211	— 1	—	naczelnik	naczelnie
— 212	— 3	—	бѣлымъ овладѣть	бѣлымъ надо было овладѣть.
— 227	— 7	сверху	воздоржаніе	воздержаніе
— 228	— 14	—	въ безпорядочной	къ безпорядочной
— 230	— 3	снизу	увеличившихъ	увеличившихся
— 235	— 3—4	сверху	ботаническихъ	Ботаническаго
— 237	— 6	—	ранзыхъ	разныхъ
— 241	— 1	—	аристократизмѣ	аристократѣ
— 355	— 16	—	пирафіальномъ	парафіальномъ
— 363	— 13	—	Варшавскаго	Варшавская
— 375	— 4	снизу	дородцевъ	дорадцевъ